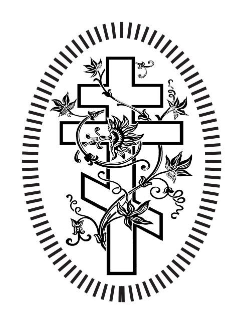
МИХАИЛ ПОГОДИН

ВЕЧНОЕ НАЧАЛО. РУССКИЙ ДУХ

Русская цивилизация

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион
Св. Нил Сорский
Св. Иосиф Волоцкий
Иван Грозный
«Домострой»
Посошков И. Т.
Ломоносов М. В.
Болотов А. Т.
Пушкин А. С.
Гоголь Н. В.
Тютчев Ф. И.
Св. Серафим Саровский
Муравьев А. Н.
Киреевский И. В.
Хомяков А. С.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Самарин Ю. Ф.
Валуев Д. А.
Черкасский В. А.
Гильфердинг А. Ф.
Кошелев А. И.
Кавелин К. Д.
Коялович М. О.
Лешков В. Н.
Погодин М. П.
Беляев И. Д.
Филиппов Т. И.
Гиляров-Платонов Н. П.
Страхов Н. Н.
Данилевский Н. Я.
Достоевский Ф. М.
Одоевский В. Ф.
Григорьев А. А.
Мещерский В. П.
Катков М. Н.
Леонтьев К. Н.
Победоносцев К. П.
Фадеев Р. А.
Киреев А. А.
Черняев М. Г.
Ламанский В. И.
Астафьев П. Е.
Св. Иоанн Кронштадтский
Архиеп. Никон (Рождественский)
Тихомиров Л. А.
Соловьев В. С.
Бердяев Н. А.
Булгаков С. Н.
Хомяков Д. А.
Шарапов С. Ф.
Щербатов А. Г.
Розанов В. В.
Флоровский Г. В.
Ильин И. А.
Нилус С. А.
Меньшиков М. О.
Митр. Антоний Храповицкий
Поселянин Е. Н.
Солоневич И. Л.
Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Башилов Б.
Концевич И. М.
Зеньковский В. В.
Митр. Иоанн (Снычев)
Белов В. И.
Лобанов М. П.
Распутин В. Г.
Шафаревич И. Р.

МИХАИЛ ПОГОДИН

ВЕЧНОЕ НАЧАЛО. РУССКИЙ ДУХ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2011

УДК 321.013
ББК 66.1(2)5
П43

Погодин М. П.

П43 Вечное начало. Русский дух / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 832 с.

В книге впервые после более чем столетнего перерыва издаются главные идеологические труды выдающегося русского мыслителя, историка, писателя Михаила Петровича Погодина (1800—1875). В основе его учения лежало утверждение самобытности русского исторического процесса. Он справедливо полагал, что в основе русской критики — «вечное начало, русский дух» и что в ней полностью отсутствует внутренняя борьба.

Источником внутренней борьбы на Западе Погодин считал завоевания, которых не видел в России, так как полагал, что Русское государство основано без насилия. Считал невозможным осмысление русского исторического процесса с выводами и обобщениями, ибо, по Погодину, русская история не может быть подведена под ту или иную теорию, в ней много «чудесного и необъяснимого». Главную задачу истории видел в том, чтобы она сделалась «…охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия…».

Погодин стоял на твердых идеологических позициях — Православие, самодержавие, народность, поддерживал славянство, национальные движения. Погодин был близок к славянофилам.

УДК 321.013
ББК 66.1(2)5

ISBN 978-5-902725-75-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдающийся русский ученый и писатель Михаил Петрович Погодин родился в Москве 11 ноября 1800 года. Он был сыном крепостного дворового человека графа И. П. Салтыкова, его «домоправителя», и внуком крепостного крестьянина графа Чернышева.

До десятилетнего возраста Погодин обучался дома, и уже в эту раннюю пору жизни в нем стала развиваться страсть к учению; знал он в то время одну лишь русскую грамоту и с жадностью прочитывал «Московские ведомости», тогдашние журналы «Вестник Европы» и «Русский вестник» и переводные романы. С 1810 по 1814 год он воспитывался у приятеля своего отца, московского типографщика А. Г. Решетникова; здесь учение пошло систематичнее и успешнее, но в эти четыре года произошло общеисторическое событие, расстроившее, наряду со всеми обитателями Москвы, все житье-бытье семьи Погодина и произведшее на мальчика глубокое впечатление. Это был злосчастный 1812 год, когда дом отца Погодина погиб в пламени московского пожара, и семья должна была искать спасенья, вместе с другими жителями пылавшей первопрестольной столицы, в одном из провинциальных городов средней России. Погодины перебрались в Суздаль. С 1814 по 1818 год будущий ученый и литератор обучался в Московской, тогда единственной, губернской гимназии, а с 1818 по 1821 год — в Московском Университете, по словесному отделению, соответствовавшему в то время теперешнему историко-филологическому факультету. В гимназии и в университете он

еще более пристрастился к чтению и стал усердно изучать русскую историю, главным образом, под влиянием появившихся в год его поступления в университет первых восьми томов «Истории государства Российского» Карамзина и девять лет до того изданного начала русского перевода Шлецеровского «Нестора». Эти два труда имели решающее значение в ученых работах и воззрениях Погодина: он стал убежденным, но не слепым, поклонником русского историографа и первым и самым ярым из природных русских историков последователем исторической критики Шлецера и его «норманнской теории» происхождения Руси. В университете на Погодина оказали сильное влияние своими чтениями профессор Мерзляков и Тимковский. Первый поселил в нем уважение к русским классическим писателям XVIII века и способствовал развитию в его речи, устной и письменной, восторженности и напыщенности; второй, знаток римской литературы, обладавший учеными приемами филологической критики, — развил в Погодине филологический экзегетизм, впоследствии приложенный им к изучению русских исторических памятников письменности.

По окончании курса в университете молодой кандидат Погодин был определен преподавателем географии в Московском благородном пансионе и занимал эту должность до 1825 года, давая вместе с тем частные уроки в семействе князя Н. П. Трубецкого и готовясь на магистра русской истории. В 1823 году он сдал этот экзамен, а в 1824 году напечатал магистерскую диссертацию «О происхождении Руси», посвятив ее Карамзину и защитив публично в Москве в январе 1825 года. После защиты он поехал в Петербург и лично «представился» Карамзину, и, по его собственному выражению, «получил как бы его благословение». Диссертация Погодина составляет свод всех мнений о происхождении Руси, начиная с Байера, и, на основании большой и малой критики Шлецера, доказывает непреложность норманнской теории происхождения Руси. Магистерство открыло перед Погодиным двери университетского преподавателя, но не сразу удалось ему получить кафедру излюбленного им предмета — отечественной истории. С 1825

по 1828 год он преподает всеобщую историю лишь на первом курсе словесного отделения, а в 1828 году получает место адъюнкта, но не на словесном, а на этико-политическом отделении для преподавания новой истории XVI—XVIII веков, истории русской. Адъюнктуру на чужом для него отделении (в настоящее время юридический факультет) Погодин занимает до 1833 года, и лишь в этом году, после увольнения от службы профессора всеобщей истории Ульрихса, ему поручается на высших курсах словесного отделения временное преподавание всеобщей истории, которое он и ведет в течение шести лет до возвращения из-за границы в 1839 году намеченного на эту кафедру министром народного просвещения, С. С. Уваровым, кандидата Т. Н. Грановского, впоследствии столь известного профессора Московского Университета, оказавшего благотворное просветительное влияние на целый ряд русских поколений. Только в 1835 году удается Погодину занять, наконец, кафедру русской истории в звании ординарного профессора, но это профессорство продолжается всего девять лет. В 1844 году он оставляет службу в Московском Университете, сохраняя лишь звание академика по Отделению русского языка и словесности (избран в 1841 году). С 1844 года до самой смерти Погодин предается кабинетным занятиям, и отчасти публицистическим, в качестве редактора основанного им в 1841 году журнала «Москвитянин» и других периодических изданий и автора отдельных политических брошюр.

Так как русская история является главнейшей отраслью ученых и литературных занятий Погодина, то начнем обзор их с этой отрасли. Прежде всего, представляем перечень важнейших монографий и изданий Погодина по русской истории.

А) Исследования

1) О происхождении Руси. М., 1824.

2) Историко-критические отрывки. В 2 т.: 1-й т. (статьи 1828—1845 гг.), М., 1846, и 2-й т. (статьи 1846—1866 гг.), М., 1867. Более замечательными из пятнадцати статей, помещенных в т. 1., являются: Взгляд на русскую историю и Очерк русской истории. — Параллель русской истории с историей

западноевропейских государств, относительно начала. — За русскую старину. — О Москве и приращения Москвы. — О местничестве. — О характере Иоанна Грозного. — Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия. — Петр Великий. Из статей т. 2 назовем: Древнейшая русская аристократия.— Был ли Борис Годунов основателем крепостного права? — Две статьи о царевиче Алексее Петровиче.

3) Исследования, замечания и лекции. М., 1846—1854. 7 т. (с 862 г., начала Руси, до монгольского завоевания включительно, т. е. до 1240 г.).

4) Андрей Боголюбский. Отд. изд. 1850.

5) Биография Н. М. Карамзина. В 2 ч., по поводу столетия со дня рождения Карамзина. М., 1866.

6) Древняя русская история до монгольского ига, с атласом, 2 т. in 4° (переработка, в популярном изложении труда за № 3). М., 1872.

7) Семь первых лет из жизни Петра Великого (по поводу двухсотлетия со дня рождения Петра Великого). М., 1872.

8) Борьба с новыми историческими ересями. (Сборник полемических статей против исторических воззрений Р. И. Иловайского на происхождение Руси и Н. И. Костомарова на некоторые русские исторические личности, главным образом из эпохи смутного времени.) М., 1874.

Б) Учебники и руководства

9) Начертание русской истории для училищ. М., 1835.

10) То же для гимназий. 1-е изд. М., 1837, 2-е изд. Ibid. 1838. (Были учебниками до появления новых, составленных Устряловым.)

В) Исторические источники. Многие источники по русской истории были впервые найдены Погодиным и частью изданы им самим, частью представлены в разные ученые учреждения. Сюда относятся:

11) Древние русские поучения, из которых главнейшие суть: первое слово Иллариона, митрополита Киевского, и слово на день св. Бориса и Глеба. (Помещены в изданиях Академии наук.)

12) Разные исторические материалы, помещенные Погодиным в его журнале «Москвитянин».

13) Малороссийская летопись, сост. Величком и изданная Киевской археографической комиссией.

14) Сочинения Ив. Посошкова. Изданы самим Погодиным. 2 ч. М., 1842 и 1863.

15) IV часть «Истории России» В. Н. Татищева.

16) Записки воспитателя императора Петра III, Штелина (15 и 16 изданы Московским обществом истории и древностей Российских в 1848 и 1866 гг.). Кроме того, Погодин издал или сам, или при пособии Московского общества истории и древностей Российских источники по русской истории и не им открытые, но до него находившиеся или в рукописях, или в плохих изданиях. Сюда относятся:

17) Книга Кириллова «Цветущее состояние Российского государства» (при Петре Великом), изданная в 1831 году.

18) Псковская летопись, изданная в 1837 году.

19) и 20) два издания, весьма важные для славяно-русской палеографии: Русский исторический альбом, или почерки знаменитых россиян (числом до 300) (1837), и Образцы славянского древлеписания (1840).

21) Посольская метрика В. Кн. Литовского. Ч. I (царствование Сигизмунда II — Августа), 1843.

Г) Переводы, с предисловием и критическими примечаниями

22) Исследования Густава Эверса. 1826; и 23) Неймана, о жилищах древних руссов. 1826. (Эверс издан на средства Московского общества истории и древностей Российских, Нейман — на средства покойного гр. Н. П. Румянцева).

Приведенным списком далеко не исчерпываются печатные труды Погодина в области русской истории. Множество статей, заметок, критических разборов и рецензий по русской истории и вспомогательным знаниям при ее изучении, в особенности по так называемым русским древностям, напечатано им более чем за полстолетие, с 1821 по 1875 годы, почти во всех русских периодических изданиях, выходивших за это

продолжительное время. Кроме того, на пользу русской истории Погодин трудился еще в следующих направлениях: 1) редактировал периодические издания, о чем речь подробнее будет ниже; 2) принимал участие в трудах ученых обществ (кроме Академии наук, был членом и редактором изданий Московского общества истории и древностей Российских, с 1822 года и преимущественно в 1830-х годах, и членом следующих ученых исторических и археологических обществ: Копенгагенского северных антиквариев, Одесского истории и древностей Южной России, С.-Петербургского и Московского археологических, Императорского Русского Географического и двух первых русских археологических съездов, организованных гр. А. С. Уваровым, — Московского, 1869, и Петербургского, 1871); 3) в издании чужих оригинальных трудов по русской истории и истории русской словесности; таковы, например, издания, вышедшие под его редакцией или на его иждивении: «Опыт повествования о России» Я. С. Арцыбашева, в 3 т. (М., 1838—1843), издано на средства Московского общества истории и древностей Российских; «Славянские древности» Шафарика, в переводе О. М. Бодянского, в 3 ч. (М., 1837); «Словарь русских светских писателей» митрополита Евгения Болховитинова, в 2 ч. (М., 1845), и др.; 4) в ученых путешествиях по России и за границей, где Погодин всюду останавливал свое внимание на памятниках старины и исторических остатках по отношению к России, и, наконец, 5) в знаменитом «Погодинском древлехранилище».

На путешествиях Погодина и на только что упомянутом, собранном с редким по энергии и знанию дела его частном музее следует остановиться подробнее.

Его поездки по России начались со времени окончания им курса в университете и закончились незадолго до кончины. Почти вся Европейская Россия, все замечательные в историческом отношении ее города и местности были посещены Погодиным, и многие не один раз. Только на крайнем севере, в Беломорье, если не ошибаемся, не привелось ему побывать ни разу. Путешествия по Западной Европе начались у Пого-

дина гораздо позднее: охранительная политика русского правительства конца царствования Александра I и Николая I не желала отпускать ученую молодежь на Запад. Несмотря на неоднократные представления Погодина Московским университетским начальством к заграничной командировке, она ему не разрешалась. Впервые Погодину удалось попасть за границу в 1835 году, когда уже он был ординарным профессором, и то с лечебной целью, «на воды». В эту поездку Погодин посетил Германию, Швейцарию и Чехию и слушал лекции некоторых выдающихся профессоров истории, географии, философии и правоведения в Берлине и Лейпциге (Риттера, Бека, Ранке, Савиньи, Ваксмута и др.). Вторично Погодин был за границей в 1838 году, посетив земли австрийских славян, Италию, Францию, Англию, Голландию и Бельгию. В эту поездку он лично познакомился со знаменитыми в то время французскими учеными и литераторами (в том числе с Фориелем, Вильменем, Гизо). Затем Погодин был за границей в 1842, 1846 и 1847 годах и несколько раз в царствование Александра I. В 1842 году он особенно сблизился с Шафариком, знаменитым славянским ученым.

В своих многократных поездках по России Погодин знакомился с местными любителями отечественной старины и приобретал, большей частью покупкой, памятники этой старины: рукописи, старопечатные книги, старинные вещи, портреты и т. д. Таким путем с тридцатых годов XIX века у него мало-помалу стали накапливаться весьма интересные письменные и вещественные памятники прошлого родной земли, а со второй половины сороковых годов Погодин мог уже прямо считать свое, все разраставшееся собрание коллекцией по отечествоведению. Это было в полном смысле слова русское, национальное древлехранилище, которое сам Погодин называл музеем и в 1849 году поместил в «Московских ведомостях» краткое его обозрение. Из обозрения видно, что древлехранилище Погодина помещалось в то время в пятидесяти с лишком шкафах и нескольких картонах, распадаясь на семнадцать следующих отделений: 1) собрание рукописей, в ко-

торое вошли не только принадлежащие самому Погодину, но купленные им целые рукописные библиотеки знатоков и любителей старинной русской письменности: Лаптева, Строева, Калайдовича, Филатова и др.; 2) старопечатные книги, числом до 400; 3) книги, печатанные при Петре Великом; 4) древние грамоты и старинные судебные акты; 5) автографы; 6) монеты (до 2000); 7) иконы; 8) оклады; 9) кресты (до 500); 10) древние печати (до 30); 11) серьги, кольца, пуговицы, посуда; 12) оружие; 13) вещи из чудских копей; 14) письма и бумаги государей, начиная с Петра Великого, полководцев и писателей; 15) лубочные картины; 16) первые опыты гравирования; 17) портреты русских людей. Еще в конце сороковых годов эти обширные исторические коллекции Погодина делаются известными не только в Москве и России, но и за границей, а в пятидесятых годах большая их часть, а именно рукописи и книги, приобретаются покупкой в Императорскую Публичную Библиотеку в С.-Петербурге. Уже представленное перечисление сочинений Погодина по русской истории и других его занятий в этой области ясно указывают каждому, даже не специалисту, на его заслуги в изучении русской истории. Но значение Погодина, как русского историка, выразится полнее, когда мы познакомим читателя с его общими историческими воззрениями, взглядами на весь ход русской истории, с приемами его ученой работы и с характерным разрешением им некоторых частных русских исторических вопросов.

Схема изучения русской истории представлялась Погодину в следующих общих чертах: история русского народа, составляющая совершенную противоположность истории народов Западной Европы по различию общественных и культурных основ нашей и западноевропейской, должна изучаться совместно с историей единоплеменных нам народов славянских. История России столь же многообразна по своему содержанию, как многообразен по своим духовным свойствам русский народ, основами самобытной жизни которого являются Православие, самодержавная власть его государей и особенности его народности, а потому ход истории

России не может быть подведен ни под какую теорию, по своей оригинальности, потому что в этом ходе много сверхъестественного, чудесного. Русскую историю нельзя понять с точки зрения общеисторических и философских построений, но необходимо, прежде всего, вполне научно, на основании выработанных западноевропейской исторической критикой начал, изучать источники русской истории, извлекать из них наибольшее количество достоверных, критически очищенных фактов, а затем уже изучать эти факты, исследовать все частные явления в исторической жизни России, потому что только из правильного представления частностей можно получить точное понятие о целом.

Основные итоги Погодина как историка таковы:

1) Погодин собрал громадную массу исторического материала, исторических источников, главным образом, письменных, из которых некоторые до него вовсе не были известны, и лишь отчасти приготовил этот материал для последующих исторических изучений, издав многие источники, частью впервые, частью более точно, чем прежде.

2) Занимался он преимущественно древнейшими эпохами русской истории, от 862 года по Р. Х. до 1240, завоевания Руси монголами, и по истории этих эпох представил немало весьма важных частных изучений и заметок.

3) Научное значение имеют его доказательства подлинности «Повести временных лет» (называвшейся в его время летописью Нестора), договоров с греками Олега и Игоря и Русской Правды.

4) Его монографии по варяжскому вопросу представляют свод всего, что было известно до 40-х годов XIX века, и в этом отношении являются до сих пор необходимой справочной книгой при изучении вопроса о варягах и о начале Руси. Но собственные суждения Погодина по этому вопросу в настоящее время не могут уже иметь места в науке. Он слишком упорно убежден в норманнском, скандинавском происхождении первых князей и Руси, чтобы быть вполне беспристрастным, считает этот вопрос основным вопросом

всей русской истории и придает слишком большое значение норманнскому влиянию на первоначальную нашу общественность. В этом отношении он идет даже дальше Шлецера, называя все пространство времени от призвания трех братьев до смерти Ярослава, т. е. от 862 до 1054 года, варяжским, или норманнским, периодом и усматривая норманнское влияние за это время на восточных славян в следующих отношениях: 1) в правлении и управлении; 2) в законах; 3) в военном устройстве; 4) в развитии торговли и промышленности (явлениях экономических); 5) в языке; 6) в нравах, обычаях и отчасти даже в религиозных верованиях.

5) Изыскания Погодина по следующему периоду, удельному, от смерти Ярослава до нашествия монголов (1054—1240 гг.), имеют научное значение в качестве свода подлинных мест из целого ряда письменных источников, а потому значительно облегчают труд исторического исследователя этого периода. Таково значение IV, V, VI и VII томов его «Исследований, замечаний и лекций».

6) Исследования по истории Московского княжества и царского периода Московской Руси имеют в наши дни научную ценность. Таковы, например, замечания о древнейшей Московской аристократии, о возвышении Москвы, о местничестве, о степени участия Бориса Годунова в убийстве Димитрия Угличского, о начале прикрепления крестьян к земле.

7) Труды Погодина по новой русской истории выражаются обнародованием весьма важных, им открытых, источников и первоначальной, критико-библиографической обработкой прежде известных источников. В этом последнем отношении имеет большое значение его книга «Семнадцать первых лет в жизни Петра Великого» (М., 1872).

8) Как профессор, он оказал большую пользу своим слушателям, приучив их практически, самостоятельно работать над историческими первоисточниками, указывая им орудия для такой работы в целом ряде вспомогательных исторических дисциплин и вселяя в них любовь к России и ее истории.

В связи с трудами по русской истории находятся переводы Погодина по славяноведению, по истории всеобщей и по географии. В 1825 году издан его перевод известного исследования Добровского о Кирилле и Мефодии, а в 1833 году появился перевод Погодина с латинского, сделанный им вместе с С. П. Шевыревым, грамматики древнего церковнославянского языка того же Добровского, в 3-х частях. В 1829 году Погодин издал свой перевод на русский язык «Введения во всеобщую историю для детей», сочинение А. Л. Шлецера. К сожалению, этот образцовый учебник у нас почти неизвестен; при чтении он поражает необыкновенной ясностью исторической концепции своего автора, сжатостью и педагогичностью изложения. В 1835 и 1836 годах появились в печати университетские лекции Погодина по Герену о политике, связи и торговле знатнейших народов древнего мира, в 2-х частях, и вслед за тем — перевод с немецкого одного из слушателей Погодина (г. Кояндера) древней истории того же Герена. В конце 1839 года Погодин издал проредактированный им перевод с французского, исполненный также его слушателями, истории средних веков Де-Мишеля, в 2-х томах. С 1837 года под редакцией Погодина выходила «Всеобщая историческая библиотека», заключавшая в себе историю европейских государств, переведенную с немецкого, в 20 книжках. В 1840 году изданы «Три сравнительные карты гор и рек земного шара».

После русской истории самым видным поприщем в учено-литературной деятельности Погодина является поприще журналиста, на котором он сходится с представителями тогдашней русской литературы нескольких поколений. Журналистом Погодин делается 25-ти лет от роду. В январе 1825 года он защищает магистерскую диссертацию и в этом же году у него возникает мысль издать альманах, модную в то время форму сборника литературных произведений. Мысль эта осуществляется в следующем, 1826 году: Погодин издает альманах «Уранию», вследствие чего сближается с корифеями тогдашней русской литературы и во главе их с Пушкиным.

Это сближение дает ему мысль основать журнал при благословении, как он выражается, Пушкина; журнал возникает в 1827 году под названием «Московский вестник» и выходит в Москве, по две книжки в месяц, до 1830 года включительно. Затем наступает десятилетний перерыв в журнальной деятельности Погодина; он занят в это время университетскими лекциями, учеными трудами, писанием и изданием своих литературных произведений, путешествиями и собиранием исторических коллекций. В 1841 году является новый журнал под редакцией Погодина — «Москвитянин», выходивший в Москве книжками, то два раза в месяц, то один раз, до 1855 года включительно (последние книжки этого года выданы в 1856 г.). Это самое продолжительное пятнадцатилетнее редакторство Погодина впервые познакомило с ним русскую большую публику, и по «Москвитянину» составлялась репутация Погодина в русских литературных кругах. С конца пятидесятых годов он снова является на журнальном поприще. В 1859 году, припомнив свой дебют журналиста с альманахом «Урания», выпускает учено-литературный сборник «Утро», две книжки которого издает затем в 1866 и 1868 годах. В конце шестидесятых годов под редакцией Погодина в Москве выходила газета «Русский».

Остановимся несколько подробнее на двух периодических изданиях Погодина: «Московском вестнике» и «Москвитянине».

«Московский вестник» Пушкин считал «своим» журналом (он был главный его сотрудник и главный участник в доходах), а Погодина считал лишь «грамотным», то есть знающим редактором. Но Пушкин был не совсем прав. Главным ядром «Московского вестника» явился кружок молодых литераторов с Д. В. Веневитиновым и князем В. Ф. Одоевским во главе, сторонников шеллингианской философии, которой Пушкин был совершенно чужд. Этот литературный кружок, к которому примкнули Погодин и Шевырев, впоследствии литературный и общественный единомышленник Погодина, представляет интересное явление в истории русской культуры. Кружок Ве-

невитинова прилагал воззрения немецкого натурфилософа к национальному самосознанию России и к борьбе с внешним, наружным, официальным европеизмом, навеянным на нас реформой Петра Великого, являясь, таким образом, предтечей позднейших московских славянофилов. Воззрения этого кружка проводились в «Московском вестнике» в стихах и в прозе. Затем этот журнал наполнялся серьезными статьями, главным образом по русской истории, которых масса публики не могла оценить по достоинству, — так «Московский вестник» стал приобретать репутацию скучного журнала и, встретив сильный отпор со стороны «Московского телеграфа», журнала, издававшегося Н. А. Полевым и бывшего представителем западнических воззрений, должен был вскоре прекратиться, просуществовав всего четыре года.

«Москвитянин» является по своему направлению характерным выразителем официального политического учения и эпохи императора Николая I о Православии, самодержавии и народности. Статьи самого редактора о Петре Великом, о Москве, «За русскую старину», и его ближайших сотрудников — Шевырева, Давыдова и М. А. Дмитриева и др. — доказывали справедливость этого учения в статьях исторических, критических, философских, нравственно-религиозных, публицистических и беллетристических.

При начале «Москвитянина» им остались очень довольны официальные сферы, но не были довольны ни славянофилы, ни западники. Тем не менее пятнадцатилетнее существование «Москвитянина» не прошло бесследно в истории нашей образованности вследствие обильного материала, в нем находящегося, для изучения общественных воззрений целой группы московских ученых и писателей первой половины XIX века, с Погодиным во главе. Эта группа считалась в то время нашими прогрессистами за группу отсталых воззрений, якобы враждебно относящуюся к Западной Европе. Указанный материал может быть подведен под следующие главнейшие рубрики: 1) статьи и заметки по истории, археологии, истории русской литературы и этнографии России, с

целью выяснения ее культуры и общественности в сороковых годах и в начале пятидесятых годов XIX века; 2) провинциальная корреспонденция из различных областей России; 3) изображение жизни русского крестьянина, насколько это было возможно по тогдашним цензурным условиям; 4) изложение прошлой и современной жизни славянских народностей, южных и западных.

Три книжки «Утра» являются продолжением «Москвитянина» и имеют одинаковое с ним значение.

Публицистическая деятельность Погодина не исчерпывается, однако, его редакторством. И во время издания «Москвитянина», и после него он касается разных современных общественных вопросов и на столбцах других периодических изданий, и в отдельных брошюрах. Во время издания «Москвитянина» при императоре Николае I даже такому «правоверному» русскому человеку, каким был Погодин, нельзя было высказываться печатно по общественным вопросам вполне откровенно, а потому он нередко прибегал к письменному изложению своих мыслей, в виде писем и особых записок. Эти публицистические произведения его распространялись в публике во множестве списков и создавали ему большую популярность; некоторые из них печатались за границей, в переводе на французский язык. Все эти письма и записки Погодина отличались искренней верой в мощь и силу русского народа и необыкновенно откровенным и простым изложением. Особое значение имеют записки, написанные перед началом и во время Крымской войны, посвященные Восточному вопросу и отношениям России к западноевропейским государствам. С воцарением императора Александра II, когда русская общественная мысль получила возможность высказываться, Погодин печатно излагает свои мысли по самым важнейшим вопросам внутренней политики: по крестьянскому и связанным с ним вопросам финансовым и экономическим, по реформе учебной, земской, по Польскому вопросу, — везде являясь сторонником реформ и защитником интересов русской народности. На те же темы говорит он речи в московской город-

ской думе, в которой состоит гласным. И эти статьи, и речи отличаются теми же свойствами, как и рукописные публицистические произведения Погодина.

Журнальная деятельность сблизила Погодина с русскими литераторами нескольких поколений. И действительно, если составить список всех сотрудников погодинских периодических изданий, начиная с «Урании» и кончая «Русским», то есть за сорок с лишком лет, да прибавить к этому списку другой список — ученых и литераторов, с которыми Погодин находился в переписке, в полемике и вообще в сношениях, дружеских или враждебных, — то мы без преувеличения получили бы наличность всех русских писателей и ученых с 20-х до 70-х годов XIX века. Доказательством тому может служить многолетний труд о Погодине, написанный, но еще далеко не законченный, Н. П. Барсуковым. У Погодина были наиболее близкие к нему литераторы; он их сам отмечает в своей автобиографии — С. П. Шевырев, А. Х. Востоков, П. И. Кеппен, Д. В. Веневитинов, Пушкин, Гоголь и семья Аксаковых. Такое обилие учено-литературных связей объясняется как долгой жизнью, так и разнообразием стремлений и его общительностью.

Значителен вклад Погодина и в русскую литературу. Первые его литературные опыты возникают еще в студенческие годы. В 1821 году в «Вестнике Европы» появляются юмористические «Письма к Лужницкому старцу»; в этом же журнале помещен Погодиным разбор «Кавказского пленника» Пушкина. С 1822 по 1825 год включительно следуют переводы из «древних», то есть греческих и римских, классиков и несколько оригинальных повестей, из которых некоторые напечатаны в альманахе «Урания» за 1826 год. Затем, в хронологическом порядке, появлялись в печати следующие литературные произведения Погодина: в 1828 году — перевод трагедии Гете «Гец фон Берлихинген», в 1830 году — трагедия «Марфа Посадница»; в 1831 году написана, напечатана позже, в 60-х годах, трагедия «Петр I»; в 1833 году — повести, изданные в 3-х частях; в 1835 году — «История в лицах о

Димитрии Самозванце» (посвящена Пушкину); в 1836 году — «Черная немочь», повесть, отдельное издание в 1837 году, и «Невеста на ярмарке», отдельное издание; в 1844 году — «Год в чужих краях», описание заграничного путешествия, 4 части. В 1832 году написана, но не была напечатана «История в лицах о Борисе Годунове».

В 1871 году был торжественно отпразднован в Москве пятидесятилетний юбилей учено-литературной деятельности Погодина. На этом юбилее говорились речи в его честь и русскими учеными, и приехавшими депутатами из славянских земель. Значение Погодина было достойным образом понято и оценено.

I. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ

Письмо к Государю Цесаревичу, Великому Князю Александру Николаевичу (ныне царствующему Государю Императору) в 1838 году

Государь!

Вашему Императорскому Высочеству угодно было по прочтении моей записки о Москве, чтоб я представил Вам свое мнение о важнейших эпохах в русской истории.

Слишком лестно для меня это желание, но я чувствую невольную робость, приступая к его исполнению. Говорить о прошедшем тому, у кого в сердце хранится будущее!..

О, если б я, озаренный каким-нибудь внезапным светом, мог прозреть теперь всю таинственную связь событий, решавших судьбу Отечества, выразуметь ясно их причины, ближние и дальние, оценить верно все последствия! О, если б я мог раскрыть теперь пред Вашими глазами весь путь, пройденный Россией, представить все степени ее восхождения и устремить взор Ваш прямо на цель, ей предназначенную!..

Волновать Ваше сердце, воспламенять в нем любовь к Отечеству мне не нужно: мы знаем, Кто возжигает священный огонь; мы знаем, как он уже пылает.

Россия! что это за чудное явление на позорище мира! Россия — пространство в 10 тысяч верст длиною по прямой линии от средней почти реки европейской чрез всю Азию и Восточный

океан до дальних стран американских! Пространство в 5 тысяч верст шириной от Персии, одного из южных государств азиатских, до края обитаемой земли — до Северного полюса. Какое государство равняется с нею? с ее половиною? Сколько государств равняется ее двадцатым, пятидесятым долям.

Россия — население из 60 миллионов человек, коих счесть было возможно, кроме тех, коим еще счету нет, население, которое ежегодно увеличивается миллионом и вскоре дойдет до ста. Где такая многочисленность? О Китае говорить нечего, ибо его жители без сообщения составляют мертвый капитал истории и, следовательно, не идут к нашим соображениям.

А если мы прибавим к этому количеству еще 30 миллионов своих братьев, родных и двоюродных, славян, рассыпанных по всей Европе, от Константинополя до Венеции и от Мореи до Балтийского и Немецкого морей, славян, в которых течет одна кровь с нашею, которые говорят одним языком и, следовательно, по закону природы нам сочувствуют, которые, несмотря на географическое и политическое разлучение, составляют одно нравственное целое с нами по происхождению и языку! Вычтем это количество из соседней Австрии и Турции, а потом — из всей Европы и приложим к нашему. Что останется у них и сколько выйдет нас? Мысль останавливается, дух захватывает! Девятая часть все обитаемой земли и чуть ли не девятая часть всего народонаселения. Пол-экватора, четверть меридиана!

Но пространство, многолюдство не составляют еще единственного условия могущества. Правда…

Россия — государство, которое заключает в себе все почвы, все климаты: от самого жаркого до самого холодного, от знойных окрестностей Эривани до ледовитой Лапландии; которое обилует всеми произведениями, нужными для продовольствия, удобства, наслаждения жизнью, сообразно с нынешнею степенью ее развития, — целый мир какой-то самодовольный, независимый, абсолютный. Многие из сих произведений таковы, что порознь составляют источники благосостояния в продолжение веков для целых больших государств, а она имеет их в совокупности. Золота и серебра, кои почти перевелись в Европе,

мы имеем горы и в запас еще целые хребты непочатые. Железа и меди — пусть назначат какое угодно количество, и на следующий год оно будет доставлено исправно на Нижегородскую ярмарку. Хлеба — мы накормим всю Европу в голодный год. Леса — мы ее обстроим, если бы она, оборони Боже, выгорела. Льна, пеньки, кожи — мы ее оденем и обуем. Сахар только что начинает, почти со вчерашнего дня, обрабатываться, и скоро, говорят, мы не станем его выписывать. Для вина длинные берега Черного и Каспийского морей, Крым, Кавказ, Бессарабия ожидают делателей, и владельцы, бургундские, шампанские, стараются закупать себе участки в этих краях. Шерсть мы отпускаем даже теперь, и Новороссийский край, древнее раздолье кочевых племен, представляет столько тучных пастбищ, что стада несметные могут там разводиться, и мы не позавидуем никаким мериносам Испании и Англии. Для шелководства мы имеем целые страны. Говорить ли о рогатом скоте, рыбе, соли, пушных зверях? В чем есть нужда нам и чего мы не можем получить дома? Чем не можем снабжать других? И все это мы видим, так сказать, наруже, на поверхности, близко, под глазами, под руками, а если еще спустить глубже, осмотреть далее! Не проходят ли беспрестанно слухи, что там открылись слои каменного угля на несколько сот верст длиною, там оказался мрамор, там приискались алмазы и другие драгоценные камни!

Эти произведения естественные, сырые, но где больше удобств для заведения фабрик при такой дешевизне работы, при таких умеренных нуждах и требованиях работников? Давно ли на фабрики обращено внимание и на какую высоту они уже поднялись! Что мы увидели на последних выставках народной промышленности? Что говорить об успехах филатур, суконных, бумажных фабрик, москотильных заводов?

А торговля может ли где-либо процветать более при таком обширном внутреннем кругообращении, смежности с морями, потребности чужих краев и близости к богатым странам азиатским: Персии, Индии, Китаю? Страшно ли России соперничество Англии со всеми ее пароходами хоть по Евфрату и Нилу и железными дорогами чрез Суецы и Панамы?

Конечно — многого нет в действительности из того, что я сказал здесь, но я говорю о возможности, еще более — о легкости и удобстве. И в самом деле, что из сказанного не может начаться завтра, если оно будет нужно и если на то последует Высшая воля?

Да. Физические силы достигли в возможности до высочайшей степени, на какой они не стояли и не стоят нигде в Европе, и перед ними простирается еще необозримое поприще для развития. Одни сии исполинские силы знаменуют уже много, когда мы вспомним, что производили они в мире древнем и новом.

Но они не значат еще ничего в сравнении с нравственными силами, с благоприятными обстоятельствами, в коих Россия находится в отношении к остальному миру.

Из нравственных сил укажем, прежде всего, на свойства русского народа: его толк и его удаль, которым нет имени во всех языках европейских, его понятливость, живость, терпение, покорность, деятельность в нужных случаях, какое-то счастливое сочетание свойств человека северного и южного. Образование и просвещение принадлежат почти кастам в Европе, хотя открытым для всех, но все <же> — кастам, и низшие сословия, с немногими исключениями, отделяются каким-то тупоумием, заметным путешественнику с первого взгляда. А на что не способен русский человек? Представлю несколько примеров, обращу внимание на случаи, кои повторяются ежедневно пред нашими глазами. Взглянем на сиволапого мужика, которого вводят в рекрутское присутствие, — он только что взят от сохи, он смотрит на все исподлобья, не может ступить шагу не задевши, это увалень, настоящий медведь, национальный зверь наш. И ему уже за 30, иногда под 40 лет. Время ли, кажется, переряживаться! Но ему забреют лоб, и через год его уже узнать нельзя: он марширует в первом гвардейском взводе и выкидывает ружьем не хуже иного тамбурмажора, проворен, легок, ловок и даже изящен на своем месте. Этого мало — ему дадут иногда в руки валторну, фагот или флейту, и он, полковой музыкант, начнет вскоре играть на них так, что его заслушается, проез-

жая, Каталани или Зонтаг. Поставят этого солдата под ядра, он станет и не шелохнется, пошлют на смерть — пойдет и не задумается; вытерпит все, что угодно: в знойную пору наденет овчинный тулуп, а в трескучий мороз пойдет босиком, сухарем пробавится неделю, а форсированными своими маршами не уступит доброй лошади, — и Карл XII, Фридрих Великий, Наполеон, судьи непристрастные, отдают ему преимущество пред всеми солдатами в мире, уступают пальму победы. Русский крестьянин делает себе все сам, своими руками; топор и долото заменяют ему все машины; а ныне многие фабричные произведения изготовляются в деревенских избах. Посмотрите, какие узоры выводят от руки сборные ребятишки в школе рисования и мещанском отделении Архитектурного училища! Как отвечают о физике и химии крестьяне, ученики удельных и земледельческих школ! Какие успехи оказывает всякий сброд в Московском художественном классе! А сколько бывает изобретений удивительных, кои остаются без следствий за недостатком путей сообщений и гласности: один простолюдин заменяет силу гидравлического пресса каким-то простым деревянным снарядом, другой сообщает льну мягкость шелка, третий чертит планы в состязании с великими архитекторами. Глубокое познание книг Священного Писания, философские размышления по отношениям богословия к философии принадлежат к нередким явлениям в простом народе. Молодое поколение русских ученых, отправленных заниматься в чужие края при начале нынешнего царствования, заслужило одобрение первоклассных европейских профессоров, которые, удивляясь их быстрым блестящим успехам, предлагают им почетное место в рядах своих. Все это доказательства народных способностей!

Вот сколько сил нравственных в дополнение к физическим.

Впрочем, случается иногда, что собрание сил не может быть приведено в действие и потому теряет много из своего значения, подобно капиталу, который тогда только производит, когда употребляется, а в противном случае — мертв. Совсем не то в России. Все ее силы, физические и нравственные, составляют одну огромную махину, расположенную самым

простым, удобным образом, управляемую рукою одного человека, рукою Русского Царя, который во всякое мгновение единым движением может давать ей ход, сообщать какое угодно ему направление и производить какую угодно быстроту. Заметим, наконец, что эта махина приводится в движение не по одному механическому устройству. Нет, она вся одушевлена, одушевлена единым чувством, и это чувство, заветное наследство предков, есть покорность, беспредельная доверенность и преданность Царю, который для нее есть бог земной.

Спрашиваю, может ли кто состязаться с нами и кого не принудим мы к послушанию? В наших ли руках политическая судьба Европы и, следовательно, судьба мира, если только мы захотим решить ее?

В истине слов моих можно удостовериться еще более, представивши себе состояние прочих европейских государств. О других частях света говорить нечего, потому что они подчинены Европе, так или иначе, посредственно или непосредственно, и могут играть роль только второстепенную.

В противоположность русской силе, целости, единодушию там распря, дробность, слабость, коими еще более, как тенью свет, возвышаются наши средства.

Перечтем все европейские государства.

Испания и Португалия десять лет сряду пред нашими глазами раздираются междоусобиями, и не видать конца борьбе партий, кои имеют силы, кажется, равные, а желания противоположные, следовательно, никак не могут сойтиться, а разве разойдутся, разделятся политически и тем начнут, может быть, новый период истории. Эти государства понижаются 300 лет — есть ли вероятности в таком положении дел, чтоб они восстали вопреки непреложному закону истории, который всякому государству указывает его зенит и надир, предмет возвышения и понижения.

Австрийская империя не может сделать ни одного шагу вперед и только удивительным усилиям своей политики обязана тем, что держится на своем месте, в своих противоестественных пределах. Всякую минуту она должна трепетать за свое

существование, не только что думать о каком-нибудь положительном действии. Из каких разнородных частей она составлена — славяне, немцы, венгерцы, итальянцы, в равной почти мере, под преимуществом славян, и все они взаимно ненавидят друг друга и с нетерпением ожидают минуты разлучения.

Германия… — политическая роль ее, кажется, кончена в разрушении Римской Империи и основании новых западных государств.

Турция давно уже не имеет никакого значения, и в наше время два раза спасала ее от угрожавшей гибели Россия, которой двое суток только нужно во всякое время, по замечанию маршала Мармона, чтобы флот ее явился под стенами Константинополя, — впрочем, по давно знакомому пути. Большая часть ее обитателей в Болгарии, Сербии, Македонии, самой Румынии, не говоря уже о Молдавии и Валахии, суть чистые славяне, не только единоплеменники, но и единоверцы, которые во всякую войну передаются на нашу сторону и ничего не желают столько, вместе с греками, как называться подданными Белого Царя.

Пруссия — государство благоустроенное, снискавшее себе самобытность, но оно состоит из двух половин, и Рейнская половина есть почти отдельное государство.

В восточной же половине — четверть чистых славян в Познани и отчасти в Силезии и большая половина славян онемеченных в Померании, Восточной и Западной Пруссии, Силезии и самой Бранденбургии. Что же остается? Положим, даже 5 миллионов количество незначительное, способное только для войны оборонительной, даже под управлением Фридриха Великого. Точно то же должно сказать о Швеции, Дании и Голландии.

Остаются два государства в Европе самобытные, государства, которые могут быть почтены сим титлом: Франция и Англия. Я не знаю, будет ли исторической дерзостью, парадоксом сказать, что сии государства сильнее своим прошедшим, чем настоящим, сильнее на словах, чем на деле, что личное право, учреждение, имеющее, бесспорно, много хоро-

ших сторон с историческим началом и корнем на Западе, возросло у них на счет общественного могущества и механизм государственный осложнен, затруднен до крайности, так что всякое решение, переходя множество степеней, и лиц, и корпораций, лишается естественно своей силы и свежести и теряет благоприятное время.

Взглянем на покорение Алжира Францией. Сколько бесконечных толков и споров в продолжение десяти лет! С каким напряжением взята была Константина после многих неудачных опытов! Как слабы все меры и как не определен образ действия. И эти прения с Швейцарией и Мексикой! Сколько нот и ответов? Какие хлопоты! Неужели они могут служить признаками могущества? Читая состязания в Палате депутатов, видишь, что все отличные умы, все государственные мужи, как будто подкупленные, только что мешают друг другу. Вот какое устройство получила государственная машина, — впрочем, по естественному ходу дел.

Возмущение Канады представляет подобное явление в Англии, и путешествие лорда Дургама, его речи и меры и разборы их наскучили самым ревностным читателям газет. Крайность в богатстве и нищете, зависимость от торговли, ненависть Ирландии — непреодолимые преграды на ее пути.

Одним словом, я не знаю, какие великие предприятия могут возникнуть даже в этих двух первых государствах Европы и не должны ли они признаться, что Наполеон и Ватерлоо были высшими точками их могущества, nec plus ultra!

Сравним теперь силы Европы с силами России, о коих говорено было прежде, и спросим, что есть невозможного для Русского Государя.

Одно слово — целая империя не существует; одно слово — стерта с лица земли другая; слово — и вместо них возникает третья от Восточного океана до моря Адриатического. Сто лишних тысяч войска — и Кавказ очищен, и дикие сыны его тянут лямку в русских конных полках вместе с калмыками и башкирцами, а новое поколение воспитывается в кадетских корпусах, в других нравах, с другим образом мыслей. Сто ты-

сяч войска, и проложены военные дороги до пограничных городов Индии, Бухары, Персии.

Даже прошедшее может он, кажется, изворотить по своему произволу: мы не участвовали в крестовых походах — но не может ли он освободить Иерусалим одною нотою к дивану, одною статьею в договоре. Мы не открывали Америки (хоть открыли треть Азии), но наше золото, коего добыток с каждым годом увеличивается, не дополняет ли открытия Колумбово и не обещает ли противоядия яду?

Пусть выдумают Русскому Государю какую угодно задачу, хотя подобную тем, кои предлагаются в волшебных сказках! Мне кажется — нельзя изобрести никакой, которая была бы для Него с русским народом трудна или, скажу хоть менее, невозможна, если бы только на решение ее состоялась Его Высшая воля.

Известно, что нынешний Государь наш, августейший ваш родитель, не думает ни о каких завоеваниях, ни о каких приобретениях, но я не могу, не смею не сделать замечания исторического, что Русский Государь теперь без планов, без желаний, без приуготовлений, без замыслов, спокойный, в своем Царскосельском кабинете ближе Карла V и Наполеона к их мечте об универсальной монархии, мечте, которую они на верху своей славы возымели после тридцатилетних трудов, подвигов и успехов.

И сама Европа это предчувствует, хотя и стыдится в том сознаться себе: это неусыпное внимание, с коим следится всякий шаг наш, это беспрерывное опасение при малейшем движении, этот глухой шепот ревности, зависти и злобы, который слышится во всех иностранных газетах и журналах, — не служат ли самым убедительным доказательством русского могущества! Да, будущая судьба мира зависит от России, говоря, разумеется, по-человечески, предполагая изволение Божие! Какая блистательная слава!

Но, Государь, есть еще одна слава — слава чистая, прекрасная, высокая, святая, слава добра, слава любви, знания, права, счастья. Что в силе? Россия не удивит уже действиями

силы, как миллионщик не удивляет тысячами. Она стоит безмолвная, спокойная, и ее уже трепещут, строят ей ковы, суетятся около нее. Она может все — чего же более?

Другая слава лестнее, вожделеннее, и ею мы можем озариться также.

Кто взглянет беспристрастно на европейские государства, тот, при всем уважении к их знаменитым учреждениям, при всей благодарности к их заслугам для человечества, при всем благоговении к их истории, согласится, что они отжили свой век или, по крайней мере, истратили свои лучшие силы, то есть что они не произведут уже ничего выше представленного ими в чем бы то ни было: в религии, в законе, в науке, в искусстве. А разве все сделано ими? Не утверждает ли напротив наука, что развитие каждого государства по всем отраслям человеческой жизни было частно, односторонне, не полно, что в Германии преобладала и преобладает везде идея, в религиозных явлениях точно так, как и в политических и во всех прочих; в Италии — чувство; во Франции — общественность; в Англии — личность. Где же полное развитие?

Далее, если сравнить целый мир древний и новый между собою, то мы увидим, что каждый из них имеет свои блистательные качества, но в прочих уступает другому. Однако ж должно быть их сочетание!

Взглянем еще с другой, высшей нравственной стороны. Кто осмелится сказать, что цель человеческая была достигнута или, по крайней мере, имелась в виду каким-нибудь из государств европейских? В одном мы видим более сведений, а в другом — более произведений, удобств, в третьем — удовольствий, но где добро святое?

Разврат во Франции, леность в Италии, жестокость в Испании, эгоизм в Англии — явления общие, принадлежащие к отличительным признакам, неужели совместны с понятиями о счастье гражданском, не только человеческом, об идеале общества, о граде Божьем? Златой телец — деньги, которому поклоняется вся Европа без исключения, неужели есть высший градус нового европейского просвещения, Христианского просвещения?

Повторяю, где же добро святое?

Коляр, знаменитый поэт славянский нашего времени, в одном своем лирическом рассуждении предрекает славянам славную долю, особенно в отношении к изящным искусствам. Не может быть, говорит он, чтобы такой великий народ, в таком количестве, на таком пространстве, с такими способностями и свойствами, с таким языком, не должен был сделать ничего в пользу общую. Провидение себе не противоречит. Все великое у Него для великих целей.

Мне кажется, можно распространить его предречение и сказать, что вообще будущее принадлежит славянам.

Есть в истории череда для народов, кои один за другим выходят стоять как будто на часы и служить свою службу человечеству; до сих пор одних славян свет не видал еще на этой славной чреде; следовательно, они должны выступить теперь на поприще, начать высшую работу для человечества и проявить благороднейшие его силы.

Но какое же племя между славянами занимает теперь первое место? Какое племя по своему составу, языку, совокупности свойств может назваться представителем всего славянского мира? Какое более имеет залогов в своем настоящем положении и прошедшей истории для будущего величия? Какое ближе всех к этой высокой цели? Какое имеет более видимой возможности достигнуть ее? Какое…

Сердце трепещет от радости… о, Россия, о, мое Отечество! Не тебе ли?.. О, если бы тебе! Тебе, тебе суждено довершить, увенчать развитие человечества, представить все фазы его жизни, блиставшие доселе порознь, в славной совокупности, сочетать образование древнее с новым, согласовать ум с сердцем, водворить всюду мир и правду, доказать на деле, что цель человеческая не в одной науке, не в одной свободе, не в одной силе или искусстве, образовании, промышленности, богатстве; что есть нечто выше и учености, и промышленности, и образования, и свободы, и богатства — просвещение, просвещение в духе Христианской религии, просвещение словом Господним; — что оно, и только оно, скажем вслед за двумя

нашими великими проповедниками, может даровать людям счастье, счастье земное и небесное.

Когда я видел Вас при выходе из Успенского собора с любовью и кротостью во взорах, с смирением и благородством во всех движениях, когда я слышал вокруг себя всемогущий восторг русского народа, я мечтал о золотом веке, об едином стаде и едином пастыре, и сладкие слезы текли из глаз моих…

Но я говорю о будущем. Простите меня, Государь! От избытка сердца глаголют уста, сказал вдохновенный пророк.

Начав писать к Вам, я не мог удержаться, чтобы прежде всего не высказать того, что я чувствовал в ту священную минуту.

Пусть это письмо мое будет вступлением к рассуждениям о русской истории! Пусть оно служит, по крайней мере, доказательством, что история России, государства, которое занимает теперь в политическом смысле первое место и по всем соображениям науки должно занимать такое же и в человеческом смысле, есть самый важный, самый великий предмет изучения и размышления в наше время, потому что великому настоящему, величайшему будущему непременно должно быть основание в прошедшем — в истории.

Имею счастье именоваться и пр.

(Это письмо не дошло в свое время до Великого Князя. Написанное с лишком 35 лет назад, оно требует ныне многих комментариев, пояснений и даже оправданий, которые и будут представлены в своем месте).

Взгляд на положение Европы после Парижского мира

(письмо в редакцию газеты «Le Nord»)

Кончив путешествие, возвращенный к своим пенатам, я спешу исполнить обещание — доставить статью для вашей газеты. Но об чем же буду я писать к вам? Дома я не успел еще

осмотреться и узнать порядочно, в каком положении находятся дела: наше время так быстро стремится вперед, и столько неожиданного случается беспрестанно, что через полгода не узнаешь самых знакомых предметов! Лучше на первый раз опишу вам впечатление, оставленное путешествием во мне, в русском человеке, du partie Moscvite, как у вас говорится, который любит Отечество, чувствует благодарность к Европе и желает успеха человечеству.

Что представляет нам теперь Европа?

Начнем с Италии. Французы занимают Рим, взятый ими приступом еще в 1850 году. Австрийцы имеют в своих руках Анкону и Болонию, распоряжаются в Парме и Флоренции. Те и другие с целью отвратить от Италии беспорядки, которые в свою очередь производят англичане в Сицилии, так что в дружественных французских газетах говорится прямо: лорд Коули знает лучше всех, не только что происходит, но и то, что произойдет на острове.

Сверх того англичане и французы требуют от неаполитанского короля разных преобразований, нужных, по их мнению, для спокойствия Италии, делают демонстрации и грозят явиться с вооруженною силою.

Я не вхожу в рассуждение о справедливости всех сих действий, готов допустить даже, что они спасительны для Италии и благодетельны для Европы. Для меня достаточно одно положение, в котором, надеюсь, все должны согласиться: Франция, Австрия, Англия считают своею непременною обязанностью действовать в Италии и на Италию и употреблять разные понудительные меры согласно со своим образом мыслей…

В Греции нет иностранных войск, но посланники, французский и английский, имеют неограниченную там силу, и все важнейшие меры принимаются только с их согласия, утверждения или даже по их требованиям.

Турция находится в полной зависимости от Англии, Франции и отчасти Австрии. Султан назначает даже министров себе по их указаниям. Большая часть внутренних распо-

ряжений имеет начало в их совете: французы прорывают Суецский перешеек, англичане ведут дорогу через Малую Азию к Евфрату и Персидскому заливу.

На Черном море господствует английский флот.

Молдавию и Валахию занимают австрийцы.

Персии объявляют войну англичане за осаду Герата, то есть за домашнюю ссору персиян с соседним Афганистаном.

В Нефшателе происходит прусская реакция.

А Испания остается в покое, то есть в тревоге.

Все это суть дела, против которых никто спорить не может.

Что же они показывают?

Они показывают, что почти все европейские государства принимают деятельное участие в чужих делах, каждое по своим видам, с целью, положим, общего блага.

Такое вмешательство никому не кажется странным; все смотрят равнодушно на эти события, как бы текущие по обыкновенному порядку вещей, и даже знаменитое политическое равновесие не тревожит ничьего спокойствия. Лорд Кларендон сказал недавно в парламенте, что могут представляться случаи, где вмешательство в дела других наций становится не только правом, но даже обязанностью.

Вот что *есть* теперь в Европе, а что *было* за четыре года?

За четыре года император Николай потребовал у султана официального подтверждения древнеснисканных по трактатам прав христианам на Востоке и, получив отказ, велел пограничным своим корпусам занять княжества, под покровительством России находившиеся, что случалось и прежде несколько раз, — и вся Европа всполошилась, испугалась за свое равновесие, пришла в страшное негодование и подняла общую войну против России.

Спрашивается — какое различие между занятием княжеств и занятием Рима?

Какое различие между требованиями от неаполитанского короля и требованиями от султана?

Какое различие между угрозами Персии и угрозами Турции?

А предлоги? Неужели требование охранных прав христианам предосудительнее, непозволительнее убеждений неаполитанского короля?

Неужели требование ноты или сенеда нарушало более верховные права султана (столько для Европы драгоценные), чем настоящее западное влияние в Константинополе?

Что христианам становилось несносно жить под турецким игом, в этом французы и англичане удостоверились теперь сами, и все их газеты наполнены описаниями мусульманских неистовств, совершаемых даже перед их глазами после всех торжественных обещаний и обязательств. Кому же было, как не императору Николаю, вступиться за своих единоверцев и единоплеменников?

Австрия только что пред тем вступалась за Черногорию: как же Россия могла остаться безмолвною?

Но император Николай имел другие замыслы.

Что он не имел никаких других замыслов, доказывается тем, что он занял княжества таким малочисленным войском, которое не могло бороться даже с турками успешно.

Что он не имел никаких других замыслов, доказывается тем, что нигде никаких приготовлений им не было сделано, ни в оружии, ни в запасах, ни в составе войска.

Что он не имел никаких других замыслов, доказывается тем, что он не пользовался европейскими смутами 1848 года, когда мог делать на Востоке и с Востоком что угодно.

Но Россия вообще имеет задние мысли.

Положим так, но какое же европейское государство не имеет своих задних мыслей? Разве не имеют их Франция, Пруссия, Англия, Австрия, Германия? У всякого государства есть свои задние мысли, внушаемые ему его историей или природою, но никто не в праве подвергать его за то инквизиционной пытке или наказанию.

Согласимся: и действия и предлоги нынешние не выдерживают никакого сравнения с действиями и предлогами 1851 года. Все европейские государства поступают теперь на разных пунктах гораздо сильнее, произвольнее, чем поступал

тогда император Николай, и оправдывают его ipso facto от всех нареканий. Судьба как будто из уважения к его памяти подставила им нарочно в таком скором времени подобные обстоятельства для оправдания его даже в глазах европейской толпы.

Как же следует определить европейские действия, исчисленные нами в начале нашей статьи?

Очень просто: европейские государства действуют, смотря по обстоятельствам, согласно со своими видами, имея свои цели, кому как выгоднее.

Точно так действовали они и прежде (то есть начав войну против России), смотря по обстоятельствам, согласно со своими видами, имея свои цели, кому как выгоднее.

Станем ли мы осуждать их за то?

Нет, не станем. Есть русская пословица: рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Государство так же. Жаль только, что они прибегают к разным софизмам для объяснения (motiver) своих действий и к разным напраслинам, с больной головы да на здоровую, которыми запутываются понятия современные и приводится в лишнее затруднение история.

Взглянем на дело проще, очистим его от внешнего убранства и доберемся до сущности вещей.

Европа сочла опасным для себя беспрестанно возрастающее могущество России…

Это опасение не новое, а передается в наследство из века в век с первого появления России на политическом поприще.

История представляет множество доказательств, как Европа старалась при всяком новом столкновении препятствовать России на ее пути.

Сколько было и есть справедливого в этих опасениях, рассуждать здесь не место.

При покойном Императоре Николае Европа увидела самый благоприятный момент осадить (faire re□trograder), поразить Россию, какого не было прежде никогда, какого верно не будет после никогда.

В чем состояли благоприятные для Европы обстоятельства этого момента?

Не входя в дальнейшее объяснение, довольно привести здесь, что Европа обладала пароходами и железными дорогами, а Россия принималась кое-где за каменные.

Европа изобрела винты, штуцера, особые пули, пушки, батареи, а Россия довольствовалась оружием прошлого века, которое, вдобавок, стало негодным от давнего употребления.

Сверх того, общественное мнение возбуждено было в последнее время в сильной степени за вмешательство России в европейские дела, (яко бы) против прогресса, составляющего предмет, столько любезный большинству.

Партии польская, венгерская, республиканская обещали тысячи горячих волонтеров против России.

Я не говорю здесь о важных внутренних обстоятельствах России, кои обнадеживали Европу в ее покушении, — не говорю, потому что достаточно и сказанного в доказательство, как удобно и выгодно было напасть на Россию в избранное время.

Надо отдать честь европейской проницательности и государственной мудрости, по старым, впрочем, понятиям.

Англия схватила представившийся случай с жадностью, привела в действие все пружины со свойственной ей решительностью и силою, двинула свои капиталы, — и употребила Францию, чтобы поразить Россию, точно как в другое время употребила Россию, чтобы поразить Францию.

Франция видела, разумеется, эту роль, но находилась в особых обстоятельствах и имела свои расчеты, которые в конечном результате сошлись с английским — начать войну с Россией.

Англия и Франция предугадали, что Германия с удовольствием узнает об их намерениях против России и Австрия примет даже в крайнем случае их сторону.

Может быть, было и предварительное соглашение между ними: Шварценберг задолго до объявления войны проговорился, что Австрия удивит Европу своею неблагодарностью. Спрашивается — в чем же могла обнаружиться эта неблагодарность, если б не решена была задолго война против России. Других столкновений не предвиделось никаких.

Австрия считает Россию естественной своей неприятельницей, потому что к ней издавна влечется сердцем, без всякого, впрочем, с ее стороны искания, большая часть славянского народонаселения в империи Габсбургской. Ничего не желает она более, как ослабления и унижения России, как материального, так и морального.

Пруссия вдали от сцены действия соглашалась в первых основаниях с требованиями западных держав…

Таким образом, война морскими державами была решена и, так сказать, застрахована — оставалось получить предлог, и император Николай, в упоении мысли о своем могуществе и величии, вскоре его подал, как мы видели, велев занять княжества.

Рассмотрим теперь его положение.

Велев занять княжества, он не думал ни о какой войне, как выше показано, а хотел посредством этой демонстрации кончить начатое дело скорее хоть как-нибудь.

Привыкнув к скорому исполнению своих желаний, он не воображал ни о каком значительном сопротивлении, всего менее о сильном против себя союзе. Он уверен был твердо в Австрии, не только в Пруссии, надеялся на Англию и думал, что Франция не может выслать сильного войска из своих пределов. Наконец, он никак не полагал, чтоб Европа, получив от него столько разительных доказательств бескорыстия, могла возыметь какие-нибудь подозрения о чистоте его намерений.

Расскажу вам здесь откровенно, как смотрела на занятие княжеств мыслящая часть русского общества. Мы считали все дело совершенно пустым и думали, что оно после Валахской демонстрации кончится требуемым сенедом. Мы роптали, что вместо этой демонстрации не объявлена была прямо война и не начаты наступательные действия. Мы потеряли бы всотеро меньше, и успех был бы обеспечен задолго до прибытия союзных флотов. Рыцарская честность Императора Николая думала иначе, и время показало, кто был прав.

Пока мы стояли праздно в княжествах в надежде кончить дело полюбовно, Англия и Франция прислали в Черное

море такой флот и такое количество всякого орудия, какого не видал до сих пор свет.

Австрия заключила договор с морскими державами, Сардиния явилась со своею помощью. Пруссия не шла против нас, но не принимала нашей стороны в такой степени, чтоб можно было грозить ею или надеется на нее.

Император Николай пришел вне себя от удивления. Удар за ударом поражали его прямо в сердце. Беспрестанно он должен был получать удовлетворения в ошибочности прежних своих убеждений, в обманчивости своих прежних надежд. Европейские газеты разразились громом проклятий над его головою, как будто б он был главным виновником войны, грозившей потрясти все здание европейское!

Где появлялись враги, везде их было больше, потому что без дорог войска наши не могли поспевать им навстречу и охранять границы на протяжении нескольких тысяч верст.

Наконец, среди проволочек о мире, который для обаяния был показываем из-под полы то с той, то с другой стороны, снарядилась экспедиция в Крым, оставленный почти без защиты (потому что высадка считалась невозможною), с Севастополем, открытым по сухому пути, с Азовским морем, открытым через пролив.

Обнаружились, впрочем, некоторые движения в нашу пользу: в Греции между славянами. Многие русские старались убедить Государя содействовать движению единоверцев и единоплеменников как единственному средству кончить войну с честью и пользою. Нет, он не хотел ничьей помощи: он, осажденный, так сказать, со всех сторон, находясь в самых трудных обстоятельствах, боялся подать повод к европейской революции, не хотел переменять своей системы, стыдился показать как будто раскаяние в прежнем образе действий и все еще надеялся устоять с одними своими материальными силами. А всякая почта привозила ему известия одно другого прискорбнее. Кровь лилась повсюду. Берега опустошались в Новой России, в Крыму, около Кавказа, по Белому морю, даже в Камчатке. Припасы истощались. Недостатки прежней системы

обнаруживались беспрестанно разительнее. Усилия врагов доходили до невероятности. Каждый день бросалось в Севастополь по сто тысяч бомб, гранат, ядер и картечь. Не было никаких сил человеческих сил держаться, и только русский дух служил еще преградою вражескому натиску.

Состояние Императора Николая было самое трагическое. С этой точки Европа на него еще не посмотрела. Что он перечувствовал в эти два-три года, того не многим досталось перечувствовать на земле. Разве только Наполеон I может быть сравниваем с ним своими муками на острове Св. Елены. Для нас было ясно, что он проживет недолго, и в самом деле он пал на третий год под бременем вызванных им без умысла обстоятельств — легкого дуновения ветра достаточно было, чтоб сломить этот коренастый дуб, подточенный внутренними неусыпаемыми червями.

Сын ставит ему памятник. Нет, не Россия, а Европа должна поставить памятник ему, верному стражу европейского порядка, удержавшему поток революции 1848 года, спасшему Австрию, предотвратившему междоусобие в Германии, приносившему в жертву все собственные, русские интересы европейскому спокойствию.

Между тем морские державы устали, а цель войны была отчасти достигнута; Франция озарилась славою и заняла первое место в системе европейских государств, флот русский сожжен, главнейшая крепость разрушена к удовольствию Англии, границы отброшены от Дуная к удовольствию Австрии, влияние России на Востоке парализовано.

Положено было кончить или, по крайней мере, прервать войну на неопределенное время. Новый Государь Русский с своей стороны пожелал подарить мир народу, подвергшемуся нападениям неожиданным, истощенному беспримерными жертвами, — и согласился на предложенные тягостные условия.

Европа достигла своей цели, исполнила свое желание. Время покажет, какую пользу получит она от этого удара, который нанесла России. Время покажет, что приобрели Австрия и Германия, надолго ли обеспечен успех Франции и Англии…

Вот беспристрастное и, смею думать, близкое к правде, если не совсем безошибочное, изложение хода дел европейских за последнее время, как оно представляется нам, смиренным гражданам московским.

Европейские государства, повторяю, действовали в Турции и действуют теперь на других сценах согласно со своими выгодами, как они им представлялись и представляются.

Но представляются им эти выгоды, прибавим здесь несколько слов кстати, все еще с прежней точки зрения, по давним понятиям, по старой системе, которая, по нашему мнению, отжила свой век.

Не нужно объяснять, что мы разумеем под старою системою. Ее можно определить в двух словах — она основывает свое благосостояние на чужом вреде и думает только о себе. У меня есть флот — не заводи никто своего, сожгу; моя сила в цельной земле — не моги соседи совокупляться воедино, перессорю; мои фабрики доставляют мне богатство — не думай никто соперничать им, подорву. Торговля должна принадлежать исключительно мне: кто расторгуется, тот мне враг. На такие-то рынки я не пущу никого. Чем соседу хуже, тем мне лучше, и проч. и проч.

Старая система — несовместная с образованием века и недостойная христианских народов. Не пора ли переменить ее на другую, новую: живи всякий, кому как лучше, развивай свои способности, пользуйся всеми благодеяниями Божьими, как умеешь. Помогая друг другу, мы все уйдем гораздо далее вперед, чем вредя и мешая себе взаимно.

Если бы десять миллиардов, в которые обошлась прошедшая война воевавшим и невоевавшим державам, употребить с общего согласия на обширную европейскую колонизацию, сколько бы добра снискала Европа, покорив своей власти остальную Азию и Африку, приготовив новые для себя рынки, избавясь от лишнего народонаселения, пристроив к месту несчастных своих пролетариев.

Вместе с таким образом действий во взаимных отношениях государств между собою новая система требует от

государств, заключающих в себе разнородные племена, покровительства национальностям и совершенного уравнения их во всех правах с государствующими народами. Только таким образом могут они предохранить себя на будущее время от всяких тревог.

Внутренний образ правления в государствах не принадлежит к содержанию моего письма.

Вот как мы думаем о настоящих делах мира сего, почтенный редактор; мы, русские, по вашему мнению, варвары, которых вы хотели осадить еще назад на 200 лет; видите ли, какого добра желаем мы искренно и сердечно не только для друзей своих, но и для врагов, для общего спокойствия, для преуспеяния человеческого, без всяких корыстных видов.

А чего желаем мы своему любезному Отечеству? Мы, благодарные Европе за данный нам толчок, за новый вразумительный урок, желаем России надолго совершенного спокойствия и уединения и утешаемся действиями нынешнего нашего Министерства иностранных дел, которое, кажется, вполне постигло свою задачу. Если бы прежнее действовало таким образом, то Европа имела бы теперь другой вид! Мы думаем, что всякое новое учебное заведение, лишнее пространство хорошо устроенной дороги, удачное замещение той или другой должности важнее для нас всех дипломатических сношений. Пусть Европа делает, что ей угодно: честь была приложена (впрочем, не могу прибавить: а от убытка Бог избавил!). Мы думаем, что внутреннее устройство, согласное с требованиями века, согласное с высотою, на которой стоят настоящие европейские отношения, по крайней мере, в мысли просвещенных и человеколюбивых людей, важнее для нас всяких приобретений. Нас довольно одних: 70 миллионов, да земли на 700, и чего хочешь, того и просишь! Нам ничего не нужно, кроме того порядка, которого предки наши искали напрасно за морем, говоря Рюрику в 862 году: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет! Мы желаем, чтоб эти роковые слова, тяготевшие долго над Россией, потеряли свой смысл и обратились в мифическое предание!

Чтоб убедить вас еще более в русском беспристрастии, которое составляет не только нашу добродетель, но даже наш порок, я скажу вам в заключение, почему газета ваша имеет в России не столько подписчиков, сколько вы ожидали. Потому, что она считается слишком к нам расположенною; мы хотим от вас слышать больше правды, чем оправданий. Чем больше будете вы говорить этой правды без желчи, без ненависти, как делают другие, а с добрым намерением, от души, тем больше найдете у нас сочувствия. А в Европе ваша прекрасная газета может увеличить число подписчиков, когда будет помещать более дельных сведений о России, которых у вас все-таки недостает. Соедините эти два условия, и я предрекаю вам блистательную будущность: все европейские газеты более или менее пристрастны, пишут в угоду тому или другому правительству, той или другой партии, тому или другому образу мыслей. Беспристрастие и независимость — вот что должно быть написано четкими буквами на знамени Севера (le Nord), и видимо-невидимо европейского народа под него соберется.

Прошу вас напечатать мою статью без перемен. Подписывающему под ней (как и под всеми своими статьями, печатными и рукописными, в России) свое имя, мне было бы неприятно отвечать за чужие мысли.

Примите уверение ut in litteris.

1856.

Ноября <?> дня.

Второе письмо к издателю «Le Nord»

Ост-Индское смятение — Русская система политики —
Бедность в Европе, о колонизации —
Надежды об освобождении крестьян

Благосклонный прием, которого удостоилось первое мое к вам письмо от многих почтенных членов европейской журналистики, налагал на меня обязанность продолжать

сообщение моих наблюдений над ходом дел политических, внутренних и внешних, но внезапная болезнь помешала ее исполнению в свое время. Оправясь, я принимаюсь теперь за перо — и множество предметов приводит меня в затруднение: у нас в России повеяло новой жизнью, и мысль пришла в движение — хочется сказать вам и об том и об этом, — а с другой стороны, чувствуется какое-то опасение, следствие прежней замкнутости. Впрочем, я пишу теперь для иностранной публики, на иностранном языке, пишу как гражданин европейский…

Прежде всего, передам вам впечатление, произведенное в нашем обществе известиями об ост-индском восстании. Все русские, извините великодушно, обрадовались сначала, пока восстание известно было только вообще, в своей, так сказать, отвлеченной форме: «Англии плохо, Англия в опасности, Англия потерпит большие убытки, может быть, потеряет много! Вот ей наказание за ее алчность, за ее вероломство, за ее зависть, за ее эгоизм». Женщины произносили разные обеты. Графиня N. хотела сходить пешком в Троицкий монастырь, лишь бы англичанам пришлось похуже. Все это очень естественно, если вы вспомните, сколько зла сделали нам англичане в последнее время совершенно против нашего ожидания и какой удар нанесли нам прямо в сердце, воспользовавшись искусно роковой минутой; с какой наглостью и бесстыдством потребовали они у нас разрушения Севастополя, защищавшего наши собственные пределы, между тем как они сами владеют захваченным насильно Гибралтаром в Испании, Мальтою в Италии, Ионическими островами в Греции; между тем как сами они, находясь в дружбе с Францией, находят все-таки нужным укреплять Портсмут и Плимут. Враждебное чувство русского общества очень естественно, повторяю, если вы вспомните, что сталось по милости англичан с нашим прекрасным Крымом, с нашим незабвенным Черноморским флотом, на который положено нами столько трудов и столько денег. А опустошение Финляндии, Камчатки, берегов Белого моря? А ужасы Керчи, где благородные женщины

подвергались всем возможным неистовствам пьяных солдат! А ругательства и поношения, произнесенные не чернью, не на площади, не невежественными крикунами, а в торжественных собраниях парламентов, знаменитыми лордами, государственными людьми всех партий! Нет — такие народные обиды не забываются, не могут забыться, не должны забываться до тех пор, пока не получится законного удовлетворения, пока не вознаградятся потери.

Но почему же, скажете вы, жалуемся мы в особенности на англичан, а не на французов, не на австрийцев, которые сделали нам зла, особенно последние, еще больше англичан.

Участие французов в войне мы считаем случайным, вызванным отчасти неловкостью нашей прежней политики; французы во время войны вели себя, как следует благородным людям, и заслужили полное сочувствие нашего войска. Это братья, назначенные от природы и от истории любить друг друга, помогать друг другу. Австрийцев мы благодарим, благодарим сердечно за их беспримерное в летописях народов предательство, потому что только такое предательство могло открыть глаза нашему правительству, считавшему их своими друзьями и приносившему им беспрерывные жертвы в ущерб русским кровным интересам.

Итак, на эту пору ненавистны нам больше их англичане, и обрадоваться их несчастью было очень естественно для русского общества на первую минуту.

Но лишь только начали распространяться в Москве подробности о тех истязаниях, которым подверглись англичане, о тех муках, в которых умирали беззащитные женщины и дети, о страшных опасностях, которые грозят в Ост-Индии всему английскому населению, — тотчас последовало изменение в русских чувствованиях: мы позабыли тотчас, что англичане нам враги, а увидали в них только европейцев, христиан, страдальцев, мы увидели в них образованное племя, которому угрожает опасностями варварство, — и общее сострадание, общее участие выразилось повсеместно. Я уверен, что если б открыта была подписка

в пользу разоренных англичан в Индии, то немедленно собралась бы значительная сумма…

В таком обращении чувств наших вы можете себе представить, как неприятно, оскорбительно было нам услышать, что в Англии есть подозрение в возбуждении русскими индийского мятежа, что понадобилось даже торжественное удостоверение правительства в неосновательности такого подозрения, торжественное отклонение народных предположений в русских происках.

Русские происки! Англичане судят о нас по себе! Они возили и продавали порох черкесам среди мира и доставляли им средства вести кровопролитную войну с нами (точно как австрийцы, уверяя нас в дружбе, старались поддержать последнее польское восстание), а русское правительство не принимало никогда даже вызовов, не употребляло тех средств, кои напрашивались сами ему в руки, чтоб произвести движение в свою пользу где бы то ни было, даже в самых трудных и критических для себя обстоятельствах. Теперь, надеюсь, все это известно документально, и кому неизвестно, тому объясню здесь кстати.

В Европе считается около 30 миллионов славян, славян единоплеменных с русскими. Многие из них исповедуют одну веру с нами, и все говорят одним языком, разделенным на многие наречия, без большого труда друг другу понятные. Эти славяне под владычеством турецким, австрийским, прусским, саксонским стремились издавна сердцем и душою к России, но русское правительство всеми силами старалось всегда отклоняться от них, не хотело оказывать им никакого вспомоществования, никакого содействия, не оказывало даже нужного покровительства развитию наречий, столько важных и нужных для собственного нашего языка, мешало частным людям входить с ними в сношения, даже ученые (точно как отказывалось от всякого покровительства и путешественникам на Восток*), записывало в черную книгу так называемых славянофилов — все

* Спросите г. Чихачева, что ему отвечало Министерство иностранных дел на его просьбу, и проч.

из опасения причинить неудовольствие Австрии, подать повод к каким-нибудь даже неосновательным подозрениям, — и вот Россия сделалась почти чуждою для славянского родственного населения в Европе. Как же можно приписать этой русской политике козни в отдаленной, иноязычной, иноверной Индии!

Да и с одними ли славянами поступала так наша политика, которую враги для нашего усыпления и обольщения прославляли столько глубокомысленною, проницательною, между тем как она могла похвалиться разве только изяществом слога в своих нотах, писанных на французском языке (по-русски во всем министерстве никогда никто почти не умел писать, начиная от министра и посланников до последнего секретаря).

Молдавия и Валахия обагрены русскою кровью, избавлены от тяжкого турецкого ига нашими победами, приведены если не в цветущее состояние, то, по крайней мере, в возможность развиваться и преуспевать, наделены гражданскими правами и законами — что же? Большую, сильную партию имеет Россия в Молдавии и Валахии? Никакой, в чем европейские комиссары, пребывающие в Яссах, удостоверяются ежедневно. Даже за те серебряные рубли, которыми мы усыпали княжества в последнее время, платя чистыми деньгами (не по-австрийски) за все съестные припасы, часто гнилые, и о которых столько было шуму в европейских газетах, не осталось благодарного воспоминания! А Молдавия и Валахия поближе Индии к России!

Воспользовались ли мы Кавказом? Один умный офицер, служивший в последнее время на Кавказе, передал мне отзыв тамошнего татарина, с которым он где-то сошелся. «Странные люди вы, русские, — сказал мусульманин, — драться — никто с вами не сладит, а пользоваться своими победами не умеете: ну что вы получаете от всех здешних богатых стран? Ровно ничего. Вы оставляете себе только труды и расходы, а выгоды отдаете одним туземцам над другими, и никто вам не благодарен, а недовольных множество».

Что сделали бы англичане с населением армянским, единоплеменники и единоверцы которого занимают под боком

вашу часть азиатской Турции, отстоящую от нас ближе, чем от Константинополя.

Да самая Польша что доставляет нам — кроме ненависти, помехи и опасности в случае неблагоприятных обстоятельств?

Остзейские губернии и Финляндия пользуются такими правами и преимуществами, которые во сне еще не грезятся русским, — и их преданность русскому правительству за свое собственное благосостояние считается чуть ли не благодеянием, за которое Россия обязана им великою благодарностью.

Довольно ли доказательств о слепоте нашей последней политики, довольно ли доказательств, что англичане могут быть спокойны: мы долго не затеем никакого движения против них в Ост-Индии!

Но в России, это правда, начинается новая эра. Благодаря великодушному нашему Государю мы начинаем говорить и рассуждать свободно о всех государственных вопросах. Такая перемена в системе внутреннего управления повлечет с собою непременно перемену и в действиях нашей внешней политики. Правительство будет верно получать теперь такие сведения, такие указания и такие советы, которых оно прежде никак не могло доставать ни за что в свете. В Эривани или Эчмиадзине можно ведь лучше судить о Диарбекире или Тегеране, чем в Петербурге, и в форте Перовском знать о путях сообщения с Хивою, Бухарою и Ташкентом можно вернее, чем в Москве. Мы надеемся вместе и на нынешнее наше Министерство иностранных дел, порученное человеку русскому, заслужившему уже наше доверие: он поймет свою задачу и, помня завещание Паниных, Безбородко, Ростопчиных, будет прислушиваться к общему мнению, которое уже начинает возвышать свой национальный и всегда поучительный, полезный голос.

Вот как рассуждают у нас теперь в Москве об ост-индском вопросе со стороны политической: русская ост-индская экспедиция всегда возможна — это доказал за 330 лет до Рождества Христова Александр Македонский без всех вспомогательных средств нашего времени. Это доказал в

наше время Наполеон I в плане, представленном им покойному императору Павлу, который (NB) по странному стечению обстоятельств скончался от апоплексического удара именно тогда, когда задумал с ним согласиться.

Ни о какой экспедиции в Азию правительство не думает.

И без большой экспедиции малое военное путешествие или почетное посольство под военным прикрытием к некоторым смежным владельцам Средней Азии, в Хиву, Бухару, Ташкент, Кабул, Афганистан, какая-нибудь другая искусная демонстрация, к которой всегда можно найти благовидные предлоги и даже законные причины, может прибавить много хлопот англичанам в настоящее затруднительное для них время.

И демонстрации никакой правительство не хочет делать, не хочет увеличивать затруднений Англии.

За такой образ действий в тяжелых обстоятельствах Англии имеет ли право Россия, рассуждают москвитяне, получить какие-нибудь выгоды, точно как Англия получила их в тяжелых обстоятельствах России, ею же вдобавок вызванных?

В европейских газетах пошла глухая молва о возвращении Гибралтара Испании и предоставлении Мальты Франции за предполагаемую ее помощь? Что же? Одна Россия с 70 миллионами своих жителей, со своим соседством к сцене настоящих действий, со своими отношениями к Средней Азии, со своим удобством вредить Англии, одна Россия не должна получить ничего, не должна думать не об каком возвращении из потерянного. Не будет ли это слишком великодушно, чтоб не сказать иначе?

По крайней мере, почему бы не поставить всех сих соображений на вид англичанам, почему бы не заявить нашего великодушия и бескорыстия, если мы уже решили оставаться праздными зрителями настоящих событий, отказываясь почему бы то ни было от извлечения всякой для себя пользы.

Вот как рассуждает старая московская партия об остиндском вопросе со стороны политической.

Со стороны человеческой, как европейцы, как христиане, как племя образованное, мы желаем успеха англичанам,

желаем, чтоб они утвердили свое владычество в Индии и распространили его сколько могут в Азии, Африке и Америке; мы желаем, чтоб прочие европейские народы успевали точно так же и водворялись крепче и крепче в других частях света, кои должны принять в свои недра избыток европейского народонаселения в многочисленных благоустроенных колониях и тем избавить старую Европу от беспокойств, тревог и опасностей, причиняемых теснотою, пауперизмом и пролетариатом. Сим и Хам, по слову Писания, должны поклониться Иафету. С этой точки зрения, je reviens toujours à mes moutons, усилия противорусские Франции и Англии, кои недавно сочли Турцию необходимым членом европейского семейства и законным тираном десяти миллионов христиан, останутся неизгладимым пятном на страницах их истории.

Желая англичанам совершенного успеха во всех мерах, ими предпринимаемых, и скорейшего окончания возникшей внутренней войны, мы желаем вместе нравственного, умственного, духовного преуспеяния для тех восточных племен, кои судьба привела под власть англичанам. Мы желаем, чтоб англичане умели представлять себя на их месте и с их места, а не с своего, не по-своему, придумали им поступательное движение вперед, хоть тихим, но верным шагом. Мы осуждаем и проклинаем вместе с их человеколюбивыми и беспристрастными писателями власть, имеющую целью одно желание обогатиться на чужой счет, эксплуатацию несчастных туземцев во всех отношениях, как то делалось большею частью до сих пор по собственному их признанию англичанами, да и прочими европейцами. Мы отнюдь не возлагаем вины на одних англичан. Мы не исключаем ни голландцев, ни испанцев, ни итальянцев, ни даже русских. Что сделали эти европейцы для подвластных им племен Африки, Америки, для северных финских племен?

* * *

Негры, эскимосы, чукчи! Но что я говорю о черных, красных, желтых! Как живут те белые, которых неблагоприятная

судьба подчинила тому или другому чужому господству? Как живут ирландцы под английским владычеством? Как живут славяне под австрийским владычеством? Как живут итальянцы под различными своими владычествами? Как живут поляки, рассыпанные по всем частям земного шара?

Стыд, срам и поношение! А сколько кликов об успехах просвещения! Какие жаркие прения о торговле неграми! Девятнадцатый век, девятнадцатый век! Правда — в девятнадцатом веке катаются по железным дорогам и плавают спокойно на быстрых пароходах; вкушают на своих столах яства, собранные со всех пяти частей света, и упиваются тончайшими винами, покоятся на мягких диванах; и стены домов блестят золотом, мрамором и бархатом; всякий вечер услаждают зрение и слух избранные артисты, получающие по сто и по двести тысяч жалованья, — все это правда: искусство и наука вознеслись на высокую степень совершенства, а в каком состоянии находится большинство европейского населения? — спрошу я вас, не быв ни коммунистом, ни социалистом.

Я перейду теперь от племен покоренных, подчиненных, которых коснулся после несчастных индейцев и негров, к племенам господствующим, владетельным. Что вы скажете о десяти миллионах нищих в Англии, о бессчетном количестве пролетариев во Франции, об обрезанной в обрез, без лишней булочки, жизни немецкой, об ужасном положении Испании, о разбоях итальянских, о дикости в Сицилии, о нищете в папских владениях, о толпах лазаронов в Неаполе, которые живут под открытым небом и питаются гадкими морским извержениями, о миллионах крестьян в России, которые едят круглый год пустые щи с коркою черного хлеба, хоть мы и отпускаем пшеницы на многие миллионы в чужие края, которые всю ночь сидят впотьмах или освещаются смрадною лучиною, хоть мы и отпускаем сала на многие миллионы в чужие края, которые ходят в лаптях и одеваются дерюгою, хоть мы и отпускаем кожи и шерсти на многие миллионы в чужие края, — и которых сверх того за все их труды, за все наши артистические наслаждения, купленные их потом и кровью, можно бить, сечь, насиловать,

содержать в тюрьме, ссылать на поселение, осуждать на каторгу, разлучать с семейством? И вот я, из Англии совершив путешествие кругосветное, воротился в любезное Отечество.

Но восходит и для русских светлая заря. Радуйтесь и веселитесь! Я нарочно развернул перед вами печальную картину, нарочно усилил, может быть, мрачные краски, чтоб тем сильнее поразить ваше зрение ярким светом, у нас разлившимся, наполнившим сердца наши небесной сладостью. Государь Император — да будет благословенно в роды родов его имя — перед отъездом своим в чужие края объявил, говорят, решительно непременную свою волю освободить крестьян и исполнить любимую мысль покойного своего родителя. Пусть прольются на его растревоженную могилу несколько капель успокоительного елея! Слышно, что… Однако письмо мое сделалось слишком длинно и пестро. Я предупредил, впрочем, вас, что нахожусь в сердечном волнении. Теперь вы видите причину. До другого раза! В следующем письме я постараюсь познакомить вас с положением этого вопроса, столько интересного для всех друзей добра, свободы и человечества.

Прошедший год (1858) в политике русской и европейской

(письмо в редакцию «Паруса»)

*Non, non, non, je ne veux pas chanter**.
Billet de lotterie. Opera.

Нет, нет, нет, я не хочу, я не могу писать вам историческое обозрение за прошедший год. Мысли в разброде, рука не поворачивается, перо только что царапает бумагу, лихорадка знобит тело и душу. Всякий номер чужих газет поднимает мою желчь; всякий номер своих газет причиняет мне колику:

* Нет, нет, нет, я не хочу идти на уступки (с франц. — *Прим. сост.*).

можно ли рассуждать спокойно об европейских делах, когда мы дома, здесь, завалены важнейшими собственными и когда там нас нигде не спрашивают и почти знать не хотят? Русская внешняя политика везде молчит или махает рукою. Она поступает, положим, прекрасно; но о чем же мне писать? И что мне писать?

Не о Восточном ли вопросе желаете вы услышать мое мнение? Восточный вопрос — ха, ха, ха! Что это такое? Существование Турции в системе европейских государств законное, неприкосновенное, святое? Турция необходима для Европы! Так подписано, и даже орлиным пером, в Парижском договоре. То есть: варварство, по общему признанию великих государственных людей нашего времени, необходимо для цивилизации — какова цивилизация! Уму непременно нужно безумие — гениальный ум! Честь тебе и слава! Христианство не может жить без помощи Магомедовой! Господи! Отпусти им: не ведят бо, что творят и глаголют. Для равновесия Европы десять миллионов славян должны стонать, страдать и мучиться под игом самого дикого деспотизма, самого необузданного фанатизма и самого отчаянного невежества. И такие богохульства могут провозглашаться торжественно во всеуслышание в XIX веке, гордящемся своим прогрессом! Далеко ты ушел, пресловутый XIX век, на парах и винтах, по железным дорогам, с электрическими телеграфами! Горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры! Не думаете ли вы обмануть историю? Нет, вы не обманете не только историю, но даже и мыслящих современников. Прошла пора, когда ваши фразы выслушивались с благоговейным вниманием и ваши парадоксы принимались за чистые деньги. Нет, ныне уже на чердаках, по углам и в подземельях есть много людей, которые, хоть стиснув зубы, произносят вам достойный приговор, заносимый немедленно в историю.

И не уйти вам от суда людского,
Как не уйти от Божьего суда!

В таком расположении духа, судите сами, в состоянии ль я писать вообще о Восточном вопросе? А в частности, как русский гражданин еще менее. Могу ли я, например, произнести хладнокровно имя Константинополя, где еще недавно всякое слово наше было законом, откуда в продолжение ста лет мы были в двух сутках пути, куда за тысячу лет даже ходили самые первые наши удалые князья? Описать ли мне посещение лорда Редклифа? А зачем пожаловало его высокородие, незваное-непрошеное, на берега Босфора? Раскланяться с любезным султаном. Какая рыцарская вежливость! Да разве почтенный лорд прежде уехал с ним не простясь? Покататься по заливу Золотого Рога? Да ведь он дочь свою оставил в Англии, а старику одному кататься — какая стать? Подать благие отеческие советы своему царственному, хоть чалмоносному, воспитаннику? Не поздоровится от них ни Турции, ни Европе, ни России. Что же значит соблазнительная распря лорда Редклифа с сэром Генрихом Бульвером, столько занимавшая европейских журналистов? Слепцы! Позабыли они алкивиадову собаку с обрубленным хвостом! Английские дипломаты, видите, действуют врознь!

Россия не должна иметь влияния в Константинополе — это опасно для Европы. Англия — о, это другое дело, и лорд Редклиф может сменять и определять министров, вязать и решать правоверных, устраивать займы, прокладывать дороги, хозяйничать — напропалую (кстати подвернулось словечко).

Остров Перим, при входе в Черное море, необходимо иметь на сто лет, то есть на веки веков, Англии, а Россия не ступи ногой на Змеиный остров, что в виду Одессы: поколеблется весь материк!

Англичане бомбардируют Джедду, не ожидая султанского решения, которое, впрочем, удовлетворяет все их требования. Это ведь не то, что занятие Молдавии и Валахии, нарушающее верховные права султана… нет, нет, нет! Кровь бросается в голову: я не хочу писать о Турции.

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

По крайней мере, христиане после Парижского трактата благоденствуют в Турции, наслаждаясь всеми правами и благами. Все европейские государства, вместо одной России, приняли на себя обязанность хранить их под своим высоким покровительством. Какие широкие права предоставляют им — не сенед, требованный Россией, не гати-шериф, но гати-гаюман. О, великодушный султан! О, добросердечные турки!

Неугодно ли вам прочесть из новых газет следующую страничку:

«Спокойствие в Боснии восстановлено, но какою ценой? Ценой разорения и опустошения! Мятеж подавлен. Вооруженные турки одержали верх над бедными поселянами, которые могли противопоставить им только мужество отчаяния. Христиане дорого заставили их заплатить за победу. Но наконец они должны были бежать на австрийскую землю. Число переселившихся, не считая стариков, женщин и детей, простирается слишком до 20 000 человек. Но так как переселение произошло довольно поспешно, то многие из этих несчастных не могли взять с собою и своих семейств. Множество женщин и детей осталось внутри страны. Турки, рассерженные тем, что упустили свою добычу, отомстили за то этим бедным. Почти все погибли в истязаниях, описать которые нет сил. Подробности этих зверств так ужасны, что напоминают самые кровавые эпизоды возмущения индусских сипаев».

Что? Каково? Благоденствуют? Благоденствуют и Бога молят за своих покровителей: чтоб ни дна вам, ни покрышки! От турок бегут несчастные к австрийцам! Понимаете ли вы всю трагедию этого движения, настоящего salto mortale? Из огня да в полымя! Нет — похуже! Вот так благоденствуют христиане под покровительством пяти держав — и даже не семи!

Но Молдавия и Валахия получили бесподобную конституцию: поговорим о соединенных княжествах.

Нет, милостивые государи, говорить о соединенных княжествах — у меня также слова завязнут во рту: Молдавия и

Валахия облиты русскою кровью; нет урочища, нет угла, который бы не соединялся в воображении с воспоминаниями о трудах, подвигах, жертвах наших соотечественников; мы вырвали Молдавию и Валахию из когтей Турции и доставили им все средства благосостояния, и вы хотите, чтоб я стал повторять равнодушно перед вами красноречивые аргументации графа Валевского в отеле французского министерства внутренних дел, на берегах Сены, как устроить вновь это юное государство под державою европейского принца (не Кобурга ли или Наполеонида?), или слушать лаконические возражения лорда Коулея и макиавеллические вставки барона Гюбнера? Помилуйте, за какую бесчувственную улитку вы меня принимаете?

А конституция Молдавии и Валахии?

Вот она:

«Исполнительная власть в каждом из обоих княжеств сосредоточивается в руках господаря. Господарь — глава государства, но глава в смысле ограниченном и условном. Хотя он обладает полной инициативой в деле администрации и даже принимает участие в законодательной власти, тем не менее он происходит из недр законодательного собрания, которое удерживает за собою контроль над соблюдением законов и может предать суду министров, назначаемых господарями.

Законодательное собрание составляется посредством народных выборов. Выборы имеют две степени: сначала выбираются избиратели, а потом этими последними выбираются депутаты в законодательное собрание. Избирателем может быть всякий, пользующийся в княжествах правами гражданства, с незапятнанною честию и не подлежащий какой-нибудь иностранной юрисдикции.

Таким образом составленное законодательное собрание выбирает господаря из числа граждан.

Господарь выбирается собранием пожизненно. Что же касается до собрания, то оно возобновляется через семь лет.

Господарь назначает министров и управляет с их содействием. Министры ответственны как перед ним, так и

перед законодательным собранием. Собрание может предать министров суду, и для этого требуется три четверти голосов его наличного состава. Прерогатива господаря состоит в том, что он утверждает и обнародывает законы, имеет право помилования и смягчения наказаний, но каждый акт его должен быть контрасигнирован министром, который несет за него ответственность. Будучи главою администрации, господарь, как сказано выше, принимает участие в отправлениях законодательной власти, то есть он может через своих министров представлять в собрание проекты законов, а главное — бюджеты, в которые должны входить фонды всех специальных касс, находящихся в распоряжении правительства. Но законодательное собрание не стесняется этою инициативой и может принимать или отвергать представленный правительством проект. Никакой налог не может быть взимаем без согласия собрания. Подобно всем прочим законам, регламентам и распоряжениям правительства, законы финансовые должны предаваться гласности посредством обнародования в официальной газете.

Но этими преимуществами не ограничивается новое устройство княжеств; есть еще другие весьма важные учреждения, которыми обеспечивается правильность и действительность этого устройства.

Молдоване и валахи будут все равны перед законом, перед налогом и равно могут занимать государственные должности в обоих княжествах. Личная свобода их будет обеспечена. Никто не может быть задержан, арестован или преследуем иначе, как по закону. Никто не может быть вынужден к отчуждению собственности, как лишь законным образом, ради общественной пользы и на основании вознаграждения. Молдоване и валахи всех христианских вероисповеданий будут равно пользоваться политическими правами. Пользование этими правами может быть распространено и на другие религии законодательными распоряжениями. Все привилегии, исключения или монополии, коими еще пользуются некоторые классы, будут прекращены, и немедленно должно быть приступлено к пересмотру

законов, которыми определяются отношения между поземельными собственниками и земледельцами в видах улучшения крестьянского быта. Муниципальные учреждения, как городские, так и сельские, получат все развития, какие только будут согласны с основами конвенции».

Не правда ли, что у любой страны, немецкой, итальянской, славянской, потекут слюнки, читая такую либеральную конституцию. Чего желать более, справедливо замечает «Русский вестник»! Исполать волохам! Вот, кого захочет наградить Бог, — в окошко пошлет!

А всего любопытнее то, что граф Валевский пишет в своем циркуляре: «Конвенция 19 августа выражает принципы 1789 года, на которых основываются гражданские и народные права Франции». О-о, под какою конвенцией пришлось подписаться Фуаду-Эффенди и графу Киселеву, барону Гюбнеру и графу Гацфельду! Кто же прославляет правила 1789 года? Министр Наполеона III. Как связать, соединить, согласить все эти понятия — пусть разбирается кто может, а я не могу и не понимаю ничего.

Еще для меня не понятно вот что: часто рассуждают политики о том, какой народ созрел и какой не созрел (это их техническое выражение) для тех или других гражданских прав; неужели же Молдавия и Валахия созрели для такой просторной конституции? Уж не органический ли устав доставил им ту оранжерейную теплоту, которая произвела столь блистательное развитие, принесла такие роскошные плоды? Почему ж бы не распространить употребление животворного калорифера, благо испытано столь успешно его счастливое действие. Что до меня, я провел однажды дней шесть в обществе высшего волошского сословия, плывя по Дунаю, пошатался в деревнях волошских около Галаца, осматривая остатки Траянова вала, приглядывался к сельским волошским физиономиям — не верится мне этой зрелости! Мое впечатление, правда, мимоходное. Чем же прикажите проверить его? Пожалуйте мне описание княжеств, рассуждение о их

жителях по сословиям, о характере и нравах, о поземельном владении. Столько консулов и проконсулов русских перебывало в Молдавии и Валахии, генеральных и не генеральных, сколько секретарей и переводчиков; наконец, сколько раз полки наши там жили подолгу: были случаи познакомиться! И нет ни одного описания княжеств, кроме Кантемирова, писанного при Петре Первом. Молдавию и Валахию мы знаем хуже Абиссинии и Нигриции. О невежество! Нет, нет, нет, я не хочу говорить о княжествах.

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

«Но Черногория, Черногория верно возвеселит ваше славянское сердце», — говорите вы и надеетесь, что я распространюсь перед вами с восторгом о славной граховской победе, которая все-таки доказала… Победа, точно, славная, но мне очень не по нутру путешествие князя Даниила и его уполномоченных в Париж, ходатайство их перед западными державами о покровительстве, явление французских кораблей в заливе Гравозы, коими обезоружились турки, рассуждения Франции, Англии, Австрии о границах Черногории — Черногории, которую еще Петр Первый принял под свою опеку, которая с тех пор жила отчасти на нашем иждивении, которой владыки до нашего времени посвящались в Петербурге и которой все важные дела решались нами по старому, признанному ото всех обычаю.

Греция? Да, о Греции давно уже я не слыхал ничего. После жестокого поражения ее англичанами в удовлетворение дона Пачифико (которому в знаменитости в новой европейской истории должен был уступить сам мистер Приччард) толковано было много в газетах о французской партии и министерстве Калерджи, об английской партии и высокомерии г-на Вайза, о каких-то баваро-немецких проделках, а Россия нигде не упоминается. Что же я буду говорить о Греции?

«Ну, так оставим, — прерываете вы меня, — в покое вопросы, которыми растравляются старые раны, которые за-

ставляют трепетать сердце и гонять кровь к оконечностям, хотя, признайтесь, без основательной причины, собственно только от одного нетерпения. Побеседуем о тех европейских происшествиях, кои не имеют никакого отношения к России, к коим вы должны быть беспристрастны и о коих можно рассуждать хладнокровно, — например, об открытии Шербургской гавани».

Слуга покорный! Первый предмет избран вами очень неудачно: неужели, думаете вы, что можно говорить о Шербурге без каких-нибудь тягостных воспоминаний? Позвольте вас спросить, против кого укрепляется так Шербург? Против англичан? Но ведь Франция находится с Англией в тесном союзе. «Правда, но Шербург укрепляется на всякий случай». А, так может существовать «всякий случай» даже и между истыми друзьями? Разумеется, и Англия, обнимаясь, держит все-таки камень за пазухой, укрепляет не только Портсмут, но и все важные приморские пункты. Да и не одни англичане и французы принимают свои меры. Бельгийцы хлопочут об Антверпене, немецкий союз копошится в Раштадте, сардинцы распространяют Специю, австрийцы Полу и Каттаро.

А как рассуждают истые европейские граждане о подобных вооружениях? Послушайте гг. Робука и Линдсея, которые вместе с королевой Викторией пировали в гостях у императора французов. Они кричат во весь голос и вопиют изо всех сил, преувеличивают и даже выдумывают опасности, возводят напраслины, считая своей обязанностью пред Отечеством (слушайте, слушайте: пред Отечеством!) возбуждать внимание сограждан, вызывают напряженную деятельность правительства. Ну как же вы хотите, чтобы я после таких ясных, твердых, громких речей прошептал вам несколько темных и бессвязных слов, пробормотал несколько мизерабельных намеков в роде шарад, омонимов и логогрифов, да и то, оглянувшись направо, налево, вверх, вниз, сжавшись, скорчившись, представив несчастнейшую фигуру, как преступник, ведомый на казнь за уголовное преступление. Нет,

такая унизительная роль надоела; нет, я лучше промолчу о Шербурге, Портсмуте, Антверпене, Раштадте, Специи, Поле, Каттаро — и Севастополе.

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

«А нейтральный флаг, морское право, провозглашенное в парижских конференциях? Вот приобретение международных отношений, вот истинный, благородный прогресс в истории человечества». Послушайте, будем откровенны: вспомните о нейтралитете Дании и Швеции в продолжение последней войны, объявленном повсюду официально и не официально. Между тем английские и французские корабли останавливались преспокойно во всех гаванях шведских и датских, запасались нужными для себя вещами, исправляли повреждения, закупали хлеб, уголь и даже оружие, находили себе всегда безопасное убежище, собирались с силами для нападения. Спрашивается: равнялись ли отношения Швеции и Дании к России с отношениями их к Англии и Франции? Какой же это нейтралитет? А попробуй Швеция, Дания и даже Пруссия не пустить их к себе… хоть под пазуху? Что заговорили б они? Помним мы бомбардировку Копенгагена среди безоблачного мира? Не будут ли они поступать точно так же в каких-нибудь новых столкновениях? Без сомнения, будут поступать точно так же, да еще и с дополнениями, смотря по обстоятельствам. Итак, все это слова, слова, слова: зачем же нам повторять их с голоса или принимать на веру? Нет, нет, нет, не хочу я толковать о нейтральном флаге.

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

«Что вы скажете, по крайней мере, об открытии Китая и Японии для европейской торговли?» Пожалуй, мы порадуемся этому событию как распространению европейского начала, как успехам цивилизации и подумаем про себя, что если Англия с двумя-тремя тысячами солдат могла навести

ужас на небесную империю, то Россия, смежная с Китаем в длину всей Сибири, чего не может сделать, если захочет, с одной дивизией под предводительством Ермака или Хабарова… или чьим-нибудь?

Бесконечные толки о Голштинских делах, утомительные споры о Дунайском судоходстве — это канитель, которую тянут штатные дипломаты от нечего делать и без которой их не за что бы и хлебом кормить, не только довольствовать первоклассным жалованьем. Государства ж европейские — перестанем шутить — ведут свое дело, что называется себе на уме, ни мало не заботясь ни о каких теориях, ни о каких отвлеченных правах, ни о каких нравственных правилах, сообразуясь с своими традиционными планами и текущими обстоятельствами.

Англия, задержанная индийским восстанием, употребляет все свои усилия, чтоб его укротить и вместе подвинуться еще далее в Азию, открыть себе новые рынки, а дома застраховать вернее и вернее свою внешнюю безопасность.

Франция, наоборот, озабочена больше всего мыслью о внутренней безопасности, выжидая случаев занять общее внимание каким-нибудь оригинальным фарсом, которого предусмотреть никто не возьмется. В Риме гарнизон ее зажился подольше, нежели наш корпус в Молдавии и Валахии, и хозяйничает там очень спокойно, не производя ни малейшего смущения в европейских кабинетах и не нарушая ни мало незабвенного равновесия.

Сардиния, благодаря талантам своего министра, ниспосланного ей Богом, в союзе со светом, а не со тьмою, приготовляется, может быть, играть блистательную роль в Италии, которую рано или поздно (вероятно, рано) принуждена будет выпустить из ежовых рукавиц своих Австрия.

Пруссия поступает под управление принца, который сначала, в 1848 году, подвергался общей ненависти и принужден был по требованию народа удалиться в Кобленц, но ныне пользуется, как видно, обращением народного чувства и либеральным, говорят, министерством своим обещает новое

управление. Вот страна, в которой может произойти многое важное с великим влиянием на соседние государства. Конечно, дай Бог людям всякого благополучия, немцам и итальянцам, англичанам и французам, венгерцам и славянам, через кого бы это благополучие ни распространялось; но все как-то грустно, прискорбно, по невольному чувству эгоизма, когда видишь, что из рук выпадает случай сделать великое добро, сослужить важную службу Европе и занять великолепную страницу в истории, но… что будет, то будет. Истории, видно, из ее колеи ничем не выворотишь, и она идет себе, как знает, а как — мы не знаем.

Гораздо понятнее и гораздо приятнее внешней политики замечать некоторые частные явления в жизни государств, знаменующие для мыслящего наблюдателя их идею или их силу, их такт или характер. Таковы: дело о пароходе «Калияри» или, лучше, форма его производства, речи Брайта, назначение Гладстона чрезвычайным комиссаром на Ионические острова, рассуждение лорда Брума и лорда Росселя о распространении образования между ремесленниками, процесс графа Монтеланбера, голос Юнга о предоставлении островов Греции, кроме Корфу. Большая часть сих происшествий замечена в наших газетах и журналах, и некоторые характеризованы превосходно, особенно в «Русском вестнике», так что я не считаю нужным о них распространяться.

Вот, кажется, и все об европейских государствах.

Перечитываю свои заметки и что же нахожу или, лучше, чего не нахожу? Австрию я позабыл, свою любезную, дорогую, ненаглядную Австрию, которой посвятил и столько мысли, чувства, труда, которая испортила мне столько крови и доселе в недобрый час, «порою между волка и собаки», мерещится мне противным привидением. Позабыл — так зато потешу вас в заключение своих полушутливых, полускорбных строк, так потешу, что вы расхохочетесь: от великого до смешного один шаг! Австрию немецкие политики отправляют в крестовый поход на Восток. Призвание Австрии, говорит только что отпечатанная диссертация «Das europaeische Gleichgewicht der

Zukunft», — внести германский элемент на Восток, соединить его с Европой. Она является наследницей крестовых походов…

«Вся деятельность Австрии на юге, на Дунае, к Черному морю. Но Австрия не должна противодействовать в Германии стремлениям к единству. За все, от чего она откажется в Германии, ей вознаградится десятерицею на Востоке. Пруссия со своей стороны не должна противиться австрийским стремлениям на юге. Для Германии очень выгодно, если Австрия будет владеть Дунайскими княжествами, да и для них самих это лучшая участь. Какое богатое поле открылось бы тогда для немецкой промышленности и немецкой торговли и какой превосходный случай для распространения немецкого духа и немецкой культуры! И какая замечательная будущность для Австрии, как увеличится ее могущество, сила, слава! И будто трудно достигнуть этой цели? Пусть Австрия великодушно и добровольно уступит Пруссии первое место в Германии и подкрепит ее на севере; Пруссия же пусть помогает Австрии на Востоке, подкрепляет ее изо всех сил!.. Дунайские княжества ожидают только немецкой деятельности, чтоб сделаться богатыми и цветущими…»

Каково! Не из тучи только, видно, гром гремит! В Австрии пять миллионов немцев и двадцать миллионов чуждых им по языку, вере, истории славян, которые терпеть ее не могут и ждут не дождутся случая от нее избавиться; Австрия не может ночи проспать спокойно дома, не заперев накрепко всех дверей, не закрыв наглухо всех окошек, не расставив везде часовых, не окружив себя разнохарактерной стражею, — и эта Австрия чувствует, слышите, неодолимое призвание прибрать к своим рукам еще десять миллионов славян, гораздо более ей чуждых, на Востоке, чтоб сжать их после в своих отеческих объятиях: пусть выводят цыплят для венских обедов и ужинов. А Россия, которая считает у себя шестьдесят миллионов славян, единоплеменных с австрийскими и турецкими, старайся только об образовании себя и не думай

обращать даже и взоры на восток. Не правда ли, как все это было бы ненавистно, если б не было так смешно?

Такую роль представляют России доброжелательные и приверженные к ней немцы: что же делает сама Россия на поприще европейской политики? Она безмолвствует, повторяем, и как будто нет нигде ее представителей: на европейском толкучем рынке не раздается только русского голоса. Это, по моему смиренному мнению, прекрасно: для чего нам вступаться в копеечные дрязги, что нам спорить о грошевых интересах, к чему домогаться алтынных выгод? В какое сравнение идут нынешние внешние европейские вопросы с нашими домашними громадными вопросами? Лучше без шуму думать свою крепкую думу; лучше пока, предоставляя европейские дела естественному их течению, выжидать спокойно, где что случится, и приготовляться в тишине к будущим действиям, когда они понадобятся, на пользу себе и другим, во имя прогресса, во благо Европе и человечеству.

Вот эти спасительные приготовления, вот эти благородные занятия желал бы я обозреть для общего нашего назидания и утешения в pendant к обозрению западных действий, но, к сожалению, у меня нет достаточных материалов, а без материалов, верных и положительных, ничего написать нельзя. «Как нет материалов, — удивляетесь вы, — мало ли у нас пишется и печатается всякой всячины?» Правда — но многого и недостает. «Какие же материалы вам нужны?» А вот какие. Извольте прослушать внимательно и вникнуть хорошенько в смысл следующих моих слов.

Прежде, однако ж, я сообщу вам оглавление материалов, которые имею, для обозрения домашней русской деятельности под покровительством благодушного Государя. Есть на что порадоваться другу добра и людей…

Повсеместные комитеты в губерниях для рассуждения об улучшении быта крестьян.

Частные отпущения крестьян на волю.

Приобретение Амурской области и ее устройство.

Действия на Кавказе.

Обозрение Оренбургского края.

Занятия Главного общества железных дорог.

Открытые пространства мостовых дорог (chauseés).

Уничтожение винных откупов в десяти губерниях.

Женские училища.

Сто русских путешественников за границей с учеными и промышленными целями.

Политические обозрения «Русского вестника».

Картина Иванова.

Освящение Исаакиевского собора.

Путешествие Государя Императора.

Довольно ли для одного года!

Материалы по этим предметам у меня есть, а вот каких у меня нет.

Чем заняты те пять-шесть человек, которых открыла нам прошедшая война в полном блеске, которые получили одобрительные патенты даже от европейской публики и печати, имеющей для нас значение и вес par excellence, которых способности, следовательно, несомненны? Всякое дело мастера боится, говорит пословица, а пять-шесть человек, каждый по своей части, могут сделать многое. Таких людей деятельность — это общая польза, общий рост, общий прогресс.

Кто же эти пять-шесть человек, которым посчастливилось (редкое у нас счастье) выйти из ряду вон?

Назову вам троих: Тотлебена, Путятина, Хрулева. Четвертый, Иннокентий, увы! скончался в поре самого могучего мужества и покинул свой плуг на несчастной, осиротелой ниве.

Пятого, шестого не назову: пусть охотники до славы воображают себя на открытых вакансиях и в благодарность сделаются мне друзьями в оплот многочисленным моим врагам, раздраженным на меня за мою простую, прямую и слишком искреннюю, может быть, сознаюсь, и грубую речь, которой ценить у нас с непривычки не умеют! Но возвратимся к оглавлению потребных материалов.

Каково здоровье Тотлебена? Чем он занимается? Какие пункты Черного, Азовского, Каспийского, Балтийского, Бело-

го, Аральского, Восточного морей он считает удобными для укрепления и какие средства для того нужными?

Если Франция и Англия укрепляют беспрестанно свои берега, не давая себе отдыха ни на минуту, если Австрия и Сардиния воздвигают новые твердыни, неужели способности человека, понимающего это важное дело лучше всех, остаются без упражнения? Почему вы знаете, например, что завтра-послезавтра не явится в Турции какой-нибудь Магомед II, Солиман, Амурат? Что же — Австрия и Англия помешают им действовать против нас и потребуют от них уважения к Парижскому трактату? Не думаю. Если Венский и Священный подверглись такой комической судьбе, едва ли можно надеяться больше на прочность Парижского. Все, как говорится, до поры до времени. Эпохи Магомедов и Солиманов прошли, думаете вы? Нет; плохо, видно, вы знаете историю, не вникаете в смысл настоящих происшествий, не понимаете, что такое энтузиазм, как он зарождается или производится и какие чудеса производит. Ответ вам не за горами, или, вернее сказать, за горами, но ясный и верный: Шамиль, Шамиль, которому каждые восемь лет приносится в жертву 250-тысячное войско. Что вы скажете об убийствах в Джедде или прежней вспышке Тегеранской, лишившей нас Грибоедова? Везде нужно только средоточие, предводительство. Да и не одни азиатцы, разве европейцы не могут пожаловать к нам в гости еще раз на берега того или другого моря? Почему это посещение невозможно, если сами союзные Франция и Англия боятся взаимных визитов и укрепляются друг перед другом с такими жертвами, с таким напряжением? Вот почему для меня интереснее всяких телеграфических депеш известие о занятиях Тотлебена: что он читает, чего хочет и какие имеет намерения? Имя его встречалось по газетам где-то на Рейне, потом на юге, в какой-то встрече, но уже очень давно, и с тех пор пропал он из виду.

Путятину предлежит поприще не хуже. Это отставной воспитанник Лазарева, товарищ Нахимова и Корнилова. Кому думать лучше о восстановлении разбитого русского флота?

Кто найдет вернее средства утешить тоскующую тень Петра Великого? Года два тому назад я встретил его в партикулярном сюртучке в русской церкви в Париже. Потом явился он негоциатором в переговорах с Китаем на водах Восточного океана. Все это прекрасно, но русские моря без него сиротствуют, и чесменские, синопские герои взывают о мести.

«Голубчики, ко мне! Навались!» Где он, наш лихой, смышленый, обожаемый подчиненными оборонитель Севастополя, что, схватив Севскую роту, отбросил исступленные толпы французские и отбил приступ 6 августа? Какую школу он проходит? Где муштрует солдатиков? Какие сердечно-электрические батареи про черный день подготовляет?

Сочиняют ли князь Меньшиков, князь Горчаков, Муравьев описания действий войск, под их начальством состоявших? Объясняют ли они причины своих успехов и неудач? Какие результаты для будущего времени извлекли они из своих тяжелых опытов? Есть русская пословица: всякое слово сказанное — серебро, а всякое умолчанное — золото. В настоящем случае она должна перевестись наоборот: всякое слово, ими сказанное, — золото, всякое умолчанное — неоплатный долг пред Отечеством, пред наукою, пред совестью. В медицине история болезней, в эстетике история художественных произведений, в юриспруденции история законов и обычаев лучше всяких теорий и систем объясняют дело и составляют драгоценный завет от прошедшего для будущего.

Кроме главнокомандующих, начальники отдельных корпусов, начальники штабов желательно, чтоб представили свои частные отчеты, свои взгляды, свои мнения, свою критику.

Вот чем образуется корпус офицеров и генералов, которые… которые нам нужны. Кампания Крымская и Молдаво-Валахская — это для них новая гимназия, университет, академия. Экзамен задан был нам начистую, не такой, к какому на тройках свозились в Петербург изо всех губернских корпусов кадеты, чтоб из выдолбленных учебников отвечать на заданные вопросы. Пожалуй, полезно содержать дух молодых людей в волнении и заставлять ожидать чего-то; но ка-

кое сравнение показать им берега Качи, Альмы, Черной речки и растолковать историю кампании устами действующих лиц: «Вот если б занять эту высоту, Боскэ не успел бы обойти нашей армии и Альмское сражение было бы выиграно; вот если б здесь французы не оборотились на юг, Севастополь был бы взят ими через три дня. Подоспей сюда Павлов вовремя, под Инкерманом победа была бы наша. Ударь Горчаков в такую-то минуту, дело оборотилось бы иначе на Федюхиных горах. Реад с Врангелем погибли вот от какого несчастного недоразумения. Малахов курган можно б было защитить вот с этой стороны. Волынский, Селенгинский, Камчатский редуты вот почему были важны. Вот когда мы отличились; вот где мы сплоховали». Да, всякое слово запало бы в душу: иная минута стоила б целого курса. Так приготовлялись бы будущие деятели. Да взглянув только на развалины Севастополя, безо всяких комментариев, наберешься жару на десять сражений с… с… ну с кем случится: друзей у нас ведь много везде есть и будет.

Употребите все меры; отыщите все средства собрать мне ответы на мои вопросы — я знаю только книгу Берга, которой не отдано должной справедливости, да сочинения гг. Богдановича и Аничкова, которые, впрочем, не принимали личного участия в действиях.

Далее — нужда учить калачи есть. Медицинская наша часть, блеснувшая в продолжение последней войны именем Пирогова, обнаружила не менее военной свои недостатки: студенты, не кончившие курса из пятого и даже четвертого класса, браты были с учебных лавок на перевязочные пункты, в походные госпитали. Что это за врачи? Какие же меры приняты для устройства наших медицинских факультетов и для успешного учения молодых людей? Открыты ли новые клинические курсы по больницам в Москве и Петербурге?

Да одни ли образованные медики, офицеры, генералы нам нужны? Нам нужны образованные люди на всех местах, что доказывала нам ясно и больно прошедшая несчастная война: как же после войны стала учиться наша талантливая молодежь

и какие меры приняли везде университетские начальства, чтоб усилить учение, сообщить ему степенность и твердость, в гимназиях, университетах, академиях, которые сделались теперь для нас важнее крепостей и арсеналов в практическом даже отношении, не только теоретическом?

Но довольно. Вот видите теперь, какие материалы мне нужны и какие сведения для меня важны. Когда получу их от вас, обещаю вам написать полное политическое обозрение, а на сей раз имейте мя отреченна:

Non, non, non, je ne veux pas chanter.

Примите и проч.
1858 г.
3 декабря.

Взгляд на Европу
au vol d`oiseau

В начале прошлого (1859) года напечатано было в газете «Парус» мое политическое обозрение о 1858 годе. Оно не было понято в истинном своем смысле и подало повод к разным кривым толкам. Недаром давно еще сказал князь Вяземский, что большое счастье для писателя найти понятливых читателей. У нас с непривычки примешивается еще одно странное свойство, невыгодное для писателя, — обижаться ни с того ни с сего, чуть проскользнет где-нибудь словцо, которое мы можем притянуть за волосы на свой счет. Когда я вызывал Гоголя вместо Миргородов и прочих уездных городов перенестись в Петербург, и вместо Сквозников и Ляпкиных-Тяпкиных вывести на сцену кого-нибудь повыше из петербургских грандов, и не обращать внимания на неблагоприятные толки, то он отвечал мне:

«Я не сержусь на толки, как ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются те, которые отыскивают в моих

оригиналах свои собственные черты и бранят меня. Не сержусь, что бранят меня неприятели литературные, продажные таланты, но грустно мне это всеобщее невежество; грустно, когда видишь, что глупейшее мнение ими же опозоренного и оплеванного писателя действует на них же самих и их же водит за нос. Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель. Все против него, и нет никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Он зажигатель, он бунтовщик!» И кто же это говорит? Это говорят люди опытные, люди, которые должны бы иметь на сколько-нибудь ума, чтобы понять дело в настоящем виде, люди, которые считаются образованными и которых свет, по крайней мере, русский свет, называет образованными… Столица щекотливо оскорбляется тем, что выведены нравы шести чиновников провинциальных, что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ее собственные нравы? Я огорчен не нынешним ожесточением против моей пьесы: меня заботит моя печальная будущность. Провинция уже слабо рисуется в моей памяти, черты ее уже бледны. Но жизнь петербургская ярка перед моими глазами, краски ее живы и резки в моей памяти. Малейшая черта ее — и как тогда заговорят мои соотечественники? И то, что бы приняли люди просвещенные с громким смехом и участием, то самое возмущает желчь невежества… рассмотрим положение бедного автора, любящего между тем сильно свое Отечество и своих же соотечественников. И скажи ему, что есть небольшой круг, понимающий его, глядящий на него другими глазами, утешит ли это его?» (Москвитянин. 1855. Окт. № 19 и 20).

Но возвратимся к моей прошлогодней статье. Иные находили ее неприличной по тону. Обвинение произвольное и неосновательное. У всякого человека есть свой тон. У писателя тон этот изменяется еще по распоряжению его духа, по его обстоятельствам. Разбирайте певца, хорошо ли он поет, не фальшивит ли, а что вам за дело, какой у него голос: бас, дискант или баритон. Вам не нравится такой-то голос, ну заткните уши, вот и все тут.

Где вам судить о предметах высшей иностранной политики, говорили другие. Горшки не боги обжигают, сказал, кажется, Котляревский в «Энеиде», вывороченной наизнанку. Не понимаю, почему я могу рассуждать о графе Траутмансдорфе, который умер, положим, вчера, и не могу рассуждать о бароне N., который умрет завтра. Не понимаю, почему я могу рассуждать о мире в Кампоформио, заключенном за 60 лет <до этого>, а не могу рассуждать о мире, заключенном в Париже, или Виллафранке, заключенном в нынешнем году.

Наше невежество, наш застой и прочие отрицательные обстоятельства причиною, что в обществе допускаются подобные дикие понятия.

* * *

Кто б что ни думал, а я скажу опять, что европейская политика смешна, смешна и смешна. Святки предлагают мне самое верное сравнение: государства европейские все играют в жмурки. А может быть, случится, что барыня спросит и весь туалет! Император Наполеон III поднял Итальянский вопрос. Началась война, загремели пушки, потекла кровь, возбудились чувствования у многих. Довольно, сказал он, и все успокоилось. Теперь будет предварительное совещание. Теперь будет заключение мира. Теперь будет конгресс. Теперь не будет конгресса. А между тем перед всяким подобным решением депеши телеграфические, донесения, возражения, предположения, летают между государствами, и публике приходится беспрестанно терпеть в чужом пиру похмелье. Неужели все это не смешно? А журналы-то, а газеты-то! Скука смертная читать их корреспонденции, и тоска берет, когда взглянешь только на их длинные столбцы, в которых говорится много, а не сказывается ничего.

Обозрим главные европейские государства в прошедшем 1859 году.

Испания. Испания поднялась на мавров по старой памяти. Все партии приветствовали с восторгом намерение

правительства, народ принял живое участие. Нельзя не радоваться такому пробуждению народного духа, и нельзя не пожелать, чтоб это пробуждение оказало благодетельное влияние на несчастную судьбу этого почтенного народа, этой прекрасной страны. В продолжение целых 50 лет Испания находилась в состоянии какого-то расстройства, партии сменяли одна другую, выдавали каждая свою систему, а пользы настоящей не принесла ни которая. Грустно следовать за всеми этими несчастными явлениями. Европейские политики не сочинили до сих пор Испанского вопроса, и после несчастных опытов Наполеона I решено, кажется, единогласно, что испанский виноград кисел, хоть и производит малагу. Государства европейские не помогали Испании выйти из ее заколдованного круга; ни одно не подало никакого доброго совета — все та же мелкая обветшалая политика, которая имеет в виду только частные выгоды, бракосочетания или тариф, баланс и всякую, как говорят, эксплуатацию. Высших нравственных мыслей никаких. Напротив, добродетельная Англия при первом известии о намерении испанцев начать войну приняла меры, чтоб Испания отнюдь не распространяла своих границ: целость и неприкосновенность Марокко на западном краю Европы, видно, так же нужны, как и Турция на восточном, для политического равновесия Европы! Политическое равновесие нарушится, если Испания поправит свои дела. Английские газеты со свойственной им наглостью повторяют, что всякий лишний успех испанцев на африканском берегу может быть вреден для Гибралтара (а Гибралтар-то чей?). Прочие со свойственным им подобострастием повторяют сказания своего оракула.

Говорят: Наполеон затеял войну в Марокко. По мне, хоть бы пес, да яйца нес. Утвердить европейское влияние в Африке — это успех образованности, и я рад, чтоб Испания овладела Фецом и Марокко, Франция — Тунисом и Триполем, а Англия — хоть Сагарою, на которой она, верно, ухитрится развести плантации. Управлять завоеванными провинциями нужно иначе — pia desideria! Пока — завоеватели не умеют

еще управляться сами собою, и оппозиции постоянно жалуются на худой порядок дел.

Давно уже я думал об Испании, и мне всегда казалось, что единственное средство спастись ей нравственно по обветшанию или по неудобству всех прочих — разделиться, разделиться на те составные части, из коих она составилась в XV веке по уничтожении владычества мавров — Кастилию, Аррагонию, Леон, Андалузию, Галицию, Бискайю и проч. Эти области могут составить государство союзное (федеративное), разумеется, на новых каких-нибудь основаниях. А искать их — ну вот это и есть задача политиков и ученых. К чему честь, если нечего есть? Какую пользу приносит отвлеченная мысль о политическом значении или могуществе? В какой мере содействуют они благосостоянию народов, которое должно составлять цель высшей политики?

Странно иметь такую мысль, когда другие племена алчут соединения, например итальянцы, немцы. Но о них в свою очередь, жизнь разнообразна, и что полезно, желательно для одной страны, то часто бывает вредно, гибельно для другой. Европой разыгрывается фуга, о которой я говорил еще в своих афоризмах 1826 г<ода>.

Франция. Франция занимает теперь первое место в системе государств европейских: она могущественна и делает, что ей почти угодно. Много славы, много блеска, но счастливее ли она, спросим под лад последних рассуждений в статье об Испании.

Наполеон знает, чего хочет, цель у него перед глазами, и он идет к ней прямо и твердо. Вот от чего он и успевает. А прочие идут ощупью, потому что цели они себе не определили и беспрестанно становятся в фальшивое положение. Он, верно, имеет по временам минуты высококомические и смеется смехом беспримерным, слыша и читая отзывы газет о своих действиях.

А надо признаться, что Наполеон окидывает взором далеко: принадлежит ли ему война Марокко или нет, но то несомненно, что она действует и в Китае, и в Японии, и в

Абиссинии. Вот, например, что рассказывается о действиях французов, преравнодушно повторяемое в наших газетах, как будто бы их дело сторона:

«Молодых персиян послано недавно для образования во Францию сорок. Они выбраны из лучших персидских фамилий, и надзор за ними поручен известному нашему ориенталисту, бывшему консулу в Персии, а теперь занимающемуся преподаванием восточных языков в Collège de France, г. Ходзко. Нельзя не похвалить персидское правительство за подобный выбор; по своим трудам он должен занять между русскими ориенталистами, бесспорно, одно из первых мест. При изучении восточных литератур, в особенности персидской, он действовал постоянно с неутомимым усердием и любовью к делу. Изданий его по этой части множество» (Петерб<ургские> вед<омости>. 1859. 24 окт. № 230).

Лучшие, благороднейшие умы тоскуют, что у них отнята дорого купленная свобода мысли и свобода слова: нельзя им не сочувствовать.

О Наполеоне в статье своей «Итальянский вопрос», помещенной в «Русской беседе», я сказал в ответ на свое замечание, что и Европа ждет и требует великих людей другого рода: а может быть, он хочет быть таким, может быть, он сделается таким. Посмотрим и тогда поздравим его, Европу и человечество.

Последние происшествия поколебали эту мысль, и недоверчивости в общем мнении в этом отношении к Наполеону стало больше. Нельзя, впрочем, решить окончательно, как делают многие, что он руководствуется одними своекорыстными видами. Италии он принес пользу, движению европейской мысли он принес пользу, внутреннее состояние своей страны он возвысил. Подождем конца… Пока нельзя подчас не вспомнить стиха: нечисто, князь!

Опасная пятка его политики — это мысль о своем наследнике. Жаль, если она его задерживает или имеет влияние на его образ действий. Она составила слабую сторону Людовика Филиппа, который все еще мог как-нибудь обольщаться ею, но

чтоб Людовик Наполеон мог смотреть так далеко, это уже верх человеческой самонадеянности. День прошел и до нас дошел. Вот что должно бы составлять его девиз.

Италия. Год примечательный в истории Италии! Надежда наполняла сердца сначала, восторг доходил, с открытием войны, до высочайшей степени, — казалось, цель была уже близка, как вдруг Виллафранкский мир грянул над ней громовым ударом. Итальянцы были ошеломлены, голос негодования раздался повсеместный; но загадка европейского сфинкса еще не отгадана. Как ни злятся на него пылкие итальянцы, разочаровавшись на первых порах в своих мечтаниях, но все-таки нельзя не согласиться, что Наполеону обязаны они искренно или не искренно очень много. Вся страна оживилась. Создались новые положения. Головы в работе — средняя Италия действовала очень хорошо, и кажется, есть надежда, что она предоставится себе. Тогда два государства, Сардиния и средняя Италия, могут, разумеется, действовать еще удачнее и сильнее, нежели до сих пор одна Сардиния, и освободить или выкупить как-нибудь Венецию и часть Ломбардии, оставленные до сих пор вопреки естественной необходимости и здравому смыслу Австрии, или ad interim по глубокому соображению. Хотя, правду сказать, всякое порядочное государство посовестилось бы держать у своей груди насильно таких враждебных детей.

Выкупить — выражение дикое, а оно часто встречалось на столбцах европейских газет, вместе со многими подобными, коими передавалось владение той или другой страной сыну, жене, дитяти, брату, принцу Жерому, зятю короля Леопольда, принцу Кариньянскому, малолетнему графу Роберту, в обмен на такое-то право, с придачею, с отступным, и т. д. «Возьмите себе в государи г-на N., а если не возьмете, так мы Венецию будем мучить». «Для Венеции теперь нельзя ничего сделать, потому что Модена не хочет эрцгерцога». Ищите же логики или права! Европейским газетам не совестно было описывать в подробности подобные сделки, кои прекратятся скоро даже и в России, благодаря благодушию Александра II. О тех народах,

которым приходилось так часто переменять господ, газетам не приходило и в голову подумать.

Неаполь не подает никакой надежды к исправлению, и нынешний король, верно, следует по стопам незабвенного своего родителя, хотя мачеха австрийская и беспокоилась, чтоб он не соскочил с деспотических рельсов. Мачеха вне себя от радости. А святой отец, Pio nono, стал как будто decimo, то есть другим человеком, нежели тот знаменитый папа 1847 года, который начал настоящее итальянское движение. Он сопротивляется всякому улучшению по своей непогрешимости больше всех и за то подвергается опасности.

Англия. Англия, в продолжение войны ворчливая, сделалась по заключении мира покровительницей угнетенной невинности и ратует словом и пером в пользу средней Италии. Мы очень рады и повторим ту же пословицу, которую сказали выше об императоре Наполеоне. Давно ли лорд Россель, лорд Пальмерстон, лорд Дерби и прочие толковали о святости договоров и о правах Австрии? Удивительное превращение понятий! В начале года Англия была против войны, то есть против независимости Италии. Любопытно было бы узнать, какой совет подала бы Англия, если б накануне мира в Виллафранке Наполеон спросил у нее совет?

Вот какая мысль пришла мне в голову при рассуждении о действиях Англии: политики ее, как и самые министры, как и газеты, например «Times», нисколько не стесняются прошедшим и на всякое дело смотрят только в отношении к настоящему времени и к будущему, как оно представляется с настоящей точки. До войны они не видали никаких выгод для себя от побед Наполеоновых — они молчали или объявляли себя против них; теперь обстоятельства им явились под таким углом, что им лучше стать за Италию, чем за Австрию, нисколько не опасаясь противоречия, они действуют решительнее всех в пользу Италии. Для Англии нет прошедшего, а прочие государства стесняются всегда прошедшим, которое как будто связывает им руки и налагает колодки на ноги. В «Петербургской немецкой газете» это распоряжение очень

счастливо и разительно названо! Consquenzwuth. Значительная выгода Англии перед ними!

Мы не станем нисколько осуждать ее за то, но вместе и никак не согласимся с теми из наших публицистов, которые во всяком движении Англии видят и благородство, и кротость, и нежность, и все святые добродетели: «Ни одна война за независимость, оставляющая всегда самое глубокое впечатление в народах», восклицает «Русский вестник» (№ 16. С. 431), «не вносила на свои страницы имени Англии как врага этой независимости».

Да восточная война, коей 10 миллионов христиан предавались в жертву магометанскому неистовству, — что же, не внесена историей с проклятием Англии? Она явилась на стороне христианской независимости? Вы укажите на статью трактата, отдающую христиан под общее европейское покровительство. Так прочтите «Петербургские ведомости», если не хотите читать «Беседы». Во всяком почти номере встречаются известия об ужасном положении христиан под игом турецким. А греки, ищущие на Ионийских островах именно тех прав, каких англичане гордо требуют для средней Италии? А Греческое королевство, которое не скоро опомнится после того удара, нанесенного ему англичанами, неужели во имя независимости? Да на покорение Кавказа с благоволением смотрят англичане? Что пишут они теперь об экспедиции испанской против Марокко?

«Мадридский кабинет может рассчитывать только на увеличение Сеуты и покорение некоторых прибрежных морских местечек, как, например, Танжере. Но этому-то и хочет воспрепятствовать английское правительство. Город и гарнизон Гибралтара питается скотом, овощами и фруктами, привозимыми с марокканского берега, почти против могущественной крепости. Если Гибралтар лишился этого источника, то будет в зависимости от Испании, а в случае разрыва с нею должен будет обращаться или к Алжиру, французским владениям, или к Испании, отдаленность кото-

рой сильно возвысит цену на продукты» («Петерб<ургские> вед<омости>». 4 окт. № 214).

Французские газеты судят об английской политике повернее нашего.

«Из того, что случайности войны или каприз счастья отдали однажды Англии Испанскую крепость, — говорят они, — разве следует, что Испания, беспокоимая уже соседством этого складочного места контрабанды, которое наводняет ее английскими товарами к великому ущербу ее промышленности, униженной господством на ее земле иностранного флота, должна навсегда лишиться права отмщать за свои оскорбления и заставлять уважать свои африканские владения под тем предлогом, что Гибралтар может утратить какую-либо часть своего обаяния? Мы не можем не удивляться наивности, с какою английские газеты решают вопрос следующим рассуждением: «Мы не совсем господа в проливе вследствие занятия Гибралтара; это ворота с двумя замками, от которых у Испании есть один из ключей, могущий в случае известных событий ослабить или уменьшить значение нашего; а между тем никто, кроме нас, не должен господствовать над проливом». Следуя такой логике, легко можно дойти до других заключений, не менее логических и интересных для всего морского мира. У Черного моря, например, также только один исход: Баб-эль-мандебский пролив, над которым господствует отчасти Перимская скала — другой Гибралтар в перспективе, если на него не обратят внимания. Неужели же никто не должен водворяться ни возле, ни напротив, ни где бы то ни было, где бы можно было мешать Периму и планам Англии? Неужели Черное море, как и Средиземное, должно быть роковым образом конфисковано в известный день? Таково, между тем, новое государственное право, которому соседи наши хотят, кажется, подчинить Европу и весь мир. Можно подчиняться праву сильного, но признавать его никак нельзя» (Петерб<ургские> вед<едомости>. 14 окт. № 222).

Англия — славное государство, англичане — великий народ. Я поклоняюсь многим английским учреждениям, чту с благоговением многие имена английские, с восторгом повторяю места из речей английских государственных людей, — но чтоб считать английское правительство или английскую политику идеалом государственной человеческой мудрости — оборони Боже! Англия доставила «Русскому вестнику» многие прекрасные темы для рассуждений, и «Русский вестник» развил их прекрасно, распространил много дельных практических мыслей, заимствовав из «Times» любопытные вещи для русской публики, — но здесь и ставлю я точку. Доверенности к Англии отнюдь разделять безусловно не могу.

Англичане затевают дорогу в Индию, которая будет стоить больше миллиона — вот это любо читать, и грустно, когда подумаешь, что мы не можем довести ее до Троицы, не только провести между Аральским и Каспийским морями или между Каспийским и Черным.

Для примирения с Англией выпишем лучше несколько мест из речей ее государственных людей, за которые нельзя им не кланяться до земли.

Вот, например, что сказал принц Альберт, супруг королевы Виктории, в речи своей при принятии звания председателя в ученом обществе в Абердине:

«Господа, ваше любезное приглашение принять на себя должность вашего председателя на следующий год не могло не удивить меня, когда оно мне было передано. Высокое место, занимаемое наукою, множество знаменитых людей, подвизающихся за ее святое дело, и которых исследования, разливая бесчисленные благодеяния, возбуждают справедливое удивление целого человечества, резко представлялись в моем уме перед сознанием моей собственной незначительности. Мне, простому восторженнику науки, охотному ученику, занять место предводителя и представителя ученых мужей нашего времени, собравшихся преследовать свои важные цели! Нет, это мне казалось невозможным. Подумав, однако же, я пришел к заключению, что, и не быв сотрудни-

ком или руководителем ваших работ, я все-таки могу быть полезен вам, полезен науке, и потому принял ваше предложение. Припоминая, что эта ассоциация есть народная ассоциация, не скрытое братство людей, завистливо хранящих тайны своего призвания, но приглашающая непосвященных, целую публику, присоединиться к ней, которой цель уничтожить эти воображаемые и вредные преграды, существующие между учеными и так называемыми практическими людьми, я почувствовал, что, по моему положению, я могу явиться представителем этой обширной публики, пользующейся вашими подвигами на поприще знания и удивляющейся им, хотя неспособной им содействовать, что мое избрание было действием смирения с вашей стороны и отказаться от него было бы ложной скромностью, гордостью с моей стороны. Но мне пришло еще в голову потом, что, приняв ваше предложение, я мог подать ее величеству один из немногих случаев заявить вам, через посредство ее мужа, что ваши труды глубоко ценятся нашей государыней» (Петерб<ургские> вед<омости>. 6 окт. № 215).

Германия. Немцы раздражились при мысли, что Наполеон им угрозить хочет, и пошла писать журналистика о немецком могуществе, о политическом значении, о соединении. Да чего же вам лучше, добрые люди, устроиться домашним образом, каждому в своем углу, Саксен-Мейнингенском или Ангальт-Кетенском. Личная свобода, право собственности, свобода мысли и печати — блага несравненные ни с какой силой! Как удобно для вас сделать все нужные преобразования: сама история подготовила вам формы, облегчила вам труды, так нет, вам этого мало! Чего же вы еще хотите? Рожна, что ли? Наука, исследование, домашнее счастье, романы Лафонтена, песнь Шиллера к радости, рейнвейн, баварское пиво — есть чему позавидовать, а могущество, сила, политическое значение — это все понятия обветшалые в наше время! Век ушел вперед!

Бедное человечество! Да когда же ты вразумишься, что единое есть на потребу! Вирцбургский съезд и совещание

Бамбергское и еще какое-то — это отпрыски Франкфуртского дерева, а плода никакого.

Дания, Швеция и Норвегия. Мы знаем о них мало, члены наших миссий не представляют никаких наблюдений, а они были бы любопытны, нужны! Теперь что-то толкуют о раздоре между Швецией и Норвегией. Первой необходимостью, казалось бы, составить им северный союз с Пруссией и Россией, и приготовить conirepontds Англии на севере, чтоб она не смела повторить истории с Копенгагеном или распоряжаться по произволу Швецией и Пруссией, как то было в последнюю войну. Для нас было бы нужно запретить им Немецкое и Балтийское моря, если они запирают нам Черное, Средиземное, но Скандинавского вопроса Европа еще не касалась.

Турция. Турция остается болезненным наростом на европейском теле, получившим к стыду какое-то смешное освящение. Турция соединилась какими-то брачными узами с Европой, сосватанная лордом Пальмерстоном. Перемены министерств следуют в Константинополе одна за другою. Один черт на дьяволе, а мы-то повторяем с почтением: Риза-паша, Фуад-паша-Кипризли-паша — на одну всех осину, и Абдель-Кадер не мог написать султану того, что он написал новому Наполеонову министру в Алжире.

«Мы благодарим Бога за то, что он внушил императору средства к улучшению участи страны и ее жителей и что он назначает туда людей, которые умеют связывать и развязывать (восточное выражение, то есть управлять). Мы надеемся, что всем будет сделано все доброе и что все, что с тобою будет сделано, — будет хорошо» (Петерб<ургские> вед<омости>. 8 окт. № 217).

Султан публиковал, впрочем, манифест о сбережении финансов, который мы выпишем:

«Могущество и благоденствие государства зависят, прежде всего, от его финансового положения: без кредита невозможен никакой успех. Нет сомнения в том, что, введя порядок в управление финансами и благоразумно употребляя их, всякое государство, даже обремененное долгами, в непро-

должительное время может достигнуть могущества и благоденствия. Известно также, что в последнее время, вследствие различных причин, удары, нанесенные кредиту Турции, повергли всю страну в бездну, в которой она теперь находится; настоятельные нужды заставили правительство сделать несколько займов у Галатских купцов на условиях весьма тяжелых и разорительных и сверх того выпустить разные бумажные деньги: все эти меры подорвали доверие к государству как внутри, так и вне его. С другой стороны, беспорядок в расходах еще более увеличил зло и привел дела к тому дурному положению, в каком они теперь находятся.

При помощи Всемогущего я буду неусыпно заботиться о предупреждении опасных последствий такого положения, и моя высочайшая и безусловная воля требует, чтобы и министры, не подчиняясь никаким внушениям личного соперничества, также не жалели со своей стороны никаких трудов и усилий для изыскания средств, которыми можно упрочить благосостояние Турции.

Кто станет действовать вопреки этой цели, тот даст ответ не только в настоящей, но и в будущей жизни. Но выбраться из бездны, в которой мы находимся, и спасти империю мы можем только с помощью самых энергических мер; а потому нам надо серьезно и основательно обсудить, как в целом, так и в частях, следующий важный пункт: следует ли сохранить наши прежние привычки и образ действий, произведший все эти издержки, или отказаться от них и с помощью Божьей повести все управление государством так, чтобы оно могло заслужить общее доверие.

О решении этого важного вопроса повелеваю донести мне. 14 октября 1859 года» (Моск<овские> ведомости. 27 окт. № 255). Ай да турки!

Приведем еще следующие слова из константинопольского журнала о последнем заговоре, чтоб подать некоторое понятие о разыгрываемых там комедиях.

Газета «Levant Herald», обвиненная в том, что она оправдывала заговор целью, которую имели в виду его виновники,

навлекла на себя гнев правительства в особенности следующими заключительными словами статьи своей: «Мы ограничимся замечанием, что если б могли сообщить вполне все, что слышали о мужественных речах, произнесенных в комиссии, то всякий искренний друг Турции и его правительства одобрил бы справедливость их, все рукоплескали бы патриотизму этих бесстрашных людей, которые не побоялись клеймить недобросовестность даже в такую минуту, когда перед ними стоял эшафот».

Газета «Pays»: «Султан объявил, говорят, самым положительным образом, что не только не допустит страшного наказания, постановленного против виновных, но и выкажет вполне свое самодержавное милосердие. Он намерен смягчить наказание наиболее виновных и подвергнуть их двухлетнему тюремному заключению, а Гуссейна-пашу, во внимание к славным его заслугам и отличиям в Карее, совершенно освободить от наказания» (Петерб<ургские> вед<омости>. 14 окт. № 222).

Австрия — der zweite kranke Mann в Европе, продолжает страдать, и только загнанности племен, ограниченности вожаков надо приписать, что они не умеют найти формы для своих протестов, для вытребования себе прав законных. У славян есть Кавур — это Палацкий, но ему надо дать средства! Что-то скажет Венгрия? А Кроация молчит*. Вот что пишут английские политики о положении Австрии в наше время:

«Это похоже на парадокс, но во всей империи нет ни одного племени, которое было бы одного образа мыслей с правительством или с армией, которое считало бы Итальянскую войну несчастьем и бесчестием для себя. В глазах всех австрийских народов разбита только та отсталая, централизирующая клерикальная система, которая господствовала в продолжение десяти лет. В ней-то заключается настоящая опасность для Австрийской монархии. Что может, при такой обстановке, сказать Австрия против двух своих соперников? Венгрия простирается почти до самой ее столицы, и сказать,

* Нет, не молчит: я услышал недавно об одной замечательной брошюре на эту тему, напечатанной в Париже.

что Венгрия страна враждебная, будет отнюдь не много. Венгерцы, покоренные с помощью России в 1849 г<оду>, потеряли все, что мирило их с австрийским господством. И не одна Венгрия в таком положении. Таким образом, Австрия идет на конгресс, потеряв Ломбардию, вместе с правом покровительства центральной Италии и, кроме того, с опасностью низойти на степень второстепенной державы. Мы говорим о людях, у которых упрямство считается величайшей добродетелью; тем не менее не мешает дать совет, пока еще время. Мы не видим, почему бы австрийская монархия не могла опять окрепнуть; но для этого нужно только принять те принципы, которые полезны народам. Императору надобно подумать, что вся его система правления — анахронизм. Провинции требуют только хорошего правления и для его прочности — муниципальных учреждений. Зачем венский двор хочет упорствовать в такой системе, которая во всех отношениях оказалась бесплодной, которая не могла образовать ни одного генерала между столькими сотнями тысяч солдат, ни одного дельного финансового человека между таким множеством чиновников?» (Моск<овские> ведомости. 11 дек. № 294).

Америка отличилась, повесив Броуна. Европе до этого нет дела, потому что американский вопрос не сочинен.

Китай. Богдыхану не счастливится в отношении к европейцам не так, как к султану. Напирают они на него плотно, а всех ближе-то он к нам!

* * *

Взглянем вообще на европейскую политику. Эти вопросы, ответы, предположения, бесконечная переписка, приводящая в отчаянье самого яростного читателя газет, — неужели эта пенелопина ткань знаменует силу, великое или высокое? В оправдание нашего утверждения поместим собственные европейские отзывы, пред которыми наше высшее общество раболепствует, пренебрегая домашними. Вот что пишет лондонский корреспондент:

«Говорят, слово для дипломата — не что иное, как средство скрывать свои мысли; но некоторые из этих господ видят в нем одно орудие лжи, готовы на любом конгрессе или конференции отказаться от того, что утверждали и защищали накануне, и продолжают отпираться даже тогда, когда им, так сказать, тычут носом на вчерашний протокол. И это представители великих и могущественных государств! Чего же ожидать от агентов американского правительства, определяющего свои отношения к другим державам по своим собственным новым международным законам, не существующим у Вателя и прежде всего основывающимся на всемогущем долларе?» (Петерб<ургские> вед<омости>. 14 окт. № 222).

Нет — для величия, видно, вакансия, и не трудно занять ее! Не трудно, не трудно открыть новый свет, начать новую эру, но, чтоб поставить яйцо на стол, все-таки нужна смелость или догадка. Недаром говорили древние: «Sapere aude!»

Восточный вопрос, Итальянский вопрос — да почему же ныне Восточный, а завтра Итальянский? Что же, Восточный вопрос решен, что ли? Не говоря о прочем, успокоены христиане под игом турецким? Ничуть не бывало. Все хуже и хуже. Так почему же вы принялись за решение другого вопроса, не кончив этого? Что такое Итальянский вопрос и чем же безнужнее Славянский? Славяне не только под турками, но и под австрийцами страдают не меньше итальянцев, а больше: почему же не хотите вы, да и кто вы, доставить славянам тех благ, о коих вы хлопочете для итальянцев? Скоро ли начнется Венгерский, Греческий вопрос? Все это слова, слова и слова! Есть французский водевиль: «Asinus asinum fricat».

Россия начала постройку железной дороги из Москвы в Саратов; она деятельно занимается также пароходством по Каспийскому морю; окончание Кавказской войны позволит ей теперь обратить все свое внимание на Среднюю Азию, тем более что жители киргизских и туркменских степей давно просили покровительства ее от притеснений Хивы. Она, вероятно, найдет теперь необходимым устроить железную

дорогу от Каспийского моря до Арала, улучшить судоходство по рекам Аму- и Сыр-Дарье, орошающим эти страны, и построением крепостей на протяжении 264 верст, отделяющих Каспийское море от Аральского, приобретет огромное влияние на различные области Средней Азии. Тогда английская торговля в Индии непременно погибнет. Европа и сама Англия найдут очень выгодным для себя иметь сношения с Средней Азией по Московско-Саратовской железной дороге, вместо того чтобы совершать огромный переход по морю, мимо мыса Доброй Надежды. Исполнение этого гигантского предприятия уже начато. Политическое, территориальное и коммерческое расширение России в английской Индии с этих пор — неудержимо.

Слышу возражения и обвинения. Как вы смеете вступаться в чужое дело? Кто дал вам право указывать? Почему вы можете судить о покорении Кавказа?

Помилуйте, милостивые государи, все это говорю не я.

Не смейте оправдываться, вы давно замечены.

Ей-Богу не я.

Так кто же?

Это «Times», и ее слова перепечатаны в Московских и Петербургских ведомостях (Петерб<ургские> вед<омости>. 17 окт. № 225).

Позвольте же, милостивые государи, мне приступить теперь к вам с вопросом: почему все это позволено говорить «Times», а не мне? Мне, как русскому, кажется приличнее бы, законнее, рассуждать о своем вопросе, чем англичанину, тем более что русскому нечего опасаться следствий от покорения Кавказа, а англичанину наоборот. А вот он говорит и не боится повредить своему Отечеству указанием опасностей совершенно мнимых, а я должен молчать как рыба?

Без шуток — покорение Кавказа есть одно из величайших происшествий в нашей новейшей истории и открывает нам блистательные виды в будущем!

Чудное явление представляет Россия! Что б ни делали против нее ее враги, внешние и внутренние, она прет, она

ломится вперед. В прошлом году приобретен Амур, а в нынешнем — Кавказ, работы о крестьянском вопросе со всеми соприкосновенными делами идут в 50 комитетах, финансовые меры предпринимаются высокой важности, проекты приготовляются по части судебной, чиновники награждаются землями, публичные прения допускаются, казенные заводы передаются в частные руки, прокладывается множество новых дорог железных и каменных, деятельная благородная литература развивается с беспрестанным появлением новых достойных деятелей, новых талантов. Господи! буди милость твоя на нас, яко же уповахом на Тя!

* * *

В таком положении мы должны смотреть на иностранные газеты более свысока и принимать их известия с большей разборчивостью: пусть их редакторы, имея свои выгоды и свои виды, морочат друг друга, как им угодно: нашим-то газетам из чего влезать в их кожу, разделять их мнимые надежды, услаждаться их успехами и огорчаться их неудачами? Русские газеты перепечатывают из иностранных газет и с важным видом повторяют их пристрастные и подкупные мнения. Милостивые государи! своими, своими глазами должны мы смотреть на вещи, а не через французские, немецкие и даже английские очки. Просвещенный министр иностранный открывает вам путь.

Это прекрасное объявление пусть послужит заключением тех замечаний о России в нынешнем обозрении au vol d`oiseau.

Полгода все европейские газеты были заняты толком о предстоявшем конгрессе. «Идея конгресса, — говорит «Русский вестник» в ноябрьской книжке, — конечно, одна из светлых идей будущего устройства международных отношений; но в настоящее время она далека еще от своего осуществления».

Смею привести мысль о конгрессах из моих «Исторических афоризмов», напечатанных в 1836 году:

«Каждое из новых государств европейских начало действовать только в своих границах и представляло собой всю Европу, то есть в каждом государстве, основанном одинаково с другими, происходили одни явления: завоевание, феодализм, междоусобные войны (средние века). Они оканчиваются везде самодержавием. Вся Европа становится, так сказать, одним феодальным государством, и начинаются новые междоусобные войны, войны между государями, которые оканчиваются Наполеоном и Священным союзом (Новая история. Внутренние волнения другого рода, политической пропаганды), — и когда-нибудь союзом Европейских Амфиктионов (Новейшая и будущая история), коему полагается основание нынешними конгрессами».

1860 г.

1 января.

По поводу новых слухов

Никогда не было так много и так убедительно говорено и писано в Европе о прогрессе, о цивилизации, о гуманизме, о рациональности, как в наше время, и никогда не господствовал столько слепой случай и грубый произвол, никогда не обнаруживались самые мелкие страсти и личные расчеты с такою наглостью, как ныне. Передовые государства играют как будто по грошу в ералаш и посредством всяких шулерских проделок стараются обмануть друг друга на два рубля с полтиной. За доказательствами ходить не далеко: давно ли почти вся Европа шла на Россию, потому что вся Россия заступалась за несчастных славян и вообще за христиан, угнетенных турками? Права султана нарушались намерениями России! Прекрасно! А теперь те же самые государства вооружаются на ту же Россию, заступаясь за поляков! Помилуйте! Вы поступаете всотеро хуже того, за что недавно негодовали, за что вели ужасную, кровопролитную войну! Чем требования императора Николая были больше требований, выражаемых

нотами Франции, Англии и Австрии? Если император Николай оскорблял права султана, то вы-то что делаете с Русским Государем? Если император Николай поступал несправедливо, то ваши поступки как назвать следует? Вспомните, что невинные турецкие славяне подвергались страшным мукам, истязаниям и виноватые поляки получают со всяким днем от Александра II новые права и торжественный обет их расширения наравне с верными русскими!

Но, положим, вы сознали несправедливость своих прежних мнений и действий, вы размягчились, умилились и одушевились самыми человеколюбивыми чувствами, вы хотите помочь несчастным угнетенным народностям и потому идете освободить поляков.

Да почему же вы не хотите освободить черногорцев, босняков, герцеговинцев, сербов, болгар, которых бедствия под игом варварского племени не идут и в сравнение с нынешним положением поляков, — что печатаете вы сами ежедневно во всех ваших газетах, по свидетельствам консулов и путешественников! Если помогать страдальцам, то с них бы и начать всего лучше и целесообразнее при таком благодатном настроении духа! Помогая им, вы уничтожаете господство дикого, магометанского племени, приобретаете богатые области себе в распоряжение и употребляете гораздо меньше усилий, а помогая полякам без особой нужды, вы идете войною на сильный народ, который не может подставить вам шею. Следовательно, в этом случае вы ставите более или менее на карту собственное свое благосостояние, а там выигрываете наверное! Там справедливость, необходимость, польза, здесь беззаконие, прихоть, вред! Какое же сравнение и какой может быть у вас расчет?

Если европейцам невозможно действовать лучше и умнее, то… то нельзя не согласиться, смотря на настоящие события, что они зависят от первого встречного или от слепого случая; нельзя не согласиться, что общий уровень государственной мудрости в настоящую минуту значительно упал.

С какой стороны ни посмотреть на эту предполагаемую войну, везде она представляется беззаконною: Польшей Россия

не овладела, а Польшу отдала России сама Европа за свое собственное освобождение и в то же время отдала Швеции Норвегию, Пруссии Вестфалию, Австрии Венецию, и проч. и проч. Вы хотите взять ее назад, ну так дайте вознаграждение.

Добрые люди, честные должники! Уплатили с грехом пополам кровный долг по заемному письму, да и ну грабить благодетеля!

Грустно, досадно, оскорбительно, а хотите ли смешного? Итальянцы, слышно, содействуют Франции в ее вражде с Россией.

Итальянцы идут помогать полякам — да что же они не освобождают своей Венеции, томящейся в руках австрийцев? Итальянцы идут помогать полякам — да что же они не выгоняют из своего Рима французов, которые мешают установиться их королевству, оставляют туловище без головы и препятствуют правильному кровообращению во всем теле? Итальянцы идут помогать полякам — да что же они не искореняют разбойников, наводняющих Неаполь, Сицилию, папские области и не дающих покоя пятимиллионному населению? Если здесь нет аристофановского смешного, то я не знаю, чему же можно смеяться с большим правом без шуток? Разве протесту за несчастных поляков чувствительной Турции, столько благодеющей своим славянам?

Хороша и Швеция! Она собирается также воевать: один из знаменитых публицистов уступил уж ей Финляндию, Лифляндию, Эстляндию и Курляндию, даже с литовскими племенами. Кому-нибудь, лишь бы не России. О, любовь к Отечеству! А финляндцы и думать не хотят о старом господстве Швеции по очень простой, впрочем, естественной и основательной причине: Россия кормит их часто своим хлебом, а Швеции с Норвегией самим бывает по временам есть нечего.

Наполеон прельстил Швецию, но Наполеон уйдет и когда-нибудь придет, а Россия остается подле нее с 70 миллионами жителей против 3 или 4!

Не ожидать ли еще нам какой-нибудь демонстрации от Молдавии и Валахии, освобожденных нами, от Греции,

которая получает себе короля не в лице брата английского наследного принца, а в лице брата его жены и будущего мужа его сестры?

Зато Пруссия, Австрия и Англия сохраняют, говорят, нейтралитет.

Нейтралитет! О, благодетели! Подумайте хорошенько о вашем собственном положении. Судьба предлагает вам прекрасный случай соединиться опять, только не для священного союза, а для выгодной временной, срочной сделки, чтоб избавиться от любезного соседа, который не даст ведь вам спать спокойно, пока дышит, — а союзник вам теперь по своим обстоятельствам, хоть не рад, да готов, по-прежнему Россия: старый друг лучше новых двух!

Нет ничего естественнее, целесообразнее этой стачки! К ней ведут обстоятельства с неудержимой силой.

В одном из своих политических писем во время Крымской войны я писал, что Наполеон, порешив войну с Россией, не оставит в покое Австрию и примется непременно за Италию. Это и случилось.

Так точно теперь я скажу Пруссии, что она непременно должна ожидать себе в гости Наполеона на Рейне после успешной, чего оборони Боже, войны с Россией, следовательно, собственные ее выгоды требуют держаться России.

А Австрии стоит только вспомнить Сольферино и Мадженту, да и Виллафранкский мир с Цюрихским конгрессом не принес ей значительной пользы и особенного удовольствия. Опасности грозят ей все еще большие, и заговорить их на время можно, только присоединившись к России.

Если же Австрия и Пруссия будут с Россией заодно, то Англия, вероятно, не поскупится для закадычного своего друга отделать Лонгвудское помещение на острове Св. Елены, остающееся так долго без жильцов после кончины Наполеона I.

Наполеон III играет в большую игру: если бы даже Австрия, Пруссия и Россия не заключили между собою наступательного и оборонительного трактата лет на пяток, то одно

проигранное им сражение, где бы то ни было, пробудит деятельные козни в Париже, где г. Талейран оставил по себе ведь много наследников, да и г. Фуше скончался не бездетным. Легитимисты и орлеанисты, а с другой стороны, республиканцы и социалисты, не преминут воспользоваться обстоятельствами, и… и… придется поэтам приписать еще куплетец к стихотворному подражанию Штолле, переведенному у нас Жуковским и еще недавно Миллером: «Сыны Франции».

А эпиграф к похождениям… готов из собрания русских пословиц: повадится кувшин по воду ходить, там ему и голову положить!

Но перенесемся из Старого ветшающего Света в Новый Свет: не умнее ли он нас?

Увы! Там идут дела хуже нашего и, кроме того, прибавляют нам хлопот и смут: там сорокамиллионное почти население стоит стена на стену, воюет и дерется между собой несмотря на то, что воевать и драться не умеет, а только проливает кровь и истребляет друг друга. За что? За свободу!

Да почему же европейцы не помогут меньшим братьям своими советами? Почему самый старший брат Иоанафан только пожимает плечами?

Европейцы используют правило невмешательства. А в русские дела почему они вмешиваются?

Этого мало: американская война, остановив вывоз хлопка, тяготит Англию и оставляет там миллионы работников умирать с голода без работы; американская война вредит промышленности во Франции, Германии, России, словом, почти всей Европе, и все-таки она не находит возможным положить ей конец так или иначе, терпит и молчит!

Неужели во всех этих явлениях виден высокий политический и нравственный смысл, которым имеет право гордиться Европа?

Нет, нет и нет, и мы смело повторяем замечание одного английского мыслителя (которое, впрочем, часто приводилось у нас лет двадцать назад, в покойном «Москвитянине»), что душа убывает на Западе.

Душа убывает на Западе, а прибывает ли она на Востоке? Подай Господи!

1861 г.

14 апреля.

Об оборонительных средствах

События нынешнего года показали ясно, что Россия союзников в Европе не имеет и ни на кого в случае нужды положиться не может. Напротив, все европейские государства, как правительства, так и народы, питают к ней враждебные чувства, рады всякому несчастью и готовы пользоваться любым случаем, чтоб причинить ей вред, уменьшить ее силу, ослабить ее значение. Недавно еще мы имели случай удостовериться, что даже малейшее расположение, оказанное нам с чьей бы то ни было стороны, воздвигает общую бурю. Прусская конвенция, основанная на простейших правилах и условиях соседства, наблюдавшихся везде и всегда, повлекла было войну за собой вслед за громогласными протестами кабинетов и журналов. Недобросовестные переговоры о польских делах, при которых во всякой ноте Россия видит себе оскорбления и угрозы, а мятеж получает одобрение и поддержку, а с другой стороны — самые ясные и сильные доказательства, которые отвергаются без всякого уважения не только к истине, но и к здравому смыслу, рано или поздно должны кончиться войной.

Не место и не время исследовать причины общей ненависти к России Европы, которая, казалось нам, ничего не получила и не видала от нас, кроме добра, кроме почтения и готовности к услугам.

Мы не только одни, без друзей, но и окружены врагами, готовыми поднять на нас руку под самыми пустыми предлогами, по ничтожному поводу.

В таком положении, разумеется, нам не о чем больше думать, как об усилении, на первый раз, наших оборонительных

средств. Мы должны быть готовы на всякий случай и сторожить зорко все движения наших врагов, а еще больше друзей, чтобы не напали они на нас врасплох, как в 1854 году.

Впрочем, оборонительные средства наши должны быть в готовности и исправности не только ввиду грозящих опасностей, но и всегда, в самое мирное и спокойное время.

Франция и Англия, соединенные тесной дружбой (а не во вражде, как с нами), продолжают безостановочно укреплять свои берега и увеличивать вообще военные приготовления. Что положено трудов и денег на Шербург и Портсмут! Припомним, какой шум поднялся в парламентах по поводу путешествия гг. Робука и Линдсея в Шербург. Французские суда сочтены и взвешены были до последней лодки.

Так действуют союзники. Какие же усилия нам надо прилагать, опасаясь беспрестанно нападения, разумеется само собой.

С этой стороны, мы должны помянуть с великой благодарностью покойного императора Николая Павловича, который употребил много труда на сооружение твердынь Динабурга, Бреста, Бобруйска, Киева, Новогеоргиевска и прочих крепостей в царстве Польском*. Вот это государственная проницательность!

Осмелюсь здесь, кстати, обратить внимание на статью свою, напечатанную вскоре по заключении Парижского мира, которая подверглась в свое время нареканиям, совершенно неосновательным, как то теперь самым очевидным образом подтверждается. Читатели, справясь, увидят, что в словах моих был смысл и что они имели цель, несмотря на шутливый тон их, — о необходимости укреплять берега, устраивать флот, приготовлять офицеров и не напоказ, а на дело, учить медиков и проч. Припомним слова, сказанные недавно английскими министрами в парламентах.

С тех пор, то есть с 1856 года, обстоятельства, особенно нынешние, достаточно оправдали все тогдашние опасения.

* Желательно бы иметь обстоятельнейшие сведения об этих сооружениях. Что мы знаем о них кроме имен!

Итальянский корреспондент «Северной почты» (№ 145) пишет: «Мы ни на минуту не хотим допустить, чтобы колоссальные военные приготовления последних пяти лет производились против одной России. С подобными элементами дело может идти не об участии не держав, а целого мира!» Страшно читать эти строки о «колоссальных приготовлениях пяти лет», в продолжении которых мы занимались другими делами.

Какие газеты ни возьмешь теперь в руки, везде встречаешь одно и то же memento mori. Вот, например, что вчера напечатано: (26 сентября, № 209).

«В настоящее время в Турции стараются приготовить и привести в исполнение весьма важный план касательно устройства армии и флота. Если этот план будет удачно выполнен, то он даст Порте возможность занять новое положение между военными державами Европы. Кроме первых реформ султана Махмута II, старавшегося извлечь Турцию из варварского состояния, в каком она находилась при вступлении его на престол, нельзя указать ни на одну меру столь решительную, как предпринимаемая теперь. Притом невозможно отрицать, что этот план не чужд строгой последовательности, ибо османы прежде всего народ воинственный. В качестве такого народа они в продолжение трех столетий играли в Европе важную, иногда господствующую роль. Но зато им не удалось развить в себе до значительной степени других качеств».

«Устройству флота благоприятствует то обстоятельство, что им очень интересуется сам султан. Тотчас по вступлении на престол он обратил на него особенное внимание. На флот употреблена часть обоих займов, заключенных в его царствование, и при этом султан старался приобрести военные корабли новой конструкции. Уже строится не менее четырех панцирных корветов и в текущем году выписаны из Англии искусные морские инженеры, которым поручено производство этих работ. До тех пор, пока существовал русский Черноморский флот, турки, ввиду сильного соседа, не могли думать о господстве в случае войны на Черном море только

собственными силами. Поэтому турецкий флот годился более для демонстраций, нежели для настоящего дела, и флот их всегда подвергался гибели, что доказало Синопское сражение. Но когда вследствие падения южной половины Севастополя Черноморский флот был уничтожен, то для турецкого флота, на случай войны с Россией, обстоятельства сделались уже благоприятнее. Этому флоту предстоит теперь обязанность действовать на Черном море против русских пароходов, которые устроены собственно не для военного дела, но в случае разрыва с Турцией могут быть вооружены. И по всей вероятности этот флот будет вполне соответствовать своей цели, особенно когда подоспеют броненосные суда».

Что вы скажете на это, читатели? Россия может спокойно наблюдать турецкие приготовления и заниматься только внутренними своими делами?

А вот известие другого рода:

«Чрез Дарданельский пролив прошли два английские судна с грузом оружия для кавказских горцев. Русский поверенный в делах в Константинополе протестовал против пропуска этих кораблей; но Порта отвечала, что она не берет на себя ответственность за эту контрабанду».

Порта не берет на себя ответственность — что же нам делать? Осмелимся ли остановить контрабанду? Не может ли здесь встретиться упрямство какого-нибудь офицера, о котором говорил выше лорд Пальмерстон и которое может иногда навлекать войну? Но это мимоходом.

Европа очевидно грозит нам войной. Правительство принимает оборонительные меры, это мы слышим, но нужно, во-первых, чтоб все граждане воспламенились в своих чувствах, приготовлялись ко всяким случайностям и участвовали во всех государственных действиях словом, делом и помышлением, несли свои силы, познания, мысли на общее дело.

Дух должен быть поднимаем, общее участие возбуждаемо. Возьмем опять пример с Англии. Какое электричество пробежало по всему острову, когда возникло там опасение войны, и общества волонтеров, образовавшиеся по всем

городам, верно на весах европейских получили значительную тяжесть, предотвратили отчасти войну. Немецкие стрелки и гимнасты имеют также свое значение. Любовь к Отечеству — это огонь, но огонь должен получать себе пищу, а без пищи он гаснет!

Мы сказали, что, во-первых, граждане должны все нести, а теперь скажем, во-вторых, нужно, чтоб приносимое было принимаемо с вниманием, с ласкою, с благодушием употребляемо в дело. Иначе какая польза быть кому бы то ни было гласом вопиющего в пустыне?

Наши государственные люди имеют боязнь всякого чужого мнения и считают себя далай-ламами, для которых не нужно ничьего совета!

А казалось бы на простой взгляд: что же за стыд послушаться доброго слова? Одного нигде не станет на все. И если произойдет от чужого совета, то разве честь не в равной или даже не в высшей степени должна быть приписана тому, кто ее задумал? Мысль, как бы она ни была благодетельна, одна ничего еще не значит. Следовательно, исполнить мысль, привести ее в действие — вот где сила.

Одинокий образ действий с требуемым молчанием до добра довести никогда не может. Укажу для примера на военные учебные заведения: о них, в продолжение двадцатилетнего управления генерала Ростовцева, не смел никто произнести ни одного слова, и в какое положение они были приведены, правительство увидело теперь само и решило преобразования. Таким разительным примером воспользоваться должно, и говорить, говорить не обинуясь.

С целью обратить внимание наших государственных людей на необходимость не только на пользу принимать чужие советы я рассказал недавно в «Русских ведомостях» анекдот о пьяном кузнеце, который научил Петра Великого (Петра Великого, а не господина N.N., S.S. и cons.) средству пополнить растерянную артиллерию.

Приведу здесь, кстати, слова знаменитого крестьянина Петровских времен Посошкова:

«Бог никому во всяком деле одному совершенного разумения не дал, но разделил в малые дробинки, каждому по силе его, — овому дал много, овому ж менее, обаче нет такого человека, ему же бы не дал Бог ничего; и что дал знати малосмысленному, того не дал знати многосмысленному, и того ради и самому премудрому человеку не надлежит гордиться и умом своим возноситься, и малосмысленным ничтожить не надлежит, но их в совет призывать надобно».

Искренне советовал бы я нашим государственным людям написать в своих кабинетах золотыми буквами эти глубокомысленные слова крестьянина Посошкова.

Некогда им следовать за литературой, за журналистикой: они должны иметь при себе доверенных людей, которые читали бы все выходящее и доводили до их сведения полезное и нужное.

* * *

С этой целью я намерен в издаваемых заметках предлагать свои мысли о разных современных вопросах, а равно и мысли знакомых и незнакомых друзей Отечества и добра. Долговременные размышления и наблюдения, многократные опыты, может быть, помогут нам иногда увидеть кое-где то, чего не видят другие. А ошибки исправятся в общем рассуждении. Главное — искренность, отсутствие всяких задних мыслей и полная независимость — вот за что я отвечаю в своих заметках и что поставляю непременным условием для всех желающих присоединить свои голоса к моему.

* * *

Одно из несчастных заблуждений, повторяю, распространившееся у нас после Крымской войны под самой благовидной наружностью, — вот оно: мы должны заниматься теперь внутренними делами, а в Европе нам дела нет.

Да Европе-то до нас дело есть: если она трепетала России невольной, то вольная Россия спать ей не дает спокойно. Ну вот она и ищет теперь предлогов, как бы остановить Россию на пути ее развития, как бы помешать ей собраться со своими силами для решения Восточного вопроса, а за ним и всех прочих: западных, северных, южных.

Время никого не ждет, обстоятельства идут своей чередой: они все переплелись в Европе так, что нет никакой возможности их разделять ни у нас, ни у других.

Странно было думать, чтоб Европа стала дожидаться окончания наших внутренних дел и полной готовности встретить незваных гостей или даже пожалования к себе в гости.

Несчастная Польша подвернулась с границами 1772 года и служит Европе отчаянным авангардом, проливая даром свою кровь и развлекая наши силы в угоду общих врагов.

Как бы то ни было, мы должны готовиться, острить штыки, точить сабли, лить пушки, запасаться порохом, учить ребятишек по деревням артикулу, вызывать охотников, забирать негодяев в военную службу, устраивать медицинские факультеты, муштровать солдат, подготовлять офицеров, думать, писать и толковать о всяческих случайностях, опасностях и нуждах, изобретать всякие средства и пуще всего беречь денежку на черный день.

* * *

Лишь только я написал о необходимости беречь денежку на черный день, как прочел в газетах:

«Парижский корреспондент «Indépendance Belge», от 30 сентября, говорит, что предостережение, полученное газетой «La Presse», дано ей по особому требованию г-на Друэн де Люиса. Эта строгая мера вызвана была не общим направлением статьи, но только фразой, в которой говорится, что при внешней политике правительства, как она ведется в настоящее время, страна должна быть постоянно наготове завинчивать штыки, продавать ренты и *собирать свое золото*».

Итак, для войны должно иметь дома как можно больше золота: почему же наши финансиеры считали возможным и полезным отпускать беспрерывно, в продолжение целого года, золотые крохи, свои и заемные, несмотря на то что мы всякую минуту опасались войны?

1863 г.

20 сентября.

Политическое обозрение 1866 года
(из газеты «Русский»)

Прежде, нежели мы начнем сообщение сведений о текущих новостях, считаем нужным представить обозрение государств европейских и их взаимных отношений вследствие событий прошедшего года.

В этих событиях главное участие принимала *Пруссия*: с нее мы и начнем наше обозрение.

Прошедший год составляет блистательную эпоху в истории этого государства: оно протянулось сплошной массой от Немана до Рейна и за Рейн, покорив Ганновер, Гессен, Нассау, Франкфурт; присоединив Шлезвиг и Голштинию; подчинив себе Саксонию, Мекленбург, Ольденбург и проч. Пруссия в продолжение семинедельной войны (покороче семилетней — Фридриха Великого) одолела Австрию и, исключив ее из Германии, освободилась от сильной соперницы.

Такого исхода расприи в Европе не ожидал, разумеется, никто.

Никогда так не оправдывалась русская пословица, что *смелость города берет*.

И удивительно складываются происшествия: в 1848 году вся Германия из церкви Святого Павла во Франкфурте предлагала добровольно Пруссии предводительство, первенство, империю — Пруссия отказывалась, может быть, потому, что Европа не изъявляла своего согласия, а теперь делает Пруссия

свою операцию насильственно, и Европа молчанием своим одобряет ее образ действий.

Душой всего предприятия был граф Бисмарк, доверенное лицо короля Вильгельма. Он умел найти способных сотрудников и на поприще войны, и на поприще мира, сделать исподволь все нужные приготовления и кончить дело в два-три месяца с беспримерным успехом.

Заметим еще, что все это он сделал, находясь в распре со своими палатами, которые он распускал несколько раз сряду.

Как приступил он к делу, чем застраховал его — покрыто еще тайной!

Начать войну с Австрией, так же как и заключить прежде союз с Италией, он не мог без согласия и одобрения император Наполеона: чем же мог он подвинуть к согласию императора Наполеона? Какие сделал ему обещания?

Император Наполеон, соглашаясь, может быть, имел в виду только ослабление Германии вследствие междоусобной войны и удобство распространить свои границы при благоприятных обстоятельствах.

Но быстрые, решительные победы Пруссии изменили неожиданно положение и создали новые отношения. В непосредственном соседстве с Францией образовалась теперь новая могущественная держава, которой, кажется, не мог желать император Наполеон.

Неужели это действительно так *случилось*? Неужели граф Бисмарк до такой степени мог отуманить ему глаза?

Припомним еще, что до войны произошло возмущение в Молдавии и Валахии, свержен князь Куза и посажен на престол Гогенцоллерн, также с ведома и согласия Франции.

Посмотрим на события с другой стороны.

Давно ли Европа считала наше временное занятие Молдавии и Валахии нарушением равновесия и оскорблением власти султана, несмотря на торжественные обещания императора Николая, а теперь молчит, хотя Пруссия усилилась втрое и Австрия ослабела впятеро, — молчит и не чувствует никакой перемены в своем равновесии.

Король Ганноверский отстраняется от престола, король Саксонский стесняется в главных правах своих, император Австрийский низводится с высоты своего величия — и европейская дипломатия, столь ревностно оберегающая честь султана, ни мало не соблазняется этими явлениями.

Вся Европа поднимала войну на Россию за предположенное ею (Европой) *намерение* России поразить как будто Турцию, а теперь вся Европа сносит терпеливо *исполненное* поражение Австрии.

Пруссия уничтожила Имперский сейм и стала главой нового Германского союза, — протеста не слышно ни с чьей стороны.

Ганновер присоединила к себе Пруссия без малейшего протеста, даже со стороны Англии, соединенной с ним, однако ж, династическими узами.

Нечего уже говорить о Шлезвиге и Голштинии, которые отняты были у Дании вместе с Австрией, от имени Германского союза, отняты были для герцога Августенбургского, а теперь зачислены просто за Пруссией.

Вольный город Франкфурт взят без всяких околичностей, заплатив пред тем несколько миллионов контрибуции.

Все это очень странно и не подлежит суду публики, не имеющей достаточного количества данных, чтоб произнести свое мнение. Подождем, что скажет нынешний год. Теперь же неизвестно: друг и союзник Пруссии император Наполеон или враг и противник? К кому склоняется Пруссия, к Франции или к России? Это вопросы.

Укрепление Кенигсберга и желание провести дорогу оттуда на Лецен до Лыка и Белостока не располагают нас к особенной доверчивости. Феодальная партия, пишут в газетах, расходится более и более с графом Бисмарком, между прочим, за его двусмысленный образ действий в отношении к России.

Пруссия была остановлена или, вернее, сама хотела остановиться на пути своих побед и приобретений, и продолжение их, покорение остальной Германии или, говоря учтивее,

объединение всей Германии, предоставила весьма благоразумно будущему времени.

Задача ее теперь — претворить в свою плоть и кровь приобретенные владения: труда предстоит много.

Если в своей палате правительство находило постоянную оппозицию, то что же представит общий северогерманский парламент, в котором будут заседать, кроме либеральной, так называемой, партии, противники из Ганновера, Гессена, Франкфурта, Голштинии, Саксонии, пылающих ненавистью к Пруссии?

Как бы то ни было, Пруссия есть теперь могущественная, первоклассная держава в Европе.

А как бедны ее средства! У нее нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни железа, ни чернозема, ни соли, ни шерсти, ни вина. Что же есть?

Трудолюбие, порядок, бережливость, постоянство, настойчивость, законность, образование.

Управление прусское — верх, говорят, совершенства, а неудовольствий все-таки внутри не оберешься. Таков человек!

И для кого работал, и для кого работает граф Бисмарк, того, может быть, он и не предчувствует, а увидят разве наши внуки.

* * *

Австрия перенесла тяжелое испытание. В странном ослеплении она решилась на войну с Пруссией и Италией вместе, думала уже разделить Пруссию и привести Италию в прежнее к себе подданство, но в неделю была разбита совершенно и теперь должна всякую минуту трепетать за свое существование.

Осмеливаюсь напомнить, что говорил я в 1839 году* в своих политических письмах: «Австрия похожа на гроб повапленный, на старое дерево, гниющее внутри, хотя и одетое снаружи листьями, которое один порыв ветра может ис-

* См. статью «Опасности России».

торгнуть с корнем вон. Меттерних понимает это состояние, и главная задача австрийской политики состоит в том, чтоб сохранить in statu quo в Европе, ибо одной войны, где бы то ни было, может быть достаточно, чтоб Австрия разорвалась на составные свои части. И в самом деле, при такой пламенной ненависти 25 миллионов против 5 может ли это искусственное, мозаическое целое удержаться долго! О Меттернихе между славянами господствует такое мнение: он — знаменитый политик, *отрицательный*, который действует посредством тьмы, а не света, следовательно, не прочно, не надолго; что его политики достаточно на время мирное, но что первая война обнаружит ее существенные недостатки».

В 1842 году это я подтвердил, сказав, что «Австрия слабеет час от часу и едва ли больше Турции заключает в себе внутренней самостоятельности. При первой войне, где бы то ни было, она может разорваться на части. В Наполеоново время этого не случилось, потому что славянское племя далеко было от настоящей зрелости и сознания. Имя и авторитет Меттерниха удерживает панически общее стремление, но смерть его явит многое народу».

В 1848 году опасности отстранены были помощью России.

Наконец, в 1855 году я сказал: «Неужели Австрия надеется наслаждаться плодами своей измены (относительно России)? Неужели она думает, что Франция, справясь с Россией, оставит ее в покое? Опасности ее те же, только с отсрочкой, а император Николай поблагонадежнее был бы для нее в союзе Людовика Бонапарте. Принимая сторону Запада и содействуя теперь унижению России, она лишилась навсегда этой верной благодетельной союзницы. Она причиняла нам много зла и причиняет теперь, преимущественно вследствие нашего ослепления, причинит и еще, несмотря на прозрение, — но ее дни изочтены, и скоро европейская география будет говорить уже о бывшей Австрии».

Предсказания мои исполняются перед нашими глазами. Все части Австрии стремятся к самобытности. Все

жены, принесшие ей такие богатые приданые, ищут развода*, так или иначе.

Вот наказание за ее неблагодарность, которой так хвалился Шварценберг. Если б она осталась верной России в Ольмюце или хоть после принятия Россией Венской ноты, то Крымской войны не было бы или она получила бы другой исход, а Австрия сохранила бы себе могущественного союзника!

Бог как будто ослепляет ее правительство: отдай Австрия пред началом нынешней войны Венецию добровольно Италии, она не только освободилась бы с честью от опасностей, но и угрозила бы Пруссии.

А теперь, теперь она бьется как рыба об лед: все прежние ее патенты, дипломы и манифесты не помогают, и вот она издает какой-то новый рескрипт, который производит неудовольствия больше всех.

Австрия возбуждает или, по крайней мере, потворствует полякам в их неистовствах против русских, чем ставит против себя весь русский народ.

Первый министр ее, служащий, впрочем, по найму, саксонский барон Бейст, высказал, говорят, мысль: дать Галиции положение, подобное Венгрии, — и советовал даже некоторым частям польской депутации требовать этого. Несчастная политика, которая повлечет государство прямо в пропасть!

Угнетая систематически в продолжение веков все славянские племена, обижая всячески, даже и теперь, чехов, словаков, хорватов, сербов, она обращает свои симпатии к полякам — а те ей верят! Несчастные!

Славянские же газеты твердят в один голос, что Бейст, очевидно, готов принести в жертву славян немцам, туркам и мадьярам. По последним известиям, немецкая и мадьярская партии соединились: система дуализма восторжествовала. Горе славянам, которые в Австрии имеют нужду в заступничестве и еще более, чем в Турции!

Какая же роль останется для поляков? Роль предателей не только русского, но и всего славянского дела, с собствен-

* Bella gerant alii, tu felix, Austria, nube (Матвей Корвин).

ным своим включительно! Братья, опомнитесь! Еще есть время, но уже мало!

Император Наполеон сказал в последней своей речи, что могущество Австрии необходимо для европейского равновесия.

Но какое же могущество останется за нею, если она потеряла не только свое влияние, но и все владения в Италии и вместе вытеснена из Германии?

Организовать даже Южный германский союз нет сил, хотя, казалось бы, ему нашлись бы тайные друзья и на Севере.

Австрии предлежит, говорят, поприще действий на Востоке.

Многие венские газеты высказываются даже о необходимости для Австрии занять Белград своими войсками после удаления оттуда турецких войск: иначе, говорят они, Белград и вся Сербия подпадут под влияние России, что было бы в высшей степени опасно для Австрии.

Так печатают у себя австрийские газеты: можем, следовательно, и мы выражать у себя мнения об этих вопросах, которые для России столько же важны, как и для Австрии, а для славянского мира кольми паче.

План вознаградить Австрию на Востоке, о котором твердят все газеты австрийские, немецкие, французские и английские, представляется очень вероятным. В таком случае отношения ее к Польше получат новое значение. Опять скажем: подождем! Но действия или намерения Австрии еще несравненно более, чем действия или намерения Пруссии, побуждают Россию к осторожности.

* * *

Германия. Германии еще нет, а есть Пруссия, которая покорила себе северную ее часть: Ганновер, Гессен, Франкфурт и подчинила Саксонию, Мекленбург, Ольденбург и проч.

Все эти страны питают ненависть к Пруссии, и прусский, сознаемся, заносчивый, высокомерный характер, получивший

ныне такое ободрение, не содействует к ослаблению этого тяжелого чувства. Берлин — столица Германии: этого не может, кажется, никогда переварить ни один истый немец.

Северному парламенту не представляется много утешительных видов после печальных многолетних опытов в прусском домашнем парламенте.

Южная Германия затрудняется составить союз, хотя и раздаются голоса об его возможности, необходимости, будущности, по крайней мере, о безопасном существовании, наподобие Швейцарии и Бельгии. Крылья прусского черного орла, видимо, ширятся уже над нею.

Немцы много хлопотали о соединении, видя в нем условие своего значения. Европейские соседние политики по старой методе не желали этого соединения, почитая его невыгодным для себя. Может быть, здесь и есть своя доля временной правды политической. Но выгодно ли будет такое соединение и для самой Германии не в отношении к внешнему блеску (слава, нас учили, дым!), а внутреннему благосостоянию? Счастливее ли она сделается? Соединения изнутри нет и быть, по-видимому, долго не может, а соединение извне, насильное, добра не обещает, по крайней мере для современников, а разве тридцатилетнее брожение, если даже не тридцатилетнюю войну. Германии дала история свою особую форму, посредством которой она развивалась и достигла высокой степени в разных отношениях: совершенствовать эту форму — вот, казалось бы, истинный путь, на который, вероятно, она и возвратится, хотя в новой обстановке в новом духе.

* * *

Франция. Belle France! Страна политических опытов, страна блистательных подвигов, богатая талантами всех родов, способная на пожертвования! Какое чувство глубокого почтения ощущаешь, ходя по славным залам Луврского музея, странствуя по бесконечным галереям Версаля или в темных аллеях Тюильерийского сада! Сколько ума, остроты, весело-

сти, аттической соли рассыпается ежедневно на парижских сценах! А здешние ораторы, историки, естествоиспытатели? Эти великолепные больницы, управляемые знаменитостями! Общая любезность, живость, услужливость — сердце, готовое ежеминутно воспламениться, вспорхнуть, подобно кипучему шампанскому, характеристическому вину Франции! Представилась моему воображению и эта резвая струя чистой воды, катящейся ныне в канавах по всем улицам, освежающей воздух.

Но довольно, я слишком расхвалился, воспоминая, благодарный, приятные впечатления, полученные мною недавно во Франции. Обратимся к действительности политической.

В нынешнем году не повезло, кажется, Франции. Боюсь сказать решительно, что не повезло, и прибавляю — кажется: так трудно мне допустить, чтоб Бисмарк провел Наполеона, а если это случилось, то честь и слава прусскому министру, хоть не вообще, а условно! Пруссия усилилась вдвое-втрое и, протянувшись вплоть до Франции, стала к ней лицом к лицу с силою чуть ли не равною. До 1866 года шагу никто не мог сделать в Европе без ведома и согласия Франции, а теперь можно иногда и без него обходиться. Это не шутка! Округление границы, даже незначительное, встретило затруднения: о Рейне, следовательно, и думать нельзя! Это сильный удар Франции, если не предполагается какой-либо тайной сделки, еще не обнаружившейся! Возведение на престол Молдавии и Валахии Гогенцоллерна, еще до начала войны с Австрией, заставляло и заставляет все еще задумываться. Наполеон ведь сам же содействовал союзу Пруссии и Италии!

А может быть, действительно на всякого мудреца находит иногда простота!

Второй удар, менее важный в сущности, но оскорбительный для самолюбия, — это необходимость вывести войско из Мексики, не солоно как будто там похлебавши. Распря с императором Максимилианом, который не только отказывается от покровительства, но и действует вопреки, грозится обнародовать какие-то документы, не может приносить удовольствие императору Наполеону.

Наконец, облагодетельствованная Италия выходит из-под опеки, а, соединяясь с Пруссией, может, чего доброго, попросить когда-нибудь и Ниццу обратно с премией за подержание.

Во всяком случае, император Наполеон не может теперь так решительно говорить с кавалером Нигрою, как прежде, ни с графом Гольцем.

Рим оставляется французскими войсками, и этот важный залог выходит из его рук.

Вот какие неудачи потерпела французская политика. За Турцию она заступалась ревностно в прошедшем году и грозила грекам: ныне ветер переменился, и она, слышно, требует для греков больше других, что также не очень благовидно.

Франция должна, разумеется, искать союза с Англией, который может быть куплен только дорогой ценой. Может помогать ей в некоторых случаях Австрия, имея свои виды. А прочие государства?

Работы для дипломатии много!

Во внутренней политике Наполеона всего больше вреда принесли ему, кажется, династические предположения. Удивительно, как такой умный человек может ослепляться мыслью о своей мнимой династии. День прошел и до нас дошел — вот что должно бы быть его девизом. Если Луи Филипп погубил себя отчасти заботами об укреплении династии, имея шесть взрослых сынов, один другого талантливее, то как же может думать Наполеон о своем отроке! Доживи он до его совершеннолетия, окажись он способным, свяжи партия и войско свою судьбу неразрывными узами с ним, не случись способнейших противников, — он сделается наследником сам собою, а приготовлять ему наследство, вести дело к этой цели и приносить ей разные жертвы накладно в высшей степени! Игра не стоит свеч.

А сколько затруднений Наполеону с партиями — легитимистов, орлеанистов, республиканцев всех сортов, клерикалов. Вот и граф Шамбор после долгого молчания дал о себе знать письмом, в котором также осуждает действия правительства относительно Пруссии и Италии, противные

преданиям Франции, и обещает в нужном случае явиться и делить опасности Отечества. Полиция строго следила за распространением этого письма, написанного вообще в либерально-национальном духе, может быть, по согласию с орлеанской фамилией.

И каждая из этих партий мешает и старается затруднить правительство. К каким уловкам должно прибегать оно! Недавно отменено право прений об адресе, но дано право запроса. На простой взгляд, не все ли то равно? Под тем или другим заглавием говорить одно и то же? Не комедия ли это? И право запроса ограничено под разными условиями: ну так это шаг не вперед, а назад. Или — хуже, да иначе.

Чего ожидать должно от Наполеона в следующем году?

Преобразование армии, вопреки расположению всего народа и палат, увольнение министра финансов Фульда, назначение военным Ниля не предвещает ничего доброго и мирного!

Войны, по крайней мере до окончания всемирной выставки, то есть до осени, пока развезутся все товары по местам, предполагать трудно.

А после что?

Война с Пруссией и, следовательно, с Германией? Или — война на Востоке?

Куда понесутся тучи: на ближайший Восток, на дальний юго-восток, на северо-восток — Бог знает!

Не мы ли все-таки должны больше всех опасаться бури с его стороны?

Громоотводы необходимы.

* * *

Англия. Англичане знают, разумеется, лучше всех, чего хотят, и идут к своей цели неуклонно, с вигами ли то или с ториями. Мутной воды в Европе много, и они, вероятно, чинят старые сети, вяжут и новые; собираются ловить рыбу, высматривая, где выгоднее закидывать невод.

У английской политики нет безусловных правил: она сообразуется с обстоятельствами и не затрудняется поворачивать круто. На то есть у нее всякие винты — виги, тори и проч.

Греческий король посажен ими на престол. Ионические острова они уступили грекам. Теперь начинают помогать Криту. И очень вероятно, что они намерены образовать сильное государство греческое, хотя двадцать лет тому назад уничтожили греческий флот. Видно, так лучше.

Все это, разумеется, не с целью, полезной для России!

Как поучительно, приятно наблюдать или созерцать государственных людей Англии! Чтоб быть там деятелем, нужно иметь великие способности, нужно много учиться, нужно пройти через строгую школу парламента, нужно иметь силу работать с утра до ночи и от ночи до утра. Читатели, разумеется, помнят о блистательных сметах Гладстона во время его управления министерством финансовым. Теперь он в отставке, но не без дела — вот он съездил в Италию, вместе с Росселем и Кларендоном, осмотрел дела ее, был в Риме (в Греции он был прежде, а кстати, и Гомера издавал), повидался и потолковал с императором Наполеоном, с его министрами, попировал на обеде экономистов, очаровал всех своим красноречием, познаниями, издал речи о реформе и готовится вступить в бой с министерством, — а там Дизраэли готовит ему отпор. Вот где сила Англии! Члены парламента только что слушай и, как присяжные, произноси свое: да или нет. Причины все и доказательства пред ними.

Мешает им теперь лига о реформе парламентской касательно выборов, мешает волнение в Ирландии, ну да англичанин — дошлый человек, как говорит Садовский, дело разберет и порешит: это теперь, а это после, это сюда, а это туда…

Но все-таки нищета, составляя десятый процент всего народонаселения, не служит доказательством великой государственной мудрости английских правителей, и ту апострофу, которую я сделал им лет 25 тому назад и над которой так глумился Герцен, повторю я и теперь: Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе службе, единое же есть на потребу.

* * *

Италия. Сардинии выпал тот же жребий в Италии, какой достался Пруссии относительно Германии.

Италия получила Венецию, хотя не вследствие собственных усилий, а благодаря союзу с Пруссией. Есть много надежды, что и Рим достанется наконец ей во власть; тогда мудрено будет держаться Сентябрьской конвенции и правительству оставаться во Флоренции.

Италия объединилась, но в пользу ли ей, как и Германии, будет это объединение? Может ли Италия сделаться единицей, а не сложностью, то есть сумеет ли туринское правительство так повести дело, чтоб все итальянские отдельные владения — Ломбардия, и Венеция, и Генуа, и Флоренция, и Рим, и Неаполь, и Сардиния — развивались самостоятельно, оставались собою и вместе действовали как целое, особое, единое государство в 25 миллионов жителей — покажет время.

Италия в союзе с Пруссией в силах всегда затруднять Францию, которая не может уже с сих пор иметь Апеннинский полуостров под своей опекой, как и Австрия.

Папе приходят злые дни, но говорят, что именно в злые дни он бывает особенно велик и силен. Посмотрим, — а теперь видим только, что грешит безгрешный осязательно для всех православных и не православных. Переговоры с папой ведутся беспрерывно, но до сих пор без видимого успеха.

Италию занимает теперь больше всего дело о продаже духовных имуществ: правительство намеривалось возвратить духовные имущества, назначенные на погашение государственного долга, за 600 миллионов франков, сумму, которая должна быть уплачена в 6 лет, а между тем все имущества, оставленные конгрегациям по духовным завещаниям, кои отчуждать они не смели права, должны быть проданы в десятилетний срок.

Банкирский Бельгийский дом Лангран-Дюмонсо брал на себя эту операцию, которую многие депутаты нашли невыгодной для правительства.

* * *

Испания. Прискорбное зрелище представляет Пиренейский полуостров! Чего недостает ему? Плодородная почва, благорастворенный климат, выгодное местоположение с великими морями по сторонам, широкие судоходные реки, естественные границы, обилие плодов земных — и сладкая малага, и крепкий херес! Народ даровитый, благородный, терпеливый. А что видим мы здесь в продолжение последних пятидесяти лет? Как будто носится тяжелой мглой дух Филиппа II над этими несчастными странами. Отец Кларет да мать Патрочинио, вырвавшиеся из галерей Сурбарана и Риберы, составляют бессменную стражу около престола или правительственный совет. Между тем столичные революции сменяют одна другую, то Нарваес берет верх, то Одонель, то Эспартеро (а Прим, Олосага в резерве!). Почему не удаются придумываемые ими меры? Что за участие принимает в них народ? Или соблюдает только страдательную роль?

Если туземцы не могут вырваться из своих глубоких колей и отрешиться от своих сильных преданий, то как же посольства европейские не знакомят нас с положением Испании и не указывают, с одной стороны, на причины зла, а с другой — на полезные лекарства?*

Хотя есть близкие к нашему сердцу племена в Европе, для которых мы должны беречь всю силу наших благожеланий на наступивший 1867 год, но как европейцы, как добрые русские мы принимаем теплое участие в судьбе всех братий по Иафету, не в пример тем знаменитым невежам Парижа, которые гонят нас в глубину Азии: почему и желаем благородным испанцам успокоиться после их бесплодных долговременных смятений и найти себе поскорее наилучшее положение.

---

* Наши миссии никогда не сообщали публике никаких сведений о тех правительствах и народах, при коих они находятся. Если и были какие, то они скрываются, вероятно, в архивах Министерства иностранных дел.

* * *

Что сказать о *Дании*? Обобранная во имя национальности и лишенная Шлезвига и Голштинии, населенных, говорят, немецким племенем, она, кстати, лишена и северного Шлезвига, населенного датчанами. По какому же праву? А по тому же, по которому лев делился со своими помощниками, вот как:

Мы, братцы, вчетвером:
Вот эта часть моя по договору;
Вот эта мне, как льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я,
А к этой — чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет.

Датский королевский двор имеет то утешение, что одна его принцесса — супруга наследника Всероссийского престола, другая — за английским наследным принцем (третью обрекает молва сыну Наполеонову)! А один из принцев есть греческий король!

* * *

О *Швеции* мы имеем так же мало сведений, как об Испании, хотя эти известия были бы очень любопытны. Династия имеет сношения с Францией, правительство и среднее сословие неприязненно смотрят на Россию по преданию, а молодежь вместе с особой партией мечтает о Северном скандинавском союзе. Вооружения Швеции невероятные.

* * *

Турция. Скоро ли в Европе сочтется невероятностью, мифом существование Турции между христианскими державами? Теперь она еще существует. Неистовства дикого племени

продолжаются точно так, как во время Магомета. Христиане подвержены всяким мукам и казням, и жизнь делается им хуже смерти. Все европейские газеты переполнены были в последнее время возмутительными рассказами.

В русских газетах было помещено много прекрасных статей об отчаянном положении дел, особенно в несчастной Болгарии, Боснии, — в «Москве», «Московских ведомостях» и «Современной летописи».

Критяне вышли из терпения первые и начали отчаянную борьбу. По их примеру Фессалия и Эпир вооружаются и начинают восстание. В Албании господствует волнение. Сербия требует очищения крепостей. Даже у смирных болгар оказывается движение. Черногория и Румыния к чему-то приготовляются.

Европейцы долго молчали, Франция старалась всеми силами остановить Критское восстание. В последнее время обстоятельства несколько переменились. На английском и русском кораблях спасено несколько несчастных жертв; в Петербурге дан был бал в пользу критян; в Москве отслужена панихида и начались сборы, и очень значительные.

Лорд Станлей (сын графа Дерби), нынешний министр иностранных дел, сказал будто, что было бы до крайности неудобно, а может быть, даже опасно для французской политики поддерживать per fas et nefas империю угасающую, которой жизнь никакие человеческие силы не в состоянии были бы продлить (а Леярд, товарищ министра иностранных дел в министерстве вигов, продолжает еще вступаться за турок и рассыпается в похвалах мусульманским доблестям!).

В последнее время разнесся по газетам слух, что сам лорд Стратфорд Редклиф, столь долгое время султанствовавший в Константинополе, собирается посетить султана. Ну, вот это врач опытный, он подаст благие советы больному человеку — какое написать завещание. Лучшего нотариуса сыскать трудно.

Courrier d`Orient предполагает, впрочем, для спасения новое средство: конституцию. Он объявляет, что мусульмане и не

мусульмане признают в Турции необходимость созвать национальное собрание, составленное путем свободных выборов.

Есть и другие проекты о лучшем управлении, о предоставлении прав христианам, — но кто же из порядочных людей в Европе может поверить этому кимвалу звяцающему после стольких несчастных опытов.

* * *

Сев<ерные> Американские Штаты. После разгрома мудрено делам войти в правильную колею. Партии ведут ожесточенную борьбу. Президент склонен к политике примирительной, к мерам снисходительным, но радикалы требуют продолжения строгостей против возмущающихся Южных штатов, требуют, чтоб участники были лишены гражданских прав. Они хотели предать суду самого Джонсона, но, по последним известиям, коллегия юстиции отвергла это странное предположение.

Корреспондент «Times» передает следующие слова Джонсона: «Исполнительная власть обязана была охранять права меньшинства, и вот причина, почему конгресс стремится низвергнуть исполнительную власть и даже делает угрозы верховному суду. Меньшинство знает, что дела примут невыгодный для него оборот, если в конгресс будет допущено полное число представителей от всех штатов, и вот почему оно с таким непреклонным упорством противится этой мере».

«Сомнительно, — говорит «Times», — однако же, чтоб они могли остановиться на пути, которым они идут, даже если бы они хотели. Их уносит стремительный поток, который они возмутили, и не предвидится мира до тех пор, пока республиканская партия, по устранении всех препятствий, не достигнет неограниченной власти, хотя, вероятно, этот мир будет только перемирием, после которого возгорится еще более ожесточенная борьба» (Моск<овские> ведомости. № 20).

Долг американский уплачивается миллионами, и всякий месяц объявляется о значительном его уменьшении.

Глас народа — глас Божий; все русские люди в Петербурге и Москве, в Нижнем и Костроме, в Рыбинске и Твери, принимали с распростертыми объятиями американское посольство. Вот наш естественный союзник!

Нам нужно иметь сильно организованное посольство в Америке. Петр I говорил, что ему для флота пяти де Рюйтеров мало. Мы не скажем, что для посольства американского нужно нам иметь там пять Токвилей, но зоркий глаз, чуткое ухо, тонкий вкус и нежное осязание должны иметь члены нашего посольства, следить за всеми явлениями, не только политическими, но и торговыми, мануфактурными, военными, флотскими, социальными.

Дружественные отношения Америки к России возбуждают опасения европейских держав, и газеты их с худо скрытым неудовольствием описывали наши празднества.

* * *

Мы описывали вкратце политическое положение европейских государств. Все государи, при наступлении нового года и при открытии палат, выразили единогласно свои желания, свои убеждения и свои надежды на сохранение в Европе мира.

Наполеон твердо уверен, что мир не будет нарушен и что при теперешних обстоятельствах ничто не может возбудить опасений. Прусский король заявляет, что новый Германский союз имеет значение оборонительное, а не наступательное и что стремление немцев к созданию национального единства проистекало не из страсти их к завоеваниям, а из желания образовать могущественный оборонительный союз. Австрийский император ничего не желает более мира. Английская королева надеется, что окончание войны, в которой участвовали Пруссия, Италия и Австрия, поведет к установлению продолжительного мира в Европе. Король Италии выразился несколько горячее, но все-таки не в смысле наступательном.

Мир провозгласили все, и *все вооружаются наперерыв*, друг пред другом, все напрягают свои силы, употребля-

ют средства, возможные и не возможные. Наполеон говорит: «Условия войны изменились; они требуют увеличения наших оборонительных сил, и мы должны так устроиться, чтоб нам быть неуязвимыми… Не забывайте, что соседние государства возлагают на себя гораздо более тяжкие пожертвования для сильного устройства своих армий». По последним распоряжениям видно, что Франция будет иметь миллион двести тысяч солдат ежегодно наготове.

Сэр Джон Пакингтон намерен значительно увеличить английский броненосный флот и построить еще до двадцати кораблей, множество судов разных наименований, четыре башенных и двадцать канонирских лодок.

Австрия сочиняет новый закон о военной повинности.

Пруссия увеличивает количество войск, вводя свой устав во всех присоединенных землях.

Швеция, имеющая менее 5 миллионов жителей, хочет выставить 500 тысяч войска*.

Против кого же европейские государства вооружаются?

Наполеону воевать с Пруссией — мудрено: поднялась бы вся Германия! Успех его страшил бы англичан, и за Рейн, и за Бельгию с Антверпеном; они tout au plus приняли бы систему невмешательства, пока дела не заставили бы их развести соперников.

Англии бояться нападения не от кого, а для подавления беспокойств ирландских достаточно и настоящих сил.

Италии дай Бог управиться со своими делами: нечего думать ни о каких новых приобретениях.

Австрия едва переводит дух, бияясь как рыба об лед, и едва держит в своих руках то, что у нее осталось, до поры до времени.

Пруссия, как благоразумнейшее в Европе правительство, должно обратить на первых порах все внимание на устройство и превращение в свою плоть и кровь сделанных завоеваний.

Германии пока еще нет.

* Мы, впрочем, не можем поверить этой цифре, хотя она и повторялась во всех газетах.

Швеции не угрожает никто.

Дания может только просить возвращения ей хоть истого Датского участка, Северного Шлезвига.

* * *

Против кого же вооружаются европейские государства, повторяю я свой прежний вопрос?

Против Турции?

Нет — они все говорят еще, что Турция необходима для европейского равновесия.

Барон Мутье и Лорд Станлей с Леярдом, а в последнее время и сам граф Дерби, отстаивают неприкосновенность Турции и прославляют турецкие доблести.

Следовательно, ни одному европейскому государству, кажется, не с кем воевать. Остается одна Россия.

А за что б им воевать с Россией? Кто же их знает за что? За то, что она имеет 70 миллионов жителей, а вскоре будет иметь сто; за то, что единоплеменных России славян в Европе есть еще 30 миллионов; за то, что у нее крестьян-собственников 50 миллионов; за то, что земли у нее на коне в тысячу лет не объедешь; за то, что вера у нее православная, за то, что у нее всякого жита есть по лопате; за то, что Европа *чует*… какое-то новое добро для себя от России, а наконец, что у страха глаза велики!..

Все европейские государства уверяют, однако же, Россию в своей дружбе.

Наши объятия для них отверсты, но нельзя нам забывать старой своей пословицы: дружиться дружись, а камень за пазухой держи.

Как бы то ни было, на Россию ли, говоря попросту, скалит зубы Европа или собирается порешить Восточный вопрос без нее, или есть соглашение между государствами, Россия должна держать ухо востро, должна быть готова на все, должна вооружаться даже только потому, что все вооружаются: ибо, оставаясь без такого вооружения, она привлека-

ет, манит к себе и на себя войну в будущем. Вот уже готовы и проекты: приведем примечательную выписку «Московских ведомостей» из одной французской газеты:

«Дело идет о том, чтоб устроить в Европе наряду с Англией, которая осталась бы тем, что она есть, с Францией, значительно увеличенной, и с Россией, порядочно урезанной, две великие державы: Австрию католическую и Пруссию, державу протестантскую. Дабы прийти к этому результату, Великое княжество Познанское и польские владения в России должны быть присоединены к Галиции, и все вместе предоставлено императору Австрийскому. Сей же последний в свою очередь уступил бы Пруссии свои немецкие провинции, а Тироль отдал бы Италии. Франция сделала бы для нейтральных государств, которые ее окружают то же, что Пруссия сделала для Германии. Испания и Португалия составили бы одно королевство, через бракосочетание между двумя царствующими домами и через лишение королевы Изабеллы престола. Наконец император Австрийский, соединив на главе своей три короны: Венгерскую, Богемскую и Польскую, принял бы с тем вместе протекторат над тем, что получило бы наименование Христианских соединенных государств Востока».

Соответственно этому плану приведено следующее место из речи императора Наполеона, сказанной задолго прежде его водворения во Франции на одном митинге в Лондоне в 1847 году. Нельзя не заметить, что в новой статье и в старой речи есть много соответственного.

«Сначала разорвать трактаты 1815 года, дабы возвратить Франции полную свободу в выборе союзов: присоединить к ней Савойю и валлонскую часть Бельгии. Взамен того отказаться навсегда от мысли завладеть левым берегом Рейна, мысли, осуществление которой было бы себе дороже. Во-вторых, освободить и соединить Италию. Соединить

Испанию и Португалию. Положить преграду между романскими племенами и Южной Америкой и англосаксонским севером посредством водворения европейских династий на юге и через прорытие Панамского перешейка, что открыло бы для Англии и Франции сообщение с Тихим океаном. Образовать потом союз между всеми народами романского племени под руководством Франции… Сильная Пруссия, которая могла бы стать ядром северогерманской федерации; южная Германия, плотно соединенная и простирающаяся до Майна. Полное исключение Австрии из Германии и из Италии, дабы вынудить ее к тому, чтобы она наконец стала поистине Ost-Reich, — государством, имеющим центром тяжести Венгрию. Восстановить Польшу из частей, принадлежащих России и Галиции, и через то образовать оплот против России. Еще более свободное положение в деле личного соединения России с Финляндией, образование сильного и цельного государства в дунайских княжествах, увеличение Греции на счет Турции, возрождение Египта и прорытие Суэцкого перешейка, дабы привлечь торговлю Китая, Японии и Ост-Индии в Алжирию и Францию».

Грозен сон, но милостив Бог!

Готовый миллион войска, хорошо вооруженного на западной границе, — и все подобные проектеры получат полновесное предостережение!

Не будет войны, и, вероятно, на этот год ее не будет, — войско может учиться и строить железные дороги, от Бреста к Смоленску, от Киева к Радзивилову, от Ковна к Либаве.

Миллион войска ляжет на весах европейских значительной гирей, как бы ни собирались развешивать Европу по фунтам новые Бренны, чтоб сочинить новейшее политическое равновесие. Мысль о такой силе и о решимости всего 80-миллионного народа удержит их от попыток хозяйничать в Европе без России.

Денег нет, плачут некоторые пессимисты, а зачем, скажем мы им, вы не берегли их на черный день? Ну да те-

перь некогда толковать о старом. Кто старое помянет, тому глаз вон. Довлеет дневи злоба его! Войско содержать на западе ли, на юге или севере, все равно: съест солдат хлеба не больше на западе, чем на востоке, а на западе хлеб еще дешевле. Если солдат будет нужен, то нужен будет только там, а если не нужен, так он заработает себе вдвое на железных дорогах.

Железные дороги — к западной границе, вот что нужно нам строить во чтобы то ни стало. Без этих дорог — потерь наших будущих не исчислишь и исхода возможной борьбы не видать.

Для железных дорог все нужное есть у нас дома: железо, медь, камень, уголь, дерево, руки. Строить их не на иностранные капиталы, а на свой внутренний кредит, то есть выпустить новых железных облигаций под залог казенных имуществ, хоть под залог наших собственных душ — облигации, которые ежегодно будут выниматься сборами из употребления, и дороги готовы. Три-четыре миллиона в ссуду заводчикам с круговой порукой, и они заведут тотчас заводы для рельсов, локомотивов, вагонов — а какое движение для фабрик, для мануфактур и для всей народной промышленности!

Возразителям отвечу: других лучших средств вы не нашли, ну так употребите это, пока оно может быть употреблено, а после вы его исправите или уничтожите вовсе, — пожалуй, хоть продадите готовые даровые дороги за золото для заплаты старых долгов.

Почитайте историю Петра Первого: как он после сражения под Нарвою приготовился встречать Карла XII под Полтавой. А настоящее время чуть ли не пострашнее его времени, и разрушение Севастополя постоит поражения русских под Нарвой. Денег было у него меньше нашего!

Денег! Русскому человеку жалко употреблять лишнюю копейку даром, но приведись охранять целость Отечества, спасать единоплеменников, братьев, защищать веру православную, — помилуйте, да кто же, какой русский не рад

будет отдать половины своего достояния и принести посильную жертву, как говорили наши отцы, на алтарь Отечества. Вот вам и деньги! Да если Европа удостоверится только в этой готовности, так она уже и понизит свой голос. Для удостоверения, разумеется, нужны другие песни, чем громогласное заявление, что всю нашу Черноморскую флотилию может разбить одна канонирская лодка (а если, храни Бог, турки пришлют на нас две?). Нет, надо кричать, напротив, во весь голос, что мы сожгли Москву от французов, когда понадобилось, ну, следовательно, не пожалеем кольми паче и Петербурга для англичан, если они захотят пожаловать к нам незваные в гости. Будем провозглашать громко, что мы для себя теперь не хотим ничего, а требуем для всех славян равноправности и готовы поддерживать их законные требования всеми зависящими от нас средствами. Мы поднимем дух у всех славян, которых в Европе есть около 30 миллионов — вот наши верные и ревностные союзники, готовые идти на войну поголовно. Поверьте, что и без войны мы получим все, что нам и следует! Все европейские государства заняты теперь дома важными и трудными делами, а мы свободны. Боже, Царя храни!

1867 г.
19 февраля.

P.S. Последние ноты нашего Министерства иностранных дел, статьи «Journal de Petersbourg» утешили, хоть и задним числом, всех друзей Отечества, друзей человечества, угнетаемого и оскорбляемого на Востоке. Сердце радуется, читая и прежние депеши князя Горчакова, и объяснения журнала петербургского.

Мы жаловались на бездействие, мы смущались при вопросах-упреках болгар и других славян, а теперь мы видим, что наше министерство действовало, и действовало превосходно. Теперь мы видим, что даже молчание прежнее обращается нам в пользу! Велик Русский Бог!

Послание к г-ну Тьеру*

М<илостивый> г<осударь>, позвольте служителю Истории, которой вы оказали столько блистательных услуг словом и делом, обратиться к вам из глубины московского севера со смиренной речью о вашем последнем запросе в собрании законодательного корпуса, поколику он относился к России.

Прежде всего, мы должны засвидетельствовать вам искреннюю нашу благодарность за ваш сочувственный отзыв о нашем Государе, которого еще недостаточно, кажется, ценит Европа. Он освободил более 20 миллионов европейцев от крепостной зависимости в России, 3 миллиона в Польше и 2 миллиона за Кавказом, в Грузии, Имеретии и Мингрелии. Он наделил их землей при благодушном содействии нашего дворянства, чего никогда не могла достигнуть никакая революция в Европе, древней и новой, ценою потоков пролитой крови. Он закрепил землю за другими 25 миллионами так называемых казенных крестьян. Нам, русским, прискорбно было видеть, что эти великие события, делающие честь нашему времени, не осознаны по своему достоинству европейской литературой. Гласное судопроизводство, которое в один год пред нашими глазами вознеслось на неожиданную степень, и свобода печати, значительно распространенная, которая дает уже нам блистательные плоды во всех почти ежедневных наших газетах, — придают новый блеск царствованию и поднимают народный дух на всем пространстве России. При этих нравственных приобретениях я не говорю уже вам о какой-нибудь Туркестанской, Амурской или Кав-

* Тьер есть один из славных людей Франции нашего времени. Он был несколько раз министром в царствование Луи Филиппа и председателем Государственного совета. Во время второй республики он предсказал Империю и был изгнан в Бельгию после 2 декабря. Кроме государственной своей деятельности он знаменит своей «Историей Французской революции» в 10 томах и «Историей Консульства и Империи», кажется, в 15. Ясность есть первое достоинство этих сочинений. Последняя его речь составляет событие в Париже.

казской области, хотя они занимают пространства поболее иного обширного европейского государства. Вы выразили ваше почтение нашему любезному Государю, повторяю, и мы благодарим вас от души.

Второе право на нашу благодарность вы приобрели заявлением своим относительно поляков. Никто не принес столько вреда этому несчастному, хотя и любезному племени — позвольте сказать вам, — как ваши соотечественники, своими ободрениями, которые не послужили ни к чему, как вы сами говорите, ни во время первой революции, ни при Наполеоне I, ни при Бурбонах, ни при Орлеанской фамилии, ни во время второй революции. Habent sua rata nationes. И по историческим, и по географическим, и по политическим причинам Польша должна быть соединена неразрывными узами с Россией, и оба эти государства bon-gré mal-gré должны жить вместе. Против рожна прати невозможно.

Вы называете Польшу несчастной страной. Но откуда проистекают ее несчастья? От несчастного характера шляхты, которая, по моему мнению, имеет не славянское происхождение. Так точно чем счастливы больше всего, скажу для примера, англичане? Своим характером, а конституция есть только его выражение. Шляхта никогда не чувствовала никакой симпатии к славянам и даже к своим собственным поселянам. О русских говорить нечего; но, вспомните, какие отношения у нее были к соседним чехам! Сербов, болгар она и знать никогда не хотела, как не хочет их знать теперь, становясь в ряды турок. Время, опыты, размышления, образование должны бы оказать влияние на этот характер, и мы от всего сердца желаем любезным полякам их духовного перерождения.

Что ни говорили бы поляки против нас, мы ответим им торжественно, что мы освободили их крестьян от крепостной зависимости и что мы освободили их города от феодального ига, а уступить им прежние их завоевания, заселенные русским племенем, подвергнуть их вновь тому игу, под которым они страдали и теперь страдают пред глазами всей

Европы в Галиции и Венгрии — во веки веков никогда этого не будет. Пусть поляки переменят свой образ действий, прекратят вечные свои заговоры, предадутся милосердию Русского Государя, и судьба их переменится, мы обнимемся братски и пойдем вместе по пути прогресса для польского и русского блага. Вот что должны объяснить и советовать им все друзья добра в Европе, а не манить их к пропасти, как то делают многие легкомысленные или подкупные газеты. Вы говорили беспристрастно, и мы приносим вам искреннюю нашу благодарность и за себя, и за поляков.

В одно время с вами граф Бисмарк засвидетельствовал тоже, смотря польское дело со своей точки, и мы надеемся, что подобные советы, данные с двух противоположных сторон, принесут свою пользу.

Теперь два слова о католической религии: мы чтим эту славную отрасль Христианской церкви, но польские ксендзы являются самыми ярыми якобинцами, а не служителями святой религии, и мы не можем допустить, чтоб, неся в одной руке крест, они несли в другой железо и огонь на нас и на наших братьев.

Говоря о Польше, я естественно перехожу к вопросу о национальности и осмеливаюсь при этом случае видоизменить несколько ваше мнение.

Наполеон, размышляя на о. Святой Елены о судьбах исторических, сказал, что европейские государства разделятся по национальностям, и его слова имеют свой политический смысл. Этому предсказанию долго еще придется, может быть, оставаться в областях фантазии, но рано или поздно (желательно только, чтоб без насильственных потрясений) оно будет хоть в некотором смысле исполнено. До тех пор симпатии, влечению между национальностями препятствовать недостойно нашего времени. От Камчатки до Средиземного моря распространилось племя одно — славянское. Мы, русские, очнувшись, образумившись, получив свободу, не можем же, прежде всего, не заявить нашего сочувствия всем этим многочисленным племенам, которых

считают 18 миллионов в Австрии, 10 миллионов в Турции; не можем не помогать им, бедным, угнетенным, всеми зависящими от нас средствами, для содействия их языку, истории и литературе. Скажите, если б какая-нибудь часть французов историческими волнами занесена была в глубину России или какую другую сторону, что же — французы остались бы равнодушными к их судьбе? Помилуйте — этого быть не может, это немыслимо и невообразимо. На этом основании действовали и немцы, и итальянцы. А если мы напомним еще, что эти племена стонут под игом такого варварского племени, как турки, несмотря на похвалы гг. Лейрдов и comp., какую же низость должно бы предполагать в русских людях, если бы они не рвались к ним на помощь от всего своего сердца?

Но это наводит страх Европе.

Кажется, в продолжение 50 лет русская политика, в царствование императоров Александра I, Николая и Александра II, достаточно должна была успокоить Европу в этом отношении. Вы приписываете нашему правительству такие виды, намерения, цели, каких оно никогда не имело; вы сами внушаете их нам, показываете их возможность, и мы, русские люди, читая ваши предположения, думаем часто про себя: ах, если бы их устами мед пить! И куда нам еще распространяться? На что нам новые земли — они сами разве физически стремятся к соединению с нами, как реки малые спешат впасть в большую. Никакими искусственными коалициями воспрепятствовать этому химическому сродству нет возможности. Точно так же, как нет никакой возможности остановить размножение народа, которого в России скоро будет сто миллионов. Так зарождает сам Бог! Раздражать эту массу, пугать, оскорблять неосновательными подозрениями, осыпать незаслуженными ругательствами, как делают многие газеты, нет никакого даже расчета. Скажу вам более: вся эта стомиллионная масса ничего еще не значит в сравнении с силой народного духа, теперь поднимающейся благодаря свободным, истинно либеральным предприяти-

ям русского правительства. Не скрою, что случаются еще у нас эпизоды старого времени, которое клином входит в новое, что чувствуются иногда старые отзывы, но это явления преходящие, которые со всяким годом будут уменьшаться. Итак, с вещественными силами России трудно было ладить, что доказали Карл XII, Наполеон I и Наполеон III, несмотря на свою временную над нами победу, которую, смею заметить, вы напрасно одобряете, то с этими духовными силами кольми паче? Нет, перестаньте опасаться нас: вспомните, как благодушно Москва возвратила визит Парижу. Вот наш национальный характер!

Вы опасаетесь за Константинополь. Признаюсь вам откровенно, что долго владела мной мечта о Константинополе. Древняя русская история, которой я преимущественно занимался, содействовала утверждению во мне этой заманчивой мысли. Основатели Русского государства и все первые князья — Аскольд и Дир, Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Владимир, Ярослав — беспрестанно ходили на Константинополь и брали с него дань (866—1054). Константинополь в продолжение двухсот лет был, так сказать, столицей русской истории. Жизнь русская, внутренняя и внешняя, имела там свое средоточие. Прочтите недавно найденные проповеди патриарха Фотия. Владимир Святой был женат на сестре греческих императоров, и Иоанн III (1462—1505), настоящий основатель нынешнего государства, взял за себя наследницу последних Палеологов вместе с двуглавым орлом. Все это представлялось мне указанием. Но вот мысль, которую я недавно услышал от одного боевого русского генерала, человека истинно русского: «Всем могуществом, всем величием, всею славой Россия обязана великорусскому племени. Если мы возьмем Константинополь, все лучшее от нас и из нас повлечется туда: все таланты, все средства, все капиталы, все усилия. Кому останется охота зябнуть и мерзнуть на наших снежных равнинах, с 20 градусами мороза в марте, как это происходит теперь? Тогда великорусское племя, только начавшее дышать теперь посвободнее, предастся

на произвол судьбы, лишится средств к образованию, только что возникающему, загрубеет, одичает. Помилуйте — за что? Бог с ним, с Константинополем! Москва нам дороже. Мы должны оставаться дома. Отсюда можем мы протягивать руки, по железным дорогам, и в Константинополь, и в Камчатку, и в Ташкент, и на Печору, и в Тифлис. Мы должны озаботиться больше всего об образовании этого даровитого, терпеливого, заслуженного племени, к которому и сами принадлежим, и воздать нашу благодарность сообщением ему всех средств богатеть, развиваться, процветать, наслаждаться возможным счастьем». Я задумался — и думаю до сих пор: чуть ли не кроется здесь глубокая историческая истина. Открытый путь в Средиземное море, о, это — другое дело, и я не думаю, чтоб Европе было необходимо и даже очень полезно задерживать нас на этом пути, по которому мы шлем ей продовольствие и имеем счастье избавлять ее иногда от голода. Мы за то откроем ей путь на Кавказ, в середину Азии, с обеих сторон, и с востока и с запада, от Тихого океана и Аральского моря. Обстоятельства со времен Наполеона переменились: прорытие Суэцкого перешейка французами, устройство железных дорог в Малой Азии англичанами, возникновение Греческого королевства в архипелаге уменьшают важность Константинополя и могут значительно уравновесить общие выгоды. Мне кажется, что европейские государства, оставив предубеждения, взвесив хорошо свои выгоды и рассмотрев настоящие обстоятельства, могли бы легко прийти к соглашению и уладить свои дела так, чтобы всем было хорошо, чтоб все могли идти дружно к высокой цели — и прекрасная Франция, и почтенная Англия, и заслуженная Германия, и талантливая Италия, и все несчастные племена славянские: сербы, болгары, босняки, чехи, словаки, кроаты, поляки. Вы, старшие братья, помогали бы нам своими советами, примерами, опытами, указаниями. Вот лучший образ действий в отношении к России, которая никогда не забудет, чем она обязана Европе, и чем более она будет развиваться, успевать на своем

пути, тем более будет дорожить Европой и связью с ней, в особенности с Францией, к которой всегда, несмотря на недоразумения, мы чувствовали столько симпатии, человеческой, гражданской, политической и литературной, уважая все партии, преклоняясь пред всеми достоинствами, ценя все подвиги и заслуги, до самого императора Наполеона III включительно, несмотря на зло, им причиненное.

Если мое послание удостоится вашего благосклонного внимания, я представлю вам, может быть, некоторые свои pia desideria и вместе соображения об европейской истории и отношении ее к русской, возбужденные вашими сочинениями и сочинениями г. Гизо. В 1839 г<оду>, проезжая через город Э., я помянул там ваше рождение вместе с рождением г. Минье, но не явился к вам в Париже, засвидетельствовав свое почтение г. Гизо, потому, что вы тогда отзывались неблагоприятно о России. В нынешнем году, к старости, желая взглянуть на последние плоды европейской цивилизации, я попрошу позволения явиться к вам, чтоб засвидетельствовать то почтение, с которым пребыть честь имею вашим покорным слугою…

Москва.
1867 г.
15/27 марта.

Политическое обозрение 1867 года

Многими событиями ознаменовался 1867 год. К добру или худу вели и ведут они — покажет время!

Сохранение светской власти для папы и целость Турецкой империи — вот две неблагодарные задачи, которые задает себе премудрая европейская политика. Рим и Константинополь — вот два средоточия, около которых обращаются все действия, все намерения. Восточная и Западная Римская империя, в новых платьях, являются на сцене мира.

* * *

В начале года предстояла опасность войны между Пруссией и Францией, не могшей ей простить того неожиданного оборота дела, по коему Пруссия сплошною стеною от Немана до Рейна и за Рейн стала пред ней в своем всеоружии с игольчатыми ружьями, изобретенными г. Дрейзе.

Войноотводом послужила Парижская всемирная выставка. На нее употреблены были миллионы; миллионы еще множайшие она должна была привлечь в Париж, оживить промышленность, накормить рабочих и мастеровых, обогатить торговлю — нельзя было все это бросить, и поневоле должно было и<мператору> Наполеону притворяться и улыбаться, между тем как на сердце скребли кошки. Приготовления под рукою продолжались, как вдруг новые события перепутали еще отношения между европейскими государствами и принудили изменить первоначальные планы.

Обозрим сперва те происшествия или дела, в которых все европейские государства, более или менее, так или иначе, принимали участие в прошедшем году.

Эти общие происшествия суть: Парижская выставка, Люксембургский вопрос, восстание Критское, нападение Гарибальди на Рим.

* * *

Парижская выставка, что касается до ее мысли и исполнения, до ее содержания, есть хорошее дело. Это — мирное состязание народов между собою, средство к знакомству, к сближению, распространению сведений, к обмену их, развитию, усовершенствованию.

Выставка подала повод к посещению Наполеона европейскими государями и свиданию между ними.

Здесь медаль перевертывается на другую сторону, и нельзя с прискорбием не заметить, что Париж в этом отно-

шении представлял зрелище отвратительное. Фигаро мог бы смелее спросить удивленный: «Да кто же кого здесь обманывает?» Когда читаешь описание приема во время критского кровопролития турецкому султану французским и австрийским императорами, английскою королевою и прусским королем, то краснеешь за Европу. Что хотели сказать европейские государи таким приемом султану? Что они считают его своим братом, дорожат его дружбой и желают ему всякого благополучия? А десять миллионов христиан, которые страдают под его игом и вопиют об освобождении? А критские мученики, которые другой год борются из всех сил против своих палачей? Они терпи, страдай, умирай! Английская королева подвязывает султану подвязку, император Наполеон ведет на помочах, король Прусский сожигает такой фейерверк, что Рейн огнем заливается, а император Австрийский не знает, чем и угостить; венгерцы в Песте пляшут чуть не вприсядку; а поляки собираются к нему со всех сторон и восклицают во всеуслышание, что Турция есть лучшая, либеральнейшая страна в Европе и главная опора общественного благосостояния! И все это делается не в Томбукту, не у ирокезцев, не в Зюнгории, а в Европе! И все это говорится и печатается не в средних веках, а в XIX столетии!

<…>

Хотели ль европейские государи своими приемами пред лицом всего света показать России, что они принимают под свое покровительство Турцию?

Россия это знает, и они только лишним стыдом покрыли свою гяурскую голову, прибавили по лишней постыдной странице в свою историю.

Что думал султан или его министры об этих угощениях? Кем должны представляться им европейцы? Но нашлись люди, которые приняли все это за чистые деньги и пошли еще далее, — несчастные поляки!

Эту комедию в Париже можно бы счесть несравненной, если бы не случилась там другая, которой и имени нет, с какой стороны вы ее ни посмотрите.

И<мператор> Наполеон поколебал Австрийскую империю, изгнав австрийцев из Италии и отняв у них Ломбардию. Этого мало: допустив пруссо-итальянский союз, он содействовал отнятию у них и знаменитого четвероугольника с Венецией, а вместе и изгнанию их из Германии. Наконец, так или иначе, он был причиною погибели лучшего из австрийских принцев, императора Максимилиана. Есть, кажется, за что австрийскому императору смотреть косо на Наполеона. Ничуть не бывало: на банкете, данном ему в городской Парижской думе, за десертом, император Наполеон провозгласил тост за австрийскую царственную чету, прося «принять этот тост как выражение глубокого сочувствия к его особе, семейству и стране». Император Франц-Иосиф отвечал на этот тост следующими словами:

«Государь! Меня трогает провозглашенный вами тост. Посещая несколько дней тому назад гробницы моих предков в Нанси, я высказал себе самому желание похоронить в этих могилах, охраняемых благородной нацией, все несогласия, разделявшие две страны, призванные идти рука об руку по пути прогресса и цивилизации. (*Продолжительные рукоплескания.*) Представим своим союзом новый залог того мира, без которого не могут преуспевать нации. (*Браво! Да здравствует император!)* Благодарю город Париж за оказанный мне прием. В наше время дружба и доброе согласие между монархами имеют двоякую важность, потому что они опираются на симпатию народов»[*].

* До какой степени в наше время извратился язык в высших сферах, вот еще разительный пример: Омер-паша, потурченный серб, отправляясь военачальником против несчастных критян, говорит лорду Лайонсу, английскому послу в Константинополе, что «он убежден в превосходстве турецких солдат и надеется, что Бог окажет ему свое покровительство, как и постоянно оказывал во все продолжение его военной службы». «Цель возложенного на меня поручения, – прибавил он, – восстановить мир, порядок и благоденствие — и доставит Порте возможность применить к управлению островом ее великодушные и либеральные намерения». Если мог повороотиться язык у отступника от христианства, чтоб говорить о Боге и либеральных намерениях Порты, на пути в Крит, то как англичанин-то мог спокойно их выслушать, входить в дружеские объяснения и доносить своему правительству! Они напечатаны в № 272 «Московских ведомостей». Их нельзя читать без омерзения!

Скажите: неужели это искренние речи, от сердца идущие?

Ну — а как целовались Наполеон и Фридрих Вильгельм? Боюсь употребить библейское сравнение, чтоб не быть обвиненным в неприличии.

Всех искреннее, благороднее, добродушнее являлся в Париже Русский Государь. Он делал личное одолжение императору французов, которому дома приходилось плохо, и отвлекал внимание населения от несчастного мексиканского исхода, он содействовал к разрешению возникшего спора между Пруссией и Францией и тем приносил пользу обеим, потому что они не были готовы к войне.

Сознаюсь в своей аркадской невинности: я думал, что это посещение принесет и нам пользу, вызывая справедливое и необходимое отблагодарение, каким-нибудь образом, и послужа на всякий случай предостережением Пруссии.

Чем же оно кончилось?

Выстрелом Березовского.

Этот выстрел, по крайней мере, должен бы усугубить благодарное расположение к России?

Нет — он не был даже исследован порядочно, и французские судьи, столь знаменитые своим делопроизводством, думали нас успокоить удостоверением, что это действие есть единичное и не имеет никаких ветвей! К обманам этого рода часто прибегают европейские правительства, но они напрасно вообще думают, что такого рода обманами могут успокаиваться массы, народы. Двадцатилетний мастеровой, механический ученик, не мог возыметь подобную мысль, не зная даже, что Русский Государь приедет в Париж и когда, — не зная, куда и как он в этот день отправится гулять, где и когда будет возвращаться. Не говорю о том, что, при перемене направления коляски, мудрено бы было и опытному убийце вдруг не потеряться, мудрено вдруг догадаться, что можно забежать вперед и встретить жертву. Всего вернее доказывается соучастие известием, недавно в разных газетах напеча-

танным, что собираются где-то деньги для Березовского за то, что он не открыл соучастников*.

Иностранные газеты твердили, что русские приведены были в негодование тем, что Березовскому не назначена казнь. Ни о Березовском, ни о казни его мы не думали и думать не хотели, как и не хотим, но все приведены были в негодование слабостью действий французского правительства и допущением облегчающих обстоятельств, тогда как были обстоятельства не облегчающие, а отягчающие, а именно: освобождение трех миллионов польских крестьян и наделение их землей наравне с русскими крестьянами, снабжение бобылей и батраков средствами для прожития, освобождение польских городов от феодального ига, широкая амнистия, по которой возвращены тысячи семейств из Сибири, прекращение политических следствий, возвращение конфискованных имуществ и проч. и проч. Императорский прокурор пропустил все эти отягчающие обстоятельства и оставил без достаточного возражения бредни Эммануила Араго. (Неужели наши агенты не потрудились объяснить прокурору положение русского дела в Польше, и особенно в западных губерниях, составляющих яблоко раздора между нами, так как поляки вооружали своего адвоката?)

Читая этот несчастный процесс, читая описание султанского приема, нельзя не пожалеть, что Государь был в Париже.

А с другой стороны, нельзя не заметить, что отказ посетить Париж мог иметь также неблагоприятные следствия, производя охлаждение, показывая расположение или готовность к разрыву.

Мы, частные люди, не зная всех обстоятельств, не можем судить о подобных событиях положительно, а только представлять поверхностные, условные соображения.

* Быв ныне летом в Париже, я полюбопытствовал осмотреть роковое место в Булонском лесу. Может быть, лица, коих случалось мне расспрашивать, не умели порядочно объяснить мне дело, но из всех свидетельств я никак не мог убедиться, чтоб возможно было в данный промежуток времени успеть злоумышленнику перебежать с одного места на другое.

Как бы то ни было, Русский Бог обратил все в нашу пользу, и нам остается только благодарить Его.

* * *

Люксембургским вопросом поднялась было туча над Европою, отстраненная, как мы заметили выше, преимущественно Парижской выставкой. Голландия согласилась уступить Люксембург Франции. Пруссия, державшая там свой гарнизон, как в германской крепости, протестовала. Начались споры и переговоры, хотя соперники, кажется, не желали на ту пору войны. Россия предложила посредничество вместе с Англией и Австрией, которое после нескольких переговоров и кончилось общим согласием: оставить Люксембург во владении Голландии, крепость срыть и прусские войска вывести.

* * *

Эта туча весенняя, а к осени поднялась другая, которая также на время пронеслась мимо: покушение Гарибальди проникнуть в Рим. На первый раз она остановлена была флорентийским министерством, но во второй раз, когда удалось Гарибальди вырваться из-под стражи, снарядить свои дружины и явиться в церковной области, французские полки явились из Тулона защищать папу. Гарибальди одержал победу в нескольких схватках над папскими войсками, приблизился было к Риму и начал одолевать папскую защиту, но явились французы к ним на помощь и порешили дело своими ружьями Шаспо, которые — они хвалятся — сделали чудеса. Гарибальди должен был отступить и задержан итальянскими войсками, которые, повинуясь народному движению, вступили также пред тем в папскую область. Теперь они удалились оттуда, чтоб лишить вместе и французов предлога там оставаться. Французы стоят в Чивита-Веккии, впредь до успокоения Италии, как говорят они, и до обеспечения ита-

льянским правительством папской безопасности. Государственный министр Франции объявляет в законодательном корпусе, что «Италия никогда не должна владеть Римом. Идея иметь Рим столицей есть идея бесплодная, привитая искусственно». А в это же время Менабреа заявляет во Флорентийском парламенте, что «Рим для Италии необходим, как Париж для Франции, и выражает надежду, что эта цель будет достигнута мирным путем».

Положительное и отрицательное электричества готовы опять столкнуться, и весной, кажется, раздастся гром, которого теперь слышатся только перекаты.

* * *

Кандийское восстание продолжается, и кровь потоками льется. Россия несколько раз обращалась к европейским государствам и предлагала им обратить внимание на ужасное положение турецких христиан, и особенно в последнее время, на положение жителей Крита. Державы были глухи, действовали несогласно и тем ободряли Порту. Принятые ими меры, советы, мнимые реформы турецкие не повели ни к чему. Осиротелые семейства перевозятся с Крита на наших кораблях в Грецию благодаря просвещенному, человеколюбивому почину нашего посланника генерал-адъютанта Игнатьева, подавшего пример прочим, которые устыдились ему не последовать.

В последнее время обнародована от Русского кабинета, вместе с Францией, Пруссией и Италией, знаменитая декларация, по которой эти державы, истощив все средства в назидание Порты, складывают с себя ответственность и предоставляют Турцию самой себе. Провозглашено, таким образом, правило невмешательства. Христиане турецкие только того и желали! Декларация наполнила сердца их радостью, как слышно со всех сторон. Правило невмешательства даст скорые плоды в отношении не только к Криту, но и к другим областям Порты, если только державы устоят в

своем слове! (В России сомневаться нельзя, а Франция, как видно из обнародованных документов, поступает не так искренно.) Но слово сказано, записано, и оно производит свое действие. Что написано пером, того не вырубишь топором.

В восточные дела мы не вмешиваемся, но не вмешивайся и никто. Conditio, sine qua non. Пусть там будет то, чего хотят сами населения.

Позволяю себе сделать здесь отступление. Некоторые органы нашей журналистики обвиняются иногда в преднамеренном осуждении действий правительства и возбуждении к нему недоверия, в возбуждении общественного неудовольствия.

Нет, это несправедливо — и вот доказательство очевидное: в каком журнале, в какой газете сказано ли было хоть одно слово против действий Министерства иностранных дел по Критскому и вообще Восточному вопросу за последнее время? Все в один голос, друг вперед другом, отдавали ему справедливость и наперерыв рассыпались ему в похвалах. Хвалить гораздо приятнее, слаще, чем осуждать. Если какие действия подвергаются критике, то это отнюдь не означает желания возбуждать неудовольствие, — оборони Боже, — а всего менее возбуждать страсти!

Да какие и есть у нас страсти, я желал бы спросить? Их так мало, так они ничтожны, что не хватает их даже для трагедий, для драматических пьес, не только для действительной жизни. Почитайте новые наши драмы. Везде встретите добрых людей, которые, так себе, посчитаются иногда между собою, а после хоть и в объятья готовы броситься друг к другу! Повторяю свой вопрос: какие же страсти у нас, северных, еще не оттаявших людей?

В критических или аналитических статьях журналистики видно искреннее желание объяснить правительству причины, по которым то или другое его распоряжение может причинить вред. Но здесь еще далеко до возбуждения недоверия. Без таких статей — в чем же будет состоять свобода печати, дозволенная правительством, как о том значится

в распоряжении Министерства внутренних дел* Смело скажу, что ни одной газеты, ни одного журнала, слава Богу, нет в России с таким преступным, злодейским, изменническим направлением. В Петербурге некоторые издания, на мое обоняние, пахнут не совсем хорошо, но и тех подозревать в злоумышлениях нет, кажется, никакого права, никакого повода. В этом отношении вся русская журналистика представляет прекрасное, утешительное явление, которому нельзя не радоваться. Зачем же накликать, придумывать, сочинять такой чуждый нам образ действий? Может журналистика или тот, другой ее орган ошибаться, судить неправильно, выражаться иногда неприлично. За такие вины, в которых точно все мы с непривычки бываем грешны, мы должны, разумеется, подвергаться осуждениям, выговорам, внушениям, штрафам…

Но довольно! Возвратимся к обозрению положения государств в прошедшем году.

* * *

Франция большую часть года праздновала, угощала у себя венценосных гостей, от мая до ноября, но внешние ее отношения не отличались успехами. С самого начала года Наполеон получил жестокие удары оппозиции в законодательном корпусе через Тьера и в журналистике через Эмиля Жирардена, которые заговорили языком, не слыханным в прежнее

* Оно начинается так: «…предоставленное печати право обсуждения современных вопросов и выражения мнений о правительственных распоряжениях не может» — и проч.

Приведем также золотые слова из депеши князя Горчакова: «Не отвечаю на жалобы, с которыми Али-паша обращался к вам против тона русской журналистики. Вы должны знать, что наши журналы пользуются свободой слова в пределах, указанных законом. Это имеет свои выгоды, а также может иметь некоторые неудобства. Случается, что и сам я подвергаюсь нападениям печати, но я предпочитаю это немоте мысли, которая не соответствовала бы реформам, предпринятым нашим Августейшим Государем. Успех этих реформ зависит большей частью от чувства личного достоинства тех людей, кому поручено их исполнение, и это чувство не может возникнуть там, где мысль малодушно подавляется».

время. Чтоб занять общественное внимание, Наполеон надеялся присоединить Люксембург к Франции, но встретил неожиданное, видно, сопротивление, и принужден был отказаться от своей мысли. Это была новая ошибка с его стороны, ибо играть не наверное, поднимать вопрос без уверенности привести его к желанному концу в его обстоятельствах было не позволительно! Скрепя сердце, он должен был перенести свою неудачу, но злости на Пруссию у него, разумеется, прибавилось немало.

За люксембургской неудачей последовало известие о том, что император Максимилиан, избранный и обнадеженный Наполеоном, был расстрелян в Мексике. Разумеется, не одну ночь Наполеон должен был провести без сна после этого страшного известия, и много волос должно было оказаться белыми, если он их не красит. Оппозиция восторжествовала.

* * *

А обстоятельства стекались как нарочно, чтоб запутывать его еще более. Гарибальди кричит: или Рим, или смерть! Вся Италия ему сочувствует. Толпы переходят границу. Наполеон посылает опять французские войска занять вечный город: они помогают папской гарнизе, разбитой в двух сражениях, отразить нападение, — и вот, сентябрьская конвенция (быть столице во Флоренции) объявляется итальянцами нарушенною и более необязательною. Наполеон, провозгласивший некогда, что вся Италия должна быть свободной, от Альп до Средиземного моря, должен теперь разрушать собственное свое создание. Клерикалы его подстрекают, старые политики их поддерживают, а оппозиция, народ не хочет слышать о войне в Италии за папу! Не мудрено, что вообще в действиях Наполеона оказывается нерешительность и вместе неопределенность. Он мечется из стороны в сторону. В чьих действиях можно сыскать более противоречия, чем в его торжественных приемах Русскому Государю и турецкому султану, с придачею ласк князю Сапеге? В отношении к Кандии

взгляды тюильрийского кабинета переменялись беспрестанно: то было объявлено безусловное осуждение восстания, то оказывалось ему внимание; французские суда перевозили семейства критских жителей, а потом прекращали свое плавание; русская декларация была сначала принята Францией, а после уменьшалось значение этого акта!

Из внутренних законоположений следует заметить, что право прений об адресе заменено правом делать запросы, по пословице: тех же щей, да пожиже влей. Система предостережений заменяется преследованием пред судом исправительной полиции, которое, впрочем, еще не возымело своего действия. Вообще либеральные, по-видимому, законы обставляются оговорками, лишающими их значения, и неудовольствие общее возрастает: французы утомились покоем. Значительные финансовые операции оказываются несостоятельными, например знаменитый credit mobilier, затруднения увеличиваются беспрестанно, вызывают новые займы, слышатся республиканские возгласы, одним словом, звезда Наполеонова, видимо, начинает меркнуть.

Если начинать войну, то придется воевать с Италией и Пруссией вместе. В таком случае первая неудача перевернет все дела во Франции вверх дном. Предприятие отважное с его стороны!

* * *

Венгрия хочет присоединить к своему составу Галицию, населенную русским племенем. О, как бы я был рад, если бы это намерение выяснилось или обратилось в действие, так или иначе. Почему я так радуюсь — смею думать, что догадаться не трудно.

* * *

Италия на краю опасности. Папа, Мадзини, Наполеон, Гарибальди стоят над ней с поднятыми руками, и бедному

Виктору Эммануилу приходится хоть отказываться от престола, не докурив, может быть, цигарки. Народ и Гарибальди неудержно хотят Рима, а силы недостает, чтоб взять его под защитой Франции! Ненависть к французам возросла до высочайшей степени — и союзница Бисмарку, искренняя, готова, в случае войны у Пруссии с Францией. До тех пор потянется дипломатическая канитель, может быть, торжественный протест, прекращение дипломатических сношений…

Внутренние дела не в блестящем положении, и относительно финансов Италия при предстоящем банкротстве государств европейских и ликвидации их дел может утешаться разве русской пословицей: на людях и смерть красна!

* * *

Австрия ближе всех, кажется, к последнему событию, и не только в финансовом отношении, но и в правительственном. Г. Бейсту едва ли удается сделать что-нибудь на Востоке для ослабших до изнеможения Габсбургов… (Впрочем, я не знаю, почему называют эту фамилию Габсбургами, когда еще недавно Франц Иосиф засвидетельствовал свое происхождение от герцогов Лотарингских, поклоняясь гробам своих предков в Нанси.) Переставая быть немецкой державой, она приняла систему дуализма, двоедушия (которая ей, впрочем, очень к лицу), хочет быть мадьярской, но себе не на здоровье. Имея около 20 миллионов славян, казалось бы, ей естественнее сделаться славянской, как и думал Иосиф II; нет, чутье, видно, говорит ей, что со славянами ей не ужиться, как маслу с огнем, и она решается принести их в жертву мадьярам, от которых те недавно ее спасали. Она действует явно против России и покровительствует полякам в их притеснениях русинов; она раздражает чехов и славян юго-западных в Штирии и Карринтии — стремится к своей погибели, которая, видно, написана ей на роду. Mani, Fakel, Fares: измерено, взвешено и будет раздавлено! Страх ее перед Россией доходит до смешного! Она преследует малейший знак расположения к

русскому языку, запрещая даже на концертах петь по-русски и изгоняя чиновников, учителей, которые ездили в Москву на выставку (обращаем внимание наших читателей на превосходную статью проф<ессора> Лавровского, напечатанную в «Утре»: там увидят они ужасы австрийской системы относительно всех славян, даже и за прежнее время).

В предстоящей европейской войне Австрия должна содержать нейтралитет, благоприятствуя внутренне Франции, но восточные дела могут вызвать ее на сцену.

Из внутренних дел важнейшее есть уничтожение конкордата, которое поссорит ее отчасти и с Римом, да и дома может пройти не совсем благополучно. Славяне (по особым обстоятельствам, о которых в другом месте) — за конкордат, немцы — против.

* * *

Пруссия находится в сравнительно лучшем положении благодаря уму Бисмарка и характеру короля Вильгельма, благодаря бережливости, коей издавна отличается ее государственное хозяйство. О, если бы мы переняли ее у Пруссии! Общественное мнение теперь за правительство, и мысль об объединении Германии господствует над всеми прочими ее соображениями. Южные государства немецкие тянут к ней, не исключая и самой Вены. О войне она сама теперь не подумала бы, потому что дела ей много дома при введении новых порядков в присоединенных странах и в видах окончания начатого дела на юге, но обстоятельства могут вовлечь ее против воли в войну, к которой она и готовится. Оставить Италию без помощи она не может, ибо, справясь с Италией, Наполеон обратится на нее: так лучше уже вместе им померяться силами и испытать счастья. За Россией Бисмарк ухаживает, осуждая поляков и каких-то остзейских сумасбродов, но это такой друг, с которым надо держать ухо востро и камень за пазухой должен быть всегда наготове. Вот он и персидскому посланнику давал недавно аудиенцию!

С *Турцией* при первом выстреле на Западе начнется агония. Сербия, Черногория, Румыния, Греция, Болгария, Эпир, Фессалия, Босния, в которых теперь волнение дошло до высшей степени, начнут восстание, и самое верное, самое выгодное убежище для султана должно бы быть, по моему мнению, в Бахчисарайском дворце, о чем не мешало бы заранее подумать Фуаду-паше и запастись хорошей мебелью.

А слепые поляки соединяют свою судьбу с его судьбой, вербуют ему солдат — разве для участия в похоронном шествии? Образумитесь ли вы когда, несчастные? Ну видите ли вы, куда вас тянет? К тлению! К тлению Турции и Австрии. Образумьтесь и начните новую жизнь вместе с новой Россией. Слышали, что вам сказал Бисмарк? Оставим мертвым погребать своих мертвецов.

* * *

Англия потирает себе руки и надеется в мутной воде наловить себе много рыбы: но надо же случиться, чтоб оказалась нужной диверсия в Абиссинии и еще где-то! Фении также еще не совсем успокоились. Она поднимется только тогда, как на Балканском полуострове начнет разыгрываться драма, что, однако же, будет для нее мудрено, если все племена встанут за одно! Любопытно, как она растолкует тогда Парижский трактат?

* * *

Рим твердит свое: non possumus, не могим! Не может жить папа без светской власти! И ему вторит все духовенство французское — первые таланты! То же подтверждают государственные люди Франции, такие, как Тьер, Гизо, Берье, Шарль Дюпен, возлагая обязанность на и<мператора> Наполеона защищать светскую власть папы. А Христос сказал: царство мое не от мира сего. Ясно ли, что папство находится в противоречии с Евангелием?

Благословляя неаполитанских бандитов и освящая все злодеяния и неистовства в Польше, вместе с канонизацией Иосафата Кунцевича, папа подтверждает свою духовную несостоятельность пред лицом всякого беспристрастного судьи.

* * *

Протестантизм сказал свое слово против папства, но это слово привело его по большой дороге своей прямо к пропасти. Теперь черед сказать свое слово Православию. И предчувствуется оно уже на Западе — и между англичанами, и между немцами, и между французами. У всех этих народов являются люди, которые обращают взоры свои на Восток.

* * *

В *Испании* продолжаются революции и контрреволюции, восстания и реакции — и некому подать доброго совета несчастным партиям. Жалкое положение!

* * *

Високосный год явит нам многое. Со страхом и трепетом мы должны встречать его.

Самые победы, самые успехи противодействующих сторон, должны повести к новым замешательствам, которым конца не видать. Европа накануне великих перемен.

Победители, в конце концов, не будут, может быть, рады своей победе![*]

* * *

Россия в этом отношении имеет теперь самое выгодное положение: чью сторону она возьмет, на той стороне и будет перевес. Если положительного участия в предстоящей

* Смею думать, что эти слова будут когда-нибудь помянуты.

западной схватке она и не примет, как надеяться должно, то один нейтралитет ее должен быть дорого оплачен всеми воюющими сторонами, и полумиллион войска на границах Турции, Австрии и Пруссии будет внушать во всех невольное почтение.

* * *

У страха глаза велики: признаюсь, после несчастной Крымской войны и еще несчастнейшего Парижского мира часто мерещились мне западные союзы против России. Рад сознаться в неверности своего взгляда, хотя и глубоко скорблю, что в продолжение этих драгоценных лет, получив такие передышки, мы не успели выстроить дороги из Москвы через Смоленск до Бреста, а к Черному морю доползли только до Тулы.

Вооружения европейские не грозят России, это ясно, однако Россия в конце концов должна быть уверена, что Востоку придется не нынче, так завтра рассчитываться с Западом.

Но l`home propose et Dieu dispose (человек предполагает, а Бог располагает). Грозен сон, но милостив Бог! Буди воля Его святая! Боже, Царя храни — и всем нам покажи свет!

Размышления и замечания по поводу войны Пруссии и Франции

Некоторые петербургские газеты как будто подкуплены (да иные и из московских), отзываются о последних событиях во Франции и Пруссии слишком легко и неосторожно; события такого рода, что о них надо подумать прежде, чем выразить решительное мнение о той или другой стороне.

Постараемся разобрать их, без всяких задних мыслей, просто, и сказать свое мнение без всяких околичностей ясно.

На престол Испании, смежной с Францией, назначен прусский принц Гогенцоллерн. Переговоры велись тайно, так

что сами посланники не имели о них понятия до тех пор, пока не ударил гром над их головами.

Спрашивается: могло ли прусское правительство не знать об этих переговорах?

Нет, не могло! Оно знало, и король изъявил даже личное свое согласие, не придавая будто бы делу особой важности.

Мудрено допустить такую аркадскую невинность Пруссии!

Если на престол Греции или на кресло Валахии избрание того или другого принца считалось недавно не только для соседних, но и для всех европейских государств столь важным, что его нельзя было сделать без их общего согласия, и принцы русский и английский были единогласно отстраняемы, то каким образом на испанский престол мог быть допущен Гогенцоллерн при настоящих натянутых отношениях Франции и Пруссии? Прусское правительство не могло не подумать о сопротивлении Франции. Зачем же оно согласилось, лезя, так сказать, на задор? Оно скрывало свое согласие на это избрание. Следовательно, само считало его опасным, и следовательно, соединяло с ним какие-то намерения.

И так, первый повод к войне дала Пруссия — это неоспоримо.

Поговорим теперь о Франции. Могла ли она, будем судить беспристрастно, принять равнодушно избрание Гогенцоллерна на испанский престол? На самый простой взгляд видно, что она не могла оставаться равнодушной, не могла по доброй воле стать между двух огней прусских, с юга от Пиренеев и с запада от Рейна. Припомним, что раз она уже была проведена (и как проведена!) тайным союзом Италии с Пруссией и дорого поплатилась — потерей своего первенства в Европе вследствие неожиданного усиления Пруссии, которая от Немана до Рейна и за Рейн сплошною массой стала вдруг недуманно-негаданно. Лицом к лицу к ней с силами всей соединенной Германии.

Следовательно, требование Франции было естественно, с чем, кажется, были согласны все европейские кабинеты.

Но оно, говорят, удовлетворено: принц Леопольд отказался от престола, чего же более?

То более, что подобное избрание может возобновиться так или иначе, судя по образу действий прусских, и что Франции стоять беспрестанно на стороже и содержать огромное войско слишком убыточно и тяжело: она захотела привести дело в ясность, и потому требование ее об обеспечении на будущее время нельзя также считать совершенно несправедливым.

Требование это должно было предъявить в форме благоприличной: с этим, разумеется, никто не будет спорить.

Взять в расчет надо и то, что во Франции есть множество партий, противных правительству, которые рады всякому случаю нападать на него. Поступи оно слабо, попусти посягнуть на честь Франции, и Наполеон с испанским престолонаследием мог бы расплатиться престолом еще скорее, чем Людовик Филипп с испанскими бракосочетаниями, так что, может быть, не успел бы нанять себе фиакра, как покойный Луи Филипп, для выезда из Парижа.

Переговорами затянулось бы дело, и противники получили бы лишнее время собираться с силами.

Бисмарк, разумеется, должен был все это предвидеть: затеяв такое дело и сдав карты так, он обнаружил явное желание войны.

Неужели, однако же, французы не знали ничего, как говорят, обо всех этих переговорах?

Нет, я думаю, что они знали все и молча радовались, среди давнишних приготовлений, предлогу, совершенно благовидному, к войне с Пруссией, на которую давно точили зубы.

Итак, обе державы желали войны одинаково, увлекаемые какой-то внутренней силой и совестясь пред Европой, они обвиняют теперь одна другую в этом намерении и сваливают с больной голову на здоровую, так что той и другой в случае поражения можно сказать: «Tu l`as voulu, George Dandin!»

Но готовы ли они к войне? Об этом нечего спрашивать. Если обе стороны одинаково желали войны, то, вероятно, та и другая готовы к ней: пушки считаются у обеих тысячами,

ружья миллионами и заряды миллиардами. Богу браней остается только решить, на чьей стороне должна быть победа.

Но, может быть, Бисмарк только что пошутил и хотел уступкой, отказом от испанского престола подать Европе пример самоотвержения, составить себе, как замечено в некоторых французских газетах, выгоднейшее в будущем дипломатическое положение. Если это так, то он ошибся в расчете: на всякого мудреца, видно, находит иногда простота. Огнем не шутят. Французы не удовольствовались временным отречением на эту минуту и требовали обеспечения, что также имеет благовидную наружность, ибо потребовать исполнения старого заключенного договора — в этом нет ничего несправедливого. При этом предположении пруссаки попадают в яму, которую сами себе выкопали.

Бисмарк, посадив прусского принца в Бухаресте и задумав посадить другого в Мадрид, напомнил мне шведского министра Герца и испанского Альберони в начале XVIII столетия, которых замыслы также обнимали всю Европу. Эти замыслы, на несколько времени блистательные, кончились, впрочем, ничем, лопнув, как мыльные пузыри. Я думаю, что даже в случае успеха, неизвестного, Бисмарк поработает в конце концов все-таки не на себя и не на Пруссию.

Приведу здесь, кстати, отрывок из моих дорожных записок 1867 года о Бисмарке, которого я видел тогда в Эмсе:

«К королю приезжал сюда Бисмарк, одно из главных действующих и передовых лиц нашего времени, сменивший Наполеона III, Кавура и Гарибальди. Его ожидали здесь дня за 2 или за 3, и всякий раз на станции железной дороги собиралась порядочная толпа народа. Наконец он приехал и встречен был довольно шумно. Это человек высокого роста, плотный, но с лица худощавый, круглолицый, с лысиной, довольно приятной наружности, с усами и без всяких ужимок и притязаний наружных. Толпа последовала за его коляской в гостиницу Панорамы и долго стояла пред балконом, пока он, переодевшись, отправился к королю. Я видел его несколько раз во время вечерних его прогулок с королем. Пред ним

(3 августа) пожаловал и граф Гольц, парижский посланник, который гораздо его моложе. Говорят, что они должны совещаться о Шлезвигском вопросе и порешить его завтра…

Бесспорно — Бисмарк есть примечательнейший политический деятель, и ему удалось сделать то, о чем многие и думать не смели. Он поставил Пруссию на такую высоту, на какой ей и не грезилось стоять. Он низвел Наполеона с его пьедестала и изменил европейские отношения. Это не шутка, когда подумаешь, как тот был могуществен. Ему предлежит еще много работы, и, может быть, он будет иметь много успехов, но, в конце концов, не думаю, чтобы Пруссия все, Бисмарком приобретаемое, удержала и сохранила. Это не надолго! Пруссия соединит всю Германию в угоду нынешним доктринерам стареющего закала. Но Германия не может сделаться Пруссией, и Берлину никогда не быть ее столицей. Это немыслимо. Бисмарк ведет дело хорошо вблизи, но на дальний горизонт зрения его, кажется, не хватает. В объединенной Германии дела примут другой оборот, нежели он думает…

Такое раздумье брало меня один раз, как я следовал издали за политическою группой…

А в другой раз думал я вот что, смотря на Бисмарка: ты великий деятель, ты умный, сметливый, решительный, изобретательный министр, но… но… что же но? А вот что: увеличить силу государства, распространить владения, доставить славу, одолеть соперников, победить врагов, провести друзей — для таких дел появляются по временам способные и государи, и министры, но устроить благосостояние народов, разлить повсюду довольство, облегчить затруднения, успокоить жизнь, доставить средства развития, преуспеяния, просвещения, счастья — на такие дела, на такие предприятия подрядчиков меньше, и эти дела гораздо труднее, требуют гораздо более высших способностей и соображений и гораздо более любви, которой, собственно, в наше время и недостает, а без любви всуе трудятся зиждущие. Вот каких деятелей требует и ждет себе человечество!..

Думая эту думу, отвернулся я от политических знаменитостей и пошел в другую аллею, увлекаемый иными мыслями…»

Возвратимся к прерванному рассуждению.

Какое положение должна занять Россия при этом столкновении?

Правительство знает это лучше и, вероятно, поступит, как нужно и полезно для России. Мы, частные люди, смотря на вещи снизу и не видя многого, что есть наверху, не зная многих предшествовавших, равно как и многих настоящих обстоятельств, можем судить только условно. Мы можем предлагать только личные, частные мнения, нисколько не придавая им характера непогрешимости, которая принадлежит теперь только папе, да и то с грехом пополам.

Нам следует сохранить строгий нейтралитет и не склоняться ни на волос ни на ту сторону, ни на другую. Пруссия не может требовать от нас более того, что она давала сама в продолжение Крымской войны.

Надо бы поговорить теперь вообще о естественных отношениях наших ко Франции и Пруссии, чего мне даже очень хочется, но… но английские члены парламента всех партий имеют правилом в делах такого рода удерживаться от общих рассуждений и ограничиваться только настоящими обстоятельствами. Если где, то именно здесь имеет значение пословица: сказанное слово — серебро, умолчание — золото…

Не успел я вчера кончить этой статьи, как поутру на другой день читаю в полученной газете: «Франция объявила войну Пруссии!» Так и упало мое сердце. Что-то будет?

Какое положение примет Австрия? Какое положение примет Италия? Того и гляди, что святой отец попадет в крепость Св. Ангела.

Об Англии спрашивать нечего: она будет в мутной воде рыбу ловить.

Какое положение примет Россия?

Сохрани нас Бог от всякого вмешательства! Сохрани нас Бог от всякого повода к вмешательству!

8 июля.

* * *

Враги учат нас часто лучше друзей: «Польские газеты, говоря о прусско-французской войне, обсуждают вопрос, насколько поляки могут извлечь себе выгоды из этой войны. *Край* замечает, что выгоды можно извлечь в том случае, *если Россия примет участие в борьбе*».

Следовательно, Россия не должна принимать участие в борьбе.

«Если Россия останется нейтральной, — продолжает польская газета, — поляки с прискорбием будут смотреть на войну, в которой будет бесцельно проливаться и польская кровь».

Следовательно, Россия должна остаться нейтральной.

Благодарим за указания, совершенно верные.

Ко вчерашней моей статье прибавлю:

Ревность Франции была известна всей Европе, кольми паче Пруссии, к которой она относилась. Известно было Пруссии, начиная с Люксембурга, что Франция ищет предлогов к войне. Следовательно, сажая Гогенцоллерна на испанский престол, Бисмарк хотел принудить Францию к объявлению войны: иначе не мог он подать ей такого благовидного и вместе сильного предлога. Если б он не хотел войны, то при получении предложения спросил бы прямо французское министерство, как оно смотреть на такое избрание. Тайна усиливает подозрение.

Пред глазами беспристрастных судей если виноваты, то виноваты обе державы одинаково в нарушении мира.

* * *

Июля 11. В каком отношении в предстоящей войне Франции и Пруссии находятся европейские государства, наши друзья и недруги, и кому те и другие желают успеха? Ответ может навести нас на некоторые мысли и подать повод к любопытным соображениям.

Начнем с Испании.

Испания, вероятно, остается и останется равнодушной: ни кортесы, ни народ не думали о Гогенцоллерне. Это дело Пруссии, или, вернее, Бисмарка, который вызвался помочь безкоролевью. Прим согласился, может быть, искренно, а может быть, имел в виду не избрание Гогенцоллерна, а его последствия, для него так или иначе полезные. Теперь принять Испании участие в войне едва ли возможно, хотя бы Пруссии очень желалось того. Во всяком случае война приблизит Испанию к союзной республике (Кастилия, Арагония, Каталония, Бискайя, Эстремадура, Андалузия, Галиция и пр.), единственному образу правления, для нее возможному, даже за отсутствием охотников на ее престол, и столь желанному для сильной, талантливой партии. Это будет началом, заметим мимоходом, нового порядка вещей в Европе.

Италия, без особенных обстоятельств, осталась бы также равнодушной, но теперь, после помощи, полученной от Пруссии, для возвращение четырехугольника с Венецией, она связана некоторым образом с нею узами благодарности. Франция имеет войско в Риме, и нейтралитет Италии может быть куплен, без сомнения, его ценою. Италия началом своего освобождения обязана Франции, но все-таки она не пожелает ей успеха, по крайней мере большого, ибо Франция может ей вредить или иметь влияние на нее по соседству, а Пруссия нет.

Австрия всем сердцем (если есть у нее) на стороне Франции, хотя Франция начала ее унижение: она желает успеха Франции, потому что Пруссия нанесла ей чувствительнейшие раны, но не смеет обнаружить свои чувствования, ибо ими она оторвалась бы совершенно от Германии, с которой ей не хочется отказаться от родственной связи; и она должна бояться в случае неудачи, чтоб не погибнуть в конец.

Венгерцы, слышно, тянут к Пруссии, надеясь, может быть, приобрести чрез нее совершенную независимость.

Турция, верно, также на стороне Пруссии, от которой ей нечего ждать опеки, которою стесняет ее Франция.

Англия, несмотря на дружбу с Францией, желает ей поражения, потому что естественная ей союзница есть Германия с Пруссией и ослабление Франции для нее выгодно.

Бельгия внутренне за Пруссию, ибо Франция в случае успеха может заключить ее свои объятия.

Точно так Голландия за Францию, опасаясь подобного доказательства дружбы со стороны Пруссии.

Дания, без сомнения, воссылает мольбы за Францию, надеясь возвратить себе Шлезвиг, если не Голштинию.

Швеция также, хоть и в меньшей степени, потому что соседство могущественной Пруссии может стеснять ее, а отдаленная Франция может оказывать только посредственное влияние.

Но Бог с ними, с западными государствами, которые все имеют свои виды и отношения, находят в успехе той или другой стороны свои выгоды и невыгоды, — и все в большей или меньшей степени враждебны России, несмотря на заверения и клятвы.

Для нас всего важнее взгляды славян на войну и взгляды поляков.

Полякам нет дела ни до Франции, ни до Пруссии; черт вас обеих возьми, думают они про себя и смотрят, несчастные мономаны, только на Россию, как бы ей повредить, все их усилия стремятся теперь к тому, чтоб вовлечь в войну Австрию, за которой-де, непременно должно последовать и вмешательство России. Они будут пускать теперь свои ракеты повсюду, трубить во всех подкупленных газетах, дразнить Россию и Австрию. Вот уже в «Journal des debats» печатаются оскорбительные отзывы о прусском короле, распускаются слухи о союзе России и Пруссии с тем, чтоб возбуждать против нас французов и вызывать какие-нибудь оскорбительные заявления.

Северо-западные славяне, *чехи, моравляне, словаки*, не связаны с французами никакими узами: французы мешали им больше всех, вступаясь за Турцию, задерживая Россию, но все-таки они, вероятно, больше на стороне французов,

чем немцев, от которых видят грозу опаснее, судя по тем несчастным опытам, которым подвергались они и в Австрии, и в Пруссии. Немцы искони враги славян, на земле которых большей частью поселились, которых ненавидят и презирают, не исключая русских, или, лучше сказать, начиная с русских. Верно, все они желают поражения Пруссии, потому что в случае победы им придется трепетать за свое политическое существование; они понимают, что жить с пруссаками будет им тяжелее, чем с австрийцами, и они попадут из огня да в полымя, пруссаки задавят Богемию, и так далее.

Южные славяне, то есть *кроаты, далматинцы, словенцы* и проч., верно, желают также успехов Франции, потому уже что Венгрия за Пруссию.

Турецкие славяне, валахи и греки на стороне Франции, впрочем страдательно, и эта страдательность служит ясным доказательством, что они еще не созрели для действий и одни не могут сделать ничего, а время теперь было бы благоприятное, если бы нашелся между ними у кого-нибудь Георгий Черный.

Какое же заключение можно вывести из этих соображений для того, чтоб определить отношение России к событиям — представляется судить читателям. Sat sapienti.

* * *

Июля 12. Война начинается: у обоих воюющих держав чуть не по миллиону войска в строю: сабли наточены, ружья почищены, пушки наготове. Два просвещеннейших племени сбираются истреблять друг друга. Вот вам и цивилизация европейская, вот вам и просвещение европейское!

* * *

Чего стоит содержание двух миллионов! Сколько пространства должны они занимать и разорять, опустошать! Про-

щайте жатвы! А как бьются сердца у родителей, у детей, у мужей, у жен, у женихов, у братьев, у сестер! Из-за чего же вы хотите драться, милостивые государи?

* * *

Германия вся одушевляется. Франция меньше! Wacht am Rhein!

* * *

Наполеон берет сына с собою на войну и в своей прокламации объявляет, что уважает германскую национальность, и обещает, что народы, ее составляющие, будут распоряжаться своей судьбой.

(Пруссии обещают тоже.)

* * *

Ай, ай, ай! Пруссаки напирают и берут верх во всех стычках и во всех сражениях! Война не на правом берегу Рейна, а на левом. Наполеон не успел перейти на немецкую сторону.

* * *

В чем состоит сила Пруссии? У нее нет ни чернозема, ни золота, ни серебра, ни железа, ни меди, ни шерсти, ни соли, а она из ничтожного, подвластного владения заняла место между первенствующими державами Европы! Порядок, бережливость, образование!.. Какие расходы должна была принять на себя эта страна для войны с Данией, потом с Австрией и, наконец, теперь с Францией? Чего стоит содержать миллион солдат, обмундировать, вооружить, кормить, поить, приготовить медицинскую часть, — и все это идет как по заведенным часам, все измерено, рассчитано, соображено.

Перевозятся войска, доставляются припасы. Все поспевает вовремя. Ни в чем нет недостатка. А французы в своей земле и холодны, и голодны, и наги, и босы!..

Газеты захватываются с неприятными известиями и во Франции, и в Пруссии.

* * *

Напечатав при открытии военных действий в «Московских ведомостях» 10 июля замечание о нейтралитете, я хотел написать через несколько времени, когда пруссаки одержали победы при Вейсенбурге 23 июля, при Форбахе (25 ч.), при Верте, при Меце (2, 4, 6 августа), замечания об осторожности, какую должно наблюдать нам, и начал так:

«Есть латинская пословица “Felix, quem aliena pericula faciunt cautum” (“Счастлив тот, кого чужие опасности научают осторожности”).

Если б за месяц кто сказал, что пруссаки могут приблизиться к Парижу, что в палатах может сорваться с языка выражение о спасении Отечества (26 июля) и империя повиснет на волоске, того, наверное, все назвали бы сумасшедшим.

Давно ли голосование в пользу Наполеона приводило в волнение всю Европу и она оставила почти все дела свои в ожидании, что вынется из урны!

А между тем все это случилось перед нашими глазами, и в один месяц европейские дела опрокинулись вверх дном: верхнее очутилось внизу, нижнее поднялось наверх, и с часу на час ожидается решение вопроса, кому быть или не быть на первом месте в Европе!

Наполеон, чье слово приводило в движение все европейские кабинеты, чей взгляд в ту или другую минуту делался предметом всяческих толкований, кто стоял на самой высокой степени могущества и решал судьбы государств, тот не знает теперь, куда деваться, и не имеет верного угла, где мог приклонить голову, стушевался так со своими тяжкими грехами, как стушевался папа без грехов.

Наполеон — человек, но целое тысячелетнее, сорокамиллионное, сильнейшее, просвещеннейшее, передовое государство в мире ниспало в этом месяце, по крайней мере на долгое время, с высоты своего величия и потеряло почти свой голос…

Вот что значит окружать себя людьми, так называемыми преданными, слушать одну лесть, не терпеть противоречий, не искать правды!..

Вот что значит придворная камарилья, которая думает только о себе, а не об Отечестве: она погубила Испанию, она с Наполеоном губит и Францию. Ни ум, ни хитрость, ни сила, ни войско, ни Шаспо со своими чудесами — ничто не помогло, и Наполеон упал теперь так глубоко, как высоко стоял прежде. Урок царям и народам!

А между тем во Франции была еще достаточная свобода печати и правительство получило нужные предостережения: припомним, что было говорено о Мексиканском походе, о парижских постройках, о ежегодных дефицитах! Одна речь Тьера, произнесенная в палате депутатов, могла, кажется, образумить…

А между тем во Франции было и есть много людей во всех партиях, которые обладают и познаниями, и способностями, и опытами, и доброй волей, и привычкой трудиться, которые не только умеют говорить, но и читают много, сами пишут…

Если французы были проведены, обмануты, застигнуты врасплох и подверглись крайней опасности, то кольми паче можем быть обмануты мы с нашей добротой, доверчивостью, природной леностью и беспечностью?..

* * *

Не успел я докончить задуманного рассуждения, имея в виду все-таки одну Россию, как получено известие, что чуть не двухсоттысячная армия Мак-Магона, запертая в Седане, положила оружие и сам Наполеон отдался в плен прусскому

королю, который назначил ему местопребывание! Не веришь ушам своим!

Франциск I, плененный при Павии императором Карлом V, писал: все потеряно, кроме чести. Наполеон не может и так выразиться, а разве: все потеряно, и прежде всего честь.

* * *

Каким образом такое многочисленное войско, с огромным количеством пушек, могло сдаться в плен? Как мог Мак-Магон попасть в такую западню? Идя в обход на выручку Базена, запертого в Меце, должен ли был предусматривать преграду, должен ли был заготовить продовольствие, должен ли был приготовить возможность отступления? А у него даже пороху не хватило. Говорят, Наполеон, военный министр его послали. Но неужели не мог он убедить того и другого ясными причинами невозможности, которые он сознавал? Или Наполеон хотел сам такого исхода, потому что ему приходилось от своих хуже, чем от чужих? Пруссаки окружили Мак-Магоново войско! Чтобы окружить 150 тысяч ведь нужно 500 тысяч! Окруженные могли выбрать себе место, через которое лучше им было пробиваться, и направить туда все силы, — как бы, кажется, не успеть! Неслыханное в истории войн, непостижимое, невероятное событие!

И как быстро следовали одно за другим все эти события, одно другого решительнее.

Война была объявлена около 20 июля н.с. Движение прусской армии началось 25-го, сражение при Саарбрюкене — 30 июля, при Вейсенбурге — 4 августа, при Форбах и Верте — 6-го, около Меца —14, 16 и 18-го, при Бомоне — 30 августа, погром Седанский и взятие в плен Наполеона — 2 сентября.

* * *

Наполеон мог, разумеется, спастись, но, видно, не хотел и отдался в плен по доброй воле. Это был для него лучший

исход: куда бы ему деться? Если бы он явился в Париж, то его, верно, вздернули бы на фонарь. Жить в чужих краях беглецом — также положение незавидное. А государь в плену — это нечто оригинальное: и безопасно, и интересно, и удобно, а может быть, что-нибудь случится и благоприятное!

* * *

Как вертелся, метался Наполеон в продолжение всего своего царствования, и все ему как будто удавалось; несколько лет он был на высоте, ни для кого недосягаемой, — но он продолжал играть в азартную игру, пока не попал на Бисмарка. Вот здесь-то и оправдалась пословица: нашла коса на камень. И другая о нем: повадится кувшин по воду ходить, там ему и голову положить.

* * *

Герен в своей политической истории верно оценил испанского министра кардинала Альберони: это прожектор, а не государственный деятель (Projecternmacher, nicht ein Staatsmann). Точно то же можно сказать и о Наполеоне. Он хитрил 18 лет в Европе, ткал искусную тонкую паутину, но дунул откуда-то ветер неожиданный, при безоблачном небе, и все хитрости пошли туда, откуда происходили, — к черту.

Как бы кто и кто бы что ни говорил, а есть здесь что-то роковое (providential). Наполеон копал другим ямы и сам упал в яму — и каким поносным образом?

* * *

Кто бы что ни говорил, как бы кто ни объяснял эти события, а в них есть что-то роковое (providential). Перст Божий зде! О Наполеоне I сказал Жуковский:

Закон судьбы для нас неизъясним:
Надменный сей не ею ль был храним?

Вотще пески Ливийские пылали –
Он путь открыл среди песчаных волн.
Вотще враги пучины осаждали –
Его промчал безвредно легкий челн.

Точно то же можно приложить и к Наполеону III. Пока он нужен был, по неисповедимым путям Провидения, тогда ему все удавалось, и из Булонского балагана, из Гамской тюрьмы, полишинель, попал он на престол французский, и все государи европейские приходили к нему на поклонение. Стал он не нужен — и полетел со своих скудельных подножек в несколько дней, опозоренный, униженный.

Близорукая казуистика будет, пожалуй, толковать о самонадеятельнности Наполеона, о заблуждении Граммона, неосторожности Оливье, об опрометчивости Лебефа, о неспособности Фальи, как толковала в 1812 году о лихорадке Наполеона под Бородино, но это все мелкие видимые причины: разве не те же люди управляли Францией в продолжение последних 18 лет, и все постоянно не только сходило им с рук, но еще они покрывались честью и славой? Что же — теперь они все ослепли, оглохли, притупели, расслабли?

Судьба всех клевретов Наполеона тесно связана была с его судьбой: как им было, не застраховавшись, пуститься на такое отважное дело? Да и сам Наполеон, с его умом и хитростью, заботившийся больше всего об упрочении своей династии, мог решиться на войну, только предусмотрев и оценив все случайности, ибо первая неудача должна была поколебать его престол, судя по тому положению, какое приняла против него усилившая ее оппозиция! Кто же подтолкнул его руку подписать объявление войны, хотя время было в его распоряжении? И никто не осмелился открыть ему глаза! Или на всех пришло затмение?

* * *

Франция есть единственная союзница России, но непостоянство правления Франции мешает России связывать свою

судьбу с его судьбой. С Карлом X мы зажили было дружно, но дружбу эту расстроила июльская революция, может быть, способленная извне. С Луи Филиппом мешал сойтись рыцарский характер императора Николая. Наполеона же он оскорбил и вооружил против себя, чем воспользовались англичане. Лучше ли бы было, если бы император Николай соединился с ним? Едва ли, потому что он, усиленный таким союзом, захотел бы играть роль своего дяди. Нам естественно было желать ему худа, но исполнение вышло уже из границ! Мы отомщены, и Наполеон получил воздаяние за Севастополь.

* * *

В Париже провозглашена республика (4 сентября н.с.). Этого надо было и ожидать. Французы, особенно ораторы и идеологи, рады случаю избавиться от злосчастной империи и от отяжелевшего над ними Сахара Медовича.

Устроилось правительство обороны. Жюль Фавр и Гамбетта впереди. Что-то будет? Тяжелое бремя приняли они на себя! Все войско разбито, в плену, в больницах, в крепостях, в земле!

* * *

Наполеон кругом виноват. Не спросясь броду, сунулся он в воду. Туда ему и дорога! Много хлопот причинил он Европе!

А мучительное положение его теперь! Что должен он чувствовать, какой позор нести, и — все по своей вине!

Свидание его с Бисмарком и Вильгельмом — достойно кисти Шекспировой.

Ему назначено пребывание около Касселя. Не весело там будет он проводить время! Что твоя Святая Елена!

* * *

По крайней мере кончилась ли теперь война? Пруссаки говорили ведь, что они воюют с Наполеоном, а не с Францией.

Теперь Наполеона нет, следовательно, и война потеряла свой смысл, но, кажется, не потеряла своего существования!

* * *

«Мы не уступим ни пяди нашей земли, ни камня наших крепостей, — воскликнул министр иностранных дел Жюль Фавр в своем циркуляре к дипломатическим агентам. — Постыдный мир повел бы в скором времени к истребительной войне»…

* * *

2 сентября. Тьер отправляется от правительства обороны к главным европейским дворам просить, разумеется, о посредничестве Лондон, Петербург, Вену. Пусть они побудят Пруссию вывести войска из Франции. Славная миссия! И никто не может исполнить ее так блистательно, как Тьер. Опытный государственный муж, имевший в своих руках долго и часто кормило правления, главный противник Наполеона во время его могущества, решительный противник войны, знаменитый историк. Он яркими красками опишет заслуги Франции науке, искусству, общежитию, он исчислит изобретения и открытия на общую пользу; он припомнил все мысли, пущенные ею в ход и оборот, — все, что делала Франция для Европы. Любовь к Отечеству даст силу его голосу. Любопытно было бы послушать его в эти торжественные минуты! Может быть, даже он сделает косвенные обещания. Все это выслушают внимательно европейские министры, со всем согласятся, выразят сердечно участие, но, скажут они в заключение, а в этом-то «но» и весь вопрос! Воротиться ему не солоно похлебавши!

* * *

3 сентября. Немецкие газеты переменяют тон о Наполеоне. Теперь не он уже виноват в войне, а французский народ, который и надо наказать, а мир заключить с Наполеоном, кото-

рый, вероятно, окажется податливее и уступчивее. Нынешнего правительства признать, говорят, нельзя, ибо оно завтра может перемениться и проч.

* * *

4 сентября. Часть правительства переносится из Парижа в Тур. Во всех общинах устраивается постоянная национальная гвардия.

5 сентября. «Картечницы, — пишут в газетах, — отличаются необыкновенной быстротой и меткостью стрельбы, солдаты называют их органами и в этом отношении далеко превосходят французские картечницы. Каждая из них заряжается 360 патронами, которые могут быть выпущены менее чем в одну минуту, так что в целую минуту число выпускаемых зарядов может простираться до 400. Главная выгода этого оружия состоит в том, что для него пригодны ружейные патроны. Картечницы хватает на 1200 шагов. Так как разряжение стволов происходит не одновременно, но последовательно, то, смотря по надобности, можно изменять направление выстрелов, что очень выгодно для стрельбы по войскам, которые, наступая, переменяют свое положение».

Какой противный, варварский язык: «что очень выгодно» — то есть потому что истребляется много людей! Пишется еще о каких-то вновь изобретенных косительницах, сатанинских ракетах…

Нежные чувства воспитались в Европе!

* * *

В месяц Франция потеряла 300 тысяч солдат убитыми, ранеными и пленными.

* * *

Пруссаки идут вперед к Парижу, но с великими затруднениями. Все крепости приготовляются выдерживать осаду.

Страсбург бомбардируется. В Париже собирается войско из разбитых корпусов и подвижная гвардия. Укрепляются все форты, готовятся к обороне.

Цитадель в Лаоне взорвана на воздух после вступления пруссаков.

* * *

Жюль Фавр, министр иностранных дел, отправился тайно просить перемирия 10—22 сентября. Необходимо-де созвать учредительное собрание, которое имело бы право договариваться. Как бы не так! Перемирия даром дать нельзя. Бисмарк требует, как предварительного условия для начала переговоров, сдачи всех крепостей: Ельзаса и Лотарингии, Страсбурга и проч., до главного форта над Парижем (mont Valerien), если там будет совещаться национальное собрание. Жюль Фавр остолбенел. Вы хотите, чтоб мы совещались под вашими пушками? «Ну поищем другого условия (combnasion): гарнизон Страсбургский должен отдаться в плен непременно». Кошка играет с мышью. Можем ли мы предать с таким позором войско, которое столько времени защищается отчаянно? Отвечал Фавр. Несчастного прошибли слезы, он отвернулся, чтоб не увидал их Бисмарк, и уехал, с чем приехал.

Бисмарк откровенен — надо отдать ему честь. Мы уверены, говорит он, что скоро опять будет война: так нам надо устроить себе такое положение, чтобы как можно выгоднее стало начать или принять ее.

* * *

Граф Бисмарк отрекается от своих слов в разговоре с Жюлем Фавром о намерении или желании низвести Францию на степень второклассной державы. Мы охотно верим, что он не употреблял этого выражения, но, требуя Страсбурга, Меца и даже Соассона, со ipso он низводил Францию на степень

второклассной державы: имея над собой этот дамоклов меч, Франция не могла бы ступить ни одного шага и должна б была навсегда оставаться почти в вассальной зависимости от Пруссии. Слова здесь ничего не значат, точно так, как не значило ничего объявление войны Францией. Ясно, что Бисмарк искал предлога и нарочно раздразнил Наполеона — чтоб тот, не спросясь броду, бросился в воду. Мы видим теперь, кто приготовлялся к войне больше, Франция или Пруссия. Пруссия говорит, что она хочет иметь Страсбург и Мец для своей безопасности. Но Франция точно так же может сказать, что Мец и Страсбург в наступательную войну сделаются для нее опасными и будут служить всегда точками отправления, всегда будут угрожать ее существованию. Если теперь без Меца и Страсбурга Пруссия одолеет Францию, то что может она делать, имея с начала войны Мец и Страсбург? Обеспечение мира зависит не от крепостей.

С другой стороны, напрасно думает граф Бисмарк, что, владея Мецом и Страсбургом, он будет безопасен навсегда от Франции. Я не говорю об исходе нынешней войны, которая также может кончиться вдруг против Пруссии: дождь может явиться таким же союзником Франции, каким был для России мороз в 1812 году. Отчаяние всего народа может также оборотить дела в противную сторону. Содержать миллион войска в чужой и враждебной стороне тяжело.

Из чего же хлопочут теперь пруссаки? За что приносят в жертву цвет населения германского? Чтоб иметь удовольствие войти в Париж, который уже грозятся они бомбардировать? Горькое удовольствие! Поносная слава! Разве мир, заключенный в Париже, будет крепче мира, заключенного под его стенами?

* * *

Пруссия, в начале войны и прежде ее, имела целью объединение Германии и хотела обеспечить это объединение со стороны Франции, главной его противницы. На это она имела

полное право. Теперь эта цель достигнута. Для чего же продолжение войны? Для чего эти страшные опустошения, которыми тысячи, чужие и свои, обращаются в нищету? Для чего эти кровопролития, которыми облекается в траур чужое и свое народонаселение? Зачем стрелять в Страсбургскую колокольню и производить пожар в библиотеке, грозить Парижу?..

* * *

Страсбург, разгромленный, сдался 5—17 сентября. Упорство Жюля Фавра было бесполезно, но он не знал о крайности, да и зная, с каким духом мог бы он согласиться предать храбрый гарнизон без его ведома!

* * *

Версаль занят, и 8 сентября с.с. главная квартира пруссаков перенесена туда. Старый Вильгельм располагается в спальне Людовика XIV. Не потревожит ли сон его тень встрепенувшегося в могиле французского короля? Как вертится колесо судьбы? Что за превратности!

* * *

Бисмарк также торопится теперь окончить войну, чтоб под шумок исполнить вместе свои намерения и касательно Германии, а она в свою очередь, проливая кровь все-таки за Пруссию, неужели в вознаграждение согласится на лишение самостоятельности? Споры предвидятся, и, в предупреждение их, пока энтузиазм не остыл, он хитро обделывает свои делишки.

Как надувает он Германию! Звоня о Германии, действуя из-за нее, употребляя ее главным мотивом, думает он приравнять Пруссию к Виртембергу, Бадену или Ганноверу? Как бы не так!

Все немецкие государи приглашаются в Версаль поднести титло германского императора прусскому королю.

Воображаю, что думают себе на уме немецкие государи и с какой кислой физиономией поднесут ему это титло!

* * *

Всеми своими успехами Пруссия обязана России: мы позволили ей оставить восточную их границу без всякой стражи и употребить всю силу на войну; мы требовали нейтралитета Австрии и грозили ей войной, если она подаст помощь Франции; мы убедили Данию не принимать участия в деле; другими словами, мы развязали руки Пруссии; без нас она не могла бы ступить и шагу. Неужели все это мы делали даром и не выговорили себе никакого вознаграждения?

Не должны ли мы хоть теперь, видя такое неприязненное расположение немецких газет, вытребовать вознаграждение и для себя, и для других, оградить существование единоплеменных с нами славян, за которых вел войну покойный император Николай Павлович, и исходатайствовать им гражданские права? Победа еще не решена, мы можем постращать диверсией и оборотить все дело вверх дном. Австрия и Дания устремятся на наш голос со своей стороны с полной готовностью и удовольствием.

* * *

Разумеется, этого ничего не будет: мы не способны к такому образу действий; это все знают и смеются над нами, и пользуются нашими аркадскими добродетелями, выезжают на наших спинах, и нас же ругают, и нам же приписывают всякие замыслы, чтоб возбуждать и питать общую к нам ненависть! Почитайте, что в полуофициальных прусских газетах говорят о России: чего можем мы ожидать, когда дело решится в пользу Пруссии и когда она станет во всеоружии среди Европы, — разумеется, не со стороны родственной и дружелюбной династии, а со стороны народа, со стороны коноводов.

Прусские газеты вспоминают даже о 1814 годе и жалуются, что тогда в Париже помешали Германии распространиться и объединиться. Главную вину возлагают они на Россию. Вот вам и благодарность за спасение от погибели. Ищите же правды!

* * *

Париж облагается, и между тем внутренние распри не ослабевают, а увеличиваются. Красные закричали: давай нам оружие, а правительство, хоть и республиканское, боится дать его в руки радикалов! Оно боится их чуть ли не больше, чем пруссаков, и разыгрывается в лицах басня: рак пятится назад, лебедь рвется в облака, щука тянет в воду, и воз остается неподвижным.

А пруссаки смотрят, посмеиваются и заряжают ружья.

* * *

Что сделалось с европейским равновесием? Давно ли вся Европа всполошилась за предполагаемое только намерение императора Николая стеснить султана в верховных правах его за мнимое покушение на целость его государства, а теперь раздробляется первое, по преимуществу, европейское государство (вслед за поражением такого же, то есть империи Австрийской), и никто не тревожится, никому нет дела до того! Что же такое droit international? Нечего уже тут говорить о заслугах Франции науке, искусству, общежитию, об изобретениях на пользу человечества, о мыслях, пущенных в ход и оборот, — все забыто, все пропало, как будто ничего и не бывало! Просвещенная, христианская Европа!

* * *

Турция нужна для равновесия, благоденствия Европы, а Франция, как прежде Австрия, нет? Возродилось подозрение,

бездоказательное, о властолюбивых намерениях России — и все сыры боры загорелись! А теперь отнимают важные провинции, опустошают страну, низводят ее с высоты величия на нижнюю ступень — и вся Европа молчит. Не только нет слуха о вооруженном вмешательстве, но нет слуха и о мирном посредничестве. За Турцию Англия поднялась всеми силами и не пожалела никаких жертв, а на подавленную Францию рада наложить еще бревно потолще и придавить покрепче.

* * *

В особенности отличается Англия, которая кричала громче всех о нарушении равновесия, лишь только шевельнется, бывало, Россия! Какие опасности для Европы видела она в занятии княжеств? А теперь она молчит, когда сила Франции надломлена, когда германский союз уничтожен, когда Австрия ослаблена наполовину, когда Дания обобрана, когда Пруссия из последнего, в числе пяти европейских государств, сделалась первейшим. Ей выгодно такое перемещение, и о равновесии она позабыла. Подлую систему она ведет. Двадцать лет Франция была у нее в услугах: Франция помогла ей нанести удар России и разрушить Севастополь, Франция помогала давить Грецию и охранять Порту. Королева Виктория приезжала поклониться гробу Наполеона I. Пальмерстоны, Кларедоны, Коулеи рассыпались в любезностях пред императорской Францией; газеты исполнены были панегириками — а теперь? Теперь не только за все услуги Франции Англия не хочет ступить ни одного шага в ее пользу, но без всяких церемоний обнаруживает свое злорадство унижению закадычного друга. Куда девалась entente cordiale! В речах и газетах прорываются только эти мысли, а внутренно-то как радуются англичане! Соперник уничтожен, поражен! И Питт, Кастельриг, Каннинт и Пальмерстон осклабляются, верно, в могилах!

За то подает она, говорят, благой совет уступить две трети флота Пруссии, чтобы остаться единственной владычицей всех морей, окружающих Европу. Какая добрая!

Едва ли верен ее расчет?! Соперник унижен, ослаблен — это правда, но какую существенную пользу получит Англия от расстройства Франции? Без союза с Францией ей ведь уже нечего думать о сильном влиянии на Европу. Разрушить Севастополь она могла только с ее помощью.

Ослепленная, при всем твоем уме, — да будешь ли ты счастливее от этого? Даже с твоим понятием о богатстве ты потеряешь, вероятно, многое при ослаблении торговли с Францией. Вероятно, ты выиграла бы также, если бы Константинополь принадлежал не туркам, если бы в богатых странах Востока образовались европейские государства. К чему же твои козни, труды, расходы, беспокойства?

* * *

На участие, на сострадание политическое России Франция не имеет никакого права: развалины Севастополя еще дымятся в благодарность за пощаженный Париж. Франция, с Наполеоном ли то, или с республиканцами, становилась всегда поперек на дороге России; столько вреда и зла причинила она ей своим вмешательством в польские дела и возбуждением несбыточных надежд, как мешала она всегда на Востоке, для нее несовершенно постороннем! Поражение Наполеона для нас приятно; ослабление Франции, смотря с этой точки, для нас выгодно; выгодно и то, что Англия без Франции не может быть для нас такой помехой, как с ней; — и мы можем подавать голос только против жестокого обращения с невинными жителями (в таком духе предложен был России в последнее время и Брюссельский конгресс).

* * *

Италия, обязанная Наполеону своим настоящим положением, должна бы показать ему свою благодарность, но и у Италии есть на него неудовольствие — за Рим, которого не отдавал ей Наполеон, а без Рима что за Италия! Теперь без Наполеона она надеется увенчать свое здание.

* * *

Правду сказать, что Австрии мудрено было желать добра Франции, хоть Пруссия ей также пришлась солона! Франция первая потрясла ее жестоко и открыла дорогу Пруссии.

* * *

Приходится Франции, по милости Наполеона, слышать то же, что сказал Крыловский кот волку, который просил у него совета, к кому обратиться за помощью:

Что вижу, кум, ты всем в деревне насолил,
Сказал тут Васька волку,
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы — сам себя вини:
Что ты посеял, то и жни!

* * *

Удивительное зрелище представляет Германия! Все философы, все историки, все натуралисты, все поэты кричат в один голос: подавай нам Альзас, подавай нам Лотаринию, подавай нам Соассон! В газетах провозглашается уже присоединение Богемии! И Триест должен нам принадлежать, и на Дунае мы должны господствовать!..

* * *

Сколько кафедр для всяких прав учреждено в немецких университетах? Там преподается и право народное, и международное, и естественное. Но все эти права не научат, видно, ни умеренности, ни кротости, ни скромности, ни человеколюбию.

Богословы, философы, поэты, профессоры и пасторы помешались на присоединениях. Так и во Франкфурте все свободные представители народа немецкого требовали Познань, Богемию, Триест и окружные страны. Эгоизм и ограниченность!

* * *

Как французы сохраняют многие племенные свойства галлов, так немцы представляют собой чистокровное потомство герулов и готов. Дикие инстинкты в немцах преобладают, и ни поэзия Шиллера, ни философия Шеллинга, ни богословие Шлейермахера не могли их изгладить.

* * *

У германского племени развит больше ум, рассудок, чем сердце. Даже не на счет ли сердца развит ум? У романского племени развито более чувство, чем ум. (А у славянского?)

* * *

Приносят ли пользу науки в нравственном отношении? Вот какое богохульное сомнение возбуждает в уме нынешняя война!

* * *

Оказывается, увы, что наука, искусство, образованность (цивилизация) суть только апельсины, персики, ананасы, подле которых растут беспрепятственно и тернии, и волчицы — анчар, нисколько не ослабляемый ими в своих ядовитых свойствах.

* * *

Чем отличается эта война от варварских войн во время переселения народов? Это — те же вандалы и остроготы,

только снабженные изобретениями новыми наук! Нет, тем было простительнее, ибо они увлекались инстинктом, а эти стремятся по их следам, кончив курс философии с аттестатом зрелости!

* * *

Немцы теперь так же ослеплены или упоены победами, как прежде ослеплены были французы. А давно ли они провозглашали, что желают только, чтоб им позволили быть самими собою, — что, охраняя свою собственную землю, они готовы признать соответствующие права за всеми другими нациями?

* * *

Как жестоко повелась война! Грабят, бьют, жгут, да еще призывая имя Божие!.. Победители не хотели знать ни 8-й заповеди — не укради, ни 6-й — не убей; потому что исполнение было бы для них накладно, но из какой выгоды, с какой целью они нарушают даром третью — не приемли имени Господа Бога твоего всуе? Бог не помогает убивать, жечь, опустошать. Бог, может быть, наказывает Францию руками Пруссии. В таком случае дело Пруссии принимает совсем другой смысл и значение, и гордиться нечего исполнением такого поручения.

* * *

Говорят о посредничестве. Предлог благовидный — не допускать французский народ до ожесточения и не подавать повода к будущей европейской войне.

А немцы со всех сторон подают голос против посредничества нейтральных государств, которые не захотели бы допустить до произвольного назначения условий мира. Мы должны-де получить условия, могущие обезопасить Отечество, чужеземные влияния должны быть устранены.

* * *

В некоторых петербургских газетах попадаются оскорбительные выражения для Франции, которая находится в стесненном, критическом, опасном положении: это неблагородно. Со всеми может случиться то же, кольми паче с нами. Если бы об нас в Крымскую войну стали так говорить, что мы почувствовали б? Исход еще не известен! Если встанет народ и решится, то дела могут принять другой оборот, и тогда всякое заявление враждебное может обратиться нам в укоризну. Для чего же это делать? Правительство сохраняет нейтралитет, и мы должны относиться к обеим сторонам с чувством сострадания, сожаления, что в конце XIX столетия могут случаться такие явления. Надо говорить с достоинством при виде этих городов пылающих, полей опустошаемых, людей избиваемых. Несчастные имеют право на сострадание и уважение.

* * *

Одна петербургская газета осуждает Англию, говоря, что она задним умом умна, — неужели вы умны передним?

* * *

Написать бы послание к воюющим:

«С глубокой скорбью следим мы, дети холодного Севера, старые москвитяне, за событиями несчастной войны, возникшей между двумя просвещенными народами Европы. Мы не входим в рассуждение о причинах ее, явных и тайных, всего менее беремся обвинять ту или иную сторону и, только смотря на настоящее их положение, решаемся подать голос братского, искреннего участия. Довольно жертв принесено, довольно крови пролито, довольно ран нанесено друг другу. Пора вложить меч в ножны и прекратить опустошение и кровопро-

литие. Чувство мести удовлетворено, урок дан, будущность обеспечена надолго — чего же более? Неужели Париж может подвергнуться разрушению, Париж со своими сокровищами науки, искусства, промышленности, образования, Париж, записавший свое имя неизгладимыми чертами в летописях Европы? Разрушить его могли б решиться только вандалы; посягнуть на музей, на библиотеку, на памятники — только Омар. Всякий выстрел по городу отзовется в сердце всех образованных людей в Европе. Сами победители раскаялись бы скорее в своем невоздержании. Во имя человечества, христианского просвещения мы желаем, чтоб как можно вскоре кончилась пагубная война. Французское правительство, какое бы оно ни было, должно найти средство удовлетворить своих победителей с сохранением Парижа; победители должны найти средства, как достигнуть своей цели, не касаясь Парижа, этого общего европейского достояния…

* * *

Печальное зрелище представляет Франция. Энтузиазм возбужден, но нет связи, нет единства между частями, нет порядка. А главное — везде партии мешают одна другой. Радикалы хотят воспользоваться, чтобы учредить республику красную, но не прекрасную. Ну, разумеется, все прочие отстраняются и принимают положение страдательное. У бонапартистов, которых много, особенно в остатках армии, свои цели, и свои средства, и свой образ действия. Какого же ждать успеха? А пруссакам то и на руку: они везде умеют пользоваться обстоятельствами, сеют раздоры, обманывают надеждами. Все средства хороши, думают они, хоть и не иезуиты.

* * *

Осада началась 8 сентября с.с.

Сообщения Парижа прерываются, но он, усилиями Трошю, приведен, говорят, в отличное оборонительное положе-

ние, отливаются пушки — вот что называется — со сковородки! Часть правительства переместилась в Тур. 4—16 сентября голуби приняты на службу в почтовое ведомство. Нужда научит калачи есть.

Но нет Карно, нет Наполеона I, человека не имамы, могут оправдываться французы. Бедный Гамбетта, импровизированный военный министр, вылетел на воздушном шаре из Парижа 26 сентября. Он делает, что может, мечется, набирает солдат, снаряжает войска, пишет прокламации, говорит речи, — и надо удивляться его лихорадочной деятельности, даже его успехам, но хватит ли его сил, достанет ли знания, чтоб бороться со всеми возможными препятствиями?

* * *

Дела идут вообще плохо, поправятся там-сям французы на одну минуту, а потом опять упадок и бессилие. Отливаются волкам овечьи слезки! Одна надежда на Базена. О, как тяжелы должны быть для французов эти минуты! Что чувствует Наполеон?

* * *

Мец сдался 15—27 октября. Известие это поразило как громом всю Францию. Измена!.. раздалось на всех концах ее. И в самом деле, как могла сдаться эта первоклассная крепость, имея около 200 тысяч войска! Пруссаки взяли в плен 3 маршалов, множество генералов, 6 тысяч офицеров. Слыхано ли это было когда-нибудь, где-нибудь?!

* * *

Базен сдался, говорят от голода. Да ведь он должен был знать вперед, когда начнется голод и когда он должен будет сдаться. Так ему заблаговременно должно было думать, чем предупредить этот беспримерный позор. Удивитель-

ные события, беспримерные в летописях войны! Еще около 200 тысяч в плену!*

Армии в Меце было сказано, что пруссаки не признают правительства обороны, а признают регентство императрицы. Какая сеть интриг!

* * *

Ходят слухи о происках Наполеона и его партии. Неужели и теперь еще они имеют надежду?

* * *

Орел, у которого собралось с лишком сто тысяч войска, шел в Париж, откуда должен был выйти к нему Трошю, но Мец сдался, и осаждавшая его армия принца Фридриха Карла пересекла ему дорогу: он должен был воротиться.

* * *

Если Наполеон думает еще о возможности сесть на окровавленном престоле Франции, то его ослепление и, можно сказать, бесчувственность непостижимы: неужели он не видит, что его правление привело Францию на край гибели? Восстановив против себя Россию, Американские Штаты, Мексику, Италию, Австрию, Грецию, — чем же он покончил? Опустошением собственной страны, позорной сдачей войска, вооружения, поражением на 50 лет. Сколько миллионов стоит каждый день несчастной Франции? Он начал войну и как к ней приготовился! И после этого он может думать об империи и династии! Если б

* Приложим замечание, кстати, по поводу процесса Базенова:

Канробер, Лебеф, Флери могли быть в заговоре с Базеном, но Шангарнье — как мог он засвидетельствовать в пользу Базена? Сиссе, нынешний министр, Ладмиро, главнокомандующий в Париже, — как же они могли соглашаться? Если они были в меньшинстве, то теперь-то, на суде, почему они не подают своего голоса? Они могли бы иметь решительное действие.

в нем было хоть мало чувства, он должен бы был принести торжественное покаяние и сказать: я виноват, я нанес великий вред Отечеству, чувствую всю тягость моей вины, но и я хотел ему добра, пользы, славы, я думал, что наступила благоприятная минута для довершения моих намерений, я обманулся в своих ожиданиях, мне казалось, что я возвеличил Францию: вы видели всех государей в стенах Парижа. Я ошибся, жестоко ошибся. Казните меня. И может быть, впечатлительные французы, тронутые его раскаянием, простили б его — и он мог бы спокойно доживать свой век в швейцарском Аренберге и переводить комментарии Макиавелли вместо того, чтоб писать историю Цезаря.

* * *

Нет слов, чтоб описать негодование и отчаяние французов при известии о сдаче Меца.

Парижские радикалы обвиняют в измене и правительство, требуют себе оружие.

* * *

По предложению Англии начаты толки о перемирии, в продолжение которых можно бы столковаться и о предварительных условиях для мира. Тьеру поручает правительство обороны (20 октября) посольство к Бисмарку.

Бисмарк требует Эльзаса, Лотарингии и мира в Париже; он не соглашается допустить снабжение Парижа продовольствием в продолжение перемирия без соответственного военного вознаграждения, которого французы представить не могут, — и таким образом переговоры кончаются ничем.

Среди переговоров Тьеру сказали, что в Париже резня.

* * *

Толпы, подстрекаемые радикалами, требуют непосредственного участия в управлении, что и называется Коммуной.

Они овладевают городской думой и захватывают в плен само правительство: Жюль Фавр, Трошю… насилу были освобождены национальной гвардией.

* * *

Пруссаки требуют сдачи и в случае отказа грозятся бомбардировать; они надеются еще взрыва в Париже.

* * *

Они хотят взять Париж, голодом или бомбардированием, и принудить к сдаче, чтоб там заключить мир. Но с кем же они будут заключать его? Правительство временное останется ведь тоже, а учредительное собрание избрать будет тогда еще труднее, чем теперь. Это только пустые предлоги. Пруссаки хотят опустошить Францию и избить до полусмерти, или даже более, чтоб она долго не могла подняться для отмщения. Расчет, достойный Шейлока!

* * *

Думали, что пруссаки будут остановлены пред Парижем, как были остановлены пред Веною, и французы пред Венецией. Не тут-то было!

Каких удивительных событий привелось нам быть свидетелями?

* * *

4—16 ноября. В немецких газетах пишут, что только беспощадное продолжение войны может внушить французам правильное понятие об их положении и вселить в них решительную потребность мира.

Да! Они чувствуют потребность, но не могут согласиться на такие тяжкие и постыдные условия.

* * *

Сколько нужно войска, чтоб окружить такой город, как Париж! Как бы кажется не прорваться через слабейшую сторону и открыть сообщение с изнуряющимся всякую минуту более городом.

* * *

Князь Горчаков сообщает депешей нашим окредитованным лицам при иностранных дворах, 19 октября, что Государь Русский не считает себя обязанным по статьям Парижского договора, ограничивающим число судов наших на Черном море и возбраняющим возведение укреплений на его берегах.

Причины ясные, простые и как нельзя более основательные: 1) Турция завела и устроила себе сильный броненосный флот за Дарданеллами, который может всегда пустить в Черное море и повести за собой любой иностранный, союзный с собой, военный флот. Каким же образом мы должны оставлять берега свои беззащитными? 2) Военное морское дело преобразовалось совершенно после Парижского мира, и условия его даже по одной этой причине оказываются несостоятельными. 3) Парижский мир был нарушен прочими государствами во многих отношениях: почему же мы только должны хранить его условия, для нас в особенности вредные?

Казалось, что можно бы сказать против этих причин?

Нет, поднялся гвалт во всех газетах, во всех канцеляриях против такого чуть-де не наглого нарушения трактата. Вот и ищите справедливости у наших друзей и недругов.

Англичане говорят: мы займем Синоп и Трапезунд. Австрийцы собираются делать что-то на Дунае. Пруссаки объявляют себя несвязанными в условиях о Люксембурге.

Некоторые возражения и замечания даже читать отвратительно: лорд Гренвиль, например, самый вежливый из министров, говорит, что объявление России можно принять и огра-

ничиться только протестом, если Россия оставит заявление князя Горчакова неосуществимым, то есть не будет укреплять берегов, не будет увеличивать флота! Какова снисходительность Англии: она ограничится протестом, если Россия только будет говорить, а ничего не делать.

* * *

Англия не может допустить, чтоб Россия укрепляла свои берега и собирала достаточную силу для своей обороны от возможного нападения Турции, еще более — от нападения ее соперников, под видом, что эти действия могут сделаться опасными для Турции, между тем допускает, чтоб соседнее с ней, союзное, христианское государство, не Турции чета, не в будущем, а в настоящем опустошалось, разорялось, ослаблялось и было лишаемо своих областей. Есть ли тут смысл? Вы позволяете давить и теснить Францию в настоящем и не допускаете, чтоб в будущем угрозила малейшая опасность Турции, даже из необходимых мер для собственного ограждения России?

Италия занимает Рим, бывший во владении папы за тысячу лет, и вопреки недавней конвенции с Францией, по которой она должна была иметь столицу во Флоренции, — это ничего. Уничтожается вовсе Неаполитанское королевство — это ничего. Пруссия присоединяет южные немецкие государства к Северному союзу, вопреки Парижскому миру, — это ничего. Франция лишается двух областей — это ничего, — а в дали, на горизонте, является черная точка, которая кажется опасной в далеком или неизвестном будущем для противного мусульманского государства, и из-за него поднимаются крики, сыплются проклятия на властолюбивые замыслы России! Все державы одолеваются страхом спокойствия Европы. Черт вас возьми!

* * *

Все трактаты нарушены, начиная с первых Венских, которые Наполеон разодрал торжественно пред лицом всей

Европы, и кончая Священным, который поруган Австрией и не соблюден Пруссией, — мимо России, которая во всех этих событиях не принимала ни какого деятельного участия, — но лишь только пошевелилась она, не для нарушения трактата, а только для объяснения недоразумений, то происходит общий гвалт! Вот какая ненависть против России, вот какая ревность и зависть гнездится против нее в Европе! Все трактаты могут кем угодно быть разрушаемы; сохраняться должен только тот, который вреден для России.

* * *

Французы думают, что за свой нейтралитет мы получили от Пруссии согласие на уничтожение Парижского договора. Дешевая цена! Мы могли уничтожить договор, не говоря ни слова, под любым предлогом или без предлога, лишь только б были приготовлены и сознали свою силу, а без настоящей силы и от заявления пользы мало. В этом заявлении нет ничего существенного. Это только отвлеченное намерение. Мы могли всегда исполнять его втихомолку: заготовлять лес, ковать железо, копать уголь. Кто мог запретить? Но мы этого не делали и теперь не делаем, да вряд ли скоро и соберемся делать. Когда еще выстроится флот, когда укрепятся берега — много воды утечет, даже из Дуная.

* * *

Предлагается конференция для Черноморского вопроса, и она считается благодетельною услугою Пруссии для России.

Голос одной Пруссии не значил бы ничего на конференции без Англии, Франции, Австрии, Италии, кроме Турции, если б те не захотели. А те соглашаются потому только, что помешать не могут, да и нечему пока, кроме слов, а себе на уме держат остановить, если обстоятельства им поблагоприятствуют и слова дойдут до дела.

* * *

В конференции будут, разумеется, пересыпать из пустого в порожнее: обстоятельства не позволяют никакому государству вступиться в дело вооруженной рукой — ну и согласятся пока все, поболтав так или иначе, с осуждением России. Опять-таки — черт с вами!

Тьер думал, что если пруссаки укрепятся на Рейне, то русские овладеют Босфором. Не тут-то было! Хорошо бы его устами мед пить. А вон пишут, что Бисмарк обещал Венгрии помогать ей на Востоке, а не нам. А вон слышите — Бисмарк велит своему поверенному сообразоваться на конференции с австрийским послом по вопросу о Дунае и с английским по вопросу о Черном море! Даже нет уплаты и такой пустой ассигнацией, как безусловное согласие с нашим объявлением.

Англии нечего опасаться усиления России: есть кому мешать ей и на Дунае.

Поставляется вопрос еще, насколько могут затрагиваться выгоды Германии на Черном море, а мы об наших выгодах и думать не смей! Довольно, если нам позволяют с разными оговорками принимать меры для своей защиты.

* * *

Я не понимаю, впрочем, почему нам было нужно делать именно теперь это заявление, причиняющее такую, хоть и пустую, тревогу в Европе. Так для чего же заранее возбуждать враждебные толки и именно в такое время, когда наше заявление может быть приписываемо какому-нибудь договору с Пруссией, а Пруссии дается случай считать свою поддержку услугою?

Зачем же поднимать шум, накликать на себя даром неудовольствие и доставлять другим предлоги для их замысла?

Для нас это объявление не приносит никакой пользы в настоящем и касается только принципа, а у Бисмарка есть виды положительные.

Да нет ли здесь подвоху? Не затеял ли Бисмарк эту игру? Не он ли нас взманил сделать заявление, чтоб иметь <…> для собственного своего заявления не считать обязательным трактата о Люксембурге? Чего доброго!

* * *

Отвратительно читать немецкие газеты. «Вот, — плачут они, — обещали бомбардировать Париж, а все нет». Другие успокаивают: «Не бойтесь, в руководящих сферах не стесняются ложным великодушием; бомбардирование последует в скором времени».

«Общество может быть уверено… наши полководцы не упустят сделать в надлежащую минуту, что потребуется в видах полного обеспечения успеха войны для настоящего и будущего».

* * *

А профессоры-то, профессоры-то как неистовствуют! Те же франкфуртские депутаты! Вот вам и наука, вот вам и латынь! Нет, не пошла она вам впрок. Нельзя пожелать быть на их месте: Бог с нею и с победою!

* * *

Все покинули Францию — и друзья и недруги, все должны молчать, и вот явился один Гарибальди, который приносит ей жизнь свою с двумя своими сыновьями. Он хочет служить свободе, которая, впрочем, принимает его холодно.

* * *

Horribile dictu: бомбардировать Париж!

Париж принадлежит не одной Франции. Он принадлежит и России, и Германии, и Англии, словом — всей Европе.

Немцы также учились там, и занимались оттуда, как русские, англичане и все европейские народы.

Луврские галереи, библиотеки, памятники искусства, науки, истории — это собственность Европы, не только Франции. Неужели им грозит омаровская опасность?

Какую цель могут предъявить немцы для бомбардирования Парижа? Принудить к заключению мира, другими словами: вытянуть согласие на отнятие областей? Если они и возьмут его, то усотерят ненависть против себя и должны будут быть на страже ежеминутно. Стоит ли таких трудов и жертв временное присоединение областей?

* * *

Париж укреплен отлично. Тьеровы форты пригодились. Жители не унывают и решились защищаться до последней крайности. Пруссакам понадобился второй призыв ополчения. Какие жертвы!

* * *

Послышался ропот и в Германии на продолжение войны.

Вы приносите великие жертвы, вы губите страну, вы истребляете сотни тысяч людей и повергаете в траур целое поколение. Для чего? Для обеспечения своей безопасности. Да разве вы можете обеспечить свою безопасность такими средствами? Завтра сделается одно изобретение, выдумается новый разрывчатый порох, сольется какая-нибудь адская пушка, и французы спустятся на шарах разорять Германию! Завтра родится гениальный человек, который разобьет в прах козни Бисмарка, как Бисмарк разбил козни Наполеона. Что была Пруссия до Бисмарка? Пятое колесо! У Франции было полторы тысячи лет силы, могущества, славы, у нее было 40 миллионов жителей, земля богатая. У Пруссии недавно было 10 миллионов и меньше, и за год она не смела сделать шагу без разрешения соседей. Вот что значит один человек! Родись этот человек, да

и не в одной Франции, а в каком-нибудь европейском государстве, и все замыслы Бисмарковы куда унесутся?

* * *

Успех под Орлеаном, занятие Дижона. Все это успехи только временные. Дело под Парижем, однако ж, затягивается.

* * *

А какая роль для Трошю? Но неприметно никаких общих, единодушных, сильных порывов.

* * *

Если б пруссакам пришлось плохо, то стоило б выпустить Наполеона, заключить с ним мир на каких угодно условиях, передать ему 300 тысяч пленных, которые содержатся у них в Германии, — и он явился б с ними во Францию уничтожать республику. Вот заварилась бы каша, — друзья помогли б ему, а он оборотился б назад отдать визит пруссакам и засвидетельствовать свою благодарность. Чего доброго, пожалуй, и это случиться может! Разве не такие же плутни, сплошь и рядом, под разными личинами, совершаются в наше время в Европе, на всех поприщах, свидетельствуя в честь и славу цивилизации?

Французы восхитились бы такою штукою, сочинили б водевиль и простили б Наполеону все его грехи.

* * *

Пошло дело на фантазию: занять бы теперь Берлин и Вену и со своими войсками, да с пленниками французскими, учинить поход во Францию, назначить там условия мира по строгой справедливости, так, чтоб волки были сыты и овцы целы, и провозгласить срытие крепостей, всеобщее разору-

жение и начать новую эру в Истории. Александр Васильевич, как ты думаешь? Можно, матушка-государыня, можно, помилуй Бог, можно!

* * *

Парижане требуют вылазки, обвиняют в измене, волнуются. Несчастное правительство должно думать о врагах внутренних столько же, как и о внешних.

* * *

Парижане надеются на помощь провинций, но те никак не могут добраться до них, оттесняемые беспрестанно прибывающими подкреплениями из Германии. Сила солому ломит.

* * *

Первого января началось бомбардирование Парижа «с целью психологической», но без исключения физиологической. Сен-Клу разрушен еще прежде. Булонский лес горит по местам. Ядра попадают в Пантеон, аббатство Клюни…

Страшное положение! Вылазки не удаются. Попытки провинциальных армий также. Крепости и города бомбардируются. Страна предается опустошению.

* * *

Немцы просто приходят в азарт и воюют беспощадно. Самая защита жителей вменяется в преступление. Не военных, попавшихся с оружием в руках, — крестьян, как мятежников, расстреливают, имения отсутствующих защитников предаются грабежу. Контрибуции, реквизиции. Даже в английских дружественных газетах раздался крик негодования, а в немецких пишут, что ведется война цивилизации с варварством, доказывается правда немецкой культуры пред

ложью романской, делается дело нравственности и христианской религии!

* * *

А каковы требования Бисмарка? Страсбург, Мец и Бельфор со всем Эльзасом и большею частью Лотарингии, восемь миллиардов, постой на три года с полным содержанием, уплата за содержание пленных, вступление в Париж, сдача войска.

* * *

Парижу угрожает голод. Все сообщения прерваны. Воздушные шары на лету подстреливаются. Один занесло в Норвегию…

* * *

Представьте себе Париж за полгода. Что это за город! Богатство, обилие, блеск, роскошь… чего там не было? Птичьего молока. Какие потехи, удовольствия, наслаждения! Что за изящество, изысканность, утонченность! И вот уже крысы поджаренные — в честь, лошадиное мясо — лакомство.

* * *

Двухмиллионный Париж выбился из сил по четырехмесячном сопротивлении. Продовольствия остается мало. Чернь бурлит и грозится. Возмущение 12/24 января. Последняя, большая вылазка, со ста тысячами, оказалась неудачной. Трошю сложил с себя звание главнокомандующего, и в тот же день получены в Париже роковые известия о поражении трех вновь сформированных армий между 6 и 20 января — северной Федерба, (21 н.с.) западной Шанзи и Бурбаки на востоке. Последняя в 80 тысяч оттеснена в Швейцарию. Кончено дело!

* * *

Решено просить перемирия для созыва учредительного собрания, а собрание для мира, на условиях, какие угодно назначить победителям. Жюль Фавр отправляется в Версаль.

* * *

Finita la comedia! Перемирие заключено на 21 день 15/27 января.

Линейные войска и мобили сдаются военнопленными, но остаются в Париже. Все форты заняты. Обложение продолжается.

* * *

Что же это за перемирие? Это просто сдача, капитуляция. Париж платит 200 миллионов франков.

Гамбетта все еще горячится.

Прусские генералы продолжают операции на востоке, как не включенном в перемирие, а французские по приказам из Парижа прекратили их. Поэтому Гарибальди отступил, и восточная армия перешла границу.

* * *

В Бордо собирается на 3 февраля с.с. Учредительное собрание. Какой момент в истории государств!

Характер собрания оказался монархический. Президентом избирается Тьер. Разумеется, если кто может сделать что-нибудь и найтись в таких мудреных и беспримерных обстоятельствах, то это Тьер.

* * *

А король Вильгельм провозглашен императором в Версальском дворце Людовика XIV. Полное торжество Германии.

* * *

Письмо к Гизо. «На днях появилось в наших газетах письмо ваше, достопочтимый учитель, к главе английского министерства, и я не могу удержаться, чтоб, напоминая о себе, не сказать вам, из отдаленной Москвы, несколько слов по его поводу, чтоб не выразить вам нашего искреннего, живого участия. Homines sumus; nihil humani a nobis alienum esse putamus (люди мы, и ничто людское не считаем для себя чуждым).

Очень понимаю, что теперь не до праздных бесед, что никакой голос не может быть расслышан в громе пушек, картечниц и усовершенствованных ружей, которые гремят без умолку и заглушают все самые пронзительные стоны, вопли и рыдания бедного человечества.

Но, может быть, эти строки доставят вам мгновенное развлечение среди тяжелых минут, которые вы переживаете, как гражданин, государственный деятель и учитель истории! Вот для чего в особенности я и пишу их, и вот для чего постараюсь сколько можно более переноситься от ужасного настоящего в область прошедшего, в область науки, столько для вас любезной и столько вам одолженной.

Глубоко скорбим мы о судьбе, постигшей Францию, — судьбе, которой примера не представляет история; удивляемся безмерно неистовству, с которым воюет ученая, сентиментальная, трансцендентальная Германия, и приписываем его или опьянению успехом, или ослеплению свыше; глубоко негодуем на то постыдное положение, в которое поставила себя нынешняя Европа, и преимущественно Англия, смотря как бы сквозь пальцы на беспримерное побоище, сопровождаемое всеми ужасами войны.

Вы жалуетесь в письме вашем на бездействие Англии, на уклонение ее от участия в делах европейских.

Неужели вы говорите искренно? Неужели вы думаете в самом деле, что Англия не принимает самого деятельного участия во всем, что происходит в Европе, не следит зорко за все-

ми событиями, важными и неважными? Неужели вы думаете, что в настоящих несчастьях Франции на ее долю не выпадает ни сколько вины, и умываемые ею руки чисты?

Нет, вы этого не думаете: вы твердо убеждены в противном, но, скрепя сердце и, может быть, стиснув зубы, вы избираете такую форму для выражения ваших мыслей, считая ее наиболее сообразной с вашей целью; вы принимаете, через силу, этот спокойный, хладнокровный, дипломатический тон, надеясь, щадя самолюбие, тронуть лучше ваших неверных друзей, побудить скорее к какому-нибудь шагу, к какому-нибудь, хоть слабому, движению на помощь дорогому Отечеству: как утопающий хватается за щепку, как человек в крайности прибегает с льстивой речью к безжалостному ростовщику, стараясь чем бы то ни было исходатайствовать у него снисхождение. О, мы понимаем, чего стоят вам эти усилия над собой! Это одна не из легких жертв, приносимых вами для общественной пользы!

Англия, занятая внутренними реформами, говорите вы, не принимает участия в делах европейских! Она не шевелит пальцем!

В том-то и доказательство, кажется, ее самого деятельного участия, что, по наружности, она не шевелит пальцем!

При начале войны из всех английских газет было видно, куда, в какую сторону подул попутный ветер. Первые известия о французских неудачах были приняты в Англии с живейшим удовольствием, и оно отозвалось тоном всей журналистики. При дальнейшем, неожиданном ходе военных действий, когда министры удостоверились, что без всяких с их стороны пожертвований достигается цель, которой тщетно домогались их предки в продолжении столетий, проливая кровь, расточая деньги, напрягая силы, — ослабления Франции, — они не помнили уже себя от радости. Издали мы видели, кажется, как они, потирая руки, поздравляют друг друга и рассчитывают по пальцам выгоды, которые принесет им новое положение Европы, создаваемое войной: «Мы остаемся одни господами на всех морях, никто мешать нам не в силах,

наша торговля удесятерится, фабрики распространят свою деятельность, для всех рабочих найдется занятие, жалобы утихнут, мы утвердимся на своих креслах. Пусть страдает союзница — зато поражается соперница!» Умолкли даже толки о равновесии, к которым так любили прибегать газеты, пугая замыслами России, хотя она не двигалась с места.

Радость была так велика, что министры потеряли почти сознание и не помнили, что делают; по крайней мере, нельзя иначе объяснить, как отсутствием сознания, следующий их поступок: в то время, как Франция разоряется и опустошается, когда по всей земле стон стоит, когда цвет населения, неопытного, неприготовленного, падает под действиями страшных, небывалых орудий, а остальные жители подвергаются ужасам голода, холода, нищеты и заразы, когда зарево от пылающих городов и селений видно чуть не на той стороне канала, а гром от бомбардирования Парижа доносится до английских берегов, министры приглашают французского уполномоченного рассуждать с ними на конференции об отстранении опасностей, которые в отдаленном будущем могут угрожать Турции (а теперь существуют только в глубине их нежного и человеколюбивого сердца)! С любезностью они обещают ему исходатайствовать у графа Бисмарка паспорт, с которым он может проехать свободно через Прусские линии, может представить свое мнение о Турецком вопросе, а о Французском не смей заикаться! Граф Бисмарк, строгий пурист, отвечает, однако ж, что, не признавая за настоящим правительством права толковать с ним о своих делах, он не берется разрешать путешествие г. Фавра, а его пропустит, вероятно, военное начальство!..

Признаемся, у нас, скверных, так называемых представителями цивилизации варваров, кровь приливает к голове при чтении этих возмутительных распоряжений. Мы проклинаем эту гнусную политику, которая хладнокровно, правой рукой, вонзает другу в грудь кинжал, напоенный ядом, а левую с умильной улыбкой подает в знак своей горячей дружбы! Не извращаются ли здесь все человеческие понятия? Не произ-

водится ли поругание над всеми человеческими чувствами? Какая злая сатанинская ирония! Представитель Франции во время бомбардировки Парижа приглашается в Лондон рассуждать о будущих возможных опасностях Турции! Это постоит приглашения королевы Виктории Наполеоном III для поклонения праху Наполеона I в доме инвалидов!

Вы переносите и это оскорбление, вы притворяетесь, будто его не знаете, или не придаете ему значения как случайному, вставочному обстоятельству и, уверенные в дружбе Англии, напоминаете ей, «что Франция, вместе с Англией, при всех правительствах после первой империи, шли дружно во главе цивилизации и свободы, поддерживая все либеральные стремления на материке и противясь всякому насилию и произволу, всякого рода завоевательным и деспотическим стремлениям».

О, учитель! Что вы говорите, увлекаясь своей почтенной целью? Допуская разорение и опустошение Крита, неужели Франция вместе с Англией содействовала либеральным стремлениям? Позволив ограбить слабую Данию, неужели они мешали завоевательным стремлениям? Содействуя угнетению славян под игом Турции, разве они не помогали дикому деспотизму? Мешая России подать какую-нибудь помощь несчастным своим единоплеменникам, разве они работали для цивилизации? Разрушая Севастополь и налагая узы Парижского мира, в обеспечение на будущее время магометанской Турции, в ущерб ее христианским подданным, чтоб они и конца не видали своим страданиям, хвалясь отбросить Россию назад на пятьдесят лет, неужели Франция и Англия заботились о прогрессе? А Черногория и Греция — что получили они в подкрепление своих законных требований от Англии и Франции? Они старались только, угождая Турции, лишать их средств сопротивления и обороны. А австрийские славяне — услышали ль они хоть однажды какое-нибудь слово участия от этих первоклассных держав, управлявших делами Европы, стоявших во главе цивилизации и свободы? Учитель! Ведь всех этих европейских париев, исповедующих

христианскую веру, считается тридцать миллионов, которых до сих пор знать не хочет ни западная наука, ни западная политика, обращая свое сочувствие к туркам и евреям?

Хвалиться здесь нечем представительницам цивилизации и свободы в Европе, Франции и Англии. Плохо исполнили и исполняют они задачу, взятую ими на себя.

Франция действовала, правда, бескорыстно и загребала жар своими руками не для себя, а для дорогой союзницы, которая отнюдь не думала ни о цивилизации, ни о свободе, а только о своих выгодах! Так поступает Англия и теперь в отношении к самой Франции, имея в виду только свои выгоды. Вот если б вы могли доказать осязательно, что, оказав помощь Франции, англичане будут продавать ежегодно по лишнему куску ситца, чем оставаясь в дружественном союзе с Пруссией, о, тогда министры выслушали б с большим вниманием ваши рассуждения и подались бы, может быть, на вашу сторону, постараясь, разумеется, выторговать себе еще какую-нибудь аршинную наддачу!

А вашего отвлеченного, вежливого, тонкого языка не поймет английское министерство, холодное, жестокое, своекорыстное, представляющее совершенную противоположность со всеми благородными качествами своего народа, олицетворяющее собой всю отрицательную его сторону. Robur et aes triplex circa pectus ограждает его от всех человеческих чувствований: все события, людей и вещи видит оно не иначе, как под углом грошовых барышей и копеечных убытков для своего державного City, которому само царство небесное представляется, верно, в виде отличного торгового рынка, где можно сбывать для обмундировки ангелов манчестерские и бирмингемские изделия самым выгодным образом, потому что ни Петр Апостол, ни Иоанн Богослов, ни сам учитель языков Павел не знают толку в доброте и цене никаких товаров и их не стоит никакого труда убедить в преимуществах свободной торговли.

Да, ясные доказательства о выгоде для Англии от помощи Франции могут произвести действие на министерство.

Или вот другой способ говорить с ним: уличить его в неблагодарности, покрыть позором перед лицом всех честных людей в Европе, которых, слава Богу, есть еще много и в Англии, и в Германии, и России, и везде, и которые все-таки составляют силу значительную, хоть и безудержную, невидимую. Вы творец или главный сотрудник знаменитого союза, известного под именем entente cordiale, столько полезного для Англии, вы можете исполнить это с наилучшим успехом, и никто на то не имеет большего права. С вашим именем, авторитетом, опытом, славой, талантом вы представили бы живо и убедительно все услуги, какие оказала Англии, без всякой для себя пользы, Франция в продолжение последних сорока лет, в Китае и Мексике, Турции и Греции и, наконец, в Крыму, где в угоду ей, в исполнение самого горячего желания сожжен был русский флот и разрушен Севастополь, бывший у нее бельмом на глазу. С другой стороны, если б вы в то же время мастерской своей кистью изобразили перед ней ужасное положение Франции, постигнутой какою-то непостижимой, роковой бедой, Франции, в которой остановлена жизнь со всеми отправлениями, разрушено надолго благосостояние, пресечены все пути действия, поражена торговля, промышленность, искусство, наука, что непременно должно возыметь вредное влияние на всю Европу, и следовательно на Англию! Каким стыдом покрывает себя перед лицом потомства Англия, передовое государство, страна свободы, разделявшая с Францией всемирную славу, не двигаясь нисколько к ней на помощь из-за подчинения обветшавшим преданиям своей политики и смотря на ее разорение и опустошение как на усладительное театральное зрелище! На такую ли награду считала себя вправе Франция, верно исполнявшая все обязанности, принятые на себя? Те ли отношения предполагали вы, стоя всегда за союз с Англией?

Если Австрия удивила свет своей неблагодарностью России за ее благодеяния, то настоящий образ действий Англии в отношении к Франции оставляет далеко за собой эту классическую страну предательства и Меттерниховой политики. Какое позорное место в летописях европейских!

Конечно, и этот способ объяснения, мудрено надеяться, чтоб принес действительную пользу и тронул жестокое правительство, но он заставил бы министров хоть покраснеть немного, а это все-таки что-нибудь да значит! А может быть, нашелся бы между англичанами, вне правительства, какой-нибудь могучий голос, который, вразумившись, раздался бы по соединенным королевствам, оказал свое действие на все население, принудил смотреть на дело иначе, что иногда случается в этой стране противоположностей! По крайней мере, на сердце бы у вас стало легче, когда бы вы вылили из него всю желчь, накопившуюся, вероятно, донельзя, а она, удерживаемая, давит ведь вас выше всякого терпения.

А теперь английские министры, принимая притворно ваши комплименты за чистые деньги, только улыбнутся, ответят вам в том же тоне, изъявят свое прискорбие по примеру друзей Иовлевых, а пожалуй, и облобызают вас, разумеется, не как разбойник, а как Иуда.

И вы принесете свою жертву даром, не выиграете ничего своей вежливой, сдержанной, скромною речью, приведете даже многих в заблуждение, что с английскими министрами можно еще говорить таким образом!

Разжалобить нет надежды, обратить доказательствами о выгоде — трудно, пристыдить — польза сомнительная; нет ли других способов убеждения?

Возбудить опасения, устрашить. Средства Франции неистощимы: она показала их, сформировав в короткое время несколько новых армий, снабдив их оружием, несмотря на все помехи и препятствия. Сколько силы может придать почти сорокамиллионному народу отчаяние, до которого доведет граф Бисмарк своими невозможными требованиями! Могут, наконец, опомниться и единоплеменные Италия и Испания, особенно первая, обязанная Франции своим политическим существованием, своими успехами, и прислать ей по сто тысяч свежего войска, которые, соединенные с народными ополчениями, истомят немецкое усталое войско. Защитилась же Испания, Россия от вооружений Наполеона I, который постоит

графа Мольтке! Тогда колесо фортуны может оборотиться, и Франция, окрещенная в огне кровью, встрепенувшись, может заявить свое существование, обрекаемое теперь англичанами на долгое молчание! А иметь у себя под боком враждебную Францию, единоверную с Ирландией, может быть, не совсем будет удобно.

Так думали многие и надеялись на помощь Испании и Италии, на восстание поголовное Франции и, вследствие того, на поправку обстоятельств; но теперь надежды эти рушились, и мир зависит вполне от победителя.

Теперь вышеприведенных предположений ставить на вид нельзя; но есть и другие, которыми можно бы произвести опасения.

Представить опасности со стороны Пруссии. Франция, хотя бы все дела обратились в ее пользу, на что и надежды нет, долго не может быть опасной для Англии: она должна будет лет пятьдесят еще лечить раны, которые долго будут истекать кровью, должна собираться со своими силами. Обремененная долгами, истощенная, больная, обессилевшая, упавшая духом, долго не может быть она ни для кого опасной, не может мешать Англии в ее предприятиях. Нельзя сказать того утвердительно о Пруссии. Рука у нее размахалась; поток рванулся — кто положит предел стремительным волнам? Пруссия захочет властвовать не только в Европе, но и во всем свете. Заносчивости у немцев на это станет, что доказывается и продолжением войны после Седанского погрома. L'appétit vient en mangeant. Вся Германия получает теперь прусскую систему. Вот и может выйти второе издание «переселения народов, или нашествия варваров», исправленное и умноженное, с пушками Крупа и ружьями Дрейзе. Прощай, идеалы Шиллера! Прощайте, все хлебные науки <…>! Прощай, Фихтева философия с различием я и не я!

Все мое, сказало злато,
Все мое, сказал булат;
Все куплю, сказало злато,
Все возьму, сказал булат.

Пруссия находится в союзе с Англией, но она была союзницей с Австрией, и вместе разгромили они несчастную Данию во имя Германии, а через год Пруссия вытолкала Австрию из этой самой Германии как чуждый элемент; она была союзницей и Франции, которой, вероятно, кланялась очень низко в Биарице пред войной с Австрией, а что делает теперь?

Пожалуй, я приведу еще пример: Пруссия считается союзницей России, которой действительно обязана много, даже возможностью начать войну, ознаменованную для нее такими успехами; но вот, слышим, она велит своему представителю на Лондонской конференции сообразоваться в Дунайском вопросе с Австрией, а в Черноморском — с Англией*. Так точно может она поступить и с Англией. Она давно уже помышляет о заведении флота; теперь собирается, говорят, приобрести готовый от Франции, бросает жадные взгляды и на Азию, где хочет также приобрести уголок! Ну, если Пруссии, в чаду успехов, придет в голову присоединить к себе не только Люксембург, но даже, если не приобрести, то ввести в Северогерманский или просто Германский союз Голландию, с которой у нее старые счеты, а подходит она плотно к борозде. Графу Бисмарку теперь черт не брат! Немцев голодных очень много, и хотя они привыкли к своему пиву и дорожат своим картофелем, но не прочь и от шампанского, как оказалось недавно в Эпернэ и Реймсе, рады отведать и вашего ростбифа.

Англия должна помнить, что у нее под боком Ирландия, а за боком — Американские Штаты, внутри — девять десятых пролетариев, к позору правительства (вот почему, между прочим, я, говоря где-то и когда-то об Англии, обратил к ней слова Иисуса Христа: «Марфо, Марфо, печешися о мнозе службе», за что так глумился надо мною Герцен во время оно), а вне — ненависть общего европейского мнения. Поймет, наконец, кто-нибудь в Европе, если даже не успеет

* Известие, оказавшееся, к нашему удовольствию, неверным: оно, верно, распускалось врагами, желавшими расторгнуть союз.

исполнить это граф Бисмарк, мысль Наполеона I, что нужно для Европы положить конец английскому деспотизму.

Деспотствуя, в самом деле, над Европой, Англия устрашает ее деспотизмом России, которая, ни душой, ни телом невиноватая, несет на себе всеобщие укоризны.

У нас есть, впрочем, в утешение, скажу мимоходом, предвещание поэта о судьбе Англии:

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебе мирская слава
Выше божьего суда,
<…>
Для тебя, морей царица,
День придет, и близок он —
Блеск твой, злато, багряница,
Все пройдет, минет, как сон:
Гром в руках твоих остынет,
Перестанет меч сверкать,
И сынов твоих покинет
Мысли ясной благодать.
И, забыв твой флаг державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграет своенравно
Моря шумная волна.

Сама Франция, как бы ни кончилась война, какие тягостные условия ни были бы на нее наложены, может оправиться, если и не скоро. Имея такое выгодное положение, занимая такое обширное пространство, пользуясь таким климатом и плодородием, считая около 40 миллионов народа живого, пылкого, талантливого, на все способного, развитого, она восстанет при умном управлении скорее, чем думают, сохраняя естественно чувство мести против врагов и против ложных друзей, заплативших ей такой черной неблагодарностью.

Кто же представится ей для союзов этого рода? Разумеется, в Америке — Соединенные Штаты, а в Европе — Россия, государства, которых выгоды совершенно противоположны с английскими и которым не за что любезничать с Англией. Франция принуждена будет броситься в объятия России и отыщет в своих архивах план Наполеона I, представленный им покойному Павлу Петровичу, вместе с маршрутом, что б действовать заодно в Индии. Перспектива — неприятная для Англии!

Вот что готовит себе Англия совершенным отчуждением своим от Франции и настоящим образом действий в отношении к ней!

Я говорю искренно, как беспристрастный европеец, даже как француз; а недавно в письме к старому своему ученому другу, Палацкому, я говорил как австриец, оставаясь, между тем, в обоих случаях чистым русским, в ясное самому, по крайней мере, себе доказательство, что Россия по своей натуре, по своему положению, по силе вещей, должна и может быть совершенно беспристрастной, воздавая каждому свое, желая всем добра и не требуя для себя ничего. Таково назначение России, когда оно уразумеется и нами самими и нашими врагами, которые тогда ей и поклонятся.

Россия! Да, вот настоящая естественная союзница Франции, даже и не в таком тяжелом, исключительном, почти сверхъестественном положении, в каком она находится теперь, а всегда, наверху своей славы и силы. Между Россией и Францией нет никакой кости, как между Россией и Англией — Азия, как между Россией и Австрией — славяне (я говорю в ходячем смысле, пока все европейские государства не поймут, что за кости стыдно грызться, а пора уже давно их отбросить и действовать совсем на других основаниях, на основаниях любви, а не злобы, доброжелательства, а не зависти; но это мимоходом). Между Францией и Россией нет существенных, естественных причин разделения, а только *недоразумения*, которые уничтожились было, как замечено

выше, при Наполеоне и Павле, за что сей последний поплатился жизнью, не без участия, если верить злоречию, министерства английского.

Но почему же, скажут, Россия теперь не показывает никакого участия к судьбе Франции и не старается нисколько об облегчении ее участи наравне с Англией, с которой, следовательно, она и разделяет нравственную вину перед историей?

Prima lex historiae ne quid falsi dicat, et secunda nequid verV non audeat. Следуя этому правилу, как служитель истории, я должен сознаться, что Россия виновата, если виновата, разве во втором периоде войны, но несравненно в меньшей степени и, притом, имея за себя множество circonstances attenuantes. Прежде всего, надо припомнить, что Франция была верной, полезной, деятельной союзницей Англии, а Россия имела ее постоянной и самой ревностной, вредной противницей. Могут ли отношения и взаимные их обязанности сравниться между собой? Можно ли за вражду требовать того, от чего отказывается дружба? Кроме наследственных недоразумений, о которых буду говорить дальше, Россия, пораженная преимущественно Францией во время Крымской войны, принужденная подписать унизительный мир, сжечь своими руками собственный великолепный флот, разрушить единственную крепость, стоившую ей столько времени, денег, людей, усилий, — могла ли она желать успеха Франции? Не естественно ли было ей желать, чтоб постоянная противница ее, которая мешала ей везде (ставила на всяком шагу везде преграды), была ослаблена хоть несколько, и не должны ли быть ее добрые желания на стороне Пруссии, которая все-таки, хоть не искренно, не вполне, вредила ей менее других, если и немного оказывала пользы? Прибавьте столь близкое родство: король Вильгельм — родной дядя Русскому Государю, королева Августа — двоюродная сестра. Мать всей царской фамилии была прусская принцесса, родная сестра короля Вильгельма. Политические причины соединяются с

династическими. Изменить родству, преданиям без всякой причины было бы очень трудно и даже невозможно.

Притом, при начале войны, Россия не могла иметь большой доверенности к французскому правительству, которое сильно колебалось.

Далее, такого окончания войны, какое она имеет, разумеется, никто не предполагал, как не предполагало само французское правительство и народ. Точно так и сам Наполеон ошибался в понятии своем о войне Пруссии с Австрией. Если б можно было предполагать что-нибудь подобное, то, может быть, образ действий России был бы не столь ревностный, даже при династическом родстве. Надо, впрочем, заметить, что, несмотря на тяжелое воспоминание, которое оставили французы нашествием 1812 года, Крымской войной и постоянными подстреканиями Польши, даже народ, не только образованное общество, принимал по какому-то чутью живое участие в судьбе Франции, особенно после Седанской катастрофы.

У нас в обществе ходило еще предположение, что Россия выговорила себе за свой дружественный нейтралитет, от которого зависели нейтралитеты Австрии и Дании, а также отчасти расположение южных государств Германии, значительные выгоды, что, во всяком случае, было бы справедливо и вместе нужно; но до сих пор ничего в этом роде неприметно и не слышно, а, напротив, кажется, что мы и здесь служили даром и чуть ли не были проведены, находя в Пруссии такое же чувство благодарности, какое испытали от Австрии, и готовясь иметь в Бисмарке такого же друга, какого имели в Меттернихе*.

Мы говорили о причинах последних отношений России и Франции перед войной, но и все прежние в нынешнем столетии, кроме царствования Бурбонов, были такого рода, что не могли приготовить иное расположение.

* Опять предположения, оказавшиеся, к счастью, неверными. Дай Бог, чтоб и впредь было то же!

За войну Наполеонову, за пожар московский Россия отплатила сохранением Парижа и предоставлением Франции настоящих границ вопреки притязаниями прочих воевавших держав. При Людовике XVIII и Карле X дружба сохранилась, и обе державы готовились действовать сообща, как вдруг вспыхнула Июльская революция. О причине ее, неизбежности и, пожалуй, законности судить мы не считаем себя вправе, хотя по опыту с императором Павлом думаем, что и здесь не обошлось без участия Англии, которая всего более боялась и боится союза России и Франции и всячески мешала всегда, мешает теперь и будет мешать ему всегда.

При восшествии Орлеанов Россия, строго державшаяся оснований законности, не могла, если б и хотела, протянуть равнодушно руку новой династии во Франции. Это было противно рыцарскому характеру императора Николая; но мир не был нарушен, хотя и было только заметно недоброжелательство. Последующие правительства: республика и империя — оставались с Россией в беспрерывном антагонизме.

Со второго декабря вся лучшая часть французского народа стала в оппозицию. Правительство колебалось беспрестанно, и нельзя было иметь к нему доверенности; благоразумие требовало осторожности. Выжидать, что будет далее, сделалось правилом. Беспрерывное поджигание поляков, питание их тщетными надеждами, пособия разного рода, не могли возбудить нашего участия к новому правительству.

Наконец, все эти враждебные действия увенчались Крымской войной, о которой говорил я прежде. Последующие происшествия были в том же духе — в делах черногорских и греческих, при восстании Крита, в константинопольских и польских отношениях.

Входя в рассуждения этого рода, я становлюсь в невыгодное положение пред вами: вы, стояв долго у кормила правления, знаете коротко по документам все европейские события, а я сужу только по газетам и по последствиям. Может быть, Франция протягивала руку России при Луи Фи-

липпе и при Наполеоне и, только оскорбленная отказами, избирала свой враждебный образ действий. В таком случае часть вины, разумеется, падает на нее*.

Даже в настоящих обстоятельствах правительство народной обороны объявляет решение конференции без своего участия недействительным, хотя очень хорошо понимает, что требования России вполне справедливы и законны, если и объявлены не в обычной дипломатической форме, и что от исполнения этих отвлеченных требований Франция не потеряет ничего. Притязания и возражения, также не могущие возбудить особенное расположение. Другим языком следовало бы говорить с Россией и стараться о дружбе с ней**.

Россия, может быть, приложила бы тогда ухо, особенно если б Пруссия не замедлила показать ей свою благодарность австрийским образом, чего, кажется, ожидать пришлось бы недолго***.

Теперь я должен объясниться подробнее о недоразумениях, которые искони господствуют в том и другом правительстве, и, при несчастном стечении обстоятельств, раздуваются врагами и друзьями, так что Россия и Франция находятся постоянно одна против другой.

Недоразумения состоят в отношениях к полякам и в споре о влиянии на Востоке.

---

* Недавно узналось у нас, хоть и частным образом (см. Русский Архив. 1871. № 6. Ст. В. Д. Давыдова), что Наполеон предлагал союз императору Николаю, который отверг его, заставив тем Наполеона броситься в объятия Англии, и навлек Крымскую войну с ее тяжелыми последствиями. Прежде мы готовы были осуждать его за то, но ныне преклоняемся пред государственной его прозорливостью: мудрено, опасно было связывать Россию с Наполеоном, которого и характер и отношения к Франции не давали за себя никакого ручательства. Император Николай потерпел в настоящем, заплатил, может быть, своей жизнью за свое решение, но спас будущее, которое делается теперь нашим и настоящим. Вечная ему память с признательностью Отечества за его решение.

** Нет. Французы начали уже опять, слышно, строить козни и действовать против нас в Константинополе, избрав точкой опоры церковный вопрос.

*** Опять выражение прежнего недоверия, от которого мы теперь отказываемся. См. в P.S.

Поговорим сперва о первом. Поляки точно заслуживают участия Франции своими трудами и жертвами для нее, хотя и не совсем произвольными и бескорыстными, в продолжение многих лет. Позвольте объяснить вам в коротких словах их притязания и предмет их жалобы на Россию. Они хотят границ своих 1772 года. Границы их, отошедшие к России, то есть Белоруссия, Волынь, Подолия и часть Литвы, составляют древнейшее достояние России; все эти области заселены Русским народом, говорят русским языком, исповедуют русскую, то есть Православную, веру. Вот что получила Россия при так называемых разделах Польши, вынужденная на эту меру настояниями Пруссии и Австрии, которые и без нее решались обобрать Польшу, как теперь сделалось документально известным. Оставлять русские области, некогда отнятые у нас, под игом польской шляхты, римского католичества и жидовской опеки Россия, собравшись с своими силами, не могла по обязанностям к своему народу, даже и без Фридрихова проекта. А что эти области под польским владычеством находились в ужасном, беспомощном положении, Франция может удостовериться даже теперь, послав доверенных людей осмотреть Галицию. Вот еще русская древнейшая область, доставшаяся Австрии, где поляки продолжают также тиранствовать над русскими, как они тиранствовали в поименованных областях, возвращенных Россией. Думать об отнятии у России этих коренных русских областей, о предоставлении Россией своих родных детей кому бы то ни было может только безумие. Следовательно, об этих притязаниях речи быть не может. Скажу вам еще вот что: возвращая эти области, присоединяя к своему государственному составу, от которого они были отторгнуты только временно и насильственно, Россия оставила землю во владении пришлых польских помещиков и оставляет до сих пор, несмотря даже на явное и доказанное их участие в восстаниях 1812, 1830 и 186<…> годов, и только в последнее время ограничила несколько их власть над несчастными крестьянами, доведенными ими до животного состояния.

Теперь о Царстве Польском, которое присоединено к России по решению Венского конгресса.

Мы желаем ему всех возможных прав, мы желаем ему всяких успехов, что касается литературы, образования, торговли и промышленности, народного благосостояния. Были антракты, когда эти права были даны полякам, начиная конституцией императора Александра I и кончая автономией императора Александра II и управлением Велепольского под высшим наблюдением царского брата. Вы знаете, чем оканчивались эти опыты. Россия не могла оставить Польшу в таком положении, чтоб она была в состоянии беспрестанно тревожить ее и доставлять первое пособие ее врагам, быть для них первым бастионом и выставлять сильный авангард. Переменится расположение поляков к нам и прежде всего оставят они нелепые притязания — и тотчас переменится их управление: они получат не границы 1772 года, а границы Тихого океана и свободное поприще действий по всему неизмеримому пространству России. Взамен стеснений, падающих на шляхту, русское правительство освободило польских крестьян, чем и возбуждается, заметим мимоходом, преимущественно негодование шляхты, составляющей значительную часть влиятельной эмиграции и сыплющей деньги для возбуждения ненависти к России во французских газетах и журналах. Вот благодеяние, которое оказала Россия Польше и которым искупила много своих старых грехов перед ней. За это ли благодеяние либеральная, демократическая Франция будет негодовать на Россию?

Вот если б Франция, удостоверясь в несправедливости польских притязаний и законности наших прав, объявила полякам все эти обстоятельства, постаралась вывести их из мономанического заблуждения и посоветовала им искать себе добра на другом пути, не надеясь на ее помощь, оставить не только бесполезные, но в высшей степени вредные для них мечтания, мешающие больше всего примирению, она принесла бы им существенную пользу, доказала бы вернее свое расположение и оказала бы услугу России, за которую та умела бы быть благодарной.

Второе недоразумение касается влияния на Востоке. Да что выиграла Франция от своего влияния на Востоке, хоть и много потратила сил для него даже в продолжение нынешнего столетия? Стоит ли этот выигрыш отвлеченный тех жертв, которые она ему принесла, тех денег, которые на него употребила? Да, игра именно не стоила свеч. Франция ничего не сделала на Востоке, ничего не выиграла и не принесла населениям никакой пользы, кроме пропаганды, да и то не между мусульманскими, а между христианскими населениями, в вящее питание распри между ними. Пропаганды христианской можно бы, кажется, лучше желать в Париже, внутри Франции, а не на далеком Востоке. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного, и когда обратите, то делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас!»

Турция нужна, если нужна, Англии как рынок, а для Франции-то что она представляет? Что Франция имеет на Востоке, то осталось бы за нею всегда и без употребления на то лишних усилий.

Чего же желает Россия и чему мешает Франция на Востоке? Устроить судьбу единоверных христиан, страдающих под игом мусульманским. Казалось бы, христианнейшему государству, Франции, следовало бы не мешать, а содействовать такой благой цели! Она боится, чтоб мы не взяли Константинополя. Мы перестали, кажется, давно думать о нем, а если б и взяли когда-нибудь, то есть если б когда он сам отдался нам, то какая потеря Франции? Наполеон I напугал всех, что владеющий Константинополем сделается государем Европы. Этому прошло ведь 50 лет. Обстоятельства с тех пор переменились. Один Суэцский канал убавит во многом значение Константинополя. Александрия, основанная по мысли древнего Наполеона, Александра Македонского, уменьшит, без сомнения, значение Константинополя. Флоты Англии, Франции, Италии, Греции могут помешать всякому преобладанию. Франция, скажем мимоходом, боялась пуще всего взятия Константинополя, а вот бомбардируется Париж!

Самое уничтожение магометанского владения в Европе с предоставлением христианским подданным избрать себе правление, какое им угодно, обогатило бы и усилило все государства европейские и сделалось бы источником богатства для них, условием благосостояния для туземцев-старожилов, первоначальных владетелей, доставило бы заработки европейским пролетариям; но умные люди не умеют разделиться и любят лучше мешать друг другу, ссориться, тратить деньги, допускать страдания миллионов и предоставлять дикому племени господство над лучшей частью Европы. Жалкое ослепление! Повторю здесь, кстати, словами одного письма о Крымской войне:

«Просвещенные европейские государства считают необходимым условием своего существования и благосостояния пребывание в Европе миллиона диких варваров, которые, сверх того, задерживают десять миллионов христиан на пути их развития под игом своего жестокого рабства. Турки необходимы для Европы: хороша же стала Европа! Высоко просвещение, для которого нужно, необходимо варварство! Умен тот ум, который ищет поддержку в безумии!» (На Европу надеяться нечего, но вот Турция берется сама, кажется, за ум, и если она послушается советов России и обеспечит своих славянских подданных, то может еще протянуть несколько свое существование.)

Будем надеяться, что недоразумения между Францией и Россией наконец устранятся, сдадутся в архив и нужда заставит эти государства сблизиться между собой, отделаться от ложных друзей, которые их со всех сторон смущают. Россия и Франция в союзе с Соединенными Штатами — вот настоящее новое равновесие против Германии с Англией. Испания, Италия, Греция, Швейцария соответствуют Бельгии, Швеции, Дании и Голландии. Вот тогда Россия и Франция могли бы, в успокоение человечества, в оправдание цивилизации, в искупление человечества, в оправдание грехов, для действительного прогресса, провозгласить всеобщее разоружение, вместо прусской поголовщины, возвратить права всем угне-

тенным национальностям, порешить все спорные вопросы и пойти, повести человечество вперед по пути любви, добра, христианского просвещения.

Мы не доживем до этого блаженного времени. Дай Бог, по крайней мере, чтоб потомки воспользовались нашими тяжелыми опытами и строгими уроками и были счастливее нас, поднимающих такие труды, приносящих такие жертвы и испытывающих такие ужасные разочарования!

Позволяю себе в заключение сказать еще несколько слов вообще о влиянии, которого ищут государства вне своих пределов. Несчастное заблуждение политики, подчиненной обветшавшим преданиям, наследственным предубеждением, закоренелым предрассудкам, от которых самые умные министры не могут освободиться, несмотря ни на какие успехи просвещения! Влияния на других, на соседей, на обитателей крайних пределов земли — вот чего ищут европейские государства, Англия, Франция, а теперь и Германия. Простительно было немцам средних веков стремиться зря в Италию. (Дух движения, избыток физической силы их возбуждал.) Простительно или понятно было движение французов из Нормандии на Англию, а Англии платить им такими же посещениями, Польше зариться на Россию, России на Польшу. (Замечу, однако ж, мимоходом, что Россия всегда вела войны оборонительные, распространяясь только колонизацией.) А теперь-то на что европейским государствам это постороннее влияние: разве без него не могут они обойтись, не подвергаясь никаким оскорблениям или ущербам? Все это старые слова, потерявшие свой смысл и значение. И из-за них бранятся и дерутся просвещенные люди! Дон Кихот бросался на ветряные мельницы, а здесь-то мельниц нет: одни отвлеченные призраки. Commovent hominess non res, sed de rebVs opinions. Какую жертву все государства приносят этим призракам! А вы еще, достопочтимый учитель, упрекаете Англию и грозите ей, что она лишится своего влияния, если не будет о нем заботиться! Не гораздо ли было бы лучше, если б всякое правительство думало больше о себе, о своих делах, о своем народе, стараясь

чинить свою крышу, а не чужую? А то вот английское влияние распространилось на весь мир, между тем как девять десятых ее народонаселения состоит из пролетариев, которые зачастую умирают с голода; Ирландия почти вся питается картофелем, да и большинство в Германии кушает не много вкуснее. Для итальянских лазаронов frutti di mare — лакомая пища. Население Греции, Турции, благодатнейших стран в мире, живет со дня на день: Бог даст день, Бог даст и пищу!

Содержание в государствах многочисленного войска, нужного, чтоб поддержать это влияние, поглощает везде половину доходов; прибавьте расходы на дипломатию, на секретные фонды или тайную полицию, на поддержание блеска и на прочие непроизводительные расходы: сколько же останется из доходов на распространение просвещения, на воспитание народа, на содействие науке, искусству, промышленности? А теперь предполагается еще всеобщее вооружение вместо разоружения, как будто живем мы еще в средних веках, когда всякую минуту подвергались люди опасностям внезапного нападения! Сама, конституционная по преимуществу, свободная Англия считает необходимостью завести у себя многочисленное войско: все, чтоб поддержать свое влияние!

Ружья, пушки, картечницы совершенствуются со всяким днем. Как можно более выстрелов надо сообщить орудию в данную минуту, как можно сильнее, убийственнее сделать пули и бомбы. Одним изобретением обгоняется другое; смертоносные секреты покупаются дорогой ценой; народы соревнуют друг другу в изыскании средств взаимного истребления. Поколения плачут, и никто их не слышит: поэты, философы, даже богословы немецкие — все за войну, за кровь и железо!

Германия в неестественном своем ослеплении столь же несчастлива с победами, как и Франция с поражениями, Англия со своими эгоистическими соображениями. Бедное человечество! Далеко ты ушло по пути прогресса! Мрачное просвещение! Открыло ты глаза людям! Размышляя обо всех этих событиях, нельзя не убедиться в несостоятельности или, по

крайней мере, в недостаточности того просвещения, которым гордится наш век, знающий, правда, и узнающий беспрестанно многое, но забывающий единое на потребу!

Чем же могут быть вразумлены люди, которые, кажется, видяще не видят и слышаще не разумеют? Не надобно ли им чудо, знамение с небес? Но, кажется, и в чудесах, в знамениях нет недостатка. Париж — древний Вавилон, Тир и Сидон вместе, столица мира (что бы кто ни говорил, а это есть столица, и мудрено тягаться с ним какому-нибудь городу), Париж — святилище образования, город, переходивший в продолжение полутора тысяч лет из силы в силу, Париж, которому все страны мира, ближние и дальние, несли наперерыв с покорностью свои дани, злато, и Ливан, и смирну, Америка, Австралия, Африка, Азия, все моря и острова, Париж, в котором можно было найти птичье молоко, где богатство, роскошь, великолепие, всякое изящество, утонченность, все удобства жизни возведены были на высочайшую степень, этот всемирный город в один месяц приведен в такое положение, что крысье и кошачье мясо стало ему в честь. Неужели это не знамение? Неужели это не чудо? Каких же чудес нужно больше? Правда, это чудо объясняется от газетных мыслителей ослеплением Наполеона, самонадеянностью Лебефа, увлечением Оливье…

Но теперь не до философских рассуждений. Я увлекся, думав сначала выразить вам, достопочтимый учитель, только русское участие и вместе негодование на образ действия европейских государств относительно Франции! К кому же, впрочем, и обращаться со всякими мыслями о настоящих событиях, политическими, историческими и философскими, как не к славному наставнику истории, стоявшему столько времени при кормиле правления в Отечестве и соединяющему опыт с умозрением, теорию с практикой! Придаю письму моему гласность с надеждой, что оно подаст повод к дальнейшим рассуждениям в журналистике. Почел бы себя счастливым, если б вам угодно было выразить свое мнение о некоторых его предметах в общее назидание».

* * *

Письмо это было послано в копии к историку Богемии Палацкому и к нему приложен был следующий Post scriptum:

P.S. Посылая вам, почтенный друг, эту копию, я должен прибавить, что в последнее время все наши опасения, которых я, впрочем, никогда не имел относительно близкого будущего, совершенно, к общему удовольствию, рассеялись: прусский король торжественно заявил, пред лицом всей Европы, сколько Пруссия обязана своими успехами России и какую благодарность к ней питает и питать будет. Союз России и Пруссии в настоящих обстоятельствах Европы может иметь великое для нее значение. Мы смеем надеяться, что славянам, по крайней мере, не может быть от того хуже. Разносятся, впрочем, слухи о видах Пруссии на Богемию. Оборони Бог! Едва ли здравая политика позволит Пруссии самой окружить себя со всех сторон враждой, ненавистью, злобой, жаждой мести, то есть французами с запада, чехами и вообще славянами с юга, Данией и Швецией с севера, да и Россия с востока едва ли тогда останется с ней в искренней дружбе. Нет, не станем верить этим зловещим слухам!

Здравая политика, сказал я. Но можно ли, однако ж, надеяться на постоянное ее здравие? По-моему, она и теперь крепко недомогает. В первом письме моем к вам, оставаясь славянином и русским, я говорил беспристрастно, как австриец; в сообщаемом письме к Гизо я говорю как француз; а теперь, в постскриптуме, попытаюсь стать на место пруссака. Чего стоило завоевание Эльзаса и Лотарингии? Чего будет стоить их сохранение? Что выиграла Пруссия или Германия с этими приобретениями? Много ли прибавилось им силы? Едва ли на пять процентов! Сравните же барыш с расходами. А заклятая, непримиримая ненависть сорокамиллионного, кипучего народа, который, как ворон крови, будет ждать случая мести, живя под боком? Неужели это ничего

не значит? Приятно ли оставаться в беспрестанном страхе, чтоб сосед не хватил камнем в висок? Притом одно изобретение химическое, механическое может перевернуть все дела. А отдайте теперь назад Эльзас и Лотарингию Франции — восторг, благодарность, мир. Ни Пруссия, ни Германия ничего не потеряют, кроме лишней и опасной обузы; Франция без крепостей, порука всей Европы — и Германия, Пруссия могут быть совершенно спокойными на веки веков без Эльзаса и Лотарингии. Тогда было бы возможно и всеобщее разоружение. Какая слава! Все грехи Пруссии, с грехами графа Бисмарка включительно, были бы почти искуплены. Какие благословения раздались бы в успокоенной Европе, наступила бы новая эра… Но можно ли на старости лет мечтать так необузданно! А воля ваша, ведь все это могло бы легко произойти, если б… если б люди были поумнее, а министры Бисмарки не так много о себе думали!

* * *

С каким чувством французские уполномоченные должны договариваться о мире! Тяжелое, трагическое положение!

Эльзас и Лотарингия, Страсбург и Мец, неприступный Мец с памятником Нея отдаются Германии, то есть Пруссии. Еще тысяч триста сдаются в плен.

Согласились на пяти миллиардах с процентами, на рассрочиваемый по миллиарду трехлетний долг. Ай да Бисмарк! На свою руку охулки не кладет.

Остановка за Бельфором и вступлением в Париж. Уполномоченные боятся, чтобы город не остервенился при вступлении неприятеля. Действительно, мудрено пылким французам перенести равнодушно такой позор! Да и пруссаки опасаются заплатить дорого за удовлетворение своего тщеславия. Может зачаться резня на улицах из окон, и тогда как положить предел кровопролития! А хочется повеличаться! Торгуются. Или уступить пруссакам Бельфор, или допустить вступление в Париж.

* * *

Уступлен Бельфор за удовольствие вступить в Париж хоть мимоходом.

* * *

Воля ваша, а толки о процентах, а назначаемые цены за уступку Бельфора, за постановку в Париже — это что-то очень мелкое. C'est tres mesquin! Кто же мешает вам требовать прямо такую-то сумму без оценки Бельфора и занятия парижского? Сила в ваших руках, и вы можете взять все, что вам угодно, без околичностей. К чему же околичности? Можете вступать в Париж или не вступать, по вашему усмотрению!

Наложение контрибуции в пять миллиардов очень жестоко, хоть право мести за подобные, каким подвергалась Пруссия в 1805 и 1806 годах, оправдывает по Ветхому, впрочем, Завету такое распоряжение. Но надо брать проценты на остающиеся, за постепенной уплатой, суммы, это противно нашим русским понятиям. Точно как и торговаться за Бельфор. Если эта крепость вам нужна, ну берите ее, а если можете обойтись без нее, то зачем же требуете и соглашаетесь уступать за получение еще чего-то?

* * *

Вот теперь посредничество России, Англии, Италии могло бы принести пользу Франции! Сдается, что Россия замолвила слово.

* * *

Вступление произойдет тихонько, как будто украдкой, через забор, incognito. Победители боятся больше побежденных. Тридцать тысяч будут занимать один квартал Елисейских

полей до размена ратификации. Местопребывание их будет ограждено французским кордоном, который обязан не допускать ни до каких столкновений с жителями. Они остаются на один день, вероятно не раздеваясь.

* * *

17 февраля с.с. пруссаки вступили в Париж. Император даже и не ночует, сделав только смотр в Булонском лесу. Солдаты помещены в казенных зданиях.

Не так вступал в Париж покойный Александр Павлович.

* * *

Такого конца никто не мог предвидеть в Европе — ни оптимисты, ни пессимисты, ни друзья, ни враги. Никому он не был желателен. Верно, все теперь только диву даются, и долго еще не опомнятся. С каким удовольствием потирает себе руки Бисмарк, — да и он не скоро опомнится. Эко счастье привалило, думает он, верно, с нашим любезным Антоном Антоновичем.

То, что сделал он, постоит того, что в свое время сделал Наполеон I.

* * *

Обращая внимание на прошедшее время, видишь яснее ошибки европейской дипломатии. Первая — в допущении войны Пруссии и Австрии с Данией, в допущении обобрать беспомощную Данию. Это был первый мастерской ход Бисмарка, говоря с прусской точки зрения.

Второй — заговорить Францию и Россию, чтобы они не мешали войне Пруссии с Австрией. И это удалось! А война кончилась еще счастливее, чем ожидалось. Устроен Северный союз, сплочены все прусские владения, и Пруссия протянулась от Немана вплоть до Франции и стала лицом к лицу с ней.

Война Пруссии с Францией стала неизбежна, и она с первой минуты, кажется, стала деятельно к ней приготовляться, между тем как Франция должна была терять много времени и силы во внутренних словопрениях и в личных расчетах Наполеона. Что Пруссия не только готовилась, но и желала войны, всего виднее из того, как скоро могла она начать наступательные действия, хотя по наружности задирала как будто Франция.

* * *

Мир заключен. Тьер, читая условия в палате депутатов в Бордо, не мог после первых слов продолжать от душевного волнения и должен был выйти из залы. Другой окончил чтение роковых условий. Какие минуты в истории государства!

* * *

Пруссия на высоте могущества, в апогее славы, первое государство в Европе.

В 1831 году я писал: «Есть зенит в истории всякого государства, и чем позднее они достигают его, тем долее под оным остаются, сообразно и с другими предыдущими обстоятельствами: Польша была в этом положении в XVI столетии. Кажется, вся сила европейского востока — подобно ядру необразованной кометы, которое носится по небесным пространствам, пока не найдет себе твердой точки в системе мира — останавливалась в Польше при Сигизмундах. Ей доставались тогда Богемия, Венгрия, Молдавия, Запорожье, Украина, Россия, Лифляндия, Пруссия, Померания, Ганза, Швеция. Момент удивительный, беспримерный в истории! Немногого недоставало, чтобы она удержала владычество над всеми сими обширными странами, но сего немногого недостало!.. Польша не успела, не могла воспользоваться благоприятными обстоятельствами, со своим liberum veto: и с той же минуты, при Сигизмунде III, начинается ее поступательное падение. Так, видно, должно быть! Прочитав внимательно начало и продолжение польской исто-

рии, предчувствуешь окончание. Сила европейского востока понеслась в Швецию. По удивительному сцеплению обстоятельств сам Сигизмунд III проводил ее туда. Густав Адольф, Карл X приготовляли было свое Отечество к ее восприятию. Карл XII владел уже Лифляндией, Эстляндией, Курляндией, покорил почти Данию и Польшу, проникнул в Малороссию — но там, на полях Полтавских, встретил Русского гиганта, который вырвал из крепких рук его жезл самодержавия и завещал его своим потомкам. У них, передаваемый из рук в руки, процветает он более и более, описывает круги обширнейшие…»

Не переходит ли это первенство теперь к Пруссии? На письме 1838 года, на котором, черновом, через несколько лет, в минуту грусти и разочарования, я надписал: «Nec plus ultra?» — неужели заключался крайний наш предел? Мы, освобожденные и освобождаемые, неужели пойдем назад и унизимся пред крепостными? Нет, нет и нет! Оборони Боже! Но мы должны учиться, учиться и учиться!..

* * *

Император Вильгельм, извещая 14—26 февраля нашего Государя о заключении мира, говорит: «Никогда Пруссия не забудет, что обязана Вашему Величеству тем, что война не приняла крайних размеров. Да благословит Вас за это Господь! До конца жизни Вам признательный друг Вильгельм».

Нельзя не порадоваться такому торжественному заявлению. Дай Бог, чтобы оно никогда не забывалось. Мы не получили ничего, — по крайней мере, это нравственное признание составляет нашу награду и гарантию на будущее время.

Беру назад все, что я писал еще выше, в чаду подозрительности, об отношениях Пруссии к России.

* * *

Но довольно говорить о прошедшем. Поговорим о настоящем.

Настоящее положение не только Пруссии и Франции, но всей Европы, обусловливается преимущественно враждебными отношениями Пруссии и Франции. Пруссия победила, Франция побеждена и унижена. Кроме страшной контрибуции, у Франции отняты Эльзас и Лотарингия с Страсбургом и Мецом. Французы никогда не позабудут этой потери, и, какое правительство у них ни утвердилось бы, они будут думать только о том, чтоб возвратить потерянное, отомстить за позор, восстановить свою так называемую славу. А их, без Меца и Страсбурга, 35 миллионов народа храброго, умного, самолюбивого, дышащего местью! Чуть ослабила бы Пруссия свое вооружение, они воспользуются первой минутой, чтоб начать войну, и завоевание подвергнется опасности. Следовательно, Пруссия по необходимости должна содержать его, если хочет удержать приобретенное с такими усилиями и жертвами. Чего же это будет стоить ей, денег, сил! Сколько помехи развитию государственному!

* * *

Итак, яблоко раздора, причина вражды, источник будущих бедствий, как и настоящих неудобств, не только для Франции и Пруссии, но и для всей Европы, как объясню после, для успеха, для просвещения, благосостояния, есть потеря Францией офранцуженных Эльзаса и Лотарингии и покорение их Пруссии, приобретение Германской империей.

* * *

Будут ли Германия, Пруссия, счастливы с Мецом и Страстбургом?

Необходимы ли, нужны ли, полезны ли Эльзас и Лотарингия Пруссии и Германии? Прибавляют ли они силы, доходов?

Нет, почти не прибавляют ничего: 2 миллиона при 35 миллионах значат очень мало. Не забывать еще нужно, что эти 2 миллиона питают враждебное чувство.

Германия, и без Эльзаса и Лотарингии, с 40 миллионами жителей, была бы самым могущественным, сильным государством, после поражения Франции, которому нечего было бы опасаться соседей и у которого не было бы естественных врагов!

С Эльзасом и Лотарингией, напротив, она делается гораздо уязвимее, слабее, потому что она должна защищать их, а защищать нелегко от такого соседа, как раздраженная и огорченная до мозга костей Франция.

С Эльзасом и Лотарингией Пруссии гораздо труднее держать под своей властью южные германские государства, которые, в особенности Австрия, всегда будут готовы, при благоприятных обстоятельствах, стать на стороне врагов ее, что бы ни звонили журналы о единстве Германии.

К чему же подвергаться таким опасностям? И стоит ли игра свеч?

Следовательно, польза от них как для Германии, так и для Пруссии ничтожная.

* * *

Теперь, кто бы что ни говорил, положение Пруссии зависит много от России. Покажи Россия малейшее расположение к Франции, то Австрия, так долго, скрепя сердце, долженствовавшая faire une bonne mine au mauvais jeu, с восторгом бросится в ее объятия, чтобы отомстить за нанесенные ей оскорбления, удары и поражения. Да и все южные германские государства рады будут случаю выйти из-под опеки Пруссии. Население Эльзаса и Лотарингии примет живое участие в восстании. А с севера Дания не пожелает успехов Пруссии, которая до сих пор не исполняет даже принятой на себя обязанности. И так с востока, юга, запада и севера Пруссия попала бы в ежовые рукавицы, и тогда, несмотря на гений Мольтке и Бисмарка, пришлось бы ей плохо.

* * *

Кроме этой зависимости, в особенности от России, естественная смерть Бисмарка и Мольтке с естественным рождением подобных талантов на противной стороне, которая напрягает свои силы, сосредоточивается, не изменит ли взаимного отношения этих государств?

* * *

Наконец, какое-нибудь изобретение, новый порох, новое орудие или воздухоплавание не может ли также перевернуть в Европе все вверх дном, в политическом отношении?

* * *

Владение Мецом и Страсбургом обезопашивает, говорят, Германию от нападения французских мечтателей о левом береге Рейна, представляет стратегическое удобство для обороны и для нападения в случае нужды.

Стройте крепости, хотя и это было бы слишком тяжело для самолюбивых французов, возьмите деньги за ваше опустошение, приобретите ту или другую колонию, возьмите часть флота, неужели вам этого мало? Уравновесьте средства, заключите, на европейском суде Амфиктионов, торжественный договор, что вся Европа должна подняться на нарушителя, будет ли то Франция или Германия, примите наконец какие угодно другие меры…

* * *

Говоря языком старой — будь она проклята — политики, антагонизм Франции и Германии полезен для России, так как полезно на несколько времени и ослабление той и другой. В случае ссоры с Пруссией она может быть всегда уверена в союзе Франции, Австрии, Дании, а может быть, Италии, Испании, Швеции.

Франция долго не может вмешиваться в польские и восточные дела. Я сказал: будь проклята старая система политики, которая основывалась на опасениях (так система внутренней политики в западных государствах основывалась на оппозиции) и которая желала всякого лиха своим соседям: пора бы людям, гордящимся своим просвещением и своим прогрессом, возыметь доверенность друг к другу и бросить камни, которые держали они под пазухой, чтоб сообща думать только о своем благосостоянии.

Нигилисты и чтители безусловные разума! Надеетесь ли вы произвести этот переворот в душах человеческих? Нет, у вас господствует эгоизм, который и преобладает в политике, а здесь нужна любовь, которую воспитывать может только Христианство, вами поносимое.

Тогда бы и войско не было нужно, которое поглощает теперь доходы государственные, и они пошли бы на дела совсем другого рода.

* * *

Уступи Пруссия добровольно Эльзас и Лотарингию, и она сделается благодетельницей Европы, и, пожалуй, может еще выговорить себе какое-нибудь значительное вознаграждение.

Можно ли сравнивать такое ее положение с настоящим, когда она всякую минуту должна держать камни за пазухой и, окруженная со всех почти сторон врагами, не может ни одной ночи спать спокойно?

Эльзас и Лотарингия суть бремена для Пруссии неудобоносимые, и она только тогда вздохнет спокойно, когда от них освободится!

* * *

Удивительно ослепление человеческое! Как умные, даже гениальные люди могут по временам быть односторонними и видяще не видеть, слышаще не слышать!

* * *

Эта война — такое же бедствие для победителя, как и для побежденных. Для Пруссии, как и для Франции, хотя наружность и является блистательной для первой и мрачной для второй.

С одной стороны, Вильгельм с Бисмарком, Мольтке и Рооном, с другой — Наполеон с Лебефом, Руе и Оливье — две противоположности. С одной стороны, слава, блеск, с другой — позор и мрак. А в конце концов, Бог знает, кому лучше.

Не обоим ли хуже? Слепое человечество! Взять Мец и Страсбург у Франции едва ли не есть такая же страшная ошибка со стороны Бисмарка, как со стороны Наполеона была начать войну с Францией.

* * *

Если Франция, которая, естественно, желает еще сильнее возвратить, чем Пруссия удержать, должна заботиться об увеличении своих средств, даже в сравнении с прусскими, идти с ней вперегонку, то Австрия и Россия не могут отстать от них — и для того, чтобы не потерять чего-либо при таком их преимуществе в возможном столкновении с ними, и для того, чтоб в случае новой борьбы их между собой иметь значение, помогать, сохранять, приобретать и даже обороняться.

А вообразите себе, что в такое напряженное время родится еще в котором-нибудь из этих государств государь министр, полководец с особыми страстями, видами, целями, свойствами!..

* * *

Все главные европейские государства содержат теперь в мирное время по полумиллиону войска, так что большая часть доходов идет на эту непроизводительную нужду. Да и

вперед им открывается перспектива такая ужасная, перспектива на 50 еще лет, по уверению первого мастера в этом деле, фельдмаршала Мольтке. Чего стоит государствам это содержание? А на существенные потребности, нужные для развития благосостояния, образованности, недостает у них денег. Неужели такое состояние есть нормальное? Неужели оно может служить градусом европейского прогресса? Ужасное положение! А какое влияние оно имеет на нравственное состояние народов, где всякий молодой человек должен прежде всего думать о войне, о защите Отечества, точь-в-точь как будто бы люди не выходили из дикого положения, когда всякую минуту должны они были опасаться нападения зверей и не менее зверских соседей.

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Все второклассные и третьеклассные державы, по соразмерности, вооружаются.

* * *

Неужели Европа не может выйти никак из этого положения?

Не может никак, если дела останутся в настоящем положении.

Так не должно ли ей подумать об изменении настоящего положения?

Нет, видно, в Европе людей, стоящих на высоте обстоятельств и могущих говорить с властью.

* * *

Немцы упоены победой и успехом. Англичане не могут подняться в конце концов выше денежных расчетов, и Гладстон, издающий теперь что-то о Гомере, Дизраэли с своими романами и торийской политикой не смеют подать голоса благоразумного и беспристрастного; Австрии, обобранной, униженной и внутри разоренной, неловко вступаться вслед

за своим поражением; Россия соединена кровными узами с прусской династией.

* * *

Россия, всех могущественнее и безопаснее, может, кажется, всех удобнее объяснить это недоразумение и сделаться посредницей, принять даже на себя третейский суд, и тогда благословится Европой.

* * *

Вот о какой роли мечтал я в молодости, думал в лета мужества и, увы, разочаровался в старости — для нашего Отечества! Творить суд и правду в Европе, унимать буянов, помогать обиженным, содействовать всякому добру. У нас все есть, и ничего не надо нам: наши советы, наши услуги могут быть в высшей степени бескорыстными.

* * *

Слепцы и безумцы ставят теперь в пример прусское военное устройство и говорят уже *вообще*, мимо всех обстоятельств, что всякий гражданин должен быть солдатом, то есть готовым бить людей, себе подобных. Неужели это цель христианских просвещенных обществ? До блистательных плодов дошло человечество после тысячелетних своих трудов и усилий! Солдат в этом смысле, отрешась от действительности, ведь тот же дикий, только привилегированный, — не с дубиной, а с нарезным ружьем, который бросается по команде. Он еще гнуснее дикого, потому что тот был невежа, а этот знает по-латыни и по-гречески, и на мудрости собаку с Гегелем съел.

Вот какое пагубное действие оказывает прусско-французская война на Европу, на ее благосостояние, на просвещение, на нравственность!

* * *

Прочно ли Бисмарково создание? Нет, не прочно, как было не прочно и создание Наполеона I. Оно основано на каверзах и кознях, хоть и благовидных с той или другой стороны, как основано было и то. Мне опять припоминается историческая фуга: Бисмарк воздвиг здание, но сам же начал под него и подкапываться, отнимая у Франции Эльзас и Лотарингию, приставляя пятку к своей Германской империи. На всякого мудреца находит простота!

* * *

Германская империя непрочна, и, может быть, сам Бисмарк доживет до той минуты, когда все здание, воздвигнутое такими трудами, усилиями ума, кознями, грехами, стоящее столько крови, рухнет пред его глазами. И ништо ему! Неправедное создание прах. Юг и Север ненавидят друг друга искони. Юг рад отшатнуться при первой возможности. Бисмарк может быть уверен, что Германия недолго будет плясать по его дудке. Во внутренней вражде плохая крепость государства!

* * *

Внутри Пруссии заговорит и восстанет партия кольми паче в Южной Германии, которая захочет прав… начнется оппозиция и, в конце концов, хоть через столетие, республика федеративная, для которой готовая форма находится в прежних 37 герцогствах и курфюршествах.

* * *

Бисмарк — великий министр задним числом. Он искал могущества, но не в могуществе счастье, благосостояние. Не того желают нынешние народы.

* * *

Полководцы, завоеватели бывают: и Цезарь, и Александр, и Фридрих, и Наполеон. Дипломатов — еще больше, довольно назвать Талейрана. А теперь нужен человек, который растолковал бы, кладя каждому в рот, настоящие нужды государств, разрешил их недоумения о границах, национальностях, опасностях и указал бы им путь к спокойствию и счастью. Все государства держат теперь сверх сил войска, и нашлось такое, которое постановило законом, чтобы всякий гражданин был солдатом, — государство самое ученое и благоустроенное. А другие считают себя принужденными последовать его примеру и получают в чужом пиру похмелье. И вот являются во всеоружии науки новые варвары в щегольских мундирах, в блистающих касках, с золотыми аксельбантами и серебряными эполетами, в разноцветных галунах, шнурках и позументах, — потехи, но не благопотребные!

* * *

Отвлеченное создание, Германская империя, может удовлетворять только книжное самолюбие немецких доктринеров, старых профессоров, дать предмет для статей журнальных пустозвонов и не приносит никакой пользы германскому народонаселению, которому жить стало гораздо труднее после всех побед и успехов славной войны; дороговизна увеличилась на главные предметы содержания, к квартирам приступа нет. Неудовольствия и жалобы возрастают, что же выиграла Германия?

И неужели для подобного отвлеченного удовольствия стоит приносить такие страшные жертвы в продолжение 50 лет, истощать силы всей Европы, задерживать ее развитие и преуспевание?

* * *

Бисмарк восстановил Германскую империю; но счастливее ли стали члены этой империи теперь, чем были прежде, живя порознь? Увы, жить им стало тяжелее, дороже — и только писателям достался лишний мотив о каком-то могуществе, и то очень условном. Победа куплена дорогой ценой, и приобретено ею неудобство и стеснение, да и самые миллиарды, к вящему назиданию правительств и людей, прибыли в Германию минусами, а не плюсами, минусами для народа, для жизни, а плюсами, и то условными, только для правительства.

* * *

Австрии неприятно такое возвышение и усиление Пруссии, закоренелой своей противницы и соперницы, которая с семилетней войны продолжает пилить ее безустанно, но ей открываются виды в будущем: война Пруссии с Францией неминуема, союз Австрии с той или другой стороной может принести ей пользу, положив условием вознаграждение.

* * *

Но ей следовало бы возлагать надежду более на внутреннее устройство и усиление, а не на внешние случайности. Усилиться она может, только привлекши к себе 20 миллионов славян по примеру императора Карла IV, а она их отталкивает, несмотря на то что они пребывали ей верными в самых трудных обстоятельствах, и мирволит, уступает, приносит жертвы пятимиллионной Венгрии, которая грозила ей гибелью. Она принимает участие в устройстве торжеств в память казненного ею самою Батиани за государственную измену и сажает в тюрьму помнящих добром спасителя ее, Елачича. Видяще люди не видят, и слышаще не разумеют!

Венгерские газеты и палаты говорят без околичностей о независимости Венгрии, об отделении ее от Цислейтании, и все-таки Австрия любезничает с венгерцами, а славяне пикнут — и в тюрьму!

* * *

Англия получит более отвлеченную выгоду, чем вещественную, от унижения и ослабления Франции. Она почувствует скоро свое одиночество, лишась пособия и содействия союза французского. Она должна будет искать себе других союзников, которых нельзя приобрести ей такой дешевой ценой.

* * *

Гладстон на банкете у лорда мэра выражает желание, чтоб Франция не была слишком унижена, а настолько, насколько нужно!

А насколько нужно унижение Англии для России, для Франции, подумал ли знаменитый исследователь Гомера?

* * *

Италия на первых порах рада возможности приобрести, наконец, Рим и объединиться, что и последовало.

* * *

Северным государствам, Швеции и Дании, не может быть приятно усиление страшного соседа.

* * *

Испании некогда заниматься чужими делами.

* * *

Все европейские государства не питают дружбы к Германии, и в особенности к Пруссии. И она может иметь у себя союзников только насилием.

* * *

Франции нет, ну и Европы нет. Останется всякому забираться в свой угол и хлопотать о своем хозяйстве. Для кого покажутся любопытными речи даже Ласкера или Шульце-Делича? А сколько пива выпьется в день в Вене или не произойдет ли каких реформ в мюнхенской Real bier brewery, — до того никому дела нет, — и соскучится Европа, я разумею Европу праздную, большинство, толпу…

* * *

Самое вредное, самое пагубное, самое ненавистное следствие для всей Европы, для ее благосостояния, развития ее сил, вещественных и еще более духовных, от германско-французской войны есть всеобщее вооружение.

* * *

Россия, в силу всех предыдущих обстоятельств, заняла самое выгодное положение.

Униженная 15 лет тому назад, она возвысилась теперь еще выше, чем стояла прежде, без всяких со своей стороны усилий и затрат.

Император Александр, приняв сторону Пруссии, хотя и нейтрально, выразив свое сочувствие без всяких околичностей, достиг этой цели, к пользе, чести и славе Отечества. Сознаемся — это сделал он один, вопреки даже общему мнению на ту пору, и ему одному принадлежит слава.

* * *

Нам казалось, что мы поступали всех хуже: и там уступали, и там теряли, и там давались в обман, а в конце концов вышло, что нам всех лучше. Все пошло впрок.

Русский Бог велик! Как нарочно встречается мне следующее примечательное место из депеши знаменитого австрийского посла Гарриса, при императрице Екатерине, своему министру иностранных дел, — 1779 года, мая 24.

Для тех, которые, живя вне России, судят о ней по великим результатам, достигаемым повсюду ее силой и влиянием, должно казаться, что страна эта руководится в своих действиях высочайшим разумом и что нет ни малейшего недостатка в главных частях ее управления. С другой стороны, кто находится в этой империи и видит, с каким непонятным несовершенством составляются все их планы и какие неспособные орудия избираются для их исполнения, для тех лиц остается только удивляться, как не встречают они неудачи во всем, что предпринимают. (Из депеши англ. посланника Гарриса 1779 года, мая 24. В Русском архиве, 1872.)

В этом же смысле говорит и вещий поэт:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить;
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

* * *

Но на Бога надейся, а сам не плошай, говорит народная пословица. Все-таки здесь важную роль играют обстоятельства, средь которых пришлось нам действовать.

В настоящие минуты в наших руках ключ положения: нашего союза и дружбы должны искать все — и французы, и пруссаки.

Но обстоятельства могут перемениться, и мы должны быть готовы ко всем переменам.

Император Николай обманулся, понадеясь на Австрию. Чтоб не обманулся так же император Александр, надеясь на Пруссию; чтоб Бисмарк не стал нам солонее Меттерниха и Шварценберга, чтоб не пришлось плясать по дудке Бисмарка, как мы плясали по дудке Меттерниха 40 лет.

Если Бисмарк обошел и провел Наполеона, который сам обходил и проводил всех, то нас провести, при таком патриархальном расположении, ничего не стоит, и потому нельзя полагаться ни на какие его обещания, а держать ухо востро.

Я говорю это отнюдь не на счет одних пруссаков. Я разумею здесь и англичан, и турок, и австрийцев, и французов, и tutti quanti. Бог знает, с которой стороны налетят тучи. Пруссаков, по крайней мере на первых порах, опасаться нам нечего: не удивить же им мира неблагодарностью, как удивила Австрия, по выражению Шварценберга. Если не газеты, если не толпа, то король и Бисмарк понимают, что без нейтралитета России, обусловившего нейтралитет Австрии и Дании, Пруссия не могла бы сделать и шагу, война не началась бы и все дела надолго остались бы in statu quo, а может быть, и хуже. Опасаться нечего пруссаков и по близкому родству и многолетней дружбе царствующих домов. Император Вильгельм благородно признал и оценил достойно услуги, оказанные ему Россией. Но кто поручится за будущее? Следующее поколение может относиться уже друг к другу совершенно иначе. А о враждебном расположении правительства и народа, слишком известном, если оно, впрочем, не переменится, чего желаем, говорить нечего. Укрепляют же пруссаки Кенигсберг и Лекен, направляют же они дороги по стратегическим нуждам и учатся русскому языку в военных гимназиях отнюдь не с филологической целью, как объяснил Шафарику сам министр, кажется, Ейхгорн, лет 30 назад, прося его сочинить программу для кафедры славянских наречий в Берлинском университете. Мы должны брать с них пример, должны приготовляться, собираться с силами не

только относительно пруссаков, но и на всякий случай, тем более что союзников Россия давно не имеет в Европе. Да и одна ли Россия?

Все государства молчат, говорят, дерутся, лобызаются, смотря по обстоятельствам и по выгодам, близким и дальним, и, несмотря ни на какие старые трактаты, питают намерения. Скрывают задние мысли, собираются с силами — а газеты наполняют свои листы общими местами и эфемерными мыслями. Да и где есть беспристрастные газеты? Все или продажные, или принадлежащие партиям, обществам — промышленные предприятия, чернильная милиция на содержании правительств, партий, аферистов.

* * *

Дружбы нет нигде, ни у кого, ни с кем; и только одинокие выгоды устраивают связи иногда государств между собой, связи, которые разрываются при первом дуновении ветра. Мы видим каждый день разительные доказательства.

Припомним несколько прошедшее: Пруссия и Австрия, вступаясь за честь Германии, напали на Данию, а через короткое время сама Австрия была выброшена из Германии; Ганновер, Гессен, Нассау покорены Пруссии. Голштинию присоединили, прихватывая даже часть чисто датскую. Италия была освобождена Францией от австрийского ига, потом соединилась с Пруссией, а теперь не думает помогать Франции. Англия двадцать лет пользовалась услугами Франции, а теперь норовит как бы поразить ее покрепче, только из-за угла.

И вот Франция в несчастье осталась совершенно одинокой. Жалкое положение Франции — не приведи Бог никому быть в таком положении!

Вот как изменяются отношения. Следовательно, нет ничего мудреного, что наши друзья могут сделаться врагами.

Австрия и Пруссия, несмотря на все благодеяния России, приняли сторону ее врагов во время Крымской войны;

последняя сделалась причиной, хоть и посредственной, наших неудач, а первая действовала не так настоятельно в пользу нашу, как бы следовало.

Ныне все невозможное может случиться. Должно всем быть готовым на все!

При такой прочности союзов на кого надеяться всякому государству, кроме себя? России всех менее, потому что все прочие европейские государства без особенных обстоятельств могут еще приобрести для себя тот или другой союз, Франция — испанский, итальянский; Германия, Австрия — английский. Россию же внутренне ненавидят все, одни из зависти, другие из страха, третьи по чутью. Самые отдаленные, посторонние, соединятся скорее с нашими врагами, чем с нами.

* * *

Припомните, что твердили газеты в продолжение последних двадцати-тридцати лет о беспрерывных происках России, о рублях, рассыпаемых ею (которых у самой нет), о честолюбивых замыслах, об опасностях Европы от этой страшной массы! А между тем кто нарушал спокойствие Европы в продолжение этого времени? Франция, Англия, Австрия, Пруссия, Италия! Россия не шевелилась и была поражена в самое сердце за все ее благодеяния, одолжения и услуги. Попробуйте напечатать это в европейских газетах — ни одна не напечатает. Ищите же беспристрастия и справедливости у правительств и придавайте важность этим наемным воплям газет.

* * *

Мы должны, следовательно, надеяться только на себя — и на славян. Вот единственные друзья наши в Европе, которые, кроме кровного родства, преданы нам потому, что издавна считают нас своими естественными покровителями и видят в нас единственную помощь, чтоб спасти их от угнетающего ига.

* * *

Мы должны благодарить Бога, что Он дал нам передышку, что мы имеем время построить дороги от Смоленска к Бресту и из Москвы в Киев и Одессу, из Харькова в Таганрог и Севастополь, которые еще надо кончить, и что мы не можем быть в положении, как в Севастополе, где, имея миллионы войска, не могли справиться со ста тысячами. Дороги — это первая потребность, каменный уголь составляет второй предмет попечений. А приготовления наши на всякий случай должны состоять прежде всего в ученье: учиться, учиться и учиться — вот вернейшее средство и условие успеха в делах всякого рода, учиться не на словах, а на деле, не напоказ, не для экзамена, а для жизни.

* * *

Дома мы должны приготовляться, устраивать внутренние дела, собирать запасы, то есть все должны копить деньги, а не мотать, не расточать без толку, как это многими из нас делается, и общее дело считать своим.

* * *

Мы избалованы правительством, привыкли не считать его дела своими; нужно наоборот.

* * *

В наше время только то государство может обещать себе доброе, где возможен свободный голос обо всех государственных делах.

* * *

Приготавливаться нам надо и на другой случай. Может произойти восстание славян в Австрии и Турции, без всякого

с нашей стороны участия, которое у нас и не принимается, так что убогие славянские комитеты, давая 2—3 тысячи рублей в год на книги, на школы, затрудняются собирать это копейками. Восстание может произойти, как было в Крите, как было в Далмации, как было в Египте. Нам надо быть готовыми. Или оставить в угоду газет немецких или в оправдание пред ними, чтоб все делалось без нас?

Должны мы будем помочь им, как пруссаки голштинцам, а если не поможем, то они делаются нашими врагами, что я писал в 1854 году.

* * *

Теперь борется романское племя с германским, а потом черед германского с славянским. После Франции преградой ему останется одна Россия. Ее нельзя будет оставить в покое. Ну, вот и война с нами. Династия родственная тут уже будет ни при чем.

* * *

Я не знаю, с кем нам придется бороться. Со всеми государями или со всеми республиками, кольми паче, ибо эта форма, ненавидящая по неведению Россию, на череде теперь в Европе.

* * *

Нам надо быть готовыми на все: на случай коалиции, на случай республики, на случай восточного восстания, на всякий случай, а прежде всего должен быть установлен порядок дома.

У нас есть учитель Крылов, оставивший нам в поучение басню об охотнике и утках. Мы имеем еще пословицу от предков: на ловлю ехать — поздно собак кормить.

* * *

Можно сделать еще замечание другого рода: есть наказания для государств — может быть, кроме того и сего, Франция наказывалась: не будем и мы достойны наказания.

* * *

Ай, ай, ай! Что происходит во Франции! Лишь только вышли пруссаки, как красные овладели Монмартром и Бельвилем.

Правительство, водворившееся в Версале, сделало великую ошибку, оставив оружие в руках национальной гвардии, вопреки советам Бисмарка.

Захвачены пушки, которые только что были отлиты для обороны от неприятеля.

Партикуляристы, бонапартисты, социалисты поддерживают волнение.

Требуют каких-то муниципальных прав, провозглашают, что хотят защищать республику, угрожаемую будто монархистам.

Учреждается какой-то центральный комитет.

* * *

Хуже и хуже! 6 марта генералы Клеман Тома и Леконт расстреляны на дворе центрального комитета.

7 марта мятежники овладели ратушей. Взят в плен генерал Шанзи.

Освободясь как-то, он должен был вывести свои войска, в которых оказывалось будто колебание. Да и в Версале нет твердой надежды на войско. Опасаются, что Версальское правительство принуждено будет войти в сношение с пруссаками для подавления мятежа.

Пруссаки разместились так, что в 24 часа могут поставить пред Парижем двести тысяч.

* * *

Резня 10 марта. Общее смятение.

Арестуют подозреваемых в сообщничестве с Версальским правительством, и между прочими самого архиепископа Парижского.

Коммуна распорядилась, чтоб не было богослужения в тюрьмах.

Организуется настоящее войско.

* * *

2 апреля начинается открытая война с Версалем.

Не нашлось силы воевать с неприятелем; теперь находятся силы воевать между собою.

Потому и Седанскому поражению многие радовались; потому не было единодушия и для войны с пруссаками. У них было в виду воспользоваться даже поражением, чтоб основать свое управление, Бог знает, на каких началах.

* * *

Наполеон держал в ежовых своих рукавицах Францию. Бисмарк сокрушил его могущество — и вот Коммуна подняла свою голову. Чем это кончится? Не работали ль немцы в пользу ее, а усилится, окрепнет она, не поздоровится и победителям, если не завтра, то послезавтра! Франция есть лаборатория для опытов!

Бедные французы! Они изобретают, проливают свою кровь, а пользуются плодами их трудов другие, да и не только не говорят им спасибо, а еще смеются над ними и поносят их!

От парижского пожара полетят головешки во все стороны. Вон шевелятся уже в Англии!

* * *

До чего могут доходить неистовства политических страстей, вообразить трудно. Что делается в Париже — страшно читать! Тьеров дом с сокровищами искусства, им собранными, сожжен…

* * *

Коммуна овладела многими фортами. Пальба не умолкает с обеих сторон. Несчастные!

Сами французы должны бомбардировать Париж! Это считается необходимостью!

* * *

Что за чудеса происходят в просвещенных государствах европейских, несмотря на их классическое образование, в котором мы видим теперь спасение!

Мы негодовали на пруссаков, и, казалось нам, справедливо: что же сказать об этой междоусобной бомбардировке!

При пруссаках Версаль сражался с Парижем, теперь Коммуна из Парижа сражается с правительством в Версале, а несчастный Сен-Клу опять между двумя огнями: пруссаки разрушали город, а французы дворец.

* * *

Дерутся каторжные, но между предводителями, кроме гнусных проходимцев, должны быть и фанатики мысли.

Коммуна ознаменовывает свое существование злодеяниями, неистовствами, варварством неизреченным, но в некоторых действиях ее мелькает новая европейская искра.

Они объявляют Вандомскую колонну памятником варварства, символом грубой силы, ложной славы, торжества

милитаризма, отрицания международного права. 1 апреля с.с. определено низвергнуть ее в прах.

Уничтожить исторический памятник — это дико, безумно, гнусно, — но мысль или зарождение мысли отказаться от военной славы, счесть войну безусловным злом, пожертвовать французу своим военным самолюбием — знаменует успех.

* * *

Колонна повалена при неистовых рукоплесканиях толпы 4 мая с.с.

* * *

Носятся слухи об южной лиге, о федерации. Эта мысль мелькает на Западе везде, и лет через 50, или 100, или более, но она осуществится. Явление ее было всех неожиданнее во Франции, где централизация было так крепка, где народная слава была так дорога и самолюбие безгранично. В Италии форма федерации совершенно готова, и Маццини был ее жарким проповедником. В Испании есть уже сильная партия. В Германии — даже удивительно, что понадобился переход между двумя федерациями, прошедшей и будущей, единая империя. Англии грозит переворот другого рода. И останется тогда одна единая Россия лицом к лицу разделенного Запада!

* * *

Для Европы нужен теперь такой же Наполеон мира, какой был Наполеон I войны. Кому всех естественнее принадлежит эта святая миссия!

* * *

Принужденные уступить, коммунисты зажгли Тюильри, Лувр и множество других зданий, казенных и частных, 12 мая с.с.

* * *

Коммуна с петролеем показала, до чего может дойти развращенная чернь, чем грозит господству охлократия, но вот что тяжело видеть: европейские государства как будто не сознают своей опасности с этой стороны, между тем, очевидно, во всех столицах и даже больших городах не только зарождается, но уже значительно усиливается этот пагубный ингредиент, злой плод цивилизации, параллельный с добром.

Правительства употребляют меры паллиативные, полумеры, но нужны радикальные. Вот о чем бы им подумать, даже для своего спасения, вместо того чтоб содержать миллионы войска, отвлекая его от работы, в отпор опасностям, самими подготовляемым.

* * *

Россия и в этом отношении представляет благоприятнейшие обстоятельства. Нам гораздо удобнее и легче справиться с обитателями Хитрова или Сенного рынка и уничтожить гнезда охлократии, чем французам или англичанам. Об исправительных ротах при полках что-то не слышно, но мало ли работ у нас на железных новых заводах, в каменноугольных копях, в устройстве проселочных дорог, по Кавказскому берегу Черного моря! Вместо того чтоб держать месяцы в острогах уличенных негодяев и откармливать их казенным хлебом, рассыпаясь перед ними в учтивостях, почему бы тотчас по скорому суду, без формальных проволочек, не рассылать их на работы, да не по гуманному уголовному кодексу, а по патриархальному усмотрению. Ошибок будет мало, и настоящая справедливость, не теоретическая, не проиграет, а выиграет, к пользе и удовольствию добропорядочных граждан. Доктринеры закричат: «Fiat justitia, pereat mundus!» Жалкие вы люди!

* * *

Наконец после двухмесячной страшной братоубийственной борьбы Коммуна поражена окончательно, и Версальское правительство одержало победу, стоившую, однако ж, очень дорого. Порядок восстановился. Надолго ли? Слава Тьеру!

* * *

Тьер — это вторая первая знаменитость нашего времени. Прекрасное дело выпало ему на долю: и он совершил его с искусством и честью, заплатил пять миллиардов, усмирил Коммуну, освободил страну от вражеского военного постоя, восстановил порядок.

* * *

Чего стоило Тьеру продержать кормило правления в продолжение двух лет? Как стало сил у 75-летнего старика, чтоб лавировать между легитимистами, орлеанистами, бонапартистами, радикалами и в то же время собирать деньги, толковать с Бисмарком, смотреть за печатью, изготовлять речи, угождать всем и ставить на своем? Мог ли он спать одну ночь спокойно?

Неблагодарные и пристрастные сограждане свергли его, зачем он опирался на левую сторону, а не на правую.

Он уступил, бесспорно. Казалось бы, ему следовало оставить политику и почить на заслуженных лаврах: «Я сделал все, что нужно; мое мнение вот какое, вы думаете иначе, Бог с вами, я умываю руки». Казалось бы, после таких неимоверных трудов должно бы обрадоваться отдыху, нет, западный человек покоен быть не может. Нет, он продолжает действовать, принимать участие, заботиться, хлопотать! Осудим ли мы его за это? Может быть, здесь заключается высшая гражданская

добродетель: подвергать опасности свою славу, служить, жертвуя самолюбием, по своему разумению, посвящать все свои способности, все приобретения опыта на пользу Отечества, хотя и впереди не может видеть он спокойных часов.

* * *

Вообще мы никак не можем ставить себя на их место и понимать их образ действий! Каким образом, например, можем мы объяснить себе намерение Ремюза, друга Тьерова, министра, искать себе депутатского места? На что ему оно? Один голос много ли веса прибавил бы его партии в Палате? И между тем он подвергался добровольно опасности вместе с неизвестностью. И вот выступает против этого знаменитого гражданина, с неоспоримой славой, ничтожная личность Бароде, одерживает победу и решает вместе не только поражение Ремюза, но и приготовляет падение Тьера. Левая сторона хотела перетянуть его к себе дальше налево, а правая, испуганная, напрягла усилия — и Тьер с консервативною республикой отстранен!

* * *

Тьер уверен искренно, что для Франции лучшая форма на эту пору консервативная республика. Прекрасно! Она устроится, но ведь тотчас образуется в ней оппозиция из крайней левой с Гамбеттою, Луи Бланом, Ледрю-Ролленом. Превозможет Гамбетта — и ему предстанут Рошфоры, Клюзере, Пиа, et tutti quanti. Вот почему, казалось бы нам, лучше за добра ума сойти Тьеру со сцены.

* * *

Французы спокойны быть не могут: после всяких успехов они доходят до XVIII брюмера, или 2 декабря; им необходим Наполеона I или III, кто-нибудь, лет на 15. Так забушева-

ли они через 15 с чем-то лет правления Бурбонов и выгнали Карла X, так чрез столько же времени поступили они с Луи Филиппом, и против него вооружились такие люди, как Ламартин и Одиллон-Барро!

* * *

Да и прежде, при Карле X, была коалиция против какого министерства? Моле, благороднейшего, образованнейшего, умнейшего государственного человека, по признанию всех партий. И против Моле был в коалиции такой человек, как Гизо. Выгнав Луи Филиппа, что сделали они с республикой? Говорили, спорили — и призвали Луи Наполеона, восстановили потом империю. Он продержался также 18 лет, упал, запутавшись в своих сетях, — и вот теперь они опять говорят, шумят, спорят, — и того гляди, что явится генерал Павия, который разгонит собрание и начнет 3-е или 4-е издание республики или монархии, только pas revue et corrigee.

* * *

Тьер человек гениальный, способный, образованный, неутомимый, несмотря на свои 75 лет. Сколько должен он был класть труда, чтоб удержаться на месте и спасать страну, чему все партии одна перед другой мешали! Что стоило ему провести день! Со сколькими заботами он ложился спать на завтрашний день и какие сюрпризы получал ночью!

И находятся люди, которые желают, силятся занять его место. Хоть бы герцог Омальский, умный, пожилой человек, бездетный и обладатель миллиардов. Что ему нужно? Неужели все только осчастливить Францию? Неужели не видит ни один из претендентов, как тяжела корона Карла Великого? Лезут, ослепленные на вольные муки и страсти, ухитряются, подвергаются опасностям, оскорблениям, и из чего!

Есть охотники и на Испанский престол, хоть в Мексику, хоть в Грецию, хоть в Румынию.

* * *

Пять миллиардов занять и собрать, без малейшего ущерба государственному хозяйству, возвышая даже народное, — воля ваша, это — искусство, которому надо учиться.

* * *

Чего бы нельзя сделать производительного со столькими миллиардами, которые, видно, могут быть собираемы, для чего вам угодно?

* * *

Объясните мне, между прочим, господа русские финансисты, каким образом государство, обремененное долгами, разоренное почти наполовину, не могущее ручаться ни за один день, чтоб не случилось в нем чего-либо удивительного и необыкновенного, истратив миллиарды, и долженствующее искать новых миллиардов, по большей части звонкой монетой, имеет курс тверже и лучше, чем, например, Россия, спокойная, твердая, сильная, обладающая несметным богатством на земле, в водах и под землей!

* * *

Франция в трудном положении — торговля и фабрики остановились; Пруссия — в стесненном, и тоже остановка; Австрия гораздо хуже; о Турции что и говорить; и все их курсы лучше нашего, и везде есть золото, а у нас?

* * *

Читая прения в палате депутатов, видишь перед собою, кажется, разыгрываемую игру в шахматы, где все пешки и

кони хлопочут о том, как бы сказать не только шаху, но и друг другу мат и доставить победу своей партии, Бурбонам, Орлеанам, Наполеону или Коммуне, — а о народе, его благосостоянии, развитии никому нет дела, все вопросы употребляются только средствами для достижения своей корыстной цели.

* * *

Почему, например, бонапартисты хотят призвать молодого Наполеона? Разве он, юноша, может управлять или делать что-нибудь? Работать для пользы или для блага страны будут они из-за него, ну так почему же они не хотят работать с теми же целями при другом правлении? Ясно, что они хотят только властвовать, а властвовать могут только из-за него, потому и хлопочут о нем. Другие претенденты имеют, каждый, своих патронов и клиентов.

Палата, со всеми партиями, министерство озабочены о форме правления с его претендентами. Провинциальное правительство озабочено об избрании депутата. Между избирателями то же разногласие и те же побуждения.

Избиратели, то есть все жители, — у каждого есть свой кандидат, от которого он получает или надеется получить ту или другую выгоду, а больше ни о чем он и не думает.

Кто же и когда думает о действительном управлении, о суде и правде, о распространении образования, о содействии промышленности? Кому случится, в кругу его деятельности, частной или общественной!

* * *

Но какое бы ни установилось правление во Франции — республика или монархия, консервативная или радикальная, монархия с белым знаменем или трехцветным, коммуна ли с петролеем, — французы все без исключения питают неутолимую жажду мести и не успокоятся до тех пор, пока не возвратят себе Меца и Страсбурга. Во всякую минуту они будут

готовы подняться, как один человек, на чей бы то ни было вдохновенный голос. Вот о чем должна бы была подумать или думать Европа!

* * *

Между тем как Германия воевала с Францией, под шумок итальянцы заняли Рим.

Вероятно, это право приобрели они нейтралитетом в отношении к Франции, которая осталась без малейшей помощи от Италии, несмотря на то что Италия ей собственно обязана своим освобождением. Вот и располагайтесь на благодарность политическую!

* * *

Занятие Рима, из-за которого столько было тревог, покушений, побед и поражений, который столько времени был средоточием политики, последовало теперь тихо и прошло почти не замеченное под громом версальских и парижских гранат.

* * *

Удивителен ход обстоятельств, приведших Виктора Эммануила в Рим и лишивших папу его светских владений именно в то время, когда провозглашался догмат его непогрешимости. Без грехов, да и без владений!

* * *

Непостижимо, как иезуиты, умные люди, — в этом должно ведь сознаться, — могли решиться на утверждение этого догмата вслед за другим о непорочном зачатии.

Неужели они убеждены в их истине?

Если б даже были убеждены, каким образом могли они думать, чтоб эти догматы, особенно последние, могли быть

приняты? Принятые каким-нибудь меньшинством, какую пользу могли б принести Церкви? А вред, раскол, для всякого беспристрастного, не только постороннего наблюдателя, очевиден. При таком множестве врагов Церкви в науке, и в государстве, в обществе, с чем было сообразно давать им новый повод, новую причину, к нападениям, к опровержениям?

* * *

Мудрено и понять процесс их мысли.

Теперешний папа безгрешен, а прочие были грешны?

От чего теперь именно стал он безгрешным?

* * *

Я говорил о затруднениях для нас становиться на западное место. Мы не можем никак понять, по духу христианской религии, что для папы необходима светская власть, а убеждены в том не только сам папа, иезуиты и все католическое духовенство, но и такие люди, как протестант Гизо и католик Тьер.

А как могут быть убеждены, спросим кстати, русские иезуиты: Гагарин, Мартынов, Балабин, о Печерине по крайней мере можно сказать, что этого нет, но почему же он остается под игом нравственным такой нелепости, не терпя оставаться под игом легчайшим нелепости вещественной?

* * *

В католичестве происходит сильный раскол.

* * *

Прекрасная перспектива открывается нашей Церкви, но она будто считает ее непринадлежащей к своей миссии. Судить не смею. Но почему же бы ей теперь вместо какого-то

страдательного участия в разных комитетах, комиссиях и собраниях не изложить торжественно своего учения, не преподать своего исповедания, без всяких околичностей: вот наши основания, вот наши уклонения и отступления, вот средство сближения, вот что может оставаться у вас без изменения, вот что оставляется на волю исповедующим и в чем не полагается существенного разногласия. Желающие пусть присоединяются, объятия отверзты, нежелающие — вразуми, благослови вас Бог!

* * *

Церковные несогласия и беспокойства увеличиваются в Германии больше и больше!

Интересы религиозные там, правда, ослабли, нигилистов развелось много, но церковная распря, столь неблаговидно возбужденная или ведомая правительством, может еще сильно волновать народ, приверженный к Церкви, а нигилисты и коммунисты рады ими воспользоваться для усиления его ненависти к правительству. Бисмарк, допустив или даже вызвав такое положение, ошибся в средствах. Государство увидело внутри себя людей, неподчиненных его законам. Как же оно могло допустить это? Отсюда распри и преследования. Разумеется, и противная сторона зашла слишком далеко, не умея найти среднего термина для умиротворения. Пусть бы лучше хоть бы продолжился спор, рассуждение в комитетах, собраниях, палатах, соборах, пока Бог послал бы кому светлую мысль, как кончить дело к обоюдному удовольствию.

И какую мизерабельную форму принимают распоряжения правительства? Епископы осуждаются за непослушание правительству, платят штрафы, пени. Недостает у них денег, и они ведутся в тюрьму. Каково понятие религии! Пастыри должны пещися о спасении душ, но они не могут выплатить штрафов, и за несколько талеров они отторгаются от своих паств, которые хоть умирай без их наставлений, — правительству до этого нет дела.

Представьте себе Филарета или Евгения, препровождаемых в яму, около часовни Иверской Божьей Матери!

Может ли быть какое-нибудь явление безобразнее этого? Архиереи в тюрьме за недоимку! Как вы растолкуете народу, что это наказание за какое-то непослушание? Непослушание со стороны тех, которые должны учить послушанию! Что за связь у непослушания с недоимкою? И главное все-таки недоимка! Архиерей не слушается и платит: заплати — и правительство успокоится.

* * *

Старокатолическая партия прилаживается несколько к правительству, но и у нее найдется много несогласного с его основаниями! Сами протестанты недовольны последними распоряжениями. Присоедините антагонизм католичества и протестантства, севера и юга, племен северных и южных, и наследственное нерасположение к Пруссии, которое по крови есть собственно только полунемецкое государство, заключая в себе много элемента славянского и литовского.

* * *

1874. Все газеты рассыпаются в славословиях мира: государи открывают свои палаты провозглашением желаний сохранить мир, министры обмениваются нотами о миролюбивых стремлениях своих правительств. Все это прекрасно, но кто запевает эту песню? Победитель, который, приобретя себе те и другие преимущества, овладев теми или другими сторонами, получив себе огромную добычу, разумеется, желает искренно удержать у себя все приобретенное, утвердить новый порядок вещей и наслаждаться в покое плодами своих трудов, законных и незаконных, — не рожна же желать ему больше!

Вот это часть моя
По договору.
Вот это мне, как льву, принадлежит без спору.

Вот это мне за то, что всех сильнее я.
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет.

А граф Мольтке торжественно объявляет, что надо еще полвека вооружаться, чтоб сохранить приобретенное в полгода. Какой же это мир? Мир хуже войны!

Но каково же слышать эти заверения тем государствам, которые лишились своих областей, своего значения, своих богатств? Ведь это должно казаться им насмешкой! Каково Франции слышать, что сильные соседи сговариваются недопустить ее до возвращения своих прав? Каково Австрии чувствовать потерю своего значения в Германии и областей в Италии и вторить чужому гимну? Каково германским государям, одним — разъехаться по квартирам, другим — попасть под опеку?

Да и России не совсем неприятно это siatu quo, которым связываются у нее руки. Из-за чего хлопотать ей о сохранении для других набранной ими добычи? Все эти толки о мире — пересыпание из пустого в порожнее, медь звенящая и кимвал бряцащий, до поры до времени: явись где-нибудь талант: Наполеон I, Кавур, другой Бисмарк, другой Гарибальди, и все опять заворочается. Лучше б молчать и думать каждому свою думу.

Надо вспомнить, под каким мирным знамением начался 1870 год: на небе не видать было ни одной тучки, а что произошло? Такой перетасовки не было во всей Истории. Хоть бы Пруссия молчала о мире, молчала о союзе с Россией и Австрией, которым, что б кто ни говорил, вероятно, нисколько не вожделенно такое сверхъестественное, неожиданное усиление Пруссии.

* * *

Дело Арнима представляет еще примеры доказательства, подобно делу Тьерову, как нам не только трудно, но и невозможно ставить себя на их место, даже понимать их отношения и взгляды.

Арним удержал у себя несколько государственных документов.

Спрашивается: на что, с какою целью было ему удерживать их? Если он хотел сделать из них какое-либо употребление, то не гораздо ли было ему удобнее, легче, безопаснее, сделать это употребление из копий, чем из подлинников? Он мог не отвечать ни за какое употребление, ибо документы могли быть списаны посторонним, неизвестным лицом, за которого взыскивать с него было нельзя: мало ли бывало таких случаев во всех ведомствах, во всех миссиях?

Это об Арниме, теперь о правительстве: зачем было нужно ему требовать документов таким скандальным образом? Если б правительство заявило только, что в канцелярии Прусского посольства в Париже, по удалении графа Арнима, не оказалось таких-то документов, то мне кажется, одним таким заявлением предупреждено было бы всякое злоупотребление, а правительство могло б остаться спокойным. Точно так же — двух слов со стороны императора было бы достаточно, чтоб граф Арним возвратил все, что имеет, или дал бы удовлетворительное объяснение и обещание. Но за такое дело, которое, по всей строгости закона, должно наказываться месяцем или годом ареста, подвергать насилию так высоко поставленное почетное лицо, как посол, представитель государя при двух важнейших дворах, обыскивать ночью, окружить стражей, даже сажать в тюрьму, а потом требовать сто тысяч талеров залога, воля ваша, это ни на что не похоже. Дизраэли справедливо заметил, что в Англии последний мещанин безопаснее в своем доме, чем важнейший государственный человек в Пруссии. Документы считались важными и тайными, а на суде их читали вслух, и оказывается, что в них нет ничего такого, что могло бы, даже оглашенное, повредить правительству или канцлеру, который, судя по иным, даже выигрывает больше, нежели проигрывает. Не хотел ли именно этого Бисмарк, чтоб сделались известны секретные его инструкции? Ну да он имел множество средств напечатать их, где и как угодно. Не следует ли он примеру

Алкивиада, который обрезал хвост у своей собаки, чтоб отвлечь внимание афинян от других дел и предметов? И этого неприметно. Никаких дел и предметов нет в наличности, от которых нужно бы отвлекать внимание.

Бисмарк хотел опозорить Арнима, чтоб он никогда не мог стать на его место. Такую низкую цель предполагать совестно, но во всяком случае процесс Арнима кажется пятном на управлении великого государственного канцлера и повредит ему много в общем мнении не толпы, но умеренных, здравомыслящих и благонамеренных граждан европейских. Спрашивать отставки после случайной неудачи в палате — опять знак, недостойный Бисмарка, который чуть ли не показывает, что он слабеет. Церковный вопрос увлекает его к крайностям весьма неблаговидным, и немудрено, что он производит озлобление. Католицизму не ужиться с протестантством, дошедшим до Штрауса в теории и до гражданского брака на практике. В газетах, как обыкновенно, идут дальше и говорят, что церковный брак есть прелюбодеяние (как некоторые из наших преображенцев), священник — притворщик и соумышленник. Девушку под венцом называют так, как до сих пор назывались обитательницы домов терпимости. Это pendant к афоризмам, что собственно есть кража. Не правда ли, что все понятия переворачиваются и поставляются вверх ногами? Вот до чего дошла цивилизация западная! Господи помилуй!

* * *

1875. Прискорбное зрелище представляет Испания (впрочем — какая же страна в Европе представляет утешительное). Лет 50 борются между собой партии: одни сидят, другие дерутся, толкуют, а вперед нет ни шагу. Чувствуешь цену и значение Наполеона I, который застал в таком положении Францию, взял в свои руки власть и успокоил надолго Отечество. Людовик Наполеон нашел дела в таком же положении и получил власть хитростью, которой под конец не-

достало, и повадился кувшин по воду ходить, там и голову положил. Но мы отвлеклись от Испании, с которой повели речь. Лет тридцать тому назад я сказал, а потом повторил несколько раз, что Испании предлежит начать новый период европейской истории федерацией. Никакое государство не представляет, кажется, столько удобств для этой формы, как Испания, в которой так резко разделяются и разлагаются: Кастилия, Арагония, Каталония, Андалузия, Эстремадура, Галиция, Бискайя и проч. Мысль эта возникла ныне в Испании, получила многих приверженцев, которые составляют значительную партию, находящую себе сопротивление в честных, благонамеренных, любящих Отечество доктринерах, продолжающих гоняться за величием, силой, влиянием политики, могуществом и не уразумевающих, что в наше время шубы из них шить нельзя. Но вот избран Альфонс. Посмотрим, будет ли он счастливее Амедея, который отнюдь не представлял меньше его залогов благородства, готовности на службу, на жертвы. Республика боролась с Дон-Карлосом, а Альфонс должен будет бороться с ним и двумя республиками: центральной и федеративной.

Если быть в Испании монархии, то уж лучше предоставить ее Дон-Карлосу, как вполне законному королю, точно как во Франции графу Шамбору. Шамбор хочет непременно белого знамени, заметим, кстати, а Орлеаны трехцветного: так почему бы, если за тем только дело стало, не устроить знамя с одной стороны белое, а с другой — трехцветное?

* * *

Во Франции приняты наконец конституционные законы и установилась Республика, но инкогнито: ни президент палаты депутатов, ни глава министерства не осмелились в своих речах произнести ее имя!

II. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

К Графине Б<лудов>ой о начавшейся войне

Вы хотите, чтоб я написал вам отчет о своем путешествии, особенно в отношении к славянам и современным вопросам. Но с какою целью буду я писать к вам этот отчет? Если не произвело никакого действия и пропало без вести мое донесение 1842 года, которое так великолепно и удивительно, даже для меня самого, паче чаяния, оправдалось и оправдывается последовавшими событиями, с нынешними включительно, то какую пользу может принести краткая записка? Но так и быть. Исполню ваше желание, как могу, второпях. Признаюсь, у меня самого давно уж порывалась рука, давно уж волновалась желчь при чтении иностранных газет. Западная логика выведет хоть кого из терпения: переведем на простой русский язык ее последние выходки.

Помиритесь с турками, говорит она России, вот примирительная нота, нами сообща сочиненная, примите ее, но с тем условием, чтобы вы не толковали ее статей в свою пользу, а во вред, против себя, а не для себя, под строгой ответственностью.

Или воюйте с турками, проливайте свою кровь, истощайте свои силы, побеждайте, но с тем условием, чтоб после победы вы отказались от всех своих выгод, не только настоящих, но и прошедших, полученных вашими предками, а предоставили решение нам, и мы устроим все ваши дела как можно полезнее для себя, а не для вас.

Каково положение предоставляется России и в мире, и в войне, и даже после победы! Мудрено выбирать! Не лучше ли желать нам уж поражения? Есть ли смысл не только политический, но и общий человеческий в этих предложениях? Нет, господа, по-русски понимаем мы дело так, что если вы предлагаете нам мир, то мы имеем полное право толковать его в свою пользу: никто себе не лиходей, а если воевать, так по крайней мере не даром, а работать за себя, а не за вас, для какого-то мнимого равновесия.

А каково рассуждают они об этом равновесии?

Франция отнимает у Турции Алжир; Англия присоединяет к своей Ост-Индской монархии всякий год почти по новому царству: это не нарушает равновесия, а Россия заняла Молдавию и Валахию, на время, по слову Русского Государя (кто же смеет ему не поверить), и все государства расшатались. Франция среди мира занимает Рим и остается там несколько лет — это ничего, а Россия, если даже думает только о Константинополе, в их собственном воображении, то все здание европейской политики колеблется. Англия объявляет войну китайцам, которые будто бы ее оскорбили: никто не имеет права вступаться в ее дела, но Россия должна спрашивать позволения у Европы, если поссорится с соседом. Англия разоряет Грецию, поддерживая фальшивый иск одного беглого жида, и губить ее флот — это действие законное, а Россия требует, в силу трактатов, безопасности миллионам христиан — это слишком усиливает ее влияние на Востоке в ущерб всеобщему равновесию. Австрийская империя погибает — все западные державы молчат и не опасаются, что равновесие без нее нарушится, пусть она погибнет, напротив, еще лорд Пальмерстон старается увеличить ее трудные обстоятельства, а мысль, что Турция лишится какой-нибудь своей области или султан ослабеет в верховных правах своих, заставляет Европу трепетать даже за себя.

Грустно, грустно смотреть на Европу. Что сделалось с нею? Как могло случиться, что отступничество, ренегатство, самое постыдное из человеческих действий, даже в частной

жизни, сделалось повсюду как будто a l'ordre du jour, без малейшего зазрения совести? По какому закону совершенствования могло случиться, что христианские народы, не краснея, становятся под ненавистным некогда знаменем Луны и празднуют его победы, даже выдуманные? Откуда такая симпатия к Магомету?

А впрочем, все стараются о мире и желают добра христианам. Поневоле вспомнишь об Иуде и об его лобзаниях.

И что сделала им Россия?

Не говоря о 1812 годе, годе спасения, от которого вся настоящая Европа ведет свое происхождение, в 1848 году — кто останавливал волны революционного потока, грозившего поглотить все, по собственному ее сознанию, и образование, и нравственность, и свободу, и науку, и искусство? Кто в 1850 году не допустил Австрию и Пруссию до междоусобной войны, которая могла привести на край гибели ту и другую, а вместе с ними и всю Европу? Пред началом нынешней войны сколько сделано было уступок, сколько дано отсрочек, сколько принято ограничений, сколько предложено ультиматумов и ультиматиссимов? Не служили ль все сии согласия, увенчанные полным принятием Венской ноты, не служили ль осязательным доказательством желания нашего сохранить мир?

А самые требования наши? Они были так умеренны, так стары, так просты, что только упорное сопротивление принять их сообщило им значение. И если б они были исполнены с первого раза, без дальнейшего рассуждения (как и была готова Турция, без происков Англии, судя по общим слухам), то, кажется, ни один листок не пошевелился бы на дереве в Европе, разве несчастные турецкие христиане вздохнули бы от глубины сердца об отсрочке спасения, но от этих потаенных вздохов положительная Европа, разумеется, не покачнулась бы на сторону и ни один ее вагон не выскочил бы из своих рельсов.

Кто же виноват в нарушении мира и в вызове опасностей?

Но мы заняли княжества?

Временное, условное занятие княжеств, принадлежащих нам почти наравне с Турцией, при торжественном обещании императора Николая, которому, повторяю, никто не смел не верить, после тридцатилетних доказательств справедливости и великодушия, не значило ровно ничего, кроме намерения иметь залог, намерения, вынужденного предыдущими обстоятельствами. Занятие должно было показать только, что мы предъявили наши требования, не шутя, и что миссия князя Меньшикова имела право на внимание со стороны Турции, не менее миссии графа Лейнингена.

Все это так ясно, искренно, естественно, осязательно, что, казалось, не имеет нужды ни в каких дальнейших пояснениях и доказательствах, но слепая ненависть и злоба ничего не понимают и понимать не хотят. Они видяще не видят и слышаще не разумеют.

Какая же причина этой ненависти?

Здесь я должен войти в некоторые подробности.

Есть две Европы. Европа газет и журналов и Европа настоящая. В некоторых отношениях они даже не похожи одна на другую. В настоящей Европе большинство думает о своих делах, о процентах и об акциях, о нуждах и удовольствиях и не заботится ни о войне, ни о мире, ни о Турции, разве в отношении к своим непосредственным выгодам. Остальное народонаселение, с журналами и газетами, можно разделить на три категории.

Одни ненавидят Россию, потому что не имеют о ней ни малейшего понятия, руководствуясь сочинением какого-нибудь Кюстина и двух-трех наших выходцев, которые знают свое Отечество еще хуже его. Церковь, во имя которой мы обнажили теперь меч, называется ересью, все учреждения считаются дикими, личность — беззащитною, литература — безгласною, и вся история — вчерашнею. На месте закона они видят везде произвол. Наше молчание, глубокое, могильное, утверждает их в нелепых мнениях. Они не могут понять, чтоб можно было такие капитальные обвинения оставлять без возражения, и потому считают их положительными

и истинными. Чему может она сочувствовать? Вот вред, происшедший от нашего пренебрежения общим мнением. Мы имели бы многих на своей стороне, если бы старались не только быть, но и казаться правыми.

Другие ненавидят Россию, считая ее главным препятствием общему прогрессу, быв уверены, что без России конституционные попытки в Германии и повсюду удались бы гораздо полнее; они думают, что и впредь на этом пути прежде всего встретится им Россия. Следовательно, всякое увеличение русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развития, для просвещения, и потому непременно, во что бы ни стало должно быть останавливаемо и уничтожаемо. Это взгляд так называемой левой стороны, которую следует вразумлять, что нам до нее дела нет, хоть на головах ходи, лишь только нас не тронь, пока сама не попросит нашего участия.

К третьей категории принадлежат различные выходцы, изгнанники, политические бобыли и пролетарии, которым терять нечего, радикалы, которые имеют целью только в мутной воде рыбу ловить. Они желают войны, какой бы то ни было, надеясь вызвать ею новые происшествия, новые столкновения, полезные для осуществления их замыслов, частных и общих. Между ними поляки и венгерцы удовлетворяют войной вместе и чувству личной мести. С этой категорией всякое объяснение бесполезно: она поймет только грозу и силу.

Наконец, действует против нас инстинкт зла, которое, естественно, ненавидит добро и как будто слышит себе грозу с Востока. Эта злоба безотчетная имеет для нас даже нечто утешительное, заставляя предполагать в себе большой капитал добра для нас самих, быть может, сокровенный.

Вот вам мнение о народах и массах. Литература играет в Европе жалкую роль: или невежество, или пристрастие внушает ее речи, преимущественно в продажных газетах и журналах, служащих отголосками партий или потакающих толпе из корыстных видов.

Правительства почти все против нас: одни из зависти, другие из страха, из личных побуждений. Даже Австрия, недавно спасенная нами от конечной гибели, объявляет себя только что нейтральной и во многих случаях, особенно судя по последним известиям, действует заодно с морскими державами.

Здесь я должен объяснить одно недоразумение, которое может встретиться при чтении моих прежних донесений: я говорил, что Австрия менее Турции имеет внутренней силы и залогов своей долговечности, а Австрия избавилась так блистательно от всех своих опасностей 1848 года и играет теперь такую важную роль в системе европейских государств. Нет ли здесь противоречия моим положениям? Нет, противоречия никакого нет, потому что Австрия погибла бы безвозвратно, распавшись на составные свои части, если бы не спасла ее Россия.

Россия спасла Австрию в 1850 году и спасает ее всякую минуту теперь: отнимите у венгерцев, итальянцев, славян мысль, что в нужном случае Россия вступится опять за Австрию, — и вы увидите, долго ли простоит она!

По сим причинам можно, кажется, говорить с ней несколько тверже и не считать ее нейтралитет особенным благодеянием, и если великий император России, на двадцать девятом году своего царствования, осчастливит своим посещением Ольмюц, то тамошний юноша не должен бы, кажется, предъявлять ему выгоды своей искусственной монархии, существующей, a la lettre, только по доброй воле его великодушного союзника, а предать ему себя и ее в полное распоряжение.

Может быть, я несправедлив к нему и пишу это под влиянием иностранных газет, которые приписывают ему какую-то самостоятельность, оскорбительную для русского, преданного своему Государю. Может быть, он исполнен сыновних чувствований к своему благодетелю, как и должен, но кроме его в Австрии есть еще правительство, есть дипломатия, есть бюрократия, враждебные искони России, знаменитые своим

предательством (как при Екатерине, так и при Павле, и при Александре), которым и должно открывать иногда глаза, чтоб не забывались.

Я остаюсь при своем мнении, и нынешнее путешествие утвердило меня в нем окончательно: союз Австрии с Россией еще противоестественнее союза Франции с Англией. Что это за союз, укажу на маловажный пример, если ни одной книги, ни одного номера газеты или журнала нельзя переслать из России в Австрию без величайшего затруднения, как будто б они были пропитаны ядом. Утвердиться России на Дунае Австрия всегда будет мешать больше, нежели даже Франция и Англия, потому что, приблизясь к Сербии, а следовательно и к ее Воеводине, Сирмии, военной границе, вообще к славянам, мы повесим над нею меч дамоклов. Так из чего же будем мы хлопотать? А пожертвовать для нее славянами — значит обрубать себе руки, увечить свое тело.

Впрочем, это все только предположения. Если вследствие предшествовавших обстоятельств Австрия есть наша союзница, то так тому и быть. Только conditio sine qua non, она должна быть союзницею верной, искренней и безусловной, в огонь и воду, не из новых выгод и расчетов, а с готовностью принести всякую жертву в случае нужды. При малейшем сомнении, подозрении или улике (коих, вероятно, ждать не будем долго) медаль должна перевернуться, ибо Австрию выгоднее иметь нам врагом, нежели другом, выгоднее во всех отношениях, даже без промена ее на Францию, которая может перейти на нашу строну, а с Францией и говорить нечего. Франция за Италию отдаст нам в распоряжение не только Австрию и Турцию, но пожертвует, без сомнения, и entente cordiale с Англией.

Скажут: правительство во Франции непрочно, и неизвестно, останется ли Бонапарт или возвратятся Бурбоны. По моему мнению, во Франции — Франция, с Бонапартом или Бурбоном, смотря по тому, кто пораньше встал да палку в руки взял. Мы можем внутренне, нравственно благоприятствовать более одному, нежели другому, но во внешнем обра-

зе действий подражать Англии, которая ублажает и Бонапарта, и Бурбона, и конституционную монархию, и радикальную республику. Да к тому же у французов внешняя политика не зависит никогда от образа правления, и в последнее время Республика, в эпоху своих оргий, действовала в отношении к единству Германии и Италии совершенно в духе старых преданий, как будто при Людовике XIV.

Но оставим возможности и обратимся к настоящему времени: кто же наши союзники в Европе?

Союзники наши в Европе, и единственные, и надежные, и могущественные, — славяне, родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере, а их десять миллионов в Турции и двадцать миллионов в Австрии. Это количество значительно само по себе, еще значительнее по своему качеству, в сравнении с изнеженными сынами Западной Европы: черногорцы ведь станут в ряду поголовно. Сербы также, босняки от них не отстанут; одни турецкие славяне могут выставить двести или более тысяч войска, и какого войска! Не говорю о военной границе, кроатах, далматинцах, славонцах и проч. Вот естественные наши союзники! Покажите им прекрасную, святую цель освобождения от несносного, иноплеменного ига, под которым они стонут четыреста лет, умейте управить их силами, живыми, могучими, восторженными — и вы увидите, какие чудеса ими сотворятся. Да сколько прибудет сил и у русского Самсона? Или дух его не в счет уж пошел?

Приезжай-ка Государь в Москву, на весну, отслужи молебен Иверской Божией Матери, сходи помолиться ко гробу Чудотворца Сергия да кликни клич: «Православные! за гроб Христов, за Святые места, на помощь к нашим братьям, истомленным в муках и страданиях, — вся земля встанет, откуда что возьмется, и посмотрим, будет ли нам страшен тогда старый Запад, с его логикой, дипломатией и изменою».

В отношении к туркам мы находимся в самом благоприятном положении, в которое поставили нас они сами, вместе со своими знаменитыми и премудрыми союзниками, по какому-то таинственному движению Истории, которая, видимо, хочет

чего-то другого, чем люди. Мы можем сказать: вы отказываетесь обещать нам искреннее, действительное покровительство вашим христианам, которого мы единственно требовали, уверяя вас несколько раз торжественно, пред лицом всей Европы, что мы не хотим ничего больше и не ищем никаких завоеваний; вы объявили нам войну и провозгласили уничтожение всех прежних трактатов для нового определения наших отношений, так мы требуем теперь освобождения славян, и пусть война, избранное вами самими средство, по собственному вашему желанию, решит наш новый спор.

Скажу даже вот что: если мы теперь не сделаем этого, не освободим славян, так или иначе, под нашим покровительством, то сделают это наши враги, англичане и французы, которые только того и ждут, чтобы мы оробели (о чем распространяются теперь слухи) и согласились заключить мир, то есть уступить, то есть отказаться от всякого влияния на Востоке, от миссии, нам предназначенной со времени основания нашего государства. Они сделают то, чему теперь мешают, потому что иначе вопроса решить нельзя, а теперешняя их роль ренегатов слишком позорна, и они столько умны, что побоятся оставить ее за собою в Истории. В Сербии, Болгарии и Боснии — везде между славянами они действуют и завели свои, западные партии, кои предсказал я, впрочем, за десять лет пред сим. Они развратят и освободят славян. Каково же будет нам тогда?

Да! Если мы не воспользуемся теперь благоприятными обстоятельствами, если пожертвуем славянскими интересами, если обманем их расцветшую надежду или предоставим их судьбу решениям других держав, тогда мы будем иметь против себя не одну Польшу, а десять (чего только враги и желают, о чем и заботятся), — и Петровы, Екатеринины высокие предположения и предначертания — простите на век! Имея против себя славян — и это будут уже самые лютые враги России, — укрепляйте Киев и чините Годуновскую стену в Смоленске. Россия снизойдет на степень держав второго класса, ко времени Андруссовского мира, поруганная и осрамленная не только в глазах современников, но и потомства, не умев исполнить

своего исторического предназначения. Самая великая и торжественная минута наступила для нее, какой не бывало, может быть, с Полтавского и Бородинского дня! Если не вперед, то назад — таков непреложный закон Истории.

Неужели назад? Неужели это случится в царствование императора Николая за его неутомимую и беспримерную, после Петровой, службу Отечеству в продолжение тридцати почти лет, от раннего утра до позднего вечера, без отпусков, болезней и промежутков? Нет, этого не будет, и Бог его и нас с ним так не накажет. С ним не пойдем мы назад. Нет! Благородное, великодушное русское сердце его чует, и мы все это видим, какие две страницы, не в пример другим, предоставлены ему в отечественной Истории! Неужели променяет он их на ту, где было б сказано: Петр основал владычество России на Востоке. Екатерина утвердила, Александр распространил, а Николай предал его Западу. Нет! Этого не может быть, и этого не будет во веки веков. Аминь.

Боже, Царя храни!

....*

1853 г.

7 декабря.

Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии

Есть политика, которая действует во тьме и состоит из тайн; есть дипломатия, которая имеет целью, по отзыву, кажется, Талейрана, закрывать мысли словами, а не открывать их; но есть и здравый смысл, который судит о делах мира сего, не мудрствуя лукаво, и старается приводить все соображения к простой формуле: дважды два — четыре.

Нам Бог дал особый вид здравого смысла, который выразительно называется у нас «толком» и не имеет синонима ни

* Под одною из этих двух страниц разумелось освобождение крестьян от крепостной зависимости.

на одном европейском языке. Вот к этому чистому русскому толку я и обращаюсь, предлагая свои мысли о нашей политике в продолжение нынешнего столетия.

Найдется в них дельное, пусть употребится по усмотрению; окажется, что не дельное, пусть отбросится в сторону, а я, как русский человек, как верноподданный, как старый служитель Истории, хочу исполнить свой долг.

Нынешнее столетие* открылось, а прошедшее кончилось помощью императора Павла австрийцам против властолюбивых притязаний Французской республики и освобождением почти всей Италии. Дальнейшие успехи Суворова и намерение поразить революцию в Париже остановлены предательскими мерами Венского кабинета, как теперь документально известно.

Император Александр, по восшествии своем на престол, два раза посылал свои войска спасать Австрию (1805) и Пруссию (1806) против Наполеона.

Наконец, отразив в 1812 году его нападение, вместе с сими союзниками, на Россию, он продолжал войну далее и избавил Европу от ига Наполеонова походами 1813 и 1814 годов. На Венском конгрессе были восстановлены все разрушенные престолы и возвращены государям все владения, коих они были лишены прежде. Австрия и Пруссия, совершенно расстроенные и низложенные Наполеоном, обязаны были преимущественно императору Александру за возвращение им прежнего значения в системе европейских государств.

С ними заключил он тройственный Священный союз — жить братски, помогать друг другу всеми силами и защищать установленный порядок.

И с 1814 года Россия стала как будто на стражу этого порядка: содержа целый миллион войска, для самой почти ненужного, она готова была останавливать все покушения ниспровергнуть или поколебать его, где бы и как бы они ни обнаруживались. Сорок лет миллион русского войска готов был

* XVIII столетие могло бы доставить нам много поучительного, но мы оставим пока эти дела давно минувших дней.

лететь всюду: в Италию и на Рейн, в Германию и на Дунай. Императоры Русские, сами священной своей особою, скакали на перекладных, как фельдъегери, в Троппау и Лайбах, Верону и Вену, а о Берлине говорить нечего, чтоб как можно скорее и действительнее доставить свою помощь и успокоить любезных союзников. Никаких трудов и стараний они не щадили, а употребленных миллионов русских денег и счесть трудно.

Усилия наши увенчивались, казалось, полным успехом, в принятом смысле, особенно в отношении к Австрии, Пруссии и Германии, и, несмотря на страшное потрясение 1848 года, их престолы устояли, а через несколько времени утвердились даже крепче. Опасение, что Россия сзади готова наперетъ своею массою, останавливало самых отчаянных республиканцев от крайних мер и давало время другой стороне переводить дух, отдыхать, оправляться.

Но кроме нравственной пользы она приносила помощь действительную. В 1849 году Австрия приведена была на край погибели вследствие Венгерского восстания. Двести тысяч русского войска принудили венгерцев сдаться, и Австрия была спасена. В 1851 году Пруссия и Австрия, вследствие происков партий, готовы были начать междоусобную войну, которая неминуемо бы привела обеих на тот же край погибели, вместе с Германией, и двести тысяч русского войска, готовые стать, по знаменитому слову императора Николая, против первого обнажившего меч, остановили пагубное кровопролитие.

Действуя так в отношении европейских государств, Россия сама старалась наблюдать и показывать как можно более бескорыстия, и в 1840-м спасла она Константинополь от покушения египетского паши; в 1848 году, когда вся Европа была поставлена вверх дном, Россия *не ступила ни одного шага* для распространения своих владений, доказывая тем очевидно *великодушие* своей политики, в коей наше правительство поставляло как будто всю свою честь и всю свою пользу.

Этого мало — она готова была ко всяким уступкам и в 1846-м предоставила Австрии во владение один из важнейших европейских пунктов — Краков.

Она простирала свою снисходительность до того, что старалась всеми силами избегать даже малейшего повода к недоразумениям или подозрениям и приносила в жертву все свои самые дорогие, кровные интересы, отказываясь от священнейших чувствований. Все для европейского порядка, который был, кажется, высшею, единственною ее целью. Тридцать миллионов народа славянского, ей соплеменного, связанного с ней теснейшими узами крови, языка и религии, было оставляемо почти без малейшего участия в их горестной судьбе, на жертву всем истязаниям, из коих турецкие были самые легкие — единственно потому, чтоб эта помощь и это участие не произвели какого-нибудь смущения, неприятного чувства в союзных державах, преимущественно в Австрии. Даже ученые русские путешественники не получали почти никакого пособия со стороны русского правительства и должны были прибегать к чужим миссиям за содействием к их трудам на пользу науки. Вот до какой почти унизительной степени доводима была дипломатическая деликатность, особенно в отношении к Австрии и Пруссии!

Казалось, эти два государства, обязанные, так сказать, своим существованием России, осыпанные несметными благодеяниями, избавленные, по нескольку раз, от конечной погибели, получавшие беспрерывные доказательства родственной дружбы и приязни, должны были быть привязаны к России самыми тесными узами, готовы для нее на всякие пожертвования, коими могли б хотя несколько выразить свою благодарность, должны б почитать за особенное счастье всякий случай оказать ей малейшую услугу.

И что же? Поверит ли История совершающимся пред нашими глазами событиям?

Возникнул у России спор с Турцией по поводу несчастного состояния христиан на Востоке, которое, не улучшаясь нисколько, несмотря на обещания самые торжественные, возбудило наконец справедливое сострадание в сердце Русского Государя, и он потребовал подтверждения их старых прав, купленных русской кровью еще в прошедшем столетии. Требования эти были самые умеренные и легкие, в сравнении с

беспрерывными требованиями, по местам, европейских консулов, и ничтожные в сравнении с теми, кои предъявляют теперь Франция и Австрия.

Но в прошлом году они показались морским державам стесняющими власть султана (стесняющими власть султана — История! что ты скажешь на это опасение первых христианских держав XIX столетия?), и они ободрили турок отказаться от их исполнения, послали им флот на помощь. Русский Государь повелел занять княжества, зависящие, впрочем, от России, в подкрепление своего требования, объявив торжественно, что он не хочет завоеваний и очистит занятые области, лишь только исполнятся первые его условия.

Австрии и Пруссии стоило присоединить *одно* твердое *слово* о согласии с Россией к этому занятию, и все требования России, без сомнения, были бы исполнены, морские державы притихли б и одумались, мир не нарушился б, и Европа осталась бы спокойной.

Собственная польза их, особенно Австрии, того требовала, как мы докажем после, чтоб они сказали это слово.

И этого слова ни Австрия, ни Пруссия в ту минуту, когда происшествие подвергалось, так сказать, своему кризису и зависело почти от их содействия, сказать не хотели за Россию, ободряя своей видимой нерешительностью, а может быть, и еще чем-нибудь более, к противодействию!

Никакими словоизвитиями, никакими софизмами, никакими нотами никогда не могут они оправдаться в этом простом, ясном и непреоборимом обвинении, которое легло на их голову во веки веков, — в дополнение к прочим, коим изобилует Русская История.

С самого начала переговоров Австрия твердила беспрерывно о целости и неприкосновенности Оттоманской империи, которая сделалась столько драгоценной для европейских государств и европейского прогресса, и поставила непременным условием своего нейтралитета, чтоб мы не шли вперед, как будто б русское войско можно легко приучить к такой тактике, — условие, в сущности равное объявлению войны.

Этого мало. Последующими своими действиями, судя по отзывам самых официальных, следовательно сведущих, лиц, каковы император французов в своем послании к палатам и английский министр иностранных дел в своей парламентской речи, австрийский посланник в Париже, который на публичных балах объяснял свою политику, и принц Прусский, который искал своей популярности выражением неприязни к России, — судя, говорю, по сим отзывам, даже после безусловного принятия русским императором Венской ноты, Австрия и Пруссия явно показывали, что склоняются гораздо более к врагам России, чем к ней, и тем *определили наступательный образ их действия*.

То есть Австрия с Пруссией, выбирая между двумя сторонами, России, с одной, и Англии с Францией — с другой, выбрали сторону Англии с Францией, которая не только не думала об ее спасении в 1849 году, но, напротив, старалась всеми силами разжигать, везде где могла, пламя бунта, приняла потом под свое покровительство ее врагов и изгнанников, оказала им возможные пособия как у себя, так и в Турции, и даже устроила им все нужные лаборатории для продолжения их замыслов, — Австрия приняла эту сторону и оставила сторону России, своей благодетельницы и избавительницы.

Это еще не все. Становясь на сторону Англии с Францией против России, она становилась, вместе с своим титулом апостоличества, на стороне Магомета против Христа и должна была готовиться на помощь Корану против Евангелия. Вот даже что не испугало ее, вот даже на что решилась она, *лишь бы только не принести какой-нибудь, хоть отдаленной, хоть неизвестной, хоть отвлеченной, пользы* России, несмотря на торжественные обещания своего благодетеля.

Отдаленная, отвлеченная польза России и союз с отъявленными своими злодеями, помощь заклятым врагам Империи (Reichsfeind), победа магометанства — вот какие две стороны предоставлялись ей на выбор, и она не усомнилась выбрать последнюю.

За Австрией последовала Пруссия, за Пруссией Германия.

С врагами, со злодеями, с Магометом, лишь бы не с нами!

Как объяснить эту сверхъестественную злобу? Как объяснить такое непостижимое ослепление?

Русский Бог затмил их очи!

Господи! со слезами на коленях благодарим Тебя! Никакого благодеяния не мог ты оказать нам больше. Какие потери ни ожидали бы нас впереди, какие поражения, тяжелые для нашего народного самолюбия, ни готовила б для нас предстоящая война, но Ты оказал уже нам милость свою выше всякой меры: Ты избавил нас от наших друзей, а с врагами разделаться пособит нам и старый наш помощник, Николай Чудотворец.

Если б Австрия и Пруссия поступили чуть-чуть поблагороднее, почеловечнее, даже поумнее, великодушный Русский Государь остался бы опять на их службе, и опять наши войска должны бы были быть всегда наготове, чтоб лететь на Рейн и Дунай, в Германию и Италию, в помощь любезных союзников, которые теперь показали нам своекорыстную свою натуру во всем безобразии.

Шварценберг, незадолго пред смертью, говорил, что Австрия удивит мир своей неблагодарностью, и точно она удивила — только незнакомых с ее натурою, а мы не ожидали ничего лучше!

Каково было великодушному, благородному, рыцарскому сердцу Русского Государя перенести этот удар в самое чувствительное место?

Вот горький плод пятидесятилетней русской политики со всеми ее жертвами, благодеяниями, услугами, любезностями в отношении к Австрии, Пруссии и Германии! Вот чем их государи отблагодарили своего отца и покровителя при первом открывшемся для них случае оказать ему какую-нибудь маловажную услугу!

Прочие европейские государи объявляют себя также против России, более или менее. Ни один голос не раздается в ее пользу. Даже неаполитанский король, угощенный нами

так радушно и блистательно, когда мы у него были в гостях, даже неаполитанский король предлагает свои услуги морским державам; датский волей или неволей служит им; шведский скрывает, может быть, более опасные замыслы. Наконец, о верх посрамления! Испанская королева Изабелла хочет непременно иметь представителя в турецком лагере, и генерал Прим со своим штабом отправляется на сцену военных действий?

Итак, русская политика в отношении к европейским государям, которые все становятся против нее, оказалась очевидно несостоятельной и, следовательно, с этой стороны не принесла нам ничего, кроме вреда.

Но не оказала ли она последствий более благоприятных со стороны народов?

Народы возненавидели Россию, и теперь русскому почти невозможно путешествовать, не подвергаясь самым чувствительным оскорблениям, кои не знают никаких границ.

Народы видят в России, с ее могуществом, главнейшее препятствие к их развитию и преуспеянию, злобствуют за ее вмешательство в их дела, замечая только неприятную ее для себя сторону, и с радостью ухватились теперь за первый открывшийся случай сколько-нибудь поколебать ее. Вот почему со всех сторон Европы, из Испании и Италии, Англии, Франции, Германии и Венгрии, стекаются офицеры и солдаты не столько помогать Турции, сколько вредить России. Европейцы управляют движениями войск турецких, строят крепости, служат на кораблях, начальствуют пароходами, учреждают фабрики для огнестрельных орудий. Журналы и газеты истекают желчью, книги устремляют на нас тяжелую свою артиллерию, и вот составился легион общего мнения против России в дополнение к враждебным флотам и армиям.

Я не стану теперь разбирать, сколько здесь есть справедливого и точно ли виновата Россия в приписываемых ей видах и возводимых на нее преступлениях. Довольно, что она сделалась ненавистной для народного большинства в Европе, — и вот второй, не горький, а горчайший плод русской политики в последнее пятидесятилетие.

Нам остается теперь сказать несколько слов о самом ее начале (principe), об этом так называемом *законном порядке*, во имя которого она действовала так долго, с таким напряжением, с таким самопожертвованием и с такой несчастной наградой, как мы сейчас видели, со стороны правительств и со стороны народов.

Поддержали ль мы, согласно с нашею целью, законный порядок в Европе?

Нет! И в этом отношении мы имели успех только временный и местный, который почти везде кончился оптическим обманом. Пересмотрим все европейские государства, и мы увидим, что они делали, кому что угодно, несмотря на наши угрозы, неодобрения и прочие меры.

Португальцы не захотели признать Дона Мигуеля и прогнали его, а на престол свой возвели малолетнюю дочь Дона Педро.

Испания точно так же поступила, после продолжительной кровопролитной войны, с Доном Карлосом и на престол свой возвела малолетнюю дочь Фердинандову.

Вздумалось *Франции*, и она изгнала Карла X, а объявила королем Людовика Филиппа, потом прогнала и его. Вздумалось ей объявить себя республикой, и никто не посмел с ней спорить. Вздумалось ей сделать новую перемену, и вместо республики учредить у себя империю, — ту империю, которую союзные монархи именно уничтожили, — и вот Наполеону III (в самом имени новое для них оскорбление) они должны были предоставить титло друга и брата.

Бельгия решилась (по проискам Англии) отделиться от Голландии, и она отделилась, составив особое королевство, а союзные державы имели честь только подписать протокол в Лондоне.

Восстали *греки*, и вот основалось новое королевство, которому Европа имела только премудрость назначить немецкого короля, как будто в самом деле уже без немцев не было спасения.

Даже *Швейцария* делала и делает, что хочет.

Вот сколько политических событий, совершенно противоположных духу Венского конгресса и совершенно не согласных с целями русской политики.

Где собственно имели мы успех, где получили мы награду за свои старания, где видели мы исполнение своего начала?

Только в Австрии, Пруссии и Германии. Россия, с миллионом войска, в продолжение сорока лет, стояла у них на границе, как будочник, и содействовала точно к сохранению порядка у них, себе на голову, как теперь оказалось. Впрочем, и этот успех нельзя принимать совершенно безусловно: он подвергался большим ограничениям, а именно: в Германии произошли везде значительные преобразования, в Австрии совершилась революция, и император Фердинанд должен был уступить свою корону, и даже не по законам старшинства, не брату, не старшему племяннику, а младшему племяннику, Францу Иосифу — революция, подобная Июльской, когда французы вместо престарелого Карла X, ими изгнанного с внуком, избрали герцога Орлеанского. Австрийские аристократы исполнили свою революцию, только гораздо тише, не площадным, а семейным образом, предоставив оставленному императору Пражский дворец со всеми почестями.

В Пруссии народ вытребовал себе конституцию и прикоснулся даже к особе короля, но удержался от дальнейших неистовств, опасаясь России.

Итак, вот результаты нашей политики! Правительства нас предали, народы возненавидели, а порядок, нами поддерживаемый, нарушался, нарушается и будет нарушаться. Следовательно, политика наша была не только для нас вредна, но и вообще безуспешна.

Но будем справедливы. Мы рассмотрели, под влиянием настоящих прискорбных и тяжелых для русского сердца впечатлений, только дурные ее следствия преимущественно для нас. Но не может же быть в великой экономии Истории, чтоб сильнейшее государство в мире под управлением славных государей в продолжение целого столетия тратило лучшие свои силы совершенно по-пустому! Верно, так должно было! И дей-

ствительно, кто поручится, чтоб без воспоминания о России и ее образе мыслей общественный порядок во Франции, в эпоху ее республиканского неистовства, совершенно не погиб, вместе со всеми плодами новой цивилизации, наук и искусств, и собственность не предалась грабежу; кто поручится, чтоб не был тогда воскликнут всеобщий шарап!

И если б это случилось во Франции, то вслед за нею, исполненная страстей Италия представила б, наверное, такие явления, каким удивились бы и средние века. А в Германии разве большинство менее обнищало и ожесточилось, дальше находилось от неистовства? Вспомнить Франкфуртские и Венские явления. Последствия необозримы. Страх объемлет сердце. Кто поручится, что замахнувшаяся рука везде не ослаблялась бессознательной мыслью о северном колоссе, готовом остановить ее порыв и покарать преступников.

Не станем же раскаиваться в наших трудах, наших жертвах, наших усилиях. Признаемся в настоящем нетерпении или даже осудим его за то, что оно осмеливается находить недостатки в прошедшем или обвинять оное.

Русские намерения растолкованы в дурную сторону Европой — не ей в честь, то Богу в честь, утешимся нашей пословицей.

Это служба, сослуженная Россией Европе бескорыстно и даже без занесения в формулярный список, исполнение судеб исторических, за которую и воздаст нам должное беспристрастная История.

Будем справедливы и ко всем действовавшим лицам. Намерением освящается действие. Они были убеждены в святости своей цели, и мы должны почтить благородство их убеждений, точно так и они должны в свою очередь согласиться с нами, что их миссия кончена и начинается другая.

Во всяком случае мы остались и не без настоящей пользы и награды. Мы сделали драгоценные опыты, и для такого молодого государства, как Россия, у которого впереди столько будущности, за подобные опыты жалеть не должно ничего, лишь пошли бы они впрок: мы узнали своих друзей. Русак

задом умен, говорит пословица, и всяк своей бедой ума себе прикупит, говорит басня. Наверно, мы будем теперь умнее и, крывши столько времени чужие крыши, подумаем наконец и о своей.

Здесь я кончу мое письмо, и в заключение, для ясности, повторю вкратце главные мои положения и выводы: Россия пятьдесят лет служила Европе. Политика ее возбудила против нее слепую ненависть народов и доставила ей черную неблагодарность государей, вольную или невольную, это в итоге для нее все равно. Касательно законного порядка, он сохранился, и то только отчасти, в смежных государствах, к новому для нее вреду, — следовательно, политика ее была неверная и должна перемениться, хотя для Европы она была, может быть, спасительна, если не популярна, и доставила императорам Александру и Николаю лестное право на историческое титло европейских благодетелей.

1854 г.
В апреле.

Взгляд на отношения враждебных России государств

Мы обозрели прошедшее и видели, в каких отношениях находилась Россия к европейским государствам в продолжение текущего столетия; обратимся к настоящему и посмотрим, в каком отношении к нам они теперь находятся.

Турция, Франция и Англия объявили войну России. Австрия и Пруссия, видимо, держат их сторону, а невидимо, может быть, и более, и присоединятся к ним при первом нашем положительном успехе, следовательно, их можно уже считать против нас. Прочие государства более или менее, волей или неволей им содействуют, а Швеция, вероятно, даже и с удовольствием. Общее мнение европейское против нас! Вот наши враги.

Рассмотрим их средства, выгоды и невыгоды, намерения и дела.

Начнем с Англии как главной виновницы войны.

Лорд Редклиф, принудив турок отказываться от исполнения требований князя Меньшикова, положил, так сказать, основание войны, подал повод, завязал узел.

Было ли с самого начала намерение Англии начать войну или только она хотела принудить Россию к некоторым уступкам, вследствие неверных сведений или предположений о нашей робости, нерешительности и неготовности, нельзя сказать наверное.

Наверное, можно сказать только то, что Россия желала войны всех менее, какие бы виды она ни имела в будущем. Россия вела даже как будто тильзитские переговоры во все продолжение 1853 года, и мы с часу на час ожидали Тильзитского мира английского издания. Тильзитским миром назвал бы я следующий: очистить княжества, удовольствоваться вместо фирмана и сенеда другой вокабулой турецкого лексикона и получить округление границ в Азии pour sauver les apparences, подобно как по Тильзитскому миру французского издания мы получили Белостокскую область.

Такой мир, как бы он ни был в прошедшем году тяжел для нашего самолюбия и унизителен, но все-таки мог утешить нас воспоминанием, что за Тильзитским миром 1806 года вскоре следовал 1812 год. Мы могли быть уверены, что Европа, лишь только Россия сняла бы с нее свою покровительственную десницу, подверглась бы в продолжение первых десяти лет величайшим смутам, начиная с Австрии, которая получила б первая наказание за свое вероломство, потом в Италии, Германии, Франции, — и мы успели бы делать на Востоке, что нам угодно. Но теперь невозможен уже и Тильзитский мир, с которым, видно, соединяется сплошь 1812 год: в продолжение переговоров завязался узел, и старания развязать его только что затягивали его крепче и крепче, о чем будем мы говорить после. Это особая сторона событий.

Как бы то ни было, теперь Англия и Франция хотят войны непременно, во что бы то ни стало.

Если б они не хотели ее, то не говорили б, без всякой нужды, с таким ожесточением о России и Государе, не старались бы очевидно задирать его, как будто опасаясь, чтоб он не уступил и не лишил их предлога, вызывая непременно его сопротивление, ставя его в такое положение пред Россией и Европой, что он не может никаким образом податься назад. (Упрекая нас в желании войны, они, по пословице, сваливают с больной головы да на здоровую.)

Для чего же они хотят войны?

Для того, чтоб поддержать Турцию, как говорят они, — это есть нелепость. Их посланники, их путешественники, их ученые представляли им, в продолжение даже последних двадцать лет, множество доказательств, что Турция умирает и что оживить ее нет никаких человеческих средств. Следовательно, желание поддержать Турцию есть предлог, но отнюдь не цель.

Они хотят войны для того, чтоб унизить Россию и ослабить ее влияние на Востоке. Положим, это желание они имеют, но все-таки, более или менее, отдаленное и неизвестное, польза не прямая, не положительная! Вероятно ли, чтоб для такой неопределенной цели они решились на такие усилия, жертвы и опасности? Какое сравнение выигрыша с проигрышем и даже с одними расходами?

Они хотят поддержать равновесие. Но почему же они оставляли погибать Австрию, империю в 35 миллионов, а не 10? Мнимое равновесие должно бы, кажется, нарушиться от ее уничтожения гораздо ближе, чем от уничтожения Турции, и они не только не старались предотвратить оное, но и делали все нужное для ускорения катастрофы. Впрочем, о нелепом равновесии говорить долее нечего: в четвертом письме представлено несколько примеров, как англичане и французы понимают равновесие.

Следовательно, должны быть у них в виду какие-нибудь важные и положительные причины. Наши посланники, парижский и лондонский, вероятно, знают их более или менее и до-

несли о них в свое время нашему правительству, равно как и о составлении этого союза Франции и Англии, ибо не в одних же передачах нот состояли их обязанности.

Мы можем судить об этих причинах только гадательно.

Предложим же наши гадания.

Не хотят ли Франция и Англия занять Константинополь вспомогательными войсками, овладеть Дарданеллами, затеять ссору с турецким правительством, объявить о невозможности его поддерживать, провозгласить уничтожение Порты, объявить славянские и прочие государства свободными, с какими им угодно конституциями, сделать Константинополь вольным городом, поделить между собой Азиатскую часть, Египет, острова и прочие владения, открыть Черное море для всех народов — и предложить, пожалуй, какую-нибудь частицу нам и Австрии с Пруссией? Таким образом, они скинули бы с себя и ту поносную роль в Истории, которую они до сих пор принимали.

Говорят, Англия и Франция не могут не поссориться при дележе. Будто не могут? Да неужели они, заключая между собою союз, решаясь на такие пожертвования, употребляя такие силы (французы, может быть, последние), не определили всех возможных обстоятельств в предстоящих делах, не предусмотрели всех случайностей и оставили что-нибудь, даже второстепенное, в неизвестности? По какому праву припишем мы им такую недальновидность? Без сомнения, у них решено все предварительно, и без такого решения они не могли сделать ни одного шага. Поссориться могут матросы или офицеры, но не два государства при таком великом деле.

Если бы такой план был у союзников, чего оборони Боже, то к нам можно б было приложить пословицу: в глазах деревня сгорела.

При таком ходе дела Австрия увидела бы свою ошибку, поняла бы, что она попалась из огня да в полымя, но сделать ничего не могла б, и ей оставалось бы только заботиться о сохранении своих славян, которые, разумеется, вскоре последовали бы за турецкими.

Турецкие славяне влекутся издавна сердцем к России. Они сочли бы себя на первое время одолженными России, как начавшей борьбу, но своя рубашка к телу ближе, и они рады будут получить свободу от кого бы то ни было: они будут готовы защищать новый порядок вещей даже и против России.

Да и за что и с кем тогда воевать России?

Это, кажется, единственный выгодный для них, благовидный для Истории, полезный для Европы, разумеется, с европейской, а не с русской точки зрения, план, которого некоторые черты предполагал я еще в донесении 1842 года. В последнее время, недели две, эта мысль давила меня, как домовой, и не давала мне спать: впрочем, и теперь я не совсем еще от нее освободился, хотя из всех действий Англии и Франции, из всех речей, произносимых в собраниях, нет ни малейшего повода к предположению подобного исхода: не заготовляются никакие выражения, там и сям, кои можно было бы впоследствии напомнить и коим можно б было придать новый смысл, не избегаются случаи к подтверждению первой объявленной цели, принимаются такие торжественные обязательства по отношениям к Австрии и Пруссии, с такою силою и убеждением отклоняются мысли о завоеваниях и распространении владений, и вообще все дело ведется так, что Турция непременно должна существовать в намерениях союзных держав, и всякая перемена в их политике представилась бы после, несмотря ни на какие блистательные результаты, таким вопиющим обманом, что мудрено допустить наше предположение. Главное — все уверения морских держав почти ведь и не нужны; без них обойтись они могли бы, следовательно, они не были бы деланы, если б действительно была у них вышеописанная цель.

Второе предположение.

Англия хочет войны для того, чтоб в мутной воде рыбу ловить по наследственному постоянному правилу ее политики, признанной за нею всеми европейскими народами с историками и учеными во главе. Может быть, по ее расчетам, в коих едва ли кто с нею в состоянии состязаться, оказывается

необходимость в перетасовке собственных капиталов, в произведении новых потребностей у прочих держав, в устроении новых отношений на Востоке, в ослаблении или напряжении даже самой Франции, в уничтожении морской силы России, и тому подобное. Повторяю, это ее расчеты, на кои она мастерица и кои никто обнять вполне не может. Она, может быть, сочла все возможные барыши и все возможные убытки и решила, что теперь выгоднее воевать, нежели оставаться в покое, и обманула так или иначе любезного Наполеона, завлекши его с собой в роковую войну*.

Но ведь и он не промах. Если не вышеописанные виды имел он, начиная войну, то все же имел он какие-нибудь другие, не менее важные: ибо он решился в эту войну ставить на карту не только корону, но, может быть, и жизнь свою. Какие же виды может иметь он? Разумеется, не английские, не мутную воду, потому что его обстоятельства совершенно другие.

Не обманывает ли он Англию, племянник своего дяди, одолженный всем своим бытием его тени, а тот проклинает Англию, вероятно, и на том свете. Не хочет ли он довести ее до крайности, не хочет ли он привести дела в такое положение, чтоб сделаться главным лицом и иметь в своих руках ключи положения, чтоб предложить тогда, разумеется, на выгодных для себя условиях, соразмерных со своею услугою, союз России, оставленной всеми союзниками, раздраженной и находящейся все-таки, несмотря на ее великие силы и средства, в трудных обстоятельствах? То есть Наполеон III набивает себе цену в глазах России. Вот была бы штука, вот просветлела бы тень Наполеона, вот захлопали бы в ладоши французы, вот разинули бы рот немцы, вот протянули бы длинные свои фигуры англичане! На первую минуту много было бы радости в Европе, но на вторую минуту мысли, что Россия с Францией в союзе, заставили бы покинуть все мудрые головы.

---

* Написав это, я услышал о брошюре нашего знаменитого публициста Г. Тенгоборского, который цифрами доказывает такое предположение.

Нет, это мечта, которая, впрочем, на несколько времени имела за собою много не только привлекательного, но даже и вероятного. Действия Наполеона, слова, речи в последнее время, становясь крепче и крепче, яснее, положительнее и положительнее, не оставляют мысли о подобной развязке. Какие бы виды он ни имел, но он идет с Англией, а какие это виды, угадать можно еще менее, чем виды Англии.

А если действительно они не хотят больше ничего, кроме того, что объявляют, — и каких-нибудь второстепенных приобретений и преимуществ?

Тогда должно сказать только, что Бог их ослепляет и ведет на казнь, более или менее жестокую. Турцию они не восстановят, потому что она сгнила; иметь ее у себя на содержании они не могут, потому что самим содержаться в образ; христиан уравнять в правах они не могут, потому что судьей все-таки остается турок, который слушать-то будет христиан, но решать по-турецки; России унизить и ослабить они не могут, ибо даже потеря флотов, потеря нескольких гаваней, нескольких корпусов может только на время ее остановить, но не более, а дружба христиан, то есть славян, которые останутся на ее стороне, разумеется, при умении обходиться с ними, после даже неудачной ее борьбы, всегда даст ей средства решить дело иначе. А они висят на волоске! Не говорю о буре, которая рассеяла непобедимую армаду Филиппа II, но суворовская победа теперь над тремя турецкими корпусами, стоящими порознь, до прибытия вспомогательных войск, французского и английского, общее восстание славян могут поставить их в такое положение, что давай Бог ноги. Неужели этого не было у них в предположении всех возможностей и случайностей?

А сверх того, какова еще перспектива в Истории? Следовательно, кроме сверхъестественного ослепления, нельзя будет объяснить иначе рокового их союза и похода.

К числу их явных ошибок или недоразумений все-таки мы должны причислить, что славянского движения и его возможности они не понимают, не могут взвесить, и следова-

тельно, при своих политических вычислениях, подвергаются большим ошибкам, остающимся в нашу пользу, если мы, в свою очередь, *будем уметь употребить их*.

Что они не понимают славян, так это мы видим и на том, что они даже греков не проникли, греков, которые находятся отчасти под их властью и вообще под надзором и наблюдением: они не предполагали восстания. Австрия вместе с Турцией находятся на краю бездны, а все-таки не понимают славян; *да и мы едва ли можем похвалиться пред ними ясновидением*. Следовательно, на всякого мудреца бывает и простота!

Перейдем теперь к любезной Австрии, любимице Суворова, Кутузова и Паскевича.

Разумеется, сначала она не желала войны, потому что войной не могла ничего приобрести и много потерять или, по крайней мере, подвергаться опасности. Когда переговоры приняли решительный характер и отношения Англии и Франции натянулись, она не хотела подкрепить требований России, и в этом сделала она, кроме беспримерной неблагодарности, ужасную ошибку, которая может стоить очень дорого, а нам принести пользу со временем или даже скоро. Подкрепив Россию в известную минуту, она уничтожила бы возможность войны, ибо Россия, не вполне изготовленная, очевидно колебалась и готова была к умеренности; драгоценный для Австрии in statu quo остался бы, может быть, надолго. Положим, она боялась и боится Франции, которая может причинить ей много хлопот в Италии. Но кому можно верить больше — Людовику Наполеону или Императору Николаю, не говоря уже о прежних обязательствах, нравственных и положительных? Если Людовик Наполеон сладит с Россией, то оставит ли он ей Италию? А держась за Россию, она смело могла надеяться на нашу помощь и задержать много наши действия в Турции. В дружбе она причинила бы нам гораздо более вреда, как и причиняла всегда, нежели во вражде. Она послушалась тайной своей ненависти, и Бог ее накажет: дни ее сочтены. Я говорил в одном своем письме, что Австрию выгоднее иметь нам врагом, чем другом. Сколько вреда она

уже причинила нам, даже в продолжение этой войны: как сначала она не хотела вымолвить одного слова в пользу России, так после начала показывать беспрерывно свое расположение к союзным державам, выставляя своим благодеянием для нас нейтралитет, а между тем все-таки, заставляя нас, под личиной дружбы, бояться за свой тыл.

Она старалась всеми силами связывать руки России, заявить целость и неприкосновенность Турецкой империи (что мы за нею уже и без нужды повторяли); требовала, чтобы мы не переходили за Дунай, и грозила в противном случае занять Сербию. Что же предоставляла она делать нам? Прогуливаться в княжествах и платить Волошским торгашам и Венским подрядчикам чистыми деньгами за наше продовольствие. Она позволяла нам воевать с тем только, чтоб мы отказались вперед от всех выгод войны, а несли одни невыгоды. Какая добрая!

Положение Австрии понятно: она боится, и очень основательно для себя, чтоб мы, возбудив или, по крайней мере, подав повод к восстановлению славян турецких, не оказали влияния и на австрийских, которые захотят того же, могут отделиться от нее и поколебать ее существование. Второстепенные опасения — принадлежность Дуная России. Посему она ненавидит нас и подает помощь Англии и Франции, но она забывает, что одна мысль о разрыве ее с Россией ободрит все принадлежащие ей враждебные населения, начиная с сербов, и она подписала свой смертный приговор по тому же ослеплению.

Она погибнет вместе с Турцией или вслед за нею, погибнет вследствие естественного распадения частей, которые не могут держаться более в связи, при столь развившихся народностях.

Bella gerant alii, tu felix, Astria, nube — так определил австралийскую Историю и судьбу знаменитый венгерский король Матвей Корвин; а ныне век эмансипации: австрийские жены требуют развода, совпадая с правилами мадам Жорж Занд.

Австрия должна погибнуть, несмотря на все усилия своих Меттернихов или иезуитов, которые не понимают вполне своей болезни и в новое время надеются напрасно на старые лекарства. Но до погибели своей она может еще сделать много зла, которое уже и начала, хотя, до сих пор, отрицательно. Следовательно, мы должны принять в соображение ее последние силы или усилия.

Пруссия имеет менее причин опасаться нас, и следовательно, ненавидеть, желать нам зла. Но она должна бояться Франции за Рейнскую свою половину. Объявляя себя против нас, она отклоняет западную опасность — я говорю о правительстве — и вместе удовлетворяет общему мнению, которое против нас, а общее мнение против нас вследствие подозрения о наших деспотических намерениях, вследствие мнимого вмешательства в их домашние дела. Дополнением, предлогом или оправданием войны против нас служит ей связь с Германией и обязанность покровительствовать ее интересы, которые подвергаются будто великой опасности вследствие водворения русских на Дунае. Опасности нам со стороны Пруссии больше, чем со стороны Австрии, потому что ее население цельнее, а враждебная часть, поляки, враждебна и нам, следовательно, не может принести нам пользы, как враждебное население Австрии. Пруссия может сделать нам много вреда, особенно в соединении с прочими.

Швеция, по крайней мере, молодежь и левая сторона, при таком общем восстании главных держав европейских на Россию, надеется возвратить Финляндию и отмстить сколько-нибудь за унижение, в чем, разумеется, есть кому ее подкреплять и ободрять, есть чем обольщать; не станет дело и за угрозами.

Второстепенные государства, волей и неволей, влекутся за главными.

И вот европейская печать, официальная и неофициальная, провозглашает торжественно, что для политического равновесия, для успехов цивилизации, для общего благосостояния целость и неприкосновенность Турции необходима,

а Россия должна быть обессилена и обобрана, вследствие чего европейские племена и спешат со всеми изобретениями наук и искусств, самыми новыми и губительными, на помощь Луне против Креста и Корану против Евангелия!

Заключу это письмо словом Писания: «Аще и совет совещают, разорит и Господь; аще и возмогут, и паки побеждены будут, яко с нами Бог!»

Это наша твердая надежда — а что нам делать, об том я предложу свое смиренное мнение в одном из следующих писем.

1854 г.

В апреле.

Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа

Полгода минуло с тех пор, как я написал о настоящих обстоятельствах первое письмо свое, которому выпало на долю такое неожиданное и необыкновенное счастье. Многое произошло в течение этого времени. Я следил постоянно за всеми происшествиями, великими и малыми, и писал подробно обо всех встречавшихся вопросах. Но теперь не до чтения пространных рассуждений. Постараюсь представить из моих бумаг извлечение коротко и ясно.

Враги стремятся на нас отовсюду, как будто кто их погоняет. Страшные силы их уже в походе; другие, еще страшнее, заготовляются; на всех путях становятся нам преграды и строятся ковы, со всех сторон возбуждаются новые противники и вызываются новые опасности.

Священное для нас лицо Государя подвергается публично самым поносным ругательствам и самым низким клеветам. Замыслам и угрозам против нас нет никаких границ. Нас хотят отодвинуть на полтораста лет назад. С нас хотят взыскать все издержки войны, турецкие, английские и фран-

цузские. Хотят растворить настежь наши ворота, чтоб всякий вор, днем и ночью, мог идти к нам прямо в дом, красть, что захотеть, и поджигать, где угодно, а дикие разбойники наших границ могли бы всегда получать безопасно всякое пособие для своих губительных набегов. У нас хотят отнять Бессарабию, Крым, Закавказские области, Финляндию, Польшу, рассуждают, кому что отдать из нашего достояния, — одним словом, об одежде нашей уже мечут жребий.

Честно или нечестно поступают с нами наши враги, благородно или неблагородно, прилично христианским державам или неприлично, об этом толковать теперь уж нечего, равно как и о том, какую собственно имеют они цель, а довольно того, что они напирают на нас со всеми силами, решились довести нас до крайности и готовы сами принять крайние меры, лишь бы поставить на своем. Они зашли так далеко, что начатого дела нельзя уже им оставить без успешного окончания, даже потому, что народное самолюбие сильно теперь затронуто. Если мы разобьем, положим, их армии и сожжем их флоты (что все-таки и нелегко и неизвестно), то они принуждены будут снарядить новые армии и новые флоты во что бы то ни стало, а Людовику Наполеону хоть в петлю лезь, ибо на волоске повиснет у него не только корона, но самая жизнь, с толпою его нынешних клевретов, у которых ведь нет недостатка ни в талантах, ни в познаниях, ни в уме, ни в храбрости, ни в изобретательности. Следовательно, в самых счастливых обстоятельствах вот какие отчаянные меры должны мы предполагать, вот какие страшные силы должны мы иметь в виду против себя со стороны одной Франции и Англии, не говоря о тех, кои уже в действии.

Кроме Франции и Англии, самую Турцию нельзя считать совсем ничтожною. Вопрос о существовании, быть или не быть, воздвигнет последние ее силы, кои, под руководством сведущих учителей, увеличат значительно сумму наших затруднений.

Австрию, в таком положении дела, должны мы считать лютейшим, жесточайшим врагом России, упорнейшим про-

тивником всякого нашего успеха, если теперь она еще и не совсем открыто действует. С надеждою остаться, по крайней мере, без наказания она готова будет исполнить все требования Англии и Франции, с собственными дополнениями, и вредить нам, сколько сможет.

За Австрией следует Германия с дунайскими интересами, а Германии должна помогать и Пруссия как главная ее представительница.

А там Швеция, со старыми своими счетами — Финляндией и Аландскими островами, а там еще Персия с Хивой, Бухарой и Коканом, которые, если решатся (а решиться им в нынешнем, сверхъестественном, коловратном движении дел очень немудрено и даже лестно, при убеждениях Франции и Англии, подкрепленных золотом), то, разумеется, должны будут действовать не шутя, а также из всех сил.

Наконец, революционный, западный, европейский дух, это стремление вперед, куда кривая ни вынесет, не может упустить такого благоприятного случая для последнего, может быть, опыта сломать, ослабить твердыню России, главной преграды на пути своем. Это стремление, имея в авангарде поляков и венгерцев, уже действует везде, может быть больше всех, и не видать конца проискам.

Таким образом, по удивительному и непредвиденному ходу дела все наши враги пришли в напряженное, почти насильственное состояние, неистовство против России, и она подвергается нашествию, вещественному и невещественному, не двадесяти, а чуть не семидесяти двух языков, которых сочло священное предание. Я говорю — нашествию невещественному, ибо не одна сила идет против нас, а дух, ум, воля, и какой дух, какой ум, какая воля! На что эти враги не решатся, чего не выдумают, в чем усомнятся и на чем остановятся, если уже на то, как говорится, пошло? Останется ли для них что-нибудь священное?

Они грозят, следовательно, не одному Кронштадту и Севастополю: их надо ожидать везде — в церкви и спальне, на ученье и молитве, за обедом и ужином, в висок и под ложечку,

по головам и в сердце, в полдень и полночь, в будни и Светлое Христово Воскресенье.

А каких друзей приготовила нам прежняя наша политика и дипломатия? Никаких. Помощи ждать нам неоткуда. Друзья нас предали, и все ближние стали далеко.

Вот в каком тягостном, стесненном, чтоб не сказать опасном, положении находится Россия!

Правда — есть русская пословица: грозен сон, да милостив Бог. Правда — есть заветное у нас слово — авось, которое производит часто чудеса в жизни русского человека, но в таких сложных и мудреных обстоятельствах, в каких мы никогда, может быть, не бывали, пред таким великим событием, какого не встречалось еще, может быть, в европейской истории, у кого же достанет духа надеяться на одно слово, хоть и могущественное, и на одну пословицу, хоть и верную? Само Писание не велит всегда довольствоваться и голубиной чистотой, но требует змеиной мудрости. Нам надо смотреть во все глаза, слушать обоими ушами, надо оборачиваться по всем сторонам, искать всех средства, принимать все меры и против такой тьмы, против такой страсти, против такого напора, в настоящем и будущем, ставить крепкую преграду и нерушимую стену.

Полно России шаркать, церемониться, любезничать и делать глазки. Кстати ль ей любезничать, если над нею подняты кулаки, и не смешно ли делать глазки, если никто ими не прельщается?

Точно так же полумеры, двусмысленности, умолчания, нерешительности никуда ни годятся и причиняют только вред. Все это нам не к лицу. Это политика какого-нибудь немецкого министерства, шварцбург-рудольштатского или липие-детмольдского, а не Русского Царя, прямого, честного, благородного и великодушного Николая. Россия, с правым и святым делом своим, должна говорить твердо и ясно, а не вертеться по-австрийски, как бес перед заутреней. Великодушие, рыцарство, благородство, честь, так называемая, — должно отложить пока в сторону. Царство Христово не от

мира сего. Для людей — Новый Завет, а для государств, в политике, Ветхий: око за око и зуб за зуб, а иначе они существовать не могут.

И сами враги наши, что весьма чудно и поразительно, помогают нам в этом отношении, как нельзя лучше. Они наводят нас своими объявлениями и угрозами именно на те действия, кои предлежат нам; они надоумливают нас на те меры, кои принимать мы должны; они подсказывают, что нам говорить нужно, и указывают тот путь, который всего надежнее приведет к цели, так что нам, на первый случай, остается употребить их собственное оружие, лишь только оборачивая оное, а именно:

Все европейские государства не только отказываются от союза с нами, но идут войною против нас, одни безусловно, другие условно: так на что же нам кланяться, упрашивать их и держаться за полы, навязываясь к ним в дружбу? Австрия, Пруссия и Германия объявляют, например, торжественно, что будут сохранять нейтралитет, пока война не представит нам больше выгод: почему же и нам не смотреть на свои выгоды и не располагать своими действиями сообразно с ними? Они хотят наступать, смотря по обстоятельствам, следовательно, это же право, по всей справедливости, принадлежит и нам. Мы становимся через это в такое положение, какого ни за что купить и достать было бы нельзя: у нас развязаны руки. Вот в чем состоит, до сих пор, главная выгода нашего все-таки тягостного в настоящую минуту и опасного положения. По крайней мере, мы свободны поступать, как нам угодно.

Все государства европейские, враждебные, нейтральные и дружественные, провозглашают торжественно, что прежние договоры наши уничтожаются и что будущие отношения должны быть определены вновь, по ходу и исходу войны. Не полное ли право имеем мы отвечать им теми же словами? С какой стати стеснять нам себя и ограничивать какими бы то ни было обязательствами, насильно оставаться в оковах, от коих они сами нас освобождают? С какой стати отказываться вперед от выгод войны, если она поведется

или кончится в нашу пользу, когда мы должны пострадать в случае несчастного окончания, как то, не обинуясь, говорят во всеуслышание наши враги? Для чего нам твердить, спрошенным и не спрошенным, что мы не ищем завоеваний? До войны это было так, теперь иначе. Теперь поле открыто. Чья возьмет, говорят наши враги, следовательно, и мы можем распространить, если случится, наши владения или поступить по усмотрению. Признается же добрый наш друг граф Грей, что Англия не имеет права останавливать своих завоеваний. Или это право хотят они предоставить только России, которая неужели примет оное с благодарностью?

Враги грозятся наложить на нас новые обязанности; мы имеем право предъявить в свое время новые требования с нашей стороны. Они хотят ослабить нас: неужели мы будем укреплять их? Они хотят отнимать у нас, а мы будем осыпать их дарами? Мы играем в карты: что же, проиграв, мы будем платить звонкой монетою, сибирским золотом и серебром, малороссийскою пшеницею, великороссийскою рожью, а выигрыш опять будем класть на алтарь европейского порядка, столько нам благодарного, дружелюбного и доброжелательного?

Да и для чего же, иначе, мы воюем, проливаем кровь, терпим нужду, подвергаемся опасностям, испытываем страхи, тратим нужные силы, приносим бесчестные жертвы?

Фирманом, сенедом в пользу христиан нельзя уже быть нам довольными, как прежде, когда гораздо важнейшие преимущества, вытребованные Англией и Францией, по нашему собственному толкованию, не имеют никакого значения, как то и в самом деле оказывается. Но об этом речь впереди. Что Бог даст, то и будет. Пока, разумеется, нам лучше и достойнее молчать, как это и соблюдается.

А что нам делать с главным сильнейшим нашим врагом — общественным мнением в Европе?

Мы должны объявить, дать знать, понять теперь при первом удобном случае, так или иначе, что вследствие последних происшествий, вследствие измены или, чтоб сказать учтивее, вследствие вновь принятого в отношении к нам положения

прежних наших союзников, политика наша переменяется, политика, которая основывалась преимущественно на союзе с ними и, так сказать, от него зависела. Мы увидели, что наш прежний образ действий не принес нам никакой пользы со стороны правительств и только накликал одни подозрения и возбудил против нас ненависть народов, так что мы получили в чужом пиру похмелье. То есть мы объявим, что оставляем Европу в покое и не хотим более принимать никакого участия в ее делах, в делах государств европейских, ближних и дальних: пусть они живут, как знают, и поступают, как угодно.

Вот самая благовидная форма наших новых отношений. Одно такое объявление, которое заключает, впрочем, настоящую русскую политику, истинную правду, — ибо неужели мы после всех этих несчастных опытов будем хлопотать еще о том европейском законном порядке, который на нас самих опрокинулся, грозя нам семьюдесятью миллионами Германии, кроме западных государств, — одно такое объявление, вынужденное, по всей справедливости, нашими прежними друзьями обратить на нашу сторону, примирить с нами половину наших фрачных врагов, преимущественно в Пруссии и Германии, а потом и в Венгрии, Италии, Испании, хотя сии последние для нас и не так важны.

Одно такое объявление приведет в недоумение и обезоружит главного нашего врага, общественное мнение, и произведет вскоре во всей Европе, не только в Австрии и Пруссии, новое движение или, чтоб меньше напугать, скажу, новые отношения, — и Бог с ними, — в продолжение которых мы можем доделывать на Востоке и в Азии все, что заблагорассудится.

Наше объявление о предоставлении Европы самой себе мы можем еще усилить, освятить в глазах наших фрачных врагов и сделать страшным для врагов мундирных, присоединив к нему еще одно решение или хоть намерение, о котором я буду говорить после, по связи его с другими обстоятельствами, в дополнении к этому письму.

Враги наши устраивают союзы. Англичане с французами, австрийцы с пруссаками, шведы с датчанами, турки с

персами, коканцы с бухарцами и хивинцами, и все между собою против нас. Одним нам с ними со всеми сладить мудрено: одному и у каши не споро. Мы должны, следовательно, подумать также, с одной стороны, о произведении диверсий, а с другой — о приискании союзников.

Какие же диверсии можем мы произвести?

В Италии господствует Австрия, и Италия ее за то ненавидит. Франция хочет оспаривать господство у Австрии, и Италия будет ненавидеть Францию также. Спрашивается, какая польза России, чтоб в Италии господствовала Франция или Австрия? А скажи она это, скажи одно слово, хоть намекни в пользу Италии, и Италия есть ей благодарная союзница. И если в Италии будет господствовать Италия, а не Австрия и не Франция, то не будет ли это законнее и справедливее?

Точно так же не мешает нам, хоть под рукой, открыть Испании виды на возвращение Гибралтара, Италии на владение Мальтою, Греции на присоединение Ионической республики. Греция находится, по трактатам, под нашим покровительством. Франция и Англия выражают свое покровительство, как нельзя блистательнее и великодушнее, и грозятся ее уничтожить, а мы должны ободрить надеждой на распространение владений, на покорение Эпира, Фессалии, Албании и всех Греческих островов.

Наконец, что всего важнее устраивать союз с Америкой и твердить, что из всех наших настоящих врагов с Францией можем мы помириться всех легче.

Это о диверсиях. А где же искать нам союзников? Кажется, все европейцы теперь против нас?

Болгария, Сербия, Босния, Герцеговина, Черногория, Сирмия, Кроация, Далмация, Славния, Краин, Штирия, Каринтия, Богемия, Моравия, Буковина.

Как странно звучат, думаю, эти имена в ушах наших иностранных дипломатов!

Повторю им дикие слова, чтоб уяснить их впечатление, и подкрепить память:

Болгария, Сербия, Босния, Герцеговина, Черногория, Сирмия, Кроация, Далмация, Славния, Краин, Штирия, Каринтия, Богемия, Моравия, Буковина.

Восемьдесят с лишком миллионов — почетное количество! порядочный союзец! Славяне были затерты историей, славяне были затерты географией, славяне были затерты дипломатией и политикой, но наступает, видно, время, когда, по слову Писания, последние должны делаться первыми. К тому стремятся все события. Рассмотрите внимательно ход их, и вы увидите, что все они совершаются одно за другим, как будто послушные какому-то высшему предопределению, и следуют за перстом, им путь из облака указывающим.

Никто не хотел сначала войны, Россия всех меньше, — а война началась.

Стали мы на Дунае и стояли долго, переходить не решались; но вот толкнул наконец кто-то в шею, и волей-неволей перешли мы на другую сторону.

А на другой стороне, смотрите, бежит навстречу народ, с хлебом и солью, крестами и святой водой. Вот ударил неслыханный четыреста лет колокол, раздался первый благовест, вознесся первый крест над Православной Церковью. Что же? Вы допустите, чтоб крест был снят? Что же? Вы допустите, чтоб из колокола вырезан был язык? Нет, это не может быть, и этого не будет! Следовательно, Болгария свободна. Откажетесь ли вы ей покровительствовать? Уступите ли вы ее католической Франции, протестантской Англии, магометанской Турции или иезуитской без веры Австрии? Нет, это невозможно! Следовательно, первый член Славянского союза уже готов. А болгар пять миллионов. Не спрашивайте с них по пяти или по десяти рекрут с тысячи: они сами придут к вам, пожалуй, хоть по десяти со ста. Вот вам первый вспомогательный корпус, о продовольствии которого не нужно и заботиться провиантскому департаменту в Петербурге. Перевозить его также нет надобности: он на месте вырос и рад отстаивать родную землю.

А там, дальше, слышите, что восклицает к несчастным жителям Герцеговины молодой князь Данило со своими зака-

ленными на войне черногорцами: настала минута, когда каждый христианин, подавленный оттоманским преобладанием, должен восстать против притеснителей, и если вы упустите эту благоприятную минуту, то вам не останется ничего, кроме вечного угрызения совести и вечного стыда.

Черногорцы, наши вернейшие слуги и друзья, которые всегда были готовы за нас, как и теперь, в огонь и в воду. Что же, можем мы оставить их в прежнем положении, можем не принять участия в их благородном и великодушном стремлении на помощь другим угнетенным братьям? Нет, не можем, и вот еще три союзницы готовы, крепкие, храбрые, могучие: Черногория, Босния, Герцеговина. Сколько войска выставить они могут? Готовьте только оружие.

А Сербия? Сербы ждут, без сомнения, как ворон крови, знака к восстанию. В 1846 году Симич, председатель государственного союза, ростом с Петра I, в косую сажень между плечами, говорил мне с нетерпением: да скоро ли придут к нам братья? Константинополя никому вы не отдадите, турки удержать его не могут, так чего же вы дожидаетесь? А старый воевода Вучич, стреляя в цель, на вопрос мой в Топчидере: или он боится, чтоб рука не разучилась попадать в турок? — отвечал: нет, поколочу еще собак вволю! Князь Данило в возглашении уже сказал: сербы избавятся вскоре от унижения, в которое ввергли их трактатами дипломатов. Турция снимает с Сербии наше покровительство. Что же, неужели мы оставим на ней турецкое? Вот и еще союзница, да какая? Тот же Симич говорил: только не делайте нас губернией, рекрутов возьмете вы с нас двадцать тысяч, но охотников мы поставим вам лучше восемьдесят.

Эти восемьдесят тысяч, вместе с болгарами, босняками, черногорцами, греками, и помогут нам выжить, если не выгнать и перебить англичан и французов из ныне так называемой Турции.

А пятидесятитысячный корпус австрийцев мудрено, чтоб вышел на Сербию сполна: вернее, что одна половина его оборотится против другой, если, впрочем, другая не пред-

упредит ее. В первую минуту обращения Австрии против России Елачич должен был бы идти с кроатами на Вену. Вот почему теперь он сделан вдруг графом, оставаясь до сих пор почти в немилости (проклятый австрийский иезуитизм чует, откуда грозит ему беда). Если графство с немецкой женою остановит его движение, то неужели не найдется более никто из славянской семьи занять его место и отмстить поганому племени за польского короля Иоанна Собиесского и Русского Царя Николая Павловича, которые были так обесчещены за спасение Вены.

Но это уже война с Австрией? А разве мы с нею в союзе, дружбе, мире? Разве она помогает нам, желает добра, приносит пользу? Хороша союзница, для которой должно держать всегда камень за пазухой и всякую минуту бояться, что она будет стрелять по нас в тыл. Мы слышали уже, что она собирается действовать против нас, по обстоятельствам. Вот эти обстоятельства заставляют и нас также поговорить с нею иначе.

Австрия есть бельмо на нашем глазу и типун на нашем языке. Политики и дипломаты наши все еще представляют ее себе империей из 35 миллионов жителей, которая легко может выставить против нас пятьсот тысяч войска. Предупреждение столько же нелепое, сколько несчастное, от которого у нас, кажется, никак избавиться не хотят. Мы отказываемся как будто понять, что в числе этих 35 миллионов находится 20 миллионов славян, 5 миллионов итальянцев, 5 миллионов венгерцев, из которых мудрено и выбирать, кто больше ненавидит австрийцев — итальянцы, или венгерцы, или славяне?

Пятнадцать лет тому назад я писал, что «Австрия похожа на гроб повапленный, на старое дерево, гниющее внутри, хотя и одетое снаружи листьями, такое дерево, которое один порыв ветра может исторгнуть с корнем вон». Это писал я в официальном своем отчете 1839 года, а в 1842 году, после нового путешествия, повторил: «Австрия слабеет час от часу и едва ли больше Турции заключает в себе внутренней самостоятельности. При первой войне, где бы то ни было, она может разорваться на части».

Еще прежде сих двух донесений, в 1838 году, писал я, что обе империи, Австрийская и Турецкая, просятся Русскому Государю в руки.

В 1848 году предсказания мои начали сбываться, и только скорая помощь России спасла Австрию от конечной гибели. После 1848 года внутренние обстоятельства ее, несмотря на видимый успех и блеск, становились хуже и хуже; ненависть к ней, вследствие жестоких мер против венгерцев, итальянцев и даже сохранивших ей верность славян, усилилась, и все национальности ждут и призывают минуту освобождения. Только Россия останавливала их своей дружбой с Австрией, и боязнь, что она опять пришлет свои полки в помощь к своей вероломной союзнице, удерживала их порывы. Но если Австрия присоединится к западным державам против России (чего пламенно желаю, ибо я убежден, что пока Австрия не против нас, до тех пор Бог еще не с нами), если охранительная десница России от нее отнимется, то погибель ее неизбежна. Посему напрасно грозила она нам войной, если мы перейдем Дунай; напрасно грозит теперь, если перейдем Балканы, — к сожалению, я думаю, что это только пустые слова: она не посмеет исполнить своих угроз, ибо первый ее выстрел в русскую грудь будет знаком ее гибели, если только мы будем уметь им воспользоваться. Тридцать миллионов ее подданных — наши союзники, а двадцать между ними — искренние и верные друзья, которые могут со временем доставить нам порядочный контингент для борьбы.

Следовательно, политики наши жестоко ошибаются в своих соображениях и страшно обсчитываются в своих выкладках, ставя против себя то, что естественно готово действовать за нас.

Я недавно был в Австрии и имел много дружеских разговоров со многими тамошними знаменитостями, а чтоб судить о верности моих заключений, пусть сравнят мои рассуждения 1842 года с происшествиями 1848 года.

Наши политики и дипломаты, «заматеревши в летах зрелых», терпеть не могут никаких нововведений и для того

союза пожелают прежде всего найти пример, образчик из европейской истории. Могу указать им на Рейнский союз, состоявший из немецких государств и находившийся под покровительством совершенно чуждого им лица — французского императора.

Назовите новый союз Дунайским, Славянским, Юго-Восточным, Европейским, со столицею его в Константинополе, под председательством и покровительством, вы думаете, России? Нет, не России: Россия не ищет завоеваний, воспользуюсь здесь любимым выражением наших публичных актов, Россия не питает никаких честолюбивых замыслов. Покровительство и председательство союза должно принадлежать, естественно, по всем правам, многолюднейшему племени из всех, составляющих союз. Кого же больше? Поляки! Выходите вперед на первое место: вас сколько? Десять миллионов. Ну, так посторонитесь, братцы, верно, есть кого-нибудь больше. Сербы, вас сколько? Восемь миллионов. Болгаре? Пять миллионов. Русские, вас сколько? Мы не знаем еще наверное, сколько нас всего на все. Да неужели нет у вас никаких счетов? Есть метрические книги, но там записываются одни православные; есть ревизские сказки, но там записываются только податные. Ну, скажите, по крайней мере, сколько у вас хотя ревизских душ? По последней ревизии слишком пятьдесят миллионов, но к этому количеству прибывает ежегодно по полумиллиону. Пятьдесят миллионов — слышите? Кого больше? Чехи, краинцы, черногорцы! Все молчат, нет никого больше. Следовательно, Россия должна сделаться главою Славянского союза, не по своему желанию, не по произволу, не из честолюбия и властолюбия, а по необходимости, по естеству вещей, точно как русский язык должен со временем сделаться общим, литературным языком для всех славянских племен, не по принуждению русского правительства, а по законам филологии как настоящий их представитель, соединяющий в себе свойства всех наречий славянских, северных и южных, восточных и западных.

К этому союзу, по географическому положению, находясь между славянскими землями, должны пристать необходимо: Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания.

Да почему же им не пристать, если все исчисленные государства будут управляться сами собою, conditio, sine qua non, без малейшего участия прочих, с покровительницею включительно, и только в общих делах относясь к Константинопольскому сейму и Русскому Императору как главе мира, то есть сейма, отцу многочисленнейшего славянского племени, то есть русского.

Вот неизбежный конец начавшейся войны, рано или поздно, кто б что ни говорил, кто б что ни делал. Против рожна прати невозможно. Сила вещей сильнее силы людей. Как ни мудрят, ни умничают люди, а История требует своего и берет всякий день свое; она влечет слепые орудия неодолимо к исполнению высших судеб своих, и горе дерзким, которые, с умыслом или без умысла, вздумают сопротивляться определениям Божественного промысла.

Прислушиваясь к разным мнениям о настоящих обстоятельствах, присматриваясь к разным действиям, соображая разные показания, чувствуешь, что большая часть советников и судей похожи на тех, которые стали бы, во время оно, рассуждать о сокращении времени переезда между Москвой и Петербургом.

Один сказал бы, что надо выровнять везде хорошенько дорогу, скопать горы, засыпать овраги и устроить мосты.

Другой предложил бы, по новому рисунку, ручные и легкие повозки.

Третий велел бы держать добрых и сносных лошадей.

Четвертый учредил бы строгий надзор за ямщиками.

Пятый сократил бы прогоны, и т. п.

Все эти советы прекрасные и дельные (а сколько бывает пустых и нелепых), и точно, приняв и исполнив оные в точности (что также очень важно), можно б было сократить время несколькими часами, даже сутками, и приехать из Петербурга в Москву не в четверо суток, а в трое и даже двое.

А есть ведь средство приехать в двенадцать часов без лошадей, повозок и ямщиков: по железной дороге!

Скажу другую притчу: представим себе военное совещание в средние века, как одержать победу над неприятелем.

Один полководец указывает местоположение крепче и выгоднее.

Другой собирает как можно более войска.

1854 г.

27 мая.

Настоящая война в отношении к русской истории

Историю честят со времен Цицерона учительницей жизни (magistra vilae); а учиться у нее никто не хочет, и никому, кажется, в голову не приходит, что она может наказывать, и подчас в самом деле наказывает жестоко за невнимание к ее урокам и опытам. Мне, как старому служителю Истории, непростительно было бы рассуждать о нынешних событиях без отношения к прежним, то есть не справясь с Историей и поглощаясь настоящей минутой. Время настоящее есть плод прошедшего, точно так же, как и семя будущего. События представляют ряд чисел последовательных. Что есть теперь, на то залог был уже дан и вместе дальнейшее указание. Вот таких-то указаний и хочу я теперь поискать в Русской Истории, а может быть, мы найдем там не только пояснение настоящих событий, но вместе получим и твердую надежду на благополучное окончание, несмотря ни на какие несчастия, препятствия, неожиданные случаи и противные обстоятельства, путь их замедляющие.

Рассматривая внимательно Историю России и приводя себе на память все ее войны, нельзя даже избегнуть заключения, что настоящая война с Турцией есть естественное, непременное их продолжение, если еще не заключение. Им-

ператор Николай, несмотря на свое миролюбие, бескорыстие и великодушие, не может долее терпеть владычества турок, не может физически, не только нравственно, точно как Владимир Святой не мог терпеть печенегов, Мономах половцев, Иван III монголов, Грозный татар казанских и астраханских, а Екатерина — крымских, Екатерина, открывшая и положившая дальнейший путь к Константинополю своим наследникам.

Они, надо сказать правду, подвигались вперед только по принуждению обстоятельств и обнажали меч только для собственной защиты, даже до настоящей войны, также оборонительной, кто бы что ни говорил*, как и все прежние, которыми Россия столько распространилась. Напрасно европейские державы явились незваные судить и решать ту борьбу, которая началась у России почти за тысячу лет перед сим, сперва с дикими, а потом с магометанскими племенами Востока, и до сих пор только прерывалась по временам и никогда не оканчивалась. Все почти страницы Русской Истории дымятся кровью, пролитою нашими предками в продолжение этой тысячелетней борьбы; раны, нанесенные нам нашими наследственными врагами, еще не зажили; на нашем нравственном характере нарезаны следы варварского ига, которые до сих пор еще даже лучшие из нас изгладить на себе не могут; на всяком шагу русский человек встречается с самыми тягостными воспоминаниями, которых никто в Европе понять и оценить не в состоянии. Европейские народы не принимали ни малейшего участия в наших несчастьях и страданиях: французов не было на Куликовом поле, англичане не помогали нам отразить нашествие Тохтамышево; австрийцы не приходили разнимать нас с ордами Мехмет-Гирея, когда грозился он поработить вновь наше Отечество, и пруссаки не выручили нас при Пруте. Знает ли лорд Пальмерстон, что такое Крымский брод в Москве? Имеет ли понятие господин Друэн де Люис о крестных ходах 21 мая, 23 июня, 26 августа? Слыхал ли граф

* Писано, когда мы были еще за Дунаем, а теперь наша война упала на эту степень в самом полном и для нас грустном значении этого слова.

Бул Шауенштейн что-нибудь о церкви Спаса на Болвановке? Видал ли господин Мантейфель икону Владимирской Божией Матери, на которую никто из нас не может взглянуть без сердечного умиления?

Да, вы не знаете, милостивые государи, нашей Истории, как не разумеете нашего духа и не могли до сих пор выучиться нашему языку; так и не вступайтесь в наше дело. В продолжение нескольких сот лет Россия была опустошаема, мучима и не выпускала из рук своих оружия; она билась до последнего истощения, оттерпливалась, страдала, молилась и дождалась до своего времени, когда ударил для нее час на Спасских часах; а вы хотите, чтоб мы, пред увенчанием всех наших трудов и подвигов, выпустили из рук законную нашу добычу и в страхе от ваших дерзких угроз смиренно предоставили решить святое дело вашим барышникам и кулакам сообразно с их грошовыми выгодами и копеечными видами, которых издревле Спаситель выгонял из храма. Ослепленные! За кого вы нас принимаете? Забыли вы 1812 год, когда все вы шли на нас под предводительством не г. Сент-Арно и лорда Раглана, а первого военного гения в Истории? С чего же вы взяли, чтобы ныне встретили мы незваных гостей с лучшим почетом? Оставьте нас в покое решить наш исторический спор с Востоком и Магометом. Суд у нас с ними — Божий, а не человеческий. Оставьте нас сослужить вам эту службу и стереть в собственной вашей Истории постыдное для вас пятно. Оставьте нас исполнить наш европейский долг во имя веры, гражданственности, просвещения человечества, прогресса. Наше счастье и отнюдь не вина, если с исполнением священного долга соединяются и вещественные выгоды и если по мере побед над Востоком и Магометом увеличивается наше политическое могущество. Предъявите ваши требования, испросите соразмерного участия в наших выгодах, пожелайте условий, полезных для вашей промышленности, обезопасьте вашу торговлю, — а всего лучше предоставьте условия великодушию Русского Государя, и, без всякого сомнения, он сам оделит вас всех так, как ни одна палата, ни один парламент,

и ни один тайный совет, самый жадный, не придумает, — а русские не погонятся за вашими выгодами: с нас немного надо, лишь бы щей горшок, да сам большой…

* * *

Представим события в их последовательном порядке, для вразумления западных наших противников и всех тех, кому о том ведать надлежит.

Русскому народу, вступившему на поприще Истории после всех прочих европейских народов, досталась на долю крайняя, восточная часть Европы.

По положению, по месту жительства мы должны были войти в соприкосновение с дикими азиатскими народами монгольского и турецкого племени, которые из глубины Азии, в начале христианской эры, понеслись с огнем и мечем на Европу.

Стоя на перепутье, мы, естественно, должны были первые принимать напор дикого, а после — магометанского Востока на Европу и давать ей через то покой, досуг, средства развивать свои способности и силы физические, умственные и нравственные.

Первые из диких восточных племен, которых грозу запомнила История в пределах нашего Отечества, были *авары* или *обры* в VI, VII веках.

«Обры воевали славян*, — говорит древняя наша летопись, — и мучили дулебов, творили насилие их женам. Если обрину случалось куда ехать, то он не давал запрягать коня, а приказывал запрягать по три, четыре или по шесть женщин в телегу и везти себя. Были обры телом велики и умом горды; но Бог истребил их, они все померли (мором), так что не осталось ни одного обрина, и долго велась на Руси пословица: погибли, как обры, от которых нет ни племени, ни остатка».

За аварами пришли *печенеги*, которые сделались особенно тяжелы в X столетии, поселяясь в нынешних Ново-

* Несторова летопись в полном собрании. Т. 1. Ст. 5.

российских степях, от Дона до Алуты. Они погубили Святослава, который тогда еще, за девять сот почти лет, хотел перевести столицу русскую на берега Дуная. От них едва спасся под мостом Владимир Святой. «Была рать велика без перестани»*, — говорит летопись, и уже только сын его, Великий Князь Ярослав, успел одержать над ними решительную победу, в память которой на месте сражения построил Софийский Собор в Киеве и Золотые Ворота, до нашего времени, к счастью, сохранившиеся.

Место печенегов заняло другое турецкое племя, *половцы*, которые несколько раз опустошали самый Киев; «много пострадало народу христианского, — говорит Нестор, — в алчи и жажде, в печали, муках и бедах, с потускнелыми лицами, почернелыми телами, языком испаленным; ходили люди нагие и босые по незнакомым странам и кровью означали следы свои. Откуда вы? спрашивали они, встречаясь друг с другом. Я из такого-то города, я из такой-то веси, отвечали спрошенные, поднимая глаза к небу, вздыхая и обливаясь слезами»**. Мономах сокрушил силу половцев; но долго еще тревожили они наши приделы своими разбойническими набегами, до самого XIII столетия, когда новые сильнейшие варвары пришли на несчастную Русь — *монголы*.

Силе монголов ничто противостоять не могло. Русские князья, бояре и люди были побиты во многих сражениях, города или крепости сожжены, земля пройдена с огнем и мечом, и наложено на народ тяжкое иго. Неизмеримое пространство России воспрепятствовало монголам наводнить Европу, и они после первого своего потока до Венгрии и Богемии не могли решиться на продолжение завоеваний, столь отдаленных от родины, удовольствовались господством над ними. Россия принимала на свою грудь их учащенные удары. Двести пятьдесят лет продолжалось наше злополучное рабство, почти столько, как ныне славянское под австрийцами, и несколько меньше славянского под турками, в продолжение

* Несторова летопись в полном собрании. Т. 1. С. 53—54.

** Там же. С. 95

коих, по местам, восставал народ, выводимый из терпения, по большею частью безуспешно.

Только Димитрий Донской, получив благословение от Святого Сергия, которого нынешняя благородная дипломация и блюстительница законного порядка, осуждающая греков и славян за их восстание, на предательском языке своем, извратившем все человеческие понятия, назвала бы красным революционером! (Сергий Чудотворец красный революционер!) только Дмитрий Донской ободрил русские сердца славною победою на Куликовом поле (1380), но нашествие Тохтамыша (1382), Тамерлана (1393) и Едигея (1408) напомнили, однако же, вскоре ужасные времена Батыя.

Наконец, Ивану III посчастливилось освободиться от разделившейся и ослабевшейся орды (1840). Орда, как ныне Турция, собрала все свои силы и решилась, нагрянув, вновь поработить Россию. Страшно было это нашествие — обробели самые твердые! Иван повел свои полки навстречу грозным врагам, но страх обнимал его сердце на Угре; ну, если он будет побежден, что тогда станется с Россией? Плоды многолетних трудов пропадут, кровь снова прольется потоками, иго наложится тяжелее прежнего. Простительно, может быть, естественно, было ему опасаться за судьбу Отечества, он уже готов был уступить и согласиться на мир, хотя унизительный, но все-таки предпочтительный неизвестной войне, возможному поражению и игу.

Не так думала Святая Русь. Вот как описывает тогдашнее положение летопись: «Князь Великий с сыном и с братом его и со всеми воеводами поидоша к Боровску (от Угры), глаголюще: на тех полях с ними бой поставим, и слушающи злых человек сребролюбец, богатых и брюхатых, и предателей христианских, а норовников Бесерменских, иже глаголют побежати и не мочи ними стати на бой, сам бо диавол их усты глаголаше»*.

Послушаем, что писал к нему тогда один русский монах на берег Угры, на котором, так же, как ныне на Дунае, стояли

* Софийская летопись. Т. II. С. 207. Изд. Строева.

долго наши полки в раздумье, боясь сразиться с последними полчищами Ахмета.

«Благоверному и христолюбивому, благородному и Богом утвержденному… преславному Государю, Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, богомолец твой Господине, Архиепископ Вассиан Ростовский, благословляю и челом бью. Молю же убо величество твое… да не прогневается на мое смирение, еже первые дерзнувшие ми уста ко устам глаголати твоему величеству твоего ради спасения: наше убо, Государю Великий, еже воспоминати вам, ваше же, еже послушати… Бог да сохранит царство твое и даст ти победу на твои враги, токмо мужайся и крепися… Ныне же слышахом, яко бесерменину Ахмату уже приближающуся и христианство погубляющу, наипаче же на тебе хвалящеся и на твое Отечество, тебе же пред ним смиряющуся и к нему пославшу, — ему же, одинако, гневом дышущу и твоего моления не послушающу, но хотя до конца разорити христьянство… Прииде же убо в слухи наша, яко прежни твои развратници не престают шепчуще в ухо твое льстивы словеса, и совещают ти не противитися супостатом, но отступити и предати на расхищение волком словесное стадо христовых овец… молюся твоей державе, не послушай таковаго совета их, послушай убо вселенныя учителя Павла, глаголюща о таковых: открыется гнев Божий с небеси на всяко нечестие и неправду человеком, иже истину в неправду дежащим, но осуетишася помышленми своими, но омрачися неразумное их сердце, глаголюще быти мудрии объюродеша, яко не искусиша Бога имети в разуме, предает им Бог не искусен ум творити не подобная. И паки самому Господу глаголющу: аще око твое соблажняет тя, исткни е; или рука или нога, отсещи ю повелевает. Не сию же разумевай видимую чувственную свою руку, или ногу, или око, но ближних твоих, иже советуют ти не на благое, оверзи и далече отгони, сии речь, отсеци и не послушай совета их. И что убо совещают ти льстивии сии и лжеименитии, мнящиеся быти хрестьяне? Томко еже повергше щиты своя и нимало сопротивльшеся окаанным сим

сыроядцам предав христьянство, свое Отечество, яко бегунам скитатися по иным странам. Помысли убо, о велемудрый Государю! от каковыя славы в каково бесчестие сводят твое величество, толиким тмам народа погибшим, и церквам Божим разоренным и оскверненным. И кто каменно-сердечен не восплачется о сей погибели? Убойжеся и ты, о Пастырю! не от твоих ли рук тех кров взыщет Бог? Не послушай убо, Государю, таковых, хотящих твою честь в бесчестие, твою славу в бесславие приложити, и бегуну явитися и предателю христьянскому именоватися, и тложи весь страх, и возмогай о Господе в державе и крепости: един убо поженет тысящ, а два двигнета тьмы…

И аще убо Государю, каешися от всего сердца… и объещаешися всех умом и всею душою своею престати от первых своих, еже прилучитися яко человеку согрешити… и сотворити суд и правду посреди земли, любовь же имети к ближним и не насиловати никому же, и милость показати к согрещающим, да милостива обрящеши в день зол. Не словом же кайся, а в сердци иная помышляя (не приемлет бо Бог такого покаяния), но точию еже словом, то и сердцем. Аще бо сице покаемся, тако же помилует нас милосердный Господь, не токмо свободит и избавит. Молю же о сем Царское твое остроумие и Богом данную ти премудрость, да не позазриши моему худомию; писано бо есть: дай премудру вину, премудрее будет», и проч.

Послушаем далее простосердечный рассказ летописи об этом важном событии в истории Отечества, рассказ, выражающий ясно, с каким нетерпением желал народ свергнуть монгольское иго, как ныне желает разделаться с турками.

«И яко бысть (оставивший войско князь) на посаде у града Москвы, туже граждане ношахуся во град в осаду, узреша Князя Великаго и стружиша, начата Князю Великому обесстужився глаголати и изветы класти, ркуще: егда ты Государь Князь Великий над нами княжишь в кротости и тихости (то есть в спокойное и мирное время), тогда нас в безлепице продаешь (то есть облагаешь податями), а нынеча разгневив

Царя сам, выхода ему неплатив, нас выдаешь Царю и татарам. Приехаже Князь Великий во град Москву, и срете его Митрополит, а с ним Владыка Вассиан Ростовский. Начаже Владыка Вассиан зле глаголати Князю Великому, бегуном его называа, сице глаголаше: вся кровь на тебе христьянская, что ты, выдав их, бежишь прочь, а бою не поставя с татары и не бився с ними, а чему боишися смерти не бессмертен еси человек, смертен, без року смерти нету ни человеку, ни птице, ни зверю, а дай семо вои в руку мою, коли аз стары утулю лице против татар (то есть дай мне войско под начальство и увидишь, оборочу ли я, старик, лицо от татар), и много сице глаголаше ему, а граждане роптаху на Великого Князя. Того ради Князь Великий, необитав в граде на своем дворе, боячся граждан мысли злыя поимания, обита в Красном сельце; а к сыну посылая грамоты, чтобы часа того был на Москве. Он же мужество показа, брань приа от отца, а не еха от берега, а христьянства не выда».

Великий Князь решился наконец возвратиться к войску. Долго стоял он на берегу Угры, как вдруг Ахмет, получив, вероятно, известие о разорении своей орды, приготовленном распоряжениями Московского Князя, должен был спешить к ней на помощь, и Москва спаслась. Несправедливый, может быть, ропот народный умолк. Орда не могла подняться, и вскоре была разрушена, но главы этой гидры возрастали беспрерывно, и в продолжение XVI столетия гнездом наших врагов сделалась *Казань*.

Казанские татары были еще вреднее для Москвы, если не страшнее, по близости их жительства к русским пределам. Они начали свои набеги до уничтожения Золотой Орды и в княжение Темного, с половины XV столетия, не проходило почти ни одного года без опасности с их стороны, более или менее. Не один раз подбегали они под самые московские стены. Вспомним одно страшное нашествие Улу-Махмета (1439), когда взят был в плен сам Великий Князь и отпущен после за великую сумму денег, собранную со всей России. Долго могли

мы только защищаться кое-как и отражать их хищные набеги. В княжение Ивана Васильевича, собравшись с силами, мы могли начать уже наступательные походы, с разными успехами, а вместе принимать и сильнейшие оборонительные меры, ставить крепости, сыпать валы и умножать пограничную стражу. Наконец нам удалось принять участие во внутренних казанских делах: мы получили и потом утвердили влияние над ними, дошедшее мало-помалу до участия в назначении ханов. Измены вызывали наказания, — и Иван Васильевич Грозный, по совету нового своего правительства, чтоб положить конец тамошним смутам, вредным для Москвы, должен был взять Казань после продолжительной упорной осады, которая заняла в наших летописях место, равное с Куликовской битвой. Покровский собор, известный более под именем Василия Блаженного, увековечил покорение Казанского царства, а другое воспоминание о казанских набегах, продолжавшихся с лишком сто лет, сохраняется Московским крестным ходом 21 мая. Христианство немедленно было насаждено нами в Казани, и три знаменитых иерарха — Герман, Гурий и Варсонофий, причтенные впоследствии к лику святых, положили много трудов для его распространения во вновь покоренных землях.

Как татары казанские начали нападать на наши пределы до уничтожения Золотой Орды, так точно крымские, помогшие нам сперва разделаться с нею, начали тревожить нас прежде взятия Казани; они даже соединялись часто с казанцами и нападали сообща, так что мы по необходимости вошли с ними в соприкосновение и должны были озаботиться о своей безопасности с этой стороны. Крымцы были дальше от нас и потому дольше могли тревожить нас и оставаться без должного наказания. Многие походы их были губительны: вспомним Сафа-Гирея (1533), Саиб-Гирея (1547), Девлет-Гирея (1571), который требовал дани с Грозного и восстановления царств Батыевых, Казанского, Астраханского, опустошил всю Россию до Москвы, сжег столицу. «Людей погибло невероятное множество, — говорит Карамзин, основываясь на современных свидетельствах, — более 120 000 воинов и граждан, кро-

ме жен, младенцев и жителей сельских, бежавших в Москву от неприятелей, а всех около осьми сот тысяч»[*]. Казы-Гирей (1591) опустошил всю Россию и привел в трепет Москву.

Что касается до мелких набегов, то им счету нет. Представим для примера сведение о двух-трех годах.

«В 1617 году, 29 сентября, Болховский воевода, Богдан Вельминов, доносил о бое с татарами в Болховском уезде. Того же года, 16 октября, Ливенские воеводы доносили о степной битве за тридцать верст о Оскола; 27 октября прислал весть о бое с татарами Курский воевода Иван Волынский; 1618 года, 8 июня, также о степной битве с татарами донес Валуйский воевода Данилов; 19 июля Оскольский воевода донес о битве с татарами за 50 верст от Оскола. 21 июля были донесения о битве с татарами в Белевском уезде. 23 августа бился с татарами Дивенский воевода, князь Черкасский; 27 августа татары бились под Мценском; 8 октября другая битва за 50 верст от Ливен».

«Из росписи Курского воеводы Стрешнева значится, что в 1643 году на Курские места с 1 мая по 3 августа крымцы сделали 19 набегов, а в 1644 году восемь»[**].

Из этого краткого, за два-три года, сведения видно, можно ли было оставлять на воле Крым, это новое гнездо разбойников, поселившихся в нашем соседстве. Продолжительную работу задали нам крымцы: мы выжигали степи, прорубали засеки, строили забои на реках, сыпали валы и копали рвы, строили крепости, заводили городовых казаков по границе, в число коих принимались вольные люди из всех сословий. Наши разъезды проникали в степь глубже и глубже, точно так же линии крепостей, начинаясь с Оки, выводились одна за другой далее и далее. Таковы были оборонительные меры, которые уже лет через полтораста, если исключить несколько удачных попыток при Грозном, заменились наступательными точно так, как прежде против Казани.

---

* Карамзин. Т. IX. С. 180 и проч.

** См. статью Г. Белякова, напечатанную во Временнике Московского общества истории и древностей Российских (кн. IV, с. 59).

Памятниками крымских набегов остались: Донской монастырь, основанный в 1591 году, и Московский крестный ход 19 августа.

Крымские ханы поддались туркам — и вот начало отношений России и Турции, которые рано или поздно должны были столкнуться.

Все европейские государства с первого появления России на поприще действий почувствовали и поняли, что ей принадлежит задача сломить турок, и во всех своих договорах старались убедить русское правительство к принятию деятельных мер против общего врага, которого нынешняя цивилизация, наоборот, признает самым лучшим другом и необходимым членом европейского семейства.

Исчислим некоторые примечательные в этом отношении вызовы — и начнем с пап:

Павел II предложил руку наследницы Византийского престола, царевны Софии, племянницы последнего императора Константина, которая месте с братьями нашла себе убежище в Риме, Великому Князю Московскому Ивану Васильевичу (1472). «Папа, —говорит Карамзин*, —надеялся, во-первых, через царевну Софию, воспитанную в правилах флорентийского соединения, убедить Иоанна к принятию оных и тем подчинить себе нашу Церковь, во-вторых, лестным для его честолюбия свойством с Палеологами возбудить в нем ревность к освобождению Греции от ига Магометова.

Так точно действовали и преемники его: Сикст IV (1472)**, Александр VI (1503)***, Лев X.

Этот славный в истории искусств и наук папа писал к Великому Князю Василию Ивановичу (1519), что Константинополь есть законное наследие Российского Монарха, сына греческой царевны… что все благоприятствует величию России и мы станем на первой степени держав европейских, если, соединясь с ними против Оттоманов, соединимся и верою… что

* Карамзин. Т. VI. С. 39.

** Там же. С. 63.

*** Там же. С. 320.

он желает украсить главу непобедимого Царя Русского венцом Царя Христианского, без всякого мирского возмездия или прибытка, единственно во славу Божию*.

Климент VII (1526), Климент VIII (1595—1597) говорили то же.

Последний писал к Царю Федору Ивановичу, «что ему легко послать войско в Молдавию и взять султановы города на берегах Черного моря, где ожидает нас и слава, и богатая добыча, что мы лучше узнаем там искусство военное, ибо увидим, как немцы, венгры, итальянцы сражаются и побеждают турок, что от нас зависит присоединить к России земли, счастливые благорастворением воздуха, выгодами естественными, красотою природы, и чрез Фракию открыть себе путь к самой Византии, наследственному достоянию Московских Государей»** и проч.

Императоры немецкие смотрели на государей московских, в отношении к туркам, с той же точки зрения, как и папы, например: Максимилиан, чрез знатного своего посла Яна Кобенцеля, говорил Ивану Васильевичу, прося о возведении австрийского герцога Эрнеста: «Тогда вся Европа христианская заключит союз с тобою, чтоб одним ударом на морях и на суше низвергнуть высокую державу Оттоманов. Вот подвиг, коим мы можем на веки прославить себя и Россию! Изгоним турок из Константинополя в Арабию, искореним веру Магометову, знамением креста снова осеним Фракию, Элладу, и все древнее Царство Греческое на восход солнца будет твое, о Царь великий! Так вещают Император, св. Отец Папа и король Испанский»***.

Император Рудольф (1593) присылал в Москву сановника Николая Варкоча красноречиво доказывать необходимость единодушного восстания держав христианских на султана и требовать от нас денежного вспоможения или мехов драгоценных для войны с неверными****.

---

* Карамзин. Т. VI. С. 100.

** Там же. Т. X. С. 189.

*** Там же. Т. IX. С. 240.

**** Там же. Т. X. С. 180.

«Венгерский воевода Роберт (1578) молил Иоанна, как второго христианского венценосца, быть спасителем Европы, обещал ему знатное вспоможение золотом и людьми в войне с турками, убеждал взять Молдавию, оказанную России умершим в Москве Господарем Богданом»*.

Так думали о России все европейские государи в XV, XVI и XVII столетиях.

Подвластные туркам племена обратили на нее тогда же свои взоры и начали ожидать от нее себе избавления, просить покровительства, предлагать подданство — греки, славяне, валахи.

Россия, отдаленная от турок, могла сначала отвечать на общий вызов только изъявлением своего участия, сочувствия и готовности к услугам Европы в случае благоприятных обстоятельств; могла доставлять денежные пособия для предполагаемой войны, как, например, при Царе Федоре Ивановиче мы послали императору Рудольфу на воинские издержки: 40 360 соболей, 2760 куниц, 120 черных лисиц, 337 235 белок и 3000 бобров ценою на 44 000 московских тогдашних рублей**.

Федор, разумеется, по мысли Годунова, предлагал Польскому сейму, в случае избрания на Польский престол, «воевать лично и всеми силами Оттоманскую империю, низвергнуть хана Крымского, посадить на его место Сайдет-Гирея, слугу России, и, заключив союз с цесарем, королем Испанским, шахом Персидским, освободить Молдавию, землю Волошскую, Боснию, Сербию, Венгрию от ига султанского, чтобы присоединить оные к Литве и Польше, коих войско в сем случае будет действовать вместе с российским***.

Димитрий Самозванец мечтал о войне с турками.

Непосредственные же сношения России с Турцией были мирные и имели предметом преимущественно выгоды торговли. Описывая первое из них, Карамзин заметил: «Ни та, ни другая не могли предвидеть, что судьба готовит их к ужас-

* Там же. Т. IX. С. 227.

** Там же. Т. X. С. 184.

*** Там же. Т. X. С. 89.

ному взаимному противоборству, коему надлежало решить падение магометанского могущества в мире и первенство христианского оружия»*.

Султаны, получив власть над Крымом, простерли свои замыслы далее. Поводы к тому представлялись им часто, вследствие умножения точек соприкосновения, не только через Крым, но и Грузию. Послушаем Карамзина:

«Русские казаки поселились и укрепились на Дону. Они завладели сею рекою до самого устья, требовали дани с Азова, воевали Ногаев, Астрахань, Тавриду, не щадили и турок, обязывались служить вдали бдительной стражей для России, своего древнего Отечества, и водрузив знамение креста на пределах Оттоманской империи, поставили грань Иоанновой державы в виду у султана, который доселе не занимался нами, но тут открыл глаза, увидел опасность и хотел быть деятельным покровителем северных владений магометанских… Послы Солимановы убеждали князей Ногайских, Юсуфа и других, соединиться под хоругвию Магомета, чтобы обуздать наше властолюбие. Отдаление, написал к ним султан, мешает мне помогать Азову и Казани. Заключите тесный союз с ханом Крымским» (1552)** и проч.

В 1563 году Солиман затеял «соединить Дон с Волгою прокопом, основать крепость на переволоке (там, где сии реки сближаются), другую на Волге, где ныне Царицын, третью близ моря Каспийского, чтобы сперва утвердить безопасность своих Азовских владений и после взять Астрахань, Казань, стеснить, ослабить Россию. Главным орудием или действователем надлежало быть хану, который (Девлет-Гирей), опасаясь турок еще более, нежели России, отклонил султана от его намерения невозможностью исполнить оное»***.

Сын Солиманов, Селим, возвратился к этой мысли. Он хотел (1569) восстановить царство мусульманское на берегах Астубы, к чему склоняли султана князья Ногайские, хивин-

* Карамзин. Т. VI. С. 274.

** Там же. Т VIII. С. 139.

*** Там же. Т. IX С. 41.

цы и бухарцы, представляя ему, что Государь Российский истребляет магометанскую веру и проч. «Не слушая возражений Крымского хана, Селим (весною 1569) прислал в Кафу 15 000 спагов, 2 000 янычар и велел паше Касиму идти к переволоке, соединить Дон с Волгою, море Каспийское с Азовским, взять Астрахань или, по крайней мере, основать там крепость в ознаменование султанской державы»[*]. Этот поход кончился погибелью почти всего турецкого войска.

В 1571 году Селим в ответ послам царским требовал Астрахани и Казани или того, чтобы Иоанн, владея ими, признал себя данником Оттоманской империи[**].

В 1591 году турки были под Москвою, в войске Казы-Гирея.

Амурат (1592) в ответ на жалобы Федоровы напоминал опять о Казани и Астрахани и требовал, чтоб Царь велел Донским казакам разрушить их крепости на Дону и Тереке, иначе «не только велим хану и ногаям беспрестанно воевать Россию, но и сами пойдем в Москву своими головами, сухим путем и морем, не боясь ни трудов, ни опасностей, не жалея ни казны, ни крови»[***].

Это была, кажется, последняя сильная угроза турок, которые между тем уже начинали ослабевать внутренне.

Начинаются наступательные движения с нашей стороны.

Донские казаки взяли в 1637 году Азов и поклонились им Царю Михаилу Федоровичу. Царь, считая это дело земским, великой важности, созвал в Москве собор — сказать всяких чинов людям, что идет к Государю турской посол… говорить об Азове. И они б выбрали изо всяких чинов, из лучших, из средних и из молодчих людей, добрых и умных людей, с кем о том деле говорить[****].

---

* Там же. Т. IX. С. 127.

** Там же. Т. IX. С. 179.

*** Там же. Т. X. С. 173.

**** Арцыбышево повествование о России. Т. III. Отд. 2. С. 74, 79 и проч. См. статью Г. Лохвицкого в Моск. Вед. (1854. №. 70), из коей предлагается здесь выписка.

Дума, по обычаю тогдашнему, состояла из высшего духовенства, думных людей и из выборных свободных сословий. Духовенство на этой думе лично не присутствовало, а прислало свое мнение письменно; думные люди также не подавали голоса, потому что их мнение уже было известно Царю. Число выборных было следующее: 10 стольников, дворян 22, стрелецких голов 4, жильцов 12, дворян и детей боярских разных городов 112, гостей и торговых людей 12, посадских 20, всего 192 человека. Им роздано было каждому письменно царское предложение, которое состояло из двух вопросов: 1) принять ли Азов от казаков; 2) если принять, то последует разрыв с Турциею и Крымом, понадобятся многие ратные люди и на жалованье им деньги, хлебные и пушечные запасы не на один год, потому что война бывает у турских людей не на один год, — где это все взять?»

Духовенство отвечало, что его сан не дозволяет ему рассуждать о войне, но что оно готово жертвовать всем, когда Царь решит быть войне. Все сословия, подавая мнения порознь, объявили намерение жертвовать всем для войны с бусурманом. В сословии московских дворян самое решительное мнение подали Беклемишев и Желябужский. Высказав все клятвопреступления крымского хана, его безбожные нападения на Россию, они сказали, что ему не надобно посылать даров, а лучше объявить войну, «а та его Государева казна пригодится его ж Государевым ратным людям на жалованье, которые будут против их бусурман стоять». Азов, по их мнению, необходимо было взять, потому что в выдержании казаками осады видна особенная помощь Божия и что Господь Бог предает этот город России «в месть врагам, хотя Господь Бог прославити преславные свои чудеса, и избавити Православных християн от варварского нахождения и вечные крови». Кроме того, Азов имел ту важность, что если он останется за Россией, то «Ногай большой, и Казыевы и Кантемиревы улусы, и горские черкасы, Темрюцкие и Каненские и Бесленеевские и Адинские, будут все служить Государю, а только Азов будет за турки, и последние все ногаи от Астрахани и Азова откочуют». Для покрытия

военных издержек они предлагали произвести чрезвычайный налог, соразмерно состоянию, не исключая ни духовенства, ни дворянства. Для составления войска предложено ими было собрать даточных людей со всякого рода вотчин (то есть и с монастырских), чтоб «никто в избылых не был».

Сильный голос подали дворяне северных городов (Суздаля, Переславля-Залесского, Юрьева, Белого, Костромы, Смоленска, Новгорода и др.). На вопрос: «Принять ли Азов?» — они отвечали: «И тебе, благочестивому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Руси, прося у Всещедраго Бога милости, велеть Азов у Донских атаманов и казаков принять, и с турским и с крымским царем велеть разрывать за их многую пред тобою Государем неправду… а буде и не изволишь, Государь, Азов принять у Донских казаков, и Азов будет за бусурманом, и образ великого в пророцех Крестителя Господня Ивана Предтечи будет у них же, бусурманов. Не навести бы, Государь, на Всероссийское государство гнева Божия, и великого светильника, и вышнего во пророцех Крестителя Господня Ивана Предтечи, и великого Святителя и Чудотворца Николы, которыми изволением вышнего Бога поручил тебе, благочестивому Государю, такой дальный, крепкий украйный город, без твоей Государевой казны и без подъема твоих Государевых больших ратных людей, таким малым твоим Государевым людям?.. А ведомо тебе, Государю, Царю и Великому князю учинилось, что турского царя визирь сам хочет идти под Азов со многою силою и с крымским царем, чтоб Азов осадить, а многих воинских людей послать войною на государство Московское; и тебе, Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея России, прося у всещедрго Бога милости и Пречистыя Богородицы и Московских Чудотворцев помощи и заступления против такого нечестивого бусурмана и посягателя на истинную православную Христианскую веру и на твою Государеву отчину, велеть рать строить и люди собрать по своему Государеву указу, как было при прежних Государях, при Государе Царе и Великом Князе Федоре Ивановиче всея России и при

иных Государях, как они, Государи, в походах были против таких бусурман под Казанью и в немецких походах были, и их Государевы бояре с ними Государи были».

Меры денежные, предложенные дворянами северных городов, были также самые решительные. Между прочим они предложили: «Вели, Государь, взять Патриархову казну и у митрополитов, и архиепископов, и у епископов, и в монастырях лежачую домовую казну, для такия скорыя твоей Государевы службы». Относительно сбора ратных людей они предложили сделать усиленный набор даточных, а дворянству идти всему поголовно с большою службою, «и тут будет вся твоя Государева земля готова против таких нечестивых бусурман нашествия». За себя они сказали: «А мы, холопи твои, рады за дом Пречистыя Богородицы и Московских Чудотворцев, и за истинную сущую Православную христианскую веру, и за тебя, благочестивого Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руси, и за твою Государскую великую к нам, холопам твоим, милость против нашествия на твою Государскую землю таких нечестивых бусурман *работать головами своими и всею душою*».

Дворяне южных городов (Рязани, Коломны, Тулы, Калуги, Серпухова и проч.) не испугались предположения, что война с Турцией может продолжаться много лет, и отвечали: «А что, Государь, написано в росписи, что война бывает от турских людей не на один год, и то, Государь, в воле Божией, вольно Богу и в мале времени укротить».

Словом, все военное сословие обнаружило самое горячее желание идти на войну с турками.

Люди торговые отвечали: «А что, Государь, о Азове городе будешь ты, Государь, изволишь Азов принять для избавы православных христиан, и то, Государь, дошло до всей твоей Государевой земли православных христиан голов… а мы, холопы твои, твои гостишки и гостиныя и суконныя сотни торговые люди, ради тебя, Государю, за Царево и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руси многолетное здоровье, и за Православную христианскую веру помереть».

То же самое объявили и посадские люди.

Правительство рассудило уступить Азов, кажется, по недостатку средств.

Далее, в царствовании Царя Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, никакого столкновения между Россией и Турцией не было. Уже в 1672 году турки взяли от поляков Каменец-Подольский и приготовляли нападение на Чигирин, Киев и Украину.

Царь Алексей Михайлович начал принимать свои меры. По совету с духовными людьми объявил тогда в окружной свой грамоте*, «что турской салтан желание свое исполнил, крепкую оборону и замок государства Польского город Каменец со многими знатными городами взял и благочестивыя веры греческого закона церкви, пребывающие нерушимы от многих времен, разорил и учинил в них мечети, и всякое церковное украшение от церквей отлучил, и православных христиан похитил в плен и в расхищение, а какое поругание святым иконам и всему благочестию во время нахождения своего учинил, того подлинно и написать невозможно. И видя то, салтан турский, что ему в походах его учинились всякие находки, возгордился, что ему тою крепостью в многие государства путь учинился, приложил в то дело неуклонную мысль, что ему не токмо Польское государство разорить и завладеть, но и всеми окрестными христианскими государствами завладеть, паче же тщится на Московское государство войною и разорением, и в письмах своих к окрестным государям меж иными делы явил.

. . . .

И мы, Великий Государь, слыша о таковых неприятельских замыслах, а о согласной мысли св. Патриарха и архиереев и всего нашего Государского сингклита ревнуя, поревновах по Господе Бозе Вседержителе, упреждая его злое намерение, прося у Господа Бога милости и у Пресвятыя Богородицы, крепкие надежды и заступницы, помощи, изволил за святыя церкви… и за Православную христианскую веру, и за всех

* Собрание госуд. грамот гр. Румянцева. Т. IV. С. 284—285 и проч.

христиан к обороне против того неприятеля не токмо прибылыми полки на Севере промысл показать, но для совершенного усердия и попечения о святой Церкви и о всех христианах, взяв в помощь сильное и непобедимое оружие — святой и животворящий крест Господень, мы, Великий Государь, сам своим Государским походом, не отлагая идти к Путивлю со своими силами, или где Бог благоволит, а наперед указали мы, Великий Государь, послать своих, Великого Государя, бояр и воевод со многими ратьми конными и пешими полки, не щадя своей Государской казны».

Война не состоялась, ибо Царь Алексей Михайлович вскоре скончался (1676, янв. 29).

Уже в 1678 году, по вступлении на престол Царя Федора Алексеевича, турки старались исполнить свое намерение против Чигирина и Киева, но были разбиты под первым городом царскими войсками с гетманом Самойловичем*.

В 1680 году было заключено перемирие на 20 лет, по которому с турецкой стороны уступлено России Запорожье и обещано не строить крепостей в заднепровских пустынях, принадлежащих Турции**.

Так началось от Днепра наше наступательное движение вперед.

Срок перемирия еще не кончился, как война возобновилась, вследствие продолжавшихся неистовств татарских, и в 1687 и 1689 годах, по мысли князя Василия Васильевича Голицына, любимца царевны Софии, предприняты были два большие похода в Крым.

София, ободренная вызовами европейских государств, думала уже о совершенном уничтожении всего турецкого владычества, «а такого де удобного времени, что при помощи Божией их бусурманов ныне побеждать и до конца искоренить, а православных христиан из-под их бусурманской неволи свободить, за тысячу лет не бывало»***.

* Арцыбышев. Т. III. Кн. 6. С. 180.

** Там же. С. 184.

*** Собрание государств. грамот… Т. IV. С. 580.

Царевна София принимала живое участие в судьбе христиан «в Греческой, Роменской и Морейской и Сербской и Болгарской землях».

Успех походов не соответствовал ее предположениям.

Голицынские походы были последним событием древней Истории; в следующем году (1689) на престол Российского государства вступил шестнадцатилетний Петр.

Не место говорить здесь вообще о значении Петра Великого в истории России и Европы. Мы должны рассмотреть его только в отношении к нашему вопросу.

Неудержимая внутренняя сила повлекла пылкого юношу сначала по голицынскому следу при живом воспоминании о недавних неудавшихся походах на юг под Азов (1695). Юг и север как будто тогда открывались пред нашим Петром: какую сторону выберет он поприщем своей деятельности. Это была решительная пора в его жизни и жизни России на долгое время. Петр обратился к северу. Непременное желание, возникшее тогда уже в его душе, — преобразовать или объевропить — Россию решило этот выбор: на юге, как ни был он привлекателен, Петр отделялся от любезной своей Европы многими государствами, с которыми должно б было долго воевать ему без уверенности в успехе, а на севере сообщение с Европою казалось открытым: опасная Швеция доставалась новому, молодому государю, от которого не было причин ожидать какого-нибудь сильного сопротивления. Нашлись союзники с личными своими видами на Швецию. Они вызвались помочь Русскому Царю и доставить владение на берегах Балтийского моря, принадлежавших, впрочем, нам искони. Петр начал с Швецией войну, которая оказалась не такою легкою, как он предполагал сначала: Карл XII заставил его трудиться до пота лица. Двадцать лет он боролся с шведским рыцарем, то есть почти всю свою жизнь (1700—1721), хотя еще в середине этого времени одержал Полтавскую победу (1709) и положил краеугольный свой камень в основание нового европейского города Петербурга (1703), которым началось политическое тяготение наше к Западу,

продолжающееся полтораста лет и в наше время дошедшее до своей крайности.

Эпизодом Шведской войны был поход его в Молдавию по вызову господаря князя Кантемира, где он имел несчастье, вследствие неверных известий, попасться в затруднительное положение на Пруте, и принужден был отказаться от Азова (1711).

Судьба Турции отсрочена была надолго: но Петр твердил европейским государям при всяком случае о необходимости разрушить Турецкую империю. Христианские ее обитатели часто обращались к нему с молениями избавить их от мусульманского ига и предлагали ему свое подданство. Славянские демонстрации начались с особенною силою.

Потеря Россией Азова ободрила крымцев: хищники начали опять нападать на смежные области и грозили даже Астрахани: Петр не успел наказать их, хотя под конец своей жизни и совершил поход в Персию (1722) по просьбе шаха с целью устранить турок от вмешательства в дела Персии, обеспечить русскую торговлю на Каспийском море и, если возможно, проложить ей путь до самой Индии*.

Крымские набеги после смерти Петра продолжались. Турки буйствовали. При императрице Анне снаряжено было войско под предводительством Миниха и Ласси, которым обещались содействовать австрийцы, желавшие распространить свои пределы на счет Турции. Азов и Очаков были взяты. Под Ставучанами турки были разбиты наголову, и только отдельный мир, заключенный предательски австрийцами (как рано начали они доказывать нам свою дружбу!), которые были на всех пунктах разбиты (в Сербии, Боснии и Валахии), заставил нас вступить в переговоры, порученные вследствие козней немецкой, то есть Бироновской, партии, французскому посланнику в Константино-

---

* Русская История Устрялова. Ч. II. С. 13. Я нарочно выбрал эту учебную книгу для извлечения некоторых исторических показаний о новом времени, чтоб удалить всякое подозрение в натяжках или пристрастии с моей стороны.

поле Маркизу Вильневу*. Французу простительно было не думать о русских выгодах, как немцам думать о своих, — и он отказался от плодов блестящего Минихова похода, так что Россия по Белградскому миру получила только страну между Бугом и Донцем, и султан согласился срыть Азов и дозволить русским купцам отправлять товары в Черное море, но не иначе как на турецких кораблях. А Миних после Ставучанской победы, взяв Хотин, покорив Молдавию, которая с радостью поддалась и согласилась принять от нас Господарем Кантемира, Миних собрался уже переправляться чрез Дунай и идти на разрушение Турецкой империи!

Это было за сто слишком лет до нашего времени. Так естественно представлялась эта мысль всякому умному человеку, которому случалось вблизи видеть дунайские и турецкие отношения!

Несчастный фельдмаршал должен был вскоре унести эту мысль в глубину Сибири (1741) и там наслаждаться ее развитием в ожидании лучших обстоятельств для себя и для России.

Вступила на престол императрица Екатерина II (1762). Миних был возвращен и представил ей свой знаменитый проект, который он обдумывал на досуге двадцать лет: завоевать Константинополь и выгнать турок их Европы. Но Екатерине нужно было прежде устроить дела свои в Польше, где европейские наши враги готовились устроить себе средоточие своих ковов против России, начинавшей производить в них опасения.

Они возбудили первую Турецкую войну (1768—1774), чтобы привести нас еще в более затруднительное положение, — и вместо того дали прекрасный предлог и средство к усилению, возвышению и прославлению России.

---

* Г. Сен-Марк Жирардень, рассуждая о Белградском мире, недавно еще распространялся в «Journal des dëbat» в похвалах этому дипломату, понимавшему очень хорошо выгоды Франции. Случалось ли в какой истории подобное явление? Препоручить заключение мира враждебному или, по крайней мере, чужому дипломату, — а у нас такие явления повторялись беспрестанно!

Мустафа III не хотел сначала признать Понятовского королем польским, требовал, чтобы мы вывели войска из Польши и отказались от участия в делах Речи Постолитой, и наконец объявил войну России, воспользовавшись предлогом нашего случайного вступления в турецкие границы при преследовании барских конфедератов. Посланник наш Обрезков был заключен в семибашенный замок. Крымскому хану дано повеление вторгнуться в наши пределы*. «В жестокую зиму 1768 года татары ворвались в Новую Сербию и опустошили ее. Между тем Порта подняла все свои силы. Более 300 000 человек под начальством визиря готовились весною 1769 года вступить в Польшу для изгнания оттуда русских войск и для свержения Станислава Августа с престола.

Императрица с своей стороны вооружила две армии: первая, под начальством князя Голицына, должна была удерживать визиря от вторжения в Польшу, вторая, под предводительством графа Румянцева, обороняла южные пределы от крымских татар; сверх того, посланы были отряды на Кубань для развлечения турецких сил и на Кавказ для содействия владетелям Карталинии, Имеретии и Мингрелии»**.

История войны слишком известна. В 1770 году турки сосредоточили свои силы на левом берегу Дуная, между Днепром и Прутом. Русских без всякого сравнения было меньше, но Екатерина написала Румянцеву, что римляне никогда не спрашивали, сколько против них врагов, а только где они.

«Узнав, что крымский хан появился в окрестностях Бендер, осада которых поручена была графу П. И. Панину, и что турки переправляются через Дунай для соединения с татарами, он повел свое войско левым берегом Прута против хана в намерении разбить его прежде, чем визирь успеет подать ему помощь. Для ускорения похода велено было оставить обоз и кинуть рогатки, которые доселе считались необходимыми в войнах с турками. «Огонь и меч будут вам защитою», — го-

* Heerens Handbuch der Geschichte des Europaischen StaatensVstems. Ч. II. С. 147.

** Русская История Устрялова. Ч. II. С. 186.

ворил Румянцев русским солдатам. 7 июля он увидел на берегах Ларги стотысячную армию хана крымского, напал на нее в укрепленном стане, овладел им со всею артиллериею, рассеял татар и двинулся вперед на самого визиря, который с главным войском шел по следам хана и уже достиг пути Траянова…

Здесь, на берегах реки Кагула, встретился с ним Румянцев. Визирь остановился, чтоб укрепить по обычаю свой лагерь и дать время крымскому хану собрать свою орду для нападения на русских с тыла, между тем как сам он намеревался ударить на них спереди. Положение Румянцева было опасное: в армии его, ослабленной моровою язвою и отдалением нескольких полков для прикрытия подвоза съестных припасов, находилось не более 17 000 человек; с тыла грозили 80 000 татар. В таких обстоятельствах редкий полководец сохранил бы присутствие духа. Румянцев не оробел, и, дав войску несколько часов для отдыха, повел его в бой.

Турки были совершенно разбиты. В одно время с Кагульскою битвою сожжен был при Чесме и турецкий флот — 24 июня 1770 года. Греки и славяне восстали. Татары буджакские признали власть России: крымские готовились также, не надеясь более на покровительство Порты; Мустафа трепетал за свою столицу, опасаясь, что русские прорвутся за Дарданеллы, которые успели, однако ж, укрепить французские инженеры, и обратился к Австрии и Пруссии с просьбой о защите. Кауниц вступился горячо за Турцию под предлогом опасности политическому равновесию Европы* и предложил Фридриху II употребить вооруженное посредничество для примирения воюющих держав. Фридрих не желал пользы России, но, с другой стороны, опасался потерять дружбу Екатерины какими-нибудь решительными действиями и потому ограничился только тем, что известил ее о желании

* Русская История Устрялова. Ч. II. С. 190. Благоволят читатели обратить внимание на это выражение: вот им пример, как давно употребляется оно предлогом для закрытия совершенно других видов. Сколько раз даже с 1770 года все европейские государства меняли свой вес, становившись тяжелее или легче, а политика все еще твердит о равновесии. Не смешно ли слышать этот вздор, и кого же можно обмануть такою нелепицей!

султана примириться и о своей готовности содействовать заключению мира…

Екатерина попросила Фридриха не мешаться в ее делах и посоветовать то же самое Венскому кабинету: для сведения же обоих дворов сообщила Прусскому королю, что независимость татар и свободное плавание русских кораблей по Черному и Азовскому морю будет основанием договора, а присоединение Молдавии и Валахии к России вознаградит ее за многие пожертвования…

Последнее условие встревожило Кауница, который никак не хотел видеть Молдавию и Валахию во власти России, предполагая со временем, при первом удобном случае, присоединить ту и другую страну к Австрии. Вследствие сего он склонил Марию Терезию к заключению оборонительного союза с Турцией, собрал многочисленную армию в Венгрии и пригласил Фридриха действовать совокупными силами в защиту султану… Фридрих II придумал средство в одно и то же время вознаградить Россию, спасти от нее Молдавию и Валахию, поддержать падающую Турцию, успокоить Австрию и расширить пределы собственных владений. Средством к тому служила Польша*».

Предательский план, на который Екатерина имела слабость, неосторожность или необходимость согласиться!

Неизвестно, какие у ней были виды на будущее время, но она решилась, с совета своих министров (кроме Панина), воспользоваться случаем возвратить значительную часть древнего русского достояния, без всякого почти с своей стороны труда, и ослабить соседнее враждебное государство, которое причиняло ей столько забот. Она не подумала, что вместе с сим возвращением два другие, иноплеменные, усиливались значительно и получали даром богатые области, отнимая их у невинного перед ними соседа. Наши области возвратились бы к нам, так или иначе, рано или поздно, впрочем, хорошо рассуждать нам, через сто почти лет, а тогда, может

* Русская История Устрялова. Ч. II. С. 191.

быть, нельзя было иначе поступить. Удержимся от бесполезных, несправедливых порицаний, а будем стараться лучше исправить поврежденное. Но это мимоходом.

Россия, при этом беззаконном разделе Польши, в котором виновата больше всех Пруссия, а за нею Австрия, отказалась от требования Молдавии и Валахии, получила только законную свою собственность, древнейшую свою область Белоруссию, Австрия — Галицию, также древнейшую область России, а Пруссия — Померанию.

Между тем с турками у нас война продолжалась вследствие несогласия при переговорах и еще более обещания Франции прислать флот в архипелаг и возбудить против России шведского короля Густава III. России, растревоженной войной, чумой, Пугачевским бунтом, при опасностях со стороны Польши было очень тяжело, но Екатерина не уныла и, несмотря на неудачный конец похода 1772 года, собралась с новыми силами, уполномочила недовольного Румянцева вести войну, как он заблагорассудит, — и он победами своими с Суворовым, Каменским и прочими знаменитыми сподвижниками принудил наконец турок согласиться на Куйчук-Кайнарджийский мир (1774).

По этому знаменитому договору Турция обязалась признать независимость татар крымских, буджакских и кубанских уступить России Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн, открыть русским купеческим кораблям свободное плавание из Черного моря в Средиземное, предоставить русским подданным в турецких областях все льготы, которыми пользовались французы и другие наиболее покровительствуемые народы, даровать всеобщее прощение грекам, славянам, молдаванам и валахам и проч. Наконец Россия получила право покровительствовать своим единоверцам, греческим и славянским, обитателям Молдавии и Валахии*.

Так кончилась первая Турецкая война, которую возбудили французы и в которой австрийцы и пруссаки старались всеми силами мешать России (англичане были заняты

* Русская История Устрялова. Ч. II. С. 198, 205

в Америке), но которая обратилась совершенно в ее пользу и доставила ей трактат, послуживший основанием всех следующих успехов.

«Со времен Кайнарджийского мира распространилась, и не без основания, всеобщая молва о намерении Екатерины II овладеть Константинополем и на развалинах Оттоманской Порты восстановить Греческую империю»*.

Представителем этой мысли явился Потемкин. Но от подобной мысли до исполнения всегда бывает далеко: много периодов развития она должна перейти, много опытов неудачных должно бывает совершиться. Как ни отважен был Потемкин, как ни проницательна была Екатерина, но они не надеялись на свои собственные силы, а вспомогательные средства в недрах противной стороны видели неясно, и положили, что без согласия соседних государств проекта своего им исполнить не удастся.

Первым шагом на этом пути было присоединение Крыма. В Крыму, получившем себе независимость, начались, естественно, партии, партия турецкая и партия русская. Турки показали участие и имели неосторожность вступиться в дела своей партии; нам нельзя было оставаться праздными зрителями. Турки заняли Тамань, и русские полки нагрянули со всех сторон на полуостров, раздираемый междоусобной войной: судьба его была решена. Крым присоединен к России манифестом 8 апреля 1783 года.

Вслед за тем грузинский царь Ираклий II, также по старанию князя Потемкина, объявил себя подчиненным России**.

Присоединение Крыма и подданство Грузии произвело в Турции всеобщий ропот: народ требовал войны, но как войска наши стояли на южных пределах в готовности, а австрийский император Иосиф II (привлеченный на нашу сторону надеждой получить Баварское наследство) объявил, что готов действовать заодно с Россией, то Диван признал за лучшее вступить

* Русская История Устрялова. Ч. II. С. 204. Замечательно участие Волтера, см. его переписку с Императрицей.

** Там же. Ч. II. С. 214

в переговоры и прибегнул с просьбою к дворам Английскому и Французскому принять участие в делах крымских. Императрица не хотела слышать ни о каком посредничестве и требовала от Порты решительного ответа, признает ли она присоединение Крыма к России*.

Порта уступила (28 декабря 1783).

Мы изложили выше исторические и политические причины, почему России необходимо было овладеть Крымом. Но посмотрите на карту, спросите географию и даже геологию, и вы получите тот же ответ, что Крым есть одна из необходимых оконечностей русского тела; ветвь, которая не может быть отделенною от дерева; часть, которая должна принадлежать к своему целому, без нее неполному. Присоединение Крыма к России есть необходимость географическая, так же как историческая и политическая. А в форме осуществления идеи, в форме исполнения необходимости, может быть, есть что-нибудь подвергающееся нареканию, осуждению, согласен, да в чем же человеческом этого нет и как его избежать?

Враги России не успокоились и, стараясь вредить, продолжали служить ей. Видно было, как видно и есть, для имеющих очи видети, что Крыма для России мало и что она должна идти дальше.

Англичане и пруссаки возбудили вторую Турецкую войну (1781, 1791). Англичане, мстя за вооруженный нейтралитет императрицы Екатерины, а пруссаки — за дружбу с Австрией. Порта надеялась возвратить себе Крым при содействии преимущественно Англии.

Исполнилось горячее желание Потемкина: «война началась». Все предвещало России самые блестящие успехи. Уверенная в своих средствах, Екатерина хотела освободить от власти султана Молдавию, Валахию, Болгарию и образовать из них особое государство под именем Дакий**. (Славяне все еще неясно представлялись в уме.) «Потемкин стремился далее: он только и ждал разрыва, чтобы исполнить любимую мысль

* Там же. Ч. II. С. 216

** Там же. Ч. II. С. 219.

свою — овладеть Константинополем, разрушить Турецкую империю и на развалинах ее основать Греческое царство».

Союзники наши, австрийцы, опять остановлены и везде расстроены турками; но русское оружие покрылось новою славою. Очаков был взят приступом. При Фокшанах Суворов выручил принца Кобургского и решил победу. Расскажем одно из следующих событий словами нашей учебной Истории, чтобы представить совопросникам несколько пунктов для сравнений и сближений:

«При Фокшанах был разбит только отдельный 30 000-ный корпус турецкой армии; главные силы под начальством самого визиря, около 100 000 человек, находились за Дунаем. Он спешил отмстить за столь неожиданное нападение, перешел со всей армией Дунай, вступил в Молдавию и расположился на берегах Рымника, чтоб, укрепив по обычаю лагерь, напасть на принца Кобургского, стоявшего в нескольких встречах от занятой турками позиции. Принц спешил уведомить Суворова о грозившей ему опасности. Суворов не замедлил явиться, совершив самый трудный переход скорее, чем ожидали его австрийцы, и по-прежнему отдал приказ готовиться к нападению на врагов. Тщетно представлял ему австрийский полководец, что, при чрезвычайном неравенстве силы, одно только благовременное отступление может спасти их малочисленный отряд от явной гибели. Суворов не хотел слышать о ретираде и объявил, что, если австрийцы не хотят сражаться, он и без них разобьет визиря. Принц должен был уступить его непреклонной воле. Бой был жестокий и продолжительный. Союзные войска дружно напали на неприятельскую армию, расположенную в четырех укрепленных лагерях. Ни топкие болота, считавшиеся непроходимыми, ни глубокие рвы, ни отчаянная храбрость янычар, ни многочисленная артиллерия, — ничто не могло остановить Суворова и достойного сподвижника его. Поддерживаемый принцем, он брал лагерь за лагерем, выбил турок из окопов, из лесов, рассеял всю неприятельскую армию и прогнал ее за Дунай. Визирь бежал в Шумлю и там умер с тоски»*.

* Русская История Устрялова. Ч. II. С. 224.

Англия подготовила нам нового врага — шведского короля Густава III, питавшего непримиримую ненависть к России за первенство, которое она присвоила себе на Севере.

«Густав заключил с Турцией договор, обещал содействовать ей к возвращению Крыма, вооружил на счет ее войско и флот, вступил в Финляндию и объявил нашему кабинету, что он согласен оставить нас в покое, если Императрица откажется от Крыма, примирится с Турциею на условиях Белградского договора и уступит все, чем она владела в Финляндии. Король требовал решительного ответа, да или нет, давая знать, что он не намерен вступать ни в какие объяснения. Если бы он овладел Петербургом и Москвою, возразила Екатерина, то и тогда не приняла бы я столь унизительных условий, сама выступила бы с войском и доказала свету, что можно сделать, предводительствуя русскими»*.

Победы Чичагова, Нассау-Зигена, Круза заставили вскоре Густава отказаться от своих замыслов и заключиться в прежних границах.

«Но прочие враги продолжали действовать. Пруссия и Англия условились принудить Россию и Австрию прекратить войну и возвратить Порте отнятые крепости. К их союзу приступили Голландия и Польша. Назначен был конгресс в Рейхенбахе. Екатерина поблагодарила посредников за доброе старание, отвечала, что не намерена допускать постоянного вмешательства в свои дела, уклонилась от участия в конгрессе и в то же время предписала Потемкину нанести туркам удар решительный**.

«В ответ на предписание взят был Суворовым Измаил. Падение Измаила поколебало твердость Порты и вооружило ее союзников. Англия, Пруссия и Польша вооружились. Британский флот готовился идти в Балтийское море. Прусские войска двинулись к пределам Курляндии, польские выступили в Волынь. Екатерина видела опасность своего положения, но оставалась непреклонной в намерении кончить споры с Турцией

* Там же. С. 225.

** Там же.

без постороннего вмешательства и брала свои меры к борьбе с новыми врагами России*. Твердость ее получила достойную награду благодаря новым победам ее полководцев: 1 августа 1791 года заключен был в Яссах мир (Потемкин незадолго пред тем скончался), по коему Турция обязалась исполнить все условия Кучук-Кайнарджийского договора, признать господство России над Крымом и уступить ей с Очаковом пространство между Бугом и Днепром».

Условия были выгодны, но они далеко не соответствовали общим предположениям и первым надеждам. Екатерине надо было отложить турецкое дело, потому что ей грозила опасность со стороны Польши. Там дела ее приняли вскоре счастливый оборот; благодаря победам Суворова она успела еще возвратить древнюю Волынь и Подолию (1793) и, наконец, Литовские губернии и Курляндию (1794). Из древней России осталась в чужих руках только Галиция.

В последние годы внимание императрицы Екатерины, уже состарившейся, было отвлечено от Востока новыми европейскими явлениями, то есть Французской революцией. Турция была почти совершенно оставлена без внимания, и мы от Востока, при ее приемниках, обратились к Западу и все свои старания, все свои усилия устремили на чужие дела без всякой пользы для себя, о чем писано в пятом письме.

В промежутке только Наполеоновских войн нам случилось сходить по старой дороге в Турцию. Эту войну, в царствование императора Александра, воздвигла Франция, чтоб отвлечь нас от пособия Пруссии (1805). Обстоятельства совершенно нам не благоприятствовали, хотя мы и одержали по давней привычке несколько побед: но как будто в исполнение закона судьбы, — чтобы не оканчивать ни одной войны с Турцией без поступления вперед, пред самым нашествием Наполеона Кутузов заставил визиря согласиться на заключение мира в Бухаресте и уступить нам Бессарабию 16 мая (1812), предоставив многие преимущества Сербии, Молдавии и Валахии.

* Русская История Устрялова. Ч. II. С. 229.

Началась война России с Наполеоном. За нею последовали походы 1813 и 1814 годов в Германию и Францию.

Турки, пользуясь сими тяжелыми для России обстоятельствами, не выполняли, под разными предлогами, принятых на себя обязанностей.

По свержении Наполеона в Европе возникли новые отношения. Опасение возбудить общую войну, при шатком и тревожном состоянии Запада, препятствовало императору Александру, принявшему на себя звание блюстителя европейского порядка (см. письмо пятое), настаивать на своих правах. Так прошло несколько лет. Наконец и его терпение истощилось. Между тем восстала Греция (1821), которой, с прискорбием сознаться должно, сначала мы старались противодействовать, но впоследствии приняли под свое покровительство согласно с Англией и Францией.

Турки, видя над собою грозу, вняли нашим требованиям, и заключена была, уже при Императоре Николае (1826), Аккерманская конвенция, в подтверждение Бухарестского договора, без участия европейских государств, которое было отклонено согласно со всеми здравыми преданиями Екатерининской политики.

В Аккермане не было помянуто о Греции ни слова. Турки продолжали ее опустошение, отвергнув, в своем ослеплении, посредничество Англии и России, к коим пристала и Франция (Лондонский трактат 24 июля 1827 года). Последствием было сожжение турецкого флота при Наварине (8 октября).

Махмуд приписал и Греческое восстание, и Лондонскую конвенцию, и Наваринский бой проискам России и начал неприязненные действия. Император Николай должен был принять его вызов. После долгого ожидания перемены в образе действий султана объявил он пред начатием войны, что не хочет ничего более Бухарестских и Аккерманских условий, — и все европейские державы согласились в справедливости и умеренности его требований. Но судьба влекла Турцию: она не внимала голосу мира, и война началась. Победа следовала за русскими знаменами; в продолжение двух лет с половиной

взяты Браилов, Варна, Силистрия, Рущук, Ахалцих, Карс, Баязид, Арзерум. турки разбиты при Кулевчи. Паскевич разгромил Азиатские корпуса. Дибич перешел через Балканы и занял Адрианополь, в двух днях расстояния от Царя-града. Султан принужден был просить о мире, при ходатайстве европейских держав, которые следили за каждым нашим шагом и мешали нам на каждом шагу. В Адрианополе подписаны были условия (1829); они были очень умеренны: чтобы не возбудить еще больше зависти европейских держав, мы удержали за собою из наших завоеваний только Анапу, Поти, Ахалкалах и Ахалцих — крепости, необходимые для безопасности Закавказского края. Права Сербии, Молдавии и Валахии были распространены и умножены. Судьба Греции предоставлена решению трех держав.

Вот краткое обозрение наших отношений к Турции до настоящего времени. Выведем итоги под нашими слагаемыми.

Войн, кроме нынешней, было пять: одна при императрице Анне, две при императрице Екатерине, одна при императоре Александре и одна при императоре Николае.

Все эти войны были с нашей стороны оборонительные, то есть мы должны были принимать вызов, а сами никогда войны не объявляли.

Во всех войнах мы подвигались вперед, и по всем договорам Россия распространяла свои пределы и получала новые области, сперва за Днепром, потом до Буга, потом до Днепра, потом до Прута, потом до устьев Дуная.

Во всех войнах как англичане и французы, так австрийцы и пруссаки старались всеми силами вредить России, и если уступали, то по одной необходимости: в первой, Екатерининской, только мало участвовали англичане, потому что заняты были в Америке, во второй австрийцы были на нашей стороне потому, что имели нужду в нашем согласии на приобретение ими Баварского наследства.

Обстоятельства европейских государств, в продолжение столетнего с лишком периода, нами рассмотренного, были совершенно различные, но сходились они всегда во враждебной

политике к России; следовательно, политика их, враждебная России, зависит не от случайных обстоятельств, а лежит глубоко в их натуре, и нельзя ожидать, чтоб они переменили свою натуру только для нынешней войны. Напротив, все прежние темные их предчувствия теперь уяснились, и они ненавидят уже Россию не по чутью, а сознательно: при императрице Екатерине Россия не была, например, так опасна Англии, как теперь, когда она проникла до внутренней Персии и стоит пред Бухарой, Хивой и Индией. В прошедшем столетии силы племен славянских не были известны себе, не только Австрии, сочувствие их к России не беспокоило ее, и она не трепетала за свое существование. Европа не имела никакого понятия о славянах, а теперь из всех европейских государств не умеет ценить их разве одна Россия.

О начале нынешней войны говорить я не стану; она рассмотрена в прежних моих письмах: скажу только, что император Николай мог терпеть существование Турции, пока она сохраняла какую-нибудь самостоятельность, пока царствовал там Абдул Меджид или Махмуд, которого он даже спас однажды от притязаний египетского паши, но царствования лорда Редклифа Россия допустить не может: а что в Константинополе царствует теперь этот благородный лорд, то засвидетельствовано самим французским посланником Барагей д'Илье.

Дела наши пошли очень дурно вследствие той же несчастной политики, которая заставляет нас испить горькую чашу до самого дна. (О нескольких отдельных блистательных сражениях, особенно в Азии, оставшихся без последствий, говорить нечего.) Нас загнали за Прут, в собственные наши пределы, с других же сторон пределы обесчещены: многие азиатские крепости на Кавказском берегу уничтожены и заняты; Крым, Одесса, Финляндия и даже Петербург должны опасаться нападения. Европейские державы требуют ревизии всех наших трактатов, то есть хотят, чтобы мы отказались от всех прав, купленных кровью наших предков; требуют, чтоб военные их корабли плавали свободно в Черное море, то есть чтобы они

могли нападать на нас, когда заблагорассудят; требуют, чтоб мы ослабили свои силы и уравняли их с турецкими, то есть чтоб мы лишили себя средств даже и сопротивляться им, дали им гарантии, а от них не спрашивали никакой. Одним словом, они требуют, чтоб мы отказались от нашей истории и нашей миссии и предали себя на их волю.

Требования невозможные, отвергаемые здравым смыслом, не только политикою, историею и чувством народной чести. Что сказал бы Петр, что сказала бы Екатерина, что подумали б Румянцев, Потемкин, Суворов, Кутузов, Державин, Карамзин, Пушкин, если б мы приняли подобные условия и положили оружие?.. Россия возлагает твердую надежду на того, кому поручена в настоящее время судьба ее…

Война с Турцией, в таком положении дела, необходима не только как исполнение судеб исторических, продолжение нашего тысячелетнего пути, но как защита нашего существования, нашей жизни, безопасности и нашей чести. Россия принуждена теперь стремиться к уничтожению Турции не в исполнение замыслов честолюбия или властолюбия, а по требованию обстоятельств, по силе вещей, как она прежде должна была уничтожить власть крымцев, казанцев, монголов, половцев и печенегов.

Вперед! С нами Бог — и пускай европейские дипломаты наши провозглашают торжественно: «I’integrite de I’empire ottoman».

Мы рассмотрели события с точки зрения Русской Истории: Россия есть государство не только русское, но вместе и славянское, как мы недавно узнали.

Славянская История, с своей стороны, влечет ее к той же цели, которую имеет она и сама по себе, по своей собственной Истории.

Европа давно уже испугалась единоплеменности нашей со славянами.

Долго раздавались жалкие вопли и стоны славян. Никто их не слыхал, никто их не понимал, никто не принимал их к сердцу. Это был глас вопиющих в пустыне. Не видать было

конца их тяжким мукам, и только в лучших благородных сердцах таилась надежда, что истина, рано или поздно, возьмет свое. И вот наступило настоящее время со своими страшными уроками. Но возвратимся к истории.

Все славянские государства пали, в исполнение каких-то непостижимых для нас судеб исторических — Богемия, Моравия, Померания, Силезия, Кроация, Славония, Далмация, Босния, Сербия, Болгария, Польша. Одна Россия, самое младшее между ними, возникнув после всех, восстала, утвердилась, усилилась и заняла первое место в Европе, во всем мире. Не лежит ли на ней обязанность подать руку помощи угнетенным ее старшим братьям, у которых испиваемая чаша бедствий преисполнилась и мера человеческого терпения истощилась? Можно ли отвечать на этот вопрос отрицательно? Так, в семействе младший разбогатевший брат должен, как будто по определению Божию, помогать старшим разоренным братьям, сделаться покровителем и главой всего семейства.

Первое место между славянами, по своему бедственному положению, занимают турецкие, которых мы и узнали прежде всех, войдя в непосредственное сношение с Турцией и имев множество случаев удостовериться в любви и преданности своих единоплеменников.

Славян в Турции 10 миллионов, а турок — один миллион; славяне работают, турки ничего не делают; славяне за свою работу не имеют права даже носить головы без выкупа, а турки наслаждаются блудно плодами их кровавых трудов. Имущество славян, их жены и дети — все во власти турок, которые могут делать с ними все, что хотят: имени другого им нет, кроме собак. Мучения славян, которые начали наконец чувствовать свои силы вслед за греками, превосходят все меры. Стоны их донеслись сначала до Москвы, потом и до Петербурга. Сам Государь принял наконец участие в славянской судьбе. Спрашивается: обязана ли Россия подать славянам помощь по естественному праву, по человеческим чувствам?

Обязана. Никакими софизмами нельзя опровергнуть этой обязанности, ясной как день. Обязана, если б они были

даже чужие, только люди и страдальцы, христиане, а они нам братья, старшие братья, в которых течет одна кровь с нашею и которые говорят одним с нами языком. Наши исторические, родственные обязанности совершенно совпадают с человеческими, христианскими.

Этого мало. Родные, христиане, славяне одни исповедуют Христианскую веру одинаково с нами и составляют одну с нами Церковь. Следовательно, Церковь благословляет нас на войну и даже требует ее во имя всех христианских обязанностей.

Напрасно европейцы хотят разделять с нами право покровительства над турецкими христианами. Это только пустые слова или, еще хуже, злые умыслы. Пример Греции показывает нам, как они готовы заботиться о славянах, о которых никогда и не думали. Все предполагаемые ими меры ничтожны и неисполнимы. Они не только не хотят добра славянам, но и не могут сделать ничего, кроме зла, потому что принадлежат к другим исповеданиям, называют Церковь славян — ересью, ненавидят ее больше ислама и торжественно проповедуют войну против нее устами даже Парижского архиепископа в послании, которое сочинял, говорят, их первый, самый кроткий, христианский философ аббат Боттен. Последняя европейская медаль с надписью: католицизм, протестантизм, исламизм, под покровительством Божиим, — яснее всех рассуждений показывает отношение Западной Европы к Православию. Как же можно предоставить европейцам участие в покровительстве славян в Турции. Это есть non-sens. Следовательно, мы, и только мы, обязаны защищать и покровительствовать славян в отношении к их вероисповеданию как единственные, сильные сыны Православия. К обязанностям историческим, родственным, христианским присоединяются обязанности церковные, обязанности единоверия.

И это еще не все. Веру нашу, нашу грамотность, наше просвещение, наше богослужение на общепонятном для народа языке, то есть преобразование нашей жизни умственной и нравственной, определение нашей истории, причину, начало, почему русский народ таков, как есть, мы получили от этих

славян, которые ждут теперь нашей помощи. Благодеяние, вековечное благодеяние, которое они оказали нам, во время оно, неизвестное нашим дипломатам, ни с чем сравнено быть не может: оно дороже для нас всего на свете: и за такое благодеяние, без измены, без предательства, без подлости, без греха, мы не можем не явить им на деле своей глубочайшей благодарности. Вот еще обязанности наши личные, нравственные.

Говорить ли, что во всех, описанных выше, Турецких войнах, болгаре и сербы были самыми верными нашими слугами и помощниками и что после каждой войны должны были тысячами оставлять свои родимые поля и бежать от турецкого меча, который не мог им прощать никогда привязанности к русским. Таковы отношения России к славянам.

* * *

А долг наш перед Европою, за все плоды ее трудов, за все ее изобретения и открытия, за ее науки и искусства — мы хотим помнить только добро, — которыми мы теперь так спокойно пользуемся и наслаждаемся? Мы не принимали участия в ее крестовых походах; мы должны теперь совершить свой крестовый поход, уничтожить владычество турок в Европе — дело, оказавшееся для них невозможным, — и освободить святые места из-под власти неверных. Так угодно Богу. Это обязанность России, как государства, не только русского и славянского, но и европейского!

* * *

Человеколюбие, родство, единоверие, благодарность присоединяются к нашей собственной, настоящей, исторической и политической необходимости вести войну с Турцией, которой посвящено это мое рассуждение.

Скажите же вы все, в ком есть хоть капля теплой крови, в ком бьется человеческое сердце, — вы все, которые родились в муках из чресл материих — готентоты, эскимосы, патагонцы,

дипломаты, политики, какая война может быть достойнее, человечнее, святее! Вперед! С нами Бог!

* * *

Вот наше значение Русское, Славянское, Европейское, Христианское! Как Русские, мы должны взять Константинополь для своей безопасности.

Как Славяне, мы должны освободить миллионы своих старших единоплеменников, единоверцев, просветителей и благодетелей.

Как Европейцы, мы должны прогнать турок.

Как Православные христиане, мы должны сохранить восточную Церковь и возвратить Святой Софии ее вселенский крест.

* * *

Возвратимся опять к Русской собственной Истории. Мы рассмотрели внешне, так сказать, отношения и обязанности России, ее внешнюю Историю, и вывели из них ее историческое назначение, ее европейскую цель. Обратимся теперь к внутренней ее Истории и посмотрим: соответствует ли эта открытая нами цель ее собственному внутреннему развитию.

Распространяться много в ответ на этот вопрос мне не нужно. Дела сами говорят ясно.

Я спрошу только, обозревая всю нашу Историю в продолжение тысячи ее лет, нашла ли Россия центр своей тяжести? Нет. Она его ищет, но еще не нашла. Центр тяжести ее зачался сперва в Новгороде, но ненадолго. Потом перекинулся он в Киев. Потом двинулся опять назад, на север, тремя приемами, во Владимир, Москву, Петербург. Теперь он в Петербурге. Но неужели он там останется? Это физически нельзя. Крайняя точка пятнадцатитысячеверстной линии не может остаться надолго центром! Представьте себе маятник: его качание было от Новгорода к Киеву, а потом от Киева к Петербургу. Из Петер-

бурга размах не может остановиться нигде, кроме Константинополя, к которому мы подходили выше, в заключение наших рассуждений, о внешней Истории России.

Но Константинополь ведь тоже будет на краю, как и Петербург?

А славяне-то, которые простираются до Адриатического моря, до пределов Рима и Неаполя к западу, а к северу до Среднего Дуная и Эльбы? Соответственна ли эта почтенная окружность для нового нашего центра Константинополя?

И разве не туда ж, какою-то непреоборимою, чуткою силою, тянуло молодую Русь в продолжение первых двухсот лет ее существования, прежде, нежели восточные племена, нами выше исчисленные, ее совершенно стеснили? Не Царь ли Град был любимою целью древнейших князей русских с их верными дружинами? Аскольд и Дир, Олег, Игорь, Святослав, Владимир, Ярослав — не там ли добыли славы незабвенным именам своим и озарили ею Отечество?

На вратах Константинополя повесил свой щит, как будто ставя нам цель, наш вещий *Олег*, иже нача первее в Киеве княжити.

К *Игорю*, на устье Дунайское, присылал Константинополь просить мира и обещал увеличить дань.

«Там есть средина земли моей, там вся благая сходятся», — восклицал в царственном вдохновении наш мужественный *Святослав*, решаясь утвердить свою столицу на Дунае. Не раздаются ли до сих пор под Балканами его бессмертные слова: «Нам некуда деться! *Волею и неволею мы должны сразиться. Не посрамим земли Русской* и ляжем здесь костью. Мертвым срама нет, *а если побежим, то не спасемся и срам примем. Станем же крепко*». А что отвечал он на угрозу о всем войске, которое собралось на него в Болгарию из Константинополя: «Мы сами придем к вам прежде вашего, раскинем свои шатры пред вратами вашей столицы, обнесем город крепким валом, и тогда выходите на битву. Мы покажем, что мы не малые дети, которых можно испугать угрозами, и увидим, кому достанется победа».

«Возьму град ваш, — посылал сказать Константинопольским императорам *Владимир*, — если вы не дадите сестры вашей мне в замужество».

Ту же угрозу повторил пылкий Ярослав, которому только ужасная буря воспрепятствовала исполнить свое намерение.

А Черное море! *Черному морю*, которое теперь грозятся отнять у нас завистливые враги, не было в древности другого имени, кроме русского. Русские суда, не пароходы, а лодки душегубки, однодеревки, покрывали сплошь его бурные воды, служа войне и торговле. Черное море было любимым поприщем неустрашимых варяжских витязей, их удивительных трудов и подвигов.

А Дунай? Ах, *Дунай* ли мой Дунай, тихий Дунай, свет Иванович Дунай, слышится до сих пор по всему пространству Русской земли в любом городе и любой деревне.

Но одни ли бранные воспоминания сопряжены в древней Русской Истории с Дунаем, Черным морем и Константинополем?

Там, на Востоке, начало нашей веры, которую после первого похода под Царьград принесла в Киев дружина *Аскольда и Дира*.

Туда ходила *Ольга* принять святое крещение и знаменательное имя Елены, равноапостольной матери Константиновой.

Оттуда *Владимир* получил себе христианской супругой царевну, первое священство и всю церковную утварь.

Оттуда преподобный *Антоний*, прародитель русских монастырей, ископавший Киевские пещеры, перенес благословение Святой Горы и образцы *монашеской жизни*, столь благотворной в древности.

Наконец, для той несчастной Болгарии, в коей после четырехсотлетнего тяжкого ига только теперь, по новейшим известиям из действующей армии, раздался первый благовест и вознесся первый крест, — для той несчастной Болгарии переведено было сначала Священное Писание и все богослужения книги бессмертными Кириллом и Мефодием. Присланные из Константинополя, они воздвигли этот вековечный памятник

славянского языка, основание нашей грамотности и нашего просвещения, нами тогда же полученный.

Одним словом, Константинополь был средоточием, *столицею Русской Истории* в продолжение ее первых двухсот лет, которые так знаменательно соединяются и сходствуют с нашим временем, составляя одно целое, один замыкающий круг.

В начале нашей Истории заключается семя не только внутреннего ее развития, но намечены и ее будущие пределы.

Даже в продолжение средней нашей Истории, когда восточные племена всей своей тяжестью налегали на Россию и не давали ей дохнуть, когда она не могла думать ни о каком завоевании, а разве о сохранении своей жизни, — даже и тогда, как будто в ободрение, на память об ее славном назначении, даже и тогда Константинополь прислал нам знаменательный залог своего будущего подданства России — Софию, наследницу греческих императоров, племянницу последнего Палеолога, принесшую нам с собою в приданое свой Императорский герб, этого двуглавого орла, который осеняет теперь целую часть света, но которому недостает еще его первоначального державного гнезда.

И он, наш славный враг, Наполеон, размышляя в глубине своего заточения о будущих судьбах того мира, которым так долго управлял он по своему произволу, Наполеон, с утесов острова Св. Елены, устремлял взор свой на Константинополь и в политическом своем ясновидении видел в нем столицу Европы, столицу мира.

Кому же должна принадлежать по всем соображениям Истории эта столица, почти одна, в которой он не был и которую, по собственному сознанию, не мог взять или иметь он, великий представитель Запада?

Она должна принадлежать, или лучше, она не может принадлежать никому, кроме Востока, а представитель Востока есть Россия.

Прилетай же скорее Непирова бомба: нам нужен сигнал переезжать на другую квартиру, променять северные болота на ту сторону, где апельсины зреют и яворы шумят. Прилетай

Непирова бомба — ты, верно, по закону Немезиды, упадешь в Министерство иностранных дел! Как мы будем благодарны тебе! Сожги своим жгучим огнем, что засветили англичане в аду, сожги все наши ноты с Венскою включительно, все протоколы, декларации, конфиденциальные отношения, конвенции, инструкции, рапорты и все наши политические сношения с Европою. Гори все огнем! Qui perd gagne!

Мы оставим в Петербурге Медного всадника стеречь устье Невы и принимать иностранных шкиперов с товарами для северной половины России. Или нет — он соскучится один и, нахмурив брови, верно поворотит своего коня к Золотому Рогу, а церковь Исаака Далматского, в честь его Ангела, мы достроим ему на берегах Далмации, насупротив города Бара, где почивают мощи Николая Чудотворца!

Да, мы возьмем когда-нибудь Константинополь, и это есть убеждение всего Востока: греки, турки, славяне, все равно уверены, что Константинополь будет взят русскими.

И это убеждение носит в себе русский народ, который во время покорения Константинополя турками был уверен, что освободит его, и теперь, получив первое, самое неясное объявление о предстоящей войне, воспылал таким огнем, какого не знает его История. Сердце сердцу весть подает, и глас народа есть глас Божий.

И это убеждение принадлежит не одному настоящему времени, а передается на Восток из рода в род, по всем векам, с первого появления турок в Европе. Тогда еще услышались пророчества между греками и турками, пророчества, перешедшие к славянам и помещенные в наших летописях, об изгнании турок и об освобождении от них Константинополя русскими. Об этих пророчествах не могу я представить ничего лучше известия, составленного трудолюбивым профессором Московской Духовной Академии Смирновым.

«Когда Константин Великий, — говорит он (по рассказам русских летописцев), — избрал место для построения города и распределял, где быть стенам, башням и воротам, внезапно выполз из норы змей и пополз по месту, где происходило раз-

мерение. Но вдруг с высоты спустился орел, схватил змея, полетел с ним вверх и скрылся надолго из глаз. Однако ж змей, обвившись вокруг орла, одолел его, и оба они пали на землю. Народ, увидев это, поймал орла, а змея убил. После сего царь собрал мудрецов и книжников, и они, порассудив, так объяснили знамение: орел есть знамение христианское, а змей знамение басурманское. Так как змей одолел орла, то это значит, что басурмане одолеют христианство, а поелику христиане взяли себе орла и убили змея, то напоследок они одолеют басурман, возьмут город седмихолмный и в нем воцарятся»*. Припомним, чьим достоянием сделался орел Византийский вскоре по падении Греческой империи, и не опустим без внимания того обстоятельства в рассказе, что змей, и нашим предкам известный, как символ мусульманства**, умертвлен теми же христианами, которых орел стал достоянием. Эта легенда, записанная нашим летописцем, разъясняется у него далее. В рассказе о взятии турками Константинополя летописец приводит замечательное пророчество, им приписываемое Мефодию Патарскому и Льву Премудрому, о судьбе Царьграда: «Но убо да разумееши, аще все преждереченное Мефодием Патарским и Львом Премудрым знамение о граде есть совершися, то и последняя не преидут, но тако же совершитися имут, пишет бо: Русский же род с прежде созданными всего Измаила победят, и седмихолмного приимут со преждезаконными его, и в нем воцарятся»***. Это пророчество крепко занимало умы греков и услаждало горечь их бедствия надеждою на будущее свобождение Византии от ига неверных рукою единоверных руссов.

«Оно есть буквальный перевод одного места из надписи на гробнице царя Константина Великого. Надпись приведена вполне у Бандури в истории "О разорении последнем святого града Иерусалима и о взятии Константинополя", изданной в

* Никон. Летопись. V. С. 223, 224.

** Карамзин. Т. VI. Прим. 98.

*** Никон. Летопись. V. С. 261. В степенной книге (2, 69): «с прежде создательными… с преждезаконными».

первый раз при Петре Великом в 1723 году. Лебо представляет перевод этой же надписи из одной грузинской рукописи, написанной царем Арчиллом[*]. И грузинская хроника, и составитель истории о взятии Царьграда рассказывают, что Констанций, сын Константина Великого, вступив на престол, приказал торжественно перенести из Никомидии тело отца своего и похоронил оное в церкви св. Апостолов. Тогда нашлись некоторые премудрые, освященные и прозорливые мужи, которые на гробнице написали греческие письмена, трудные для уразумения, ибо они состояли только из начальных букв и одних согласных. Уже в царствование Иоанна Палеолога Геннадий, или Григорий Схоларий, бывший тогда судьей в царском судилище, а по взятии Константинополя патриархом Цареградским, разобрал надпись, и вот то место, которое приведено в нашей летописи: «<…>, то есть русский (русый) род вместе с мстителями покорит Измаил, возьмет седмихолмие с предместиями». Замечательно продолжение надписи: «Тогда брань восставят междоусобною <…>, свирепую даже до пятого часа. И глас возопиет трижды: станните, станните со страхом, поспешите зело спешно, в десных странах мужа обрящете добля, чудна и сильна, сего имейте владыку: «Друг бо мой есть, и, того вземля, волю мою исполняйте».

Это пророчество в течение веков было сохраняемо у греков в народных преданиях и записываемо в хрониках византийских[**]. Один из писателей, живший в XI веке, говорит, что в его время на Таврской площади в Царьграде стояла медная статуя, привезенная из Антиохии и изображавшая, как думают, Беллерофона, восседающего на Пегасе. На базисе изображена была история будущего покорения Царьграда руссами <…>[***].

У греков пророчественно указано даже время освобождения Царьграда от ига мусульманского. Иеромонах Агафангелл, живший в XIII веке, имел откровение о будущих

* Lebeau Histoire de Bas-Empire. Part. 21. P. 330. – Banduri Histoire Bysant. T. 1. Part. 21. P. 184.

** История о взятии Царьграда. С. 111.

*** Memor. popul. Stritter. 11 1038.

судьбах Царьграда. За 174 года он предрек о взятии Константинополя турками* и потом о последующих событиях до нашего времени.

«Вот что написано было в книге, которую повелено было читать Агафангеллу: Константин основал, и Константин потеряет царство Византийское. Но не бойся: как древле народ израильский покорен был Навуходоносором, так и народ греческий будет под властью нечестивых агарян до определенного времени, и пребудет под игом до исполнения четырех сот лет <…>» Далее неизвестный голос сказал мне: «<…> (по комментарию и по связи событий, изображаемых в видении <…>, то есть Монарх Русский, новый Петр (преемник Александра), восставит в Византии победоносное знамение Христово и сокрушит силу измаильтян» (pag. 35).

«По взятии Константинополя турками Золотые Врата, в которые во время торжеств вступали императоры, были закладены по приказанию султана, и се сделано, как гласит предание, из опасения, внушенного пророчеством, выраженным в надписи на вратах, которая читалась так: «Когда придет Царь Русый, врата сами собою отворятся»**.

Обратимся опять к нашему летописцу.

«Прошло столетие со времени падения Византии, и надежда на Русь, подкрепленная пророчениями, не покидала безданных греков. Летописец русский, писавший свою хронику в XVI веке, говорит о греках: «…и нынеча греки хвалятся государствым царством Благоверного Царя Русского от того взятия Магметова и до сих лет; а иного христианского царства вольного и закону греческого нет». В основании таких убеждений лежала идея о Православии, которое в глазах греков давало Руси исключительное значение покровительствующего царства и предпочтение пред христианским западом Европы, на который греки смотрели неблагоприятно». «Если, — летописец наш продолжает,— ученые латиняне в споре с греками

* См. <…> 184.

** Constantinopol Christiana d Cange hb. Pag. 59. «Seriptum erat in port avrea: quando veniet Rex flavus» (то же, что <…> «ego per me ipsa aperiar…».

станут упрекать их, что Бог выдал их турецкому царю за их гордость и неправду, то греки скажут им: есть у нас царство вольное и царь вольный, и в том царстве велико Божие милосердие и знамя Божие, новые Чудотворцы, и от ни милость Божия такова, как от первых».

Подобные предсказания распространены издавна и между самими турками, которые носят вместе и предчувствие, что Константинополь будет взят русскими.

Когда? Пишучи первые письма, под влиянием настоящих впечатлений, разгоряченный современными явлениями, волнуемый личным нетерпением, я думал, эта великая минута наступила для России. Теперь, под влиянием истории, пробежав мысленно по тысяче лет, охлажденный последними происшествиями, уменьшу свою смелость и скажу, что теперь, может быть, только есть начало конца. Государь, как видно, не хочет, или он думает, что не может, что не наступила, по его высшим соображениям, настоящая пора. Окажем Ему теперь, как всегда, нашу русскую наследственную доверенность с полною надеждою, что Он, отвечая за нас Богу, истории, совести, больше всех желает нам добра, заботится о нашей чести и благосостоянии и знает лучше всех, что и когда нам нужно. Потерпим. Если он отказывается от своей славы, если он не сделает великого дела, то сделает его сын, его внук, наши потомки…

Все зовет Россию в Константинополь: История, обстоятельства, долг, честь, нужда, безопасность, предания, соображения, заключения, наука, поэзия, родство, благодарность, Вера, друзья, враги, память, воображение, прошедшее, настоящее,— и даже будущее — и мы будем в Константинополе!

В волнении всех чувств своих написал я эти строки. Такое волнение не соответствует спокойству Истории. Заключу словом Евангелия: «Кая польза человеку, аще весь мир приобрящет, душу же свою отщетить!»

Отче наш! да будет Воля Твоя, яко на небеси и на земли…

1854 г.

Июль.

Против мысли о содействии войною революционному движению в Европе

Говорят, что главная задержка этой войны заключается в опасении Государя подать повод к европейской войне, вооружиться против консервативного государства и ободрить революционную партию.

Австрия есть консервативное государство — так зачем же она не осталась с нами? Она сама не боится подать повода к нарушению у себя порядка, а мы должны останавливать свои действия, уступать нападающим для того, чтоб у нее порядок не нарушился. Ведь здесь смысла нет! Мы должны заботиться о спокойствии наших врагов больше, нежели они сами заботятся о себе, и приносить в жертву их спокойствию свои выгоды, между тем как они разоряют нас и хотят обобрать, ослабить и унизить.

Государь не может идти, говорят, против того порядка, который он сам поддерживал и устанавливал в продолжение тридцати лет. Но разве этот порядок остался с ним? Этот порядок изменил Ему, предал Его, вооружился против Него и поставил в такое критическое положение Россию, в каком она никогда не бывала, то гладить по головке этот законный австрийский порядок — противно всякой логике. Мы должны жертвовать своими обязанностями и выгодами для отвращения революции от европейских государств, кои сами ее накликают на себя, даже за нами идучи против России. Черт с вами, если вы того хотите! Один человек бьет и грабит другого, да и требует, чтоб тот молчал и не оборонялся, а то, говорит, со мною случится дурно, и ты будешь виноват. Что же? — другой, под его ударами, начинает ему в самом деле кланяться, опасаясь, чтоб с ним не случилось чего дурного. Не лучше ли б простаку сказать: да перестань сам драться, если боишься, чтоб с тобой чего не случилось. В таком точно положении находятся те, кто задерживают войну из опасения, чтоб у наших врагов не поднялась революционная партия.

Да полно, революционная ли? Болгары и сербы и прочие славяне имеют такое же полное и законное право восстать против турок, какое имели греки, какое имели мы восстать против татар. Австрийцы с турками имеют только то различие, что исповедуют Христианскую веру, а поступают со своими покоренными славянами в отношении к вере и языку, то есть в отношении к самым драгоценным и священным чувствованиям человека, гораздо хуже турок.

Наши политики, если не подкупленные, то близорукие, пользуясь расположением и прежним образом мыслей, от которого в политике еще мудренее отставать, чем в науке (такова сила предрассудков, мнение есть часть нас самих), закричат, что наша политика переменяется! Да она и должна перемениться, даже не по нашему выбору, а по собственной вине наших врагов. Если б остались с нами, так были бы целы. Кто же виноват?

Но разве мы виноваты, если правительства нас предали и не хотят идти с нами и порядок, нами утвержденный, обрушили на нас? Не укреплять же нам его опять себе на голову! Нам ничего не остается больше, как обратиться к народам.

И такими-то софизмами наши дипломаты удерживают нас от твердого ведения войны, которую враги наши все-таки нимало не ослабляют.

Хорош и историк Гизо, который стращает императора Николая революцией во Франции, забывая, что Русский Государь должен заботиться не о Франции, а о России и что в России есть своих 70 миллионов жителей. Гизо француз…

Европейской войной мы и можем теперь только облегчиться, если не хотим на одних своих плечах нести всеобщего нападения. Поднять Турцию, поднять Австрию, поднять Грецию, поднять Польшу, а Италия поднимется сама, может быть, и Франция; вы хотели войны — так вот вам она: иначе нельзя нам отделаться, если не хотим уступить Крыма, Кавказа, Финляндии, Польши, да заплатить тысячу миллионов рублей военных издержек, принять на себя позор и уйти со стыдом в Азию. Выбор, кажется, не трудный: всю Европу

иметь против себя, или поставить одну половину ее на другую? Грех не на нашей совести. Впрочем, грех такой, какой принимал на свою душу Сергий Чудотворец, благословляя Московскую рать идти на Куликово поле. Это не грех, а подвиг спасения, священная обязанность, которую только враги, предатели сатанинскими своими софизмами стараются представить в глазах великодушного Русского Царя или близоруких, бездушных дипломатов в уровень с неистовствами какой-нибудь западной революции.

Это есть освобождение народов от чужого ига.

Какой порядок заведут они по свержении ига? Это не наше дело, а их дело. Ни Кошута, ни Мадзини бояться нам нечего. Разумеется, восстановленные государства захотят воспользоваться приобретенной свободой после столь долгих страданий. Свобода гораздо мудренее покорности и бывает умнее, большею частью, только в состоянии отрицательном, а чуть из него выйдет, так и попадет в страшные затруднения: примеры видали мы на Испании, пример видали на Республике Французской 24 февраля, да и вообще на всей Франции, с 1789 года. В новых государствах начнется длинный процесс опытов, которые можем мы наблюдать, изучать — и только!

Но не будут ли эти соседние опыты опасны для нас? Не будут ли учреждения свободных государств подле России соблазнительны для нее самой? Не послужит ли их революция примером для нашей?

Несчастные опасения, которыми люди, не знающие России, хоть и благонамеренные, смущают Государя и мешают ему давно в его благих намерениях, в его прекрасных движениях, в его благородных чувствованиях.

Это люди, не знающие языка (я не исключаю здесь русских, между которыми есть очень мало исключений), не имеющие понятия о Русской вере, которая составляет сущность русского человека, не знакомые с Русской Историей, не знающие России и всех ее местных условий. Если некоторые из них проезжали иногда по той или другой губернии, то в

приготовленных встречах, по исправленным, к их проезду, большим дорогам, не только нельзя узнать ее, но, напротив, они должны были получить самое превратное понятие, а все официальные рапорты есть чистый обман, напоминающий басню Крылова о ершах, плясавших на сковороде.

Все наши агенты — люди, родившиеся большею частью в Петербурге, учились у французских гувернеров и всю жизнь провели на службе: какое же средство есть им узнать Россию? Да прибавьте к тому, что они ничего не читают по-русски, — этого нет у них и заведения, — а по-французски читают только «Independance Belge», составляющую для них и академию, и университет.

Вследствие сих причин о русских предметах (например, раскольниках, крестьянах, уездных городах и проч.) они имеют понятия самые дикие и решительно не знают, где бояться и где оставаться в покое.

Всякая революция условливается историей той страны, где происходит. Революции не перенимаются, а происходят каждая на своем месте, из своих причин. Подражания оканчиваются всегда ничем. Деспотическая Франция несколько сот лет существовала подле конституционной Англии. Древняя Русь и древняя Польша жили одна подле другой, одна с liberum veto, другая — с восточной безусловной покорностью… Австрийские Нидерланды подверглись весьма мало влиянию соседней Голландии.

Россия представляет совершенно противоположное государство западным. Восток есть Восток, а Запад есть Запад — вот какой простой истины не могут понять ни западные мудрецы, ни наши их бледные копии. Семян западной революции в России не было, следовательно, мы не должны были бояться западных революций; но находятся люди, которые сами, задним числом, усердно посевают теперь ее! Господи, удержи их руки от пагубного сеяния!

1854 г.

Июль.

Против статьи господина де ла Героньера об отречении императора Николая

Французский язык, трудами знаменитых своих писателей, достиг такой степени зрелости и приобрел такие определенные формы, наполнился, вследствие беспрерывного упражнения, у писателей и читателей таким множеством общих мест обо всех предметах, готовых выражений и искусных оборотов, что по-французски нельзя быть глупым, и стоит только встряхнуть хорошенько его лексикон или перетасовать его карты, стоит только привести в небольшое движение нашколенную память, как и выйдет тотчас статья об чем угодно. Прибавьте к этой простой операции некоторую опытность, ловкость или смелость механика, занимательность предмета, стоящего на череде, и все кофейные, ресторации, все мещанские салоны преклонятся дня на два пред глубокомыслием и проницательностью автора, хотя он есть только гальванизированный лексикон.

К числу статей такого рода принадлежит статья г. де ла Героньера об императоре Николае.

Толковать с подданным Луи Наполеона о равновесии прав и обязанностей, об истинной свободе и законной власти было бы смешно. Толковать с ним об Истории после того, как он увидел в Александре, Цезаре, Карле Великом, Карле V, Наполеоне одинаковых завоевателей и смешал все времена, лета и обстоятельства, после того, как он забыл, что Цезарь, великий полководец, был завоевателем в самых тесных пределах и что Римская империя после него увеличилась вдвое, а Карлу V все досталось по наследству и что он не завоевал ничего, а разделил свои владения, — толковать с ним об Истории еще страннее; но нельзя пропустить его невежества и его наглости в отношении к настоящему времени. Г-н де ла Героньер обвиняет императора Николая, как бы вы думали, — за что? За страсть к завоеваниям, по которой и воспоминает ему в поучение исчисленных завоевателей. Но где же, в чем увидел он эту страсть?

В последнем монахе из его подданных, без всякого сомнения, этой страсти гораздо больше, чем у него. Не представил ли он во все свое царствование разительных доказательств своего отвращения от завоеваний? Что он завоевал? А с другой стороны, что мог он завоевать, если б захотел, начиная хоть с Китая и Персии? Не стоило ли ему только поманить к себе славян, чтоб они все давным-давно стеклись под его покров? А Турция — не была ли в полном его распоряжении в 1848 году? Да и теперь — неужели г-н де ла Героньер думает, что г-н Сент-Арно, лорд Раглан? Нет, увы, нет! В его собственном сердце происходит внутренняя, отчаянная борьба, внутренний ужасный спор и сомнение, не поколеблется ли европейский порядок, как он представляет его себе, от его намерения продолжать войну — вот настоящая причина, почему мы стояли год в княжествах, три месяца за Дунаем и почему идем теперь за Прут в какой-то страшной нерешимости, причина, которой не могут оценить поденные публицисты, к которой несправедливы, может быть, мы сами, русские, волнуемые нетерпением и за которую воздать может только Сердцеведец, и даже не История. Никогда император Николай не был соединен такими кровными узами со своим народом, как теперь, никогда всех молитвы не сливались так дружно о нем, как теперь, и никогда не признавался он так нужным кончить начатое дело, как теперь.

Г-н де ла Героньер считает себя подпорою Французского престола, вместе с Амедеем, Сезеною, Эмилем Жирарденом и Гранье де Кассаньяком. Он ошибается. Луи Бонапарт стоит не на престоле, а на баррикаде, которая взгромождена только вчера и за которую никто не поручится назавтра. Из-под этой баррикады г-н де ла Героньер слишком высоко возносится к Русскому престолу, и потому совет свой императору Николаю отречься от престола он может взять обратно. Он сознается, впрочем, что эта знаменитая мысль принадлежит не ему, а великим политикам Германии, которые решили во глубине своей премудрости, что нет другого средства покончить войну и удовлетворить Европу без унижения России в лице ее Государя.

О Философия! Ты срезала меня,

повторим мы с комиком и порадуемся, что Германия яснее и яснее показывает себя в отношении к императору Николаю, в благодарность за все его милости, с последними угощениями прусских вахмистров в Петербурге. Авось наконец опротивеет она ему так, как опротивела всем нам, его верноподданным.

Настоящая война с точки зрения европейской истории

Так угодно Богу (Dieu le veut), воскликнула некогда в Клермонте Европа, воспламененная вещим, задушевным голосом Петра Пустынника, и тысячи благородных сынов ее ринулись на Восток освобождать Гроб Господень, избавлять христиан от ига неверных, умирать за Святую веру.

Двести лет продолжались крестовые походы (1096—1291). Императоры и короли, герцоги и графы, рыцари и монахи, поселяне и горожане, спешили один за другим в отдаленную Азию, покидая жен, детей, удовольствия жизни, готовые на всякие жертвы и лишения в надежде мученических венцов. Тысячи погибали, другие являлись на их места с кликами: так угодно Богу!

Но тщетны были усилия европейских народов; не увенчались успехом их великодушные подвиги. Кровь пролилась понапрасну. Христиане не освободились от тяжелого ига. Неверные остались господами святых мест. Не было так угодно Богу! Не только неверные остались господами святых мест, но вскоре и распространили свои владения. Турки не удовольствовались Азией. Они переправились в Европу и поработили своей власти всю Восточную империю, взяли Константинополь, сняли крест со Святой Софии и подняли там свой полумесяц, обратив первопрестольный храм Православного христианства на служение Магомету.

Из Константинополя турки устремились во все окрестные стороны. Потоку их ничто, казалось, противостоять не

могло. Европа вострепетала от нашествия новых варваров, возвращения средних веков. Вознеслись торжественные молитвы во всех христианских храмах об отвращении страшной грозы: начались советы между государями, как оборониться от общего врага и положить пределы его властолюбивым замыслам. Всех ревностнее действовали <…>, боявшиеся за Италию. Они старались устроить союз против турок, но без успеха. Европейские государства были слишком заняты домашними делами и, увлекаясь ближайшими выгодами, не принимали никаких деятельных мер против отдаленных врагов, ограничивались бесплодными переговорами, желаниями и обещаниями. Турки могли спокойно продолжать свои завоевания. Они распространялись по всем Африканским берегам Средиземного моря, покорили славянские сопредельные области, Пелопоннес, Греческие острова, Молдавию, Валахию, Трансильванию, Венгрию и два раза являлись под Веною, грозя Италии и Испании с о. Родоса. На другой стороне они стеснили Польшу, взяли Каменец-Подольск, собирались на Киев, являлись в крымском войске под Астраханью, требовали права покровительства над Казанью и обязывались крымцам поставить свои полки против Москвы.

При Солимане II (1520—1566) достигли они до высшей степени своего могущества. После этого славного султана они начали ослабевать внутренно, как бы повинуясь общему закону в жизни азиатских монархий. Но в самом ослаблении своем они долго еще были страшны для Европы, преимущественно для Германии и Австрии. Победами принца Евгения, единственного своего полководца, австрийцы успели только возвратить от них Трансильванию и Венгрию (Карловицкий мир 1699 г., Пассаровицкий мир 1719 г.). В дальнейших своих замыслах, разбитые вновь несколько раз, австрийцы принуждены были уступить (Белградский мир 1739 г.).

И турки, по окончании Австро-Германских войн, остались, так сказать, в бесспорном владении лучших стран по берегам Черного, Мраморного и Средиземного морей, в Европе, Азии и Африке, со множеством богатейших остро-

вов, в благословенном климате, с плодоноснейшей почвой, обильных всеми дарами природы, и подчинили своей власти в одной Европе более десяти миллионов христиан, между которыми первое место занимали и занимают славяне, а потом греки, валахи и проч.

Варварство турок осталось в Европе то же, что было и в Азии. Несчастный христианин не имел другого имени, кроме собаки, лишен всяких гражданских и человеческих прав и осужден на вечное рабство и невежество. Турки утопали в роскоши. Христиане должны были на них работать. Европа, к стыду своему, переносила все эти дикие неистовства и казни над родными своими детьми и не думала об их освобождении, хотя и не прерывалось никогда убеждение, что турки не обитают в Европе, а стоят только станом.

Наконец Турция, покончив дела свои с Австрией, нашла себе сильную противницу с другой стороны, в восточной России, которую еще с самого начала утверждения их в Европе все государства, с папами во главе, считали главной преградой для турок и наследницею Восточной империи, стараясь беспрестанно убеждать ее к войне против Магомета. Занятая борьбою с другими восточными варварами, Россия долго не принимала участия в европейских делах, ни в крестовых походах, ни в последующих предприятиях против турок и, отдаленная от Турции, не могла отвечать общему призванию, кроме денежных пособий. Шаг за шагом приближалась она, однако же, к Турции, как мы видели в десятом письме, и наконец, по прошествии трехсот почти лет, стала, чрез крымских татар, лицом к лицу с ней.

Единоверные славяне и прочие христиане, составляющие девять десятых населения Европейской Турции, обратили к ней свои взоры, как избавительнице и спасительнице от несносного ига, звали ее к себе на помощь.

Наступала, казалось, минута, давно ожиданная, прошенная, моленная, вожделенная для всех европейских государств, — но нет, обстоятельства переменились: Турция перестала быть предметом страха для них, сделалась пред-

метом их жадности. Каждое из государств европейских находило свои несчастные выгоды в существовании Турции, хотя то было и на счет десяти миллионов христиан, осужденных на животное состояние под игом неверных. Еще более — европейские правительства начали, по какому-то безотчетному чутью, бояться излишнего усиления России, которая после Петра Великого становилась на почетное место между ними. Они позабыли, что сами вызывали ее на борьбу с турками, и старались всеми силами мешать ей, возбуждали войны против нее, но Россия, как будто во исполнение высшего предопределения, разрушала все их замыслы, всякую войну обращала в свою пользу и двигалась быстро вперед.

Досада и зависть увеличивались и скоплялись. Случились другие великие происшествия, по коим Россия вознеслась на высокую степень могущества и славы. Победоносная война с Наполеоном доставила ей первое место в системе государств европейских. По ускорении от грозивших опасностей Европа испугалась ее насильственного влияния. К несчастью, наше вмешательство в европейские дела, о коем говорил я в пятом письме, дало благовидный предлог правительствам, имевшим свои виды, к утверждению европейского общества в этом мнении. Франция и Англия решили начать войну с нами, и турецкие наши отношения подали им благовидный предлог.

Мы потребовали исполнения или только внимания, даже на одной бумаге, к прежним договорам: нашим ничтожным требованиям придано Бог знает какое значение, нашим объяснениям, самым унизительным, не оказано ни малейшего внимания, наши уступки отвержены почти с презрением, и нам объявлена война со стороны ожидавших только предлога Франции, Англии и Турции, с таким нейтралитетом Австрии, который для нас гораздо вреднее самой кровопролитной войны. Высланы против нас многочисленные войска, снабженные в обилии всеми изобретениями наук и искусств, высланы против нас страшные флоты, каких не видали еще никакие моря. Все, что есть сильнейшего, опытнейшего, искуснейшего, вреднейшего между вещами и людьми, все обращено про-

тив нас. Объявлено торжественно, что Россия должна быть обессилена, и соответственно с сими объявлениями предложены, все под личиною миролюбия, такие условия, которых сам Иоанн Грозный, велевший своим послам терпеть побои от Батория и бить челом хану в ответ на его ругательства самые поносные, которых, говорю, сам Иоанн Грозный, в эпоху своего неестественного страха, пред призраками его подлого воображения, не посмел бы сообщить своим подданным, загнанным, застращенным, безмолвным. Разумеется, какой ответ враги получили от императора Николая Первого? Россия, послушная первому его голосу, собирается со всеми своими силами против напавшей на нее Европы и ропщет только, почему его голос не раздается громче, яснее, решительнее, чтоб сердцем сердцу весть подавалась. В таком положении находятся теперь дела.

Мы объяснили прежде причины, по коим европейские государства двинулись со всеми своими силами, чтоб спасти будто Турцию. Мы объяснили причины, по коим Россия, вовсе теперь не думая, должна собраться также со всеми силами, чтоб отразить нападение. Мы говорили о том, как гордиев узел запутывался и завязывался крепче и крепче в тех руках, которые хотели и надеялись развязать его, так что наконец все увидели необходимость меча. Кровь пролита, и война началась.

Но все эти причины, частные, личные, временные, случайные, — это только скудельные формы Божественной идеи.

Смею ли я выговорить ее? Восточная Европа, то есть Россия, посылается теперь туда, куда послана была Западная во время крестовых походов. Тогда не принимала она участия, теперь наступил, видно, черед ее крестового похода.

Для чего посылается Восток? Для того же, может быть, для чего посылался Запад, — для пробуждения его спящих сил.

Но зачем же Запад является здесь на стороне того, против чего сам он шел в продолжение двухсотлетних крестовых своих походов? Что значит эта злополучная вставка?

Запад обветшал, устарел, повредился и имеет такую же нужду в обновлении, какую Восток имеет в пробуждении.

В наказание за его гордость, жестокость ему дан последний предлог не Гроб Господень освобождать, а Мекку поддерживать, которой разрушение неминуемо.

Самый поход его настоящий с нелепыми своими причинами, это последнее слово европейской политики, служит неопровержимым доказательством его несчастного упадка, печальным градусом его политического образования. Просвещенные европейские государства сочли необходимым условием своего существования и благосостояния пребывание в Европе миллиона диких варваров, которые сверх того задерживают десять миллионов христиан на пути их развития под игом своего жестокого рабства! Турки необходимы для Европы! Хороша же стала Европа! Высоко просвещение, для которого нужно, необходимо варварство! Умен тот ум, который ищет поддержки в безумии!

Вы не хотите отдать Турцию России, так разделите ее между собою, поссорьтесь при дележе и начните войну с Россией, если она не согласится дать вам следующую долю; но воевать за Турцию — это верх нелепости, доказывающей, на какую степень упали, как опошлели самые умные головы в Европе! Они не умели разделиться в Турции — она так мала, — не умели увеличить собственных своих средств, усилиться, разбогатеть, получить новые владения!

И с какой стороны вы ни посмотрите на настоящую войну, везде вы увидите те же нелепости.

Европейцам негде жить — на одну милю приходится в некоторых странах по пяти тысяч человек, а в Турции целые области лежат впусте, другие представляют простор для двойного и тройного числа обитателей, и они оставляются в бесспорном владении вражеского племени.

Европейцы загоняются нуждою на пески, на снег, на скалы, а в Турции пропадают даром самые плодоносные, обильные всеми дарами природы области.

Европейцам нечего есть, а турецкая почва родит хлеба сам-сто и может насытить тройное народонаселение как в Европе, так и в Азии, и в Африке — и она оставляется в запустении!

Европейцам грозят революции от размножившегося числа пролетариев и нищих, ученых и не ученых, а в турецких владениях найдется занятие для миллионов!

Европейские государства все в неоплатных долгах и стонут под тягостью налогов, которых половина идет на проценты, а для ведения бессмысленной войны в Турции они находят в год по тысяче миллионов фраков. Что, если бы они употребили эти громадные суммы на основание новых государств, себе подчиненных, в Азии, Африке и Америке, на огромную колонизацию, которая избавила бы нашу часть света от излишнего населения, доставила бы пролетариям целые области во владение без системы коммунизма или, пожалуй, с ней, успокоила бы Европу лучше всяких полицейских, цензурных, тарифных и инквизиционных мер, задушила бы революции в самом их источнике, то есть в пустом желудке (а не пьяной голове), открыла б ей новые пути сообщения, разлила бы везде довольство и доставила б людям возможность пользоваться дарами Божиими, не нарушая ничьего исторического права?

Ясно ли, что здравый смысл помутился в умнейших головах европейских, и они не видят ясных вещей, лезут спьяна на стену, проливают свою кровь, подвергаются всем нуждам, лишениям и болезням, тратят свои лучшие силы, вместо того чтоб получать, радоваться и наслаждаться!

И не одна эта война служит для меня подтверждением европейского упадка: Луи Филипп, заботясь о династических интересах, Гизо, устраивающий испанские бракосочетания (и пугающий теперь Россию революцией Франции), Луи Блан, предъявляющий право работы, Прудон и Кабет, основывающие свои фаланстерии, Красная Палата 24 февраля, не представившая человечеству ни одной живой мысли, не произнесшая ни одного человеческого слова, которое нашло бы путь к сердцу, несмотря на полную свободу мысли и слова, коей она пользовалась в продолжение полугода, Франкфуртское собрание всех философов, историков, богословов, натуралистов, эстетиков и политиков Германии, которое год рассуждало о Grundrechte и требовало себе Позена и Ломбардии, умалчи-

вая благородно об Эльзасе и Лотарингии, не представляют ли живые доказательства умственного и нравственного повреждения, расслабления и ослепления?*

А Вера! Вера исчезла в Европе, говоря вообще. Штраус со своими приемниками довел протестантизм, по столбовой его дороге, до крайности, до бездны, то есть до неверия, а неисправимый дух католицизма выразился в послании парижского архиепископа, призывающего победу луне Магометовой над крестом Православия. В дополнение можем указать на французскую медаль с надписью: «Католицизм, протестантизм, исламизм под покровительством Божиим» — и последний тост апостолического генерала графа Коронини «в честь славного полководца (Омер-паша), который снискал себе бессмертное имя, защищая религию и отечество!». Омер-паша защищал религию! Какую? Омер-паша защищал отечество! Какое?

Представителем развратившейся литературы, в частности, можем выбрать Ламартина, который обвиняет теперь Европу даже за вспомоществование, оказанное некогда грекам, и восстает против «религиозных антипатий» к туркам. Эти интересы, говорит он, бледнеют пред интересами цивилизации, общими интересами племен и общим равновесием. Несчастная цивилизация! Несчастные интересы! Несчастное равновесие! Несчастный сугубо и ты, Ламартин, рыцарь печального образа, доведя до таких поносных результатов свои Meditations politiques!

А какова журналистика! Для журналистики Восточная Европа, славянские племена, русский народ, — одним словом, сто миллионов европейцев как бы не существуют, и они видят всю Россию только в нотах Министерства иностранных дел. Ни одной человеческой мысли не встречаешь на длинных столбцах газет и в толстых волюмах журналов, кроме общих мест, набранных по заказу, за деньги. Везде, по выражению поэта, опиум чернил, разведенный слюной беше-

* Какие победоносные доказательства в свою пользу мог бы извлечь умный консерватизм из Палаты 24 февраля и Франкфуртского собрания?

ной собаки. Они твердят только: надо отодвинуть Россию на двести лет назад…

Назад! Вы ли это говорите, поклонники и ревнители прогресса? Назад! Неужели это последнее слово европейской цивилизации? Назад! Но ведь нас 70 миллионов. Семьдесят миллионов человек вы хотите не только остановить на пути их человеческого совершенствования, но хотите воротить их на 200 лет к состоянию их, по вашему мнению, дикости, уничтожить все их труды и поразить все их успехи. Назад! Для чего же вы хлопочете столько времени о прекращении торга неграми, употребляете столько миллионов для распространения образованности между черными жителями внутренней Африки? Раздаете с таким усилием Библии на всех языках бронзовым сынам Америки и Австралии? Назад! Но ведь мы ваши братья, белокожие, русоволосые, христиане. Для чего же вы переплываете моря, проникаете пустыни, восходите на горы, чтоб сообщить диким обитателям какие-нибудь плоды вашей цивилизации? Горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры, яко преходите море и сушу, сотворити единого пришельца: и егда будет, творите его сына геенны сугубейша вас! И за что вскинулись вы так на нас? Что мы вам сделали? Кого мы обидели? Французов? За сожженную Москву мы сохранили им Париж в целости. Англичан? Триста лет мы предоставляли им все выгоды торговли, кормили их, обували их своими кожами и одевали своим льном и пенькою. И кто же помог им избавиться от страшной их опасности: континентальной системы? немцев? Мы спасли их от ига Наполеонова. Австрийцев? Не хочу и воспоминать о наших несчастных благодеяниях этому незнающему ни стыда, ни совести племени. Вон его из русской памяти!

Не укоряйте нас Польшею, которую вы сами предательски нам подсунули и которой теперь ничего не хотите сделать. Соседние дела не принадлежат никакому чужому суду. Пусть англичане уступят прежде свою Ирландию и откажутся от Шотландии. Пусть французы отдадут немцам Эльзас и Лотарингию, а туркам Алжир. Пусть Швеция разлучится с Норве-

гией и Дания с Шлезвигом и Голштинией. Пусть австрийцы уйдут из Италии. Пусть возвратятся Гибральтар Испании и Мальта Италии. Сравните же, европейские полуученые, одноглазые историки, приращение Русского государства с вашими завоеваниями и потом произнесите ваш приговор, которого мы не боимся пред трибуналом Истории, точно как и на поле сражения. Одно невежество ваше и наше было причиною, что эти вопросы представляли вам столько общих мест для ваших декламаций, кои мы сами с подобострастием слушали!

Назад! Разумеете ли вы, что вы говорите? Одно это слово свидетельствует о вашем нравственном упадке со всеми блистательными в то же время открытиями и произведениями наук, искусств, промышленности, торговли и общежития.

И ни один из первых европейских писателей не возвысил своего голоса среди этого вавилонского гама, не произнес твердого, беспристрастного, благородного, умного слова, которое вразумило бы толпу, рассеяло мрак, господствующий теперь даже в святилищах просвещения, облегший самую западную Церковь! Несчастное положение!

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
На дальнем Западе — стране святых чудес,
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес.
А как прекрасен был тот Запад величавый!
Как долго мир, колено преклонив,
И чудно озарен его высокой славой,
Пред ним безмолвствовал смирен и молчалив!
Там солнце мудрости встречали наши очи.
Кометы бурных сеч бродили в высоте.
И тихо, как луна — царица летней ночи,
Сияла там любовь в невинной красоте.
Там в ярких радугах сливались вдохновенья.
И веры огнь живой потоки света лил!..
О! никогда земля, от первых дней творенья,
Не зрела над собой столь пламенных светил!

Но горе! век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь! Там будет мрак глубок.
Услышь же глас судьбы, воспрянь в сиянье новом,
Проснися, дремлющий Восток!

Вот для этого-то пробуждения, как мы заметили выше, и идет теперь Восток туда, куда послан был прежде Запад!

Неисповедимы пути Промысла, по коим посылает Он народы для их нравственного, умственного, гражданского, человеческого воспитания! Что за таинственное влечение увлекало, например, Германию в продолжение тысячи слишком лет в Италию? Как удивительно потянуло старую Россию в продолжение последних полутораста лет на Запад! А прежде всю Западную Европу на Восток или Александра Македонского с греческим образованием во глубину Азии!

Теперь — Восточная Европа, то есть Россия, убедится чрез грозное столкновение с Западом на Востоке в необходимости образования, в истине Петровской пословицы, что ученье — свет, а неученье — тьма. Во тьме мы упали бы в пропасть. Нельзя жить в Европе и не участвовать в общем ее движении, не следить за ее изобретениями и открытиями, физическими, химическими, механическими, финансовыми, административными, житейскими. Если Австрия или Пруссия может в день примчать свои войска к границам Польши, то нельзя нам волочиться туда два месяца. Если их штуцера берут теперь на 2000 шагов, то нельзя довольствоваться нам тульскими ружьями и надеяться на один штык, который уже и не доходит до своего места назначения. Если их конические пули уходят глубже в тело и производят рану смертоносную, то нельзя нам стрелять прежним горохом! Если винт сообщает их кораблям способности двигаться как угодно, то нельзя остаться нам со старыми методами кораблестроения, — а механика, химия, физика, астрономия позовут к себе естественные науки; естественные науки приманят математику, высшая математика потребует философии, необходимой и для медицины, а философия спросит себе грамоту, без грамоты в науках и

шагу не ступишь. Науки не такого рода произведения, чтобы можно было питаться ими в меру, только в предохранение от голодной смерти: все или ничего — вот их девиз. Нельзя ограничить число людей, образованных известными цифрами, ибо пределы этих официальных цифр наполняются, по известному закону, посредственностями и пошлостями, а таланты-то все останутся вне оных. Правительство увидит или уже увидело, в продолжение этой войны, необходимость в тысячах людей образованных на местах, а их иметь никак нельзя без общего деятельного, искреннего покровительства всем наукам, всем искусствам, образованию и просвещению вообще, без всякого ограничения сословий. Ломоносов, преобразователь русской словесности, был крестьянин. Не стану приводить множества других примеров. Множество услуг и словесности и просвещению оказано нашими дворянами, духовными, — честь им, слава и благодарность Отечества! Мы все дети одной матери, Святой Руси, и тем отличаемся от западных своих братьев, что никогда в самые темные времена не питали друг к другу зависти и ненависти, не преграждали дороги никому и никуда.

Как бы то ни было, ум уже приведен в движение и сам собою: общие опасности, личные скорби, участие детей и родных, чувство народной чести, ненависть к неблагодарности союзников, оскорбленное самолюбие при необходимостях уступить, напрягают все духовные силы. Множество вопросов, о которых прежде и в голову иным не приходило, обращаются повсеместно. Новые мысли зарождаются, плодятся и по мере сообщения увеличиваются в своем содержании. Возникают различные желания и надежды. Послышались песни, разыгралась фантазия. Все сословия волнуются одинокими чувствами любопытства и живого участия: приведу в пример одно из первых моих писем, которое распространилось в тысячах экземпляров и попало в такие захолустья, к таким лицам, которые были дальше, чем от своих антиподов. Дух народный везде вообще возвышается. А этот народ считает ведь единоплеменных пятьдесят миллионов, а этот народ занимает пространство в 15 тысяч верст длиною и восемь шириною. Вообразите же,

что за великое явление представится в истории, какой запас новых сил прибавится к европейскому духовному капиталу, какое движение произойдет в области ума, если этот даровитейший народ Европы получит полное, искреннее содействие, ободрение, поощрение правительства на пути к образованию и пойдет свободно к священной его цели.

Присоедините еще к этому движению тридцать миллионов славян, занимающих почти всю южную половину средней Европы, от Эльбы до берегов Средиземного моря и пределов Италии. Что может произойти между такими…

1854 г.

Июль.

О русской политике на будущее время

В чем должна состоять наша политика? Если о настоящем, ближайшем времени, то есть как поступать должно теперь, частному человеку судить иногда бывает мудрено: ибо, не зная всех обстоятельств, тайных сношений, намерений и целей, известных только вверху, легко впасть в ошибки или, по крайней мере, попасть в пересыпание из пустого в порожнее, — то прошедшее, положительнее, не подвержено случайностям; основанное на сущности вещей открыто для всех и по всем правам науки может и должно быть предметом ее беспристрастного рассуждения. Точно то же должно сказать и о будущем, поскольку оно происходит от прошедшего через настоящее, которого, следовательно, кроме его случайности, также обойти нельзя.

Какими же правилами должна руководствоваться русская политика вообще?

Правилами, пока, Петра и Екатерины: во всех отношениях, войнах и переговорах, — иметь в виду пользу России, принимать пока участие только в тех европейских делах, которые непосредственно ее касаются и не вмешиваться ни в какие прочие.

Рассмотрите все деяния Петра и Екатерины, и вы увидите, что они принимали участие в соседних делах только по отношению их к России, шагу не ступали, не нужного для России.

Петр воевал со Швецией, чтобы иметь место на Балтийском море: договоры и союзы его с Данией устремлены были для этой же цели.

Средоточием действий Екатерины было намерение возвратить от Польши ее старые завоевания, для чего и вступала она в союз по временам с Австрией и Пруссией.

Начав, впрочем, поневоле, войну с Турцией, она воспользовалась случаем распространить свои владения и т. д.

О потребностях, правах и обязанностях, желаниях и отвращениях другого народа судить всегда бывает мудрено, когда и свой для многих часто остается загадкою; недостает времени для настоящей заботы и о собственном своем государстве — где же тут думать о чужих! Вмешиваться в чужие дела, по своему усмотрению, редко допустить можно. Притом такое вмешательство подвергается всегда многим ограничениям, условиям, исключениям весьма неблаговидным. Франция с 1789 года переменила девяносто девять конституций и образов правления, — мы не вмешивались в ее перемены, да и никто! От того, что она сильна и не оставит без наказаний никакого вмешательства Испании, также мы не трогаем, — а в несчастную Италию готовы были двинуться войска, когда она начинала шевелиться против несносного владычества австрийского! Мы хотим, чтоб она страдала, стеснялась во всех своих движениях, пребывала в невежестве и в нищете, владея благословенейшей частью Европы. Где же тут справедливость?

Противоположные правила наказывались и наказываются в наше время самым жестоким образом.

Павел, в пылу своего великодушия, вознамерился сделаться опекуном Европы, и австрийцы, предав победоносное войско Суворова, доказали свою благодарность и вместе мечтательность его политики.

С такою же наградою старался Александр помогать Пруссии и Австрии, которые все-таки принуждены были идти на него с Наполеоном.

В 1813 и 1814 годах Россия спасла всю Европу, а в награду, по непостижимой слепоте наших дипломатов, получила себе только болезнь — Польшу; другую болезнь привила себе по доброй воле: это Священный союз, который в наше время получил такую комическую развязку. Политика великодушия и бескорыстия, избранная императором Александром, и заботы о европейском порядке, благодетельные и спасительные, может быть, для Европы явили свой горький плод для России в настоящей войне Турецкой, как то объяснил я в пятом письме своем. Австрия, знаменитый член Священного союза, позабыв о нем, точно как и о недавнем своем спасении, перешла торжественно на сторону Запада и повредила Россию больше всех. А если бы вместо Австрии Россия в 1814 году заключила договор, устроила связь с побежденным Наполеоном или хоть со стесненною Францией? Но что прошло, того не воротишь.

Мы находимся теперь в самом затруднительном положении и не можем уже пока думать ни о каких распространениях! Дай Бог только оборониться от врагов! Решение дела принадлежит оружию больше, чем политике, хоть и политика могла б еще сделать многое, только, разумеется, не в войне.

Почему бы не послать торжественное посольство в Америку, с каким-нибудь громким именем, князем или графом, засвидетельствовать Штатам благодарность России за то доброжелательное участие, какое они ей показали в настоящей войне.

Если иметь возможности заключить России со Штатами такой союз, какой заключила Франция с Англией, то один обмен учтивостей заставил бы задуматься западные государства. Посол, разумеется, умный, мог бы собрать сведения о кораблестроении, а можно бы, кажется, и заказать, хоть бы с лишенками, кораблик-другой! Учреждение прямого торгового сообщения России с Америкой также не очень вкусно показалось бы

англичанам. Экспедиции в Индию, хоть только на бумаге, в статьях, письмах, проектах, можно причислить к побудительным средствам честного мира. В нашем естественном положении нельзя пренебрегать и подобными средствами.

А может, все и переменится в одну минуту. Таковы судьбы войны. Была, например, кажется, возможность в мае месяце разбить три турецких корпуса, стоявшие порознь, Омер-пашу в Варне, Мустафу в Силистрии, Измаила в Калафате, поднять Болгарию и Сербию и порешить все дела до прибытия западных союзников. Так и теперь, разбей Меньшиков высадку, размечи буря Черноморскую неприятельскую эскадру, подбери наш флот поврежденные корабли, плени Горчаков Омер-пашу, сожги Нахимов остальные корабли в гаванях, поднимись все славянское народонаселение, не откроется тогда возможность пугнуть и Константинополь, занять Дарданеллы?

Тогда, когда мы потребуем от западных держав тех гарантий, которые они требуют теперь у нас, мы скажем им: вы требовали у нас золото, чтобы мы не нападали на Турцию, дайте нам залоги, что вы впредь не будете нападать на нас. Дайте нам Дарданеллы и Зунд!

Вот на будущее время цели внешней нашей политики, указанные нам теперь самими врагами, цели, которым посвящается это мое письмо.

Зунд! Это не так странно и невозможно, как с первого взгляда кажется, хоть мы и отвыкли под ферулою немецкой политики от всех смелых идей, Петровских и Екатерининских, излишнего дешевого и безопасного великодушия.

Зунда можем мы желать, искать и надеяться даже без случайностей нынешней войны, даже не как награду победы и условие мира. Можем мы получить даже и не так, как англичане получили Гибралтар, хоть и для того всегда мы имеем все средства.

Думали же шведские, польские короли о Северной монархии за двести лет до нашего времени, были близки к ней, имея в пятьдесят раз меньше силы, чем теперь Россия*.

* См. мои «Историко-критические отрывки». 1846 г.

По замыслам Польши и Швеции прошло двести лет, теперь обстоятельства переменились, и ничего подобного произойти не может.

Не может при посредственностях и ограниченностях, при этих мелких торгашах и продажных душонках, которыми полны кабинеты европейские. А явись ныне какой-нибудь Наполеон хоть герцогом Макленбургским, а он будет завтра императором немецким, и угробит Францию, и возвысит голос пред Россией, и ударит Англию, и заставит слушаться Италию, Испанию, Голландию и всю Европу!

Прошло двести лет — новое время должно дать только новую форму старой идее, а форму эту и должна найти высшая политика.

Английский флот сжег Копенгаген, английский флот хозяйничает теперь в датских гаванях, располагается зимовать и в нужном случае никак не отказывается повторить благодетельные явления 1806 года, — что же? Неужели Дания с удовольствием угощает у себя незваных гостей?

Угрозы английские и французские Швеции неужели производят в ней приятнейшее ощущение, чем в Дании?

А Пруссия, открытая со всеми берегами своими нападениям союзного флота и не имеющая никаких средств отразить высадку, — вероятно, смотрит на плавание сотни кораблей по Балтийскому морю не совсем со спокойным сердцем, и прусский цольферейн не питает никаких нежных чувств к английской промышленности, к Манчестеру и Бирмингему; гораздо более к выгодному транзиту.

Итак, весь амфитеатр Балтийского моря разделяет почти одинаковые чувства, каждое государство по своим собственным причинам: соедините эти чувства — вот дело высшей политики, соедините все их силы, устройте Северный союз, как Екатерина устраивала вооруженный нейтралитет. Выгода такого союза для каждого из названных государств, стоящих теперь между двух огней, очевидна. Под защитою и покровительством России, приносящей им все свои силы, они могут спокойно жить и делать свои дела. Естественного пер-

венства России в Балтийском или Северном союзе никто из них оспорить не может, и если против одного Русского флота теперь с трудом могут предпринимать что-нибудь французы и англичане вместе, то что же они могут сделать, если все балтийские силы соединятся, шведские, датские, русские и прусские, займут Зунд и Бельты и если во всякой гавани будет для гостей приготовлена не нынешняя почетная встреча. Дайте гарантии Швеции, Дании, Пруссии, предоставьте им торговые преимущества, употребите, если понадобятся, на благоприятное время угрозы, — как поступал Наполеон, заставьте их понять свои выгоды, если на кого из них найдет затмение, — тогда посмотрим, что могут сделать с нами западные союзники.

Россия в этом Северном ил Балтийском союзе должна занимать по существу вещей первое место.

Вот вам одна форма северных отношений, соотносящая выгодам всех государств, а вот и другая.

Русский Государь есть законный наследник, есть единственный старший представитель династии Датской и Шведской, изгнанной, уступившей свое место французскому маршалу Бернадоту.

Почему же в нужном случае нашему Голштинскому герцогу не предъявить свои династические права и не предоставить, например, республиканское управление Дании и Швеции, оставляя себе один королевский титул? Неужели Дания и Швеция не рады будут получить себе даром в услужение все силы России для своей безопасности, воспользоваться ее могуществом для своих действий по всем морям, не тратить ничего на содержание своих дворов и управляться по собственному своему усмотрению?

Что они потеряют при таком распорядке и сколько выиграют?

Пруссия должна будет тогда и поневоле присоединиться к России, как в первом проекте к Северному союзу.

Дарданеллы и Зунд! Враги наши своими требованиями указывают теперь сами на эти необходимые для нас гарантии в

случае нашего успеха, а умнейшие из них почуяли еще прежде нашего необходимость этих двух точек для России. Прежде, нежели кто-нибудь осмелился думать у нас о Дарданеллах, еще менее о Зунде, Тьер, в своей «Истории консульства и империи», сказал, что Европа простись со своею свободою, если когда-нибудь Россия получит в свою власть эти два пролива.

Он ошибается. Напрасно боится Тьер. Сын Запада, он не может представить себе иначе крепости как точкою нападения. Для русского они нужны только как точки обороны. Западные писатели судят по себе о восточных делах. На Западе все учреждения, как заметил сам Дамане, основаны на предполагаемой оппозиции. Наш Восток они считают таким же Западом, какой составляют сами. Вот капитальная ошибка, с которой смешиваются все понятия и которую мои соотечественники, особенно политики и дипломаты, разделяют от души со своими братьями Запада. Запад есть Запад, и Восток есть Восток, Запад не может быть Востоком, как Восток не может быть Западом. Россия есть государство распространяющееся, а не завоевательное, чего не понимают ни враги наши, ни друзья, ни мы сами, вменяя это себе даже в стыд, — так велико наше невежество историческое и политическое!

Вот вам объяснение, почему большая часть войн русских, если не все, начинались с оборон, а не с наступления, и русский мужик, который, провожаемый женою и детьми с воем и плачем, вступает в рекрутское присутствие, хотя на другой день, с забритым лбом, делается лучшим солдатом в мире, есть верный представитель Русского государства.

Следовательно, Европа не должна бояться русских завоеваний, имея, впрочем, всегда для них отпор, — вопреки боязливому Тьеру. Франция, Испания, Италия, Англия, Голландия и Юго-Западная Германия на одной стороне, а на другой — Россия с силами Балтийского союза на севере, то есть Швецией, Данией и Пруссией, или Северной Германией, и с силами Дунайского союза на Юге, то есть со славянскими государствами, Венгрией, Молдавией, Валахией и Грецией (см. письмо 7), — вот настоящее равновесие, вот Запад и

Восток лицом к лицу, с соразмерным разделением сил, — но зачем, повторяю, предлагать брань? Не пора ли жить в мире Востоку и Западу, Северу и Югу? Не пора ли человечеству думать о мире, а не о войне и употреблять, собирать свои силы не для того, чтоб грозить друг другу, а содействовать для общего преуспевания, для достижения цели, предназначенной ему Всеблагим Творцом.

Стыд и срам, что, прожив семь тысяч лет, достигнув по всем отраслям знаний такой степени совершенства, оно не умеет еще только управиться с собою!

Россия, в том положении, которое мы сейчас представили, должна быть главным орудием такого мира. Совершенно покойная, одним своим словом, мнением или советом, духовно, а не вещественно, она будет значить тогда в системе даже западной европейской политики гораздо более, нежели теперь стотысячными своими армиями, — поддерживая слабого, защищая правого, помогая бедному, покровительствуя обиженному, — внимая тому признанию, которое определил ей Бог, как почуял поэт в одну из лучших минут своего вдохновения:

Тебе он дал свое призванье,
Тебе он славный дал удел
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел:
Хранить племен святое братство,
Любви живительный сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд.
О! Вспомни свой удел высокий!
Былое в сердце воскреси;
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему: и все народы
Обняв любовию своей,
Скажи им таинства свободы:
Сиянье веры им пролей!..

И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный,
Прозрачный Вышнего покров.

Все это так, скажут мне в ответ. Ваша поэзия, природа ваших свойств, ваша история, ваша естественная политика не позволяют нам бояться нападения с вашей стороны, — однако Елизавета принимала решительное участие в Семилетней войне, Павел присылал войско завоевать Италию для Австрии, Александр управлял всеми действиями Европы по своему усмотрению и удерживал ее движение, Николай уничтожил Венгрию, не позволил Австрии биться с Пруссией, удержал Голштинию за Данией…

Это были наши ошибки.

Но кто же поручится, скажут в продолжение возражений, чтоб иной государь, владея Зундом и Дарданеллами, без ведома нашего, не справясь с Историей, вопреки народному характеру не решился в одно прекрасное утро на какую-нибудь ошибку, еще покрепче предыдущих, которая может быть пагубной для того или для другого европейского государства или для всех вообще? Можем ли мы допустить это, и в чем состоят ваши гарантии?

На этот вопрос я ничего сказать не могу, разве только то, что о таких европейских гарантиях, в настоящем смысле этого слова, может и даже должна заботиться высшая политика, благородная, человеколюбивая, справедливая политика настоящего прогресса. Такие гарантии могут быть предметом общих совещаний всех государств, даже в мирное время, не обнажая меча, — совещаний на законах права, науки и взаимных их отношений, естественных и исторических, — Совет Европейских Амфиктионов, о которых был намек в моих исторических афоризмах (1836). Эти гарантии не будут, разумеется, иметь ничего общего ни с разрушенным Севастополем, ни с простреленным Кронштадтом, о чем так хлопочут теперь враги. Условия, в коих нить человеческого смысла, скажу, кстати,

о коих могли разговаривать только такие министерства, как нынешние: ибо, с одной стороны, потребуя Севастополя для обеспечения Турции, вы с одинаковым правом можете требовать Свеаборга для обеспечения Швеции, Динабурга для обеспечения Пруссии и Бреста для обозначения Австрии, — когда же кому деланы подобные требования? А с другой стороны, — если бы Россия уступила теперь — предполагаю невозможное — ту или другую крепость, то кто же остановит ее впредь к нападениям и завоеваниям в других странах, если когда-нибудь ей то заблагорассудится? С 70 миллионами жителей трудно ли ей всегда идти на Швецию, имеющую три миллиона, Пруссию, имеющую 15, Австрию, имеющую 35, из которых 20 составляют самое преданное России население? Кто же остановит Россию — кроме собственных дипломатов, если род их не переведется? Следовательно, дерзость предположений равняется только их слабости.

А других предположений, для себя нужных, министры найти не умеют. Они не могут возвыситься над мелкими материальными, завтрашними выгодами и довольствуются старыми положительными апофегмами, не замечая их негодности: не должно допускать это государство до такого-то усиления, такой-то союз страшен, надо его разделить, а здесь надо устроить enlenle cordiale, там посеять раздор и возбудить соперничество! Несчастные игроки играют в ералаш по копейке и бьются изо всех своих сил, чтобы обыграть друг друга рубля на два полтиной! У них ли будете вы спрашивать благородства, человеколюбия, внимания к высшим потребностям человечества? Для высокого полета нужны не восковые крылья, как у этих бедных Икаров!

Западные политики отжили свой век, и наука поет уже им вечную память, а Евангелие напоминает: «Вина нового не вливают в мехи старые!».

Но возвратимся к русской политике, как мы определили ее выше, касательно европейских отношений.

Оставляя в покое Европу в ожидании благоприятных обстоятельств, мы должны обратить все свое внимание на

Азию, которую упустили почти совсем из виду, хотя собственно она предназначена вам по преимуществу, Азию, куда хотят, также по какому-то чутью, хоть и не с добрым намерением, отбросить нас наши враги! Что сделали бы англичане из наших местных и прочих отношений к Азии! Чего нам искать в Европе со стороны вещественных выгод? Мне приходит на память совет старого Добрыни, дяди Владимирова и брата Малуши, ключницы Ольгиной. Увидев одно из побежденных им племен в сапогах, он сказал своему изменнику: нет, эти не будут платить нам дань; пойдем лучше искать дальше лапотников. Этот совет, известный нам из древней летописи, может вместе с некоторыми другими приложен быть и к нынешней политике. Европейцы ходят не только в сапогах, но даже лакированы, и от них поживиться нам нечем, да и не для чего, не на что!

Пусть живут себе европейские народы как знают, и распоряжаются в своих землях как угодно, а нам принадлежит еще половина Азии, Китай, Япония, Тибет, Бухара, Хива, Кокан, Персия, если мы хотим, а может быть, и должны распространить свои владения для разнесения по Азии европейского элемента, да возвысится Иафет над своими братьями.

Старые наши цари, по своим обстоятельствам имея слишком много дел дома, около себя, не могли простирать своих видов на какие-нибудь отдаленные владения Азии, не могли искать там союзов и желать непосредственного участия в их делах, но они принимали с готовностью всякий их вызов и поддерживали все сношения, сколько позволяли им обстоятельства. С другой стороны, примечательно, что азиатские страны, даже самые отдаленные, искони обращались к Москве с выражением своего усердия и готовности. С XV столетия, с основания Русского государства, в настоящем смысле этого слова, являются в Москве посольства из многих стран азиатских, даже самых дальних. Назовем для примера Персидское (около 1475), Чагатайское (1489), Грузинское (1492), Шамаханское (1499). Бабур, основатель империи Великих Моголов, присылал посольство (1533) к Царю Василию Ивановичу; цари

Хивинский и Бухарский — к Грозному, по покорении под его власть Астрахани около 155 года, и пр. Не стану напоминать о кавказских многократных сношениях этого рода. А Петр? Петр думал об Индии, и о Китае, и о Персии, и об острове Мадагаскар. Недавно еще найден его указ брать мальчиков для обучения японскому языку!

Проложите дороги в Азию или отыщите старые, устройте сообщения, хоть по следам, указанным Александром Македонским и Наполеоном, заведите караваны, опояшьте железными дорогами Азиатскую Россию, пошлите пароходы по всем рекам и озерам, соедините ее с Европейскою (ибо, владея железными рудниками по всему пространству, имея свободные руки, не может быть, чтоб они обошлись нам дороже выписываемых из Англии и Бельгии), повезите европейские товары, хотя транзитом, в Азию, привезите азиатские товары для себя и для европейцев из самых богатейших стран, как Китай и Япония, и вы умножите довольство и обилие по всему земному шару.

Азия, Европа, влияние на весь мир! Какая великолепная будущность для России! А что здесь невозможного?

Странное дело! Никак, никогда не могу я остановиться на этих мыслях о силе, могуществе, богатстве, славе. Какие бы блестящие картины ни представляло мне воображение, не могу я долго любоваться ими, и тотчас опускается пред глазами моими завеса, их скрывающая. Начну я за здравие и сведу всегда как будто за упокой, отвлекая свой мысленных взор от дальнего горизонта к настоящей минуте!

Не сила, не могущество, не слава, не Европа, не Азия, не золото и серебро, не камни самоцветные нам нужны, дороги и важны! Нужны, дороги и важны сами мы себе, наше развитие, наше усовершенствование в страхе Божием, на поприще нравственности, наук, искусств, управления, общежития, возделывание тех десяти талантов, которыми в таком обилии наделил нас Бог и с коих потребуется лихва. Мы не только не печемся о них, не только зарываем их, но расточаем, умышленно, губим и уничтожаем святые дары, считаем опасными, все под влиянием внешней политики, о чем я представлю свои мысли

в следующем, последнем письме, чтоб разделаться, наконец, с этим несчастным вопросом, который совершенно случайно отвлек меня от моей Истории, воспламенил мое воображение, а потом целый год давил по ночам, как домовой, и мерещился в глазах беспрестанно по дням, как противное привидение, так что я начал уже боятся, чтоб не сойти с ума.

О влиянии внешней политики на внутреннюю

Ни миллионы войска, которые в продолжение сорока лет собирались на службу не России, а мнимому европейскому порядку и европейской политике, ни миллиарды денег, употребленные на их содержание, ни потеря лучших вещественных и духовных сил, вынимавшихся насильно из внутреннего кругообращения, не причиняли нам столько вреда, как нравственное влияние внешней нашей политики на внутреннюю и управление России по западным явлениям.

Внимание наше обращалось исключительно на Запад, и все делалось, или лучше, переделывалось у нас по его образцу, все измерялось его мерою, все обсуждалось по его кодексу, все ценилось по его таксе, все зависело от европейских воззрений, все подчинялось европейским отношениям.

Нечего говорить, что последний бродяга европейский — не только министр, журналист — значил у нас больше всякого высшего ума отечественного, и с мнением его не смел входить в состязание самый отличный русский талант. Как принят был Кюстин, возблагодаривший достойно за оказанные ему почести? Русские ордена, розданные австрийским доброжелателям, обратились в пословицу в Австрии и Германии. Прусских вахмистров, приезжавших в Петербург с каким-то поздравлением, угощали чуть не за гофмаршальским столом. Недавно Гизо написал, говорит, какое-то письмо к княгине Ливень, которое произвело большое впечатление! Даже во время войны всякое

иностранное мнение важнее для нас домашнего, и перед пустозвонными словами иностранца мы готовы всегда преклонять голову, а своих слушать не хотим, самых дельных, самых верных и благонамеренных!

Влияние внешней политики на внутреннюю, на управление было непосредственное и посредственное, прямое и косвенное.

Непосредственное и прямое: для сохранения в Европе законного, так называемого, порядка, для устранения противной партии, для поддержания наших предначертаний мы должны были держать всегда наготове миллион войск.

Миллион войска делал необходимым беспрестанные рекрутские наборы, коими истощалось настоящее народонаселение, замедлялось естественное размножение, и самые лучшие, крепкие силы обращались на бесплодное дело. Сколько народа народилась бы в России в продолжение сорока лет, если бы хоть половина рекрутов осталась среди своих семейств.

Умалчиваем о домашнем расстройстве и порче нравственности в разлученных супругах, об уменьшении общего благосостояния.

Содержание миллионного войска поглощало половину государственных доходов, коих потому не могло доставать на удовлетворение самых крайних нужд, например:

1. На умножение жалованья низшим чиновникам, из которых большая часть получает до сих пор едва с хлеба на квас и с голода должна прибегать к взяткам и другим беззаконным средствам, входящим в привычку и исказившим совершенно нравственность среднего чиновного сословия.

2. На учреждение дорог и путей сообщения, кои до сих пор представляют множество затруднений, несмотря на некоторые заботы о них в последнее время, несоразмерные с возросшими внутренними потребностями и развитием соседних государств. Если железные дороги и не выгодны для России, то они необходимы, потому что раскинулись по всей Европе. О пользе их толковать и спорить уже нечего, когда 70 тысяч французов и англичан, вместе с турками, где ни нападут на

нас, имеющих полтора миллиона войска, везде встречают только триста спартанцев, везде берут над нами верх числом: под Калафатомь и Ольтеницей, под Журжей и Силистрией, в Крыму и за Кавказом. Если бы у нас были железные дороги, то настоящая война повелась бы иначе, да едва ли бы и началась в таком виде.

Не стану доказывать значение железных дорог при неурожаях: кто помнит ужасы голода 1843 и 1845 годов, не говоря о всегдашней страшной разности по местам цены на хлеб и другие естественные произведения, тот может прибавить от себя, разумеется, множество доказательств о необходимости железных дорог для сокращения наших непроходимых, неизмеримых пространств, затрудняющих всякое сообщение (первое условие успеха в больших государств).

3. На улучшение состояния духовного сословия, имеющего ближайшее влияние на народ. Коснея, несмотря на некоторые хорошие, но недостаточные меры, в невежестве, или в оковах схоластического учения, привыкая с малых лет, под гнетом нужды и даже нищеты, к жадности, завися вполне, с одной стороны, от начальства, с другой — от паствы, не получая почти никакого живого понятия о своих обязанностях, духовенство не столько распространяет образование и нравственность, сколько способствует невежеству и расколам. Духовенство должно быть возвышено духом, обеспечено в нуждах, научено, как обходиться с народом, очищено от педантической ржавчины, избавлено от Екатерининого меткого свидетельства (умен Платон, а редькой рыгает).

4. На распространение в народе образования, которое никогда не оказывалось столь нужным, кроме высшей, священной своей необходимости, как теперь: ибо на всяком месте, самом ничтожном, образованию беспрестанно открываются случаи оказывать важные услуги, приносить великую пользу. И наоборот, отсутствие образования никогда не было столь ощутительно и вместе столь чувствительно, как в наше время: наши пушки не хватают так далеко, как иностранные; наши штуцера на 200 шагов ближе французских; бомбических пушек у нас

несравненно меньше; винтовых пароходов не бывало; наши корабли оборачиваются медленнее; медиков недостает нигде; а наличные, поступая на службу до окончания курса, не могут действовать успешно и лечат не на живот, а насмерть. Над многими нашими генералами смеются сплошь иностранные газеты, а собственные солдаты отзываются вот как: заборник у нас хорош, столбы-то плохи. Адреса, официальные извещения, даже реляция о важнейших событиях, в коих всякое слово заставляет биться сердце, пишутся большею частью безграмотно, непонятно, бестолково и оставляют народ в недоумении вместо того, чтобы ободрять или утешать его. Исполнение самых простых распоряжений встречает часто затруднение, единственно вследствие недоумений невежества. Взгляните на наши дворянские выборы, прислушайтесь к разговору наших клубов, собраний, частных обществ. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, в каком глубоком, бесчувственном невежестве мы погрязаем, несмотря на некоторый наружный лоск и даже блеск, и какие усилия должно было употреблять правительство для распространения в народ образования.

Довольно указания сих четырех необходимостей, кои правительство должно было или откладывать, или удовлетворять самым недостаточным образом за неимением денег.

А что сказать о тех средствах, к коим должно было прибегать оно для увеличения своих доходов, уходивших с таким несчастным успехом на содержание войска? Укажу для примера в этом отношении на винные откупа или вообще на винную торговлю, которая развращает народ самым гнусным образом, уничтожает благосостояние семейств, портит нравственность, питает невежество, зарождает и распространяет телесные болезни, губит лучшие силы. Кабаком меньше, батальоном меньше, говаривал покойный министр Канкрин. Одной этой жертвы, которая приносилась войску в продолжение сорока лет, достаточно, чтобы привести в омерзение нашу западную политику в глазах всякого друга Отечества.

Наконец, внимания, устремленного исключительно на внешние отношения и на военную часть, оказывалось, есте-

ственно, недостаточно для всех прочих частей управления. Посвящая свои труды и заботы чужим делам, мы пренебрегли собственными и привели их в бедственное положение. Мы позабыли, что состояние военное есть исключительное, отрицательное, временное, что оно есть только необходимое пока зло, следовательно, и военная служба есть служба случайная. Мы потеряли из виду высшую роль благоустроенного гражданского общества. Современные происшествия на Западе, где войско действительно оказалось главною опорою порядка, якорем спасения, утверждали нас в этом несчастном ослеплении.

Перейдем к посредственному и косвенному влиянию западной политики на внутренние наши дела.

Непосредственное и прямое влияние, сейчас нам вкратце обозренное, все еще было не так пагубно, не так убийственно для развития высших благороднейших сил народа, для достижения первейшей, священнейшей его цели — совершенствования, как влияние посредственное и косвенное, о котором предлежит теперь речь.

Смотря беспрестанно на Запад, мы и себя почли Западом. Принимая к сердцу разные его несчастья, например Французскую революцию и следовавшее за нею повсеместное потрясение законного порядка, мы испугались и сочли себя обязанными, среди неусыпных попечений о благе подданных, принимать деятельные меры, чтобы и у нас не произошло Французской революции.

Ошибиться на первый раз было легко, даже естественно, потому что Русское государство представляет в своих формах много сходства с западными и русский человек сохраняет признаки близкого родства с прочими европейскими; у нас тоже как будто сословия, тоже как будто города, тоже как будто страсти и побуждения, бедность русская ничем не отличается от бедности французской или итальянской, зависть и ревность русская от английской или немецкой; значение власти везде кажется одно и то же. Одинаковые причины должны производить и одинаковые следствия. Если Запад захотел свободы с такою силой, то и Восток, рано или поздно,

будет искать ее и по особым своим свойствам может увлечься до крайностей еще более ужасных.

Перспектива грозная — и сама Екатерина, умная, проницательная, добрая и опытная, поддалась оптическому обману и под конец своего славного царствования убоялась страха, иде же не бе страха.

Опасения начали водворяться в правительстве.

Некоторые, случайные явления, по временам у нас обнаружившиеся, оправдывали как будто новые опасения правительства и содействовали к утверждению его системы, которая оказалась, наконец, соответственной и личному характеру. Таковы суть: возмущение Семеновского полка (происшедшее от излишней взыскательности полкового командира); мятеж 14 декабря (занесенный гвардией из Парижа и укрепленный неистовствами аракчеевскими); возмущение Польши (произведенное или возбужденное отчасти распоряжениями бывшего наместника).

Наши иностранные друзья-предатели старались содержать нас в этом несчастном заблуждении с умысла, имея в виду только собственную пользу, то есть устроение из России самой твердой крепости для своих врагов, нарушителей их порядка, которой можно бы всегда было их пугать, в которой всегда надеялись бы они иметь безопасную точку опоры и на которую в случае нужды удобно было им слагать вины пред своими оппозициями. Пресловутые их министры, пред которыми мы обыкновенно преклоняем главу свою и награждаем даже пенсиями за вред, нам причиняемый, например Меттерних, несмотря на отъявленную и засвидетельствованную ненависть его к России, толковал нам с этой целью, что Россия есть такое же государство, как и прочие европейские государства, и должна опасаться таких же болезненных судорог, какие обнаружились на Западе и предвещают его политическую кончину: следовательно, мы должны, пока зло не возросло до западных размеров, поражать его в самом зародыше.

Собственные наши, так называемые государственные люди, выходцы и слуги Царской милости, большею частью

малосведущие, что касается до Русской Истории и до народного знания, охотно слушали предательские шептания (забывая народную пословицу, что немцу, то есть европейцу, смерть, то русскому здорово). Повторять и развивать их доказательства было даже очень приятно и выгодно для этих ленивых децемвиров, которые могли, при сей верной оказии, доказывать дешевым образом свою преданность и бескорыстие. Что за деятельность открылась в правительстве! Какая дальновидность, предусмотрительность, распорядительность! Взбесились на Западе народы, давай сажать нас на цепь. Там распространяются пожары — отнять у нас зажигательные спички, и мы высекай огонь опять так, как высекали еще циклопы, дети Вулкановы. Там оказалось расположение к простуде — и нас завертывают в хлопки, хоть наши молодцы норовят из бани, с полка, да в прорубь. У них воспаление в мозгу, а у нас почечуй, требующий движения, а держать нас на привязи, как горячечных, значит призывать удар.

Между тем за эти мудрые государственные меры сыпались звезды, ленты, кресты, чины, деньги, а нам-то и на руку! Деятельность увеличивалась по всем инстанциям…

И не находилось порядочных людей сказать ослепленным: помилуйте, что вы делаете? Запад катится с горы, а нам надо еще взбираться на гору, и какую гору? — так зачем вы стараетесь тормозить наши колеса? их надо подмазывать. Пока нет холеры, зачем курить удушливым хлором? Пока нет французских и английских болезней, зачем нам, здоровым, цветущим — кровь с молоком, — отравляться каломелью? Смотрите — пагубный яд, ни дай, ни вынеси за что, разливается у нас по всему телу, тлеют кости, лезут волосы, вываливаются зубы…

А ларчик открывается просто! Стоит только понять, что Запад есть Запад, а Восток есть Восток! Что, казалось бы, яснее этой непреложной истины, и между тем она остается непонятной загадкой для наших механиков и приводит их потому в самое затруднительное и ложное положение. Удалившимся от природы простое мудренее всего, и они никак не хотят со-

гласиться, что не может солнце всходить на западе, точно как не может закатываться на востоке; что смешно подавать там свечи, где еще светло, и безрассудно оставаться в потемках, когда солнце село.

Произнося эту простую истину, равную другой: дважды два четыре, что Восток есть не Запад, я оказываю, может быть, важнейшую услугу правительству, если оно захочет вникнуть поглубже в ее значение и употребить ее в дело. Эту истину провозглашал я с младых лет в продолжение всей своей литературной и ученой деятельности, но здесь кстати протолковать ее пообстоятельнее и представить понагляднее. С этой целью я должен прихватить несколько историй, по крайней мере, сколько позволят пределы письма, и показать противоположность русской истории и истории западных государств, совершенно одинаковую с географической противоположностью Востока и Запада.

Европейские государства произошли завоеванием, а наше — добровольным призванием, повторявшимся несколько раз в течение веков совершенно одинаково. Все западные государственные учреждения основаны на законе оппозиции, как заметил сам Лямене, а коренные русские учреждения предполагают совершенную полюбовность. Там все подчиняется форме, и форма преобладает, а мы терпеть не можем никакой формы. Всякое движение хотят там заявить и заковать в правило, а у нас открыт всегда свободный путь изменению по обстоятельствам. Они ищут конституций, хоть и не находят их надолго, а русский народ не помышляет ни о каких конституциях и какие имеет, навязанные сверху, от тех старается всеми силами уклоняться.

На Западе господствует подозрение и опасение, у нас доверенность. Западные сословия питают одно к другому ненависть, а наши не имеют никаких сословных предубеждений. Западное дворянство по преимуществу родовое; а наше по преимуществу служебное. Те гордятся своим вековым происхождением, а наши происходят, так сказать, ежеминутно и гордости не могут иметь никакой, кроме глупой. Самые

документы на свои права жжет оно само, а об остальных не прилагается ни малейшей с его стороны заботы. Переворот государственный, революцию, коей нигде подобной не было, все вверх дном, начинает у нас первый император, и продолжают его преемники, а консерватизм выражается народом, и крайнюю левую сторону консерватизма, составляющего вместе и оппозицию, представляет собой Преображенский раскольник, для которого один из главных вопросов состоит в том, как складывать пальцы для крестного знамения, между тем как на Западе нет и помину о Боге, разве для формы, и Христианская религия снисходит на степень малочисленной секты. Довольно противоположностей по всей истории, приведенных мною в пояснение простого положения, что Восток есть не Запад.

У нас другой климат с Западом, другая местность, другая температура, характер, другая кровь, другая физиономия, другой взгляд, другой образ мыслей, другие верования, надежды, желания, удовольствия, другие отношения, другие обстоятельства, другая История — все другое, а наше правительство ждало и боялось только революции одинаковой!

Все свои действия и распоряжения соединяет оно в одном фокусе и направляет к одной цели, чтоб не допустить революции в России, как происходит на Западе. Вникая тщательно в причину и источники бедствий западных, оно, в жару своего рвения, начало заботиться о мерах, как их предупредить у себя дома, и, видя там болезни, начало искать лекарств самых действенных. Мы были в этом отношении счастливее, может быть, самого Запада, потому что попали на самые лучшие меры и открыли самые верные лекарства, по пословице: чужую беду по воде разведу…

Революционные дух поддерживается, питается и усиливается на Западе свободою книгопечатания, распространением образования, уничтожением власти. Следовательно, рассуждалось у нас, для предупреждения революции надо препятствовать распространению образования в народе, ограничивать его одним сословием, надо стеснять печать и не допускать ни

малейшего рассуждения о власти, а на случай возможных покушений всего лучше учредить строгий тайный надзор.

С несчастного 1848 года это убийственная система, плод европейского воззрения, вероломных советов и домашних недоразумений, возымела преимущественно свое действие, на пагубу России.

Число студентов в университетах ограничено тремястами — громовой удар для русского просвещения, возбудивший страшное негодование во всем образованном сословии. Люди, самые умеренные, самые спокойные, поколебались в доверии к благонамеренности правительства. Голову свою не подумал бы я минуту положить на плаху, лишь бы удержать Государя от подписания бумаги. Действительно, с какой стороны ни смотри на этот несчастный указ, он не выдержит суда, самого снисходительного. Если университетское образование вредно, то за что ж приносить ему, как алчному минотавру, по триста невинных юношей в год? Если университетское образование полезно, то за что ж лишать его остальных? Не конечную ли цель гражданского общества составляет высшее образование?

Ограничивая число студентов, правительство показало свое нерасположение к образованию, и у профессоров опустились везде руки, прилипнул язык к гортани; студенты лишились необходимого побуждения. Соответственные явления произошли и в гимназиях: электричество положительное и отрицательное сообщаются одинаково через все концы длинной цепи. В самой публике уменьшилось расположение учиться даже без всякой соразмерности с ограниченным числом вакансий; страх не попасть в университет с такими затруднениями отгонял молодежь в другие стороны.

А экзамены при недостаточном количестве охотников ослабли, и университеты потеряли в отношении не только к количеству, но и качеству студентов.

Вредное влияние на распространение образования имели еще две меры: обложение учащихся податями в гимназиях и университетах, через что бедные (всегда лучшие ученики) ли-

шились возможности учиться, и затруднение вступать в университет из податных сословий, через что право учиться предоставилось по преимуществ дворянству и закрыто для многих.

Ученое начальство вследствие тех и других обстоятельств обратило исключительно внимание на внешнюю сторону своих заведений, что для него, разумеется, легче, на форму, на так называемую нравственность, то есть наружность, страдательную покорность. Всякое отклонение от правила казалось ему странным и преследовалось; дарования не ободрялись, а унижались. Об ученье, за которое не случалось взыскание, перестало оно заботиться: лишь бы комнаты были чисты, и ученики тихи, не подавали б повода ни к каким, так называемым историям. Беспечность, леность и посредственность ободрились, и невежество с гордостью подняло голову, ученье упало, и начали выходить из всех наших учебных заведений люди не воспитанные, а дрессированные, машины, лицемеры, такие исполнители, которых достаточно было на обыкновенное время, а чуть обстоятельства стали помудренее, так и не сыскалось ни в котором ведомстве, за кого взяться, даже в военном, бывшем предметом всех попечений; без настоящего образования оно показало всю свою жалкую несостоятельность.

В уважение всех сих несчастных мер внешнее наблюдение вверялось без разбору людям, пожалуй, нравственным или благонамеренным, но не просвещенным в надлежащей степени и не имевшим понятия, что такое народ, государство, наука, учение, что такое время, дух времени и его требования. Близорукими и пристрастными своими распоряжениями они довершили расстройство и в пять-шесть лет довели его до крайней степени. Нельзя без горести смотреть на наши университеты, хоть и богатые познаниями и талантами всех родов, и наши гимназии, помещенные в великолепных чертогах, особенно для директоров, инспекторов и экономистов.

Литература после своих петербуржских оргий, заслуживавших действительное осуждение, подверглась такому же гонению. Предписание за предписанием, и в Высочайших уставах не осталось ни одной живой строки. Ни о каком пред-

мете богословском, философском, политическом нельзя было писать. Никакого злоупотребления нельзя стало выставлять на сцену, даже издали; никакой мысли, которую можно бы приложить к настоящему времени в похвалу или порицание, — все равно не пропускалось. Самые легкие намеки подвергались страшному нападению. Целые периоды истории исключены, а о настоящих сословиях, ведомствах и думать было страшно. Довольно сказать, что старые писатели подвергались новой строгой цензуре: и какие же писатели? Кантемир, Державин, Карамзин и Крылов. Классики: Платон, Эсхил, Тацит не избегли запрещения — и литература упала, ограничилась только посредственными или гадкими повестями, где позволялось еще попирать подчас все священное, точно как и во французских водевилях и драмах, кои так любит наш большой свет, столько уважающий приличия. Книжная торговля в последние лет пять представляет одни банкротства. Сама публика пропиталась цензурным духом, и всякое сочинение, по какой бы то части ни было, лишь бы показывало в сочинителе самобытность, должно было подвергаться всем возможным кривым толкованиям, так что порядочные люди решились молчать, и на поприще словесности остались одни голодные псы, способные лаять или лизать.

Печатать стало ничего нельзя, а говорить еще менее, ибо незваных слушателей даже больше, чем привилегированных цензоров. Малейший знак неудовольствия вменялся в преступление или неприятность. Во всяком незнакомом человеке предполагался шпион, и печатью молчания запечатались все уста. Да и говорить не о чем: о политике не нужно, о правлении нельзя, о словесности нечего, о театре скучно — зеленые ломберные столы заменили все кафедры и трибуны, а карты, карты, единственное утешение, драгоценный предмет глубоких размышлений и горячих прений, сладчайшее занятие, единственное искусство, покровительствуемое правительством, сделались для благородного русского дворянства самым важным препровождением времени, дороже всех хартий и конституции, настоящий Habeas corpus в буквальном смысле слова!

Тайная наша полиция со времени своего основания вверялась людям большей частью добродушным, и в 30 лет найдутся немногие примеры страдальцев от ее действий, кроме нескольких молодых людей, более или мене виноватых по легкомыслию или невежеству, но вредна и пагубна идея ее существования, удушлив страх, хоть и не основательный, ею внушаемый! Филипп II давно истлел в гробу; но дух его носится тягостной мглой над несчастной Испанией, и она не может приподняться нравственно после его инквизиционного угнетения. Вот что значат учреждения в истории государств!

Мне остается сказать еще несколько слов о богопочитании, которое правительство хочет внушить народу перед властью. Власть нужна и священна, но злоупотреблениями своими власть ослабляется гораздо больше, нежели свободными суждениями об ее действиях. Злоупотреблений не скроешь от тех, кого они касаются. Увидя их, например, на сцене, страдающие разве увидят что-нибудь для них новое? Нет, указание злоупотреблений может послужить пособием власти, которая, принимая оное к сведению, подвергая гласности, сложит тем с себя часть вины, докажет свою благонамеренность и вместе твердость. А без гласности, разумеется, в пределах благоразумной осторожности, всякая ложь, неправда, обман получают право гражданства в государстве, чему пример и доказательство мы видим в ваших официальных отчетах, по которым Россия благоденствует, Россия — на деле алчущая, жаждущая, тоскующая, незнающая, что делать со своими силами, расточающая блудно Божии дары.

Невежи славят ее тишину, но это тишина — кладбища гниющего и смердящего, физически и нравственно. Нет! О такой тишине невыгодно отзовется беспристрастная история! Рабы славят ее порядок. Нет! Такой порядок поведет ее не к счастью, не к славе, а в пропасть!

Государь, очарованный блестящими отчетами, не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недосягаемую, он не имеет средства ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может, все

пути выражения мыслей закрыты, нет ни гласности, ни общественного мнения, ни аппеляции, ни протеста, ни контроля.

В каком положении находится он, в таком и все его министры, все начальники, из которых каждый представляет собою в своем ведомстве самодержавного государя и также не имеет никакой возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажет ее, и никто не смеет сказать, боясь попасть на замечание, возбудить подозрение. Всякий думает только о снискании благосклонности начальника предусмотрением его мыслей и желаний, предугадыванием его намерений. Одуренному беспрерывным каждением лести, развращенному мнимыми успехами, в лентах и звездах, ему естественно уже счесть себя гением непогрешимым, подобно далай-ламе. Всякое затмение он вскоре уже считает личным для себя оскорблением, неуважением власти, злоумышлением либерализма. Кто не хвалит его, тот беспокойный человек. Не давать ему ходу. А бездарностям, подлостям, посредственностям то и на руку: как мухи на мед, налетают они в наши канцелярии, а еще охотнее в комитеты, где скорее, без всякого труда, награждаются за отличие. Все они составляют одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуют всякого мыслящего человека, для них противного, и, поддерживая себя взаимно, поддерживают и всю систему, систему бумажного делопроизводства, систему взаимного обмана и общего молчания, систему тьмы, зла и разврата в личине подчиненности и законного порядка.

А между тем дела становятся час от часу мудренее; отношения сложнее, умнейших людей старого, даже недавно прошедшего времени недостает для новых обстоятельств (Луи Филипп, Гизо, Тьер, Одильон Барро, Ледрю Роллень, Луи Блан, английское министерство талантов служит тому доказательствам), а мы хотим пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами, которые обветшали даже просто от времени, точно как изнашивается платье, сначала прекрасное, щегольское, дорогое, а под конец — повисло в лохмотьях.

О народе, который трудится, проливает кровь, несет все тягости, страдает и между тем дышит любовью, самою чистою

преданностью к Царю и Отечеству, ни у кого и мысли нет. Народ как будто не существует нравственно, известный только по ведомостям Казенной палаты!

Таково ужасное состояние России! Я рассматривал его только с некоторых сторон, а что было бы, если бы обозреть все: судопроизводство, жизнь духовенства, дворянское воспитание, столичную роскошь, взяточничество под всеми его видами, проникнувшее до самого престола?

Страшная представилась бы картина! Лукавые рабы и неверные, что сделали мы со своими десятью, со своими десять раз десятью талантами! И все это преимущественно вследствие ложного страха иметь западную революцию!

…Революция произошла на Западе из своих семян. Этих семян не было брошено историей в начало нашего государства, как они были брошены на Западе, и потому революции такой у нас не будет, да и не может быть. Мы испугались ее понапрасну. Мы убоялись страха, даже не страха. Напрасно мы начали останавливать у себя образование, стеснять мысль, преследовать ум, унижать дух, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свет, распространять тьму, покровительствовать невежеству.

Напрасно потому, что образование принесло бы нам существенную пользу, мысль увеличила бы нашу силу, а тьма привела нас на край пропасти, на которой мы теперь и дрожим, не смея смотреть ни вверх, ни вниз, с собственными болезнями (а чужие впереди), без присмотра, на руках у пустых, легкомысленных и необразованных, неприготовленных подлекарей и фельдшеров, которые отроду не слыхали никаких курсов, не читали никакой книги, не держали никакого экзамена, не умеют написать никакой строки, не только рецепта, не имеют никакого понятия о медицине, а лечат только усердием, как Гоголев Земляника, да небережливостью.

Об этих болезнях я почитаю обязанностью сказать несколько слов, тем более что враги сами по себе или надоумленные друзьями могут воспользоваться ими к конечному поражению России.

К вам обращу я речь свою, Милостивые Государи, глубокомысленные наши политики, тайные и действительные, тайные и явные советники и кавалеры, прошу прослушать:

Мирабо для нас не страшен, но для нас страшнее Емелька Пугачев. Ледрю Роллен со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону к Мацинни не перешатнется никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности, вот с которой стороны стена наша представляет проломы — перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти без присмотра валится и грозит падением!

Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный, сказал Пушкин, которого государственные способности не умели оценить близорукие и тупые современники, думавшие, что он только стишки писать, да шутить умеет.

Казенный крестьянин живет у нас так, удельный иначе, помещики же управляют по-своему крепостными крестьянами, всякий молодец и немолодец на свой образец. Добрым людям до сих пор не приходит еще в голову спросить: да от чего же нам всем не ровная жизнь? А может быть, им в самом деле всем ровная жизнь: всем худо! Помещичье спасение в дурном управлении государственных имуществ, которое, впрочем, одно, в пополнении наших противоречий, заботится об освобождении крепостных крестьян, чтобы перевести их из огня да в полымя! Но улучшись жизнь казенного крестьянина — будьте уверены, что этот вопрос в самой нелепой, может быть, форме представится какому-нибудь бессрочноотпускному Оконелю, и заварится каша крутая. Да и теперь не убивают ли ежегодно до тридцати помещиков — искупительные жертвы за право тиранства остальных? Ведь это все местные революции, которым недостает только связи, чтоб получить значение особого рода! Они усмиряются порознь, но несчастные крестьяне, которые, выведенные из терпения, берут нож в руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работе в сибирских рудниках, неужели

не заслуживают лучшей участи? Ведь это те же самые люди, что теперь священнодействуют в Севастополе с таким мужеством, с таким самоотвержением и спасают не только русскую честь, но даже наше значение, нашу будущность!

Мы говорили о великой России, а в каком положении находится западная граница? В Белоруссии крестьяне томятся в нищете, и всю свою жизнь только борются с голодом и холодом: ребятишки, прыгая на станциях около коляски путешественника, кричат: завтра воскресенье, с солью ядуць.

Волынь и Подолия, Киевская область, стонут под игом католиков, поляков и жидов. Беспрестанно встречаются такие обстоятельства, которые приводят правительство в затруднение или фальшивое положение и заставляют принимать меры бесчеловечные. Например, несколько тысяч крестьян, чтобы избавиться от помещиков, вызвались недавно в Киевской губернии идти в казаки, чтобы умереть за Отечество, и были разогнаны пушками, переданы военному суду и сосланы за великодушный вызов на поселение.

Другие ждали свободы по завещанию покойного Государя Николая Павловича и отказались работать на помещиков, за что, разумеется, были наказаны.

Сколько горючего вещества по всей западной границе, с которой в соседстве Малороссия! Когда-нибудь терпению будет конец, попадет одна несчастная искра, и все вспыхнет! Вспомните Колиевщину, вспомните последние ужасы в Галиции! А история военных поселений! Не надо забывать, что теперь могут являться люди подученные, подготовленные за границею для произведения всяких замешательств. Есть кому сочинять их и подсылать: западная пропаганда деятельна! Не надо забывать, что поляки рассыпаны в России везде и знают коротко наши отношения. Были же опыты зажигательства по всей России, которых не могла никак разведать наша полиция. Предоставьте себе вторжение, например, хоть со стороны Бессарабии, а есть и другие стороны открытые!

Обнаруживаются иногда намерения и благие, например, в особом управлении для казенных крестьян, в постановлении

об обязанных крестьянах, инвентари, но это только порывы, беглые мысли, случайности, которые приносят больше вреда, чем пользы, представляясь второпях, из частных видов, недозрелые, недопеченые, необдуманные, необсуженные со всех сторон, а главное — неподверженные критике, о которой в правительстве у нас помину еще меньше, чем в литературе. Они составляют обыкновенно предметы личных распрей, в коих первоначальная цель и общее дело вскоре упускаются из виду и пропадают.

Вторая болезнь, вторая опасность грозит России со стороны раскольников. Их, может быть, найдется до семи миллионов, и они умножаются беспрестанно. Появляются беспрестанно новые секты, одна другой нелепее и враждебнее, возбуждаясь алчбой необходимой народу духовной пищи (которой он не получает ни от духовенства, ни от правительства, ни от общества, ни от печати), питаясь и укрепляясь общим невежеством. Казаки, Сибирь, новая Россия, Кавказ, предлагают спокойное убежище. А в последнее время явилась Австрия с архиерейскою кафедрою для раскольников! Наше духовенство, слишком мало в высшем смысле улучшающееся несоразмерно с возрастающими быстро потребностями времени, духовенство, которое делается, может быть, книжно ученее, но не жизненно образованнее и потому отделяется еще более от простого народа, презираемого им по семинарским своим понятиям, духовенство, жадное по происхождению, в крайней нужде и заботах о тягостной будущности, подает своими притеснениями и послаблениями, своим поведением и невежеством новые поводы к отпадению, которыми старые раскольники умеют пользоваться. Земская полиция содействует везде расколу, потому что всякий раскольник есть оброчный мужик и всякая секта — самая выгодная статья. Местные начальники, даже высшие, по тем и другим причинам представляли везде затруднения для исполнения последних мер правительства воссоединить раскольников с единоверием.

Недавно сделано было несколько хирургических операций, может быть, удачных, но они тотчас были испорчены не

только противниками, но самими операторами по недостатку верных понятий и по шаткости системы.

Все раскольники, если ненавидят правительство, по крайней мере, так расположены и настроены, что легко могут быть обращены против него, видя в нем своего притеснителя.

Между раскольниками есть множество крепостных. Придайте же тому бунту, которого так страшился Пушкин, характер религиозный, что будет? Явись в какой-нибудь Архангельской или Вологодской глуши Шамиль, Пугачев или Разин: он может пройти, проповедуя, триумфальным маршем несколько губерний и наделать правительству больше хлопот, чем бунт Екатерининского времени.

Третья естественная наша болезнь и опасность со стороны Польши. Побеседуйте откровенно с лучшим и добрейшим поляком, воспитанным на счет правительства в русском университете или корпусе, лет десять проживавшим в России, женатым, пожалуй, на русской и имеющим православных детей, — и если вы имеете хоть малую долю здравого политического смысла, то удостоверитесь после такого разговора, что оставить Польшу в настоящем положении невозможно, недолжно, невыгодно. Опасно. Я предположил доброго, честного, благородного поляка, а прочие?

Таковы наши внутренние язвы, которые, повторяю, могут быть развережены и при помощи общего расстройства, произведенного ложною системою, соединиться с внешнею грозою, на пагубу России.

Враги, надо отдать им честь, выбрали самое благоприятное для себя время, чтобы нагрянуть на Россию, не допустить ее до постижения своих преимуществ и благого употребления удивительных своих сил, чтобы остановить ее на пути ее победы и величия, оттолкнуть назад, как говорят они, на двести лет и лишить надежды на перемену к лучшему: ум притуплен, воля ослаблена, дух упал, невежество распространилось, подлость взяла везде верх, слово закоснело, мысль остановилась, люди обмелели, страсти самые низкие выступили наружу, и жалкая посредственность,

пошлость, бездарность взяла в свои руки по всем ведомствам бразды управления. Священный союз между Царем и народом потрясен!

Тяжкое время — но жив Бог Русский! На него надеемся и не постыдимся. Силен Он укрепить ослабелое и поднять ниспадшее! Добро не угасло на Святой Руси. Там, в глуши, в захолустьях, в пещерах, в пустынях, мерцают святые искры. Да и в нас, развращенных, на дне наших душ они еще не погасли, они могут возгореться!..

Опасности вызовут их наружу, и святой огонь загорится, и благодатный свет просияет и озарит тьму, и просветимся, и увидим!

Покаяние, терпение, вера, надежда, любовь!

Законов вдруг не сочинишь, людей вдруг не отыщешь, злоупотреблений не уничтожишь, пороков не искоренишь, с привычками вдруг не расстанешься: на все нужно время! Опрометчивая ломка причинит еще больше вреда! Сначала довольно стать на новую точку, посмотреть на вещи с другой стороны и объяснить себе цель.

А лекарство на первый случай легкое, удобное и безопасное, общее, специальное для облегчения, если не для исцеления всех болезней, естественных и искусственных, своих и наносных, для борьбы с внешними врагами, войною и нейтралитетом, для борьбы с внутренними врагами, которые для нас гораздо опаснее и вреднее, есть *гласность*, то есть то лекарство, которое под угрозою казни запрещала нам западная наша политика.

Посредством гласности будут вразумляться начальники, посредством гласности будет приобретать, со всех сторон, лучшие и вернейшие сведения правительство, посредством гласности будут делаться известными способнейшие люди, казниться злоупотребление, посредством гласности возродится и утвердится общественные мнение!

Второе общее лекарство, или лучше другое первое, — образование. Образование основательное, пространное, прикладное, деловое, благочестивое, проведенное желобами по всем

удолиям общества, даже до последней земли, в глубочайшие рудники каторжной работы, без всяких исключений, ограничений, стеснений по званиям, а по одному святому правилу: душа — мера, кто сколько по своим силам и желаниям получить его может. Такое образование, проникая во все должности, воздействует благотворнее всяких узаконений, будет постепенно исправлять зло и сеять добро.

Один образованный, усердный, деятельный начальник — и целая часть, вверенная его попечению, при системах гласности устроенная, помогает прочим примером, порядком и подготовкой чиновников! Один губернатор с такими видами — и пятидесятая часть России благоденствует, а другой-третий — и все люди не узнаю себя, те же, да не те станут в таком общем движении.

И в блестящем свете представляется будущее! А может быть, это только несбыточные мечтания! Может быть, и мы осуждены на такое же бесплодное искание, как и Запад, который пред нашими глазами ищет тщетного исцеления своих болезней и попадает большею частью на такие лекарства, которые увеличивают еще более их ярость! Такова судьба государств: в муках родится человек, в страданиях живут общества; под всеми формами правления одинаковы несчастья! Может быть, и мы, недовольные настоящим порядком вещей, видящее ясно все его недостатки, накличем на своих детей новыми своими мерами, которые кажутся нам столь верными и действительными, полезными и благотворными, еще больше зла, чем сколько испытали сами. Может быть, мы новыми своими действиями увеличим только число несчастных опытов в утверждение вечной истины, провозглашенной откровением и дознаваемой искренними размышлениями, что все земное есть ложь — и человек, и государство, что История представляет одни преходящие формы и что этому тревожному свету верное пристанище на небе, где все наши поиски приведутся к одному знаменателю.

Что будет, то будет. По крайней мере, непреложный долг совести велит человеку искать истины, действовать по своим

убеждениям и сообщать собратьям, что ему в известную минуту представляется полезным.

Вот куда завлекла меня мысль по пути моих политических рассуждений о политике внешней и внутренней.

Остановлюсь и объясняю здесь, кстати, их происхождение.

Начались они случайно, по вызову одной доброй, любящей Отчизну женщины. Слово за слово, мне захотелось послужить, кстати, любезным своим единоплеменникам славянам, которых судьба с младых лет возбуждала сердечное мое участие. Потом увидел я самое удобное время для убеждения в предательских действиях Австрии, коротко мне известных и в отношении к славянам, и в отношении к России. Текущие события меня возбуждали, как возбуждали и весь народ, вышедший как будто из долговременного сна: я услышал толки о политике от таких людей, которые вовсе не имели понятия, что такое политика, — и почел долгом сообщить моим соотечественникам то, что я знал по моим отношениям о разных важных предметах и чего не знают другие. События совершавшиеся утверждали меня в моих убеждениях. Мои предсказания сбывались, я почувствовал смелость. Общее сочувствие, выражаясь самым лестным для меня образом, ободряло меня еще более, и я продолжал писать. Разгорячаясь более и более, я думал, что, наконец, наступило время исполнения моих самых задушевных, заветных надежд. Вся Русская История, казалось мне, стремится к своему увенчанию. Мысли толпились в голове моей, и я хотел высказать все.

Последние вопросы о внутренней политике я имел в виду еще прежде настоящей войны изложить в особом сочинении моей Истории, которая, надеялся я, сообщит моим мнениям более веса: но ей нужно еще, может быть, лет пять, а события, одно другого важнее, следуют беспрерывно, и всякая минута может переменить ход, даже в лице всего дела.

Сановники наши молчат, все те, которые имели бы не только право, но даже обязанность говорить — и Орлов, и Киселев, и Воронцов, и Ермолов, и Блудов, и Филарет. Чего боятся они, имея по 70—80 лет и занося уже ногу в могилу — это

знают они. Неужели сказать правду в минуту опасности не позволительно, страшно, невозможно без возбуждения подозрений в злоумышлении? Они позабыли всю Русскую Историю, они позабыли, что даже недавно, на их памяти, говорили Александру — и кто же? Шишков, Толстой, Аракчеев, Балашев, Волконский: оставьте армию, вы здесь мешаете, ваше место теперь в столице — и Государь их послушался. Шишков не был, однако, красным революционером, Аракчеев не принадлежал к партии коммунистов, Толстой не имел понятия о масонских ложах, Балашев не отличался стремлением к гуманному прогрессу, и Волконский не славился любовью к словесности, не умея, вместе со всеми почти прежними государственными людьми, двух строк написать правильно по-русски. Следовательно, можно осуждать и спорить, без всяких задних мыслей, руководствуясь одною любовью к Отечеству.

Я решился переменить прежний план и сказать немедленно свое мнение и о внутренней политике, по крайней мере, она зависела от внешней. Картина вышла, разумеется, неполная, ибо все отрасли управления тесно соединены между собою, и если одни страдают под влиянием внешней политики, то и другие, самые отдаленные, терпят; но распространяться о них я считал теперь неуместным и безвременным, тем более что и ближайшие соприкосновенности представляют довольно для размышления. Разумеется, я мог и могу ошибиться, увлекаться и заблуждаться — не имею притязания на непогрешимость, но смело могу сказать, что говорил свое мнение искренно, по долгу присяги, в желании добра Отечеству, как православный русский человек, верноподданный, служитель науки.

Слишком лестно мне, хоть и прискорбно сделаться гласом вопиющего в пустыне. Часто выражал я открыто свои мысли о внешней нашей политике. Государю Императору угодно было выслушивать их не только с благоволением, но даже благодарностью за мою верноподданническую искренность, несмотря на грубую часто форму, которой я не заботился сглаживать, обращая внимание на дело, а не на слово. (Ясное

доказательство, что вина преступного молчания падает большею частою на его приближенных.) Смею надеяться, что и настоящее мое письмо обратит на себя внимание, как плод многолетнего размышления. Карамзина и Пушкина призываю в свидетели искренности моих слов, Карамзина, который перед кончиною благословил меня на историческое деланье, Пушкина, который разделял и ободрял мои убеждения.

Отцы и братья! Примите с любовью представляемое с любовью, воспользуйтесь дельным, отбросьте не дельное и не помяните меня лихом!

<Мир или война — что лучше?>

Мир или война — что лучше?

Поладим, скрепя сердце на эту пору: мир лучше войны. Но мира честного, даже сносного, нам не дают, не дадут, не хотят, да и едва ли могут.

Четырьмя гарантиями враги только закрывали свои намерения в твердой надежде, что мы их отвергнем и они останутся надолго в глазах газетной публики великодушными рыцарями чести и бескорыстия. С четырьмя гарантиями они разыгрывали ту же комедию, что с Венской нотой, которую лишь только приняли мы, как они объявили нам войну.

Мы согласились теперь на четыре гарантии, хотя недавно еще считали их невозможными и бесчестными — враги начнут по-прежнему переговоры, чтобы выиграть время, продержать нас без действия в напрасных ожиданиях и не допустить до надлежащих приготовлений, а между тем сами будут собираться с новыми силами, чтобы ударить по России со всех сторон, как можно решительнее, сквозь душу ее «провести оружие»…

Они проговаривались даже прежде в подобной цели своих переговоров, чего мы как будто не слыхали; так и теперь предполагаем кончить дело полюбовно, на нотах! Чтоб не пришлось без нот запеть другим голосом.

В гарантиях нет ничего существенно полезного для Англии и Франции: по Дунаю суда их не плавают, Черное море было для них открыто всегда; в военное время оно отпирается и без трактата, как ныне, а в мирное военным кораблям делать там нечего; от покровительства Молдавии и Валахии не будет ни тепло, ни холодно, как не было от общего с Россией покровительства Греции; общее покровительство христиан, в прежнем смысле, исполнялось уже отчасти, а другой смысл, то есть западная пропаганда, всегда может дать предлог к войне. Что же они выигрывают? Ничего.

Так неужели Англия и Франция воевали даром? Может ли быть, чтобы они напрягали все свои силы, приносили чрезвычайные жертвы, подвергались ужасным потерям, лили свою кровь только для интересного препровождения времени? За спасибо или даже без спасибо мы могли спасти Австрию или избавить султана Махмуда от притязаний Египетского паши, а Франция и Англия не так просты или не так великодушны!

Для Австрии и Германии четыре гарантии, напротив, важны и существенно полезны. Они во сне не могли их никогда видеть, мечтать о них они не смели. Унизив нас до крайности, довольные натасканными из огня каштанами, они, может быть, удовольствуются ими и будут стараться о заключении мира.

Да старания-то их останутся безуспешными, и они будут принуждены насильно пристать к той или другой стороне.

Разумеется, по всем предыдущим отношениям и действиям, по сатанинскому духу, ими управляющему, выбор их, преимущественно ослепленной Австрии, склонится попрежнему к Западу.

Зимой австрийцы будут манить нас льстивыми обещаниями, дружественными уверениями, доверенными посольствами, собственноручными письмами — а придет весна, так и явятся непременно вместе с прочими врагами, прислав, пожалуй, трогательное объяснение, что они продолжают любить нас по-прежнему, от всей души принимают сердечное участие в нашем тягостном положении, желают нам выйти из него с

наименьшими потерями, чему рады в свое время содействовать, а теперь принуждены уступить необходимости, общему мнению, духу времени, требованию обстоятельств, собственной опасности и тысячи общих мест, кои всегда найдутся, как захочешь оправдаться в злом деле. И мы будем иметь к весне против себя волей или неволей, раньше или позднее, так или иначе, всю Европу без исключения.

Эту мысль должны мы ни на минуту не выпускать теперь из виду, точно как не должны были выпускать ее никогда и прежде, хоть враги наши твердили беспрестанно о мире и дипломаты наши, как будто в заговоре с ними, ласкали нас беспрестанно надеждами на мир.

Мир, мир! «Егда бо рекут мир и утверждение, тогда внезану нападет на них всегубительство, яко же болезнь в чреве имущей, и не имуть избежати. Вы же, братие, несте во тьме, да день вас яко же тать постигнет».

Все наши уступки не принесли нам ничего больше, кроме ужасного вреда и ужасного стыда.

Чем больше будем мы уступать, тем больше будут с нас требовать. Если ныне нужны врагам Севастополь и Черноморский наш флот для обеспечения Турции, то завтра понадобятся Свеаборг и Балтийский флот для обеспечения Швеции, и так далее. Чем больше будем мы унижаться, тем шибче будут бить нас, а и так уже кровь льется у нас из носа, из ушей и изо рта — платков не наготовимся.

Давно ли мы должны были оправдываться в Синопской победе после того, как у нас был выжжен и занят форт св. Николая и вырезан мучительски весь гарнизон? Давно ли должны были оставить осаду Силистрии, под которою пролито столько крови русской? Давно ли воротились мы из-за Дуная в угоду Австрии, оставив кресты, там воздвигнутые? Давно ли вышли мы из Молдавии и Валахии в уважение германских интересов, между тем как наш собственный Крым подвергся разорению, а Севастополь, важнейшая точка империи, — нападению, каких не бывало в летописях войны? Давно ли враги осмеливались спрашивать от нас залогов,

чтоб мы не нападали на Турцию, а нам не только не давали залогов, что не будут сами нападать на нас, но еще требовали, чтоб мы уничтожали собственные свои силы, кои могли бы когда-нибудь противопоставлять их нападениям?

Наконец, они захотели, чтобы мы уступили им, волкам, покровительство над Православною церковью на Востоке, а что они те же волки в отношении к восточным крестьянам, какие были во время крестовых походов, и что католикам православные ненавистнее магометан, с которыми они и сдружились, то доказывают последние послания их духовенства, ничем не отличные от посланий Иннокентия III; то доказывают торжественные их молитвы о ниспослания победы Луны над Крестом. Россия теперь для Запада в этом отношении то же, что была во время крестовых походов Византия, которую он желал подчинить себе гораздо больше, чем освободить Гроб Господень от неверных. Для наших дипломатов, по большей части протестантского исповедания, религиозная сторона вопроса, основание русского человека и Русского государства, условие нашей силы и успеха, настоящий предмет войны — не существует. Один из них говорит, например, что Россию губить — Господи помилуй! Не думает ли он, что спасительнее для нас будет новая молитва: черт возьми! Для таких дипломатов общее покровительство, разумеется, ничего не значит. А русский человек тот, который умирает, не охая, в Севастополе, в Камчатке и на берегах Белого моря, рассуждает иначе, вот так: Иуда продал Христа за тридесять сребреников, а враги наши хотят, чтобы мы предали им Его Церковь даром, совершая дело Иуды, мы, главные и единственные представители и защитники Православия, отданного нам как бы на руки самим Богом. А что осталось с Иудою?.. «И поверг сребреники в церкви, отыде и шед удавися».

И вот мы приняли четыре гарантии.

Дипломаты наши превзошли все самые смелые ожидания врагов! Они не пугаются никаких жертв, лишь бы сохранить мир с немецкими государствами, в коих находятся, по их мнению, необходимые подпоры Русского престола.

Так и слышится иностранный доктор Елисей Бомелий, который неотступно советовал Иоанну Грозному готовить себе на всякий случай убежище в чужих краях. Они не помнят, кажется, что немецкие подпоры давно уже ушли на баррикады, не понимают, что не надежен тот престол, для которого подпоры надо искать в чужих странах и караул держать из вольноопределяющихся наемников. Русский престол был тверд безусловною доверенностью и преданностью русского народа, а вы начали колебать, может быть, и без умысла, даже эти священные исторические подпоры!

Все унижения, повторяю, напрасны: война России с Европой неизбежна, и от этой войны нельзя нам никак уклониться.

Но воевать со всей Европой нет никакой человеческой возможности: как ни крепка Русская грудь, как ни силен Русский дух, но бороться со всеми не достанет у нас ни сил, ни средств.

Война для нас невозможна и мир невозможен! Что же нам делать?

Отводить удары, на нас направленные, в другие места и стараться о перенесении войны на другую сцену. Заварить общую кашу. Европа хотела войны — так вот тебе она tu l'as voulu!

Изложите в кратких и ясных чертах историю русской политики в продолжение нынешнего столетия, сочтите все жертвы, кои принесла Россия в пользу так называемого законного порядка; все услуги, какие она ему оказала; все уступки, которые сделала в последнее время для сохранения мира, даже в ущерб народной чести, и заключите, что преданная государями, преданная консервативными правительствами, за которые распиналась, не только оставленная в совершенном одиночестве, но даже подверженная общему нападению, она находится принужденной изменить свою политику. Изъявите, так или иначе, громко или тихо, даже молча, свое согласие на восстановление Польши, Венгрии, Италии, Греции, славянских стран, — словом, на устройство государств по языкам, как предсказывал Наполеон, размышляя на острове Св. Елены

о судьбах европейских. (А эти новые государства призовут к себе непременно русских Великих Князей.)

Как?

Да нечего как! Иначе нельзя! Впрочем, в этом необходимом образе действий, в единственном исходе нашего спасения едва ли есть худо!

Неужели законнее, что в Италии господствовала Австрия или Франция, а не Италия?

Неужели австрийцы имеют неоспоримое право угнетать славян и притеснять православных?

А Кошут, Маццини, Ледро-Роллень? Это не наше дело, а дело Венгрии, Франции и Италии. Пусть они ведаются между собою как знают, а наше дело — сторона. Свои собаки грызутся, чужая не приставай: умная пословица, которую мы, к несчастью, забыли.

До Кошута и Маццини настоящая война не касается. Не революционеры собственно воюют теперь с консерваторами, а консерваторы между собою. Революционеры только в подкладке. Австрийцы консерваторы, и немецкие государи также. Сам Людовик Бонапарт не красный республиканец, и английская аристократия терпеть не может коммунизма. Консерваторы идут на Россию, главную свою подпору. Ясно, что не консерватизм и революция в войне, а Россия и Европа, Восток и Запад. Так выбросим из головы эти пустые слова, кои сбивают с толку и в настоящих обстоятельствах не имеют смысла. Выкинем из головы эти евпропейские разделения и понятия. Сами Европа мы себе. У нас свой ум и свой рассудок, и свой язык, которого Запад, а за ним и наши поклонники и воспитанники его, правые и левые, красные и белые, не понимают сугубо ни по форме, ни по духу. Россия есть и будет и должна быть не красным, не консервативным, не революционным, не деспотическим, не аристократическим, не демократическим, не республиканским государством, а Русским. Что же такое Русское государство? Это особь-статья, о которой здесь не место и время рассуждать. Мацинни, Кошут, Бруно, Бауэр пишут и говорят против союзников. Тем

лучше. Хоть бы пес, да яйца нес! Справимся сперва с любезными друзьями консерваторами, а прочее впереди.

Италия и Венгрия не преданы сполна Кошуту и Маццини. Помоги им Россия словом или делом всем получить законную свободу из-под чуждого беззаконного ига, и они сами откажутся от временных своих диктаторов, и законный порядок, благоговейно ею чтимый, утвердится в Европе гораздо тверже, нежели каков он был по злоупотреблению слов. Вот назначение России, которого звон она слышала, да ошибалась откуда!

Поступи она так — и запляшет Немецкий союз, который теперь так высоко поднялся, что даже гг. фон Пфордтен и фон-Бейст сделались важными людьми, как будто б Андреевскими кавалерами; поступи она так — и запоет сам император Австрийский de profundis, перебираясь в свое наследственное эрцгерцогство, призадумаются благородные лорды Пальмерстон и Руссель, а Людовик Бонапарт — Людовику Бонапарту откроется блестящий случай, если он будет уметь им воспользоваться, выйти из своего мучительного, неестественного положения, оборотить спину англичанам, привлечь к себе остальное большинство французской публики во имя европейской свободы, столько для них по имени дорогой и любезной, и помириться с тенью своего дяди, которая все-таки верно давит его часто во сне.

Мы поступали иначе — что же вышло? Не говоря о старых временах, которым посвящены были другие мои письма, вспомним прошедший год.

Гоняясь сперва за славою умеренности и великодушия, а потом за нейтралитетом Австрии, мы дали союзникам время собраться с силами, вооружить войска, перевезти их на поприще действия, укрепиться на берега Дарданелльского пролива, овладеть Константинополем, занять Шумлу, Варну и Дунайские крепости, прогнать нас из-за Дуная по причинам политическим, вытеснить с бесчестием из Молдавии и Валахии по причинам стратегическим, отнять у нас Кавказский берег — наконец, о, верх посрамления! — напасть на Крым, грозить Севастополю и повесить на волоске спокойствие всей

империи, так что у всякого русского человека три месяца сердце остается не на месте…

Это еще не все. Гоняясь за тенью австрийского нейтралитета, мы охладили единственных своих союзников — славян, мы поразили их в самое чувствительное сердце, лишив их надежды, которой они жили, уронили себя в их мнении и открыли к ним путь всем враждебным влияниям, подкрепляемым теперь нашим отсутствием, как прежде холодностью и бездейственностью.

Нечего говорить о том, что в этот несчастный год Австрия успела поставить на военную ногу пятьсот тысяч человек, а Германия и Пруссия — сделать предварительные приготовления.

А русская кровь, пролитая даром под Калафатом и Ольтеницей, под Четати и Силистрией? А Корнилов, а Шильдер, а Соймонов, Орлов?..

Вот какой ужасный итог оказывается по сведении наших годичных счетов. Тяжко, грустно, горько даже до смерти! Но все это было бы еще ничего, все могло бы поправиться, — то беда, что мы все и везде продолжаем, кажется, жить по-прежнему, в ожидании курьеров и телеграфных известий: день прошел и до нас дошел! Мы продолжаем по-прежнему приближаться к пропасти, нарочно зажмуривая глаза, веря предателям, и со всяким днем положение наше становится затруднительнее; всякий день, всякий час наши потери и пагубы становятся опаснее, смертоноснее, проигрыши крупнее: что ни карта, то миллион; что не партия, то миллиард, что не удар, то не в бровь, а прямо в глаз, в висок и под сердце!

Ведь за Аландскими островами черед придет на весну к Свеаборгу, над которым господствует, говорят, Гельсингфорс.

Ведь от Кронштадта находились враги в десяти верстах в нынешнем году, а теперь море у них промерено, ветры узнаны, пути исследованы, гранит испытан.

Ведь в Перекопе могут они с достаточными силами отрезать у нас весь Крым с невзятым, положим, Севастополем включительно.

Ведь Закавказский наш корпус может быть поставлен между двух и даже трех огней, и тогда поминай его, как звали, а Шамиль пожалует между тем в Тифлис.

А если встанет Польша с согласия Австрии и Пруссии, кои получат себе вознаграждение в других местах за свои участки?

А если Швеция принуждена будет отнимать себе Финляндию?

Представьте же себе, что в одно время вдруг Англия приступит к Петербургу, Швеция нападет на Финляндию, Австрия на Бессарабию, Франция на Крым, Персия, Турция и Шамиль на Грузию, Германия с Пруссией и революционерами всей Европы на Польшу, которая поднимет еще Литву и все западные города наши.

Скажут — этого не может быть. Это безрассудные предприятия. Эти предположения доходят до нелепостей!

Отвечаю: невозможного ныне нет ничего: на сумасшедшие и отчаянные выходки должно быть нам готовыми; здравый смысл и правильные соображения давно уже изгнаны из круга действий, черед естественного и обыкновенного миновал, теперь всякий день вы видите сверхъестественное и необыкновенное; теперь нельзя ошибаться больше, как предполагая логику.

Мы думали, что Луи Бонапарт не может двадцати тысяч войска выслать из Франции, а он выслал сто, приготовляет еще сто, а слух пошел уже о полумиллионе.

Мы не воображали, чтоб на Крым могло когда-нибудь напасть иностранное войско, которое всегда-де можем закидать шапками, потому оставили сухопутную сторону Севастополя без внимания, а там явилось сто тысяч, которых мы не можем выжить из лагерей, укрепленных ими в короткое время до неприступности.

Мы не могли представить себе высадки без величайших затруднений, а их семьдесят тысяч сошло на берег, как один человек через лужу по дощечке переходит.

Кто мог прежде поверить, чтоб легче было подвозить запасы в Крым из Лондона, чем нам из-под боку, или чтоб можно было строить в Париже казармы для Балаклавского лагеря?

Черт их знает, что они еще к весне выдумают: дух злобы изобретателен, а простота хуже воровства. Может быть, по дну морскому проберутся до Петербурга. Вон слышатся какие-то плавучие батареи, какие-то новые плоскодонные суда...

Неужели для menu-plaisirs Франция и Англия занимают еще тысячу миллионов? Неужели лорд Пальмерстон приезжал в Париж только для того, чтоб познакомить свою супругу с императрицей Евгенией — а первое лицо, которое пригласил для беседы с ним Бонапарт, был князь Чарторыжский?

Но это все еще внешние опасности. А внутри-то что? Не думаете ли вы, что внутри нет горючего вещества, нет опасностей? Они есть, только не там, где вы их остерегаетесь, и эта ошибка увеличивает и умножает их вдесятеро.

Враги, посылая корабли и пушки в Камчатку за 15 тысяч верст, сжигая Колу, на краю обитаемой земли, в соседстве с северным полюсом, бросая бомбы в Соловецкий монастырь, рассыпая фальшивые монеты на Кавказе, произвела столько удачных опытов зажигательства по всей России, неизведанных ни на волос нашими полициями, явными и тайными, неужели они не подумают — а есть кому и надоумить, — о наших раскольниках, теперь растревоженных здесь и столько лелеемых в Австрии? Ну, если они обратят внимание на крестьян и попытаются сочинить им в каком-нибудь захолустье Емельку Пугачева или Петра III, который еще и не умирал, по мнению многих? Чтоб не пришлось сказать тогда в другой раз: вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

В каком духе отступало войско от Силистрии, переправилось назад по Дунаю, выходило из княжеств? Что теперь думает оно о Крыме?

Есть множество людей, и людей порядочных, умеренных, в средних и высших сословиях, которые желают тайно падения Севастополя, надеясь, что с падением его падет и нынешняя система. Я приехал ныне в Петербург через год — и не узнал

Петербурга; воротился через месяц в Москву — и не узнал Москвы! Вот как скоро все изменяется и зреет в наше время.

Что же подумает, почувствует, скажет весь народ, все сословия, если, от чего оборони Боже, Россия подвергнется какому-нибудь бесчестию при окончании настоящих обстоятельств? Не одни действия, но и мысли, чувства и слова имеют свою силу, хоть и не для всех очевидную.

А наша тайная полиция думает, что в России опасного есть только могила Гоголя да «Мертвые» его «души». Мертвые души точно опасны и вредоносны, да не Гоголевы!

У страха глаза велики, но я неспокоен и за дворец. Слова, сказанные мне одним бельгийцем в 1839 году и переданные мною в моем тогдашнем отчете министру народного просвещении, невольно приходят на ум...

Таковы наши внешние опасности, таковы наши внутренние опасности; можем ли мы медлить, колебаться, безмолвствовать, не принимать никаких мер решительных?

Восстань, Русский Царь! Верный народ Твой Тебя призывает! Терпение его истощается. Он не привык к такому унижению, бесчестию, сраму. Ему стыдно своих предков, ему стыдно своей Истории. Ты видишь, как дерутся все солдаты, все офицеры, все генералы, — пред Твоими глазами и за глазами, где кому случится поддержать честь Русского имени, в Камчатке и Одессе, и под Севастополем и на Соловецком острове, у Силистрии и за Кавказом. Созови ополчение. Напиши грамоту, которую понял бы всякий русский человек и от которой у всякого русского человека поворотилось бы сердце. Вели поставить кружку у Успенского собора. Последнюю рубашку скинет с плеч и отдаст тебе всякий. Поверь своему народу, который предан Тебе всею душою и готов пролить за тебя последнюю каплю крови. Бросься к нему на шею, и он упадет к ногам Твоим. «Ложь тлетворную» отгони далече от Твоего престола и призови суровую, грубую истину. От «безбожной лести» отврати Твое ухо и выслушай горькую правду. Поверь нам, мы все Твои дети, и мы Тебя не обманем, а иноплеменники Тебя обманывают. Какое им дело до нашей че-

сти? Ведь сердце их не бьется при глазах Русской веры. «Черт возьми» для них ведь лучше, чем «Господи помилуй!». Ведь они не знают нашего языка, с которым соединена наша жизнь, наша слава, наша радость, ведь они не связаны никакими узами ни со святой Ольгой, ни с Владимиром, ни с Александром Невским, ни с Дмитрием Донским, а нам так и Иван Васильевич дорог, мы и за Ивана Васильевича служим панихиды! Так могут ли они без веры, без языка, без истории судить о русских делах, как бы ни были они умны, честны, благородны и лично преданы Тебе или Твоему жалованью? Составь около себя постоянный на это время верховный совет, как составляла Екатерина в первую Турецкую войну, на который бы возложились все попечения о ходе дел военных и политических, с ответственностью перед Отечеством. Одному всего сделать нельзя, все усмотреть, все упомнить, все предупредить и везде приготовиться. Ты трудишься столько, сколько и подумать другой человек испугается, да уж такая работа приходит не под силу и Тебе с Твоим железным организмом. Вспомни, что Тебе уже под шестьдесят лет, прожитых как день один, не на гулянках. Что ты надрываешься? Работая так, Ты утомляешься понапрасну и тратишь свои силы, для нас драгоценные. В Англии собралось министерство из первых талантов всех партий, которому помогают два парламента, где говорит всякий, что хочет, да неограниченная печать. Во Франции у Луи Бонапарта есть сотня клевретов, которых судьба связана с его судьбою и которые держат ухо востре его самого. Где же одному человеку справиться с таким легионом и легионами, поспевая и на все домашние дела, решая все тяжбы, утверждая все покупки, назначая все постройки, наказывая все вины, награждая все подвиги и входя во все подробности управления военного и гражданского, осматривая все петли и пуговицы? Голова Твоя в таких странных обстоятельствах должна быть свободна, чтоб решать дела первой важности, приготовленные и представленные на Твое Высочайшее воззрение, как Бог Тебе на сердце положит, а захламлять ее теперь всякими мелочами есть даже гражданское преступление. Рассей луча-

ми милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, склонившуюся в продолжение стольких лет, через которую и непритворные льстецы не могут к тебе проникнуть. Войди в соприкосновение с народом. Призови на работу все таланты, мало ли их есть на святой Руси? На всякое дело найдется из 70 миллионов не по одному знающему и благонадежному человеку! Освободи от излишних стеснений печать, в которой не позволяется теперь употреблять даже выражение «общего блага». Печать и в обыкновенное время не может нигде принести столько пользы и причинить столь мало вреда, как в России, а в настоящее время, под умным надзором, она должна бы заменить многие другие учреждения. Не книги опасны, а события, которые заговорили теперь яснее, громче всяких книг, журналов и газет и которые читаются и толкуются теперь всячески самыми безграмотными, без цензуры. Печатной артиллерии европейской мы должны отвечать так же, как и осадным пексанам Севастополя, а нам не позволяют рта разинуть в защиту родной земли. Европа должна бы узнать общее мнение России, и она, верно, призадумается, когда услышит, как мы заговорим человеческим языком. Вели раскрыть настежь ворота во всех университетах, гимназиях и училищах; дай средства нам научиться лить такие пушки, штуцера и пули, какими бьют теперь враги наших милых детей, сверх обыкновенной опасности войны, — а без образования, без покровительства всем наукам нельзя нам иметь и медицины достаточной. Мы отстали во всех познаниях: военные, физические, механические, химические, финансовые, распорядительные меры, — те ли у нас теперь, что у них? Не свет опасен, а опасна тьма! Духа не угашайте, изрек Апостол.

Как бы то ни было — решительность и твердость, даже без *вышеупомянутого изъявления*, доставят нам добрый мир, можно быть уверенным, скорее всяких уступок, переговоров, ласкательств, просьб и унижений, — доставит, если мир на верху написан!

Но сдается мне, старому служителю Истории, что мир не находится в определениях высших. Не Пальмерстон, не Рус-

сель, не Людовик Бонапарт, не австрийская подлость, не прусская шаткость — Бог мира не дает!

Я думал прежде и мечтал: мы возьмем Константинополь, перенесем туда столицу, выгоним турок, освободим славян и греков, восстановим Восточную империю — человеческие мечтания!

Война — это наша служба, которой требует у нас Бог. Запад пришел на помощь к Магомету и его Корану против Евангелия. «Яко откуду есте вы, и откуду дело ваше? От земли мерзость избра вас. Аз же востазих, иеж от севера, и иже от востока солнечных, прозовутся именем Моим». Может быть, Бог посылает и нас на Восток окреститься кровью и омыться после в бане пакибытия. Так угодно Богу, восклицал некогда Запад. Так угодно Богу, приходится воскликнуть и Востоку! А что в самом деле ему угодно, не нам знать, — откроют события.

Боже, Царя храни!

1854 г.

27 ноября.

P.S. 1. Не успел и подписать своего имени, как читаю в газетах известие о договоре Австрии с Францией и Англией вслед за дополнительной статьей Прусской конвенции. Предсказание мое исполнилось прежде назначенного срока: видно, дела Франции и Англии в Крыму или дома так худы, что им надо во что бы ни стало кончить дело скорее. Решительная минута приближается.

Господи, Господи, спаси Россию!

3 декабря.

2. Если Пруссия удержится с нами и мы отобьемся под Севастополем, то мир in statu quo попадет в число возможностей. В случае такого мира уроки, полученные нами и употребленные в пользу, могут вознаградить нас с лихвою за издержки войны. Но, повторяю, едва ли может состояться мир: при обороте дел в нашу пользу враги примут непременно те

меры, которые описал я выше, и начнется настоящая европейская, Наполеоновская война, потяжелее нынешней Турецкой. Мы потеряем тогда Польшу. Бог бы с нею — но мы наживем многих новых врагов, — и конца перемен не видать! Лучше, благороднее и полезнее принять почин на себя (инициативу) и не давать в чужие руки того оружия, которое в наших руках примет *совсем другое значение*.

8 декабря.

3. Камень преткновения — чтобы не содействовать революционному движению! Нет, нет, нет! Напрасно некоторые смешивают необходимое движение, предполагаемое мною, с революционным. Русским свергнуть иго татар разве было непозволительно, революционно? Точно так же непозволительно и революционно славянам свергнуть иго турок? Европа позволила бельгийцам отделиться от Голландии: почему же отделение Венгрии, Богемии, Кроации и Ломбардии от Австрии непозволительно и революционно? Во всех наших войнах с Турцией мы пользовались движением тамошних христиан; почему же ныне только считаем эти движения революционными? Без необходимости такой образ действий не имел бы ничего предосудительного, а в необходимости, в какой мы теперь поставлены врагами, отвергать его, подставляя одну свою собственную грудь, — есть совет чуждого наваждения!

Эту записку мою я не написал: она написалась сама собою, одним духом. Теперь прошло уже три недели. Перечитываю и убеждаюсь более и более, что даже молчания нашего достаточно. Довольно, если все угнетенные народы, то есть славяне, венгерцы, ломбардцы, поймут, что Россия отделилась от Австрии, — и они сами скоро сделают свое дело, пока мы с твердостью будем стоять на своих границах и защищать их до последней капли крови, готовые подать им в благоприятных обстоятельствах руку братской помощи.

<…>

Как бы то ни было, настоящее письмо мое послужит, чего оборони Боже, *обвинительным актом* наших государственных людей пред судом Истории и пред судом потомства, если они, не возвышаясь *над формами и формальностями*, оставят молодого Государя, удрученного скорбью, смущенного страшной ответственностью, волнуемого мудреными ежеминутно новыми обстоятельствами, без деятельного ревностного всестороннего своего содействия и не постараются облегчить Его бремени, превышающего человеческие силы.

P.S. В звании историка должен присовокупить я здесь, что отечественная история представляет один, впрочем, разительный, пример — для ободрения. В 1600-х годах вся Россия доставалась Сигизмунду III, но он хотел взять прежде Смоленск — и дал время перемениться обстоятельствам, спастись России! Не будет ли теперь задержка под Севастополем иметь подобное значение? О если бы! Во всяком случае, темная надежда не должна ослаблять деятельности.

30 июля.

Политика нашего времени изменяется, как погода. Барометр поднимается и падает беспрестанно. Последние известия с Запада говорят в нашу пользу: между врагами замечается несогласие. Лорд Руссель вопиет против иностранных войск в Италии, газеты ругают Австрию, и вероятие темного заговора уменьшается. Тем лучше! Во всяком случае, осторожность не помешает, и новые сильные, разнообразные меры обеспечат только успех нашего правого и святого дела.

7 августа.

<Намерения наших врагов>

Намерения наших врагов обнаруживаются яснее и яснее: они сожгли наш флот, разрушили Севастополь, уничтожили Черноморские крепости и все-таки продолжают войну с прежним ожесточением, напрягают еще более силы, вооружают новые союзы.

Чего же хотят они? С какой целью тратятся занимаемые с нуждой миллиарды, высылаются на убой и болезнь свежие армии, приносятся всякие жертвы? Цель должна соответствовать усилиям.

Поддержать Турцию? Она кончается в их объятиях. Овладеть Турцией? Нельзя, имея в соседстве против себя сильную Россию. Следовательно, для них необходимо ослабить Россию, то есть привести ее в такое положение, чтобы она не могла не только мешать им в исполнении их намерений относительно Турции, но и лишилась бы средств на будущее время поправить свои обстоятельства, возвратить потерянное, восстановить свое могущество и стать на то место в системе европейских государств, с которого теперь низводится.

Как же можно ослабить Россию?

Отнятие у России одной какой бы то ни было области не принесет врагам никакой пользы, потому что ослабит ее весьма мало, а их будет изнурять постоянно необходимостью содержать многочисленное войско для охранения с перспективою потерять ее при первом случаи с бесчестием.

Не могут они предполагать, чтобы мы уступили им что-нибудь равнодушно и не стали стараться о возращении, несмотря ни на какие обязательные трактаты, всегда удобные для толкований произвольных.

Оставление России в настоящих ее пределах, хотя бы были возложены на нее другие тягостные условия, будет мешать всегда влиянию врагов на Востоке, препятствовать их действиям и распоряжением, держать их в беспрестанном страхе, грозить жестоким наказанием за настоящий удар, нанесенный ей, в то время как она не думала ни о каких завоеваниях.

Ослабить Россию замышляют они, очевидно, лишением всех западные областей и ссылкой за Днепр. Бессарабия присоединяется к Молдавии и Валахии, и из них образуется особое государство для отделения нас от славян; южные славяне, может быть, также составят другое независимое государство; царство Польское с присоединением смежных областей со-

ставит третье государство, враждебное России, загораживающее ее от Европы; Остзейская губерния, вместе с Финляндией, должны будут усилить Швецию, а Закавказье отойти к новым владениям азиатской Турции и Персии. Вот переделка европейской карты, которая, впрочем, уже давно повторяется в газетах. Мы останемся в пределах Царя Михаила Федоровича, из которых, разумеется, уже вновь выйти будет мудрено. Вот цель Англо-Французского союза, для которой приносятся такие жертвы и к которой, что вы ни говорите, они постепенно придвигаются. Никакой другой предположить нельзя, ибо всякая другая не может принести им прочной пользы, а разве постоянный вред. Иначе все труды их потеряны и все жертвы принесены даром!

Могут ли единоборцы довольствоваться тем, что у того или другого ушиблена будет в бою одна рука или одна нога или даже отсечен тот или другой палец, проломлена голова? Нет, такие раны только раздражают, усиливают злобу, возбуждают жажду мести. Борцы хотят повергнуть друг друга на землю, привести в такое положение, чтоб нельзя было встать на ноги, начать новую борьбу или искать случая отомстить, так или иначе. Убить соперника до смерти или, по крайней мере, связать ему руки и ноги, выколоть глаза, приковать к позорному столбу, чтоб он не смел и шелохнуться. Вот чего хотят смертельные враги! Вот что хочет сделать и с Россией остервенившийся Запад!

И надо согласиться, что шаг за шагом, но идут враги неукоснительно, безостановочно вперед к своей цели, несмотря ни на какие встречаемые трудности. Для них все как будто равно, успехи или неудачи, победы или поражения, счастье — ничего не существует. Они останавливаются, задерживаются на своем пути, принуждены бывают употреблять более назначенного времени, денег, людей, как то случилось под Севастополем, под которым простояли они одиннадцать месяцев вместо дней; как то случилось на Балтийском море, где они в два года успели еще немного, — но это одни временные отсрочки и промедления. Они все-таки

идут, идут вперед и хотят во что бы то ни стало достигнуть предполагаемой цели, которая, видно, по их расчетам, вознаградит их с лихвою за все.

Взгляните на их положение, вспомните, откуда они пошли, и посмотрите, куда уже они неприметно пришли; подумайте, какие открываются перед ними новые поприща. Сперва отняли они у нас Черное море, потом Азовское, укрепились, говорят, неприступно на главных пунктах Крымских берегов, разрушили Севастополь, твердыню, воздвигавшуюся пятьдесят лет, сожгли Керчь, Таганрог, Бердянск и прочие приморские города, выгнали нас из Анапы и, заставляя оставить все Кавказские береговые крепости, оставить Камчатку, загородили устья Днепра, Буга и Дона, уничтожили наш Черноморский флот, заперли Балтийское и Белое моря, обезоружили Аландские острова, сделали опыт над Одессою и Свеаборгом. Может быть, высадятся они в азиатской Турции, Бессарабии, Курляндии, откуда подвергнутся опасности Польша, Литва, Подолия или Закавказье. Союзников у нас нет. Наши нейтральные друзья держатся не любовью к нам, не участием к нашей судьбе, а только страхом, чтоб опасность не увеличилась для них с другой стороны, без нашей contrepoids; а когда увидят, что мы не можем устоять и принуждены будем уступать, тогда налягут на нас вместе с прочими, и даже европейские зайцы, откуда ни возьмутся и потянут за ухо. Узнаем мы и ослиные копыта!

Угрозы, которые мы считали хвастовством, упоенные мыслию о нашем могуществе, начинают сбываться к нашему удивлению, стыду и горести. Будущее помрачено новыми опасностями. А прошедшее как будто уже и не бывало: следы Екатерининские пропали, воспоминание о требованиях князя Меньшикова, о правом и святом деле, существует только в старых газетах, с которыми никто не справляется. А между тем негоциации продолжаются, то одно посредничество принимается, то другое; поверенные разъезжают от двора ко двору — это, во-первых, верное средство содержать нас в неопределенном положении, между страхом и надеждою, сном

и бдением, маня ожиданиями, не допускать до решительных мер, которые могут затруднить их еще более; во-вторых, это пособие занимать праздную европейскую публику и наполнять газетные столбцы. Наконец, это запасное средство на случай какого-нибудь внезапного несчастия, потери большого сражения, признаков внутреннего неудовольствия, перемены мыслей, изнурения, утомления — превратностей, которых нельзя предвидеть в военное время. Тогда, затаив в сердце злобу, враги, разумеется, принуждены будут остановиться на своем пути, отложить свои задушевные желания и, смотря по обстоятельствам, уменьшить свои требования впредь до благоприятного времени.

А пока их нет, то есть пока нет для них существенной необходимости уступить, до тех пор все разговоры — пустая болтовня.

Вспомним, что мы пронадеялись кончить войну Венской нотой, потом принятием четырех гарантией; нынешние предложения содержатся в тайне.

Многие говорят теперь: лучше бы согласиться нам было прежде на ограничение флота четырьмя кораблями, сгорели же они все. Пустое и бесполезное раскаяние! Если бы мы согласились иметь тогда только четыре корабля, то у нас спросили бы, пожалуй, пяти крепостей и другого чего. Мы унизились бы тогда понапрасну, без всякой пользы и без всяких видов для себя; понапрасну унижаемся и теперь, делая ту или другую уступку, потому что со всякою новою уступкою мы завлекаем врагов дальше и дальше на их пути, вызываем только наружу новые требования, одни за другими, на которые в заключение мы все-таки не можем согласиться и без которых они в свою очередь не оставят нас в покое.

Определенность цели — вот их сила.

Неопределенность — вот нашла слабость.

Соответственно с целью у них есть точная система, а у нас есть беспрерывная шаткость, изменчивость.

План их должен быть колоссальный, на нашу пагубу, начертанный, вероятно, с самого начала войны вполне, во всех

подробностях, и только для европейской толпы, для нашего усыпления, разделенный на приемы, через час по ложке. Наша первая беда, наша злосчастная роковая ошибка, что мы всякую ложку в продолжение двух лет считали и теперь еще считаем за последнюю, а сосуд полон оцта! Наша пагубная вина, что мы сражались и теперь еще сражаемся с настоящей минутой, а все будущее, то есть всю судьбу свою (не говорю уже судьбу своего племени) оставляем по-русски на авось! Мы защищали Севастополь, теперь стараемся удержать Крым, укрепляемся в Николаеве и Кронштадте, готовимся встретить в Бессарабии и забываем, что дело идет не о Севастополе, не о Крыме, не о Петербурге, а дело идет о спасении России, о судьбе славянского мира!

План колоссальный, которому надо отдать честь, смотря с их точки зрения. Не в пустых головах мог он зачаться! Не под гладкими черепами и узкими лбами мог он поместиться! Духом всего Запада породился он! Европа увидела, почувствовала, почуяла опасность и поднялась! Вопрос не восточный решается, а всемирный: быть или не быть России? Не быть, из лиха вопиют враги. Быть — молится, надеется и верует русское сердце.

Страшный замысел! А нет, в нем много и такого, чего не видят враги, чего не видим мы, что откроется в событиях, чем лицо всего дела изменится, и посрамятся люди, и прославится Господь! Тайны Божьи неисповедимы: нам ли предоставлено видеть, что доступно для глаз, слышать, что раздается в ушах, судить по законам непреложным ума и делать во всякую минуту по совести, на основании положительных данных свое дело?

Этот ум и эта совесть повелевают нам отложить ту систему, которая привела нас на край гибели. Этот ум и эта совесть повелевают нам избрать другую систему, которая могла бы открыть нам исход спасения. С последователями прежней системы объясниться легко.

Вы не хотите брать Константинополя, чтоб не воевать с Европой, ну вот Константинополь заняли французы и англича-

не, а война все-таки на наших плечах, да еще где — под Петербургом, в Крыму и пред сердцем России.

Вы не хотели ласкать славян, чтобы не возбудить ничьей подозрительности, — и охладили их, а австрийцы и англичане все-таки за мнимые козни налегли вам на шею, да и придавили так, что дохнуть вам трудно.

Вы гонялись за славой великодушия и бескорыстия и закалывали в жертву ежедневно по сто волов и тысяче баранов, а во всей Европе раздается анафема нашей алчности и низости.

Ясны ли вам следствия, совершенно противоположные вашим намерениям и целям? Вдобавок — самое могущественное государство в мире висит в эту минуту по вашей милости на волоске и должно трепетать за свое прошедшее, за свое настоящее и за свое будущее. Союзников у вас нет, друзей не бывало, враги кругом и предатели за всеми углами, ну так скажите, хорошая ли была ваша политика?

Станем же искать другую! Разберем все порядком, по суставам, пойдем, как в математике, от известного к неизвестному, приведем дело в ясность и потом определим действия, поставим цель, поищем средств.

Из предложенного рассуждения явствует, что враги положили между собою — унизить, расслабить, обобрать и поразить Россию.

Можем ли мы допустить это? Пусть, положа руку на сердце, отвечает Царь, правительство, народ.

Царь не задумается ни на минуту отвечать решительно: нет! На троне предателей не бывает, сказал Карамзин. При самом вступлении на престол он объявил нам свои чувствования, и мы ему поверили.

Все члены Царского семейства думают, без всякого сомнения, одинаково. Честь России для них священна. Какие угодно жертвы они готовы принести для ее спасения, и, с другой стороны, ни за какие на свете блага не посягнут на ее оскорбление в жизненном вопросе, так поставленном ныне судьбою.

Нет — подаст голос с того света и Он, покойник, который, верно, согласился бы лучше умереть еще двадцать раз в жесточайших мучениях, чем допустить зазнамо унижение России. Мы уверены в том все теперь, уверены были и при его жизни, как ни тяжело было его время вследствие ошибочной системы.

И все наши сановники, составляющие правительство, на которых мы столько жаловались и жалуемся, справедливо и несправедливо, не усомнятся нимало дать отрицательный ответ. Личные расчеты, соображения, двусмысленности, задние мысли умолкнут, забудутся и исчезнут. Составится одно мнение, решительное и благородное, когда дело дойдет до рокового выбора.

Единодушие умилительное и вместе могущественное! В его истине никто из нас нисколько не сомневается, и в этом убеждении находим себе утешение и ободрение.

Решив, таким образом, вопрос между собою в высшей сфере, пусть правительство сообщит все дело народу, потому что жизненный вопрос относится к нему сполна.

Объясните ему историю войны по порядку, коротко, ясно и откровенно, как довлеет русскому толку, с которым предлежит вам рассуждение, не прибегая ни к каким натяжкам и украшениям.

Вот чего потребовали мы с турок сначала согласно с нашими правами по таким-то договорам. Мы получили отказ и, чтобы понудить к исполнению наших требований, заняли Дунайские княжества, под нашим покровительством издавна находящиеся. Морские державы воспользовались этим случаем, неосторожно нами, хотя и без умысла, поданным, чтобы нанести нам войну, замышленную, впрочем, гораздо прежде, как теперь по всем обстоятельствам дела открывается. Нимало не приготовленные к войне, о коей нам и в голову не приходило, застигнутые врасплох, мы приведены были в самое затруднительное положение. Покойный государь вывел войско из княжеств, делал всевозможные уступки — ничто не помогало, и он стал, наконец, жертвой этих непредвиденных им обстоятельств.

Чем более мы уступали, тем более враги возвышали свои требования, обвиняя нас между тем пред Европой во власти и честолюбии, то есть сводя с больной головы на здоровую.

Вот что, наконец, они нам объявили, а на уме держат еще гораздо более. Турцию содержат они в полном своем распоряжении, и султан без спроса не смеет сделать шагу, хотя война начата якобы за покушение на его права; Грецией, находящейся по трактатам под нашим покровительством, консулы их помыкают как вздумают, Молдавия и Валахия, равно как и все укрепленные места по берегам Черного, Мраморного и Средиземного морей, заняты военною силою. Это мало, хозяйничая так в пределах своей несчастной союзницы, они вторглись в наши пределы, опустошают все берега, даже до отдаленной Камчатки и Америки, укрепились на многих важных пунктах, погубили наш флот, разрушили Севастополь и собираются разрушить Николаев и Кронштадт, напасть на западные границы. Одним словом, враги показали ясно свое непременное намерение стереть с лица земли Россию, ту Россию, которая спасала несколько раз Европу и гремела доселе славой в свете, а вместо нее поставить Россию другую, им подчиненную, которая не могла бы даже распоряжаться своими средствами по усмотрению, имела бы урочное число кораблей и крепостей, которая не могла бы ступить шагу без их позволения и, вздумая помолиться в Иерусалиме, прибегала бы к католикам с просьбой дать ей ключи и отпереть двери от Гроба Господня. Православные! Как вы мекаете, можно ли согласиться на такие условия?

Все дело, повторяю, должно быть растолковано хорошенько, в рот что называется положено, как любит русский человек, языком живым, теплым, задирающим за живое, проникающим за душу, без общих мест, без нелепых камуфлетов и бессмысленных гатигамаюнов, коими испещрены ваши странные реляция и ноты. Ярославский половой должен понять, что не удастся уже ему зарабатывать в Петербурге столько, как прежде, для исправления своих повинностей; малороссийский чумак должен понять, что не придется ему

уже наживать в Крыму столько, как прежде, от рыбы и соли; белорусский крестьянин должен понять, каково будет ему терпеть от католиков и жидов. Словом, весь православный люд, купцы и мещане, чиновники и попы, солдаты и крестьяне, должны, почесав затылок, вымолвить в один голос: нет, так это уже врется вам!

В предстоящей борьбе нужно общее деятельное участие, живое сознание, которого у нас в народе еще недостает. Причины войны, отношения наши к врагам, их намерения, угрозы и замыслы — все это покрыто туманом, все предоставлено догадкам, и о настоящем критическом положении ясного понятия не имеет никто. Чувствуется кое-где местная боль, а что эта боль может кончиться антоновым огнем или параличом, никому в голову не приходит. Все бродят, как слепые, ощупью.

Само ополчение, собранное казенным, а не сердечным образом, среди переговоров о мире на Венских конференциях, не имеет почти никакого значения и истощает государственные силы почти даром. Московское дворянство получило за него выговоры, но рвения нет нигде.

Все валится везде, как через пень колода, все делается как будто из-под палки, по старой системе, а надо, чтобы все одушевлялось, все закипело и все взыграло! Душу живую надо вдохнуть в эту онемевшую, оглохшую, ослепшую толпу, живой водой надо вспрыснуть помертвелое тело. В последнее время само предание о духе пропало, и дух пошел нипочем, не принимаемый в соображение, а все дела решались числами на счетах счетчиками, которые, впрочем, далее трех считать не умеют.

Прочь все счеты, справки и отношения, в печку все канцелярские бумаги, долой все колодки, тормасы, вериги, кандалы! Пусть раздается и действует только живое народное слово!

Граф Растопчин говорил с народом очень посредственно (для нашей иноязычной знати и то было в диковинку), а какое действие производили его афишки! Что же будет, если заговорить с народом от сердца к сердцу его настоящим языком и коснуться, умеючи, всех тонких струн его сердца? Вот когда

весь народ встанет, как один человек, силы ваши усотерятся, и тогда вы можете делать с ним что хотите, вести куда угодно и спрашивать сколько нужно.

Делать, вести, спрашивать — но прежде нужен пример с высоты для пожертвований всякого рода...

И придворная контора сохранит половину сумм в уменьшении государственных расходов.

Царедворцы, министры, приближенные, получающие по пяти жалований с разных ведомств, сверх единовременных бессчетных награждений, должны отказаться хоть наполовину от своих чудовищных окладов. Богатым не грех принести свои излишки для пополнения государственных касс, прочие должны отказаться, по крайней мере, от надежды латать из казны свои блудные долги.

Все увеселения, празднества на время войны должно отложить, чтоб Фанни-Черито не поднимала более ног на сцене Императорского театра за сто тысяч рублей, нужных раненым, и чтоб певцы Итальянской оперы отправились услаждать слух веселой Европы, а России в одежде скорби гораздо назидательнее и полезнее слушать иные песни с церковных клиросов.

Нелепо рассуждение, что мы не должны показывать уныния Европе: Европа лучше нашего знает наше положение и вернее нашего понимает, больше ли нам причин радоваться, чем скорбеть, а высокими антрашами заезжей балансерки или игривыми руладами сборных певцов и певиц можем мы обмануть только себя, в чем большой надобности не состоит при полном успехе очарования. Откажемся от всех произведений западной холодной изобретательности. Чтоб ни одна нога не заносилась в иностранные магазины: полно платить нам по десяти четвертей пшеницы за одну пару башмаков или перчаток и по сто пудов сала или пеньки за одну вышитую косынку. Полно бросать золото и серебро за ветротленные ткани и букетные вина. Обречем себя на лишения и нужды, хоть на голод и холод, в продолжение двух-трех лет, будем все терпеть, страдать, трудиться, служить, где кому сподручнее, кто в чем больше разумеет, сколько у кого хватит сил. Такая жизнь во

всяком случае принесет нам пользу получше того плотоугодия и чревонеистовства, в котором мы под музыку законного порядка столько лет растлевались душевно.

А если наши труды увенчаются успехами, какая слава, какая будущность!

Твердите об этих мерах во всех газетах русских и иностранных. Описывайте все приготовления, исчисляйте все ополчения. Повторяйте в разных формах известия о пожертвованиях, о всеобщем пылком желании продолжения войны. Снарядите несколько экспедиций в Индию, хоть на бумаге: через Персию, через Хиву, со стороны Кавказа. Толкуйте о покорении Китая и Японии, о союзе с Америкой. Сотворите целую литературу, которая нашла бы отголосок в Европе.

Если быть миру, так только вследствие такого решения. Европа остановится в задумчивости пред восторгом семидесяти миллионов народа, который решится твердо победить или умереть и вытянет по своим границам пять-шесть линий войска — извольте пробиваться!

Севастополь, обошедшийся ей так дорого, даст понятие, чего будет стоит кампания, принимающая такие размеры.

Вся партия мира схватится за новое известие и воззовет о необходимости прекратить войну, которой конца не предвидится.

А вы доставьте ей опору, привлеките себе общественное мнение, рассейте опасения — оглашением новой своей политики, для которой-де Россия созрела и в которой увидела необходимость. Понимая желание Европы, она готова идти с нею рука об руку, исправлять прежние ошибки, свои и чужие, пользоваться приобретенным опытом и, содействуя до сих пор утверждению законного порядка, содействовать теперь к утверждению везде законной свободы.

Свобода! Вот слово, которое должно раздаться на высоте самодержавного Русского престола! Вот слово, которое соберет под знамя Русского Царя всю усталую и расстроенную Европу. Числа управляют миром, говорил Платон. Слова господствуют над нашим временем — и во главе этих могущественных

очаровательных слов звучит вожделенное — свобода! На Западе оно износилось, обветшало, опошлело, осквернилось богохульными устами кровожадного разврата и остервенившегося голода. Везде потеряло оно свой смысл: в Германии стало отвлеченностью, во Франции шуткою, в Англии юродством. У нас доселе неслышное и только теперь провозглашенное торжественно неограниченной властью, найдет оно отголосок во всей Европе, возбуждая сочувствие, и взыграет надежда радостью во всяком благородном сердце.

Мои письма обвинялись в поэзии. Смею похвалиться теперь, что оказывались они часто математически верными, ибо многие мои предположения оправдывались событиями. Прочтите их, и вы удостоверитесь. Могу снять здесь с себя и другую укоризну — в пристрастии к однажды принятому мнению, в продолжение трех лет я указывал разные средства, смотря по ходу обстоятельств.

Первым моим паролем при начале войны был: Константинополь.

Когда мы перешли Дунай, я воскликнул: славяне!

Когда австрийцы заключили договор 2 декабря, я советовал обратиться к национальностям.

Когда скончался Государь Николай Павлович, я напоминал о дружеском соглашении с Францией.

Всякое новое происшествие изменяет лицо вопроса. Нам теперь нечего думать о Константинополе: он закрылся облаком. Мы не можем войти в непосредственное сношение со славянами: они отлучены от нас далеко. Поднимать прочие европейские национальности нельзя, чтобы не раздражать Австрию и Пруссию, которые могут привести нас в положение еще более затруднительное.

Нам остается дома восстать всеми силами и в Европе приобрести сильного союзника в свободе!

Как бы желал я растолковать нашим государственным людям, что это свобода не уменьшит нисколько силы правительства, а увеличит, укрепит и утвердит ее; что она не может причинить никакого вреда, а доставит многообразную поль-

зу; не подвергнет нас никаким новым опасностям, а отвратит многие старые!

О если бы голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар,
И не дан мне в удел витийства славный дар!
Увижу ль, о друзья, народ освобожденный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря!

Слово и дело, говорили наши предки.

Слово должно сопровождаться делом для убеждения Европы в искренности и действительности нового решения.

Дайте полякам конституцию, то есть позвольте им сочинить себе конституцию, которую они уже имели и которую, верно, будут сочинять несколько лет.

Провозгласите амнистию всем полякам, которые принесут вам капиталы, знания, способности, опыты и лишат французские, английские и турецкие войска значительной помощи.

Простите наших политических преступников, которые верно возвратятся тихими агнцами и провозвестниками порядка и спокойствия.

Объявите твердое намерение освободить постепенно крестьян, определяя ежегодно известную сумму из государственных доходов для выкупа их по жребию или в награду за хорошее поведение по верным свидетельствам мира, которое успокоит крестьян надолго, возбудит деятельность, даст силы для терпения, утешит поднятые без толку толки, а исполниться оно может в неопределенное время без малейшего ущерба дворянству, по полюбовным соглашениям.

Дайте право приобретать землю кому угодно, с обязанными крестьянами, что вдруг освободит их множество.

Облегчите цензуру под заглавием любезной для Европы свободы книгопечатания, которая без всякого ущерба власти обогатит вас нужными сведениями, разнообразными совета-

ми, доставит полезные предлоги для будущих внешних отношений и приведет в движение русский ум, упавший почти до точки замерзания. Вот вам содержание всемилостивого манифеста, еще небывалого в летописях Русской Истории, который одушевит Россию и выиграет генеральное сражение в Европе, не обнажив шпаги, одним почерком пера.

Касательно внешних отношений объявите систему невмешательства: пусть все народы идут свободно, кто как желает, к своим целям. Покайтесь в ваших ошибках перед всеми, что примирит вас с Венгрией, Италией и всей левой стороной Европы.

Пригласите все правительства покровительствовать национальностям: и вы тем докажете бескорыстие вашей новой политики и приобретете благодарность и любовь национальностей, которые будут видеть в вас нравственных покровителей и, опираясь на вас, будут предъявлять свои права.

А от истории не отказывайтесь: если Днепр и Дон текут в Черное море, то поворотить их в другую сторону нельзя, и если судьба повлечет вас в Константинополь, то против рожна прати невозможно: пусть будет, что угодно Богу!

Покойному Государю мудрено было менять чрез тридцать лет свою систему. Он скончался последним самодержцем Европы и скончался истинно по-царски, согласно со своею ролью. Мир его праху. Почтим его последней искупительной самозаклавшейся жертвой самодержавия. Его сыну предлежит новая эра в Истории России, в Истории Европы. В Истории человечества. И какой благоприятный случай предлагает ему судьба при венчании на царство! Подними он с достоинством это знамя, не красное, а прекрасное, и Людовик Бонапарт, держащий теперь, что ни говорите, судьбу Европы в своих руках, поникнет невольно главою! Слышите — к заутрени звонят, долой со сцены лицедеев, пойдем в церковь молиться Богу. Воскресни Боже, суди землю!

1856 г.

3 января.

<По прочтении трактата>

Я прочел трактат, и вот впечатления, им во мне произведенные: Турция не существует более в Европе, она разделена и оставляется только на время в газетах, пока окажется возможность договорившимся державам привести в исполнение междустрочные условия и вступить во владение якобы благоприобретенным имуществом.

Кто же новые владетели?

О них можно только догадываться.

Франция и Россия.

Франция, Россия и Англия.

Франция, Россия, Англия и Австрия.

Франция и Англия.

Франция, Англия и Австрия.

Каждая из этих возможностей имеет за себя и против себя различные соображения.

Разберем их одну за другою.

Турцию разделили Франция и Россия, потому что они сильнее прочих государств и могут удержать свою добычу, несмотря ни на какие сопротивления. Разделить вдвоем удобнее и выгоднее, нежели втроем или вчетвером, и Бонапарт умнее всех. (Случай, описанный в письме шестом и подробнее в восьмом.)

Франция и Россия могут удержать свою добычу, сказал я, но все-таки удержание будет им стоить великих усилий и жертв при сопротивлении Англии, Австрии и, следовательно, Германии, и конца войне, вражде не видать. Такое тревожное владение не слишком привлекательно, и третий выделок из турецких обширных владений лучше их всех обеспечит. Следовательно, вторая возможность — с Англией, сильной своими флотами, капиталами и связями, вероятнее первой.

Приобщение Англии может быть временное, если Бонапарт питает корсиканскую вендетту, а кто его знает! Война с Англией может быть начата им когда-нибудь и по разделении

Турции, с полною надеждою на успех, при содействии России и, пожалуй, Америки.

А Австрия? Может быть, получила что-нибудь из милости на первых порах, а вероятнее отстранена; ибо действия в Италии показывают, что союзники к ней не расположены и сочувствия она не имеет нигде. Следовательно, четвертая возможность имеет меньше всего в свою пользу.

А что имеет за себя пятая возможность, то есть разделение Турции между Францией и Англией.

Проницательность английского правительства, которое, без сомнения, видело свои опасности и не могло начать войны, не могло предложить Наполеону такое деятельное содействие, не застраховавшись вполне на все возможные случаи. Может быть, они сковались между собою, и Англия, закоренелый враг и соперник России, вспомоществуемый духом Запада, увлекает Наполеона с собою, несмотря на естественные выгоды его с Россией.

Как бы то ни было, пьеса еще не вся: опустился занавес по окончании только одного действия. Игра не прекратилась, а игроки после партии обменялись между собой местами и расселись иначе, ожидая новой задачи. Вопрос восточный не решен: продолжение впредь!

Настоящий мир есть, во всяком случае, временный, перемирие вследствие истощения средств у воюющих держав, по обороту общественного мнения или по другим внутренним обстоятельствам и признакам, коих мы, посторонние наблюдатели, ни заметить, ни оценить не можем.

Правительство, и общество, и все мы прельщаемся мыслью о союзе с Францией, союзе естественном и выгодном; но благоразумие велит нам смотреть в оба глаза и стоять бдительно на страже, потому что на карту положится много, очень много, и вопрос быть или не быть (см. письмо XXII) остается во всей своей силе, хотя, разумеется, с большею надеждой на спасение.

Не слишком ли мудрены все эти предположения? Не заходит ли здесь ум за разум? Не простые ли происходят дела? Все

устали, а цель войны Англии и Австрии достигнута: русской флот истреблен, крепости уничтожены, границы отодвинуты от славян и даже Дуная, влияние русское на Востоке потрясено, наконец, официальные соглядатаи, консулы рассыпаны повсюду — довольно пока, а вперед что Бог даст, то и будет. Apres nous le deluge!

Нет — этого не может быть: тысячи людей и миллиарды денег, не может быть, чтоб были положены Францией для одной славы, для препровождения времени, в угоду Англии и Австрии. Игра не стоила для нее свеч! Что-нибудь да кроется другое, к чему и должны мы быть готовы.

Обратимся теперь к настоящему трактату.

Настоящий трактат, без тайных соглашений, между кем бы то ни было, не имеет никакого смысла, и заключает в себе для России непременное побуждение к войне.

Трактатом закрывается вход в Черное море военными судами. Да об этом и говорить было нечего: в мирное время какая нужда военным судам ходить по Черному морю. Военные суда опасны в военное время, а в военное время может всегда пустить их Турция, как это теперь и случилось, — и тогда чем же вы прикажете России защищать свои берега, без флота, без крепостей, без арсеналов?

Турции она может не опасаться, но кто же поручится за морские державы, чтоб они не повторили когда-нибудь нападения по тем или другим причинам? Есть ли тут человеческий, не только политический смысл? Берегов своих Россия, никакое другое государство открывать не может, принимать меры для своей обороны по народному праву и по естественному инстинкту самосохранения должно и по отношениям к своему народу обязано. Какое государство во всей истории налагало на себя руку? Укрепляет же Англия свои берега, несмотря на entente cordialt с Францией. Мы должны разрушить у себя Севастополь, а они могут утверждаться в Гибралтаре, Мальте и Корфу! Мы не смей строить судов, а Австрия основывает флот «для предстоящей борьбы на Востоке»!

Если Россия согласилась на противоположную меру, то разве только временно, по соглашению с Францией или без соглашения по невозможности продолжать войну.

Возвращаемся к трактату. Россия и Турция обязаны иметь по шести военных судов в Черном море. А если турецкие корабли уведет какой-нибудь новый Капитан-паша в Александрийскую гавань, на поклон Египетскому паше, или сожжет по неосторожности, сгноит по небрежению, тогда что делать России? Не должна ли она будет уничтожить свои суда? Иначе с шестью пароходами она будет опасна для Турции так же, как прежде с неограниченным своим флотом.

Хорошо — Турция безопасна со стороны России, а со стороны западных держав, со стороны даже Египта, Греции, Ионических островов? Все они могут делать с Турцией, что вздумается, имея флоты, которым противопоставить нечего.

Если Турция может иметь флот на Средиземном море, или Египте, то она опасна для России.

Если не может иметь там ничего больше, то, обеспеченная со стороны России, она будет отдана произволу любой морской державы. По какому-же это праву, если ее самостоятельность составляет главную задачу и главное условие всей европейской политики?

Турция предохранена со стороны России; но почему же приносятся России в жертву Швеция, Дания и Пруссия, на кои она всегда нападать может, имея неограниченное число кораблей на Балтийском море?

Католики и протестанты, принявшие на себя покровительство и отстраняющие до сих пор Россию от участия в устроении судьбы турецких христиан (равно как и в устранении княжеств), считают их исповедание ересью и ненавидят сильнее ислама. Спрашивается, каким образом они могут покровительствовать Православию?

С какой стороны вы ни посмотрите на трактат, со стороны науки или со стороны политики, он не выдерживает самой снисходительной критики, и надо удивляться, как европейские министры, в XIX столетии, могли подписать

такую бессмысленную бумагу пред глазами Истории — и даже орлиным пером.

На этом месте моего письма застало меня известие о сепаратном мире между Англией, Францией и Австрией в обеспечение целости Оттоманской империи против возможных покушений России.

Это что за событие? Кто кого обманывает? Нас или мы? Был ли этот трактат нечаянностью для нашей дипломатии или она был предупреждена первоначально о трактате, как о средстве успокоительном на время для Англии, Австрии и Турции? Не верится, чтоб впросак попали англичане, а не мы. Воровство искони у них, простота за нами!

Между тем английские и французские консулы, согласные между собою, возбуждают везде христиан, о чем я имею даже подлинные письма из Болгарии, кроме газет, — значит, они хотят овладеть Турцией, в отношении к чему мы должны принимать, не теряя минуты, свои меры.

Во всяком случае, это, по моему мнению, благодеяние Русского Бога, и вот в чем именно состоят великие Его нововявленные милости:

1. Священный союз, столько для России пагубный, уничтожен не ею, а самою Австрией.

2. Мы получили торжественное, осязательное и ясное удостоверение, что друзей Россия в Европе не имеет и полагаться ни на кого не должна, кроме единоплеменных славян и единоверных греков.

Наконец. 3. Мы избавляемся от унизительной все-таки опеки Наполеона, которого соблазнительное рождение 2 декабря с прочими романтическими и мелодраматическими похождениями не слишком возвышает честь ему сопутствовать и разделять его судьбу, хотя и со звездою Наполеона, которому верить страшно. Timeo Danaos alque dona ferentes!

А вот выгоды, кои мы можем извлечь из главного трактата.

Мы можем принимать живое и деятельное участие в судьбе славян и Турции, к которым боялся прикоснуться покойный граф Нессельроде со всеми своими агентами, чтоб не возбудить

подозрений. Мы можем по преимуществу, если сами французы и англичане действуют в этом смысле, а наше участие всегда будет иметь более доверенности и более значения.

Польша обойдена европейскими державами вовсе, как будто бы не существовала, и, следовательно, подан русскому правительству прекрасный случай сблизиться с нею и примириться.

Мы можем разослать также везде консулов между славянами на Востоке, в Турции, Персии и даже Индии, консулов деловых, знакомых с языками, которые способны были бы высматривать все обстоятельства, вступаться во все дела, устраивать всякие связи.

Мы имеем время примириться с умеренной и левой стороной Европы посредством свободных мер и сообщения сведений о нашем быте.

Вот польза мира, в дополнение к урокам войны о необходимости образования и несостоятельности всей нашей прежней политики.

Следовательно, образ наших действий теперь определен: соединились ли мы с Францией или остались одни.

С Францией России легче, выгоднее.

Одной России — честнее, чище, хотя труднее и опаснее.

Мы заключили новый Тильзитский мир и должны помнить, во всяком случае, что Эрфуртская дружба кончилась нашествием двадцати языков. Как Парижский трактат постыднее и тягостнее Тильзитского, так и нового нападения (если то будет) должно ожидать гораздо сложнее, грознее, обманчивее: все происшествия выходят теперь как будто вторым изданием, seconde edition, revue, corrigge et augmentee. Севастопольская экспедиция должна служить образчиком, чего и в каком виде следует ожидать нам впереди.

Как бы то ни было, медлить нечего, а надо приниматься тотчас за дело. Самое время спешить; в один год происходит то, на что недоставало прежде ста лет, и постепенными улучшениями довольствоваться нельзя. На ловлю ехать, собак кормить поздно. Пожалуют вдруг гости, так не успеешь раски-

нуть лагеря даже при Дриссе. Надо вдруг приниматься за все: за дороги, железные и каменные, за оружейные, пушечные и пароходные заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и училища мореплавания, за гимназии и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия, да и прочее не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, за деньги, за финансы, за все, за все.

Выбирай всякий занятие по силам и способностям, не прячься с талантами в угол, а выступай вперед, предлагай свои услуги, жертвуя своим самолюбием. Аще и гуменце у кого пострижено, не оставайся без дела, склавши руки.

Конституция нам не нужна, а дельная, просвещенная, диктаторская власть необходима. Зло пустило у нас такой корень, что без хирургической операции подчас ничего не сделаешь. Все места обросли каким-то диким мясом форм, привычек, беззаконных доходов, преданий гнусных, освященных давностью, даже в глазах порядочных людей.

Надо признаться во всех своих недостатках, ошибках, промахах и воспользоваться полученными тяжелыми уроками; надо оплакать унижение, до которого дошли, и напрячь все свои силы, чтоб снова восстать.

Но где взять людей? Обыкновенная пустая отговорка! Не люди не находят людей, а человек всегда найдет человека. Придворный персонал, преизвестный и переиспытанный, доставит деятелей на все места. Вина нового не вливают в мехи старые. Но из семидесяти миллионов молодого, свежего, даровитого народа найдется на всякое место по благопотребному мастеру и с подмастерьями. Кликните клич!

В другом письме я писал о средствах отыскания людей. Здесь скажу только, или лучше, повторю, что гласность, гласность и гласность, образование, образование и образование, дельное, существенное, а не форменное, парадное, отвлеченное, представляют два главных существенных средства управиться нам сперва с врагами внутренними и потом внешними

и вообще два главных средства для преуспеяния гражданского и человеческого.

Первое лицо в Европе — это Людовик Бонапарт. Он умен, смел и счастлив — в этом надо согласиться. Но он не пользуется уважением ни у себя дома, ни за границей. Правительства смотрят на него с подозрением, а народы не питают доверенности к благородству его сердечных убеждений. Русский Государь, умеючи, может привлечь себе общественное мнение, и самый могущественный союзник для него — законная свобода, законному порядку изменивши (см. письмо XVII).

Имея на своей стороне этого союзника, мы приготовимся встретить грозящую беду и с высшею помощью опять воскликнем, как восклицали отцы наши после нашествия 1812 года: «Кто Бог велий, яко Бог наш! Ты еси Бог, творяй чудеса!»

1856 г.

8 мая.

III. СЛАВЯНСКОЕ ДЕЛО

Письмо к министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году

…Число всех славян простирается с лишком до 80 миллионов, кроме тех, которые потеряли свою национальность, приняв язык, веру, обычаи народов, поселившихся между ними. Следовательно, они составляют треть всего народонаселения европейского. Из этих 80 миллионов большая половина живет в России: русское племя самое многочисленное из всех славян.

В австрийских владениях живет славян около 20 миллионов, почти вдвое больше, чем немцев, венгерцев, итальянцев вместе. Какова же их пропорция к каждому из этих племен порознь? Их с лишком втрое, чем австрийцев, и почти впятеро, чем венгерцев.

Пропорция по государствам, странам еще разительнее: Богемия и Моравия совершенно славянские страны, кроме немецких колоний по границам и городов, особенно Праги, где много немцев, подобно как поляков в городах нашей Волыни, Подолии, Белоруссии.

Кроация, Славония, Далмация заключают в себе иноплеменников еще менее.

Галиция не только славянская страна, но чисто русская, кроме западной части, — продолжение нашей Малороссии с ее языком, верой, обычаями. Поляки живут по городам.

В Венгрии, которая делает столько шуму и причиняет столько тайного беспокойства Австрии, чистых венгерцев менее 4 миллионов, а славян 5.

В Турции, которую европейские политики так еще важно называют Оттоманской Портой, как будто бы жили в XV веке и имели пред глазами Мухамеда II, турок только миллион, а главную часть остального народонаселения составляют славяне.

В Пруссии славяне все уже онемечены — в Померании, Силезии, Бранденбурге и проч., держатся только поляки в Великом герцогстве Познанском и отчасти в Силезии.

Обращаюсь к австрийским славянам.

Австрийское правительство живо чувствует опасность, которая угрожает ему со стороны славян, и употребляет все меры, чтоб отвратить ее, но, кажется, что сии меры, лаская оное надеждой на успех в настоящее время, только что скопляют грозу, которая должна рано или поздно разразиться над ним.

Австрийцы поставили себе непременную цель — вырвать язык из уст славян, затмить им их Историю и превратить их в немцев, то есть пересоздать по-своему Божие творение. Можно себе вообразить, сколько насильственных, жестоких мер и средств предполагает достижение такой противоестественной цели. Всякое стремление к национальности останавливается и уничтожается, если можно, в самом зародыше. Все, что напоминает славянам об их происхождении, об их числе, языке, братстве между собою, родстве с племенами, живущими в других государствах, делается тотчас предметом притеснений и гонений, постоянных и систематических, посредством секретных инструкций местным и частным начальникам, — между тем как публично, в законах, газетах и журналах, провозглашаются правила совершенно противоположные. Славянский язык изгнан из университетов, находящихся в славянских странах, и все науки преподаются по-немецки. Для туземных наречий оставлено по одной только кафедре, которая умышленно предоставляется всегда людям неспособным, не могущим произвести никакого расположения к своему предмету. В гимназиях нет малейшего напоми-

нания об отечественном языке. Даже простолюдины в низших училищах осуждены слушать наставления на чуждом и непонятном для них языке немецком, которому после многих трудов уже кое-как они выучиваются, ибо нельзя сделаться даже капралом, не разумея по-немецки. В странах, где народонаселение смешано, австрийцы следуют правилу divide et impera: в Венгрии, например, они долго покровительствовали языку венгерскому, в ущерб славянскому, и ставили всегда венгерцев против славян; в Славонии и Далмации отдается преимущество итальянскому. Нечего говорить уже о судопроизводстве, которое отправляется везде на немецком языке. По всем странам рассыпаны австрийские чиновники, и славянину слишком трудно получить какое-нибудь место, не представив доказательств, самых убедительных о своем национальном отступничестве. В церкви вместе с немецким языком господствует латинский, и семинаристы в школах не слышат ни одного слова о том народе, пасти который предназначены. Получив такое воспитание, совершенно чуждые своей пастве, они подвергаются впоследствии ее презрению, — кроме немногих исключений, особенно в Кроации и Славонии.

Протестанты и сербы греческого исповедания по законам должны пользоваться одинаковыми правами с католиками, но в самом деле только что терпят. Состояние их год от году становится хуже, и церкви падают. Покушения обращать от Православия к унии и от унии к католицизму возобновляются беспрестанно, иногда даже с кровопролитием, ибо народ в Галиции, Венгрии и проч. унии терпеть не может. Праздные престолы православных епископов не замещаются иногда по пяти и по десяти лет. Сербам строжайше запрещено привозить богослужебные книги из России, потому что в них поминается имя русского императора, а не австрийского. Привилегированная типография в Офене не имеет средств предпринять вдруг многие и большие издания, так что до сих пор не напечатано ею 20-й части книг, нужных сербам для Православного богослужения. Напрестольное Евангелие стоит в Австрии около 300 руб,. Октоих — 60, двенадцать миней — 750, а со-

брание полное церковных книг — около 2000 руб., и многие церкви остаются без книг.

Все сии меры и действия, хотя и облеченные искусственным, хитросплетенным покровом, слишком явны для того народа, к коему относятся, и возбуждают ненависть против австрийского правительства, ненависть, в коей славяне, то есть чехи, моравы, словаки, кроаты, далматы, словенцы, поляки, русины, не уступают самим итальянцам. И может ли быть иначе? Если из 20 миллионов нельзя насчитать десятка лиц, которые были бы сколько-нибудь одолжены правительством; — если беспрестанно встречаются случаи, при коих обнаруживается отвращение его от целых племен, беспрестанно оказываются действия, коими они бывают поражены надолго; — если нельзя указать ни на какое славянское предприятие, которое удостоилось бы какого-нибудь внимания, ободрения; — если будущее грозит переменою еще к худшему, то какие же другие чувствования могут питать несчастные страдальцы, кроме ненависти и злобы на своих мучителей? Эта злоба увеличивается тем более, что славяне сознают свое превосходство над австрийцами и количеством, и качеством: количеством, ибо славян приходится пятеро, как я сказал, на одного австрийца, качеством, ибо тупее австрийца нет человека в Европе. Каково же чувствовать этим пятерым, когда один ломает их по-своему и заставляет говорить, думать, поступать, даже молиться, чувствовать на свой лад? Все ученые и литераторы, кроме немногих подкупленных, — заклятые враги австрийцам, которые однако ж тщательно скрывают свои чувствования, впредь до благоприятнейших обстоятельств. Народ разделяет их чувствования, хотя и бессознательно, по одному наследственному инстинкту, страдая в бедности, между тем как плоды трудов его расточаются иноплеменниками. Одно только дворянство, особенно в Богемии, держится австрийцев, перероднясь совершенно в немецкое, забывая и презирая свой язык, принимая немецкие имена; славянское же дворянство в Венгрии еще хуже и присоединилось вполне к венгерцам, чтоб воспользоваться их правами.

Вот общие замечания о мерах правительства и их следствиях. К ним присоединить должно меры Римской Курии, которая со своими иезуитами и марианами действует постоянно против славян и их национальности, имея особенно в виду Россию. В славянских странах все уверены, что иезуитские агенты содействовали преимущественно, если не возмущению, то по крайней мере продолжительному волнению Польши, что они и теперь возбуждают ненависть против России между поляками в Галиции, в Позене, у эмигрантов, сеют раздор среди славян, распространяют унию между сербами, все под покровительством австрийского правительства.

Должно удивляться, как при таких разнообразных сатанинских усилиях все славяне не подверглись до сих пор немецкому влиянию, не упали духом, не потеряли своей национальности, подобно крайним своим братьям, в Каринтии, Стейермарке, Крайне, между австрийцами, в Померании и Силезии, между пруссаками.

Славяне видят здесь особенную Божию помощь и вместе залог великого своего предназначения. Это чувство никогда не волновало их так сильно, как ныне. Нынешнему движению в умах ничего подобного не представляет славянская История. Начал оное своими сочинениями Добровский, хотя и был душою более немец и занимался славянской Историей и языком как предметом мертвым. Преемники его, действующие в наше время, хотя и в строгих пределах австрийской цензуры, — Колар и Шафарик: Коляр как поэт, Шафарик как историк и филолог. Молодое поколение во всех славянских странах боготворит сих двух писателей, и влияние их бесконечное. Все славянские языки и литературы как будто ожили, проснулись от долговременного тяжелого сна прикосновением их волшебного жезла. Не говорю уже о богемцах и иллирийцах, которых литература процветала в древности, самые русины, которые до сих пор как будто не существовали, которых имени не было слышно, особенно у нас, — русины, угнетенные более всех, потому что ближе к нам, под тройным игом австрийцев, поляков, католицизма

провозглашают теперь свое имя, занимаются своей Историей, то есть Русской Историей, записывают свои предания, печатают памятники, собирают песни, исследуют наречие, словом — начинают свою собственную, особенную литературу. Нельзя без умиления смотреть на пражских ученых, которые, подобно древним христианам, сохранявшим святое предание в катакомбах, стараются поддержать, воспитать национальное чувство в своем народе и приносят для того все возможные жертвы, подвергаются всяким лишениям, не щадят никаких трудов, не останавливаются никакими препятствиями. Сербы и словаки, в Иллирии и Венгрии, пылают тем же огнем. Везде заводятся у них частные общества для чтения, учреждаются славянские библиотеки, начинаются газеты, открываются публичные безденежные курсы. Во всех главных славянских городах есть корифеи. Кто внимательно изучал Историю, тот знает, без сомнения, что такое движение бывает только пред великими явлениями в истории гражданских обществ, и славянам, кажется, настает эпоха возрождения, а Австрийская империя, еще более Турецкой, должна трепетать за свое существование.

Положения Австрии в Европе не знают, потому что не знают славянских наречий, и, следовательно, не могут взвешивать, понимать настоящего движения. Европейские политики думают только об Италии и венгерцах, которые, впрочем, также известны по одним сеймам. Сама Богемия считается, даже в русских учебных книгах, немецким владением австрийского императора! Двадцать миллионов враждебного племени внутри государства ускользает от их внимания. Да, Австрия похожа на гроб повапленный, на старое дерево, гниющее внутри, хотя и одетое снаружи листьями, такое дерево которое один порыв ветра может исторгнуть с корнем вон. Меттерних понимает это состояние, и главная задача австрийской политики состоит в том, чтоб сохранить in statu quo Европы, ибо одной войны может быть достаточно, где бы то ни было, чтоб Австрия разорвалась на составные свои части. И в самом деле, при такой пламенной ненависти

двадцати пяти миллионов против пяти, может ли это искусственное, мозаическое целое удержаться долго? О Меттернихе между славянами господствует такое мнение: он знаменитый политик, отрицательный, который действует посредством тьмы, а не света, следовательно, непрочно, ненадолго, что его политики достаточно на время мирное, но что первая война обнаружит ее существенные недостатки.

В таком критическом положении Австрия, говорят, боится более всего России, которой, без ее ведома, симпатизируют все славяне, вплоть до Адриатического моря. Славяне смотрят на Россию, как волхвы смотрели на звезду с востока. Туда летят их сердца. Туда устремлены их мысли и желания. Там витают их надежды. От нее чают они себе спасения, подобно евреям от Мессии, и ждут с нетерпением, когда ударит желанный час. Всякий успех России они считают своим собственным, будто шагом приближения к цели. Во всяком внутреннем русском происшествии принимают живейшее участие. Смотря на Россию, славяне ободряются, чувствуют в себе новые силы, сносят терпеливее несчастную свою участь. Святая Русь, Матица, Москва — любимые их выражения. Русскому нельзя слушать без сладостного трепета все то, что и как говорят они о России. Славяне еще не забыты Богом, утешают они себя, пусть все их государства пали, и Богемия, и Моравия, и Померания, и Славония, и Кроация, и Далмация, и Сербия, и Болгария, Польша, — зато Россия восстала, зато Россия — первое государство в мире, зато в России славяне блаженствуют. Она избавит нас от наших врагов, чтоб и мы явились наконец в мире и исполнили свое предназначение. Все образованные люди негодуют на поляков, которые не понимают, говорят они, счастья и славы быть в соединении с Россией. Вместо того чтоб дружно идти вперед, действовать соединенными силами и показывать Европе, что могут славяне, они послушались наследственных, закоренелых врагов славянских и, может быть, нас самих отдалили надолго от нашей цели.

Славяне уверены, что русское правительство втайне им благоприятствует и что только политические обстоятельства мешали ему до сих пор обнаружить яснее свои мысли. Они думают, что и австрийское правительство это знает, называя славянский дух Русским духом, и потому старается заранее всеми силами, всеми иезуитскими средствами, посеять раздор, отвращать славян от России и Россию от славян, первых, возбуждая фанатическое расположение в защиту Римской церкви, которую Россия будто бы притесняет, выставляя действия России в Польше с дурной стороны, представляя, разумеется под рукой, невыгоды русского правления, и тому подобное. Австрийцы не пропускают случая самого мелкого, чтоб не подействовать ко вреду России. Челаковский, молодой поэт чешский, выразился как-то неприлично, может быть, даже дерзко, в своей газете в Праге о речи к полякам Государя Императора. Наш посланник обратил на выходку внимание правительства: Челаковского тотчас лишили журнала, преградили ему вступление в университет и повергли в нищету, распуская слух, что все это делается по требованиям русского правительства: вот-де каковы русские, надейтесь на них! А Челаковский — любимый поэт чехов, и судьба его возбуждает, разумеется, общее сострадание. В мимоходной выходке он раскаялся, говорят, в тот же день, когда друзья его представили ему всю его опрометчивость.

Россию же от славян отвращают австрийцы, называя русскому правительству национальное расположение революционным.

Славяне вообще думают, что австрийцы с целью отвлечь внимание России от них обращают оное на другие предметы, выдумывают разные опасности, побуждают принимать какие-то стеснительные меры и стараются затмить настоящее положение дел.

Я представляю здесь Вашему Высокопревосходительству то, что я слышал, нисколько не ручаясь за истину последних предположений: может быть, утесненным славянам кажется многое в воображении, чего нет в самом деле.

Как бы то ни было, у славян господствует общее мнение, что Австрийская империя должна скоро уничтожиться и что они отделятся от нее при первом благоприятном случае. Каким образом? 1. Может быть, сами собою — случай, по собственному их мнению, менее вероятный. Если же бы началось что-нибудь подобное, то австрийское правительство обратится за помощью прежде всего к России и постарается во что бы то ни стало обмануть ее и побудить к каким-нибудь антиславянским мерам, дабы положить навсегда непреодолимую преграду между ею и славянами. (Так далеко простираются предположения!)

2. Под покровительством Пруссии; если кронпринц захочет воспользоваться движением славян и из Познани, Силезии, привлечет Богемию, Польшу, Галицию, к которой-де может пристать и самая Малороссия (??). Пруссию считают славяне второю неприятельницею России, особенно на будущее время, после нынешнего короля.

3. Возможность, самая вожделенная для народа, самая приятная, самая легкая для исполнения, как думают славяне, — под покровительством России, которой почти принадлежит уже по праву Галиция как населенная чистыми русскими, исповедниками греческими, которые привержены к Православию еще более настоящих, теперь уже прошедших, русских униатов; за ними последуют русины в северо-восточной Венгрии, потом словаки, сербы австрийские, чехи и т. д. Тогда, говорят славяне, образуется славянское федеративное государство, — Россия во главе, — от Восточного океана до Адриатического моря, государство, которому История не представляет подобного и которое будет повелевать всем остальным миром.

Наконец, 4-е. Сама Австрия может сохраниться, если переменит свой образ действия и решится сделаться государством славянским, как об том думал уже Иосиф II; по крайней мере, если она возвратит славянам их права, будет смотреть на них как на своих детей, окажет покровительство их языку и образованию народному, допустит до участия в управлении.

Казалось, что было бы всего удобнее, спокойнее, справедливее для обеих сторон, особенно для Австрии, но на такую перемену славяне никак не надеются, ибо между австрийским слухом и славянским звуком есть какая-то безвоздушная пропасть, чрез которую правительство не может слышать и понять самого простого, ясного и громкого слова.

Вот политические мнения, кои обращаются в австрийских владениях. Передаю их верно Вашему Высокопревосходительству, не принимая на себя смелости судить о них со стороны политической или государственной и разбирать, что есть в них мечтательного и что действительного, что может быть обращено в пользу России теперь или для нашего потомства и что должно оставить без внимания. Ваше Высокопревосходительство, рассудите о том всего вернее и успешнее.

Я, как историк, сделаю только мимоходом одно замечание: бывают счастливые минуты для государств, когда все обстоятельства стекаются в их пользу и когда им стоит только пожелать, чтоб распространить свою власть как угодно. Такая минута была у Польши при Сигизмунде III, которому доставалась вся Восточная Европа вместе с Россией. После Польши черед доходил до Швеции, начиная от Густава Адольфа до Карла XII, которому оставался, казалось, один шаг до исполнения мысли Карла Густава о северной монархии, но он встретился на этом шагу с Петром Великим! Не такая ли минута представляется теперь императору Николаю, которому обе империи, Турецкая и Австрийская, как будто наперерыв просятся в руку?

Впрочем, я смотрел на славян и их отношение к русским только со стороны ученой и литературной, и следствия моих наблюдений, моих размышлений также осмеливаюсь здесь представить Вашему Высокопревосходительству.

Из всех славянских племен Бог благословил русское — все прочие порабощены, угнетены, несчастливы. Следовательно, священная обязанность, христианский долг повелевает русским пособить своим злополучным единоплеменникам, пособить, сколько позволяют то политические отношения, по-

собить для религии, для науки, для просвещения, с мирной целью. Так, младший разбогатевший брат обязан помогать старшим разоренным братьям, быть покровителем и главою целого семейства, как бы по определению Божию.

Обозрим в этом отношении все главные славянские племена. Первое место между теми, которые имеют нужду в помощи и которым всего легче подать ее, которые, прибавлю, имеют на то даже священное право, суть турецкие болгары, давшие нам, во время оно, грамоту, богослужебные книги и первое образование, — благодеяния великие, достойные вечной благодарности! Не говорю уже о том, что болгары, единоплеменники и единоверцы наши, во всех войнах с Турцией держали нашу сторону и за то подвергались особенным притеснениям турок.

Болгары стонут под игом турецким и греческим, погруженные в невежество, во многих местах почти одичалые, варвары. Горькая участь народа, некогда сильного, образованного! Для них необходимо учредить училища в Одессе, Кишиневе и, может быть, других пограничных городах, где бывает их много по торговым надобностям. Предметы преподавания: Закон Божий, языки: болгарский, церковный, сербский, русский, общие понятия о некоторых науках, например, истории, географии и проч., как то предполагается в наших реальных уездных училищах, применяясь к потребностям края. Несколько человек в сих училищах должно содержать на казенном иждивении. Возвращаясь в отечество, они разнесут полученное образование вместе с русским духом.

Для болгар необходимо исходатайствовать некоторые гражданские преимущества, например свободное отправление веры, о чем можно собрать сведения обстоятельнее и вернее от самих болгар одесских.

Будьте их заступником и ходатаем пред престолом Государя Императора! От Вашего Высокопревосходительства зависит нравственное возрождение целого племени древних просветителей Руси. Типография болгарская в Одессе, два, три училища, и бросится семя для новой жизни. Несколько

болгар может быть воспитано также в наших университетах и Духовных академиях.

Инспекторов для болгарских училищ можно найти между образованными австрийскими сербами.

Скажу здесь, кстати, несколько слов и о *сербах*, также единоплеменных и единоверных нам и болгарам. Сербов должно принимать вместе с болгарами в выше предложенные училища, кои послужат вместе образцами и для их собственных в Сербии, потом воспитывать некоторых также в наших университетах и духовных академиях. Необходимо содействовать распространению русского языка в Сербии и всеми силами препятствовать там чуждому влиянию, то есть австрийскому, подарить правительству избранную библиотеку русскую, наделить русскими церковными книгами и пускать оные по самой дешевой цене в нарочно основанный где-нибудь между ними русской книжной лавке в Бухаресте или Кишиневе, так, чтоб сербы могли передавать, перепродавать сии книги прочим своим собратьям, составляющим важную часть народонаселения в Венгрии и распространенным по всем австрийским владениям до Адриатического моря.

Второе, или, лучше, другое первое, право на русскую помощь принадлежит *русинам*. Другое первое, говорю я, ибо эти русины, жители Галиции и северо-восточной Венгрии, нашего древнего, знаменитейшего Галицкого княжения, суть чистые русские, такие же русские, каких мы видим в Полтаве или Чернигове, наши родные братья, которые носят наше имя, говорят нашим языком, исповедуют нашу веру, имеют одну историю с нами, чистые русские, которые стонут подле нас под тройным, четверным игом немцев, поляков, жидов, католицизма и горько жалуются на наше невнимание.

В ожидании благоприятных случаев необходимо поддерживать их возникающую литературу, частным образом, чрез вторые, третьи руки: доставлять пособие авторам, печатать книги, назначать премии на заданные темы об истории, языке, посылать в библиотеки русские книги, содействовать сочинению лексикона, грамматики, собранию преданий, песен.

О средствах, как подавать сию помощь, я представлю обстоятельное предположение, если то будет угодно Вашему Высокопревосходительству.

Поляки. Поляки самое эксцентрическое племя, и, не оскорбляя их самолюбие, еще более лаская оное, можно ужиться с ними отлично. К самым действительным мерам примирить их с нами, ибо они все еще ненавидят нас, есть покровительство их языку, литературе, Истории (я говорю о Царстве Польском), и, наоборот, ничто столько не питает злобы, как меры противоположные. Языку польскому в учебных заведениях Царства надо учить наравне с русским. Если мы будем учить ему недостаточно, то поляки будут доучиваться ему дома гораздо с большим рвением и успехом, как то бывает со всяким запрещенным предметом, и мы не только не достигнем своей цели, но еще более отдалимся от нее и, сверх того, будем вооружать тайных врагов. Скажу вообще: мысль уничтожить какой-нибудь язык есть мысль физически невозможная: языка у народа уничтожить так же нельзя, как лишить его одного из пяти чувств, данных Богом: язык есть такой же природный, неотъемлемый орган, как и прочие, только драгоценнейший для человека, потому что тесно связан с его разумною душою. Тем более должно сказать это об языке развитом, историческом, литературном. Австрийцы подают в этом случае убедительный пример: чего достигли они, уничтожая систематически, в течение веков славянские наречия? Увеличили их силу, содействовали их развитию, приготовили своими плотинами такие водопады, которые готовятся теперь поглотить их самих. Некоторые славянские племена забыли свой язык, это правда, но где это сучилось? По краям, где чуждое племя подавляло их своим количеством, где язык был еще в младенчестве. С другой стороны, русский язык, по моему мнению, так могуществен и заключает в себе столько свойств, принадлежащих всем славянским наречиям порознь, что может почитаться их естественным представителем, а сам по себе, без всяких насильственных мер, рано или поздно, сделается общим литературным славянским языком, как у некоторых племен было

прежде наречие болгарское, а в Западной Европе — латинское. Все наречия должны прежде принести ему дань своими словами, оборотами, формами, и, следовательно, не надо сушить Оку или Каму, не надо и для того, чтоб полнее стала Волга. Но нужно водворить, как то уже и сделано, учение русского языка — это другое дело: всякий поляк должен знать по-русски. Весьма важно было бы сочинение сравнительной грамматики польской и русской. В этом же случае сравнительный словарь польский и русский, над которым трудится знаменитый Линде, есть не только великое дело литературное, но и политическое. Российская академия, сколько смею судить, поступила неосновательно, отказавшись, по причинам школьным, от этого словаря. Если Вашему Высокопревосходительству угодно будет сделать ей предложение, чтоб она поручила мне издать для образца четыре буквы, отданные мне г-м Линде, то я с удовольствием принял бы на себя сей труд. Г-ну же Линде необходимо дать средства оканчивать свое исполинское предприятие, для которого материалы у него большей частью собраны. Средства эти состоят в денежном ежегодном пособии на наем помощников, которые приводили бы в алфавитный порядок его выписки, делали по его отметкам новые, словом, исправляли черновую, механическую работу, которая отягощает 80-летнего старца и лишает его времени драгоценного, нужного на совершение огромного здания. Линде должно спешить воспользоваться, ибо ему остается жить не более двух-трех лет. Второе пособие состоит в посылке ему русских книг, коих в Варшаве великий недостаток, ибо почти все русские книги вывезены с прочими из университетской библиотеки.

Полезно было бы послать несколько студентов русских учиться славянской филологии под руководством знаменитого патриарха.

Я говорил о языке. Теперь обращаюсь к Истории. Польской Истории не преподают в училищах особо, а вместе со всеобщей. Напрасно! Польская История, беспристрастная, правдивая, подробная, есть самая верная союзница России, которая может принести нам пользы более нескольких крепостей. Ни-

что не может примирить так новое поколение поляков (о старых говорить нечего: вспомним, что и Моисей привел к Земле обетованной только тех евреев, которые родились уже на дороге), ничто, говорю, не может так примирить новое поколение поляков с настоящим порядком вещей, убедить в необходимости соединения Польши с Россией, как основательное изучение Польской Истории. Другое дело — История Польская злоупотребленная, История, направленная умышленно к беззаконной цели. О! Такую Историю должно преследовать, как злостный обман, как оскорбление науки, как святотатство. По сим причинам необходимо написать вновь Польскую Историю для училищ, как то Вы изволили сделать с Русскою, то есть задав тему польским ученым, со значительным вознаграждением. Должно избегать только, чтоб не впасть в другую крайность, то есть чтоб не слишком густо покрыть ее Русским цветом. Такая крайность может повредить в глазах Европы, особенно, когда есть ныне столько злонамеренных людей, которые готовы растолковать все в худую сторону.

Польша пала не от политики соседей, а первоначально от своего безначалия, от форм правления. Здание должно было рухнуть, ибо подпоры были негодные, — вот содержание Польской Истории до кончины последнего короля, вот что должно показать полякам ясно и основательно.

Нужно ли было заботиться соседям, чтоб здание не задавило, не повредило их своим падением? Разумеется, нужно, и преимущественно России, по причинам географическим, историческим, политическим, — вот содержание Истории последующей.

На которую сторону должно было упасть здание? На ту, к которой оно склонялось прежде?

Не лучше ли бы было упасть ему на другую? Хуже, если б даже было и можно. Хуже к австрийцам, пруссакам, как соглашаются сами поляки и как говорит их пословица: доколе свиат стоит свиатом, не может поляк быть немцу братом.

При падении здания можно ли распорядиться так, чтоб камни, падая, улеглись на земле в порядке, не ушибив того и

другого, иногда правого наравне с виноватым? Нельзя, точно как нельзя не произойти притом и обидам, распрям, мщениям, — вот окончание отдельной Польской Истории.

Прибавим только, что России из упавшего здания достались только свои собственные древние материалы.

Должно ли и может ли упавшее здание выстроено быть по прежнему плану? Никак не должно, ибо недостатки прежнего плана доказаны всего разительнее падением здания, — вот апология новому правлению. Сравнение состояния Польши, дворян, купцов и преимущественно крестьян, при последнем короле, под Саксонским управлением, при императоре Александре, ныне доставит результаты могущественные в пользу России.

Итак, введение Польской Истории необходимо во всех отношениях, сначала по Бандтке, даже можно для эффекта по прежнему Лелевелю, если меня не обманывает память, — впредь до сочинения нового руководства. К сомнительным местам можно присоединить примечания. Главное дело — строгий надзор за учителями, которые должны неукоснительно следовать данному направлению и не сметь произнести ни одного двусмысленного слова.

Вместе с Польскою и Русскою Историей должно преподавать Историю прочих славянских государств и показывать, как искони раздор и несогласие губили и подвергали их жестокому игу иноплеменников, под которым нигде и никогда славяне не были счастливы.

Введение Истории избавит нас от упреков, которые беспрестанно слышатся по этому поводу между иностранцами.

О литературе. Теперь в Польше ее почти не существует: она вся между эмигрантами и в Познани. Третий предмет обвинения для русского правительства. Необходимо должно оказать покровительство оставшимся литераторам в Варшаве, тем более что предметы их занятий слишком невинны и не могут причинить вреда ни в каком отношении. Я говорю о Линде, о словаре которого упомянуто выше; о Кухарском, который путешествовал несколько лет на иждивении правительства по

славянским странам и собрал, вероятно, много материалов; о Крыжановском, который занимается исследованиями о жизни и системе Коперника и приготовил большее сочинение об этом астрономе; о Мацеевском, который, кажется, совершенно привержен России, судя по его сочинениям и разговорам. Все их труды должны быть изданы с вознаграждением авторов.

Наконец, осуждают русское правительство даже сами славяне, приверженные к нам, за то, что в Польше нет университета. Как, говорят они, пять миллионов лишать средств для высшего образования, которое составляет общую цель человечества! Не смею сказать ни слова об этом обвинении, ибо основание университета в Польше соединено с политическими обстоятельствами, и этот вопрос может быть решен основательно не ученым, который стоит внизу и видит его с одной стороны, но мужем государственным, который смотрит на него сверху и видит со всех сторон, в соединении с прочими вопросами государственными. Я скажу здесь только: почему для прекращения кликов, может быть, и неосновательных, пока не назвать университетом те двухлетние дополнительные курсы, которые вводятся, как я слышал, при Варшавских гимназиях? Языки древние, наречия славянские с их литературами, науки естественные, медицинские, Русское право, Римское право — такие предметы могут быть преподаваемы безопасно кем бы то ни было. Другие предметы могут быть оставлены, сколько угодно лет, — за неимением преподавателей.

Курсы могут быть ограничены двумя, или тремя, или четырьмя годами, приемы и выпуски строги или снисходительны, смотря по особенным видам правительства.

Может быть, опасно соединение многих молодых людей вместе — пусть факультет и даже лекции разделятся по разным домам.

Почитаю долгом упомянуть еще о том, что поляки вообще ропщут за взятие Университетской библиотеки. Мятежники не читали оттуда старых книг, говорят они. Взять библиотеки частные, начальников бунта, например, Чарторыжского, —

о, это действие имеет законную форму, и против него никто не осмеливается произнести ни слова…

Я передаю верно Вашему Высокопревосходительству как это обвинение, так и прочие, сколько мне случилось то слышать в Польше и других европейских странах. Многие из них совершенно неопасны и происходят от невежества, от незнания обстоятельств. Россия всегда хочет только быть справедливою и нисколько не заботится о том, чтоб вместе и казаться справедливою, считает для себя как будто низким не только объяснение, но даже описание своего образа действий. Такая благородная гордость невыгодна в отношении к составлению общего мнения.

Покровительство языку, литературе, Истории и вообще просвещению в Польше, покровительство, впрочем, в пределах благоразумия и осторожности, без ущерба русскому началу может иметь благодетельное влияние и на прочие славянские племена, которые смотрят на Польшу, *как на образец русского управления*. Оно весьма важно для будущих возможных отношений России к славянскому миру. Немцы, указывая славянам на Польшу при некоторых случаях, разумеется, в свое неверное стекло, говорят им: лучше ли полякам у русских, чем вам у нас? Впрочем, славяне обвиняют вообще поляков в легкомыслии, накликавшем и накликающем на себя беды, многие русские меры приписывают коварным советам австрийцев, а более всего считают оные временным последствием беспрестанно открываемых польских заговоров и уверены, что, при исправлении поляков, русское управление примет другой характер.

Вот мой отчет о Польше. Мне кажется, я опоздал с ним. Вы сами были в Варшаве после меня и, без всякого сомнения, увидели все яснее, дальше, вернее. Я почел бы себе великою честью, если бы в каких-нибудь мыслях мне удалось сойтись с В. П.

Не могу не сказать еще двух слов о Кракове, куда к ректору университета, г. Матакевичу, Вы изволили давать мне рекомендательное письмо. Жители находятся в самом стесненном

положении, и невинные терпят наравне с виноватыми, подавшими повод к разным тяжелым для города мерам. Ничего не желают они столько, как иметь одного государя вместо трех покровителей. Которого? Разумеется, они не смеют выговорить. Ректор показал мне университет, библиотеку и все заведения и обещал, на мой вопрос, написать мне частное письмо о состоянии университета, нуждах и желаниях, дабы я мог при случае представить оное Вашему Высокопревосходительству, но до сих пор не исполнил своего обещания. Библиотекарю, г. Мучковскому, которого сочинения Вам доставлены, можно поручить издание каких-нибудь драгоценных рукописей Краковской библиотеки. Краковские журналы падают.

Чехи — это самое образованное славянское племя вместе с моравами и словаками. Они указывают с гордостью на многих своих знаменитых ученых и литераторов, достойных наследников древнего образования, хранителей славянской национальности, распространителей славянского духа. Прага есть главное их местопребывание. Многие из них или, лучше сказать, все почти имеют нужду в русской помощи для успешнейшего занятия своими всеславянскими трудами. Таков Шафарик, создатель древней славянской Истории, общей истории славянских литератур, собравший драгоценные материалы для многих, не менее важных сочинений, издающий теперь карту поселений славянских в Европе, в древности и ныне; Аммерлинг, неутомимый славянофил, который учит, издает, пишет, собирает, заводит, словом сказать, действует изо всех сил и всеми средствами для распространения славянского образования между славянами, преимущественно по части естественных наук; Челаковский, отличный стихотворец, жестоко наказанный за дерзкую выходку, который занимается теперь этимологическим словарем. Ганка, объяснитель древних памятников, Прешль, славный естествоиспытатель, и Палацкий, историограф, не имеют нужды в помощи. Юнгман, лексикограф, хотя не беден, но и не слишком богат, и на старости своих лет имел бы право на лучшее успокоение за исполинские труды свои.

В Праге при национальном музее есть так называемая matica ceska, комитет, учрежденный для усовершенствования чешского языка, который владеет небольшим капиталом (около 50 тыс. руб.), на проценты с коего издает журнал (casopis), вспомоществует отличным авторам при издании их трудов и печатает некоторые полезные сочинения сообразно со своей целью. Капитал этот полезно увеличить, дабы комитет мог 1) задавать ежегодно по две исторические и филологические темы для обрабатывания с премиями; 2) раздавать свои издания по публичным школам в Богемии, Моравии, Силезии и проч.; 3) для улучшения частных журналов, из коих примечательные: «Чешская пчела и цветы». Полезно бы объявить, полагают чешские ученые, по две премии за лучшие сочинения в стихах и прозе, чем возбудилась бы в молодом поколении еще большая ревность к изучению отечественных предметов.

У *словаков* энтузиазм славянский восшел до высочайшей степени. Дикая грубость и жестокость их непосредственных угнетателей, венгерцев, вместе со стихотворениями их барда Коляра возбудили новое поколение до невероятности. Славянский институт в Пресбурге, где в чистом славянском духе воспитывается до 70 человек юношества и обучается преимущественно славянским наречиям и истории, достоин внимания всех друзей добра, не только славян, и имеет полное право на пособие, в коем терпит крайнюю нужду, не имея возможности платить даже учителю. Этот институт сделал в прошлом году воззвание ко всем славянским собратьям, впрочем, с дозволения австрийского правительства, о доставлении ему пособия деньгами и книгами. Следовательно, оно может быть доставлено в Петербург публично, от имени каких-нибудь русских ученых или меценатов.

Прочие пособия должны быть доставляемы Шафарику как самому основательному, скромному, умеренному во всех отношениях мужу, который уже даст им сам дальнейшее движение. Сообщение с ним может производиться чрез меня, чрез протоиерея Меглицкого, чрез Венское посольство, на имя наших путешествующих магистров.

У *австрийских сербов* центральный пункт — Пест, в котором восточные славяне сходятся с западными по торговым и другим делам. Нужно денежное пособие для тамошней славянской школы, которое доставить очень удобно из Вены. Тамошний протестантский проповедник Коляр, первый двигатель славянский, приверженный к России, имеет полное право на содействие его ученым трудам.

Сербы греческого исповедания имеют также Пест своим центром в литературном отношении, в религиозном — Карловиц. Так называемая Матица Сербская, основанная частными людьми, преимущественно купцами, заведывает, так сказать, ходом сербской Кирилловской литературы, издает газету, печатает сербские книги, заводит теперь общеславянскую библиотеку книг на всех славянских наречиях, воспитывает на своем иждивении несколько молодых людей, посвящающих себя сербской литературе. Это заведение должно быть поддержано. Нужно посылать туда и в Карловиц избранные русские сочинения по части истории, филологии и особенно Богословия, чтоб предохранять сербов от унии и иезуитского влияния.

Католические иллирийцы имеют главное местопребывание в Аграме, где теперь одушевление является так же, как и в Презбурге, в высочайшей степени и оттуда электрически сообщается во все стороны, особенно на славяно-кроатскую военную границу, которая может во всякую минуту выставить от 80 до 100 тысяч войска. Душою этого движения есть Гай, который в короткое время произвел, говорят, чудеса своею типографией. Я слышал, что он ездил в Берлин к Государю Императору и обращался за помощью также к Российской Академии. Ему нужно непременно назначить ежегодное пособие.

Из прочих славянских ученых, как о Копытаре, библиотекаре Венской библиотеки, не могу сказать ничего решительного. Общее мнение* между славянами есть то, что он тайный агент австрийского правительства, гонитель славянского начала и враг русским. Не знаю, сколько здесь есть правды. Собственная библиотека Копытара единственная в Европе по бо-

* Совершенно несправедливое, как оказалось.

гатству славянских редких книг и рукописей. Приобрести ее (он спрашивает за нее 4 тыс. червонцев, но отдаст, вероятно, за менее) для Московского Университета было бы великим для нас обогащением. Вук получает пенсию от Государя Императора в тысячу рублей, которую, в уважение его трудов и чрезвычайной бедности, благодетельно было бы удвоить.

Вот краткое обозначение нужд, претерпеваемых славянскими тружениками. 25 тыс. рублей ежегодного пособия удовлетворили бы оные с избытком, 10 тыс. отчасти. Пособие должно быть подаваемо, разумеется, самым тайным образом. Я собрал обстоятельные и верные сведения, каким образом, по каким путям, чрез какие лица исполнить это так, чтоб не произошло ни малейшей огласки в публике, даже русской, и не навлекалось ни малейшего подозрения со стороны австрийского правительства. От Вашего Высокопревосходительства зависит исходатайствовать какую-нибудь сумму от щедрости Государя Императора, отца общего славян, и подать тем новую жизнь ученому и литературному славянскому миру, бросить семена, кои, может быть, дадут со временем плоды великие, исторические, вселенские. Вы сделали и делаете многое пред Высочайшим престолом для просвещения в России; распространите круг благотворительных действий Ваших на всех славян, и имя ваше благодарным потомством будет поминаемо наряду с именами первых благодетелей славянского рода.

Перехожу теперь к общим действиям, кои могут принести равную пользу России, ее языку, литературе и Истории, равную с прочими племенами славянскими.

1) Сочинение сравнительной грамматики всех славянских наречий, которою облегчится безмерно их изучение, покажется всего яснее их сродство и объяснятся многие свойства, принадлежащие тому или другому наречию порознь и остающиеся без нее непонятными загадками. Пусть Российская академия объявит премию в 500—1000 червонцев за сочинение лучшей. (Всем наречиям можно выучиться в год.)

2) Для сравнительной грамматики нужна частная; должно назначить меньшие премии за сочинение грамматик для

тех наречий, кои не имеют еще оных, как то: нашего малороссийского, галицкого и еще, кажется, одного или двух.

3) Нужен общий словарь всех славянских наречий, для которого заключается уже много драгоценных материалов в словаре польском Линде и чешском Юнгмана, также в рукописном Словаре русском и польском Линде.

4) Некоторые наречия не имеют еще словарей; должно задать оные с премиями, и также наше малороссийское, галицкое, болгарское, ниши областные, церковные.

5) План для грамматики можно поручить Шафарику, для словаря Юнгману, Линде и Востокову.

Общий словарь — работа на 20 или 30 лет для одного человека. По моему мнению, можно разделить его на части, по буквам, и за всякую букву, по данному плану, назначить соразмерную награду. Нужды нет, что словарь выйдет, таким образом, неполный, несоразмерный и несовершенный, — пусть он послужит корректурою для следующего, к которому приступить уже будет гораздо легче одному призванному на то ученому.

6) Нужны собрания песен, пословиц у всех племен.

7) Славянская хрестоматия, одна — русскими буквами, другая — латинскими.

Все сии литературные предприятия, необходимые для успехов русской литературы в наше время, принадлежат по праву и, прибавлю, по обязанности Российской академии, слишком богатой средствами для их совершения.

Следующие задачи могут предлагать, разделяя между собою, Общества истории и древностей в Москве и Одессе и Археографическая комиссия.

8) История славянских государств.

9) Географические и статистические описания.

10) Собрания следов мифологических преданий, поверий, обычаев, образов и тому подобное.

11) Собрание актов, грамот и прочих исторических памятников.

12) Биографии великих людей славянских — славянский пантеон.

Означенные общества могут объявить уверенные премии от 500 до 1000 рублей. За сочинения по предметам, относящимся к сим темам.

Наконец, нужен Всеславянский журнал, где 1) в скорых и верных известиях и описаниях изображалась бы ученая и литературная деятельность всех славянских племен, 2) помещались бы статьи на всех славянских наречиях с краткими пояснениями для уразумения общего. Умеренная плата с листа рублей по 50.

В таком журнале обозначилось бы осязательным, так сказать, образом близкое родство всех племен, и племена начали бы сближаться и знакомиться между собою всего удобнее.

Славяне думают, что такой журнал лучше всего издавать в Москве, — мне кажется, сообразнее с целью, — в Варшаве, дабы сей журнал приносил и частную пользу, действуя в особенности на поляков.

* * *

Чтоб облегчить для славянских племен приобретение русских книг, должно учредить, разумеется, ввиду частного предприятия, русскую книжную лавку в Лейпциге, откуда легко получить их чрез немецких книгопродавцев, рассеянных по всем славянским городам. Книги должно продавать как можно дешевле. Книги на других славянских наречиях могут также присылаться туда, как в центральное дело. Я веду уже два года переписку об этом предмете с книгопродавцем Фоссом.

Снабдить избранными русскими книгами, особенно по части филологии и истории, главные немецкие библиотеки в Австрии — в Вене, Праге, Песте, Пресбурге, Аграме, Брюнне, Львове. Для благовидности можно послать сии книги в то же время и в Берлин, Бонн, Геттинген, Мюнхен.

Пригласить несколько ученых и педагогов из славянских стран, которые с большой пользой могут занять у нас места

надзирателей, инспекторов, директоров, учителей немецкого и латинского языков и проч. В этом отношении я могу назвать преимущественно двух: профессора физиологии в Бреславском университете Пуркиню, знаменитого естествоиспытателя, который с великим успехом мог бы взять на себя управление особого учреждения для естественной истории при том университете, где, по начертаниям Вашего Высокопревосходительства, сия наука должна быть преимущественно возделываема*. Второй ученый есть доктор Амерлинг, который обладает многообразными сведениями, делал многие педагогические опыты, составил особую методу, которая заслужила полное одобрение знатоков, и мог бы учредить детские приюты в Москве или Петербурге по образцу пражского заведения в этом роде, известного во всей Европе, и иметь в своем распоряжении какую-нибудь реальную гимназию.

Я знаю также еще несколько образованных молодых людей, которые готовы переселиться в Россию. Оставаясь в сношениях с прежним отечеством, они могли бы содействовать много взаимному знакомству.

В заключение не излишним считаю сообщить здесь В. П. и другие отрывочные сведения, кои случилось мне собрать в продолжение моего путешествия в дилижансах, на пароходах, в гостиницах и на улицах и замечания, кои удалось сделать.

Император Николай имеет ныне гораздо более почитателей по всем странам европейским, и самые неприязненные ему люди, например, во Франции, говорят с почтением о его характере, твердой политике и отдают преимущество пред всеми европейскими государями.

Россия решительно не имеет доброжелателей между европейскими государствами. Славяне говорят, что больше всех не любит ее Австрия, потом — Пруссия, на Западе думают, что — англичане. Столько случалось мне слышать о кознях англичан с таких неожиданных сторон, что первой моей мыслью по возвращении в Отечество при слухе о пожарах

* Имелось в виду автора поручить ему Ярославский Демидовский лицей согласно с любимыми предметами занятий.

в низовых губерниях мелькнуло: не англичане ли это? Упоминаю об этой нелепой мысли потому только, чтоб показать, какое сильное впечатление было произведено во мне прежде. Никогда не забуду я, как один житель Антверпена, приверженный, однако ж, к Голландии, говорил мне каким-то торжественным тоном: «О, император Николай не воображает еще, откуда грозит ему настоящая опасность. Поляки народ не страшный. Англичан, англичан должен он остерегаться и бояться там, где и не предполагает».

Ненависть частных лиц к России происходит преимущественно от незнания, от легковерия, с коим принимаются ими самые нелепые известия, распускаемые злонамеренными людьми. Если бы помещать в иностранных хороших газетах верные известия, умно написанные статьи о России, о ее истории, о гражданских учреждениях, особенно новых, в нынешнее царствование, коими мы можем смело похвалиться пред Европой, например, о законах, об ученых уставах, о выборах, потом рассуждения об исторических отношениях наших к Польше, правах собственности на Волынь, Подолию, Белоруссию, самую Литву, Галицию, то я уверен, что половина врагов перейдет на нашу сторону.

Статьи другого рода, например, о волшебном построении в один год Зимнего дворца, над которым работало столько-то тысяч народа, о маневрах Бородинских, где столько-то тысяч войска было собрано во столько-то времени из таких-то отдаленных мест, или прежде о маневрах Вознесенских, где по степям скакала конница, не уступавшая числом Ксерксовой, известия о количестве добываемого золота и проч. оказали бы великое действие на воображение, особенно немецкое.

«Allgemeine Zeitung», газета наиболее читаемая, будет с удовольствием помещать такие статьи. Во французские журналы можно доставлять через Делаво, который имеет в Париже многие литературные связи, занимает место редактора при издании одной энциклопедии и может быть нам очень полезен. Гизо просил меня доставить ему сведения о Российской Истории.

В Москве живет теперь молодой немец К. из Пруссии, который приехал нарочно изучать Русскую Историю, как изучил он уже другие славянские, с целью передать потом немецкой публике верные известия о всех славянских племенах и их литературах, предложить важнейшие сочинения в извлечениях. Этот г. К. показался мне с первого взгляда искренно любознательным ученым, и я, не исследуя, впрочем, его образа мыслей, пригласил его жить к себе, чтоб руководствовать надлежащим и полезным для России образом к изучению Русской Истории, и полагаю, что им можно воспользоваться для сообщения чрез него в немецкие журналы верных сведений о России. Можно оставить ему его личный образ мыслей и даже пропускать какие-нибудь порицательные выходки, если бы они случились, для приобретения большей доверенности прочим сведениям, кои сообщить в Германию заблагорассудит правительство, — для доказательства беспристрастия корреспондента. Воротясь в отечество, и даже прямо из России, этот ученый может же посылать сведения и статьи, какие пожелает, — так лучше по крайней мере дать им согласное с истиной и полезное для России направление. Г-ну К. очень легко можно будет чрез меня доставить пособие книгами, обеспечением содержания и тому подобное.

Другие статьи могут быть посылаемы прямо от имени наших авторов.

Судя по той готовности, с коей «Allgemeine Zeitung» поместила статью г. Шевырева против нападений о водворении русского языка в Остзейских провинциях, судя по обещанию, какое давал мне прежний редактор и г. Шевыреву нынешний, и вообще по духу газеты, которая не держится слишком одной партии, можно быть уверенным в немедленном помещении статей и расположении редакторов к даровым корреспондентам.

Сим оканчиваю я отчет свой Вашему Высокопревосходительству о путешествии, предпринятом, впрочем, с другою целью. Почту себя счастливым, если моими известиями удовлетворится какое-нибудь из Ваших ожиданий, изъявленных

мне при моем отправлении, и если я могу ими возблагодарить Вас за исходатайствованное мне позволение ехать на воды и оказанное пособие.

(Ни одного из вышеперечисленных предложений не было тогда исполнено.)

Второе донесение министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к славянам

Ободренный благосклонным вниманием Вашего Высокопревосходительства к донесению моему 1839 года, я почел непременным долгом в нынешнее путешествие мое ознакомиться ближе с политическими отношениями, до коих я прежде только касался, и плоды моих наблюдений имею честь представить теперь на Ваше благоусмотрение.

С 1839 года переменилось многое в славянских землях Австрийской монархии. В Богемии национальность усилилась значительно не только в среднем сословии, но и в высшем, чему доказательством служит знаменитая брошюра графа Туна об отечественной словесности, произведшая сильное действие, так что австрийское правительство решилось предложить автору почетное место в другой части государства с целью отдалить его от Богемии. В первых дворянских домах, которые давно уже онемечились и говорили только по-немецки, как у нас говорят по-французски, дети ныне учатся по-чешски и имеют чешских гувернеров. В духовенстве число патриотов также постепенно увеличивается, хотя им со связанными, так сказать, руками, в недрах Римской церкви, очень трудно действовать и даже запасаться национальными средствами, ибо языку чешскому их не учат, а только по-немецки и по-латыни, книги же должны они покупать на свои деньги, а казенные библиотеки наполняются только немецкими сочинениями. В среднем сословии успехи

изумительны: везде основываются частные чешские училища, без всякого пособия, разумеется, со стороны правительства, заводятся частные библиотеки для общенародного употребления (теперь уже до 100), даже в деревнях. Учреждаются бальные беседы, где не позволяется ни одного слова произносить по-немецки. Съезд на них бывает невероятный (до 4000 ч.). Издается ревностно при музее энциклопедическая библиотека на чешском языке. Начался национальный театр в Праге, который посещается более немецкого. Примеру Праги следуют и другие города, где особенно летом, во время вакаций, даются студентами национальные спектакли, кои правительство запретить не может, ибо сборы назначаются для благотворительных целей. Испрашивается настоятельно право преподавания в низших училищах на чешском языке, и едва ли не скоро получится в некоторых инстанциях и судопроизводство национальное.

Австрийское правительство, которое боится больше всего общественного мнения, видя такое стремление во всех сословиях и не надеясь остановить его, нашлось принужденным ослабить несколько бразды, хотя всякий шаг вперед стоит патриотам великих трудов и усилий и уступается правительством тогда, как оно истощит все свои средства сопротивления. Чешский спектакль, например, позволен был сначала однажды в неделю и в какое время? Днем, от трех часов пополудни до шести, потом дано позволение играть три раза в неделю и вечером.

Правительство, принужденное, таким образом, уступать, иногда усиливает за то меры противоположные. При всяком случае ругательства против чехов, насмешки над литературой и литераторами позволяются во всех немецких газетах, помещаются статьи в иностранных газетах с целью их пугать. Имя славян запрещается цензурою, кроме самых необходимых случаев. Орфография Добровского, утвержденная и принятая еще в 1820 году, только теперь введена, и то в низших училищах, а немецкие готические буквы удерживаются до сих пор. Ни одного объявления нельзя сделать по-чешски,

не приложив немецкого перевода, хотя сокращенного, что подает повод даже к смешным сценам, например: пригласители на балы чешские печатают билеты на чешском языке крупными чешскими буквами, с украшениями, а немецкий перевод — такими мелкими, что едва в микроскоп рассмотреть их можно. Зато правительство, делая от себя объявления по-немецки о чем-нибудь, прилагает чешский перевод таким ломаным языком, что никакой чех понять не может и должен для уразумения прибегать к немецкому языку.

Вместе с национальным движением тесно связано движение *антипапское*, хотя теперь еще тайное. Ненависть к папе и иезуитам, которые были главною причиною падения Богемии, лежавшая глубоко в сердцах патриотов, ненависть, посеянная еще предшественником Лютера Гусом, воспитанная Гуситскими войнами и последовавшими ужасами, начинает обнаруживаться, и за политической независимостью Богемии, если она когда будет, должно последовать отпадение от Римской церкви.

Не стану распространяться, какую пользу может принести этот дух и пример для Русской церкви вообще и для Русской церкви в Царстве Польском! Австрийцы видят и это и стараются всеми силами отвратить все, что может хоть издали напомнить греческое исповедание. Ганка недавно получил строгий выговор за свои доказательства, впрочем недостаточные, что Реймское Евангелие писано в Богемии в XI веке св. Прокопием кирилловскими церковными буквами!

Не только австрийцы, сами немцы в Германии трепещут за Богемию и всеми силами стараются защищать и прославлять немецкое начало в ней, выставляют действия и надежды чешских патриотов нелепыми, безумными, злонамеренными, — те немцы, которые в то же время кричат о так называемом разделе Польши, где мы получили только свое, между тем как Богемия была завоевана, разорена, опустошена австрийцами, лишена своей религии и всех лучших граждан и десять лет страдала ужасно. Таково, скажу мимоходом, немецкое невежество или пристрастие.

Моравия

Моравия следует примеру Богемии, и национальное движение там также велико, но влияние и соседство Вены ощутительнее.

Венгрия и словаки

Состояние словаков в Венгрии совершенно иное. Они стонают под игом венгерцев еще более, нежели от австрийцев. Австрийцы хотели прежде их онемечивать тихо, систематически, а венгерцы нападают теперь прямо, без околичностей, по-азиатски, и, зная, что словаки составляют лучшую и умнейшую часть народа, хотят их омадьярить во что бы то ни стало. Неистовству их нет никакой меры, и они не скрывают своих намерений, а печатают прямо, что словаки и другие венгерские славяне должны и могут существовать только как венгерцы. Австрийское правительство находится в нерешимости, что ему делать. Взять сторону венгерцев оно боится, чтоб не усилить их слишком словаками, ибо антиавстрийское направление у венгерцев открывается ежегодно сильнее. Взять сторону словаков оно боится еще более, чтоб не доставить вообще славянам сильной подмоги, тем более что словаки — родные братья чехам и моравлянам. Онемечивать же их оно не может по закону венгерской конституции. По сим причинам австрийское правительство беспрестанно колеблется, и брожение в Венгрии выходит из всяких пределов*. Венгерцы и словаки, с одной стороны, а с другой — венгерцы и сербы, то есть кроаты, славонцы и далматы, пышут злобою друг против друга, — а между ними по горячим углям переступают австрийцы и склоняются то на ту, то на другую сторону. Словаки отправили недавно депутацию в Вену с жалобой, что венгерцы стесняют их язык. «Прежде всего мы употребляли язык латинский, — говорили они, —

* Подтвердилось в высшей степени.

теперь венгерцы хотят употреблять язык свой, мадьярский; так и мы требуем своего, славянского». Меттерних и прочие сановники отвечали им, что требование их основательно, но официального ответа не последовало: «Боритесь сами, а правительство вмешиваться не должно». Венгерцы хотели еще соединить кальвинистов и лютеран с целью, чтобы словацкие лютеране подчинились венгерским кальвинистам, однако же не успели в своем намерении, в чем австрийцы должны были содействовать словакам.

Словаки очень бедны и с величайшим трудом могут содержать на свой счет училища и библиотеки. Усилия их действительно достойны всякого удивления. Между словаками особенно господствует идея панславизма. Как без всякого пособия со стороны правительства, при таких препятствиях, с такими врагами могут они держаться, образовываться более и более и увеличивать свою значительность!

Австрийские сербы

Кроаты, далматы, словенцы, занимающие южную и юго-западную часть Венгрии и отчасти Австрийской монархии, имеют более средств, и славянство там во всей силе. Последние выборы были вообще в пользу славянской партии, одержавшей блистательную победу, но известие об уничтожении имени иллиров в официальных бумагах и литературе показывает, что дела приняли противный оборот, о коем я теперь не могу ничего сказать положительного. Австрийцы слишком боятся за эту часть своих владений, с коей военная граница соединена, и потому, вероятно, взяли здесь сторону венгерцев. Часть иллирийцев исповедуют веру греческую, другая — римскую. Исповедников Греческой церкви принуждают насильственно присоединяться к унии, и эти меры подают повод к явлениям странным: один, например, далматинец был напоен и пьяный подписался под просьбою принять его в Римскую церковь. Проспавшись, на другой день он побежал с отречением. Оно не было принято. Он обратился

к начальству гражданскому и приводил в доказательство, что если он пьяный присоединился к Римской церкви, то трезвый кольми паче может возвратиться к своей. Но это не помогло. Захотел он жениться, но православный священник не смел его обвенчать, и он взял к себе жену без совершения таинства.

Правительство принуждено было дозволить, однако же, возвращение некоторых лиц к Православной церкви с условием, чтобы они ходили сорок дней к католическим священникам для получения наставлений и убеждений. Крестьяне походили несколько дней, но соскучились и объявили сим последним, что слушать их более не хотят, тем более что им надо убирать поля, и просили позволения прекратить свои посещения. Священники не согласились, и в наказание несчастные должны были еще сорок дней ходить для слушания, причем со злости они просто затыкали себе уши.

Глаголическая славянская письменность в Далмации почти совершенно уничтожена и введены латинские буквы.

Думают, что Копитарь в Риме занимается обширным планом, как обратить все славянское народонаселение Австрии к католичеству*.

Вообще о Венгрии

О венгерцах же скажу здесь вообще, что в дипломатии европейской, не исключая австрийской, господствует о них ложное понятие: ибо дипломаты знакомы более с бумагами, чем с людьми. Венгерцы заносчивы, но силы в них нет, по единогласному мнению знающих славян. Выдержите их порыв и потом берите их руками, как прочих азиатцев татаро-турецкого происхождения.

Галиция. Русины

Обстоятельства в нашей несчастной Галиции еще тяжелее. Словаки и иллиры находят еще хоть какое-нибудь спасе-

* Так говорили противники в минуту раздражения.

ние под покровом венгерской конституции, а русины в Галиции беззащитны и в отношении к полякам. Прибавлю еще то, что они для австрийцев ненавистнее даже всех прочих славян, потому что ближе всех к России по своему родству, вере, языку и истории. Каково же им жить, несчастным! Ненависть поляков подает австрийцам самые удобные средства и благовидные предлоги угнетать их и душить всякое национальное, то есть русское, движение в самом зародыше. Несмотря на то, оно есть и усиливается беспрестанно. Духовные, адвокаты, купцы сознают живее и живее свое русское происхождение и влекутся сердцем к России. Известие об уничтожении унии их обрадовало, и они готовы обратиться к нашему Православию, которое держалось у них, как известно, долее, чем даже у нас, и только недавно, в прошедшем столетии, уничтожено. «Скоро ли вы нас возьмете к себе?» — говорят они всякому русскому путешественнику. «Вот эту церковь обратим мы в Православный собор, — сказал мне один старец*, — когда вы придете к нам во Львов (Лемберг). Хоть бы вы променяли нас на Польшу! Ну, что вам в Польше? Там вас не любят, а мы вам преданы душой и телом».

Русины советуют выводить польский дух из возвращенных губерний, Волынской, Подольской и проч., скупая имения хоть понемногу от польских помещиков, что очень легко бывает на Киевских контрактах, возвышая и освещая Киев пребыванием Царской фамилии, привлекая туда русских капиталистов, которые могут легко и выгодно приобретать земли, обращая большее внимание на благосостояние крестьян, которые стонут там под игом польских помещиков, католиков и жидов. Австрийское правительство трепещет за Галицию и принимает строжайшие меры против патриотов. Многие духовные лишились мест своих, студенты выгнаны, граждане из среднего сословия отданы под строжайший присмотр. Известный почтенный адвокат просил позволения брать для прочтения Свод русских законов, подаренный нашим правительством публичной библиотеке: полиция отказала, несмотря на

* Зубрицкий.

поруки и залоги; адвокат* попросил ходить по крайней мере в библиотеку и читать там, обращался ко всем начальствам, ставил на вид, что галицкие помещики, имея часто поместья и дела в России, имеют и нужду в справках: ничто не помогло, и правительство дало ему официальный отказ, находя желание его несообразным с целью (nicht zweckmässig).

Замыслы австрийцев о Малороссии

Недавно получило оно <австрийское правительство. — *Прим. сост.*> темное понятие о том, что русское народонаселение Галиции, вместе со всею Малороссией, отличается от жителей Москвы и прочих северных губерний, и бросилось с жадностью на эту мысль, старается ее подтвердить, распространить в народе, нанимает ученых писать диссертации, надеясь посредством их охладить приверженность галичан к России. Виды его простираются слишком далеко, и оно намеревается содействовать разделению даже самой России и привлекать малороссиян к себе, — не говорю уже о польских помещиках, наводняющих Малороссию. С этою целью оно хочет устроить центр малороссийской литературы у себя и препоручить со значительными выгодами издавать по своим видам журнал на малороссийском языке в Вене латинскими буквами. Малороссийский журнал в Вене! Малороссийский журнал латинскими буквами! Вот как действует австрийское правительство.

Поляков австрийцы также боятся, хотя с другой стороны — как революционеров, и в последнее время открыт был значительный заговор, по которому схвачено столько лиц, что в тюрьмах недоставало места и наняты частные дома. Вероятно, существует какой-нибудь заговор, тайное общество в Познани, которое, если не действует прямо теперь, то приготовляет обстоятельства для будущего времени, имея отрасли во Франции и Германии.

Вот в каком затруднительном положении находится Австрия, и славянские политики еще решительнее, чем прежде,

* Он же.

утверждают теперь, что она слабеет час от часу и едва ли больше Турции заключает в себе внутренней самостоятельности. При первой войне, где бы то ни было, она может разорваться на части. В Наполеоново время этого не случилось, потому что славянское племя далеко было от настоящей зрелости и сознания. Имя и авторитет Меттерниха удерживает панически общее стремление, но смерть его явит многое народу.

В политике ее к прежним правилам: 1) о содержании in statu quo в Европе, ибо всякая война может вызвать происшествия, для нее опасные, 2) об угнетении славянского направления, которое называет оно русским, где можно и об уступках, где необходимо, и 3) к тесной дружбе с Англией присоединяется, 4) сближение с Германией, сближение, которое показывает, что австрийцы видят теперь яснее над собою славянскую тучу. Австрия хочет найти подкрепление себе в Германии в случае нужды: посему приготовляет общее мнение и множество статей помещает во всех германских газетах, в коих доказывает, что интересы Австрии тесно связаны с интересами Германии и суть одни и те же, что владение нижним Дунаем есть жизненный вопрос для Германии, которая погибнет, если там возобладают русские с их Sperrgesetze, и что славяне вместе с Россией так же опасны всей Германии вообще, как и Австрия в особенности.

Немцы, наоборот, в чаду своей кабинетной и школьной гордости, отвечают, что австрийцы должны прежде всего развивать у себя немецкое начало сообразно с требованиям времени, которое и дает им первое оружие для предстоящей борьбы.

О ненависти Австрии к России к сказанному мною в первом отчете прибавить ничего не имею: обнаруживается она теперь в особенности в содействии Римской церкви неистовствовать против уничтожения унии, в распространении между католическими славянами нелепых сочинений и статей о притеснении католичества в России, в восстановлении духовенства против нас. Далее, Австрия старается всеми силами питать ненависть поляков против нас в Галиции и при всяком случае ужасными красками изображает русское управление в

Царстве Польском, а русинов отвращает известиями о состоянии крестьян в Волыни, Подолии и проч. Для распространения слухов есть, кажется, особенные чиновники. Например, недавно австралийское правительство распустило слух, что Россия уведомила оное о замыслах Гая относительно Боснии и советовала Австрии взять его под особенный присмотр.

Отношение Пруссии к России

Перехожу к *Пруссии*. Славянское движение в прусских владениях развивается также очень сильно, даже в тех странах (что весьма примечательно), которые, казалось, совершенно были онемечены и позабыли как будто свое происхождение: в восточной и западной Пруссии, Силезии, верхней Лузации, к коей присоединить должно и Саксонскую. Не говорю о Познани, где это движение имеет совершенно другой характер, характер польский, и имеет связь с другими обстоятельствами. Пруссию славянские политики считают еще более, чем прежде, враждебной России. Для Австрии опасна Россия, а для России опасна Пруссия, имеющая больше силы, духа, образования.

В Пруссии надо различать королевскую фамилию, правительство и народ. Народ пышет злобою против нас, в чем я сам удостоверился и говорю не по одним слухам. Не вопли восточной и западной Пруссии тому причиною. Нет, злоба имеет источник глубже: в Пруссии дух мнимой свободы распространился по смерти короля до невероятности, и нынешний король многими своими неуместными речами, поступками и фразами дал к тому повод, так что теперь принужден прибегать к противоречиям и теряет популярность. Пруссаки считают русское правительство главным препятствием к осуществлению их планов и опорою короля в случае нужды. Вот почему они ненавидят Россию: офицеры, молодежь, студенты, бредят о войне с Россией и сочиняют уже стратегические планы, в газетах провозглашается беспрестанно вред от союза с Россией, печатают карикатуры и проч., журналы, особенно кенигсбергские и рейнские, согласно с прочими

немецкими, твердят беспрестанно о возвышении прусских поляков, о даровании им всяких прав, о покровительстве национальности. «Никакой жертвы пруссаки не должны ждать для того, чтоб восстановить Польшу против России» — вот что пишут в газетах.

Правительство ненавидит также

Правительство разделяет ненависть с народом, и учреждение славянских кафедр в университетах Бреславском и Берлинском отнюдь не имеет целью пользу науки, а противодействие России. Пруссаки хотят именно приготовить у себя людей, знающих славянские языки, людей, которые были бы в состоянии действовать литературно на славян и, в случае войны с Россией, могли бы быть употреблены на службу с пользою: это знаю я документально. Вот в каком расположении находится правительство к нам, так что на нашей стороне остается более или менее только королевская фамилия.

Вред для Польши от Пруссии

Прусское правительство, предоставляя на законном основании, по его мнению, столько свободы жителям Познани, требующим теперь даже особого войска и судопроизводства, раздражает более всех наших поляков против нас, питает их ненависть и вместе надежду на перемену судьбы. Кто знает характер польский, а характер в этом деле много значит, тот согласится со мною, что производят в Царстве Польском познанские обстоятельства. Теперь не естественно ли жителю Царства завидовать познанцу, который говорит и печатает все, что ему угодно.

Пруссаки, имея у себя Познань и Силезию, опасны для Царства Польского и могут простирать союзы в Галиции, Австрийской Силезии и даже Богемии и Моравии.

В отчете 1839 года я коснулся этого предмета, и предсказание мое сбывается. В газетах беспрестанно помещаются ста-

тьи в этом духе, а поляки в Познани прямо печатают, что Богемия должна соединиться с Польшей. Прусские публицисты и журналисты воспользовались с жаром этой мыслью.

Франция и Англия могут содействовать в этом случае Пруссии для представления оплота России, хотя имеют еще другую мысль, о которой я буду иметь честь представить ниже Вашему В. Пр.

Кстати, скажу здесь о восточной и западной Пруссии, где ненависть основана к нам не на отвлеченностях, а на интересах существенных. Эти провинции обедняли вследствие запретительной системы, но малейшее ослабление ее возбуждает неудовольствие в жителях Царства Польского. Так почему же сих последних не пустить в полемику с пруссаками в журналах, а мы были бы в стороне?

О системе вообще я судить не смею, не зная этого дела. Немецкие толки, по коим Россия не созрела еще для промышленной деятельности, как для свободы книгопечатания, очень смешны, — а вот обстоятельства, достойные внимания правительства: в Лейпциге уверяли меня, что есть целое устроенное общество, которое берет на свой страх товары для перевоза их через границу в Россию мимо таможен, и что все товары, проданные на последней ярмарке в Лейпциге польским жидам, были застрахованы таким образом. Слышно, что есть такое общество в Кенигсберге и Бродах.

Состояние Пруссии

Скажу теперь вообще несколько слов о Пруссии. Удивительное явление представляет она в наше время. Чего недостает ей? Правосудие, средства для просвещения, личная свобода, свобода книгопечатания слишком обширная, а она, недовольная, возмущается и не видит места успокоения! Я думал прежде, что так называемый дух времени не существует и что это есть выражение, придуманное учеными и поэтами. В нынешнее мое путешествие, как оно ни было кратковременно, я убедился совершенно, что дух времени есть и что

с ним бороться трудно. Сколько новых, неизвестных прежде отношений появилось теперь в Европе, что дипломатики и политики вскоре должны прийти в тупик на старых дорогах и в обветшалых колеях. Легко сражаться и принимать меры против врагов явных и знакомых, а теперь выходят на поприще и незнакомые, и невидимые. Узы религиозные, династические, узы предания, ослабли в Пруссии. Печать становится более дерзкой день от дня, министры и правительство подвергаются оскорблениям. Самое университетское учение приняло другое направление: молодое поколение, схватившись за Гегелевы результаты, растолковало их по-своему, пустилось зря в политику и изменяет самую жизнь. Вот почему я думаю, что учреждение кафедры философии в Московском Университете, по нынешним обстоятельствам, необходимо и послужит громовым отводом, если она достанется благонамеренному и дельному человеку. Студенты, занимаясь теперь философией без руководства, бросаясь также на результаты и не прилагая спасительного труда, могут избаловаться и развратиться умственно и нравственно. Конечно, это будет на короткое время, ибо рассудок русский крепче немецкого, но зачем рисковать, зачем допускать разврат и на короткое время? Огнем не шутят, а в наше время есть много огней разрушительнее ружейного и пушечного.

Германия, начиная с соседней с пруссаками Саксонии, разделяет ненависть ее к России, и Лейпцигские, Дрезденские и Рейнские газеты возбуждают самих пруссаков. Сочинение о Пентархии самым странным образом возбудило добрых немцев против нас: они обиделись, что какой-то их же брат фантазер рекомендовал им покровительство России, и зашумели, как будто бы это покровительство было нужно для России, желалось ею и вся система не была мечтательной и бесполезной. Газетным воплям их против России нет пределов, а понятия о ней немцы не имеют никакого. Толкуют о страсти к завоеваниям, об отвращении от всякого образования, о безнравственности низшего духовенства, о крестьянском рабстве, о жестокости с солдатами и крепостными людьми. «Надо привлекать

славян либеральными учреждениями», — советуют они тем правительствам, во владении коих славяне находятся.

Опасности Германии

Что касается состояния Германии, самой в себе, то мне кажется, что она накануне великих перемен, и монархическое правление там неминуемо изменится или прекратится в продолжение пятидесятилетия. Дело начнется с Голштинии, где ненависть к датчанам в полной силе, и, по пресечении династии в Дании, она непременно отделится и, вероятно, в республиканской форме.

(Не может ли Россия предъявить своих прав на Голштинию и получить ее, как герцог Кумберландский получил Ганновер?)

За Голштинией последует Ганновер после близкой смерти престарелого короля, у которого почти нет наследника. Пруссия метит на Ганновер, но жители не расположены к ней много. Всего вероятнее, что Ганновер также захочет республиканской формы, принадлежащей к духу времени. Мелкие владения Германии, герцогства, княжества и графства, кои устали, как говорят они, платить на содержание своих дворов, последуют их примеру.

* * *

Планы журналов

Мысль о каком-нибудь единстве Германии, республиканском или прусском, является беспрестанно в газетах, хотя без дальнейшего развития и определения: журналисты толкуют больше всего о Пруссии и раздувают там огонь в надежде, что если там он возгорится, то прочие государи по необходимости последуют ее примеру. Теперь обращается более всего внимания на организацию войска и устройство национальных гвардий. «Если мы внутри будем довольны и согласны, то и вне возбудим к себе уважение и будем в силах бороться с романскими и славянскими народами».

Цензура в Германии, как и в других государствах, действовать никак не может и совершенно обветшала: что запретится ныне в одном государстве, то завтра напечатается в другом — или в Швейцарии, Франции, Англии, а напечатанное разольется повсюду, как вода. Даже Австрия не может остановить привоза запрещенных книг, которых получает больше, чем позволенных.

Столько горючего и нового вещества в Европе, и какие благоприятные обстоятельства для России, которой предстоит открытое поле действовать на юге и востоке между славянами, — «…лишь только не принимай она, — говорят славянские политики, приверженные к нам, — непосредственного участия в прочих западных делах европейских и не трать своей силы на чужие дела».

Отношение Англии

В Англии я не был, но, кажется, можно, и не быв там лично, поверить и сказать, что ее ненависть к России не уступит австрийской и прусской, имея, впрочем, другой источник, другую причину: Восток, Азию. Англичане начали действовать между славянами и в прочих частях Австрийской империи: венгерцы, например, не скрывают даже своих сношений с ними и прямо говорят в газетах, что, в случае войны с Россией, они уверены в английской помощи. Англичане начинают уже с Польской революции смущать Швецию против России, и заметно их внимание к Остзейским губерниям.

Но беспокойство в Индии и неудовольствия с Китаем в Азии, гроза от Ирландии вместе с внутренним долгами, нищетою и упадком мануфактурного класса свяжут ей руки и помешают противодействовать России.

Франция

Остается сказать несколько слов о Франции. «Вот ваша союзница, союзница естественная, верная, полезная», — вос-

клицают в один голос славянские писатели. «В союзе с Францией Россия может управлять Европою и делать, что ей угодно. Столкновения у вас нет по положению, а выгоды общие!» Это начинают чувствовать и во Франции, которую я проехал, и является множество людей во всех классах, которые готовы защищать эту мысль и броситься с распростертыми объятьями к России. «Одно препятствие, — говорят славянские политики, — это отвращение вашего государя от нынешней династии, еще более — от французского духа. Но в этом случае будьте толерантны и смотрите на выгоды более существенные. Франция со своим духом будет действовать так на народы, ей единоплеменные, у которых, впрочем, тот же дух, народы романские, итальянцев, испанцев, португальцев, бельгийцев. Франция есть их представительница. А вы господствуйте на востоке Европы. Немцы, как стена, без всякой политической значительности, будут отделять Запад от Востока, а англичане поклонятся!» Это любимая мысль славянских политиков, и они уверены, что она рано или поздно исполнится. «Россия и Франция — ничто противостоять им не может. Лучше ладить и иметь дело с одним государством, чем с десятью, и ухищряться до усталости. Вы не согласны между собою в принципах, но они еще мешают одни другим, потому что у них по особенному поприщу, и негде им столкнуться. В семействе один сын может любить военную службу, а другой гражданскую, и разность во вкусах не уничтожает их любви. Главное в политике — польза, а союз с Францией полезен для России, так как союз России полезен для Франции. С Англией не может сойтись Франция и не сойдется никогда, несмотря ни на какие усилия, потому что всегда между ними *кость*, точно так, как Россия не сойдется с Англией, Австрия с Францией, имея яблоком между собой Италию. Одним словом, ни одно государство не может найти союзника надежнее для себя, как Россия и Франция. Этот союз мог состояться еще при императорах Наполеоне и Александре, но один был чрез меру благороден и беспристрастен, а другой слишком властолюбив и своенравен».

Мнение о Польше

Интересны мнения славянских политиков о Польше. Они рассуждают вот как:

«Должна ли Россия отделить от себя Польшу, не приносящую ей никакой пользы, кроме вреда, или оставить у себя?»

«Отделить ее в границах нельзя, потому что поляки по своему характеру не будут завтра же довольны тем, что дадут им ныне, и пойдут до Смоленска, если не сами, то возбуждаемые европейскими врагами России, кои всегда найдут там приют и содействие, и хлопот не оберешься. Следовательно, Россия должна ее оставить у себя, как необходимое зло. Как же управлять ею, оставляя у себя?!»

«Если меры короткие и национальные, согласные всего более с народным характером, в особенности, покровительство языку, литературе и истории, не удадутся, то надобно одним разом расселить шляхту по всему пространству России, то есть поступить, как поступил Иоанн Васильевич I с Новым городом».

Вот мнение славянских политиков, к нам приверженных, о политических обстоятельствах Европы, преимущественно в отношении к России.

Планы поставить против России новую Польшу

Между славянами ходит теперь также слух о двух обширных планах, принадлежащих преимущественно англичанам и французам, которые теперь не определились еще вполне, но уже в сильном ходу, и на которые Россия, по их мнению, не должна смотреть равнодушно.

Общее славянское движение обратило на себя внимание англичан и французов. Они начали посылать агентов, которые должны были заниматься славянскими странами и исследовать причину и цель движения. Болгария, Сербия,

Македония, Молдавия, Валахия всякий год имели у себя путешественников, которые увидели общую приверженность славян к России и поняли, какая опасность грозит Европе, если русский колосс, и без того могущественный и страшный, присоединит к себе еще тридцать миллионов славян, алчущих и жаждущих соединения. Естественно представились задачи, как прекратить зло, а остаться в прежнем положении славянам нельзя, то есть Австрия переменить свою систему и удовлетворить их не может, ибо с переменою системы *перестала* бы она быть Австрией. Турция еще менее. Что же делать? Удовлетворить славян независимо от Австрии, Турции и России, образовать из славян новое государство, которое стояло бы даже против России, как другая Польша.

Где же средоточие этого государства? На юго-востоке, во владениях Турецких. Политические агенты начали уже действовать исподволь, устрашать славян Россией и распространять мысль о самобытности и независимости, которая нашла уже многих приверженцев между всеми славянами. С этою целью *много сербов и даже болгар воспитывается* в Париже и Лейпциге. К счастью, что ни англичане, ни французы, точно так и австрийцы, никак не могут выучиться по-славянски и потому никак не могут действовать вполне.

Англичане и французы думают также о независимости Богемии или Венгрии, как новой Польши для России, может быть, и в соединении со старою. Этот план найдет, разумеется, прежде всего, сильное сопротивление Австрии. Немецкие газеты толкуют о необходимости покровительствовать славянам и привлекать к себе либеральными учреждениями в тех государствах, где они находятся, то есть Австрии и Пруссии, чтоб не допускать до сближения с Россией. Как бы ни были еще темны эти мысли, но наши друзья, знающие дело, советуют вообще обращать теперь преимущественное внимание на Сербию не только для того, чтобы противодействовать замыслам врагов, но и для того, чтоб иметь на всякий случай важную точку отправления и действовать на Австрию и Тур-

цию. На Турцию, чрез соседство с единоплеменной, единоверной и почти единоязычною Болгарией и Боснией, которые всегда могут восстать и доставить сколько угодно войска, продовольствия, — нечего говорить о местных сведениях. На Австрию, — потому что в Австрии с лишком три миллиона таких же сербов, живущих вплоть до Адриатического моря, где готовы подать нам руку черногорцы.

Требуется содействие образованию Сербии

Если русское правительство не имеет этого плана теперь, пусть оно действует посредственно на образование Сербии, Болгарии и проч. своими советами чрез Белградского, Ясского, и Бухарестского консулов, своими пособиями, примером и заступлением при Дворе Константинопольском. Надо устраивать училища, учреждать суды, обучать полки. На всякий случай, никогда не мешает иметь друзей где бы то ни было. По крайней мере, надо стараться, чтоб западный дух, французское и немецкое воспитание, Римская церковь не пускали там корней, а они пускают, хотя менее, чем в Греции, и показывается охлаждение к России.

Мнения о последней Сербской революции

О последней революции в Сербии вот собранные мною сведения: 1) сербы погрязли в интригах и имеют нужду в нравственном возрождении еще более, чем в политическом; 2) в партии Вучича и Петрониевича есть, впрочем, более людей благонамеренных и дельных, чем между приверженцами Обреновичей. Впрочем, сербам мудрено верить, потому что они часто меняют свои расположения, смотря по личным своим страстям; 3) Обреновичи, особенно Милош, теснее связаны с Австрией и более привержены ей, чем России; 4) между славянами было сначала более симпатии к партии Вучича и Петрониевича, чем к Обреновичам; 5) русское правительство действует в Сербии слишком мало, отвлеченно и обращает

мало внимания на новые обстоятельства, замыслы и действия англичан и французов.

Жалобы славян на Россию

Эта последняя жалоба относится и ко всем славянам вообще, между которыми замечается охлаждение повсюду. Друзья наши говорят, что мы осторожность свою простираем слишком далеко и подаем повод врагам действовать против себя, предлог обвинять нас в эгоизме, чем и судействуется исполнение их отдаленных планов. Несчастные страдальцы готовы принять руку помощи от кого бы то ни было, и от чужих, когда родные отказываются, тем более что чужие действуют ревностно и употребляют средства обольщения самые действительные, а родные не делают ничего и там, где могут, не нарушая даже приличия. В таком случае приверженность может обратиться в ненависть. Нельзя поручиться, чтоб это не произошло даже скоро при нынешнем быстром ходе дела, если Россия не начнет обнаруживать своего расположения к славянам, не будет подавать помощи, хотя тайной, незначительной, славянским корифеям, не примет под свое деятельное покровительство по крайней мере славянскую Православную церковь в Турции.

Мнения славян, приверженных к России

Если англичане и пруссаки могут учредить протестантское епископство в Иерусалиме, если папа посылает миссионеров пред лицом всей Европы, если католики действуют явно в Греции, то кто же может запретить России действовать в пользу своей родственной церкви в Болгарии, Боснии, Герцеговине, где она находится на крайней степени унижения и страдания, где священник на престоле подле чаши с кровью Господней кладет пару пистолетов? Не послушаются ли греки, угнетающие славянский язык в богослужении более, чем австрийцы и турки, одного слова Рос-

сии? А Россия не произносит этого слова, говорят славяне, и, следовательно, не думает о них, а еще менее об нас, которые стоим дальше и различнее по языку и исповеданию. Как же нам надеяться на нее и не лучше ли ждать спасения от Запада, чем от Востока?

Столько же необходимо, говорят приверженцы наши, и покровительство польской литературе. Наши враги стараются внушить теперь славянам, дорожащим более всего своей национальностью вследствие притеснения Австрии и Турции, что они не могут надеяться лучшей участи от России, судя по тому, как она мало заботится о национальности. Повторю мысль мою при отчете 1839 года: *национальности никакой уничтожить нельзя*, напротив, сила сия увеличивается по мере покушений против оной, и они, кроме вреда, ничего принести не могут.

В этом отчете я представил Вашему Высокопревосходительству обозрение, что можно сделать в пользу славянских партий и их представителей, следовательно, в пользу политическую для России на будущее время. Теперь могу сказать, что эту помощь считаю необходимой, если Россия не решилась оставить славян совершенно на произвол судьбы и европейских интересов. Я берусь доставить ее еще более тайно, нежели англичане доставляют порох черкесам или пруссаки — запрещенные книги полякам. Большую часть этой помощи можно даже делать и публично, от имени Российской академии и исторических обществ. Мы даем денег Сильвестру напечатать Реймское Евангелие в Париже, содействуем печатать русские древности в Копенгагене, какую же политическую неудобность имеет задача написать историю славянских государств или сочинить лексикон того или другого наречия, грамматику? Одним словом, — литературное публичное пособие не может произвести никакого волнения в европейских кабинетах. И о какой сумме идет здесь речь? От 10 до 25 тысяч ежегодно для всего славянского мира. Это такая безделица, которую частные люди могли бы пожертвовать, если бы у нас было более общего образования.

«Россия действовала очень бескорыстно, начиная с 1812 года, — говорят славяне, — но кто же верит ее умеренности, кто благодарит ее? Решительно никто. Какую же пользу приносит это умеренность, а между нами вы теряете?»

Обращу внимание Вашего Высокопревосходительства вот еще на что: между молодыми нашими людьми, особенно университетскими, распространяется расположение к славянам, и они начинают в путешествиях своих заезжать в славянские страны. Растолковать им всем, как они должны вести себя там, нет возможности, и они очень легко могут из любопытства пуститься в разговор со славянами об их состоянии, между которыми также немного скромных, благоразумных и умеренных Шафариков. Австрийские шпионы видят везде интриги, смущаются, сердятся. Следовательно, лучше действовать прямо и гласно и показывать в своих сочинениях и статьях (которые необходимы, ибо молчание наше слишком подозрительно), что мы по обязанности принимаем только ученое участие в славянах, а там что Бог дает, то и будет.

(Здесь следовали страницы три об отношении Православия к католикам и протестантам, кои у меня затерялись.)

В заключение, представляя на вид Вашему Высокопревосходительству мои замечания, долгом поставляю прибавить, что главным источником моим были беседы со славянскими корифеями и потом расспросы знающих людей, коих случилось мне встретить на водах, мимоездом, в гостиницах, за общими столами, в газетах. Я не имел нигде возможности оставаться долго, углубляться в исследования. Может быть, в них немного дельного и нового и я мог бы представить в этом роде что-либо более основательное, если бы имел к тому время и средства. Почту себя счастливым, если хотя что-нибудь обратит на себя благосклонное внимание Вашего Высокопревосходительства и удостоится представления Государю Императору, как то было с отчетом 1839 года.

Это письмо осталось в министерстве по слишком резкому несогласию с общим мнением.

Окружное послание к славянам

1862 года, марта 25, в день Благовещения

Славяне намерены праздновать тысячелетие своей грамотности, своего христианского просвещения в нынешнем 1862-м или следующем, 63-м году, 11 мая, в день, посвященный памяти их первоучителей св. Кирилла и Мефодия.

Мысль животворная! Западные европейские народы считают эрою основание своих государств острием меча. Мы, восточные, должны начинать нашу историю именно с апостольской деятельности бессмертных братьев, изобретших нашу азбуку, извовестивших нам Слово Божие на родном языке, между тем как прочие осуждены были долго слышаще его не слыхать и видяще не разуметь.

Где же справить нам наш славный праздник?

В *Царьграде*? В Царьграде правда апостолы наши получили свое образование; из Царьграда пошли они на святую проповедь, приобрев все нужные для того средства и пособия. Но, увы! град Константинов давно уж томится под властью турок, над Святой Софией высится полумесяц, и язык Кирилла и Мефодия преследуется греческими патриархами гораздо жесточе римских пап во время оно.

В *Болгарии,* с которой началось благовестие, для которой переведены первоначально священные книги? Нет, там не посмеем мы и ударить в колокол, чтобы созвать православных христиан на молитву.

В *Москве?* В Москве, приявшей священное наследие, хранящей искони и чтящей древнее слово во всей чистоте его, считавшей всегда много искренних ревнителей славянского дела? Нет, вся Европа всполошится за свое равновесие и припишет церковному, народному, ученому торжеству политический характер; все посланники и дипломаты прозреют здесь с трепетом панславянские замыслы и в смиренных паломниках заподозрят опасных революционеров, угрожающих обществу

нарушением спокойствия. Нет, в Москве нельзя быть торжеству еще менее, чем в Константинополе.

Так в *Брюнне* (Брно), где св. Мефодий, незадолго пред кончиной, святил церковь: где покоится прах Добровского, третьего изобретателя славянской грамоты?

Или в *Праге*, где учил св. Прокопий, где в XI еще веке процветал его православный монастырь, где гуситы напомнили народу первоначальное учение?

Или в *Кракове,* древней столице Польши, в *Варшаве,* новой ее столице?

Но там везде раздается латинский язык, совершается богослужение по римскому обряду! Как может быть славянское собрание в честь св. Кирилла и Мефодия без совершения литургии, ими переведенной, на их языке, их собственными словами, теми словами, кои, за тысячу лет ими произнесенные, сохраняются у нас в целости и неприкосновенности, как будто в это мгновение излетели из их уст? Разве мыслима латинская мша в честь св. Кирилла и Мефодия? Не будет ли она ругательством над их памятью вместо воздания ей подобающей чести? Нет, торжеству следует совершиться там, где есть Православная церковь.

В *Вене*? В Вене оно может быть разогнано пушками, как славянский съезд 1818 года, или окружится, с одной стороны, противною спирою, оскверняющею всякое благочестивое чувство, с другой — названными дилетантами, которые захотят выразить при этом случае свою ненависть к настоящему порядку вещей.

В *Берлине?* Нет, там все население питает враждебные чувства к славянам, там воздух носится антиславянский; там собрание может подвергнуться публичным насмешкам и оскорблениям, подать повод к прискорбным столкновениям.

Неужели же в *Париже,* под покровительством Наполеона III, или в *Лондоне,* под охраной Английской конституции? Избави Господи! Это первые друзья турок.

Бедные славяне! Вас чуть ли не сто миллионов; пол-Европы занимаете вы даже теперь под своим поселением, а

прежде рассыпаны были везде, по всему ее пространству, до крайних пределов; но сынам вашим, смиренным, безоружным, слабым поклонникам, негде преклонить голову! Нет места во всем раздольном Божьем мире, где бы они могли помолиться спокойно, свободно, не оглядываясь, не стесняясь, не тревожась!

Уж не уйти ли им в пустыню и воспеть там жалобную песнь Давидову:

«На реках Вивилонских тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона... прилипни язык... гортани»... А кстати, псалом этот имеет грозное окончание: «Помяни, Господи, сыны Едомские, в день Иерусалима глагоголющие: «истощайте, истощайте, до оснований его. Дщи Вавилоня окаянная! блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое блажен, иже иметъ и разбиетъ младенцы твоя о камень». Кто же это сыны Едомские? Кто же дщи Вавилоня?

Да, отчаянное положение славян в Европе! Здесь угнетается их вера, и они принуждены искать себе покровительство у Магомета или у папы. Там вместо пастырей насылаются на них волки в одежде овчей, из которых иные не пасти, а грабить только, сосать их кровь способны. Здесь вырывается у них язык, и они принуждены в судорогах извлекать из своей груди чужие, противные звуки. Там они должны кланяться исконным врагам Христова имени и подвергаться их беззаконному суду без прекословия. Дети осуждены на невежество, без малейших средств для образования; жены и дочери подвергаются беспрерывным поруганиям, имущество — добыча первого разбойника. На земле их пируют пришлые, незваные гости и смеются в глаза над их унижением, заставляя их служить и жертвовать сборному отечеству (gresammtes Vaterland).

Господи! Неужели все это должно быть так? Неужели славянам нет никакой надежды на спасение?

Лицо Европы обновляется. Народы уразумевают свои нужды и стремятся к улучшению своего быта. Италия приобрела почти себе свободу и избавляется из-под чужого влияния. Разделенная Германия ищет средства соединиться

и предъявляет торжественно свои желания. Валахия и Молдавия составляют уже одно целое. Жители Ионических островов провозглашают слияние с Греческим королевством. Евреи получают себе везде права. Северные Американские Штаты воюют во имя освобождения негров от рабства, негров, черных детей Хамовых. Что же? Только славяне должны оставаться вечно в одном страдательном своем положении, пресловутом statu quo? Нет, это противно всем понятиям о справедливости Божеской и человеческой!

В Европе образуется новая держава без центра и пределов, без бюрократии и дипломатии, без палат и министров. Это — общественное мнение, которому начинают мало-помалу подчиняться самые сильные и умные мира сего.

К нему, к нему должны обратиться славяне. Других средств теперь не предвидится. Никто за них заступиться не может, не хочет или не умеет. Везде слышатся одни клеветы, напраслины, корыстные, лживые показания.

«Друзи мои и искреннии мои прямо мне приближишася... и ищущие душу мою, ищущие злая мне, глаголаху суетная, и льстивым весь день поучахуся».

Кавура негде взять славянам, Гарибальди и настоящему нечего делать пока на острове Капрере; надо искать хоть Петра пустынника! Пусть, одетый во вретища, препоясанный ремнем, обойдет он Европу босыми ногами и поведает всем добрым людям их несчастную судьбу; докажет очевидно, что бедствия славян далеко превосходят, нейдут даже в сравнение с обстоятельствами итальянцев, немцев, греков, венгров, ирландцев, возбуждающих благородное участие во всех чистых сердцах; пусть провозгласит он торжественно от их имени, что терпение истощилось и что тяжелого креста своего они не могут нести долее...

Славяне в настоящую минуту не питают никаких лишних желаний, не думают сбрасывать с себя чуждое иго, готовы служить каждому своему правительству, не ищут своей собственности, владей ею кому она досталась, вследствие исторических событий; *но оставьте по крайней мере их веру,*

оставьте им их *язык,* не считайте их илотами на собственной земле, не отнимайте у них того, что случится им приобрести в поте лица трудами рук своих; дайте им средства учиться и сделаться достойными европейскими гражданами на общих правах со всеми.

Не законны ли эти желания? Что в них есть чрезмерного и неудобоисполнимого, или опасного?

Помилуйте — славяне ведь белые, ведь они христиане, ведь они древнейшие европейские старожилы и принадлежат вместе с вами к потомству Иафетову? Вспомните, сколько великих услуг оказали они всем вам, принимая на себя удары грозных азиатских варваров даже до нового времени, до спасения Вены, Вены, которая воздает им такой чувствительной благодарностью.

Дело славян чисто, праведно и свято. Европа должна принять его к сердцу, должна внять их горестным воплям и подать им помощь действительную, а не отвлеченную, не поминальную, как то сделано в Парижском трактате 1856 года, где она думала только об уничижении России, а не об облегчении славян, за которых заступалась Россия, естественная, историческая их союзница, защитница и покровительница.

Но славяне должны быть согласны между собой — к ним обращаем мы теперь простую речь свою. Вот важнейшее, главное условие успеха.

А могут ли они похвалиться своим согласием? В каком разнообразном сонме, например, явятся они на светлый свой праздник? Что ответят католики, протестанты, кальвинисты, униаты, магометане на вопрос: как сохранили они священную заповедь своих бессмертных наставников, отдавших всю жизнь на их просвещение?

Они сошлются на какую-то роковую историческую необходимость, разметавшую мирное племя по неизмеримым пространствам, подвергнувшую его пагубному влиянию хищных, лукавых, вероломных соседей; но нельзя отрицать, что собственные их раздоры содействовали больше всего этому пагубному влиянию.

Междоусобия лишили славян и политической независимости: Болгария, Сербия, Босния, Моравия, Польша, Кроация, Паннония, Славония, Далмация, Стирия, Каринтия — из сильных государств упали на степень подчиненных провинций.

Да и теперь, стеная под игом, разве выучились славяне этой, все еще непостижимой для них науке согласия, науке взаимных уступок? Разве умеют они пользоваться вековыми тяжелыми опытами?

Нет, нет и нет! Поляки ненавидят русских, чехи не ладят с моравянами, кроаты ревнуют сербам, босняки чуждаются болгар.

И вот, оплакивая это несчастное расположение, осмеливаемся мы, русские, меньшие и младшие из братьев, сохраненные судьбою в политическом отношении, обратиться к старшим братьям со словом мира и любви, в день нашего общего праздника, празднуя тысячелетие славянской литургии и грамотности, с которым, по удивительному стечению обстоятельств, сходится Всероссийское тысячелетие.

Пора, пора нам, откинув природную лень, беспечность и равнодушие, пора нам понять свое положение, одушевиться одной мыслью, устремиться к одной цели и собрать все свои силы для ее достижения.

У нас у всех есть благонадежная точка соединения: это — язык, прошедший цело и невредимо чрез все испытания, чрез все пожары и наводнения, чрез все войны и нашествия, несмотря на все эти козни, ухищрения и сатанинские усилия врагов достигший высокой степени совершенства по всем почти наречиям в творениях великих писателей. Язык — это наше сокровище, наша крепость, наша честь и слава, опора нашей национальности, якорь нашего спасения, залог наших успехов. |

При начале славянской истории по какому-то таинственному предопределению одним и тем же рукам досталось рассыпать одни и те же семена по всем странам славянским. О, если бы теперь исполняющемуся тысячелетию, о если бы теперь за литургией св. Кирилла и Мефодия, услыша их вещие звуки, встрепенулось одинаково сердце у всех враждующих между собою разномыслящих братьев!

О, если бы возродились они в едином и любовном чувстве и сознали себя единым родственным семейством, единым народом!

Вот была бы достойная награда нашим бессмертным учителям, вот на чтоб они откликнулись, кажется, с высокого неба и ниспослали бы нам долу отеческое благословение!

Вот было бы вместе и сладчайшее утешение, лучшее выражение нашей признательности к трудам, усилиям и заботам милых, дорогих покойников, которых мы в последнее время, одного за другим, отнесли в могилу — Шафарика, Ганку, Зубрицкого, Коляра, Мицкевича, Сметану, Челаковского, Аксаковых, Киреевских, Хомякова, — вслед за Милутиновичем, Юнгманом, Линде, Венелиным, Иннокентием, Прешлем, Дубровским. Увы! никто из них, умирая, не мог воскликнуть с Симеоном: «Ныне отпущаеши, Владыко, раба Твоего по глаголу Твоему с миром, яко видеша очи мои спасение Израиля!» Увы! все они скончались в душевных муках, не видя единого луча надежды, истекая кровью, точившеюся из сердца.

Помолимся же, братия, в этот приснопамятный для нас день, молитвами святых Кирилла и Мефодия, все вместе, без различия вероисповеданий, позабыв наследственную ненависть и злобу, прощая друг другу и враг врагу; помолимся едиными устны и единым сердцем Милосердному Богу, *да не до конца Он прогневается, ниже во век враждует:* помолимся, да снизойдет к нам мир, — и будет едино стадо и един Пастырь!

Лекция о славянах

Читанная в Этнографическом обществе, апреля 4-го дня, 1867 года

Этнографическому обществу, учрежденному при Московском Университете, угодно было предложить мне участие в его ученых беседах. Я избрал себе предметом Польский вопрос, в каком виде он мне представился в последнее время после того, как мне случилось останавливаться в Вильне и

Варшаве по нескольку дней, говорить со многими людьми разных сторон, со многими действующими и действовавшими лицами, увидеть места главных событий, всмотреться в физиогномию народа, общества, земли, городов. Но на прошедшей неделе, познакомясь с приготовлениями к выставке, я увидел в ней такой богатый, разнообразный и многочисленный славянский отдел, что решился переменить свой план и посвятить чтение преимущественно славянам и разделению их на племена, имея целью приготовить несколько, научным образом, московскую публику к важному, знаменательному, радостному и, смею сказать, необыкновенному зрелищу, которое ее ожидает. Как вдруг, в воскресенье вечером, получаю я извещение, что чтение мое приходится на 4 апреля, в приснопамятный для всей России день, который университет желает ознаменовать особым торжеством, и поутру и ввечеру, о чем и сочтено нужным меня предупредить.

Следовательно, я должен был в речи, сообразно со всеми этими обстоятельствами, совокупить рассуждение о славянах вообще и о поляках в особенности, сказать несколько слов относительно ожидаемых славянских гостей и наконец воздать честь приснопамятному дню*.

---

* «Мы не налагаем на вас никакой обязанности, — сказал мне старый товарищ-профессор, взявший приступом дверь моей рабочей комнаты, — вы прочтите, что и как вам приготовлено». — «Очень благодарен вам, мм. гг., за вашу любезную снисходительность, — отвечал я, — но судите сами, не странно ли будет слушателям от ученого, всегда с лигатурою скуки, рассуждения, из-под темных сводов науки и критики, перенестись в приготовленный вами мир торжественных огней и торжественных звуков. Ведь вы осуждаете меня на роль Chevalier de la triste figure». — «Как вам угодно, откладывать лекции нельзя и не праздновать великого дня было бы с вашей стороны преступлением. Наш долг только известить вас об этих обстоятельствах».

Можно себе представить, в какое я был приведен смущение, а вечер все-таки я должен был, накануне выхода газеты, употребить на другое дело. Ложась спать, далеко за полночь, я мог ободрять себя только пословицей: утро вечера мудренее. Сочиняли же наши старые стихотворцы стихи на заданные рифмы: мне должно приложить это требование к ученой прозе.

Я сел за работу и кончил на другой день к ночи, а в извинение себе могу напомнить разве старую русскую повариху, которая говорила: за вкус не берусь, а горяченько состряпала.

Предметы слишком важны, и соединение их представилось мне сопряженным с такими затруднениями, что я не осмелился довериться своему слову, а решился лучше написать краткое общедоступное рассуждение на данные мне обстоятельствами темы.

Прошу извинения у моих слушателей, которые, по изложенному ходу дела, видят, что я имел в своем расположении только один понедельник и несколько часов вторника, и то с неизбежными перерывами.

Может быть, я ошибаюсь в нескольких показаниях, писавши на память, но смею надеяться, что ошибки не могут быть значительными.

* * *

Самое многочисленное племя на всем свете есть славянское, которое заключает в себе около ста миллионов, а всех людей на земле считается тысяча миллионов. Мы, славяне, следовательно, составляем десятую часть всего человеческого рода, живущего в Европе, Азии, Африке, Америке и Австралии.

Одна численность славян, превышающая все прочие народы европейские, и немцев, и французов, и англичан, и итальянцев, указывает на древность этого народа: чтоб народиться ему до такой степени, должно было протечь соответственному периоду времени. И за тысячу лет до нашего времени, в VI веке по Р. Х., писатели греческие и римские, знакомые только с немногими соседними племенами славянскими, свидетельствуют единогласно об их многочисленности или, лучше сказать, бесчисленности.

Второе доказательство их древности — в пространстве, ими занимаемом. Никакой народ не распространился так далеко: вся восточная половина Европы, значительная часть Южной и отчасти Северной Азии заняты ими: Россия, Польша, Силезия, часть Пруссии, Богемия, Венгрия, Моравия, Болгария, Галиция, Трансильвания, Македония, Кроация, Далмация, Босния. От Камчатки до пределов Неаполи-

танского королевства и Папской области можно проехать славянскими селениями, миновав только несколько городов, похищенных немцами. Составляя десятую часть всего народонаселения, они вместе занимают и более десятой части земного шара.

За тысячу, за тысячу двести лет они занимали еще более пространства, кроме исчисленных нами земель, они заселяли всю Пруссию, то есть Восточную и Западную Пруссию, Померанию, Бранденбургию, Саксонию, Силезию, Мекленбургские герцогства, Голштинию, часть Германии, собственно называемую Австрию, Грецию и отчасти Малую Азию, где собственные имена мест остались следами и доказательствами их пребывания.

Заметим, что славяне народ земледельческий, сидячий, тихий, миролюбивый, не ведший войн наступательных, а разве оборонительные. Они могли, следовательно, распространяться только вследствие естественного размножения, а не насильственного, как народы воинственные, например древние немцы.

Третье доказательство заключается *в языке*.

Язык, имеющий свое особое устройство, разделяющийся на множество наречий, не показывающий никаких механически составившихся частей от иных языков, известных истории со времен Иродота, язык самобытный, — должен принадлежать к глубокой древности и доказывает свою самобытность и древность народа.

Самые наречия развились самостоятельно, имеют свои литературы и образуют почти особые языки. Процесс такого развития наречий требует слишком много времени: за тысячу лет до нашего времени наречия славянские находились уже на значительной степени развития, и в церковном его наречии, кому бы оно ни принадлежало, нашлись выражения для всего Священного Писания.

Оставляя многие другие доказательства, упомяну только о том, что в первых памятниках европейской литературы мы находим, преимущественно около Карпат, родины славян,

чистые славянские имена мест, кои оставались за ними очень долго — в некоторых даже до нашего времени.

О нравственных свойствах древних славянских племен представлю заключение Шафарика:

«Славяне искони имели постоянные жилища и занимались земледелием, живя в самых удобных для землепашества странах, равнинах Днепра и Вислы.

Народ, преданный земледелию, не мог долго оставаться без разных удобств жизни, изобретений, ремесел и торговли, которых следы действительно и находятся у славян.

Сему содействовало также и разделение их на малые общества, устройство жилищ хуторами.

О характере их Прокопий говорит, что они были откровенны, просты, не злы, не льстивы, а император Маврикий свидетельствует, что они были ласковы к иноземцам, заботились об их безопасности и провожали с места на место, куда тем было нужно.

Из пороков их те же летописцы указывают на два главных; первый, замеченный уже императором Маврикием в конце VI века, состоит в том, что славяне находятся в беспрестанном между собою несогласии. Будучи разделены на бесчисленно малые общины, они проводили жизнь свою беспечно, не заботясь о настоящем и будущем, и никогда не могли возвыситься до соглашения личных выгод и страстей для собственного блага и противодействия преобладанию чужеземцев».

«Другой недостаток, проистекающий от чрезвычайной живости их ума или лучше от излишнего внимания к внешним достоинствам и какой-то легкомысленной переимчивости, которая не позволяет им остановиться на том, что наиболее нужно, состоит, одним словом, в необыкновенной любви к иностранному, к коему искони стремилось сердце славянское: все чужое всегда казалось им лучше своего родного; чужой язык и образ жизни были приятнее, чем свой отечественный. Еще Тацит замечает о винедах, что они нравы свои смешали с сарматскими обычаями. Отсюда произошло, что славяне, народ великий, многолюдный и обширный, в глубо-

кой древности был в подданстве и неволе у кельтов, гуннов, аваров, козар, болгар и других. Пересорясь между собой, они лучшим считали призывать себе властителей и насильников из чужбины, от варяг, болгар, франков, проч., нежели, примирясь, покориться один другому. Славяне слишком поплатились за свою взаимную нетерпимость».

Не теми ли же качествами, в хорошую и дурную сторону, отличаются славяне и в наше время?

Сказав о древности, мы должны обратиться к вопросу о времени поселения их в Европе.

Мы видим, что в VI веке по Р. Х. они занимали пространство еще более нынешнего, — ясно, что они принадлежат к древнейшим обитателям Европы, пришедшим еще в предысторическое время. Шафарик, знаменитый основатель науки о славянских древностях, говорит, что они пришли вслед за греками, римлянами, кельтами, немцами, литовцами, которых, следовательно, моложе в Европе. Смею не согласиться с великим учителем. Не говоря о том, что они до сих пор занимают всю середину Европы, простираясь до пределов Италии, следы их встречаются во всех углах Европы: Коляр, другой великий славянин-учитель и поэт нашего времени, находит их в Италии, Хомяков видел их в Англии, Фальмерайер отдает им Пелопоннес. В Вандее и Бретании, точно как и в Венеции, нельзя не быть поражену многими собственными именами чисто славянскими. В Швейцарии, около Рейна, слышатся глухие отзвуки. Европейские критики, даже славянские — сам Шафарик, — приписывали рассуждение поименованных исследователей их излишней ревности. По моему мнению, они виноваты только в преувеличении, в злоупотреблении некоторого рода своих находок, но из них можно и должно, кажется, извлечь положительные заключения для науки.

Какие же? Вот какие: славяне пришли в Европу прежде названных племен (исключая только те, вновь открываемые неизвестные племена, которым принадлежат свайные постройки) и легли повсюду первым пластом европейского насе-

ления или, по крайней мере, одним из первых. Другие народы, за ними следовавшие, налегли на них массою в западной части Европы, где, вероятно, было их гораздо меньше в сравнении со среднею частью, и заглушили совершенно их побеги, образовали над ними новый пласт, новый слой, на который после легли новейшие, и из-под них, из-под всех, стали кое-где ныне показываться для зорких глаз первоначальные основы.

На исторической памяти онемечился остров Рюген, некогда святилище религии славян, онемечилась вся северная Пруссия и Силезия, отуречилась часть сербов и болгар, объитальянилось значительное прибрежье Средиземного моря. Так, верно, в глубокой древности малочисленные по краям селения славян подчинились нашедшим многочисленным кельтическим, немецким и прочим племенам. Средняя же Европа, гуще ими первоначально населенная, осталась за ними, даже до нашего времени, кроме оконечностей, где славяне, как мы сказали, онемечились, огречились, отуречились.

Любопытный вопрос науки относится к их пути: каким путем шли славяне в Европу из Индии, колыбели человеческого рода (с которой они много до сих пор представляют сродства и в языке, и в некоторых других отношениях, даже более, чем другие европейские народы), — чрез Кавказ, или из Малой Азии, или с Урала, нашими Новороссийскими степями, по пути венгерцев, болгар, половцев и монголов?

Рассуждать об этих путях нам недостало бы теперь времени, и мы скажем только, что, придя в Европу, славяне долго не могли усесться на место и бродили из стороны в сторону, ища себе места, где бы жить им было лучше, как рыбы ищут, где бы плавать было глубже. Они ходили отрядами, так сказать, более или менее многочисленными, в разные времена останавливались и пропускали около себя единоплеменников, и вот к VI столетию, когда в первый раз послышалось имя славян в общем значении, весь этот многолюдный народ представил собою перетасованную колоду карт: члены одного и того же племени, как карты одной и той же масти, являются в страшных расстояниях одни от других.

Словене, или новгородцы, на Ильмене, и в Словении, близ Адриатического моря.

Хорваты в Галиции, в Исполинских горах, по Эльбе, в Штирии и Иллирии.

Дреговичи меду Припетью и Западной Двиной — и в Болгарии, в Германии.

Дулебы по Бугу и в Чехии, Паннонии.

Древляне в Волыни и по Эльбе.

Северяне по Десне, Семи, Суле и в Польше, по Дунаю*.

Поселенцы в разных местностях подчиняются тотчас всяким влияниям — земли, климата, соседей, разных обстоятельств и составляют особые племена, а язык их разделяется на особые наречия.

В IX столетии все племена славянские обособились, приняли Христианскую веру, первоначально из одного источника — от святых апостолов Кирилла и Мефодия (вот наши первые и, увы, пока последние панслависты) — и составили государства: Моравское, Кроатское, Чешское, Сербское, Болгарское, Польское, Русское… Начинаются войны — борьба вещественная и нравственная — с соседями, питавшими искони непримиримую к ним ненависть, — немцами, итальянцами, греками, мадьярами, наконец турками.

В истории каждого славянского государства были блистательные эпохи, как будто по очереди. Сильно было царство Сама на западном краю славянского населения; царство Святополка в Моравии; прославились болгары при царях своих Симеоне и Борисе, сербы при Стефане Душане, Неманичах. На высокую степень выходили чехи при Перемышле Оттокаре, Карле IV, Гусе и Иерониме Пражском и наконец Польша заняла славные страницы в летописях европейских народов при Пястах, Ягеллонах, при Стефане Батории, Иване Собесском. Но все они, согласно приведенным выше замечаниям греческого императора Маврикия, действовали отдельно друг от друга,

* Русины в Карпатских горах не есть ли ариергард великорусского племени, оставшийся там при движении славян от Дуная к северо-востоку? — *Поздн. примеч.*

не хотели знать никого, кроме себя, — и потеряли свою независимость; подчинились, одно за другим, своим врагам. Пала Кроация, Славония, Далмация, Моравия, пала Сербия, Болгария, пали чехи и, наконец, последняя, самая блистательная и могущественная — Польша.

Устояло одно государство, самое младшее, — возвысилась и усилилась Россия, о которой после.

* * *

Обозрим теперь славянские племена в настоящем их положении.

Все они, по учению отца нашего Добровского, преемника св. Кирилла и Мефодия, разделяются на два отделения: восточное и западное. К восточному принадлежат: русские, сербы и болгары, кроаты, лужичане и проч.

К западному принадлежат: поляки, чехи, моравляне, словенцы, словаки и проч.

По этому разделению сербы, болгары суть нам братья родные, а поляки, чехи, моравляне — двоюродные.

По числу представляются они в следующей пропорции:

русских. . . . . за 70 млн.
поляков. . . . . до 10 —
сербов. . . . . — 10 —
чехов. . . . . — 8 —
болгар. . . . . — 6 —

Не считая мелких племен.

Одно сравнение чисел заставляет невольно задумываться, наводит на мысли…

Каждое из названных племен имеет свои подразделения: так русские разделяются по отменам наречия на великороссиян, малороссов и белорусцев.

Белорусцев считается до 3 млн.

Малороссиян с Галицией и русской Венгрией считается 12 млн.

Великороссиян — 50 млн.

Великороссияне составляют половину всего славянства, а с малороссиянами и белорусцами — три четверти (75 + 25=100 млн).

Я употребляю везде круглые числа.

Теперь поговорим о сознании единства между славянами.

Эта мысль зародилась, как бы вы думали, мм. гг., где?

В глубине грамматики церковного языка, употребляемого в нашем богослужении, языка святых Кирилла и Мефодия*.

Славный Добровский, жизнью немцев, сделался, сам не сознавая того, отцом политического движения, которое обняло теперь все славянские племена, одно за другим.

Ближайшими приемниками Добровского были Шафарик как историк, Коляр как поэт. Один говорил уму своих единоплеменников, другой — воображению**. К ним присоединить должно Юнгмана, как сочинителя славного Чешского словаря***.

И как недавно это случилось!

В 1835 году я имел счастье быть в Праге: позвольте привести здесь некоторые личные мои воспоминания, связанные с общим делом.

Тогда только что зарождалась славянская мысль, Добровский незадолго пред тем скончался. Юнгман оканчивал еще Чешский словарь. Шафарик обрабатывал свои древности и показывал мне свою рукопись, о чем упоминает он и в предисловии. Челаковский был в цвете сил. Ганка уже был ревностным чтителем России; приезжал в Прагу и Коляр, тогда же издавший свою поэму «Дщерь Славы» (Slavu Dcera), и мы вместе, как теперь помню, стоя пред Грачинской горой (ввиду дворцовых окон, из которых выскочили Мартинец и Словата и подали тем повод к началу войны 30-летней), тол-

* Она переведена мною вместе с Шевыревым и напечатана в 1833 году.

** Коляр написал еще книжку лирическую о взаимности между славянами, которую я начал переводить по возвращении из-за границы в 1839 году, а кончил тогдашний мой слушатель Ю. Ф. Самарин. Ее надо бы перепечатать.

*** Надо бы привести в ясность отношение польского словаря Линде к чешскому Юнгмана.

ковали о славянстве, любовались Прагой и выражали свои pia desideria*, потом отправились в собор, клянясь гробницам св. Войтеха, Карла IV и проч. (Тогда-то каноник Пешина отделил мне частицу от руки св. Кирилла, которой писал славянскую литургию**.)

Мысль долго не прививалась, не проникала в массы как у нас, так и у прочих славян, оставаясь только в груди немногих деятелей, основателей, которые должны были переносить все возможные огорчения, в одних местах, как у нас, насмешки, в других — притеснения… Между тем шли, шли годы… И все основатели, один за другим, снизошли в могилу. Изнемог в борьбе Коляр, который писал ко мне в 1839 году, что венгерцы угрожают его убить, и просил сыскать убежище в России. Я отнесся тотчас министру просвещения Уварову об устройстве ему положения, получил благоприятный ответ, но Коляр передумал и отвечал решительно на мои убеждения, что предпочитает умереть в отечестве, продолжая делать свое дело, ободрять и назидать соотечественников. Шафарик, другой великий деятель, угнетаемый подозрениями австрийского правительства, после великих трудов своих, впал под конец жизни в ипохондрию, почти помешался, и поручал А. И. Кошелеву (которого здесь вижу) сказать мне, чтоб я прекратил даже ученую с ним переписку. Он бросился было в Молдаву и вскоре умер. За ним последовал и наш верный, смелый Ганка. Патриарх Иосиф Раячич, у которого жил я долго в Карловце в 1842 году на берегу Дуная, обозревая Фрушку гору за первопечатными славянскими книгами, скончался в глубокой старости, не переставая изо всех сил бороться с Веной. Прото (то есть протоиерей) Стоматович, который в молодости ходил пешком из Нового сада в Брно (Брюн), чтоб поклониться могиле Добровского, удручен болезнью. Умер и Вук, неутомимый Вук Стефанович Караджич, который до

* Мы приступали к моему русскому спутнику М. А. Засецкому, чтоб он пропел русские песни, — а он, к досаде нашей, из ложного стыда, отказался, за что даже теперь, чрез 30 почти лет, говорю ему худое слово.

** Я подарил ее Московскому Университету в день столетнего юбилея.

последнего часа работал над языком и над собранием сербских песен. Прежде его отошли к отцам: товарищ Вучича Пегрониевич, дипломат и богослов, и еще прежде поэт Милутинович. Остались двое: Палацкий, историк, и Пуркине, физиолог, которого я звал некогда в директоры Демидовского Ярославского лицея. Иллирийский Гай, который был у нас в Москве в 1840, кажется, году, и принят был с восторгом, ушел в какой-то таинственный сумрак*.

Следующее поколение поколебалось, в особенности между чехами, но на несколько времени. Молодежь склонилась было на сторону поляков, но теперь, как слышно, следует реакция. Чехи и моравляне обратились, по-прежнему, чувствами к России, сербы и болгары всегда оставались ей верными.

Император Николай поднял оружие в защиту славян. Настала Крымская война. Нам казалось, что приближается торжественная минута освобождения славянского…

Бог судил иначе, по нашим ли грехам или по другим причинам, знает Он. Война кончилась не в нашу пользу! Несмотря на героическую защиту Севастополя, мы принуждены были уступить. Император Николай скончался. Положение славян не улучшилось, а ухудшилось. Западные державы, принявшие на себя покровительство, оказались, очевидно несостоятельными. Мучения несчастных под турецким владычеством превзошли всякую меру, по свидетельствам всех европейских путешественников, и вот между славянами начинается общее движение. Подняли знамя креста греки, жители древнего Крита, смиренная Болгария волнуется. Мужественная Сербия вооружается. Храбрые черногорцы ждут только случая броситься с высоты своих гор на наследственного врага. Жители Эпира, Фессалии, Албании стремятся соединиться с греками. Нечего говорить о несчастных босняках и герцеговинцах, которые в последнее время, вышли из терпения. Восточный вопрос близится к решению. Больной человек находится при последнем издыхании, и как ни крепко убеждены западные политики, что для спокойствия Хри-

* Смотря на него тогда, я воображал по нем историю Иоанны д'Арк.

стианской Европы необходимо магометанское неистовство, но английские, французские и австрийские дипломаты и врачи, с присоединением Саксонского барона Бейста, едва ли найдут средства продолжить его агонию. Одна надежда разве на итальянских докторов, а у них главное лекарство состоит, известно, в кровопускании.

Тяжело положение турецких славян, но австрийские, угнетаемые нравственно, хоть и под благовидною наружностью, страдают, может быть, более. Австрия, ослабленная Франциею, вследствие войны Итальянской и пораженная в самом сердце Пруссией, переходя от одной системы к другой, остается постоянно враждебной к славянам, несмотря на сильное участие, которое принимали они в спасении ее сперва от турок, а потом от венгерцев. Теперь австрийское правительство соединяется с этими, постоянными ее неприятелями и приносит им в жертву славян, так что чехи, кроаты, словенцы не знают даже, какая судьба их ожидает.

Судите же, мм. гг., о состоянии этого несчастного племени, которое считает, однако ж, 30 млн; 20 в Австрии и 10 в Турции. В Турции угнетают их магометане и фанариоты, не допускающие их до употребления славянского языка в богослужении. В Австрии — австрийцы и мадьяры, с присоединением католиков и иезуитов.

Славяне возводят свои взоры на Россию, которая не оставит их, думают они, в предстоящей борьбе — и в это-то именно время учреждается в Москве частными людьми, в видах науки, без всяких задних мыслей, этнографическая выставка, имевшая целью первоначально собрать только и показать различные племена, которые живут в России, думавшая больше о Кавказе, Сибири, Крыме, Лапландии, Туркестане. Некоторые славяне, из разных стран, по какому-то безотчетному чутью, прислали учредителям выставки несколько одежд, утварей, орудий и прочих вещей. Их примеру последовали другие, больше и меньше, и вот они заняли значительную часть всей выставки, и Москва делается пантеоном славянского мира. Славяне собираются приехать к нам и воздать ей честь.

* * *

Скажем теперь несколько слов о великорусском племени и об средоточии его — Москве. Мы сказали выше, что из всех славянских племен, западных и восточных, позднее всех на сцену истории выходит русское. Так точно из всех русских племен самое младшее есть великорусское: и славяне, то есть новгородцы, и поляне, и древляне, кривичи, вятичи и радимичи, действовали, а великороссиян не было слышно. Неизвестно даже, под каким именем скрывались они в летописях и не были ль они продолжением и распространением киевских полян.

Есть предание, что первый богатырь русский, Илья Муромец, пролежал на печи 30 лет, прежде, нежели начал свои богатырские подвиги. Нельзя ли его в этом отношении почесть представителем нашего племени?

Мы сравнили выше расселение славян в Европе с перетасованной колодой карт. В среду русского племени достались в обилии все масти.

Мы имеем доказательства этому положению: припомните выше предложенное обозрение.

Шафарик почитает полян киевских заодно с полянами польскими. См. выше: «В этом уверяет не столько сходство их названий, которое могло быть случайным, происшедшим от жилищ обоих народов, в открытых полях, сколько сходство в названии Киева и Куявы, вместо Киавы, находившейся у ляшских полян. Допустив это сродство, мы должны заметить, что переселение ляшских родов из окрестностей Вислы в окрестности Днепровские и утверждение их между восточными славянами случилось задолго до распространения славянских народов, от востока на запад и юг, бывшего во II, а потом сильнее в IV столетии по Р. Х.».

После имен и свидетельств исторических должно обратить внимание на наречия, в коих мы найдем новое, сильнейшее доказательство, что Россия заключает в себе отрасли

или корни всех племен славянских, и двумя главными своими наречиями, велико-российским и малороссийским, имеющим свойства едва ли не всех западных и восточных наречий, на кои разделяется обыкновенно славянский язык, может считаться представительницею всего славянского мира, не только по своей силе, могуществу, числу, но и по внутреннему своему составу и языку. Максимович, наш заслуженный филолог, относит русский язык к особому, 3-му разряду, в котором как будто совмещаются отрасли восточная и западная. Сам Ходаковский, поляк, обошедший пешком почти все славянские земли, сказал, что три русских наречия суть памятник первобытного, древнейшего языка славян. Самые разноречия писателей, из которых одни считают наши наречия восточными, а другие, например Сенковский, западными, — показывают, что они имеют восточные и западные свойства.

А где же средоточие великорусского племени? Какой город, яко же кокош собра под крыле своя все многочисленное, разнообразное русское население?

Москва! Москва, самый младший из городов великорусских, точно как великорусское племя есть самое младшее из племен русских, то есть позднее всех явившееся на сцену, а русское вообще младшее или позднейшее из всех славянских племен.

И вот идут к нам, как на богомолье, по обещанию, древние паломники — несчастные славяне — помолиться у гробов московских чудотворцев, порадоваться на русскую силу, поискать себе ободрения к перенесению своих бедствий…

«Идут к нам, — приведу слова одной прекрасной статьи, помещенной в «Москве», — не гордые знатностью рода, не могущественные представители капитала и иных сил и богатств: идут к нам простые люди, смиренные, бедные. Зато все они подвижники славянского духа, труженики науки и мысли, крепкие стоятели за свою народную самостоятельность, выдержавшие годины страшных испытаний внешнего гнета — немецкого, турецкого и в последнее время мадьярского, не поддавшиеся ни страху, ни соблазну, — и

среди всех страданий и искушений, оставленные богачами и знатными своего племени, не сломившиеся духом в борьбе, не утратившие веры в историческое призвание славянства, претерпевые до конца!.. И вот когда, казалось, дошли они до крайнего истощения сил, судьба ведет их в Россию, в Москву… Не здесь ли конец терпению и не отсюда ли начало спасения претерпевых?»

Мм. гг! Сердца ваши хотят верно отвечать: да!

И в самом деле, когда можем мы с большею уверенностью отвечать так, как не нынче, в этот великий для нас день, день чудесного спасения жизни Государевой.

Не служит ли эта опасность, которой Государь подвергался на волос от смерти, не служит ли, с одной стороны, уроком знаменательным для всех нас, чтоб мы все, без исключения все, с Ним спасенные, думали более о своих обязанностях и о едином на потребу; а с другой стороны, видимое покровительство Божие не утверждает ли нас в надежде на продолжение милости Божией. Он освободил уже 25 миллионов людей в России, Польше, Грузии, Имеретии и Мингрелии. Может быть, именно ему предоставляется, если не освобождение, то, по крайней мере, облегчение, нравственное возвышение наших несчастных старших братьев. Так, счастливится Ему до сих пор производить великие дела: может быть, Бог поможет Ему и в этом великом деле — в исполнении исторического назначения России.

И вот здесь, при воспоминании о всех племенах славянских, представляются моему воображению поляки. О них одних не слышно. Чтоб собирались, вместе с представителями всех племен, принять участие в общем нашем торжестве, в радостном свидании!

Они стоят далече, они кидают грозные взгляды, они питают злобу.

Братья! Одно ваше отчуждение, одиночество, показывают ясно, что вы избрали непрямую дорогу!

Этого мало. Поляки берут сторону исконных врагов славян, как будто не принадлежат к их племени: одни надевают

чалму и служат Турции, другие соединяются с австрийцами и венгерцами, чтобы мучить, угнетать часть русского племени, которое живет в Галиции и Северо-Восточной Венгрии в числе 4 миллионов.

Братья, братья, опомнитесь, взываем мы к вам сторицею, вздохните глубоко, пролейте слезы, — и подайте нам руку. Наши объятия для всех вас отверсты. Забудем прошлое и пойдем вместе по пути истинного прогресса, на который всех нас выводит благодушный Государь! Он носит имя вашего благодетеля и, второй по имени, готов сделаться вторым и по чувствам любви и привязанности к вам. Довольно, довольно — все средства вы употребили, и ни одно не доставило вам ничего. Против рожна прати невозможно. Вы топаете глубже и глубже, вы, то есть премудрые и разумные между вами, интеллигенция, шляхта. А народ польский, по селам и деревням, благоденствует, и говорит в один голос, что никогда не был он так доволен, так спокоен, так счастлив, как теперь, то есть ни при Пястах, ни при Ягеллонах, ни при Курфирстах Саксонских. Разве это для вас ничего не значит? Народа ведь миллионы, вас же тысячи.

Заключим нашу беседу, мм. гг., словами одного западного славянина, чеха, работающего над введением русской азбуки между всеми племенами славянскими. Он живет в Москве, овладел достаточно русским языком и написал славянскую молитву в воспоминание чудесного спасения в нынешний день жизни Государевой.

О Господи, благословенье
Славянскому народу дай
. . . .
Благослови всю Русь святую

Да все славянские народы,
Что дети матери одной,
Забыв прошедшие невзгоды,
Поймут все голос свой родной.

Да всем настанет им спасенье
И слышен будет глас с небес:
Славяне! вам благословенье!
Христос воскрес! Христос воскрес!

Мм. гг! К этой молитве, вылившейся из сердца славянина, провозгласим, для соединения беседы нашей с торжеством Московского Университета, провозгласим наше всегдашнее и неизменное, нынешнему дню по преимуществу принадлежащее:

Боже, Царя храни!

1867 г.
4 апреля.

Несколько заметок о великорусском племени сравнительно с прочими славянскими племенами

(по отъезде из Москвы славянских гостей)

Спокойный доступ позволяет оглядывать предмет свободнее и разобрать яснее полученные впечатления.

Прием, какой сделан славянам в России, есть нечто необыкновенное в Истории.

Где, в каком государстве бывало столько гостей, со всех сторон собравшихся? Укажите мне подобное угощение, в котором целый город принимал участие? И какой город? Москва. Чувство общее, народное, доброжелательное проявлялось здесь беспрестанно, без всяких участий правительства, без всяких политических задних мыслей. Единоплеменники, родные, после долгой разлуки, увидались — обнимаются, целуются и не могут наглядеться друг на друга. Не говоря уже о том, что все сыпалось как бы из рога изобилия. Это радушие, это искреннее желание угодить, доставить удовольствие, обнаруженное во всех сословиях без малейшего различия, по какому-то безотчетному влечению к людям незнакомым, неизвестным, пред-

ставляли нечто высокое, умилительное. Со стороны смотреть было весело, радостно; понималась знаменательность события, чувствовалось движение Истории.

Великорусское племя представляет многие, примечательные отличия, когда посмотришь на него вместе с другими, потому ли, что оно многочисленнее, сильнее, богаче средствами, или потому, что находится в лучших обстоятельствах. Оно относится ко всем прочим гораздо ровнее, чем все они одно к другому. Для нас все славяне равны, одинаково близки и любезны, не исключая даже и поляков, несмотря на их вражду и предательство. Мы не делаем никакого различия, например, между кроатами и сербами, черногорцами и далматинцами, чехами и словаками и т. д., а они все друг друга как будто все еще чуждаются, даже ревнуют, питают взаимное неудовольствие. Точно то же можно сказать, в некоторых отношениях, и о наших малороссиянах.

Мы, великороссияне, не спрашиваем ни у кого, кто он, какого он вероисповедания — католик, протестант, униат, православный: это не мешает нам любить всех и доброжелательствовать. А они никак не могут отделиться от этих запросов и соединенных с ними воспоминаний, часто печальных.

Мы рады были познакомиться с ними одинаково, а они, даже дорогою, не познакомились порядочно между собою и, кажется, не чувствовали потребности. Они имели в виду только русских, русские — всех.

Да, славянские племена до сих пор никак не могут согласиться между собою: чехи спорят со словаками, сербы смотрят косо на сербов австрийских, австрийские сербы не ладят с кроатами, болгары не согласны с сербами. Старых, давних счетов им между собою не свести: чем дальше в лес, тем больше дров. Иные увлекаются политикой и мечтают о давно прошедших временах. Примириться могут они только под влиянием России. Так и будет, рано или поздно, силой вещей. Перед нашими глазами обстоятельства слагаются без нашего ведома и совершенно для нас неожиданно. Никто не мог, например, вообразить славянского свидания у

нас в таком виде! Никто не мог предвидеть, что сочувствие к славянам обнаружится во всем русском народе, без различия сословий, с такою силою, с таким блеском и с такою любовью!

Я оставил давно панславянские (всеславянские) мечтания и давно не думаю ни о каких соединениях, но, смотря на славян, я невольно чувствовал, что это радиусы, которые должны стремиться к одному центру, если не хотят потерять своей народности. Иначе не могут они сохранить даже свое существование и должны будут уступать немцам, мадьярам, итальянцам, которые грозят им поглощением. Какая форма принадлежит славянам, мудрено теперь решить. Может быть, славяне устроят когда-нибудь союз, вроде швейцарского. Всеобщую подачу голосов Наполеон вводит в Европе в моду, ну, извольте-ка спросить славян, чего они хотят?

* * *

Скажу только два слова о необходимости избрать один общий язык. Австрийские славяне выучились по-немецки (какое насилие они должны были делать над своей душой!): и серб, кроат, чех, словак говорят свободно на немецком языке: выучить по-русски для них гораздо легче, чтобы между собою, по крайней мере, объясняться, на родственном, а не на чужом языке, и крепче сознавать, чувствовать свое родство и единство.

Как бы то ни было и что ни случилось, но наши гости, верно, во всю свою жизнь будут воспоминать с умилением о днях, проведенных ими у своих кровных родных, не скажу в Москве, а вообще в России.

* * *

Говорят, что между ними были шпионы. Тем лучше: они должны будут засвидетельствовать, что здесь все было чисто, честно, благородно, человечно и свято.

* * *

Чисто, честно, благородно, человечно и свято, — а парижские волшебные баснословные празднества, скажу здесь кстати, представлялись мне, из окон моей кельи на Девичьем поле, отвратительными, чтоб не сказать более. Будь проклята, думал я, варвар, та европейская цивилизация, которая с покушением на царегостеубийство посредине, так нагло и неистово празднует, роскошествует и веселится, между тем как тысячи христиан гибнут в муках на острове Крите, и другие тысячи и тьмы ожидают со страхом той же участи. Будь проклята та французская политика, которая, после двухлетнего кровопролития, назначает делать следствие на острове Крите вместо скорой, действительной помощи! Будь проклята та английская политика, которая украшает турецкого султана, наравне с христианскими, орденом Подвязки (забывая даже, что кавалеры ее должны сражаться с неверными) и приготовляет ему царственное помещение в Букингемском дворце (при сей верной оказии не могу я пропустить и австрийскую политику, которая отдает кроатов на жертву мадьярам, русинов — полякам и себе оставляет чехов с моравлянами). Блистательные плоды своей цивилизации, нечего сказать, собирает Европа в XIX веке! О, святая Русь! о, мое Отечество! Какую славу приобретешь ты в Истории, омывая свои руки от этих грязных, смрадных, плачевных, шулерских проделок! О, будь всегда неповинна, от крови праведная. Они узрят!

Разные заметки о славянах

Нареченный наследник умерщвленного Михаила, князя Сербского, племянник его, Милан Обренович, прибыл в Белград и принят, говорят, с восторгом. О путешествии его были сообщаемы в европейских газетах различные показания, а некоторые телеграммы извещали, что он не оставлял еще Парижа.

Подробные слухи распускались нарочно, чтоб скрыть настоящее время отъезда и прибытия, из опасения каких-либо покушений, которые теперь случаются нежданно-негаданно, в разных местах и от разных партий. Убийства считаются нипочем, с прогрессом разных теорий.

Так много толкуемо было о влиянии России на дела сербские! Какое же это влияние, если нареченный Государь Сербский воспитывался в Париже, под руководством французского или бельгийского профессора? Мудрено ему в такой атмосфере набраться русского и даже славянского духа, и бельгийский католик едва в состоянии внушить ему любовь и преданность к Православию.

Нет, мы, кажется, принимаем очень мало действительных мер, чтоб утверждать наше влияние; но сербский народ предан России сам по себе, по своей природе и крови. Образованное сословие подвергалось влиянию австрийского ига, точно как русские подвергались влиянию монгольского ига… и, чтоб вылечиться от этой заразы, потребно много еще времени! На Россию многие там смотрели долго с подозрением, но последние наши действия и заявления должны были расположить в нашу пользу истинных друзей Отечества, сколько их найдется вне всяких партий.

Клеветы на Россию сыплются везде — и умерщвление Михаила приписывают ей! До чего дошел этот газетный разврат, вообразить недавно было бы трудно. Это своего рода bravi, condotieri, кинжальщики и вешатели. Нечего сказать — хороша европейская печать в этом отношении! И ни одного беспристрастного голоса, не только возражения (протеста), не слышится на Вавилонской башне.

Следствие в Белграде продолжается. Казни начались. Случаются и новые убийства. До истинной причины добраться трудно, так же, как и трудно понять причину неудачи при таких приготовлениях и разветвлениях заговора. Александр Карагеоргиевич обвинен в участии, которое, говорят, доказывается до очевидности, несмотря на его протесты, очень естественные. Если это обвинение справедливо, то нельзя не

удивляться мысли о таком ослепленном властолюбии: чего хотят люди, искатели престолов, и какие приносят жертвы для приобретения своих призраков, не вразумляясь судьбою, постигшей Оттона, Максимилиана, Михаила, с герцогом Аугустенбургским включительно?

В Белграде ищут 750 револьверов, которые заговорщики предполагали раздать арестантам (колодникам) в смирительном доме в Топчидере.

Пишут, что при погребении князя Михаила вдовствующая княгиня Юлия глубокой своей горестью производила невероятное впечатление на всех присутствовавших.

Но ведь она три года не жила с покойником, и он, не тем будь помянут, собирался жениться на другой, на дочери убитой с ним Анны Константинович! Все врут календари — известен стих Грибоедова; но как лгут газеты, не краснея, как лгут эти официальные показания — отвратительно читать: извольте отыскать в них правду!

Известие об убийстве князя Михаила испугало турецкое правительство, и турецкие бумаги (фонды) упали в одно утро более чем на полтора пиастра. Ясно, что Турция боится действительно движения из Сербии, что Сербия может сделать много на Востоке, если поймет свое положение и если ее деятели исцелятся от австрийской заразы козней.

Пишут, что *черногорский* князь Николай велел своему поверенному прервать переговоры о разрушении каких-то турецких фортов. Непонятно, почему же умерщвление сербского князя заставило отказаться черногорцев от исполнения своего желания. Какая связь между этими двумя делами? Поверенного оказалось нужным послать из Константинополя в Белград с другим поручением, наблюдать тамошние события, — ну, так это случайная отсрочка переговоров о разрушении фортов.

* * *

После Сербии важное происходит в *Чехии* (Богемии).

Доктор Браунер, которого мы имели честь видеть в числе гостей наших, в прошедшем году, приветствуя императора Франца Иосифа на второй станции от Праги, сказал ему: «Слава нашему королю! Да даст Господь ему и нам, чтоб славное королевство Чешское возродилось к новой жизни и чтоб святая Чешская корона скоро воссияла снова в полном древнем блеске и славе!» Но посещение Праги Францем Иосифом не принесло никакого умиротворения.

Венгерцы садятся на шею австрийцам, и от дуализма нездоровится империи Габсбургов. Негодования чехов и требования возрастают более и более.

Немецкие газеты упрекают венгерцев за возведение системы цехов на степень догмата, точь-в-точь такое, которое господствует в наших прибалтийских губерниях. «Московские ведомости» очень верно замечают, что граф Андраши воспитывался в одной школе с маркизом Велепольским и в России знакомы все те рецепты, которые граф Андраши примеряет теперь к Венгрии.

В австрийской политике относительно *поляков* примечается перемена: г. Бейст представил в имперскую думу закон, чтоб выборы для имперского сейма производились первоначальными избирателями, вследствие чего галицкие русские будут иметь преимущество пред польскими помещиками, которые сильно вознегодовали за то на г. Бейста.

Австрийцы уменьшают проценты государственного долга, что производит тревогу между лондонскими банкирами.

Кстати затем — (перемените наши так называемые серии на простые ассигнации, никто у нас и не заикнется, кроме некоторых журналистов и теоретиков, а казна сохранит огромную сумму процентов, расточаемую теперь даром. Против этого наговорить можно много, а на деле так: народ отягощается сериями и не заметит их отсутствия).

* * *

Пред дворцом венского архиепископа, кардинала Раушера исполнена кошачья музыка, с которою едва справилась полиция.

* * *

О. Данило (тот, который был нашим гостем и подвергся после многим неприятностям?) избран торжественно депутатом от многих местностей в Далмации и отказался от сего звания, указав на другое лицо.

* * *

Г. фон Мольтке сказал речь, которая показалась воинственной и возбудила негодование в Париже. Король Прусский сказал речь при закрытии сейма, очень миролюбивую, — и французская журналистка успокоилась. Теперь английская газета утверждает, что речь прусского короля значит совсем не то, а только дополняет речь начальника его штаба: не ясно ли эти толки показывают, что все эти речи и все эти статьи суть только слова, слова и слова и что дела идут своим чередом вдали от газет. Для чего же эта бесконечная писанина газет? Mundus vult decipi, ergo decipiatur (мир ищет лжи, ну, так пусть его обманывают).

Государства европейские друг другу не верят, готовятся к войне. К какой? Куда повеет ветер. А откуда повеет ветер? Автор «Войны и мира», вероятно, думает: сверху, — и русский с ним согласен.

Дизраэли, впрочем, сказал, что воды Рейна и Дуная не будут возмущены в нынешнем году.

«Московские ведомости», рассуждая о статье «Times», которая говорит: «Пусть дадут только время Германии, и мир в мире обеспечен». Она-де расположена оставлять своим соседям всю свободу действий, какой требует для себя, лишь бы эта свобода ограничивалась своими каждого государства пределами. Дело, следовательно, в том, какие границы будет угодно Германии признать действительными. При этом случае М. В. воспоминают, что депутат Эйзенман, напутствуя своим благословением Шлезвигскую войну, требовал, чтобы великая немецкая семья заступилась за угнетенных братьев «французского

Эльзаса и русского Балтийского поморья» (несмотря на то, что его население не имеет ничего общего с немецкою семьей, пока усилиями русского правительства, в последнее время особенно успешными, они еще не усвоены ею), — как раз в то самое время, когда первый Германский народный сейм, в исступлении восторга, единогласно постановил принести национальное благодарение князю Виндишгрецу за успешное бомбардирование Праги, вздумавшей предпочесть славянский сейм немецкому.

Россия должна надеяться только на себя и, при благоприятных обстоятельствах, на сочувствие славянских племен, кроме них, искренних друзей она не имеет.

Говорят, что между Францией и Италией возникают важные разногласия. Министерству Менабреа угрожает коалиция (стачка) всех партий (сторон), и оно намерено привлечь к себе сторону действия, Гарибальди, что, разумеется, противно видам Франции.

Политически, по-старому говоря, мы должны радоваться затруднениям наших зложелателей и пользоваться передышками, кои дает нам судьба, *беречь денежки на черный день* и строить самонужнейшие дороги, то есть в Севастополь, Брест и Либаву. Великая ответственность лежит на государственных людях нашего времени. О, если бы они чаще думали об Истории и заботились о том, что скажет она, что скажет потомство, а не условная, случайная, пристрастная современность!

* * *

В передовой статье «Нового времени», № 110, я прочел следующие слова: «Говоря о деятельности Палацкого — нашей Всеславянской знаменитости, — мы не скроем того факта, что в русском обществе не все одинаково смотрят на славянские симпатии, с особенною силою высказавшиеся во время Московской этнографической выставки. Не все у нас в равной степени дают себе отчет в политической стороне пробудившейся славянской взаимности. Разногласие в этом вопросе пробивается наружу и в нашей печати. В одной из на-

ших весьма распространенных газет с некоторого времени мы начинаем встречать статьи, клонящиеся к тому, чтобы Россия сблизилась с Австриею. Славянская держава приглашается, следовательно, войти в дружбу с правительством, несправедливо относящимся к нашим одноплеменникам, которым мы еще так недавно выражали наше сочувствие и соболезнование в претерпеваемых ими преследованиях. Выгоды же такого оборота нашей политики весьма сомнительны».

Эти слова мне показались… но я боюсь употребить здесь настоящее слово… принадлежа к старому поколению, я не привык употреблять в печати такие слова и оставляю догадываться читателям, какими они показались мне. «Какое разногласие автор видит в нашей печати?» — подумал я, не зная еще его по имени и остановившись на первой странице. Все наши главные газеты с примечательным единодушием относятся теперь к вопросу о славянской взаимности: «Московские ведомости», «Москва», «Современные известия», «Русские ведомости», «Голос», «Инвалид», «Северная почта», само «Новое время», «Петербургские ведомости». Где же, повторю, разномыслие? Говорить, следовательно, о разномыслии, имея в виду одну какую-нибудь неизвестную или малочитаемую газету, вместо ее имени говорить вообще о печати — пахнет очень нехорошо. Это имеет, очевидно, целью зародить подозрение в славянах о нашей неискренности и дать повод иностранным газетам, преимущественно враждебным (а они все таковы), к сеянию раздора: надейтесь-де на русских — вот они, мимо вас, вопреки вам, готовы сблизиться и с Австрией. Так может говорить только неблагонамеренность.

Дальше еще хуже. Автор приводит место из какой-то газеты, уже названной, которое передавать мы не имеем духа: с какой стати, с какою целью можно повторять такие вещи? Оскорблять людей почтенных, возбуждать недоверие!

А что значат эти слова:

«Иные из журналистов решительно высказываются в том смысле, что Россия не должна агитировать против Венского кабинета».

Ведь они значат, что русские газеты одобряют агитацию против Венского кабинета и что только некоторые высказываются против такого образа действий, и это, как будто, порицает автор. Помилуйте — ни одна газета наша, наоборот, не говорила ни о какой агитации. Напротив, мы все решительно восстаем против всяких агитаций. Говорить во имя Истории, что чехи имеют право быть чехами или что восточную Галицию населяют русские, не значит делать агитацию, и автор макиавеллически замечает, что сближение с Австрией, им самим придуманное или распускаемое таким образом, несправедливо и выгоды от такого оборота политики (?!!) очень сомнительны!

* * *

Чешский вопрос явился на очереди в европейской печати: газеты, немецкие и французские, наполнены рассуждениями о требованиях чехов. «Парижский вестник» («Messager de Paris») вспоминает при этом случае, что Палацкий, чешский народный историк, был всегдашним сторонником политики примирения всех народностей Австрии. Он постоянно доказывал, что Австрия никогда не достигнет прочного основания, если не признает равноправности всех племен и не будет уважать права своих народов.

* * *

Присоединим сюда еще несколько замечаний из иностранных газет, как передает их «Москва».

«В то время когда распадение Австрии казалось неизбежным, следует ли удивляться, что чехи, поставленные между двумя опасностями — честолюбием Пруссии и честолюбием России, — обратились к той стороне, которая могла бы уважать их национальность? Желания чехов не представляют никогда трудности для удовлетворения их: они никогда не требовали столько, сколько венгерцы».

«Правительство (австрийское) только озлобило чехов против себя и против немцев и скрепило дружбу чехов с русскими. Вследствие этого союза чехов с Россиею вопрос чешский стал европейским…

Если чехи будут доблестно продолжать свою борьбу и следовать примеру мадьяр, то может кончиться тем, что Австрийская империя будет только состоять из одного эрцгерцогства Австрийского».

При обсуждении в законодательном собрании 5 июля бюджета Министерства народного просвещения палатой принято внесенное дополнение об учреждении в Парижском университете не одной кафедры славянской литературы, а нескольких, с той целью, чтоб разделением славянских языков уничтожить всякую идею о панславизме и подорвать честолюбие России. (!!) Если, таким образом, будет признано множество славянских народов, то эти народы в отдельности будут чувствовать себя сильнее для противодействия планам России. Докладчик Кароп развивал политическое значение этого вопроса. Он сказал, что панславизм, утверждая единство языка и единство расы, стремится достигнуть тем единства территории, а потому Европа должна коалиции славянских сил противопоставить германские и латинские силы.

Годовщина Славянского съезда в Москве

16 мая, в четверг, в годину приезда славян в Москву на прошлогоднюю Этнографическую выставку, был устроен по подписке обед в саду при доме автора на Девичьем поле. Перед обедом в зале, украшенной изображениями св. Кирилла и Мефодия и портретами знаменитых писателей России, он прочел следующую речь:

Мы собрались, мм. гг., чтобы вспомнить вместе, посемейному, прошлогоднее свидание и знакомство наше с представителями всех славянских племен, посетившими

Московскую этнографическую выставку. Я намеревался сказать вам несколько слов за столом об этом важном и знаменательном в истории славянства событии. Но когда я стал обдумывать их, то увидел, что они слишком тяжелы для застольной речи и не могут уместиться в ней удобно. А между тем нужно и полезно, казалось мне, как для наших соотечественников, так в особенности для европейских наших соглядатаев, друзей и недругов, выяснить, хотя задним числом, некоторые обстоятельства, определить значение и показать настоящее положение вопроса о славянской взаимности, нравственной, духовной, литературной, вопроса, который занимал и занимает главное место во всех наших собраниях. Вот почему решаюсь я просить у вас позволения поговорить об этих предметах на просторе, перед обедом, предлагая вам это рассуждение вместо желудочных капель. Заранее извиняюсь и в длинноте, и, может быть, скуке, потому что я не успел обработать, не успел привести в порядок свои мысли; но дело в деле, а не во внешней форме.

Вы все хорошо знаете, что прошлогодний Славянский съезд был событием совершенно случайным. Мы все, исконные друзья славян, о нем и не думали, не предполагали, не ожидали. Учредители Этнографической выставки назначили ей сначала гораздо теснейшие пределы. Круг ее распространился сам собою. Позволите ли вы мне напомнить для ясности это странное приключение? Сделано было в ведомости простое объявление о намерении общества собрать образчики одежд и прочих вещей, относящихся до народной жизни племен, населяющих Россию. Явились жертвователи, которых приношения были оглашены, разумеется, с благодарностью. Некоторые особы из царствующего дома приняли участие. Наши малороссияне прислали свой вклад. За ними следовали русские из Галиции, а потом словаки, словенцы, сербы, болгары, чехи. Некоторые приношения были очень сложны и ценны. Председатель Этнографической выставки почел обязанностью пригласить жертвователей в гости на затеянный им праздник. Путешествие издалека требовало из-

держек. Управления железных дорог вызвались возить гостей даром. Это передано к общему сведению. Число желающих посетить Москву увеличилось. Послышались славные, любезные имена, которых увидеть в Москве сделалось желанием многих. Петербург, надо отдать ему честь, пустил в оборот мысли, что следует принять гостей с подобающим почетом и доставить им и другим желающим все средства и удобства познакомиться с Россией и ее жителями. Собралась значительная сумма. Возродилось соревнование. Москве нельзя было отстать, а разве подумать о перегонке. Городской голова предложил в собрании думы назначить три тысячи на угощение и, в случае нужды, дойти до четырех. Никто не смел и желать больше, зная о множестве городских расходов. «Этого мало: пять, пять!» — раздалось в ближних рядах гласных. «Десять, десять!» — закричали дальние. Внутренне радуясь, я улыбался и, поглядывая на старшин, как будто оправдывался перед ними: это не я кричу, мм. гг., не сетуйте на меня; но все собрание согласилось с совершенным удовольствием, и, главное, нашлись охотники, мастера, которые приняли на себя все труды и распоряжения и исполнили это отлично.

Приготовления делались в Москве и Петербурге, — о других городах не было мысли; но молва разнеслась по всей дороге, везде возбудились одни и те же чувства, по всем городам устроились встречи, и, начиная от австрийских и прусских границ, поезд гостей славянских уподобился триумфальному шествию. О приемах в Петербурге, Кронштадте, Москве я говорить не буду. Все наши ожидания были далеко превзойдены; мы не могли воображать себе ничего подобного. В народе, который был свидетелем и участником праздника, как будто пробудилось внутреннее, самому ему неизведанное, чувство. «Это братья: Отче наш они читают по-нашему; они терпят под чуждым гнетом». Вот что сразу поняли простые русские люди, и плакали, и целовались, и обнимались, и шумели, и кричали: «Ура. Слава, живо!» Здесь ничего не было подготовленного, придуманного, сочиненного. Все происходило просто. Естественно, само собою.

Скажу даже вот что: стараясь привести в ясность для себя, для летописи, как все это случилось, я во многих случаях не мог добраться — от кого же происходила первая мысль, первый толчок, первое движение, — точно так не мог добраться, как и в исследованиях о многих великих событиях а русской истории, имеющих в этом отношении совершенно один характер.

Видно, все это дело устроил сам Бог, воззревший милостивым оком на различные тяжкие бедствия славянских племен, и на вселенских Спасских часах, видно, пробил им час их возрождения и спасения. Да будет.

А ревнивые наши соседи приписывали нам, простакам, Бог знает какие ухищренные замыслы, какие политические планы и макиавеллические происки и, к стыду своему, наделали множество непристойностей некоторым из наших гостей, участников Московского праздника, как будто одни славяне в Европе не имеют права сходиться, как сходятся немцы, англичане, бельгийцы, французы, итальянцы. Но на прежнее возвратимся.

Как бы то ни было, славяне всех племен увидели себя в первый раз вместе, и увидели себя в Москве, которая приняла их с братскими объятиями, радушно, горячо, живо. Все сословия друг перед другом порывались выразить свои чувствования. Здесь были сербы, болгары, чехи, мораване, галичане, словаки, словенцы, кашубы, хорваты, босняки черногорцы, лужичане, русские. Здесь были православные, католики, униаты, протестанты. И все чувствовали себя братьями, от одного корня, одним народом, разделенным на разные племена, — одним языком, разделенным на разные наречия. Все почувствовали, что составляют одну плоть, одну кровь, и всем представилась естественно мысль о развитии, об укреплении, об увековечении этой связи, которая с первого взгляда представляла уже такие прекрасные задатки, давала такие драгоценные залоги.

Первою связью представился язык: язык у всех у нас, славян, один, но наречия разные; мы расселены на великих расстояниях, и по краям наши наречия делаются одно для

другого неудопонятными; между тем все они слишком легки для изучения.

Да и действительно: если все австрийские славяне — чехи, кроаты, сербы, словенцы и проч. — находят возможность изучать и присваивать себе совершенно чуждый язык немецкий; если все турецкие славяне — сербы, болгары, босняки и герцеговины — говорят и по-турецки, и по-гречески, то несравненно всем им легче изучить и овладеть одним каким-нибудь славянским наречием, с которым все имеют сродство, сходство и внутреннюю кровную связь.

Все это представлялось само собою, и всем тот же час встречался один ответ, какое наречие избрать средством для взаимного сообщения. Русское — и потому, что оно принадлежит пятидесятимиллионному народу и восьмидесятимиллионному государству, и потому, что, по мнению всех знатоков, оно заключает в себе наиболее свойств, принадлежащих порознь всем славянским племенам, и потому, что оно есть непосредственный преемник и наследник церковного языка, употребляемого всеми славянами православными, католиками и униатами.

Русское наречие, церковный язык, Кирилловское Священное Писание, — ну, следовательно, и Кирилловская азбука, которая способнее всех выразить все славянские звуки.

Вот какие мысли явились на этом съезде воочию всем нам и всем нашим гостям, без всякого насилия, без всякого пристрастия, без всякого умысла.

Эти мысли явились нам, так сказать, присутствующим, бросили нам в глаза, но для отсутствующих, для всех племен, для приведения в действие этой мысли нужно время, нужны опыты, нужны благоприятные обстоятельства.

Будем их с терпением дожидаться, будем им споспешествовать путями законными, но также без всякой, как говорят ныне, агитации. Довольно, что представители всех племен убедились в необходимости, пользе изучения русского языка и употребления Кирилловской азбуки, которая, написав впервые для всех племен: в начале было Слово и Слово было у Бога,

к Богу, в Боге, — должна послужить теперь для всех и крепчайшим звеном соединения.

Не могу не предложить мимоходом следующего замечания об удивительных судьбах как бы свыше благословенной Кирилло-Мефодиевой грамоты. Она с самого начала обняла все славянские племена и распространилась везде вместе с христианством: у болгар, у чехов, у словенцев, у моравов, у поляков, у русских; подверглась везде разным превратностям, потерпела великие, смертоносные удары, — и вот чрез тысячу почти лет в грамматике церковного языка Добровского эта священная грамота сделалась источником и началом возвращения славян к жизни.

Да, мм. гг., все настоящее славянское движение начинается с грамматикой Добровского. Сынами духовными Добровского были Шафарик и Коляр, в своих сочинениях: «Славянские древности» и «Slavy dzera» («Дочь славы»). В этих двух сочинениях, — одно из них историческое, другое пиитическое, — провозглашены торжественно и доказаны критически как древность, так и единство всего славянского народа.

Коляр написал тогда же, около 1835 года, лирическое рассуждение о взаимности между славянскими племенами. В этом году я был в Праге и соединился дружескими узами со всеми корифеями славянской мысли, узами, которые продолжались до их кончины. Они все уже снизошли в могилу: остались только Палацкий, тогда младший между ними, и Пуркиня, живший тогда в Бреславле.

Рассуждения Коляра я привез в Москву и начал тотчас переводить, а кончил переводить Юрий Федорович Самарин, только что кончивший курс в университете. Перевод был напечатан в «Отечественных записках» 1840, кажется, года. Полезно бы теперь его перепечатать, что мы и сделаем, прилагая перевод другого подобного рассуждения — Стура.

С тех пор началась взаимность, в самых тесных границах, между немногими частными лицами, преимущественно из ученого сословия. Каким насмешкам и ругательствам мы

подвергались от партии так называемой западников — распространяться здесь не место.

По возвращении моем из-за границы в 1835 году, я начал сбирать пожертвования. Список первых жертвователей у меня сохранился за собственноручными их подписями.

Министр народного просвещения С. С. Уваров, которому я представил подобный отчет о положении славян, внял моим слезным молитвам и в 1838 году выдал мне 10 тысяч рублей ассигнациями. На пособие ученым трудам, Шафарика и Ганки.

Тогда были напечатаны славянские древности, которые немедленно были переведены здесь г. Бодянским и напечатаны, как и прежде славянская грамматика Добровского. Все нужные книги посланы были в славянские библиотеки, в ученые общества и для употребления главных деятелей.

В 1840 году приезжал в Москву знаменитый иллириец Гай, который был тогда душою движения на юге. Мы собрали ему, с помощью генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, 17 500 руб. ассигнациями для содействия ученым трудам и распространения Кирилловской грамоты. Хомякову, Шевыреву, Самарину, Аксакову, Павлову принадлежали главные вклады.

Этот период был самый благоприятный для отношений славян к России. Все корифеи славянские были на нашей стороне; но чем далее, тем, по разным обстоятельствам, более и более молодежь начала обращаться в другую сторону.

Я был между славянами в 1835, 1839, 1842, 1846, 1852, 1856 годах и видел, как на барометре, степени понижения их дружеских отношений к России вследствие разных обстоятельств, исчислять которые и грустно, и неудобно. Вся так называемая интеллигенция, образованная часть между хорватами, сербами, австрийскими и турецкими, питала подозрение о властолюбивых наших замыслах и опасалась нашего деспотизма. Председатель Государственного совета в Белграде, Симич, ростом с Петра I, товарищ Вучича и Петрониевича, сказал мне в 1842 году: «Не надо вам думать о рекрутских наборах в Сербии: лучше охотников мы будем выставлять вам вдесятеро».

В 1848 году, вследствие общего европейского движения, сторона, противная России, превозмогла, молодежь чешская вступилась за поляков. Венгерский поход вооружил окончательно против нас большинство. Так было до Крымской войны.

Крымская война показала славянам то живое участие, которое Россия или император Николай Павлович принимал в судьбе их. К несчастью, вся Европа вооружилась против России, и спасение славян отсрочилось; но эта война принесла нам ту пользу, что многие славяне к нам обратились, и завязались новые сношения.

Из пожертвований этого времени, имевших большое значение для славянского дела, с благодарностью я должен помянуть 3 тыс. руб. с., которые для славянских предприятий пожертвовал В. А. Кокорев при моем путешествии 1856 года, и 10 тыс. руб., которые он же послал к И. С. Аксакову для южных, преимущественно турецких, славян по первому его письму оттуда. И. С. Аксаков, по возвращении своем из-за границы, сделался самым деятельным служителем славянского дела и в своих изданных сборниках «Дне» и «Москве», равно как и прежде — в «Русской беседе», которая издавалась на иждивении А. И. Кошелева, содействовал очень много распространению идеи славянской и усилению взаимности.

В 1852 году образовался в Москве славянский благотворительный комитет, преимущественно для образования южных славян, которого действия в последнее время, при более благоприятных обстоятельствах, значительно расширились.

Все это были частные попытки, все это не было общим достоянием и переходило в массы очень туго.

Но вот славяне собрались в Москву, случайным образом, как выше было объяснено, и Колярова взаимность стала воочию. Мы осязали ее не только руками, но и сердцем, и начинаем чувствовать ее благотворные следствия.

На этом съезде все славяне увидели себя, как сказал я выше, лицом друг к другу. Но между ними не было поляков. Нельзя было пройти молчанием их отсутствие. Нельзя было, в особенности мне, как служителю истории и старшему между

присутствовавшими русскими носителю идеи славянской, — нельзя было мне говорить о славянах, о союзе славянском, о взаимности между ними и пропускать, забывать о существовании поляков и таким молчанием как бы сознаваться, что русские виноваты перед поляками, что совесть мешает нам относиться к ним спокойно перед прочими своими братьями. Вся молодая Чехия была против нас за поляков, — я это знал, и мне казалось, что я должен был объяснить им публично наши отношения, хотя в коротких словах.

Вот почему на главном нашем братском обеде, под хоругвию св. Кирилла и Мефодия, я спросил, где же поляки, и отвечал сущую правду, не произнеся ни одного обидного для поляков слова: они стоят далеко, они бросают на нас взгляды недоброжелательные. Братья! Обратился я к ним, примиритесь, наши объятия для вас отверсты, и забудем прошлое!

Я очень рад, что я произнес эти слова и предупредил Ригера, который после меня говорил о примирении. Для нас, русских, было бы, кажется, неловко, если б у нас дома гости напомнили нам об отвергаемых братьях, как бы упрекая. Можем ли мы иметь право проповедовать единство, враждуя полякам, отвергая их? Нет, мы их не отвергали и не отвергаем, а они нас чуждаются и продолжают ненавидеть: кто же виноват? Мы отнюдь не возвращаем вражды, против нас питаемой, отдавая себя как бы на третейский суд всего славянства. Вот смысл сказанных мною тогда слов.

Поляки, ослепленные, продолжают упорствовать, и своими объявлениями, прежними и нынешними, совершенно отделяются не только от России, но от всего славянства. Они оправдывают нас и привлекают к нам всех славян, которые теперь видят, кто в братской исторической распре виноват более и кто препятствует соединению. Поляки говорят теперь чехам, отказываясь прийти к ним на их народное торжество: «Мы не мешаем вам соединяться с русскими; но так же точно должно предоставить и полякам свободу соединяться с теми, кто не будет заодно с Россией. Итак, оставьте нас в покое и не старайтесь соединить несоединимое; вы этим возжигаете нашу ис-

конную борьбу. Славянство должно выбирать между Польшей и Россией: оно не может соединиться с обеими вместе. Если вы заодно с поляками, то вы заодно с Европой и западной цивилизацией, которая и была вашей воспитательницей. Если же вы стоите на стороне России, то вы объявляете себя нашими врагами, и врагами наших прав, и всей семьи европейских народов, с которой вы связаны духом и телом. Делайте, что хотите; мы никогда не переменим нашего положения».

«Несчастные! — спросим мы вас. — С какою же Европою, с какою цивилизацией вы соединяетесь? С Турцией, Венгрией и Австрией? Что же сделала для вас вся Европа, что сделала для вас Франция, во время республики, консульства, империи, королевства, второй республики? Она играет вами для своей выгоды, а не для вашей. Вы остаетесь с цивилизацией и Европою и берете за руки Турцию, Венгрию и Австрию, которые были главными врагами, злодеями и тиранами всех славянских племен: почувствуйте всю ложь своего положения».

Поляки таким заявлением изрекли приговор себе и вместе подтвердили историческую догадку о своем происхождении.

Я говорю — приговор. Ибо, держась Турции и Австрии, двух государств, осужденных на смерть, почти уже трупов, они явно стремятся к конечной своей гибели.

А в чем состоит догадка о происхождении польской шляхты? Шляхта — пришельцы в Польше, как у нас норманны; но наши норманны смешались со славянами, как капля вина с водою, а шляхта осталась отдельной в воде, как масло. Вот, по-моему, источник различия в истории польской и русской. Вот причина отчуждения шляхты от собственных своих поселян.

Усвоив чужой, то есть польский и славянский, язык, шляхта осталась племенем чуждым, западным, которое и тянет к Западу.

Многие русские, познакомившиеся в последнее время с краем, единогласно утверждают, даже судя по физиогномии, о различии поселян с горожанами, которое также служит и подтверждением догадки: то есть народ польский — вот славяне,

а шляхта — пришельцы, которые говорят только по-польски, как евреи по-немецки в Германии или по-испански в Испании, а чувствуют по-своему.

Желательно, чтоб чешские ученые посетили Польшу и произвели бы здесь историко-филологические исследования и наблюдения, и привели этот гадательный вопрос в ясность.

Как бы то ни было, последнее заявление поляков равняется решительной русской победе над ними. Они работают в этом отношении больше нас на пользу России. Удивительные судьбы!

Повторю здесь, кстати, что мы, русские, оставляя все счеты исторические, филологические и политические, не питаем никакой злобы и мести против поляков и готовы обняться с ними по-братски, если они сознаются в своих заблуждениях и откажутся от своих несбыточных притязаний. Правительство наше, гораздо более снисходительное к полякам, чем мы, чем народ, расположенное к восстановлению Польши при Александре I, дававшее им полную автономию при Александре II, верно изменит свой образ действий и сделает для поляков все возможное, удостоверяясь в их исправлении, а до тех пор, пока будут продолжаться за границею враждебные заявления и оглашаться нелепые требования, пока беспрестанно будут представляться доказательства вражды неистовой, пока польский катехизис останется в своем действии, — до тех пор положения своего поляки не будут улучшать, а разве ухудшать, и ничто не может пойти иначе.

Вы позволите мне, мм. гг., предложить здесь еще два замечания и отстранить два сравнения, обращаемые против нашего, против русского дела. Некоторые указывают на пример Ирландии, поднявшей свой голос. Этот пример отнюдь к нам не идет. Скажу одно: Россия не пользуется и никогда не пользовалась ни одним грошом от Польши, а, напротив, прикладывала и прикладывает свои копейки. Русские люди имеют ничтожное владение в Польше в сравнении с тем, что поляки имеют в России и англичане в Ирландии.

Другие указывают на пример Чехии, которая ищет теперь автономии; но мы эту автономию гораздо в высшей степени

предлагали Польше несколько раз, и если она не хотела пользоваться этими правами без отнятия от нас наших родных, собственных, утробных русских земель, то кто же виноват в настоящем положении?

Неужели кто-нибудь может сказать, что мы не должны защищать собственное свое существование, охранять своих родных русских братьев в угоду полякам?

Отказ России от прав на Сербию, принадлежащих ей по трактатам, довершает ее торжество во мнении всех славянских племен. Они видят ясно наше бескорыстие, и нельзя не отдать полной чести нашему Министерству иностранных дел, которое действует до сих пор великолепно. Мы жаловались некогда на излишнюю его сдержанность, осторожность, доходившую, по нашему мнению, до робости, но мы убедились из обнародованной переписки, что оно не переставало заботиться о судьбе наших единоплеменников и единоверцев и не пропускало ни одного случая напоминать Европе об ее обязанностях.

Нам опротивело во время оно выражение, что Россия не ищет завоеваний. Мы осуждали оное, негодовали, а теперь мы должны сознаться, что правительство действовало гораздо вернее, а мы увлекались. Теперь мы все говорим, что нам не надо завоеваний, и в этом наша сила и значение пред всеми славянскими племенами.

Итак, с этих сторон обстоит все благополучно. Что же принадлежит обществу? Мы, частные люди, должны поддерживать все ученые, литературные предприятия между славянами, снабжать их русскими книгами, доставлять русских учителей и содействовать распространению русского языка и русской азбуки, то есть принимать те меры, которые предлагались мною Министерству просвещения за несколько лет тому назад.

Если русский язык сделается общим литературным языком для всех славян, как есть один литературный язык у племен французских и немецких, то сколько новых слов и оборотов внесут славянские писатели, как обогатят они рус-

ский язык — доказывать не нужно. Как обогатится русская литература и с нею и общее образование! И вместе какую пользу получат сами славяне для своих собственно наречий, которые должны обогащаться в равной степени! Наконец, обратим внимание и на то, что иметь публику в 80, в 100 миллионов — не то, что писать для 5, для 6, для 10! Будущность блистательная, и она приближается к нам, судя по всем известиям из славянских стран.

Все славяне учатся ревностно по-русски и просят наших учителей, которые бы знакомили их с живой речью русской. Съезды славянские необходимы для поддержания возбужденных чувств.

На прошедшем съезде изъявлено было это желание многими, но не принято было никаких решительных мер; да и нельзя было принимать их по многим причинам. Но вот в нынешнем году этот съезд состоялся сам собою, и основание театра в Праге точно так, как Московская этнографическая выставка, сделалось поводом к съезду общему, где подтверждена мысль о единстве, родстве и взаимности. Я повторю здесь слова Сладковского, произнесенные им в Праге на другой день после заложения театра:

«Вчерашний день стал знаменательным особенно потому, что в этот день проявили участие и солидарность с нашим делом все племена далеко распростершегося восьмидесятимиллионного славянского народа. В первый раз нашему предприятию выражено сочувствие от всех без исключения ветвей славянской семьи, со всех концов славянской земли, в границах которой никогда не заходит солнце. Из Сербской и Хорватской страны, из Словацкой и Словенской, из Галича и Польши, из Лужиц и Далмации, из Военной Границы и Герцеговины, из Черногории и Болгарии, из Великой Святой Руси выражено наигорячейшее участие к нашему делу, ставшему общим делом всего славянства. Дело наше — их дело, честь наша — их честь! Господа! Весь северославянский флот шлет по телеграфу привет и провозглашает славу короне чешской и успех народному чешскому театру. Такое заявление озаряет

чешскую корону и ставит ее в новом блеске. Как нынешнее дело наше признано делом всеславянским, так пусть и в будущем все славянские племена приветствуют каждое дело отдельных племен как дело всем общее, пусть видят в нем свою честь и славу. Пусть в общественных и иных вопросах господствует между нами согласная мысль; быть может, это согласие и не поведет еще к политическому единству, но оно поведет к тому, что народ славянский не допустит, чтобы которому-либо из славянских племен нанесена была обида. Как некогда для древнего римлянина было величайшею гордостью провозглашать пред целым светом «Я — Римлянин!» — пусть точно так же каждый славянин с такою же гордостью говорит отныне: «Я — Славянин!» За успех славянской взаимности и солидарности!»

Слушая эту речь, благородную и горячую, мм. гг., не сознаетесь ли вы, что при слове о 80-миллионном народе славянском сердце ваше забилось, ибо вы знаете, что в этих 80 миллионах 50 или более составляем мы?

Не сознаетесь ли, что, слушая о пространстве, где не заходит солнце, вы понимаете, что из 24 часов его странствия по тверди небесной около 20 принадлежит нам?

Ваше сердце забилось, — ну, так я смело могу сказать теперь, что, осыпанные такими дарами Божиими, считая себя миллионами и владея землями неизмеримыми, мы несем на себе обязанности великие. Святые в отношении к нашим старшим, хотя и малочисленным, братьям. Мы в обилии — они в нужде; мы на свободе — они под игом. Все государства славянские пали, не одна Польша — так, видно, было угодно Богу в исполнение каких-то непостижимых для нас судеб исторических: Богемия, Моравия, Померания, Силезия, Кроация, Славония, Далмация, Босния, Сербия, Болгария. Одна Россия, самая младшая между ними, возникшая после всех, восстала после монгольского ига, утвердилась, усилилась и заняла одно из первых мест в Европе. Мы должны всем славянам помогать словом, делом и помышлением. Мы должны считать горести и радости собственными горестями и радо-

стями, мы должны стараться, употреблять все меры к облегчению их участи, мы должны содействовать умножению их радостей. Слышите, видите, как выражают нам дружеские свои чувства их представители. Палацкий и Ригер являются на чешском народном празднике в русских орденах. Сладковский называл на празднике Святою Русь, и это название вызвало громовые восторженные рукоплескания. Они называют наш флот своим флотом. Сердце сердцу весть подает. Господа! считаю себя счастливым, что дожил до этих минут торжества идеи, которой я служил искренно и горячо, и горько сожалею, что этого счастья не досталось в удел покойным друзьям моим — Шафарику, Коляру, Ганке, Вуку, Хомякову, Киреевским, Шевыреву, Константину Аксакову и прочим начальникам возрождения.

В заключение длинного моего чтения я выражу желание, которое, верно, и вы разделите со мной, чтобы съезду следующего года подало повод основание храма во имя св. Кирилла и Мефодия где-нибудь между славянами: или в Белграде у сербов, или на Черной горе, или в Селуне, родине наших апостолов.

Наконец еще желание, хотя, к несчастию, и слишком несбыточное: пожелаем, чтоб поляки, вслед за евангельским блудным сыном, опомнились и возвратились в недра славянского семейства!»

1868 г.
16 мая

Самый обед происходил в большой и широкой липовой аллее. Тосты за этим обедом, по просьбе гостей, предложил сам хозяин. В числе их упоминаем о следующих: за здравие Государя Императора Александра Николаевича всея Руси, прирожденного и наследственного покровителя и защитника всех славян, за упокой Императора Николая Павловича, который Адрианопольским миром сделал много добра сербам, грекам и валахам и искренно желал облегчить участь всех славян; во славу славянской взаимности, которая получила

прочное основание в прошлом году в Москве и укрепляется ныне в Праге; за здоровье славянских гостей, бывших в прошлом году в Москве; во славу деятелей славянского дела, ныне живущих и прежде почивших; в честь Этнографической выставки, ее учредителей и всех их сотрудников. После этих тостов Н. П. Гиляров-Платонов предложил тост за старейшего между русскими деятелями на пользу общего славянского дела, М. П. Погодина. Хозяин, со своей стороны, предложил отправить в Прагу телеграмму такого содержания: «Московские друзья вспоминают прибытие славянских гостей в Москву, желают им всякого благополучия и пьют за их здоровье, поздравляя с пражским праздником». Телеграмма была в тот же день отослана. Те из бывших на обеде, кто не принадлежал к числу членов славянского благотворительного комитета в Москве, тут же записались в члены, представив определенный для того годичный взнос. Наконец после обеда заявлено было, что С. А. Маслов представил в университет 2 500 руб. с тем, чтобы из процентов с этой суммы получал ежегодное пособие кто-либо из воспитанников славянского комитета.

Славянские нужды

Московский славянский благотворительный комитет, с отделениями своими в Петербурге и Киеве, имеет целью, как известно:

I. Содействие образованию славян, преимущественно в турецких владениях.

II. Пособие Православным церквам в турецких и австрийских владениях.

III. Распространение русского языка между славянами, единственными искренними друзьями России в Европе.

Заседания комитета в летнее вакационное время прерываются. Между тем ко мне, как председателю, поступило из

разных славянских областей несколько заявлений о текущих крайних там нуждах в пособии, и я решился огласить их чрез *«Московские ведомости»* в надежде, что, может быть, найдутся на Святой Руси доброхотные деятели, кроме членов комитета, готовые содействовать благим его целям.

Нужды сии суть следующие:

1. На устройство Православной церкви в Праге.
2. На окончательную отделку Мостарского собора в Герцеговине.
3. На снабжение общественных читален в славянских странах русскими книгами.
4. На приобретение богослужебных книг для бедных приходов в Сербии.
5. На содержание славянского училища в Константинополе.

Считаю долгом по сим предметам сообщить подробности.

Православные церкви в последнее время устроились во многих городах: в Париже, Лондоне, Висбадене, Бермингеме, Карлсбаде, Дрездене, Ницце. Недавно начались приготовления к основанию Православных церквей в Франценсбаде и Эмсе. Граф А. Е. Комаровский, живший прошлую зиму с семейством в Дрездене, и княжна Н. П. Шаликова, жившая в Праге, возымели благую мысль об основании Православной церкви в Праге. Означенные лица начали хлопать о приобретении места для церкви, и эти хлопоты увенчались успехом. Граф П. А. Кутузов принимал в них живое участие. Теперь надо приступать к устройству иконостаса, на что требуется довольно значительная сумма.

В Константинополе есть много училищ для славян, заведенных французами, англичанами и немцами, в видах их пропаганды. В последнее время учредилось и славянское училище. Но средства его очень скудны сравнительно со средствами европейцев. Супругою посла устраивается там в пользу училища лотерея из разных ценных вещей, пожертвованных благотворительными особами. Билет стоит пять франков, или полтора рубля.

Вот на какие предметы нужны пожертвования. С своей стороны я осмелился бы присоединить еще следующее: нужно бы послать к хорватам, словенцам, черногорцам, боснякам и герцеговинцам русского учителя, который бы открыл у них публичные курсы русского языка, оставаясь у каждого племени месяцев по шести. Из живых уст научиться гораздо легче и удобнее, нежели из книг, — и относительно произношения, и относительно разных особенностей. Такому учителю нужно рублей сто в месяц, и, верно, он найдется между воспитанниками университетов и академий. Кстати, об академиях: по новому штату там предположены профессора славянских наречий, которых в наличности нет. Вероятно, окажется нужным послать избранных воспитанников за границу для изучения славянских наречий. Вот им бы и вменить в обязанность преподавание русского языка в тех местностях, где они будут останавливаться. В таком случае мы избавились бы от лишних расходов. Прибавить этим воспитанникам малую толику за их труды для комитета было бы не тяжело.

Получено еще известие о необходимости помочь профессорам, уволенным правительством от службы у хорватов за выражение сочувствия славному Бану Елачичу, спасшему Вену от венгерцев, но эту помощь нам, москвичам, пополам с петербуржцами, кое-как сколотить посчастливилось, и первая нужда удовлетворена.

К историографу Богемии Палацкому

*(писано в конце 1870 года)**

С живейшим удовольствием, почтенный старый друг, скажу более — с радостью, с наслаждением прочли мы здесь, в Москве, в русской Праге, ваше последнее заявление, чешскую политическую исповедь.

* Письмо было послано с двумя так называемыми оказаниями, но, кажется, ни с одной не дошло, ибо до сих пор нет никакого известия о получении. — *М. П.*

Слово искреннее, твердое и вместе благородное, прозвучало из уст чешского народа во всеуслышание Европы.

Славянского духа слыхом не было слышно, а ныне славянский дух воочию совершается*.

Да, славянский дух, заглушаемый и подавляемый в продолжение веков, вырывается теперь по местам из-под враждебного гнета, как весною молодая трава возникает из-под осеннего и зимнего покрова, и друзья славянства приветствуют повсюду с восторгом утешительные его всходы.

Какую противоположность представляет ваша спокойная речь с диким гамом европейской дипломатии, исполненной фальшивых нот, с этим бессвязным хором нынешних министров-президентов, которые, обманывая друг друга в глаза, с задними мыслями без передних, или шипят по-змеиному, или ревут по-звериному**, и перед всяким неожиданным шагом Истории вертятся, как бесы перед заутренней. Честь вам и слава! Так подобает говорить славянам.

Нужды нет, что вы не имеете игольчатых ружей, не можете выставить армстронговых пушек и осыпать неприятеля металлическим градом из картечниц, под которым люди валятся рядами, как снопы: честное слово имеет свою силу и хватает дальше всяких пушек.

Ваше слово отзывается, прежде всего, в сердцах единоплеменников, разделяющих одну тяжелую судьбу с вами: мораван, словаков, краинцев, кроатов, далматинцев, словенцов, русинов, сербов, босняков, болгар — они, верно, присоединятся к нему душой и телом, — а их ведь 30 миллионов, да нас, русских, 80! На весах всемирной правды это что-нибудь да значит! Найдутся и в Европе люди беспристрастные, которые примут вашу сторону: во Франции, к коей вы относитесь с человеческим участием; в Англии, где, несмотря на своекорыстное, бесчувственное правительство, всегда есть бойцы благородные и независимые; в самой Германии, вероятно, не все население покланяется кулачному праву средних веков,

* Выражение из старых русских сказок.

** Выражение из старых русских былин.

выходящему ныне в новом издании, исправленном и значительно дополненном.

Не говорю уже о России, где вся образованная часть общества вам сочувствует. Должно надеяться, что даже так называемые у нас западники, смотрящие на все дела в чужие очки, задумаются, услышав вашу простую и правдивую речь.

Мы ожидаем с нетерпением известия о том, что ответит вам не граф Бейст, а австрийское правительство, которому за все его вековые оскорбления, несправедливости и обиды, за все зло вы платите по-славянски добром, подавая благие советы и указывая верный, единственный путь, как выйти ему из затруднительного положения и после всех треволнений успокоиться в безопасной пристани.

Да, союз всех разнородных племен, соединенных под австрийской державой, на одинаких правах или, как вы выражаетесь, «мирное и либеральное преображение Австрии на основании свободного самоопределения ее народов» — вот форма, под коей может еще существовать Австрия.

Мы рассуждаем так: Австрия имеет теперь, положим, 35 миллионов жителей, в числе которых находится 20 миллионов славян и по 5 миллионов, или менее, немцев, венгерцев, валахов, со включением прочих национальностей. Ясно, что в славянах она имеет и должна видеть свою главную силу, свою твердую опору; ясно, что она должна лелеять преимущественно это племя, стараться о снискании его любви и преданности, столь дешево притом предлагаемой, по крайней мере, содержать его наравне с другими. И естественная справедливость, и простой расчет этого требует. Предпочтение кому бы то ни было причинит неудовольствие прочим, а раздоры в государстве не содействуют его крепости.

Австрия рассуждала иначе: она считала для себя полезнее и ставила себе целью уничтожить славянскую национальность; в продолжение двухсот с лишком лет употребляла она всевозможные усилия, прибегала к самым ужасным мерам и достигла чего? Возбудила, развила, укрепила ее и содействовала больше всего к подъему народного духа. Итак, если,

находясь в полной силе и обладая всеми средствами, она не могла сделать ничего согласного с своими прежними желаниями, то на что ж она может надеяться теперь, когда ослабла больше чем на 50 процентов и когда возмужалый и вместе раздраженный народ достиг, между тем, высокой степени самосознания? Опыт присоединяется к требованию справедливости и простому расчету для убеждения в необходимости переменить систему.

Это — истина, которая бросается в глаза всякому постороннему наблюдателю истории Австрии и ее настоящего положения.

Вы, почтенный друг, старались давно объяснить эту истину австрийскому правительству и выразили ее некогда самым лестным и успокоительным для нее образом: «Если б не было Австрии, то надо бы было выдумать ее, то есть в нынешних обстоятельствах, физически и географически, нужен союз государственный в тех местностях, где господствует Австрия.

В 1839 году, следовательно, тридцать с лишком лет назад, возвратясь из-за границы, где я жил долго и беседовал много со всеми нашими корифеями, сошедшими, увы! в могилу, я напечатал в наших журналах: «Австрия может сохраниться, если переменит свой образ действий… если она возвратит славянам их права, будет смотреть на них, как на своих детей, окажет покровительство их языку и народному образованию, допустит до участия в управлении. Казалось, это было бы всего удобнее, спокойнее, справедливее для обеих сторон, особенно для Австрии; но на такую перемену славяне никак не надеются, потому что между австрийским слухом и славянским звуком есть какая-то безвоздушная пропасть, через которую правительство не может слышать и понять самого простого, ясного и громкого слова».

Неужели до сих пор эта пропасть не наполнилась хотя бы австрийскими вздохами вследствие поражений своих 1848, 1858 и 1866 годов? Неужели австрийцы все еще глухи к раздающимся сильнее и сильнее вокруг них славянским воплям?

Да, Австрия никак не хочет понять, что 2+2=4. Она видящая не видит и слышаще не разумеет, как будто в оправдание известного поверья: «Кого хочет погубить Бог, у того помрачает разум». Австрия продолжает систематически угнетать славян, останавливать, задерживать их на пути развития, возбуждать их ненависть, и в этом ослеплении решается даже на удивительные противоречия сама с собою и на вопиющие несправедливости относительно славян.

Каким, например, законом мышления модно объяснить себе следующие ее действия?

Венгрия недавно возмущалась против нее и грозила ей совершенным поражением.

Славяне с Елачичем оборонили ее пред прибытием русской помощи.

Кажется, ясно, кто ей враг, кто ей друг. Австрийцы повесили тотчас венгерских предводителей, попавшихся к ним в руки, как государственных изменников.

Ныне венгерцы захотели почтить память этих государственных австрийских изменников, а своих патриотов, и устроили торжество: австрийцы относятся к нему с благосклонностью, чуть ли не с участием, позабывая о своих виселицах.

А хорваты, которые хотят в то же время помянуть Елачича, спасшего Вену, подвергаются преследованиям, и чиновники, подозреваемые в сочувствии к славянскому вождю, отставляются от должностей!

Враждебная Венгрия, грозившая гибелью Австрии, возводится на степень братской державы, получает, по системе дуализма, равное участие в управлении, а верные славяне, ее населяющие, в награду за их верность, отдаются на жертву мадьярам.

Не может ли такое постоянное преследование вывести из терпения двадцать миллионов славян, теряющих более и более всякую надежду на улучшение своей участи? Не может ли оно довести их до отчаяния? Признаки неудовольствия встречаются беспрестанно. Возмущение одной скудной всякими средствами Далмации сколько хлопот принесло правительству

в прошедшем году! Военная граница давно ли была готова взволноваться? Кроатское брожение может разразиться чем-нибудь позначительнее.

Благоразумие велит, кажется, Австрии, помышлять о предупредительных мерах, которые состоят не в раздражении славянских племен, а в удовлетворении их законных требований.

Надобно иметь в виду и то, что в наше время беспрестанно совершаются события, одно другого удивительнее и невероятнее, каких не только предвидеть, но даже вообразить никогда не было возможно. Какое государство упало перед нашими глазами, по крайней мере, на долгое время? Франция. Посильнее она была Австрии или Турции, побольше залогов и средств имела, чтоб сохранить свое могущество. И вот, что могло случиться с ней в продолжение одного месяца.

Австрия должна еще обратить внимание на соседнее государство, Турцию. В каком тревожном и опасном положении оно находится? Как возбуждены все тамошние населения! Возмущение в Аравии уже началось; Египет, без сомнения, рад восстать; Сирия неспокойна; за Критом дело не станет. А там ждут не дождутся благоприятной минуты Греция, Албания, Черногория, Болгария, Сербия, Босния — кто ищет независимости, кто желает усилиться, кто домогается прав. Что может произойти всякую минуту на Востоке в нынешней напряженной атмосфере мимо всех европейских государств без всякого желания и участия России, которая меньше всех действует и положительно, и отрицательно, и только больше всех обвиняется и осуждается! Смежные, единоплеменные области Австрии не утерпят, чтоб не принять участия в восстании. Что тогда делать Австрии с враждою чехов, словаков, русинов в придачу?

Далее — один человек может, как мы видим, изменять лицо государств и судьбу поколений. Давно ли Кавур собрал воедино всю Италию? Бисмарк из второстепенного почти государства, которое не смело шагу сделать само по себе, создал первоклассную державу, которая имеет ныне первый

голос при решении дел европейских (но не умела, кажется, ослепленная удачей, остановиться вовремя). Так точно и Наполеон говаривал: «Если б я родился немецким принцем, то я сделался бы скоро немецким императором». Появись где-нибудь между славянами один такой человек, хоть не Наполеон I, не Бисмарк, не Кавур, а вроде Георгия Черного или даже Леона Гамбетты, способный одушевлять и двигать массы, а они уже подготовлены! Горячего вещества рассыпано повсюду множество: упадет искра, и вспыхнет пожар, который разольется далеко…

Теперь посмотрим на внешние отношения Австрии. Кого может она считать своим доброжелателем, союзником? На кого может надеяться в случае нужды?

На Францию? Франция нанесла ей первый удар, лишила господства в Италии, отрезала Ломбардию. Да и теперь ей не до чужих дел.

На Пруссию? Это ее наследственный, старый и новый враг. Отняв Силезию в прошедшем столетии, ныне Пруссия помогла Италии взять Венецию со знаменитым четвероугольником, вытолкала Австрию из Германии, не допустила до устройства Южного союза и грозит отнять немецкие земли с выдачею, пожалуй, паспорта Габсбургам идти из Вены на все четыре стороны.

На Италию? Италия ненавидит тедесков, слишком еще ей памятных, и питает желание отнять у Австрии итальянский Тироль.

Казалось бы, все эти государства, нанеся Австрии глубокие раны, обобрав ее со всех сторон, должны быть ей очень ненавистны?

Да, они ненавистны ей, но все-таки ненавистнее их Россия.

За что же?

За то ли, что Россия помогла ей с Суворовым в 1799 году, с Кутузовым в 1805-м, с императором Александром в 1813-м и 1814-м, с императором Николаем в 1849 году? За то ли, что спасла Австрию несколько раз публично и еще больше incognito?

За все эти помощи и за все эти спасения Австрия, правда, удивила уже свет неблагодарностью, по сознанию самого Шварценберга; но ведь она тотчас была наказана за то и потерями, и унижениями не от России, а от Пруссии, Франции, Италии. Несмотря, однако ж, на это, Австрия любезничает теперь с Пруссией, нежничает с Францией, ладит с Англией, дружит с Турцией, братается с Венгрией и только России, продолжая свидетельствовать свою благодарность, старается делать всякие неприятности, возбуждает поляков несбыточными надеждами, позволяет им и мадьярам угнетать русинов и поручает составление министерства графу Потоцкому.

В чем же состоит собственно причина этой беспримерной, глубокой, непримиримой ненависти??

В том, что австрийские славяне привержены к России, что Россия, русские им сочувствуют.

Но разве может быть иначе? Это естественная связь крови и языка: ее ни сотворить, ни убить никому и никакими средствами нельзя. Если вся Германия взволновалась, услышав жалобы, не совсем справедливые, голштинцев, которым гораздо ведь легче было жить под державой Дании, чем славянам у австрийцев или турок, и сочла своей обязанностью идти войной на освобождение братьев (а Пруссия присоединит их к себе), то каким же образом Россия может остаться равнодушной к судьбе своих единоплеменников и большей частью единоверцев? Сама природа велит ей сочувствовать славянам, как и славянам, среди их несчастий, обращаться мыслями к России. Если немцы насильственно, с огнем и мечом приводят в исполнение идею пангерманизма, то почему же Россия должна противиться идее панславизма, и притом какого панславизма? Свободного союза славянских племен. А она требует и того менее — только равноправности их под державой австрийской и турецкой.

Если б Россия не принимала участия в судьбе своих единоплеменников, она заслужила бы презрение: она подвергается даже упрекам, может быть, отчасти справедливым, что мало показывает его на деле; но Крымская война служит ей некоторым оправданием.

Но славяне могут, боится Австрия, в случае войны перейти на сторону России.

Точно, война Австрии с Россией немыслима, хотя поляки и венгерцы желают и советуют ее затеять, себе на голову; немыслима, потому что, с уверенностью сказать можно, большая половина австрийского войска не поднимет руки против России. (Точно так, заметим мимоходом, не подняли бы ее славяне и в Крымскую войну; только русский посланник в Вене, Мейендорф, хотя, может быть, и преданный России, не мог понять этого расположения и заставил держать значительную часть русского войска для охранения безопасного тыла и тем помешал успешнейшему ведению войны в Крыму.)

Австрия боится приверженности славян к России; ну да пусть она управляет ими так, чтоб им не приходило в голову желание переменить свою судьбу, то есть пусть Австрия исполнит желания, выраженные вами в вашем memorandum; пусть сделает только то, чего требуют от нее справедливость, опыт, настоящие, внутренние и внешние обстоятельства: тогда ей нечего будет бояться России, ни на случай войны, ни во время мира.

Скажу более, таким образом действий Австрия склонит Россию на свою сторону, потому что Россия, кто бы что ни говорил, не желает от нее, как и от Турции, ничего, кроме предоставления славянам прав, подобающих европейским гражданам XIX столетия.

Вот чего требовал у Турции покойный император Николай, — будь за то благословенна его память, — и чему помешали европейские приверженцы Мохамеда, испугавшись, что, вместо луны, воссияет на храме Святой Софии крест Христов, воздвигнутый руками Православной России.

Перехожу к турецким славянам. Вы относитесь к ним точно так же, как и мы, говоря:

«Чешская нация питает живейшее сочувствие к единоплеменным ей народам в Турецкой империи. Совокупно со всею образованною Европой она радовалась освобождению Греции, Сербии, Румынии (надобно прибавить: усилиями Рос-

сии), и она не могла бы отказать в сочувствии и другим народам Иллирийского полуострова, если б они стали стремиться к таковому устройству, при котором им были бы обеспечены не только достойное человека существование, но их соединение и участие во всех благах христианской цивилизации. Если б родственные с этими народами по племенному происхождению и единоверные им славянские народы Австрии были вынуждены жертвовать своей кровью, дабы поддерживать над ними власть, нравственно невыносимую и материально распадающуюся, и препятствовать стремлению их к такой организации, которая доставила бы райям положение действительных граждан и обеспечила бы им полную защиту законов и конституционную свободу, то чешская нация отвергла бы это требование как безнравственное, ничем не оправдываемое и в политическом отношении опасное».

Австрия в союзе с Россией на условии равноправности своих славян поможет ей в требованиях устроить на таких же основаниях положение славян и в Турции, которой спасение, по крайней мере, на ближайшее время, зависит также от принятия этой меры в исполнении давних, настоятельных требований России. Кажется, впрочем, что Турция начинает сама понимать дело и усматривает неблагонадежность западных друзей своих.

Вот мирное, безобидное, справедливое, либеральное и гуманное, а со стороны России бескорыстное решение Восточного, Австрийского, Турецкого и Славянского вопросов, отстранение не только новых кровопролитных войн, грозящих Европе, но и всяких затруднений, сомнений и недоумений; великолепное вступление в новый период европейской истории, по крайней мере, на юго-восточной ее половине, а на северо-западе пусть решает свой спор немецкое племя с романским; мы желаем, чтоб он решился скорее и кровь перестала бы литься.

Заключаю: исполнив чешские желания, последовав чешским советам, Австрия успокаивается внутри, укрепляется в государственном своем организме, удостоверяется в предан-

ности двадцати миллионов своих подданных, возвращает себе верного, могущественного союзника в лице России, освобождается из-под каблука венгерского и получает силу говорить потверже со своими неприятелями, если б вновь нашлись какие.

«Таким только образом Австрия, говоря вашими словами, исполнит свою всемирно-историческую миссию, состоявшую в том, чтоб все различные нации и племена ее территории были соединены в свободный союз народов с целью взаимной вооруженной обороны от могущего последовать нападения сильных соседей и с целью взаимного содействия их самостоятельному национальному развитию в истинно либеральном самоуправлении при всестороннем уважении к праву и действительном братстве».

Кто думает иначе, кто этого не хочет, тот, будь он граф Бейст или граф Андраши, он может быть немецким или венгерским патриотом, но вместе он есть австрийский предатель, который с умыслом или без умысла ведет Австрию к пропасти, и до нее уже недалеко!

Вы справедливо сказали, что «австрийскому правительству остается, может быть, весьма краткое время для водворения новой политической эры и для возрождения Австрии как союза равноправных свободных наций, и как скоро это время будет упущено, то, вероятно, никогда не возвратится. При настоящем переустройстве Европы спасти преобразующуюся внутри и извне Австрию может только ясное создание ее упомянутой уже высокой миссии, только решительное стремление к исполнению оной, только твердое, готовое на жертвы заступление за великие принципы нашего времени».

* * *

Я должен сказать несколько слов о поляках, о любезном, талантливом, пылком, храбром, блистательном и, увы! безрассудном славянском племени.

Несчастные, — они все еще в услужении врагов славянства: мадьяр, турок, немцев! Они все еще не могут исцелиться

от своей мономании! Вот в последних газетах читается объявление эмигрантов польских в Англии, которые провозглашают требования границ 1772 года, то есть порабощение полякам десяти миллионов русских людей в Белоруссии, Волыни, Подолии, Литве, такого порабощения, какому они теперь пред вашими глазами повергают русинов в Галиции, как бы нарочно в оправдание действий русского правительства. Скажите, есть ли смысл человеческий и гражданский в этих притязаниях и какое понятие имеют поляки о гражданской свободе, требуя ее себе и лишая ее в то же время других, мечтая, чтоб мы отдали им под такое, самими ими воочию свидетельствуемое, иго своих родных братьев.

Вот если б они, оставя эти нелепые и несбыточные мечтания, взвесив все доказательства pro и contra, сообразив настоящие отношения, присоединились к вашему заявлению! Какую бы пользу принесли они себе, вам, нам, славянскому делу, посильнее всякого ландвера и ландштурма! Это было бы великое происшествие в истории славянства. В Европе оно пронеслось бы громом, и все враги славян, тайные и явные, понизили бы голос! Какая слава для поляков! Они искупили бы много своих грехов, и даже смертных! Судьба их переменилась бы мгновенно: не границы 1812 года, а неизмеримое пространство всей России вплоть до Тихого океана открылось бы им для действий на каком поприще угодно; перестали бы они скитаться по чужим углам и успокоились бы с честью и славою в надежном пристанище.

Сближение с Россией есть для них в эту минуту настоятельная нужда, если они хотят, чтоб Польша действительно не згинела. Они имели надежду на Францию, которой служили, проливая кровь, больше пятидесяти лет, хотя она не сделала никогда ничего для них, ни во время первой республики, ни во время первой империи, реставрации при Людовике Филиппе, ни во время второй республики и второй империи, маня только фразами и подавая скудную милостыню. Но теперь даже и этот призрак надежды для них исчез, потому что Франция, как бы ни кончилась эта война, не может долго еще заниматься

чужими делами, всех менее польскими. Турки же, мадьяры и немцы, коренные враги славян, плохие для них помощники. Онемечение Померании, Силезии и даже Познани, австрийские действия в Галиции в 1846 году служат наглядным тому доказательством. Кто же пожелает добра полякам и кто не готов продать их, если представится выгодный случай! Впрочем, никогда никто и не думал о них, а только пользовался ими, как ракетами для своих видов против России.

Да! Только в соединении с Россией Польша может возродиться, расцвести и прославиться.

Послышались недавно голоса в этом роде, и мы прочли с удовольствием некоторые статьи львовского славянина. О, если б умножилось число таких голосов! О, если б поляки, скрепив сердце, убедясь, что против рожна прати невозможно, решились принести свое самолюбие в жертву общей и своей пользе и при забвении всего прошлого с обеих сторон выразили бы готовность идти вместе, рука об руку, со всеми славянами!

Не может ли ваш посторонний, братский, беспристрастный голос во имя славянства оказать на них благодетельное действие? Попытайтесь, а мы отчаялись. Не будете ли вы счастливее? О, если б! Скажите им то же, что сказали австрийцам: если они упустят это время, то оно к ним не воротится, и они пойдут не к лучшему, а к худшему с заявлениями, подобными сделанному в Англии.

Скажу здесь, кстати, о венгерцах и румынах: напрасно они боятся нас и полезнее было бы для них держаться России и помириться со славянами.

Письмо к редакторам русских газет

Во всех русских газетах печатается телеграмма из Пешта, от 14 сентября, о публичном заявлении имперским канцлером графом Андраши, «что панславянские стремления не находят себе поддержки в русских политических сферах».

Очень жаль, что русские газеты не постарались при этом случае обрадовать графа Андраши полным удостоверением, что и все прочие русские сферы, средние и низшие, точно так же не питают ни малейшего сочувствия к панславянским стремлениям, равно как не существует у нас никакой панславянской партии, о которой так часто толкуют немецкие и венгерские газеты; можно сказать решительно, что нельзя теперь указать нам даже ни на одно лицо, которое понимало бы панславизм в таком смысле, какого опасается граф Андраши. Но вся мыслящая часть осмидесятимиллионного русского населения единодушно, несмотря на различие партий или, вернее, несмотря на различие теорий, потому что партий, собственно, у нас никаких нет и в заводе, желает всем славянам тех прав и преимуществ, какие принадлежат вообще европейским гражданам XIX столетия, — по крайней мере тех, какими пользуются господствующие племена, с которыми славяне теперь историей связаны, в Цислейтании или Австрии, Транслейтании или Венгрии, Турции, Саксонии, Пруссии.

Скажу более: добросовестным исполнением этих pia desideria, законных прав, которых только и добиваются славяне, решатся, к общему удовольствию, спокойно и мирно многие юго-восточные вопросы, тревожащие разных премьеров, которые по решении их могут спокойно опочить на заслуженных ими миртах, — а лавры, Бог с ними! Итак уже много драгоценной крови, к стыду своему, пролила Европа за эти сухощавые листья!

Панславянских стремлений в России нет, но где же они есть?

Разве Сербия, Чехия, Кроация, Болгария желают политического соединения с Россией?

Нисколько, и все европейские правительства очень хорошо это знают, точно как знали прежде об отсутствии панславянских стремлений в высших, средних и низших сферах России.

Панславянские стремления находятся только в дипломатических портфелях, откуда по временам выпускаются, например, во Франции, как пугало для Европы, в Австрии как предлог к ограничению или к смирению славян, в Турции как средство для возбуждения против России.

Нынешнее заявление сделано, очевидно, с целью охладить расположение к нам славян, но верно не будет иметь успеха, потому что один здравый смысл, без всяких посторонних внушений, убеждал славян, что если русское правительство желает добра всем европейским народам, как доказало много раз в истории и доказывает беспрестанно, то кольми паче желает оно теперь, как всегда, добра племенам славянским, с которыми русские соединены узами крови, языка и религии. Это говорю я относительно интеллигенции в племенах славянских, а простой народ, который не знает никаких партий и никаких газет не читает, ничем сбить нельзя, потому только, что сердце сердцу весть подает. Мы любим славян, ну и они любят нас, вот и все: политике сюда и нечего соваться.

А что же касается до мысли, которая, слава Богу, распространяется теперь во всех славянских племенах, о необходимости умственного, нравственного, духовного общения между нами, какое есть между племенами немецкими, — необходимости иметь один литературный язык, какой есть у немцев, французов, англичан, на пользу общего развития и преуспеяния, то его никакими средствами искоренить никому уже нельзя, как прежде князьям Меттерниху и Шварценбергу, Кошуту и Батиани, так ныне графу Бейсту и Андраши. Naturam furca expellas tamen, tamen usque redibit.

17 сентября.
День Веры, Надежды и Любови
с матерью их Софией.

При праздновании пятисотлетней годовщины Гусовой

(в собрании Славянского комитета, в Москве, 25 августа 1869 года)

В нынешнем году исполнилось пятьсот лет со времени рождения великого славянского учителя Яна Гуса 6 июня 1369 года. Соотечественники его перенесли празднование

этого приснопамятного для них дня на 23, 24, и 25 августа (4, 5 и 6 сентября по н. с.), чему и мы в настоящем собрании нашем следуем.

По какому же праву, спросит нас, без сомнения, подозрительная, враждебная европейская печать, хотят русские принять участие в чешском торжестве?

На такой вопрос можно ответить коротко и ясно; по тому же праву, по какому мы праздновали в последнее время юбилей Данта, Шекспира, Шиллера, по какому на днях отправили в Париж поздравительную телеграмму с днем рождения Кювье, по какому на этой неделе Общество естествоиспытателей посвящает особое заседание памяти Гумбольдта. Homo sum, et nihil humani a me alienum esse puto, говорит в этом случае всякий русский!

Но относительно Гуса мы, русские, имеем еще много причин, кроме тех, которые побуждают нас славить англичанина Шекспира, итальянца Данта, француза Кювье, немцев — Шиллера, Гете и Гумбольдта.

Какие же это причины?

Первая — Гус был славянин.

В 1867 году Русский Бог свел в Москве представителей всех славянских племен, которые воочию увидели и почувствовали свое родство, сознали себя единым народом. Великое, замечу мимоходом, знаменательное происшествие, которое не оценено еще по достоинству, но которое сделается в будущем исходной точкой многих славянских юбилеев. Пока мы скажем только, что славяне, в лице своих представителей, признали общею собственностью, заветным своим наследием, духовное добро, принадлежащее каждому племени порознь: историю, язык, литературу, великих людей и деятелей.

Мы имеем, следовательно, не только полное право как европейцы, как люди, но вместе и обязанность как славяне, принести свою дань почтения и удивления к великим доблестям героя чешской истории. Вот первая причина.

Вторая — Гус был древнейший ревнитель славянской народности, за 500 почти лет развернувший это славное зна-

мя, следовавший верно по стопам славянских первоучителей, св. Кирилла и Мефодия, употреблявший народный язык в богослужении и проповеди. В объяснении Гуса на молитву Господню находится следующий энергический призыв чехов его времени к национальному самосознанию*, «чтоб князья, паны и народ дорожили своей родной речью и не давали ей гибнуть; чтоб дети от смешанных браков чехов с немками говорили только по-чешски, но не двоили своей речи, потому что двоение речи подает первый повод к взаимной зависти, раздорам. Воистину, как некогда Неемия, услышав, что дети жидовские от полу глаголаху азотским языком и не умеяху глаголати по-иудейски, проклял и поразил их: так и ныне достойны всякого осуждения пражане и другие чехи, которые говорят вполовину по-немецки, вполовину по-чешски. Кто бы мог вычислить весь вред от такого раздвоения речи?»

Так говорил ревностный чешский проповедник.

(О, Гус! — воскликнул я мимоходом, — что сказал бы ты, если б попал случайно в высшее русское общество и услышал тамошнее Вавилонское разноязычие, и увидел несчастных русских детей, принуждаемых с самого нежного возраста шипеть, свистеть, гнусить, картавить на всех языках мира!)

Сделавшись ректором Пражского университета, он восстал в пользу чехов против притязаний немецких в университетском совете и городской думе и после унятой борьбы доставил им равноправность, хоть только на время.

Гус — великий человек, славянин, пророк народности, дорог для нас, русских, еще вот почему: он как будто воспоминал смутно или темно, предчувствовал Православие; в груди его как будто заговорило древнее чешское учение и вместе носился впереди вожделенный идеал. Он был католик, но не такой, какой требовался папою; он учил повиноваться только тем постановлениям, которые согласны с

* Мы приводим эти слова из дельной статьи о Гусе, помещенной в «Современном листке» (№ 53, 54 и 55). Оттуда же мы заимствуем, из предосторожности, и другие замечания подлинными словами, отмеченными посредством вносных знаков, как принадлежащие духовному журналу.

древними апостольскими правилами и определениями Вселенских соборов; он учил о приобщении мирян под обоими видами, вопреки правилу Римско-католической церкви; он восстал против ее злоупотреблений, осуждаемых и нашею Церковью, почему и провозглашен, как мы, схизматиком и осужден на сожжение.

Касательно согласия Гуситского учения с Православием указывают еще на приобщение младенцев. «Причащение младенцев предполагает безусловную, непосредственную веру в таинство, в его действие на человека, если только он сам не отвергает его в своем сознании. Этот взгляд свойствен одной Православной церкви; все другие Церкви и вероисповедания, древние и новые, отвергают такое непосредственное действие таинства евхаристии. Чехи всегда укоряли Римскую церковь за то, что она не допускала такого причащения, и этот обычай был дорог народу, представляя собою драгоценный остаток Православия, которое чехи исповедовали в самое первое (Кирилло-Мефодиевское) время своей христианской жизни».

«Таким образом, учение Гуса выражало собою не один протест против папства, но было стремлением воссоздать в народном сознании нечто такое, что существовало в нем, что народ хранил и любил, как действительное предание минувшего».

«А что Гус действительно стоял на почве Православия, мы это видим с особенною ясностью в лице друга его, Иеронима Пражского, который незадолго пред смертью совершил путешествие в Западную Россию: в Витебске и Пскове он открыто стал в общину православных; вместе с ними принимал причастие, в спорах с католиками защищал Восточную церковь как единую истинную, что и было поставлено ему в главную вину на Констанцском соборе, за которую он, подобно своему другу и учителю, был приговорен к смертной казни».

«К несчастию, деятельность Гуса и его учеников должна была остановиться. Иначе дальнейший ход ее сопровождался бы более тесным сближением с Православием; влияние Гуса на Лютера было бы в этом последнем случае шире, определен-

нее, и потому самая реформа Лютера не была бы так далека от истинной Церкви, какою она вышла при других условиях».

Исторические обстоятельства России, стонавшей под игом монголов, и Греции, покоренной турками, воспрепятствовали Православию воспользоваться Гуситским движением. «Все попытки к сближению остались безуспешным, но тем не менее память обоих этих героев (Гуса и Иеронима) останется навсегда в сердцах друзей Православия».

Напомним теперь несколько подробностей о жизни Гуса, представляющей много поразительного.

Он был, например, сожжен в день своего рождения, 6 июля 1415 года (род. 6 июля 1369 года).

«Так совпали в жизни этого великого и праведного человека два рождения: одно — для жизни временной, другое — вечной; два крещения: одно — в воде, другое — в огне».

В детстве, читая однажды жития святых, он дошел в житии архидиакона Лаврентия до того места, где этот последний, испеченный на железной решетке, при императоре Валериане, говорит исполнителям казни: «Испеклось, поворотите!» Гус так был увлечен рассказом об этом мужественном перенесении страданий тела, что решился сам испытать, до какой степени дух может быть нечувствителен к страданиям плоти.

И ему самому привелось действительно подвергнуться такой же мучительной казни, которую перенес он с таким же удивительным, сверхъестественным мужеством.

«Гуса вели на казнь среди огромной толпы народа, сочувственно относившейся к несчастному страдальцу. Речи его к народу, на пути к костру, производили глубокое впечатление. Гус просил молиться за него, невинного. Народ волновался. “Мы не знаем, в чем он виноват”, раздавалось со всех сторон, “он молится и говорит, как истинный праведник”. Шествие двигалось тихо, часто останавливалось, народ запружал узкие улицы! Поле между Готлибенской слободой и садами замка, место казни, было усеяно народом. Взойдя на костер, Гус обратился к народу с речью; но католики, опасаясь последствий той прощальной речи, ускорили казнь. Палачи обложили тело

Гуса, до пояса, дровами и соломой, скрутили руки назад и привязали их к столбу мокрою веревкой: он был поставлен лицом к западу, и засмоленная веревка вокруг шеи и столба не дозволяла шевельнуться. Вместе с первым огненным языком, охватившим дрова и солому, Гус запел громким голосом: "Христе, Сыне Бог живаго! помилуй мя грешнаго!", и эта песнь, заглушая треск горящих дров, болезненно отдавалась в сердцах присутствовавших и молитвенно возносилась к небу...»*

По свидетельству Енея Сильвия, который сам сделался папою и, следовательно, в пристрастии не может быть заподозрен, «Гус шел на смерть, как на веселый пир; ни один вздох не вылетел из груди его; нигде не обнаружил он ни малейшего признака слабости. Среди пламени он до последнего издыхания возносил молитвы к Богу Отцу».

Строгой, безупречной нравственной жизнью отличался он с самого нежного возраста. Суровый к себе и задумчивый, он отличался вместе особенной кротостью и приветливостью, которая привлекла к нему сердца всех обращавшихся к нему.

В жизни это был христианин в самом высоком значении этого слова.

Примечательно, что в числе первых обвинителей было «возбуждение народа против духовных властей и природных чехов против иноземцев».

Вот к какой древности относится эта метода — виноватых отклонять от себя обвинение и переносить его с больной головы на здоровую.

Некоторые из последователей Гуса были, вскоре по его кончине, в Константинополе, за два года до взятия его турками, и исповедание их признано решительно Православным. Константин Ангелик приобщен святых тайн, о чем сохранилось свидетельство в особой грамоте, подписанной знаменитыми духовными сановниками того времени. (Она печатается теперь Петербургским нашим отделом.)

Итак, если немцы считают Гуса предшественником своего Лютера относительно обличения злоупотреблений папства,

* Чех Ян Гус из Гусинца. Соч. Бильбасова, CLXXIX.

то мы гораздо с большим правом можем признать его ревнителем Православия, хотя ему положительно неизвестного.

Но точно ли Православие, как учение Греко-восточной церкви, было неизвестно Гусу? Едва ли! При такой неизвестности, как бы можно было объяснить поездку друга и товарища его, Иеронима, в Россию? Не приезжал ли Иероним к нам именно с целью познакомиться с нашею Церковью? Познакомиться с нею, приняв св. причастие, защищая Восточную церковь, как истинную (что поставлено ему в вину на Констанцском соборе), он, без сомнения, передал все узнанное своему другу и товарищу Гусу.

Разумеется, они не смели указать прямо, где сохраняется истина Христианской церкви, которой они искали и к которой ощупью приблизились, не смели провозгласить Православие пред началом своего процесса, для усугубления своей вины пред папою, когда и несколько частных замечаний вело уже их на костер.

Чехи, католики и протестанты, даже беспристрастные, благонамеренные, ученые, например, знаменитый Палацкий, не могут судить о Гусе не односторонне, потому что незнакомы с Православным учением и находятся под бременем общего предубеждения: они видят в нем только реформатора, а мы видим в нем и его почитателях наших союзников, приверженцев, к которым и взываем: приидите, оглашеннии, оглашеннии, приидите.

Вот, кажется, единственный вообще исход спасения для Чехии: ибо чтить память Гусову, видеть в нем идеал и не делать его дела, прославлять его учение и жить, без зазрения совести, в совершенном противоречии с этим учением, есть просто non-sens, нелепица. Такое фальшивое положение не может продолжаться перед судом разума: чехи, если верят Гусу, должны принять его учение.

А до тех пор мы, русские, имеем право говорить, что Гус принадлежал больше нам, чем чехам, потому что его правила заключаются в нашем учении и ни в каком другом, — исполняются нами, а не чехами.

Да, мы относимся к Гусу так же, как и к св. Кириллу и Мефодию: славяне празднуют их память, покланяются им, а заповедей их, по странному противоречию, не исполняют! Чехи, мораване, словаки, кроаты, далматы, словенцы исповедают христианство по-римски и употребляют латинский язык. Русские вместе с православными болгарами и сербами — вот единственные наследники св. Кирилла Мефодия.

Великое, необозримое поле открывается в наше время для Православия, и все обстоятельства как будто нарочно слагаются в Европе в пользу, честь и славу его. С одной стороны, Римский Вселенский так называемый собор, с непогрешимостью папы, с непорочным зачатием, с энцикликой и силлабусом, вразрез всему образованию Запада; с другой — протестантство, дошедшее по столбовой своей дороге до совершенного неверия, — и вот стремление многих достойных лиц из всех исповеданий соединиться с Православием. Давно ли прочли мы книгу Овербека и Пихлера, *немецких* ученых богословов? Ныне услышали воззвание *англичанина* Геферли построить православную церковь в Бирмингеме и отправлять богослужение на английском языке. Аббат Гате, *француз*, историк Христианской церкви, автор многих сочинений, признанных классическими в ученом мире, принимает Православие, издает книгу о Православном богословии и получает докторскую степень. Не говоря уже о движении в Америке в пользу Православия.

Если б подобные события случились в недрах католической или протестантской церкви, чего бы ни сделали они, чтоб содействовать движению, какие усилия употребили б для принятия в свои отверстые объятия стремящихся, для ободрения, укрепления недоумевающих и сомневающихся!

А наше духовенство молчит. Таков, говорит, искони характер нашей Церкви; она принимает с любовью всех желающих, но не любит употреблять усилий для их привлечения, не любит вступать в прения и, всего менее, нападать.

Я недавно был на Востоке и видел там католические и протестантские училища по всем главным городам Малой

Азии, не говоря уже о Константинополе и Афинах, — в Смирне, Бейруге, Иерусалиме. Западная пропаганда с ее богатыми средствами проникает не только к арабам, но и к грекам, к славянам, несмотря на все природное отвращение и сопротивление последних племен. Что же? Мы не должны принимать никаких мер против совращения наших единоверцев?

Может быть, действительно, так должно, так лучше! Я не богослов; но, наблюдая все эти явления, со страхом воспоминаю слова Спасителя, сказанные иудеям: «яко мнози от востока и запада придут, и возлягут с Авраамом и Исааком и Иаковом» (Мф. VIII, 11) и «яко отъимется от вас Царствие Божие, и *дастся языку, творящему плоды его* (Мф. XXI, 43).

Что если новообращаемые, проникнутые Православием, вознесут о нем свой голос во всеуслышание, начнут обращение в Европе, а мы будем продолжать свое молчание и оправдываться, что это не наше дело, не в нашем характере!

Да, мы находимся в удивительно счастливом положении, по природе вещей, относительно как этих, так и многих других европейских вопросов. Надо только, чтоб мы и наши единоплеменники, *не исключая поляков*, поняли свое положение и уразумели, в чем и как должно искать спасения для всего славянского мира!

Славянский благотворительный комитет имеет, как известно, главной своей целью воспитание и нравственное, духовное пособие своим единоверцам и единоплеменникам славянам в духе Православия и народности. Вот почему мы сочли своей обязанностью устроить нынешнее заседание, посвященное исключительно памяти Гуса, в назидание преимущественно тех славян, которые подвергаются опасности на Востоке от иезуитов, чтоб они увидели разительный пример, как смотрело искони папство на наши главные догматы и как его уклонения от первоначальной Христианской церкви и злоупотребления были всегда чувствуемы глубоко — добросовестными членами даже Римской церкви.

С другой стороны, мы хотели указать чехам на странное противоречие, в каком они находятся в отношении к Гусу.

Некоторые друзья славянства вознамерились послать в дар им, по этому случаю, *чашу*, которая осталась бы для них на веки веков напоминанием о нашей братской любви, усердии и участии в их судьбах.

Достойный наш сочлен Ф. И. Тютчев, приехавший на днях из киевского путешествия, узнав о нашем намерении, вполне одобрил его.

Из его сердца вылились тотчас стихи, которыми я и заключу мою речь и которые после жертвователи отправят в Прагу вместе с нашим усердным приношением.

<…>

* * *

В Прагу послана была из заседания телеграмма следующего содержания:

«Поминаем единодушно с братьями-чехами великого славянского деятеля, запечатлевшего мученическою смертью свои заветные убеждения о святом причащении мирян под обоими видами, о церковнославянском чиноначалии, об употреблении славянского языка… Посылаем вам в дар чашу, украшающую настоящее наше собрание: пусть она на веки веков останется памятником русского усердия во славу бессмертного Иоанна Гуса. Приветствуем с любовью всех славян, собравшихся на народное торжество в Прагу и Гусинец».

IV. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Исторические размышления. Об отношении Польши к России

(писано в 1831 году и было напечатано в «Телескопе»)

> Мы занимаемся здесь наукою, наукою чистою: по существу своему она беспристрастна, бескорыстна, она чуждается всякого влияния внешнего, великого и малого.
>
> *Гизо в лекциях о французской Истории.*

Западные писатели не имеют надлежащего понятия о славянских народах. Находя непреодолимое препятствие в языке совершенно инородном, не надеясь, по закоренелому предрассудку, узнать что-либо любопытное у мнимых варваров и искупить тяжелые труды богатой добычей, французы, англичане и немцы (кроме некоторых частных исследователей) до сих пор при исторических рассуждениях своих уклоняются от славянской истории общими местами или даже преходят ее молчанием, как будто забывая, что славянские народы составляют почти десятую долю всемирного народочисления, населяют почти десятую часть всей земной поверхности и наконец в лице России занимают первое место в системе государств, следовательно, имеют всемирное значение. Вот почему и Гизо, начинающий собой новую эру в исторической науке, как Шлецер, Гердер, в славных лекциях своих о европейской истории пропустил почти имя славян, не зная, что славянская или вос-

точная История составляет такую же половину европейской Истории, как западная, которую он почитает целой, полной, не зная, что западной европейской Истории нельзя уразуметь вполне без знакомства с восточною или славянскою, которая представляет новые поучительные видоизменения всех западных учреждений: и феодализма, и монархии, и городов, и среднего состояния, и дворянства, и крестьян. (Не говорю уже о Восточной церкви в противоположности с Западною.) Вот почему в красноречивых выходках палатских членов во Франции и Англии слышатся иногда такие кривые толкования, такие грубые ошибки обо всем, касающемся, например, нас, что поневоле краснеешь за непростительное невежество ученых ораторов. Но всего больнее бывает русскому сердцу, когда сии заблуждения переносятся к нам, приводят в затруднение самих защитников наших, находят неискусных поборников или легкомысленных последователей.

Нет, например, ни одной мысли, более распространенной в политическом мире (повторяемой даже в некоторых наших официальных учебных книгах), как мысль о разделе Польши со стороны России, — а между тем справедливо ли это? И в I773, и в 1793, и в 1795 годах Россия не сделала никаких похищений, как обвиняют наши враги, не сделала никаких завоеваний, как говорят наши союзники, а только возвратила себе те страны, которые принадлежали ей искони по праву первого занятия, наравне с коренными ее владениями, по такому праву, по какому Франция владеет Парижем, а Австрия Веною. Еще более — России принадлежали некогда и другие страны, которые находятся гораздо далее на запад и юг, то есть Галиция и часть Молдавии. Пройдите по любой улице во Львове (Лемберге) и Галиче — вы услышите везде чистое малороссийское наречие, загляните в соборы — и вы увидите надгробные надписи знаменитых князей русских; разверните летописи — и вы найдете на всякой странице доказательства, что здесь процветало одно из сильнейших княжеств русских в XIII столетии, которое принимало деятельное участие во всех отечественных происшествиях, думало среди всеобщего упадка, при славном

короле Данииле, о свержении с России ига монголов, и уже после было отторгнуто поляками и венграми.

Да не скажут, принимая одно выражение Карамзина, что Галицкое княжение основано на завоевании Владимиром Святым Перемышля и Червеня в конце X столетия у польского короля Мечислава. И Лелевель говорит, что власть Мечислава в то время не простиралась даже до Кракова, не только на Перемышль и Червень. И Бандтке не произносит об этом никакого решительного мнения. Наш Нестор, достовернейший свидетель, говорит только: «Иде Володимер к ляхам, и зая грады их, Перемышль, Червень, и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью». (По Лавр. сп. в полном собрании летописей. Т. 1. С. 35).

Вероятно, что сии места, вне первой Польши, принадлежали таким же вольным языческим ляхам, как, например, радимичи, вошедшие прежде еще в состав русского общества. Или — сии города сделались нашею собственностью еще во времена Олега, у которого были в подданстве дулебы (в западной Волыни), тиверцы (по Днестру, до моря), и хорваты (в горах Карпатских), ходившие с ним на войну.

Волынь же, Подолия, Белоруссия издревле принадлежали к русским владениям: в самые первые времена нашей истории здесь обитали славянские племена, которые прежде многих других, например, живших в Рязанских и Суздальских пределах, вошли в состав Русского государства. Еще более — здесь было средоточие, на этой сцене происходила, так сказать, наша история от времен Владимира и до монголов. Я укажу здесь только на общеизвестные, общепринятые положения, не прибегая к летописным подробностям: Коростен (между Овручем и Житомиром) встречается в истории Ольги; Овруч (в северо-восточной части Вологодской губернии) принадлежал Ярополку; Полоцк, Изяславль, Туров (в Минской губернии), Владимир-Волынский розданы в уделы сыновьям Святым Владимиром, Берестен (Брест-Литовский) находился во владении Святополковом; Дорогобуж (близь Ровна, в Волыни), Луцк, Цинск, Теребовль, Кременец, Дубно, Дрогичин,

Новгород-Волынский, Минск, Бужск принадлежали разным внукам Ярославовым. Исключим сии города из владений Литвы — что у нее останется? Только часть губернии Виленской и Гродненской. Но и в сих местах литовцы (племя по своему происхождению столь же чуждое Польше, как и России) с незапамятных времен платили дань князьям русским наравне с прочими славянскими и финскими племенами, вошедшими в состав Русского государства. Уже впоследствии, пользуясь временными бедствиями России, они покорили себе не только вышеозначенные города, составляющие ныне губернии Минскую, Могилевскую, Витебскую, Волынскую, но, соединясь с поляками, простерли свои завоевания до Московского княжения. И теперь большую часть народонаселения составляют там русские, а язык до позднейших времен был даже господствующим, гражданским, письменным. Кто же может сказать, что Россия имеет на Литву меньшее право, чем Англия на Валлис, или Франция на Бретань? Не говорю уж о правах Англии на Ирландию или Австрии на Ломбардию и проч. и проч., с которыми нечего и сравнивать Россию в этом отношении.

Теперь о Польском царстве. Европейские политики, рассуждая о нем, забывают, кажется, что со смерти последнего Пиаста, в XIV столетии, на престоле Польском последовательно сидели и литовские, седмиградские князья, и французские, шведские принцы, и саксонские курфюрсты. Почему же кажется им странным, что этот престол занят ныне Российским Императором? «Прежде дело было другое, — возразят мне общим местом, — прежде избрания были вольные». Но бывали ль в Польше избрания вольные в полном смысле этого слова? Когда не действовали подкупы, чужестранцы, оружие! И я не знаю, найдется ли во всей польской Истории хотя одно восшествие на престол благороднее Александрова — был ли избран сей Российский Император по единогласному желанию Сената и представителей польских, или по соглашению с прочими государствами, решавшими в то время судьбу Европы, или как победитель, пришедший вслед за побежденными неприятелями, которые дымились еще кровию родных его детей!..

Да прилипнет язык к моей гортани, если я подумаю когда-либо святое науки умышленно представлять в ложном свете для частных видов, хотя бы это было даже в пользу моего Отечества!.. Но вот мысли, родившиеся во мне при чтении польской Истории, без всякого отношения к нынешним происшествиям.

В природе нравственной, наравне с физической, представляется везде действие и противодействие — какое-то право возмездия, как бы в исполнение слов Пророка: творяй милость в тысячи, и отдаяй грехи отчи в недра чад их по них. Истории всех государств представляют очевидные тому доказательства; но нигде сие возмездие не совершалось столь кротким, можно сказать, христианским образом, как в России. От основания Русского государства и до позднейших времен, то есть от IX столетия и до XVII, посягал ли русский меч хотя на одну каплю польской крови? И наоборот, иссякали ли хотя на короткое время, в продолжение сих столетий, реки русской крови, пролитой польской, литовской саблей в руках Болеславов, Гедиминов, Олгердов, Витовтов, Баториев, Хоткевичей, Лисовских — крови, пролитой из самого сердца России, Москвы? Неужели за тяжелые страдания Россия — например, в эпоху католического могущества в Украине, при Василии Дмитриевиче, когда Можайск и Калуга сделались нашей границей, — неужели за судорожные мучения России при самозванцах поляки заплатили нам шестнадцатилетним подданством императорам Александру и Николаю, когда они были едва ли не счастливее своих предков, в эпоху их величия и славы, когда мы завели им училища, обучили войска, устроили финансы, установили суды, возбудили промышленность, облегчили судьбу поселян?.. Пусть какой-нибудь знаток польской Истории, пусть Лелевель (с которым я имел случай чрез «Вестник Европы» состязаться о Рюрике и Новгороде, когда он печатал свои замечания в «Северном архиве») отвечает на сей вопрос!.. Россия столь счастлива, что почти всегда имела на своей стороне справедливость наравне с силою и достигла своего могущества, обороняясь: пример единственный, и ни одна История не сравнится чистотой с нашей в этом отношении.

Сравните еще ее с судьбой прочих государств славянских: все они имели свои эпохи славы и могущества, и все как бы поочереди пали: Моравия, Болгария, Сербия, Померания, Богемия, Кроация, Славония, Далмация, Босния, Польша. Многие славяне потеряли даже язык свой вместе с воспоминанием о прежней славной жизни; в Померании, Мекленбурге, Саксонии и других странах Германии они онемечились, в Морее огречились, в Венгрии, между османами, отуречились. Одна Россия устояла против всех ударов судьбы. Искушенная собственными долговременными бедствиями, как будто искупленная смертью единородных государств, она возвышает величественную главу свою над их могилами и стремится к зениту своего могущества, воззывая к новой жизни те, которые Провидение к ней присоединило.

Этот зенит есть в Истории всякого государства, и чем позднее они достигают его, тем долее под оным остаются сообразно и с другими предыдущими обстоятельствами. Польша была в этом положении в XVI столетии. Кажется, вся сила европейского Востока — подобно ядру необразованной кометы, которое носится по небесным пространствам, пока не найдет себе твердой точки в системе мира, — останавливалась в Польше при Сигизмундах. Ей доставались тогда Богемия, Венгрия, Молдавия, Запорожье, Украина, Россия, Лифляндия, Пруссия, Померания, Ганза, Швеция*. Момент удивительный, бесприм-

* *Богемия* звала себе в короли Владислава Ягайло, также Казимира IV (1420), наконец действительно избрала и получила сына Казимирова Владислава (1471), который избран был после и *Венгрией* (1491), звавшей наконец к себе и Сигизмунда I (1526). Западная *Пруссия,* издревле принадлежавшая, поддалась опять Казимиру IV (1466), а восточная осталась как лено за магистром Немецкого ордена. Первый герцог прусский Альбрехт также признал себя данником Польши (1525). Господари *Молдавские,* и прежде еще бывшие под влиянием Польши, признали себя данниками Сигизмунда II (1551). Также Фирстенберг, магистр ордена Ливонского (1558), и Кетлер (1563) со всеми его владениями. *Ганза* избрала его своим покровителем. *Малороссия* присоединена была еще Литвою с прочими ее завоеваниями на Руси. Запорожцы получили твердую форму правления при Сигизмунде I и укреплены Баторием (1578). *Сигизмунд III* имел неоспоримое наследственное право на *Шведский* престол (1592), а сына его Владислава IV избирала себе в Цари *Россия* (1612).

мерный в Истории! Немногого недоставало, чтоб она удержала владычество над всеми сими обширными странами, но сего немногого недостало!.. Польша не успела, не могла воспользоваться благоприятными обстоятельствами, со своим liberium veto; и с той же минуты, при Сигизмунде III, начинается ее поступательное падение. Так, видно, должно быть! Прочитав внимательно начало и продолжение польской Истории, предчувствуем окончание. Сила европейскаго Востока понеслась в Швецию. По удивительному сцеплению обстоятельств сам Сигизмунд III проводил ее туда. Густав Адольф, Карл X, приготовлял было свое отечество к ее восприятию. Карл XII владел уже Лифляндией, Эстляндией, Курляндией, покорил почти Данию и Польшу, проникнул в Малороссию — но там, на полях Полтавских, встретил Русского гиганта, который вырвал из крепких рук его жезл самодержавия и завещал своим потомкам. У них, передаваемый из рук в руки, процветает он более и более, описывает круги обширнейшие…

Неужели все сии великие явления происходят случайно?

Неужели, скажем кстати, без цели, России одной досталось наследство Восточной Римской империи, между тем как наследство Западной разошлось между многочисленными владетелями, всеми государствами европейскими? Неужели без лихвы даны ей десять талантов? Нет. Новые наставники Истории, воспитанники христианской философии, вопреки глумлению застарелых невежд, научат нас видеть здесь действие Провидения, которое хочет, может быть, руками сего колосса, воздвигнутого над противоположными океанами, рассыпать новые семена жизни, неизвестной в ветшающих государствах европейских. С покорностью к Промыслу будем ожидать исполнения верховных его судеб, будем молиться и надеяться! Так! Россия и Польша соединились между собою, кажется, по естественному порядку вещей, по закону высокой необходимости для собственного и общего блага.

Мне остается теперь сказать нашим противникам, посторонним ораторам, которых только я и имею в виду, несколько слов еще об одном обстоятельстве. «Независимость народов

священна», — восклицают они. Я согласен: но что значит независимость и где сии независимые народы? Чем состояние Шотландии, Ирландии, Ломбардии, Этрурии, Венгрии, Богемии, Моравии, Греции, Сербии, Болгарии, Кроации, Славонии, Далмации отличается в этом смысле от Польши? Все славяне между собою братья; а англичанин с ирландцем, а австриец с венгром, а француз с корсиканцем, а турок с кроатом, а пруссак с померанцем и лузаком — разве только в сватовстве.

Еще более: государства сплавливаются из разных частей; как минералы, они нарастают по большей части снаружи. Разделять химически сии части, желая возвратить им независимость, предприятие, говоря вообще, суетное, невозможное, безумное. Всю Европу надобно будет поставить вверх дном, погрузить в бездну междоусобий, разъединить гражданские общества, чтоб возвратить народам, или, лучше, уже семействам их прежнюю независимость вместе с варварством. Давно ли независимые жители Прованса и Лангедока называли язык своих северных едноземцев собачьим лаем — а теперь сии жители, дети одного семейства, умножают свое благосостояние, пользуясь общими выгодами. Пройдите все государства — и вы на всякой десятине встретите одни и те же явления. Одна смесь мельче, старше; другая крупнее и моложе. Вот вся разница. Древние смеси были спасительны — этому учит нас История. Например, в XV веке все государства европейские разошлись в приданое: Мария Бургундская принесла Максимилиану Австрийскому Бургундию, Иоанна, дочь Фердинанда Католика, сыну его Филиппу право на Испанию, Америку и Неаполь, Анна Карлу VIII Бретань и проч. и проч. Кажется, что может быть неестественнее, несогласнее с правом, бесчестнее для народов — доставаться женихам почти в сундуках, вместе с рухлядью; а между тем сими несообразными действиями утвердилась в Европе XVI столетия спасительная власть монархическая и дорушено здание феодализма. Такое благодетельное действие имели и другие смеси: зачем же мешать новым, может быть, благодетельнейшим для человеческого рода?

Наполеон на острове Св. Елены — а он оттуда видел далеко политическим своим глазом — говорит, что все европейцы со временем должны разделиться по родам и составить государства…

Нет! истинная независимость народов и людей, тождество воли с законом, царство истины, красоты и добродетели, Царство Божие может быть прибретено только просвещением, просвещением, основанным на Евангелии. А просвещению в Европе никто не мешает, или, лучше, никто уже не может мешать, даже Махмут II. Naturam furca expellas, tamen usque redibit. Вот что, кажется, должны иметь в виду наши противники, рассуждая о нынешних делах польских...

Не вступая в прение о судьбе народов, не произнося судебного приговора их действиям, я, как наблюдатель, хотел только предложить искреннее свое мнение о любопытном современном вопросе, на который иностранцы смотрят, как мне кажется, не со всех сторон. Может быть, я увлекся чувством народной гордости, любви к Отечеству... я готов сознаться в своих ошибках, но — honny soit qui mal y pense...

Польша и Россия

Европа накануне великих потрясений и великих переворотов. До чуткого уха уже доносятся глухие раскаты грома. В ожидании неминуемой грозы Россия и Польша должны сблизиться между собой как можно теснее, должны составить одно дружное целое. Насильственное, случайное соединение должно претвориться в полюбовное, разумное. Вот чего боится Европа, вот что старается всеми силами не допустить немецкая дипломатия, вот что чуя, Пруссия укрепляет Кенигсберг, вот о чем должны стараться все мы, славяне, верные сыны России и Польши.

Живо чувствую я положение образованного поляка, знакомого со своей историей, и принимаю к сердцу справедливые его сетования.

Однажды случилось мне возвращаться из чужих краев через Польшу по железной Краковской дороге — осенью 1853 года.

В первую минуту начинаются обыкновенно разговоры в вагоне, кто, куда и откуда едет. В числе путешественников находился молодой человек, лет 25, прекрасный собою, высокий ростом, стройный, с длинными, густыми, светло-русыми волосами, — румянец во всю щеку. Это был поляк, но родившийся не в Польше и ехавший в Варшаву только в первый раз, как из разговора оказалось: на чье-то сомнение или вопрос, как он, быв поляком, не знает Варшавы, молодой человек запнулся и в приметном волнении отвечал что-то неясно.

Я сидел на средней лавке, он под окошком против меня. Двинулся поезд, и разговор прекратился. Молодой человек, привлекший мое внимание, высунулся всей головой из окошка, облокотясь обеими руками о стенку. Страна, по которой пролегает дорога, пустая, однообразная, скучная, — одни болота, кое-где мелкие кустарники, вдали лес. Погода была пасмурная, осенняя, начинало темнеть, мелкий дождик моросил. Поляк, высунувшись, оставался долго неподвижный. Прекрасные его волосы развевались ветром. Казалось, он ничего не чувствовал, вперив свои взоры в туманную даль. Сердце мне сказало, что это изгнанник или сын изгнанного семейства, который в первый раз видит свое отечество, боится пропустить один шаг, впивает родной воздух. Какие думы проносились через его душу! Долго оставался молодой человек в одном положении, потом вдруг стремительно встал, отворотился, свернул плащ себе под голову и лег ничком на лавку.

Эта четверть часа произвела на меня удивительное действие: грустную элегию, высокую оду о любви к отечеству прочел, почувствовал я в безмолвных, стремительных движения молодого человека.

Дорого отечество для всякого благородного существа, не погрязшего в ежедневной злобе, и чем положение его несчастнее, даже виновнее, тем оно дороже, тем сильнее возбуждает любовь и сострадание.

Но одной Польше, на своей равнине, между Пруссией, Австрией и Россией, существовать, если и возможно, то трудно, беспокойно, невыгодно, опасно. Так распорядилась география, так помогла история. Для соединения с Пруссией и Саксонией опыты были, и что показали? Познань, под управлением прусским, где земля почти уже наполовину перешла к немцам и польское начало, видимо, изнемогает, и Галиция, где польские помещики недавно еще были преданы ножу, представляют ясные доказательства опасности немецких соединений. А Запад? Мы говорили уже о нем выше.

…Стерпится — слюбится: в настоящих обстоятельствах это лучший образ действия. Александр II желает искренно добра как русским, так и полякам. Это всего важнее. Освобождение крестьян есть уже большой шаг на пути к успеху. За этим шагом последуют другие, ибо останавливаться нельзя, и Польша, в своем благоденствии, Бог даст, найдет вознаграждение за перенесенные страдания. Трудно дожидаться так долго, тяжела зависимость от так называемого случая, да что же делать, если так вырабатывается и строится история не у одних нас?

Смею думать, что важнейшим препятствием к приведению дела в лучшее положение служат неумеренные или, лучше сказать, несправедливые притязания поляков, которые приписываются им русскими, начиная с Карамзина, и не без основания. Вот об этих-то притязаниях хочу я поговорить теперь, чтоб отстранить всякие недоразумения и поводы к распре, мешающей не только нам, полякам, но и всему славянскому миру.

Постараюсь привести вопрос в самую краткую и простую формулу.

Польша, думают у нас, будет искать прежних своих границ, то есть старых своих завоеваний.

Помилуйте! Как же можно думать ей о старых завоеваниях, ею с бою потерянных, когда мы, русские, новые свои завоевания согласимся не считать завоеваниями? Ведь это было бы non-sens.

Если принимать началом основание, завоевание, то Польша принадлежит теперь России, и толковать нечего. Если же согласиться, что Польша не принадлежит России, то кольми паче не принадлежат Польше ее прежние, временные завоевания в России, которые оставались, как были искони, Русскими, с Русской верой, с Русскими обычаями, с Русским языком.

Язык — вот естественная граница народов.

Где говорят по-польски, там — Польша.

Где говорят по-русски, там — Россия.

Какое основание может быть вернее и справедливее? На Волыни, в Подолии, Белоруссии только помещики и горожане поляки, потомки старых завоевателей: они должны быть вознаграждены, если б не захотели остаться в своих местностях. Вот и все. Владимир, Полоцк, Минск, Каменец, точно как Киев, Чернигов, Смоленск, никогда не были, никогда не будут и никогда не могут быть польскими. Во веки веков не согласится на это не только правительство, но и никакой русский.

Но о пределах нам спорить будет нечего. Лишь было б жить одинаково привольно, льготно и хорошо, по сю и по ту сторону Немана и Буга, так вся Россия предстанет к услугам Польши, точно как вся Польша откроется для России. Чем просторнее, тем лучше. И вот тогда-то Россия и Польша, соединенные между собой узами дружбы и любви, получат возможность помочь своим несчастным единоплеменникам, славянам, томящимся под чуждым игом, получат возможность помочь действительнее и чище, чем Франция помогла теперь итальянцам.

Европа, повторяем, накануне великих переворотов и потрясений. Горе, если они застанут нас врасплох! Великое горе, если у поляков, равно как и у русских, повторятся прежние ошибки! Имея уши слышати, да слышит!

1859 г.

30 июля.

Послание к полякам*

Решаюсь обратиться к вам с искренним словом, дорогие славянские братья, и смею надеяться, что вы примете его с той же любовью, с какой оно предлагается, хотя бы в чем и не согласились со мной.

Мы живем в бурное время, когда чувства, не только страсти, долго сдержанные во всей почти Европе, воздействовали, по закону упругости, с сугубой силой. Игры вздаются мудреные и крупные: один неосторожный или неудачный шаг может подвергнуть иногда опасности целую фортуну. Никогда не было так важно правило: будьте мудры, яко змии, и цели, яко голуби. Мы, русские, услышали с горестью о волнениях, обнаружившихся в Варшаве. Какое время выбрано для этих искусственных волнений, называемых на западном языке демонстрациями? То время, когда общее нам правительство, или, лучше, когда общий наш Государь, благодушнейший из людей, только что приводил к концу, несмотря на многочисленные затруднения и препятствия, одно из величайших либеральных преобразований, которому вся История не представляет подобного — освобождение 23 миллионов крепостных русских крестьян, количество, которое в пять раз превышает число жителей Царства Польского. Как же вы не разочли, что за таким громадным преобразованием непременно должны последовать другие, тесно и органически с ним связанные! Как же вы не рассудили,

* Это послание написано было тотчас по получении в Москве первых телеграмм о беспокойствах варшавских. Написав впопыхах, после я стал думать, — во-первых, пускать ли ее в ход, чтоб не оскорбить поляков; во-вторых, какие найти средства для напечатания. Вдруг получаются из Царства известия о новых важнейших смятениях. Письмо мое, следовательно, опоздало, и продолжение моего дон-кихотства делалось слишком смешным: в таком шуме, при таком возбуждении страстей тихий, спокойный голос кто расслышит? Я печатаю свою статью дома: пусть она остается, в настоящие решительные минуты истории русской и польской, свидетельством русских неофициальных чувств и мыслей.

Статья, впрочем, не была тогда напечатана. — *Позд. примеч.*

что ваша судьба почти столько ж близка к любвеобильному сердцу Государя, как и наша! Дожидавшись долго, почему не подождали еще мало? Судите сами, каково было Ему, среди несомненных размышлений, как дать Царству новые учреждения, согласные с требованиями времени и вашего развития, может быть, отчасти уже и готовые, каково было Ему, особенно в первую минуту, получить вашу жалобу, вслед за оскорбительными демонстрациями? Пусть всякий честный человек вообразит себя просто в таком положении. Что я хочу дать, то у меня силятся отнять, да еще с угрозой: я ему друг, а он предполагает меня врагом, и сам начинает враждебные действия против меня — я лишаюсь прекрасной миссии своей. За что? Этого мало! Мне дается противоположная, и мне остается только выбирать между жестокостью и слабостью. Это тяжело! А противная сторона, сторона, которая во всей Европе силится остановить движение, сторона тьмы, имеющая у нас много особенных качеств, тут как тут! Разумеется, она постарается все дурное увеличить, все растолковать криво, везде наставить привидения. К счастью вашему и нашему, доброе сердце подсказало Государю доброе слово, нашло mezzo termine: увлечение!

Да, вы увлеклись, братья, как увлекались часто. Но пора уж перестать увлекаться. Время молодости миновало, несчастья провели по лицу морщины. Опытов накопилось много, и самых разнообразных. Сколько терпение, отличительное свойство русское, принесло пользы России, сколько нетерпеливости, отличительное свойство поляков, причинило вреда Польше. Я очень сознаю, что прекрасное свойство терпения имеет несколько принадлежностей, весьма похвальных и отрицательных, точно так, как с вашим нетерпением соединены многие блистательные качества, но au bont du compte, действительность, история, практика свидетельствуют в нашу пользу. Разумеется, многое можно сказать против, и с большим эффектом, точно как и отвечать можно с достаточным основанием, но не о том теперь должна быть речь — не о сравнении, не о праве, не о преимуществе, а речь должна быть о том, как в дан-

ных обстоятельствах, в эту минуту, в таком-то относительном положении Европы, России и Польши, при таком-то Русском Государе и польском царе поступать вам следует.

На Запад, повторю в десятый раз, ни вам, ни нам надеяться нечего. Запад, то есть, по выражению Нестора, немцы французские, английские, немецкие и прочие, будут действовать, смотря по тому, как найдут полезнее для себя, а не для нас, не для поляков, не для славян: найдется выгодным наше спокойствие, они будут проповедовать достоинство мира в парламентах, в газетах, в собраниях; если понадобится им в мутной воде рыбы половить, они взволнуют хоть море со дна. У них есть своя логика, которую они употребляют по-своему, которой блистательные примеры они представили во время последней Турецкой войны и которую теперь, нимало не смущаясь, выворачивают наизнанку. Лорд Россель говорит, например, торжественно, что тосканцы, романцы, сицилийцы имеют полное право на независимость, а греки на Ионийских островах, ирландцы не смей и думать о сопротивлении английскому комиссару. Ламартины, Вильмены, Гизо, Берье, представители самых противоположных партий, восклицают в один голос, что единство Италии вредно Франции и потому надо ему препятствовать. Пруссия — либеральное государство, с министерством либеральным, граф Шверин — представитель левой стороны в либеральной палате и говорит без околичностей, что шесть сотен тысяч немцев в Познани нельзя принести в жертву семистам тысячам поляков. Я представил бы достопочтенному графу следующий вопрос: бывает по сто, по двести и по тысяче гостей в доме у того или другого хозяина, званых и незваных — что же? имеют право эти господа давать приказания хозяину и заставлять его плясать по своей дудочке? Как бы ответил на этот вопрос либеральный немец! В чужой монастырь со своим уставом не ходят, говорит русская пословица. Нет, высшей политики, беспристрастной, бескорыстной, политики добра, человеческого права и любви Запад еще не понимает, и самые высокие его деятели политические до нее не доросли. Там господствует еще ста-

рая, обветшалая метода. Какие планы имеет, чем кончит свое действие Людовик Наполеон — неизвестно.

Как бы то ни было, начинать тридцатилетнюю войну в обстоятельствах, благоприятных или неблагоприятных, есть нелепость как для нас, так и для вас. Лучше заключить тотчас Вестфальский мир. Плоды войны, какие бы они ни были, никогда не вознаградят жертв, которых она потребует.

Спорный, затруднительный вопрос между нами, вопрос, о котором мысль ставит даже русское большинство против желаний Польши, есть вопрос о границах.

Мысль моя о границах прошла через разные фазы начиная с 1831 года, когда я написал первую статью об отношениях Польши и России. Я возвращался к этому вопросу несколько раз. В последний раз пришло мне в голову следующее предположение.

Представим себе, что Польша есть сильное, самостоятельное государство, цветет и благоденствует, владеет и Силезией, и Познанью, и Померанией, и Галицией, и Волынией, и Подолией, вплоть до Киева и Смоленска, ну хоть Киевом и Смоленском…

Что же мы, русские, достигнув до настоящей степени самосознания, неужели мы оставили бы за вами все эти ваши завоевания беспрекословно? Неужели мы покинули бы своих братьев, русских, с русским языком, с русской верой, стонать под чуждым игом? Нет, мы схватились бы за оружие во вторую минуту своего самосознания и освободили бы их во что бы то ни стало. Иначе мы были бы недостойны имени граждан или людей. Да, я уже почти старик, человек мира, который терпеть не может никакого оружия и отроду не заряжал ружья, я отправился бы на войну и повел бы своих сыновей. И шестьдесят миллионов, верно, сладили бы с десятью и достигли б цели.

Ну, так как же вы хотите теперь, находясь в обстоятельствах, противоположных описанным, желать не только собственного освобождения, но еще чуждого завоевания — мечтать не только о невозможном, но и о несправедливом? Ведь это non-sens. Вы, положим, наги и хотите, чтоб вам не только

отдали другие ваше платье собственное, но еще чтоб скинули свое, вами потерянное, бывшее когда-то в ваших руках, поднесли для разнообразия вашего гардероба, и сами остались sans culottes. Помилуйте, где вы таких дураков отыщете? Чужого нам не надо, а своего ни пяди, ни за что. Отдадим нашу тяжбу на чей угодно суд, не только братский, славянский, но даже любой немецкий. Об этом толковать, следовательно, нечего, и я уверен, как бы ни спорили многие, что здравомыслящая часть польского народа со мною соглашается.

Вместе с объясненным предположением пришла мне в голову и другая мысль: на что нам географические границы? Лишь было б хорошо вам и нам! Больше желать нечего: это было бы глупо. Чем просторнее, тем лучше. Русские в Польше, поляки в России, вплоть до Восточного океана и Гималайских гор! Национальность выражается в языке, истории, литературе, пожалуй, в религии, в именах, в личностях. На что границы для настоящего времени? Будем считать вот как: в IX столетии Польша владела вот чем, в XII Россия распространилась вот как, в XV Польша явилась там-то, а в XIX мы разошлись вот тут-то. Никому не обидно, и все в точности по истории.

Польша и Россия — это сила, необоримая в Европе! Ее-то и боятся все друзья и недруги, ваши и наши!

Когда пришло в Москву первое известие о смятении, происшедшем в Варшаве, я думал, не принадлежит ли оно инстигациям австрийским с целью возбудить Россию против Польши, и, следовательно, против Венгрии, и, следовательно, против всего европейского антиавстрийского движения, связать судьбу России с судьбой Австрии, навести на одинаковый образ действий и тем еще раз найти себе спасение в настоящем безвыходном положении?

Впрочем, и кроме Австрии найдутся в Европе благоприятели, которые рады заварить какую угодно похлебку из элементов, оставшихся от стряпни Шекспировых ведьм в «Макбете», лишь только чтоб Россия могла ею отравиться.

Польша и Россия — неужели это звучит хуже, чем Польша и Саксония, чем Польша и Пруссия, даже чем Польша одна?

Нет, нет, нет, тысячу раз нет. Польша и Россия, порознь, теряют в десять раз своей силы, а Польша и Россия вместе — сила их удесятеряется. Россия и Польша — вот к чему должны обращаться все усилия порядочных русских и польских людей.

В эту минуту, для этой цели должны умолкнуть все частные предубеждения, споры, толки. Возьмите пример хоть с самого Мадзини: он умолк и посылает своих приверженцев и агентов становиться в ряды Гарибальди и содействовать Виктору Эммануилу, а там что Бог даст, то и будет. Точно так Германия, пожалуй, будь единой, Италия, Греция, славяне, под какой бы то ни было формой.

Какая же цель моего послания?

Убедить вас, сколько возможно, милые братья, чтобы вы приняли положение спокойного, торжественного ожидания, чтобы вы не подавали европейским государствам повода лукаво указывать России на Польшу и предъявлять свои требования, чтобы вы перестали связывать России руки в отношениях ее к западным европейским государствам и преимущественно к несчастным славянским племенам, стонущим под игом Турции и Австрии; вообще, чтоб вы не мешали начатому ходу, не запутывали бы и без того уже слишком сложных узлов — одним словом, чтоб вы оказали полную доверенность доброму сердцу Александра II.

Время сильнее всех на свете. Время есть такой революционер, какому не отыщете подобного нигде и никогда. Что было за 20, за 30, за 40 лет в Европе, во Франции, в Австрии, в Венгрии, в Италии, в России и что стало теперь? Бог говорит Ездре: «Едва исполнивши девять месяцей своих, аще возмогут ложесна ея (жены) в себе удержати плод?» Ездра отвечает: «Воистину не могут, Господи».

Своими неуместными усилиями мы можем только портить, вредить, мешать свободному, спокойному, естественному развитию дела, как это вам в рескрипте и замечено.

Не думайте, что спокойное ожидание унизительно, что стыдно принимать, а лучше, благороднее, славнее, вырывать из рук, а как не вырвется?

Иногда бездействие бывает лучше действия, точно так, как в молчании слышится часто громовое красноречие.

Мы живем не по дням, а по часам. Самая мысль переговариваться с вами, которая пришла мне теперь в голову, а покойному Хомякову с сербами, есть уже совершенно новое явление; напечатать же ее, огласить, недавно еще никто и подумать бы не посмел.

Близкий к Мицкевичу еще в 1828 году, в приятельских ученых отношениях с Лелевелем с 1824 года, прошу вас принять мое слово с любовью: я говорю как русский, как славянин, как европеец. Если вы найдете здесь что-либо оскорбительного, простите, имея в виду, что у меня не было никакого злостного намерения, точно как и нет никакого недоброжелательного чувства. Кстати, я повинюсь здесь в некоторых выражениях, проскользнувших, с умыслом или без умысла, в прежних моих сочинениях. Теперь за границей напечатанных: вспомните и сообразите, когда были писаны мои письма, могли ли они быть пущены в свет иначе, в тех обстоятельствах, в каких я находился. Я частный человек, занимаюсь историей, слежу за ходом вещей как в России, так и в Европе; многие мои соображения оправдались событиями, как это ясно доказывают напечатанные за границей письма — вот что придает мне смелость; притом наше время, само по себе вызывая на размышление, вызывает и на сообщение своих мыслей: поэтому я и решился написать это послание.

О, если б нам досталось сколько-нибудь вашей живости! О, если б вам досталось сколько-нибудь нашего терпения! Но судьба распределяет свои дары по собственному масштабу. Так будем помогать друг другу искренними советами, будем делиться друг с другом своими советами, будем любить друг друга, — русские уж любят вас, — а где любовь, там и жизнь, и свобода, и счастье.

Москва.
1861 г.
20 марта.

1. P.S. Слава Богу, слава Богу! Государь предал забвению полученное огорчение. Вслед за рескриптом, в котором выразилось в первую минуту сознание оскорбленного достоинства, сделано много важных преобразований, открыта дорога для будущих, предоставлено городовым советам, или, выражусь по-старому, сеймикам, заняться рассуждениями о потребностях края, сменено несколько лиц, возбудивших жалобы, назначены новые, пользующиеся доверенностью народа. Мы рады без памяти: братья, верно, удовольствуются прекрасными началами и убедятся, что Государь после освобождения 23 миллионов русских именно считал первым своим долгом новое устройство Царства, как это и замечено в циркуляре князя Горчакова.

2. P.S. Увы! Видно, наверху написано иначе. Поляки влекутся какою-то необозримою силой… куда? Бог один знает! Нам, друзьям поляков как славян, остается только скорбеть и скорбеть.

Истинно, нельзя понять, чего хотят в эту минуту поляки, после торжественных изъявлений воли и намерений Государя Императора, как они соразмеряют свои средства с целью и какая у них цель.

Европе мудрено теперь вступаться за поляков: у каждого государства есть много дела у себя, и все они готовы, наоборот, принести в жертву поляков в двадцатый раз, если только окажутся какие-либо от того для них выгоды.

Или — представим себе Европу беспристрастной и бескорыстной: тогда почему ей вступаться прежде за Польшу, чем за Сербию, Болгарию, Грецию и проч. и проч.

Положим, что русское войско оставит царство в эту же минуту и расположится на границах польского языка, предоставляя поляков самим себе. Что начали б они делать? Думают ли они, что немцы австрийские и прусские оставят их в покое? И suffrage universel не упадет ли тотчас к ногам Александра II с просьбой принять царство опять под свое покровительство?

Мне кажется, если б даже объявить теперь в Варшаве такое решение, то большинство явилось бы на нашей стороне.

Очень жаль, что у нас не печатают никаких частных известий из Варшавы и мы узнаем кое-какие подробности из иностранных газет, а там везде свои виды. Официальные известия очень недостаточны. Характер их — иной. Притом встречаются между ними престранные выражения, вследствие плохого знакомства с русским языком, например, в последней телеграмме сказано: «Бой возобновлялся несколько раз». Мы знаем бой Бородинский, Лейпцигский, но уличную схватку или обмен несколькими выстрелами, от коих упало десять человек, нельзя назвать боем. Земледельческое общество упразднено. Почему упразднение последовало именно теперь, а не прежде или после? Кому принадлежит первая мысль? Чего именно хотела манифестация? По какому поводу раздался первый выстрел? Войско, говорят, имело приказание оставаться покойно на местах. Выходя на службу, оно держит себя самым скромным образом и подвергается всем возможным оскорблениям.

Как же не подумают поляки, что они могут вывести людей самих по себе из терпения, и тогда что будет? Или они и имеют это целью? Цель, которой не одобрит никакой благоразумный, истинный друг Отечества. Я слышал, в одном письме пишут, что с верхнего этажа из вынутой оконницы брошен был на проходивших солдат огромный камень, коим убито двое или трое (?) и что в это окно пущен был выстрел. Что это за действие?

Кроме частных известий о новых событиях, мне кажется, вообще полезно было бы разрешить печати рассуждение об отношениях России и Польши между собою. Поляки, особенно эмигранты, пишут, увлекаясь и предубеждениями, и настоящими обстоятельствами, и распространяют в Европе пристрастное мнение, мечтают о каких-то мифических границах — audiatur et altera pars. Пусть позволят нам писать свободно и искренно. Русины, составляющие главное народонаселение Галиции, возвышают уже свой голос. Малороссияне, в губерниях Волынской, Подольской, Киевской, Гродненской и проч., должны присоединиться к их хору.

Белорусы также имеют своих представителей. В самом Царстве Польском, в Августовском и Люблинском воеводствах, в северо-восточных пределах Венгрии есть множество наших братьев, русских.

Мы будем отдавать наши писания на суд чехов, моравлян, словаков, сербов, болгаров, кроатов, и пусть братья пред лицом всей Европы судят нас с поляками, если они не хотят жить с нами любовно или расстаться полюбовно, если они не хотят слышать ничего, кроме чувств, увлекающих их Бог знает куда. Наши писания не будут обязывать правительство никаким образом: они будут только выражать частные мнения, которые и пусть принимаются к сведению европейцами, славянами, поляками и русскими. Что касается до меня, я все один и тот же — за свободу, но и за правду. (Ныне мы пользуемся уже этой свободой и рассуждаем о подобных вопросах открыто.)

Польский вопрос

Еще несколько страниц истории русской и польской обливаются кровью! Еще поколение губит понапрасну таланты, силы, надежды! Братья! Братья! Долго ли вам заботиться, неистовствовать, терзать друг друга на потеху ваших исконных врагов! Пора, давно пора образумиться, рассмотреть свое относительное положение беспристрастно, хладнокровно, взвесить на верных весах все обстоятельства pro и contra и определить раз и навсегда возможно успешный образ действия, — а в нем не может быть сомнения!

Тяжело, горько было истинным друзьям славянства узнать о новом безумном покушении произвести смятение в Польше!

И какими дикими, варварскими действиями сопровождается несчастная выходка! Поляки жгут по ночам живых людей, колют сонных солдат, грабят почты, таможни, путешественники подвергаются всем возможным и невозможным надругательствам за одно преступление — быть русскими.

А русские? В то самое время, когда кровь их братьев проливается самым изменническим, бесчеловечным образом, когда имя русское предается в Польше позору, — *слушайте* — из сотни тысяч поляков, живущих и служащих в России, *ни один* не получил упрека, оскорбления, огорчения, не только делом, но даже словом, взглядом, ни от одного русского. Так ли это? правда ли это? — спрашиваю я торжественно поляков, между нами живущих. Отвечайте же во всеуслышание, это ваша обязанность.

Или не думаем ли мы, что эти поляки нам сочувствуют и желают добра? О, нет, мы уверены, напротив, что все они сочувствуют в глубине сердца своим соотечественникам, как бы те ни были виноваты, и мы нисколько не осуждаем их за сочувствие, не жалуемся.

Вот за это легкое, доброе сердце, которое досталось на долю русского человека, преимущественно великороссиянина (малороссиянин в этом отношении себе на уме), при всех его недостатках и пороках, наследственных и злоприобренных, вот за эту простоту Бог нас никогда, скажу по-старому, и не оставит!

Если такое выражение сорвет чью-нибудь легкомысленную улыбку вследствие нынешнего поветрия, так и скажу иначе: в нравственном мире есть, должен быть, высший закон правды, без которого нравственный мир и существовать бы не мог, как физический без равновесия; вси вземлющие нож ножом погибают, свидетельствует история; невинная кровь вопиет к небу, по убеждению, выраженному в пословицах всех народов.

Нет, никакая цель не может оправдать, искупить подобных злодеяний; нет, они не доведут, не могут довести до добра!

Но не станем обвинять весь польский народ. Судя по всем обнародованным сведениям, это дело партии иностранных революционеров, которые имеют много других целей, кроме национальных. Они умели, несмотря на безверие, привлечь на свою сторону местных ксендзов, возбудив их фанатизм. Хорош союз атеизма с фанатизмом! Католическая церковь постоянно

учит, что вне ее нет спасения: отсюда Варфоломеевская ночь, ужасы инквизиции, кровавые козни иезуитов и нынешние события в Польше, которым давно уже не было подобных нигде в Европе. Простолюдины, в надежде спасения, повинуются слепо фанатическим внушениям, обещаниям и индульгенциям, молодежь увлекается блестящими призраками, мечтаниями, и несчастная страна делается игралищем козней и страстей, которые под новым видом стремятся погубить ее окончательно.

Стоя за свободу и самоуправление Польши, когда никто не решился у нас выражать вслух этих мыслей, я считаю себя вправе подать теперь свой голос: буду говорить просто, без околичностей и постараюсь вывести вопрос на чистую воду. Отвлеченные рассуждения не у места и не ко времени.

Для яснейшего обозрения я разделю Польский вопрос на составные его части и о каждой предложу свое искреннее мнение.

* * *

Главный предмет спора у поляков с русскими, или, лучше сказать главную мечту поляков, ибо для русских и вопроса не существует, составляют западные наши губернии: Могилевская, Витебская, Минская (Белорусская), Виленская, Ковенская, Гродненская (Литва), Волынская, Подольская, Киевская (Малороссия). Поляки называют их Забранным краем, помня, что он принадлежал несколько времени им, и забывая, что он искони принадлежал России, и не только принадлежал, но составлял и составляет существенную, утробную часть России, заселенный русскими людьми, говорящий Русским языком, исповедующий Русскую веру и не имеющий никакой истории, кроме Русской.

Европейцы, в особенности англичане и французы, до сих пор, к стыду своему, не имеют почти никакого понятия о нашей истории и повторяют, не краснея, всякую бессмыслицу, выдуманную партиями. Крайние поляки пишут, например, что Россия не существует, что России нет, nema Rusi, и что

русский язык не есть славянский язык! «России нет» — ведь такое восклицание оставляет далеко за собою и знаменитый стих нашего Крылова о Любопытном, который в музее внимательно рассмотрел и описал всех мушек и букашек, а «слона-то и не приметил!». Кажется, довольно бы для европейцев этих результатов, до которых довели поляков их исследования, чтоб отвергнуть с состраданием, если не с презрением, весь процесс их критико-исторической работы над спорным вопросом, вместе с ее основаниями. Но, видно, нет нелепости, которая не нашла бы себе последователей, особенно если она служит к обвинению России, которая все еще составляет какое-то бельмо на глазу у Европы, — жаль, что не типун на языке.

Поставим вопрос самым положительным образом.

Сколько считается жителей в девяти западных русских губерниях?

Около десяти миллионов.

Сколько между нами поляков?

Один миллион.

Кто составляет большинство по происхождению и языку?

Русские. Они составляют не только большинство, но и огромное: $^{3}/_{9}$ русских (в восточной части пропорции еще выше), $^{1}/_{9}$ поляков.

Евреев даже везде больше, чем поляков.

В такой же почти соразмерности находится население между собою и по *вероисповеданию*: православных русских с лишком 6 миллионов, поляков католиков меньше миллиона.

Русские — крестьяне, исконные туземцы, старожилы, аборигены; поляки — горожане, пришельцы, и даже не завоеватели, а находники вследствие позднейшего соединения Литвы с Польшею, о коем ниже.

Я говорю: туземцы, старожилы — разверните любую летопись русскую, от основания Русского государства в 862 году вплоть до нашествия татар в продолжение первых четырехсот лет русской истории, и на всякой странице найдете вы вместе с Новым-Городом и Киевом Полоцк, Витебск, Гродно, Брест, Владимир-Волынский, Пинск, Перемышль, Галич, Минск, Ту-

ров, Каменец, Нур, Дрогичин, Слуцк, Чарториск, Дубно, Мозырь, Друцк, Оршу и проч. и проч.

А встречаются ли эти имена в памятниках польских? Ни одного, нигде.

Страна чисто русская. Поляков живет здесь очень мало, и то по городам, между помещиками; но не составляют ли эти различные, несоразмерные между собою народности, по крайней мере, нравственного единства, духовного цельного?

Нет, они питают одни к другим злобу наследственную, закоренелую. Вся жизнь, все предания, песни, пословицы, поговорки отзываются взаимною ненавистью, взаимным презрением и представляют совершенную противоположность между собою, в одних местностях резче, в других слабее. На всех страницах истории лежит эта печать вражды непримиримой.

Нынешние распри русинов с поляками в Галиции, известные по всем газетам, достаточно свидетельствуют о чувствах малороссийского населения к своим вековым угнетателям!

И если в последнее время Западный край утихнул, то это только благодаря усилиям русского правительства: без его деятельного покровительства, без его постоянной защиты духу давно не осталось бы польского ни на Волыни, ни на Подолии, ни в Белоруссии, ни в Киевской губернии. Польские помещики не чувствуют, что жизнь их была спасена в 1812 году после французского нашествия, в 1831 году после революции Варшавской, в 1846 году во время Галицкой резни, в 1854 году во время Крымской войны, и даже теперь русские войска ходят из стороны в сторону, от одного польского помещика к другому для усмирения по их просьбам русских крестьян, выводимых из терпения их притеснениями. (Поверят ли в Европе, поймут ли, как это может быть, чтобы во время Польского мятежа, когда льется потоками русская кровь, мы защищали грудью своих зложелателей и лиходеев, а это так![*])

* Для противоположности не угодно ли прочесть Немецкий манифест, напечатанный в последних газетах, как поступить должно в Познани с поляками для охранения немецких интересов, а немцы там пришельцы, как поляки у нас. О, если бы мы охраняли так русские интересы, законные, как немцы охраняют свои беззаконные! И поляки молчат!

Но надо согласиться, возражают противники, что польскому меньшинству в девяти западных губерниях принадлежит образование, развитие, просвещение, что в нем нравственная сила страны?

Я совершенно согласен, что полякам принадлежит там образование и развитие, но разве онемеченные венгерские магнаты составляют Венгрию? Венгрия от них отказывается! Разве Шварценберги, Валленштейны, Лобковичи представляют собою Богемию? Богемия представляет права свои на самобытность без их участия.

Западные русские губернии, точно как и Галиция, вопиют теперь о своей русской народности и не хотят иметь ничего общего с поляками, давшими им себя знать во время своего бесспорного владычества.

Поляки, презирая их язык, их веру, их обычаи, смотря на них как на своих илотов, питаясь их потом и кровью посредством своих экономов и арендаторов, преимущественно из евреев, в продолжение многих лет привели их почти в скотское состояние, например в Белоруссии. Неугодно ли европейским путешественникам, особенно английским туристам или принцу Наполеону, проехаться по Витебской, Могилевской, Минской губерниям, где с солью едят только по воскресеньям? Пусть они полюбуются. Какое же нравственное право имеют поляки в краю, для которого они не сделали ничего, кроме зла и вреда?

Скажу еще вот что: если бы теперь Польша находилась на верху своего могущества в самом цветущем состоянии и владела, кроме своей Познани и Силезии, восточной и западной Пруссии, Киевом, Смоленском, Черниговом, Волынью, Подолией и Белоруссией, а Россия, а Москва только что начинала б входить в силу, только что начинала бы сознавать свое призвание, спрашиваю я кого угодно из европейцев, имели ль бы мы право искать нашего Киева, Смоленска, Чернигова, Полоцка, Минска, Бреста? Имели ли бы мы не только право, но и обязанность стараться об освобождении своих братий, единоплеменников, единоверцев, из-под чужого ига? Кто может сказать

слово против? И не во имя ли этого права поляки ищут своей независимости, только нарушая его в то же самое время относительно своих бывших русских подданных?

Если же мы имели бы право на такой образ действий при первой возможности, то как можно хотеть, чтоб теперь, возвратив кровью собственное свое достояние, мы отказались от него добровольно; чтоб мы, покорив несколько раз самую Польшу, реставрировали ее со всеми владениями, не только ее собственными, но и нашими родными, временно и случайно ей когда-то попадавшими во власть?

Мы подарим вам, положим, свободу, в знак благодарности за ваши любезности и одолжения, да как же вы хотите, чтоб в придачу мы дали вам в неволю часть самих себя, принесли своих братий на жертву ваших фантазий? Мало вы потешались над нами!

Вы наги (позвольте вам сказать: на брань слово купится) и хотите, чтоб мы вам отдали ваше платье, вами потерянное, — да этого мало, — вы хотите, чтоб мы скинули свое собственное, бывшее когда-то в ваших руках, и поднесли вам для разнообразия вашего гардероба: помилуйте, где таких дураков, таких подлецов отыскать можно?

Ведь это non-sens, к которому способны только вы в своем ослеплении, а европейцы в своем невежестве.

Если опираться на завоевание и на право завоевания, то вам нечего теперь толковать о независимости: вы завоеваны, так и молчите. А вы, завоеванные, кричите и хотите заставить нас, завоевателей, молчать и отдать вам с поклоном старые ваши завоевания или завладения, вами потерянные: есть ли тут человеческий смысл?

Император Александр I думал восстановить древнюю Польшу; мы не знаем, впрочем, обстоятельно, на каких основаниях, в каких пределах, но Карамзин — вечная ему честь и слава! — сказал Государю решительно, что он, хоть и самодержец, не имеет никакого права уступать ни одной русской избы.

Со времени спора Карамзин с императором Александром прошло пятьдесят лет: русские познакомились ближе со своей

историей благодаря его же бессмертному труду, чувство самосознания утвердилось и распространилось между нами, и если, с одной стороны, найдется теперь более людей, готовых согласиться на самоуправление, если не на самостоятельность Польши, то найдется еще более таких, которые готовы защищать целость России unguibus et rostris смелее и настойчивее пред кем бы то ни было.

Не говоря уже о населении девяти губерний, для которых известие о соединении с Польшей равнялось бы осуждению на смертную казнь и послужило б сигналом к всеобщему восстанию и резне, пояростнее галицкой.

Пусть же поляки выкинут из головы эту несчастную, не мысль, а мечту, которая заставляет их *ошибаться страшно в своих расчетах*, приводит всех русских в негодование, возбуждает против поляков все образованное большинство и мешает соединиться в мире и любви. Здесь поляки имеют против себя не того или другого государя, не того или другого министра, не правительство, а все туземное население и весь русский народ.

Итак, о Волыне, о Подолии, о Белоруссии, о Киевской губернии толковать нечего. А Литва? Многие смешивают, даже у нас, Литву с Польшей. Рассмотрим их отношения и вместе отношения Литвы и России.

* * *

Прежде всего скажем, что этому имени (Литва) дается смысл в иностранной журналистике совсем не тот, которой оно иметь должно.

Литвой называлось собственное малое племя латышского народа, который другими своими племенами или отраслями занимает еще Курляндскую губернию в России, восточную Пруссию в королевстве Прусском и часть Августовской губернии в Царстве Польском.

Латыши, одни из древнейших обитателей Европы, совершенно отличаются как от славянских, так и от романских и

немецких племен. Из славянских племен они столь же далеки от польского, как от великороссийского, малороссийского и белорусского. Это совершенно особое племя.

Сколько же теперь есть литвы в Литовских, так называемых у нас, губерниях: Виленской, Ковенской, Гродненской?

Всего-навсего 750 тысяч. А другие утверждают, что гораздо менее: около полумиллиона. Это жмудь, живущая преимущественно в некоторых уездах Ковенской и отчасти Виленской губернии.

А прочих латышей в Курляндской и Лифляндской губерниях и в восточной Пруссии миллион.

Как между нашими латышами или литовцами господствуют поляки, так между прусскими, а равно и в Курляндии, — немцы.

Следовательно, поляки к Литве, собственно так называемой, относятся почти так же, как и к Малороссии, к Белоруссии: это чуждые пришельцы.

Чем же больше права имеет Польша на Литву, нежели Россия?

Спрашивать Польше эту Литву к себе еще меньше основания, нежели спрашивать у нас Курляндскую губернию или у пруссаков восточную Пруссию, которая принадлежали к ней гораздо прежде и законнее.

Уже если судить строго, то латыши сами по себе могли бы искать самостоятельности и независимости от России, Пруссии и Польши, как Лив, Корсь, но они слишком малочисленны и не могут предъявлять своего права ни пред русскими, ни пред немцами, ни пред поляками и по закону историческому должны покориться судьбе.

Как бы то ни было, этого ничтожного уголка среди чистых русских владений Россия уступить воображаемой Польше не может, если б и хотела, по причинам другого рода.

Вильно и Ковно считаются в стратегическом отношении главными пунктами опоры для владения, охранения и управления всем Западным краем по соображениям самого Мирославского: как же можно требовать, чтобы мы подняли на себя

сами руку! И если Франция считает для себя необходимым по одинаковым причинам приобрести итальянскую Ниццу, родину Гарибальди, и никак не думает отказаться от немецкого Эльзаса, а, напротив, желает добраться до Рейна; если лорд Пальмерстон публично смеется над мыслью уступить испанский Гибралтар и итальянскую Мальту, то какими донкихотами должны быть господа, рассуждающие с важностью о незаконности русского права на Литву, то есть на несколько уездов Виленской и Ковенской губерний!

Государства имеют свои права, от коих даже отказываться не могут, свои необходимости, коим должны повиноваться, свои условия существования, благосостояния и безопасности.

Да и захотели ль бы сами литовцы, то есть латыши, то есть жмудь, присоединиться лучше к Польше, чем остаться с Россией?

Литвины ополяченные принадлежат, без сомнения, Польше, и их образование принадлежит к польскому образованию.

Вот о Литве, касательно ее настоящих отношений к России, географических и политических. Но этому племени суждено было несколько времени играть важную роль в судьбах России, покорить значительную ее часть и присоединить ее на время к Польше. Мы обозрим здесь, кстати, эпизод литовских князей, чтоб уразуметь яснее сущность дела.

В древности, живя по дремучим лесам в северо-западном углу русских владений, Литва платила дань соседним князьям лыками и вениками, по свидетельству собственных своих летописателей. Впоследствии, научась войне у русских, литовцы начали набегать на их владения и беспрестанно то мирились, то воевали с Псковом, Новым-Городом, Полоцком, почти не зная Польши. После татар началось у литовцев сношение с Галичем. Воишелг, сын первого знаменитого их князя Миндовга, предоставил было по завещанию Литовский престол меньшому сыну Галицкого Данилы, Шварну.

Галич несколько времени господствовал над Литвою, владея вместе юго-западною частью нынешней Польши, где еще наш знаменитый Даниил построил город Хельм.

Род Даниилов пресекся в XIV столетии, и его владения в Галиче по женскому колену достались Казимиру, королю Польскому.

В Литве около того же времени возвысился славный Гедимин, а на Руси — Иван Калита.

Гедимин жил в Вильне, им основанной, Калита — в Москве.

Эти два города сделались столицами двух государств, или, лучше, двух половин, на кои после татар разделялась Русь: западную, или Литовскую, восточную, или Московскую. Первая взяла сначала верх.

Гедимин покорил мало-помалу всю западную часть нынешней России, опустошенную татарами, с Киевом включительно.

Преемники его, сын Олгерд и племянник Витовт, сын Кестутия, распространили его завоевания на восток и овладели всей Русской страной до Угры, в нынешней Калужской и Тульской губерниях, имея виды даже на Новгород, Псков и саму Москву, едва от них уцелевшую.

Впрочем, все литовские князья слыли только по имени нерусскими. Они были женаты большею частию на русских княжнах и исповедовали русскую Православную веру, употребляли русский язык во всех грамотах и законах. С литовскими князьями переменилась только династия в Западной России: место древних норманнских князей Владимирова и Ярославова племени заняли князья литовские, которые точно так же обрусели, как ославянились первые.

Туземное население — белорусы, или кривичи, и малороссияне — осталось со своею верою, языком, обычаями и законами, которые после были записаны по-русски и стали известны под именем литовского статуса. С поляками литовские князья были в постоянной вражде, еще более чем с нами.

Период владычества литовско-русских князей продолжался не более ста лет (Витовт, † 1430).

Наследство их разделилось между двумя соседними государствами, Польшей и Москвою. Восточная половина Ли-

товской Руси отошла к Москве, а западная (вот эти девять вожделенных губерний) — к Польше.

Поговорим сначала о последней.

Ягайло, сын Олгерда Литовского, внук Гедиминов, женился (1386) на наследнице польских пястов Ядвиге, принял католическую веру, крестил литовцев и подал первый повод к соединению Польши и Литовской Руси.

Литовская Русь соединилась с Польшей на равных правах, с отдельным управлением и судом, с неприкосновенностью русского языка и Православного вероисповедания.

Поляки считались чужеземцами, и против слияния двух народностей принимаемы были сначала всевозможные меры. Поляки не имели права занимать никаких должностей государственных в Литве, ни владеть поземельной собственностью. Жители называли себя народом русским; народом русским называли их и сами поляки. Русский элемент, несмотря на политическое подчинение Польше, сохранялся живо и боролся беспрестанно с пришлым элементом польским, особенно в юго-западной части, то есть Малороссии, включая сюда Волынь и Подолию. Все летописи польские и русские исполнены описаний об этой ожесточенной борьбе.

Некоторые дворяне, вследствие особых козней иезуитских, начали принимать мало-помалу польские обычаи, наконец самую веру и совершенно ополячились, чтоб уравняться с польской шляхтой, которая беспрестанно наезжала из Польши и получала себе во владение русские земли на поместном праве.

В 1569 году, на Люблинском сейме, почти через 200 лет после первого соединения Литвы с Польшей, Волынь и Украина были отделены от Литвы и причислены к составу Польского королевства, но неприкосновенность русского языка и Православного вероисповедания были снова подтверждены.

Впрочем, с одной стороны, жалобы и восстания, с другой — притеснения, не прерывались. С XVII столетия преимущественно польский и католический элементы благодаря ревностным усилиям иезуитов утвердились под покровом

правительства. Но незадолго еще до первого раздела Польши знаменитый Могилевский епископ, Георгий Конисский, произнес на Варшавском сейме горячую речь о злоупотреблениях польского управления.

Так шли дела западной Литовской Руси со стороны Польши.

Москва со времен Великого Князя Ивана III Васильевича явилась ей соперницею относительно Литовского наследства.

Пользуясь гонением за веру, она привлекла к себе всех русских князей-данников и подручников Литвы по восточному краю ее владений: Оболенских, Трубецких, Мосальских, Воротынских, Одоевских и прочих. Это было в конце XV столетия, в XVI она возвратила себе Смоленск, а в XVII Малороссия, по сю сторону Днепра, выведенная из терпения неистовствами польскими и иезуитскими, подчинилась Москве, под предводительством Богдана Хмельницкого, вместе с Киевом. Наконец, в XVII столетии императрица Екатерина II вследствие совершенного расстройства Польши, сделавшейся вместе и гнездилищем всех враждебных для России предприятий европейских, воспользовалась случаем возвратить почти все остальные польские завоевания при так называемых трех разделах Польши, по мысли прусского короля Фридриха Великого, в 1773, 1793 и 1795 годах.

Императрице Екатерине не следовало бы, как нам кажется теперь, соглашаться с Пруссией и Австрией, на раздел, что, говорят, и советовал Панин, а взять только себе русские области, гарантируя Польше прочие ее коренные владения, то есть целость Польского королевства, в пределах польского языка. Но согласились ли бы на то поляки, поняли ль бы они тогда справедливость, необходимость и пользу такого законного предложения, которого не понимают до сих пор? А с другой стороны, пруссаки и австрийцы как посмотрели бы на такое распоряжение? Союзники им были готовы в Европе. Нет, такова, видно, была судьба Польши, предсказанная, впрочем, королем Польским, Иоанном Казимиром, на Варшавском сейме, еще в 1661 году.

Я сказал, что императрица Екатерина возвратила почти все русские владения, что же еще осталось нашего в чужих руках?

Важнейшая часть Малороссии, древнее знаменитое княжество Галицкое с принадлежавшей к нему частью нынешней Люблинской губернии, населенной тем же русским племенем.

Возвращенный, а не забранный край, в эпоху своего возвращения находился в том же положении относительно сельского населения, в каком был отторгнут, в каком находится и теперь. Те же русские люди здесь живут, тем же русским языком говорят, ту же Православную веру исповедуют, как их соотечественники в Москве, в Новгороде, Киеве, Петербурге и проч. Только дворянство, повторяем, отчасти ополячилось и приняло католическую веру. Оно восполнилось еще польскими выходцами, которые расселились и по городам, что рассмотрено нами выше.

* * *

Нам остается теперь рассмотреть положение и отношение Царства Польского, собственно так называемого.

Царство Польское начинает восстание, которому предшествовали многие демонстрации и попытки в продолжение двух лет. Храня глубокое, знаменательное молчание о Познани и Силезии, восточной и западной Пруссии, находящихся в руках пруссаков, о Галиции и даже Кракове, колыбели польской, еще недавно вольной, принадлежащих австрийцам, поляки восстают на Россию. Чего они хотят?

Независимости, самостоятельности?

С Богом! Неужели думают поляки, что мы этого сами не желаем?

Но подумали ль они, что будут делать со своею независимостью и самостоятельностью?

Ведь русской земли, с 10 миллионами жителей, в западных губерниях, на которою вы больше всего рассчитываете, без которой вам и делать нечего, без которой вы не можете иметь никакого политического значения, ведь русской зем-

ли, сказано, не можем мы уступить, не должны уступить: это было бы разделом России вместо раздела Польши! Мы потребуем еще себе часть Люблинской и Августовской губернии, заселенную нашим русским племенем. Мы не требовали ее до сих пор, потому что оставались под одною державою с Польшей, а разлученные, мы будем говорить иначе.

И к каким средствам вы прибегаете? Колоть сонных, жечь живых, грабить, предательствовать? Вы иначе не можете успеть? Так слабы же ваши силы и плохи ваши средства, если вы надеетесь успеть только изменою, обманом, вероломством.

Ну а зачем вы грабите, бесчестите, надругаетесь: вы мстите? Кому же мстите? Эти несчастные солдаты и чиновники что вам сделали? Мало они терпели от вас? Их терпению не бывало ничего подобного. Если б вы были на их месте, как бы вы поступали?

Наказать вас за ваши злодейства мы можем легко. Как вы режете и колете нас, так мы имеем полное право жечь и колоть вас, не прибегая даже к измене, не сонных, не обезоруженных, а встречая в открытом бою. Политика государств следует Ветхому Завету: око за око и зуб за зуб. Но оборони нас Боже воспользоваться таким ужасным, хотя и законным, правом и поступать по вашим образцам! Пускай оно остается за вами за одними, по учению ваших ксендзов, так понимающих христианскую религию, религию любви, мира и терпения*.

Но есть еще наказание — построже этой временной казни: отдать Царство Польское пруссакам и австрийцам: немцы рады будут пососать славянской крови! Пруссакам и австрийцам нельзя будет отказаться от этого рокового дара, потому что, отказываясь, они подвергаются опасности потерять свои земли, слишком для них дорогие, с которыми им тяжело расстаться. Что вы думаете: пруссаки в Варшаве, как австрийцы в Кракове, будут церемониться с вами по-нашему?

* Поляки награждают и прославляют убийц, а у нас, мы читаем в газетах, мстители чуть выйдут из терпения и нарушат законы умеренности и снисходительности, предаются военному суду, лишаются начальства, увольняются от службы. Русские солдаты в западных губерниях ходят беспрестанно спасать польских помещиков и помогать им против русских крестьян!!

Наконец, есть еще наказание — уйти от вас и предоставить вас себе самим, став во всеоружии на берегах Немана и Буга в числе трехсот тысяч человек.

Думали ль об этом поляки? Думали ль, что наконец мера терпения, даже русского, исполнится и мы решимся на одну из этих мер, от которых не поздоровится Польше? Довольно получать нам все эти оскорбления, терпеть клевету, приносить жертвы. И на что нам Польша? Какую пользу она приносит нам, кроме предлога европейцам к обвинениям, кроме ежегодного пожертвования людьми и деньгами, кроме нескончаемых забот?

Если мы не оставляли ее до сих пор, так это повинуясь какому-то таинственному року, отдавшему нам ее в руки или подчиняясь бессознательно нашим врагам, приложившим к нам с умыслом эту рану, эту уязвимую *пятку* в благодарность за освобождение Европы от ига Наполеона.

Вы независимы, вы самостоятельны — что же вы будете делать, если б даже пруссаки, австрийцы и вообще немцы оставили вас в покое, хотя это невозможно для них в видах собственной безопасности? Вы начнете спорить между собою, как спорили прежде, как спорите теперь в Париже, Лондоне, в Швейцарии, в Америке, в лагере инсургентов; а предметов для спора накопилось гибель: социализм и аристократическое начало, безверие и католицизм, республика и монархия, союз Французский или Английский — вы сумеете найти и еще много!

Что же последует? Вы подчинитесь влиянию иностранцев, будете вынуждены просить себе на престол Кобургского принца, если таковой за расходами останется и согласится сесть на ваш престол, более греческого шаткий. Рассудительнейшая партия укажет на покровительство России, на pacta conventa с нею, какие были у Литвы с Польшею, у Малороссии с Великороссией.

Так не лучше ли начать с этого?

Да, только соединенная с Россией Польша может надеяться на что-нибудь высшее и лучшее, это единственный для нее

полезный и возможный, почетный образ особого существования, реставрации. Так судили — география, история, судьба, народный характер, настоящие обстоятельства.

Но русское правительство следовало противной системе, управляло стеснительно для народного развития, оскорбительно для народного самолюбия. Оно само сделалось противно Польше. Никаких милостей от него Польша принимать не хочет…

Положим так. Не станем спорить, оправдываться, но теперь, теперь получает Польша со всяким днем новые права, точно как со всяким днем получают новые права и русские; жить вам и нам становится легче и легче, всякие уставные грамоты приближаются к вам и к нам быстрыми шагами. Поляки не могли получить их прежде, нежели могли получить их русские.

Вот чего и испугались революционеры со своими особыми видами — коммуническими, социальными и проч., они испугались *законной свободы*, которой уничтожаются всякие революции в своем корне, — и положили начать смятение.

Решимость Великого Князя Константина Николаевича принять звание наместника, вслед за смертельною раною Лидерса, и приехать в Варшаву с женою и детьми, решимость, которой доказывалась высокая, благородная доверенность к польскому народу, не оценена нисколько. В первый же вечер своего пребывания в Варшаве Великий Князь получил награду за свой великодушный подвиг — пулю, засевшую в его шейном платке. Поляки не имели никаких понятий ни об его инструкциях, ни о характере его будущего управления, а было уже решено его убить. Ясно, что причиною восстания было не настоящее правление.

Рекрутский набор, следствие обстоятельств, был не причиной, а предлогом к восстанию.

Я не ободряю его в данной ему форме, но если во всех государствах, самых свободных, такие исключительные меры признаются, по временам, необходимыми, если Англия прекращает иногда Habeas corpus, если Франция сочла нужным еще недавно сослать тысячи в Кайену, то неужели покушение

на жизнь Великого Князя, Лидерса, Велепольского, сведение в гроб Горчакова, болезнь Ламберта, смерть Герштенцвейга и беспрестанно открываемые заговоры и возмущения не дали права русскому правительству к этой мере?*

Революционный комитет, привлекший к себе ксендзов и пролетариев, забрал себе силу в руки. Дворяне, купечество, крестьяне, находятся теперь под влиянием его террора. Правительство приняло меры. Большая часть шаек разбиты. Мятеж скоро будет подавлен физически; но этого мало, все порядочные граждане должны подать свой голос и объявить искренно, по зрелом размышлении, чего они желают… Государь, верно, будет готов дать им все, кроме того, что может повредить России.

Мысль моя о Польском вопросе, начиная с 1830 года, прошла чрез многие фазы, она остановилась было на независимости за Неманом и Бугом, но вот возражение.

Россия тогда могла бы предоставить Польше самостоятельность, когда получила б удостоверение, что Польша может спокойно жить и самоуправляться в пределах своего языка.

Было время, когда казалось, что поляки, наученные опытом, уразумеют эту ясную истину, но, увы, теперь, при настоящем настроении, ни одно страховое от огня общество в Европе, верно, не возьмется ни за какую премию отвечать за их спокойствие и благоразумие.

Оставив Польшу, мы должны были бы стоять всегда настороже, с многочисленными войсками, по западной границе, иначе она всегда будет подвергаться опасности вторжения.

Чуть затеется с кем-нибудь у России война, Польша послужит неприятелю готовым бастионом и выставит потом отчаянный авангард.

В продолжение мира Польша будет, как была и до раздела, гнездилищем всех враждебных для России замыслов, — и

* Она, впрочем, обратилась, говорят, нам же во вред, ибо подозрительная молодежь отпущена до лесу, а смиренные забраны в рекруты, — вследствие пропажи списков из ратуши!

(Неужели это правда?)

повторится старая история с прежним пролитием крови, с третьим взятием Варшавы, Воли и Праги.

Как Польша не может разумно желать отделения от России, так Россия не может разумно отделить ее от себя, если б и хотела.

Итак, Польша и Россия, bongre-malgre, должны находиться под одною державой. Против рожна прати невозможно, поляки, если не хотят, не могут убедиться в том добровольно, должны послушаться силы…

Все это писал я в совершенном волнении духа, читая первые ужасные телеграммы о кровавых событиях в Польше. Может быть, я выразился в некоторых местах слишком резко. Прошу прощения у поляков, которых все-таки люблю от души, которых блистательным качествам, и преимущественно патриотизму, хоть и увлекающему к заблуждениям, отдаю полную справедливость!

1863 г.

2 марта.

P.S. Кстати, скажу здесь еще несколько слов и о Малороссии по поводу разных выходов и намеков, мелькающих в газетах и журналах.

Малороссия и Великороссия так переплелись между собою историей, географией, филологией, генеалогией, обстоятельствами, именами, что их разделить никоим образом нельзя. Это уток и основа (если и не Петербургская) одной и той же ткани.

И в то время, когда тридцать семь германских владений хлопочут о своем совокуплении, когда враждебные между собою итальянские земли составили почти одно целое, когда северные государства, Дания, Швеция и Норвегия, стараются слиться, когда Молдавия и Валахия образуют уже одно государство, тогда думать у нас о каком-нибудь сепаратизме — есть нелепость, обличающая состояние, близкое к помешательству или мономании.

Децентрализация, то есть предоставление самоуправления, во всех возможных случаях, областям, округам, городам,

волостям, — поощрение местных интересов, — о, это я понимаю, этого я желаю для Малороссии, Великороссии, всей России, Польши, Франции, Италии… таково, кажется, сознание и правительства, что мы видим, даже в эту минуту, на новом учреждении в Москве городской думы. Таково сознание и прочих европейских правительств более или менее.

Развитие малороссийского наречия, содействие малороссийской литературе я одобряю в полной мере, но возводить его на степень особого литературного языка я считаю нелепостью, нелепостью особенно теперь, когда во всех славянских племенах распространяется мысль и делаются опыты ввести великорусское наречие в общее для всех славянских племен литературное употребление!

Западные отдаленные наши единоплеменники хотят писать и объясняться по-русски, а ближайшие, восточные, будут от нас отворачиваться? Смешно и жалко!

Я представляю себе сепаратное Малороссийское государство, как оно, может быть, рисуется в воображении некоторых фантазеров: ну, оно тотчас и возобновило бы старую борьбу с поляками. Я укажу даже где — в Галиции. Разумеется, Малороссии скоро тяжело бы стало от напора поляков, которым также надо ведь, хоть в воображении, предоставить все исконные польские владения; тогда малороссиянам с каким-нибудь Хмельниченком или Голопупенком ничего не останется делать, как, почесывая затылок, обратиться к тому же кацапу и, поклонившись низко, сказать: «Помоги, братенько! Ляхи, вражьи дети, одолевают нас; мы виноваты пред тобою, сдурили; впредь не будем, слуги твои, братья и други!»

Таким образом, повторилась бы история Богдана Хмельницкого, с лишним пролитием крови.

Я сказал: Малороссия и Великороссия переплелись между собою; скажите, кто были Изяслав, Мономах, Мстислав, Юрий, Святослав, Игорь, Олег, Андрей et tutti quanti до нашествия монголов? Мне кажется, что они были великороссияне; Максимович говорит, что они были малороссияне; Костомаров и другие говорят, что они были ни великороссияне,

ни малороссияне, а праотцы тех и других. Ясно ли, что они близкая родня, если могут считаться одни за других или быть теми и другими вместе?

В средней истории Петр, митрополит из Волыни, и Алексий, митрополит из Чернигова, двое из главных основателей московского величия, не говоря уже о прочих выходцах, достаточно поддерживают единство древней истории.

В позднейшее время ревнители нашего ученого и учебного просвещения, Стефан, Яворский, Феофан, Прокопович, Феофилакт Лопатинский, Дмитрий Ростовский, Арсений Мацеевич, с бесчисленными учениками, подкрепляют первую связь. Наконец Кочубеи, Заводовские, Безбородко, Трощинские, Разумовские, Миклашевские, Гудовичи, Капнисты, Бортнянские, Тимковские, Гоголи (милости просим и любезного моего антагониста, Михайла Александровича Максимовича, в честную компанию), служат общему Отечеству с одинаковою ревностью, на всех поприщах и увенчаются одинаковыми лаврами. Малороссиян и великороссиян на службе в Петербурге, по соразмерности с населением, число одинаковое.

Если нельзя отделить Малороссии от Великороссии в истории, то в географии еще труднее: кому должен принадлежать Киев? Как разделить малороссиян и великороссиян в губерниях Новороссийских, в Воронежской, Курской и Орловской; малороссиян и белорусов в Черниговской, Минской, Могилевской? За которой Русью должен остаться национальный эпитет, народное прозвище — *святой*?

Имя Руси принадлежало сначала Киеву, а теперь киевляне и все малороссияне, и новороссияне, отправляясь в Москву, говорят, что они едут в Россию*.

Что касается наречий, великороссийского и малороссийского, то отец филологии, Добровский, объявил их родными между собою и двоюродными относительно прочих.

Конфедерации, союзы, вроде Швейцарского, может быть, предстоят для европейских государств в будущем, более или

* Самое имя Малой России, по какому-то чутью, в противоположность Великой России, имеет здесь значение.

менее отдаленном, но теперь самые развитые европейские государства ищут слияния; даже Испания, предназначенная, как мне кажется, начать эту новую форму, — о ней не думает, несмотря на всю несостоятельность или безвыходность своего положения со времени освобождения от ига Наполеона…

Отповедь французскому журналисту

От часу не легче. Поляки думают не только отнять у нас себя и завладеть вновь нашими западными терниями, с 10 миллионами населения, по преимуществу русского, но они хотят еще отнять у нас нашу историю, вырвать из уст наших язык, вытянуть кровь из наших жил и налить их Финскою и Патарскою микстурою.

Niéma Rusi, нет России, восклицают поляки; нет русских, вторит им теперь французский писатель. Мы могли бы отвечать победоносно нашим противникам известной эпиграммой Пушкина:

Движенья нет, сказал один мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним *ходить*.

Мы могли бы забавно посмеяться над ними, напомнив им басню Крылова о *Любопытном*, который описал тщательно и подробно всех мелких мошек, мушек и букашек, выденных им в музее, а «слона-то и не приметил».

Больше и не стоят, в глазах наших, нелепые парадоксы, но в европейской печати начали слышаться беспрестанно голоса, принимающие их под свое покровительство, и мы считаем обязанностью вывести, по крайней мере, беспристрастную публику из заблуждения.

Г. Духинский написал, говорят, несколько томов о происхождении великоруссов. Г. Викенель сделал из них сокращение, которое намерен приложить к своему сочинению о Европейской Турции. Неизвестный автор извлек пока глав-

ные их основания в брошюре «Pologne et Ruthenie», а редактор парижского журнала «Revue des deux mondes», г. де Марс, по поводу этих публикаций, вместе с брошюрами князя Трубецкого и г. Порошина, напечатал статью в последней июньский книге под заглавием: «La Pologne, ses anciennes provinces et ses veritables limites».

Полякам при их темпераменте, при их расположении к мечтательности, в несчастных обстоятельствах, среди надежд, возбужденных предательски извне, можно, положим, увлекаться и, руководясь страстью, взводить всякие небылицы и всякие напраслины как на настоящее время, так и на прошедшее, но как же постороннему писателю не совестно верить им на слово и вслед за ними повторять вещи, которые легко опровергнуть в первоначальном училище? Дурно заявляет себя современная европейская печать, и нельзя не краснеть за нее ввиду скорого, неминуемого суда Истории, суда науки!

Забавнее всего то, что г. де Марс, натягивая все доказательства и искажая все свидетельства, пропуская многие источники сообразно со своею целью, вслед за своими руководителями обвиняет русских исследователей в умышленном направлении их исследований, в угоду тому или другому политическому мнению или указанию правительства. Даже Карамзина называет он придворным петербургским историографом! Вот где воочию совершается притча о сучке, который видит человек в чужом глазу, не видя бревна в своем собственном.

Щадя авторское самолюбие, мы хотим видеть в г. де Марс адвоката, который получил неверные данные от своего клиента, и напоминаем ему старинную поговорку: «Audiatur et altera pars».

Опровергнуть все его доводы легко; но прежде мы поговорим с ним a priori, руководствуясь простым, здравым смыслом и оставляя пока в стороне исторические доказательства.

Вы утверждаете, что великороссияне, или, по вашему, москвитяне, есть вновь образовавшееся племя из разных уральских племен — финнов, татар, турок — под влиянием немногих русских колонистов, уже после нашествия татар.

(Предупредим читателей: автор называет везде Малороссию «Рутенией», а Великороссию «Московией». Так и мы будем называть эти страны в наших ему возражениях, чтобы не произвести сбивчивости в понятиях читателей. Хотя эти названия совершенно неточны и неправильны: Русью назывался сперва Новгород, потом Киев, наконец, это имя распространилось на все владения русских князей, и преимущественно, в последнее время, на нынешнюю Великороссию. Московией называть Восточную Россию странно даже потому, что Москва получила значение только в XIV столетии, а наш автор говорит о ней и об ее замыслах в XIII, в XII, в XI. Но так и быть — примем его номенклатуру.)

Начинаем: великороссияне есть самое многочисленное племя не только между русскими племенами в нынешней России, но и между всеми славянскими племенами. Вот вам статистическая таблица из сочинения Шафарика, изданого в 1842 году.

Великороссиян	35 314 000
Белорусов — совершенно однородных с ними	2 726 000
Итого:	38 000 000
Малороссиян	13 144 000
Поляков	9 365 000
Чехов и Моравянь	4 414 000
Словаков	2 753 000
Сербов	5 294 000
Болгар	3 587 000
Словенцев	1 151 000
Кроатов	801 000
Лужичан	142 000

Самое многочисленное племя, по простому рассуждению, должно считать предков своих в большем количестве, чем племя малолюдное. Когда же бы успело народиться столько великороссиян, если ограничить их происхождение XIII или XIV веком.

XIII столетие, эпоха татарских нашествий, XIV столетие, эпоха черной смерти, не могли содействовать умножению народонаселения. Автор сам утверждает, что татары более всего налегали на Московию. Каких же Рахилей надо предполагать между славянскими матерями, чтоб объяснить то размножение народа с XV века, которое представляет эта страна в наше время?

Превращение финнов в великороссиян понять еще мудренее, на превращение потребовалось бы еще более времени.

Финские и татарские племена как в древности, так и теперь, живут особо между русскими, в восточных губерниях, и даже посреди русских и до сих пор сохраняют свой язык, свою физиономию, свой образ жизни и свои обычаи, несмотря ни на какое сближение и пребывание под одним правительством. В продолжение шести-семисот лет они не переродились, а вы хотите, чтобы другие их единоплеменники по вашему велению переродились в указанный вами момент. Почему же переродились не все финны?

А сильнейшее, необоримейшее доказательство исконной самостоятельности великорусского племени есть его язык, самый чистый и твердый между всеми славянскими наречиями, самый близкий к церковному славянскому языку, на который, за тысячу лет перед сим, было переведено Священное Писание св. Кириллом и Мефодием.

Прочтите «Отче наш» по Кириллову переводу на нынешнем великорусском наречии и на всех остальных славянских наречиях, и вы не только услышите, но даже увидите эту близость.

Великорусское наречие из всех славянских наречий подвергалось влиянию меньше всех: тогда как чешское носит явные признаки немецкого влияния, польское — латинского, сербское и болгарское — турецкого, кроатское — итальянского, мы, великороссияне, или по-вашему, москвитяне, говорим самым чистым славянским наречием. Не только грамматических и синтаксических форм не имеем мы из финских и татарских языков, но даже слов сравнительно менее. Язык

наш, по свидетельству и мнению первых филологов с Добровским во главе, заключает в себе совокупность свойств, принадлежащих всем славянским наречиям порознь, почему и имеет полное право быть их представителем, каким в древности был язык Кириллов церковный. Развитие его в творениях классических наших писателей, Карамзина, Крылова, Пушкина и проч., служит подтверждением его самобытности, жизненности, внутренней творческой силы. И такой-то язык ослепленные хотят считать амальгамою из нескольких диких разнородных наречий. Да покажите мне подобное развитие какой-нибудь другой амальгамы!

После этих общих соображений, кои бросаются в глаза всякому беспристрастному исследователю, приступаем к разбору доказательств нашего антагониста.

Ему хочется больше всего отделить нас, великороссиян, не только от поляков, но даже от малороссиян и прочих славянских племен, как выше замечено, ему хочется убедить публику, что мы какие-то европейские метисы, креолы, мулаты.

Вот как располагает он свои стенобитные орудия:

A l'est et au nord de la Ruthenie, notamment dans les vallées du Volga et de ses affluens, s'étend un monde tout a fait different du monde polonais et ruthènien, et qui n'a rien de slave, c'est le monde tchoude ou étrange, comme disaient les slaves, le monde des races finnoises et ouraliennes, dominent tour à tour des conquérants appartenant à la race tartare, mongole ou turque. Ces dominations toujours changeantes, s'étendent j'usqu'au sud de la Ruthénie et lui bouchent l'accès de la mer Noire. La chronique de Nestor, et les ouvrages de Karamsine, de Soloview, de Lelevel, de Pogodine, de Duchinsky, établissent de la manière la plus certaine, que toute celte contrée, notamment la vallèe du Volga, était habitée, au X siècle, par des peuples étrangers á la race Slave. Ce fait capital n'est pas contesté*.

Извините, милостивый государь, ce fait capital est non seulement contestè, mais tout a fait inadmissible! Никто из рус-

* В этом смысле автор беспрестанно повторяет: règion finnoise, contrée finnoise, esprit finnois, habittans finnois, а потом — Moskovie tartarisée и проч.

ских писателей его не принимал, и вы совершенно ошибаетесь, опираясь на него вслед за некоторыми польскими писателями. Низовье Волги, середина этой реки, была по берегам заселена в древности племенами, преимущественно финскими, но истоки Волги и верхние ее части принадлежали искони, сколько запомнит история, великорусскому племени. Тверь, Ярославль со смежными частями Владимирской, Московской, Костромской и Смоленской губернии — вот где до сих пор сохраняется чистый тип наш и где обитает самое сплошное население русское, то есть великорусское.

Разумеется, в древности жили великороссияне гораздо дальше на запад, и мне кажется, что занимали значительную часть нынешней Малороссии.

Они постепенно подавались на восток, отодвигая финнов далее и далее к востоку, где те живут и поныне. По мере движения великороссиян с запада место их занимали малороссияне, как это мы видим даже в последнее время, из поселений Малороссийских в Харьковской, Курской и Орловской губерниях.

Всего забавнее то, что автор, в пылу своей ревности, отделил от нас, великороссиян, к своей Рутении, или Малороссии, Новгород и Псков, которых зазрила ему совесть поместить в Уральскую композицию, потому что они слишком общеизвестны и находятся, так сказать, у всех на виду.

А Новгород и Псков, по всем памятникам, представляют самое близкое родство, почти единство, с настоящим великорусским наречием. Нет, смело восклицает автор, это малороссияне, rutheniens. Что же остается делать с подобными исследователями-партизанами? Перечтите, милостивый государь, рукописи, писанные в Новгороде, начиная с Остромирова Евангелия, 1056 года, Мстиславову грамоту 1125 года, договор Ярослава Владимировича 1199 года с Готским берегом, Русскую правду в списке 1284 года и проч. и проч., и вы убедитесь, что малороссийского наречения там нигде и духу нет. Новгорода и Пскова ни один великорусский, ни один малороссийский исследователь никогда не причислял к Малороссии.

Точно так же кривичи, или, по-нынешнему, белорусы с городами Смоленск и Полоцк, по своему наречию, составляют только отличие великорусское и отнюдь не малорусское.

Последуем далее за отважным наездником по всем его изворотам:

Or, il y avait, — продолжает он, — dans ce monde finnois et ouralien des villes importantes, comme Rostov, Mourom, Sousdal, qui étaient en relation de commerce avec la Ruthénie, et principalement avec Nowgorod. Des princes varegues y avaient étendu leur domination, desorte quils régnaient en même tems sur les Slaves et sur les Finnois.

Нет, милостивый государь, Ростов, Муром, Суздаль, точно так, как Торжок, Бежецк (в Тверской губернии) и Волок-Ламской (в Московской), точно так, как впоследствии Вятка, были, без сомнения, древнейшими колониями Новгорода и заселены племенем, самым близким к великорусскому. К ним-то и могут принадлежать слова новгородцев Рюрику: «Земля наша *велика* и обильна».

«Один из этих варяго-русских князей княжил в Суздале, в части Финской области, которая была отделена от Рутении (то есть нынешней Малороссии) большим Муромским лесом».

Не станем смеяться над оригинальной выходкой автора, который отделяет Муромским лесом Владимирскую губернию от Черниговской и Киевской, начинающих собою с этой стороны Малороссию, то есть на тысячу слишком верст, но остановимся на самом сильном, по его мнению, замечании, что в имени Москва нет ничего славянского, точно так, как и в имени Муром, Суздаль и прочее. В нем видит он, кажется, главное доказательство принадлежности этой страны финнам, а не нам, русским.

А что есть французского, пусть позволит он себя спросить, в имени Франция, в имени Париж?

Что есть английского в имени Англия, Лондон? Что есть немецкого в имени Вена, Берлин, Дрезден, Лейпциг, Любек? Что есть итальянского в имени Неаполь, Венеция?

В местах, где поселились великороссияне, обитали прежде финны, которые, отодвинутые на восток и север, уступили свои жилища новым пришельцам — оставили им свои собственные имена, а кроме имен — ничего. Это явление вы видите в Европе на каждом шагу: в северной и средней Германии все собственные имена славянские показывают точно так же, что прежде немцев в этих местах жили славяне: Стрелец, Шверинь, Росток, Кролевец, Гданск, Бранденбург и проч. и проч.

Из каких элементов разнородных состоит, например, население Великобритании: кельты, бритты, англы, саксы, датчане, норманны и прочие. Уничтожающий финнов автор забывает, что венгерцы суть природные финны.

«George Dolgorouki, se rendant, vers 1147, a Susdal, chez son fils André, s'arreta pendant ce voyage dans un hameau, sur le bord d'une petite rivière, appellée la Moskva».

Здесь что ни слово, то ошибка, доказывающая малое знакомство автора с русскими летописями. В 1147 году Юрий не ехал к своему сыну Андрею в Суздаль, а из Суздаля вместе с сыновьями шел войною на Киев против племянника Изяслава и угощал в Москве своего союзника князя Святослава Олеговича Северского. А сын его Андрей поселился во Владимире, оставив отца в Киевской области, в 1155 году. Но это мелочи.

Автор описывает за сим картинно основание Москвы, сделавшейся столицею в 1328 году: «Elle a conservé un caractére semi-asiatique, que frappe profondément le voyageur européen» и прочее.

Как же *сохранить* Москве характер полуазиатский, если здесь его не было прежде, да не было никакого? Москва выстроилась точно так же, как Владимир, Суздаль, Ростов, Киев, Чернигов, Новгород, Смоленск, одним словом, как все города русские в Великой и Малой России. Если автору и вообще иностранным путешественникам хочется видеть азиатский характер в позлащенных куполах церквей и в отсутствии сплошных стен, то это его личный взгляд, а впрочем, как и в Москве, так и прочих городах русских, нет ничего азиатского.

A partir du règne de George Dolgorouki, les princes de la région finnoise manifestèrent une hostilité systèmatique et acharnée contre la Ruthénie, et principalement contre les villes, dont les habitudes libérales leur étaient devenues antipatiques (502).

Здесь опять что ни слово, то ошибка одна другой грубее: князья суздальские и владимирские, по автору — государи Финской страны, не только не питали злобы против Рутении, но стремились туда от души: всю жизнь свою Георгий Долгорукий искал Киевского стола и под конец достиг своей цели, то есть получил Киев, не вследствие войны, а по наследству как старший, где вскоре и умер. Сын его Андрей, наоборот, не хотел и думать о Киеве даже при жизни отца и, оставив его на Киевском столе, ушел тайно в свой любимый Владимир. Когда ему после пришлось взять Киев в наказание Киевского Великого Князя за союз с новгородцами, то он предоставил Киев брату, княжившему в соседнем Переяславле, а после его смерти — двоюродным племянникам Ростиславичам. Меньший брат его Всеволод большую часть своего княжения был в дружбе с Киевским князем и от него получил несколько областей во владение. А ссора в остальное время зависела от посторонних обстоятельств. Сын Всеволодов — Георгий не имел почти никаких отношений к Киеву, а потом нагрянули монголы. После монголов Владимирские князья совершенно оставили Рутению… Где же *систематическая* лютая вражда? В воображении автора, точно как там же — и желание Суздальских князей основать особое государство.

Ils n'eurent plus d'autre idée, que de fonder un état à part, de créer une unité nouvelle et de subjuguer la Ruthénie (502).

Во-первых, у князей плана никакого не было, и всякий князь поступал, как ему случалось по обстоятельствам, что показано выше, не только не желая покорить Рутению, но часто и отказываясь от нее. Особым государством было тогда всякое княжество, и желало увеличить свои владения: так поступали в свое время и Полоцк, и Чернигов, и Смоленск, а после Тверь, Москва и прочее. Одним удавалось, другим нет, вот и все!

А что касается либеральных обычаев рутенских городов, то такие же обычаи в известных случаях обнаруживались и в Суздальских, и в Московских государствах. Братья Андреевы, Михаил и Всеволод, получили Суздальский престол именно вследствие вечевых решений нового Владимира, который никак не хотел покориться старому Ростову.

Андрей Боголюбский нападал на Киев не с одними суздальцами и ростовцами, но и с рязанцами, муромцами, смолянами, полочанами, переяславцами и проч., словом, со всеми почти обитателями даже Рутении.

Автор не довольствуется приписанием северным князьям намерений покорить Рутению и проч., но наделяет их и другими политическими мыслями, а именно:

«La politique des princes de la contrée finnoise modifiait complètement l'ancien droit public de 'Europe orientale, ou auparavant les princes se battaient et se dépossèdaient, sans que la population des villes y prit une part fort active et eut beaucoup à en souffrir» (503).

Здесь уже крупная нелепость: население наших древних городов, как в Рутении, так и в Московии, было военное; в Рутении еще гораздо больше, чем в Московии; во всех княжеских войнах жители городов принимали живое непосредственное участие, и преимущественно в Рутении. Разверните летопись Киевскую и Волынскую, и вы на всякой строке увидите подвиги киян, черниговцев, переяславцев, звенигородцев, галичан и прочих. Напротив — только и воевали что граждане вместе с дружинами. Сельские жители не воевали — это дело совершенно другое!

Автор, сделав такую ошибку, дополняет ее еще лучшею, будто Церковь воспротивилась таким (небывалым) нововведениям, и тщетно.

Но бриллиантом, когинуром, всего этого параграфа есть следующее великолепное положение:

«Il est important de noter, que c'est à cette époque que firent leur première apparition ces sectes religieuses, qui ont encore aujourd'hui une si grande importance en Russie. Ce fut, comme l'autocratie, un produit de l'esprit finnois» (с. 503).

Каково? Думали ль старые добрые финны вместе с настоящими их потомками, что глубокомысленные публицисты европейские будут когда-нибудь приписывать им наклонность к учреждению *автократии* и вместе к *религиозным преданиям*? Это уже смешно до хохота.

«Ainsi il est bien positif, — заключает автор этот знаменитый параграф, — que même avant l'invasion des Tartares, il s'était formé au nord-est du monde slave une unité nouvelle dans les conditions religieuses, politiques et sociales, différentes de celles, où se trouvaient la Pologne» (504).

Совершенно несправедливо: в князьях Суздальских и Владимирских текла чистая русская кровь без малейшей примеси финской. Жизнь гражданская устроена было вся по образцу, господствовавшему повсеместно на Руси без малейших признаков влияния постороннего.

После таких горельефных нелепостей автор начинает свой второй параграф словами:

«Les grandes invasions des Tartares et des Mongols suiviren d'assez près la consolidation et les premieres tentatives d'expansion du duché de Sousdal, de ce nouvel état oriental habité par des Finnois, que nous appelons désormais la Moskovie» (504).

Финнов здесь давно уже не было, и страна вся обитаема была чистыми русскими, которым платили дань соседние финны, очень малочисленные, жившие так, как теперь живут их потомки в губерниях: пензенской, тамбовской, казанской и проч., племя тихое, смирное и к тому же безграмотное.

Грубые ошибки продолжаются в этом параграфе беспрерывно. Так, автор утверждает, что князья Московские отказались принять участие в первом крестовом походе восточного христианства против азиатского варварства, между тем как всем известно, что Великий Князь Юрий Всеволодович послал на помощь в Русь своего племянника Василия Константиновича, который, уже в Чернигове получив известие о Калькском поражении, принужден был воротиться. Нечего уже замечать, что автор говорит о Московии, предупреждая с лишком на сто лет ее историческое положение в смысле столицы. Тогда сре-

доточие русской силы на север было еще во Владимире, о котором он ни разу и не упоминает!

В Рутении, говорит он, татары появлялись на короткое время, а на Московию они налегали изо всех сил. Это, утверждает он, для того, чтоб к небывалому финскому значению присоединить еще татарское влияние.

Влияние татар было одинаково как на Московию, так и на Рутению. Баскаки их господствовали как там, так и здесь. Стоит только вспомнить о знаменитом Бурондае, которому должен был поклоняться сильнейший и умнейший князь Рутении, Даниель Галицкий. Рутения не только подверглась влиянию, но совершенно была опустошена, так что Плано Карпени, Рубруквис, европейские посланники к татарам, проезжали здесь по целым суткам, не встречая ни души, и сам митрополит Киевский оставил вскоре несчастную страну и переехал во Владимир, а преемник его — в Москву. Тогда-то, собственно, начали подвигаться на восток нынешние малороссияне и занимать днепровские области.

Лелевель не упоминает о Московии, где, собственно, и устанавливалась русская жизнь, потому что это не относилось к предмету его сочинения.

Татары были для нашего автора, как мы уже заметили, желанными гостями, чтоб *обазиятить* нас вдосталь и отделить совершенно от Рутении.

Этого отделения отнюдь не бывало, как доказано выше. Московия, то есть Владимир, с самого начала была беспрерывно в сношениях с Рутенией, точно так, как Смоленск, Новгород, Рязань, Полоцк, Муром и прочие. Князья переходили со стола на стол, стремясь все к Киеву. Дружины и войны у них были одни и те же, поэтому последующее утверждение автора не имеет никакого исторического смысла: «Si la Moscovie dès l’origine n’eut etè finnoise, c’est a diré asiatique, l’on ne s’expliquerait pas que la domination tartare s’y fut si promptement et si completement acclimatée, tandis qu’elle ne devait ni s’installer, ni laisser aucune trace de son passage dans la Ruthenie, dont la population est slave» (504).

Татары у нас на северо-востоке не поселялись, не водворялись, еще менее, чем на юго-западе, в Московии менее, чем в Рутении, а управляли издали. Влияние их было на обе стороны одинаковое, вредное в отношении нравственном, что оказывается везде как следствие рабства. То же мы видим теперь на Сербии, Болгарии, Боснии, которых спасает также религия с богослужением на родном языке, как спасла она Рутению и Московию.

Точно в том же смысле автор повторяет: «Les Tartares n’ent pas exercé d’influence morale sur les destinèes de la Ruthénie. Il n’y avait dans ce pays Slave aucun element, que le genie des envahisseurs put s’assimiler» (506).

За финнов и татар автор все хорошие черты древней русской истории отдает своей Рутении и исключает совершенно Московию, неспособную ни к чему порядочному по самой натуре ее населения, а население-то было одинаково! Он имеет любезность даже забывать и ужасы Галицкие, и жестокости Романа Волынского, и разорение Киева при Рюрике Ростиславиче. «Tout concourt ici a dèmontrer ce fait important, c’est que l’origine finnoise de la population moskovite, et sa longue cohabitation avec les Tartares ont laissé subsister jusqu’a present des différences radicales entre les Rutheniens et les Moskovites» (517).

Наконец, и общинное владение, самое важное и дорогое, самое благодетельное наше учреждение, предохранившее и предохраняющее нас от западного пролетариата, автор ставит нам, москвитянам, в вину, говоря, что оно развилось только у вас и нигде не было известно в Рутении, привязанной к началу личной собственности, господствующему у народов западных. Здесь охотно подчиняемся мы его осуждению.

Довольный собою, автор спрашивает: почему же при таких различиях Рутении и Московии они смешивались между собою? «C’est par le procédé, — отвечает он себе, — qui consiste’a confondre l’histoire des dynasties avec celles des pays. Des princes Normans-Varègues ont régné autrefois dans la Moskovie: l’on en conclut, que ces deux pays ne font qu’un».

Так разрешил смелый автор мудреную загадку, самим, впрочем, для себя сочиненную.

В параграфе третьем автор обращается к Литве: «Quia ètè le prélude de la grandeur de la Pologne, comme l'invasion tartare a préparé la grandeur de la Moskovie» (508).

Здесь он проговаривается невольно или является принужденным согласиться, что Литва после своих завоеваний подчинилась совершенно русскому влиянию и обрусела.

Это совершенно справедливо и подкрепляет наше мнение о Польском вопросе, то есть что Литва и Москва сделались представительницами России, Литва — западной (Малороссии и Белоруссии), Москва — восточной (Великороссии), что Литва была и есть так же Русь, разумеется, за исключением Жмуди. Приведем его собственные слова:

«Les Lithuaniens adoptèrent le dialecte de la Ruthénie Blanche, qui devint la langue du gouvernement, de l'aristocratie et du peuple des villes, si bien que la langue de ces singuliers conquérants ne fut plus parlée que par des paysans de la Lithuanie, proprement dite, et de la Samogitie.

Pendant que la Moskovie se tartarisait, la Lithuanie au contraire était presque complètement absorbée par la Ruthénie».

Удручив нас сверх меры татарами в дополнение к финнам, обвинив за общинное владение, автор в заключение отнимает у нас почти и христианскую религию, и славянский язык.

«Христианская религия была распространена очень мало в Московии, и уже в начале XIII столетия было там только одно епископство», — говорит он и не хочет знать, что в XIII столетии сам митрополит Киевский оставил Рутению и перенес свой престол во Владимир, а в начале XIV столетия — в Москву. Смешно это или нет?

А вот еще смешнее. «Азиатские языки, — говорит он по замечанию еще Страбона, — могут легко изменять свое старое наречие на новое, и потому образовался в Москве новый язык — славянский, который сделался московским, — великорусский».

«Il existe de nombreux exemples de la facilité, avec laquelle les peuples de l'Asie peuvent changer leur ancien idiome contre un

idiome nouveau, et cette facilité était deja constatée par Strabon. Sous l'influence du clergé, des princes de la famille de Rurik, des Rutheniéns qui s'y étaient etablis, il se forma dans la Moskovie une nouvelle langue slave, qui est devenu le Moskovite, appellé aussi Grand-Russe».

Об этом происхождении языка было говорено выше. Порешив, таким образом, дело с Литвой, Рутенией, Московией и татарами, автор переходит к отношениям этих стран с Польшей.

Первое соприкосновение имело место в Галиче.

«La Ruthènie mèridionale faisait partie de la Pologne de temps immemorial» (509).

Это неправда, потому что Владимир Святой присоединил Червенские города к Киевскому княжеству, отнюдь не отняв их у Польши: они тогда и не входили еще в состав Польского королевства, по самым польским писателям, например Бандтке. Народонаселение же этой страны было тогда, как есть и теперь, чисто русское.

Вассальных отношений Галича к польским королям не было никаких, и поляки не могут представить ни одного документа, по которому можно было бы их предполагать, а что Галич тянул иногда к Московии (напомним еще раз читателям, что употребляем это имя, тогда еще не существовавшее, только в угоду автору), то вот вам место из Киевской летописи:

«Под 1199 годом; Володимир сидя на столе деда своего (Владимира) и отца своего (Ярослава)... посла к Всеволоду своему (то есть к дяде) в Суждаль, моляся ему: "Отче господине! удержи Галич подо мною, а яз Божий и твой есм со всем Галичем, а в твоей волей есм всегда". Всеволод же Суждальский присла к всем князем и по королеви в Ляхы, и води я кресту на своем сестричич (сестрином сыне) Галича не искать николи же под ним. Володимир же утвердился в Галиче и отголь не бысть нань никогоже».

После такого свидетельства заключение: «Ce qui est certain, c'est que cette partie de la Ruthénie ne relevait aucunement de la Moskovie» (500) — может, кажется, подвергаться сомнению!

Галич достался по наследству Казимиру, королю польскому, это правда, но чтобы жители были рады такому соединению, нет никакого свидетельства. Напротив, летописи исполнены свидетельств о взаимной вражде галичан к полякам.

Так точно автор пропускает и все войны между Литвой и Польшей за Галицкие владения, потому что последовавшее соединение Литвы с Польшей, посредством брака Ядвиги с Ягайло, отнимает у них политический интерес.

Ложь о дружественном характере этого соединения никогда не выражалась смелее, чем в замечании: «Ce ne fut pas le seul exemple d'agrégation opérée par l'attrait qu'inspirait la Pologne en raison de la douceur de son gouvernement él de la liberté, qui y régnait».

Читая подобные строки, не знаешь, что и говорить: во всех этих странах, как в Галиции, так и в Малороссии, злоба пылала и пылает неугасимая к полякам и обнаруживается всякий день более и более вследствие угнетений и притязании польских, а автор говорит о кротости правления, о свободе, о любви! Разумеется, мы утверждаем о злобе относительно большинства народонаселения, относительно русского народа, а помещики, которые нахлынули туда из Польши и овладели богатыми землями, которые обратились к католицизму и ополчились в надежде приобрести права польского дворянства, помещики держали всегда, как и держат теперь, сторону Польши.

Той же смелостью отличается и утверждение, что Рутения Польская и Литовская, приняв будто бы после Флорентийского собора унию, возобновленную торжественно в 1495 году, вошла в религиозное и нравственное общение с католическим Западом и отделилась совершенно от Московии. Так не совестится утверждать автору, когда есть целая библиотека, свидетельствующая об ужасах вследствие последовавшего в XVI столетии насильственного введения унии и о потоках крови, проливавшихся из-за нее в Малороссии!

Тогда, говорит он, Московия укрепила свои связи с Грецией и под влиянием этого религиозного положения стремилась к возвышению политическому.

Описывая покорение Новгорода, автор говорит, что это было первое важное завоевание Москвы в Рутении!! Таким образом, через 400 лет расстояния московские князья разорили два главных города Рутении: Киев, место священное, и Новгород, республику свободную и торговую!

Что за варвары эти москвитяне, воскликнет со вздохом иной добродушный европейский читатель, и пойдите ему доказать, что Москвы и не существовало еще как княжества во время случайного взятия Киева в 1159 году, что Новгород принадлежит к воображаемой автором Рутении так, как Кострома, как Владимир, как Суздаль как сама Москва! А что касается до новгородских архиепископов, то из них никто никогда и не думал о соединении с Римскою церковью. Это все ложь.

«Ce systeme (переселения) app'ique avec suite et dans tout sa rigueur, changea par la force le pays ruthénien de Pskov, comme celui de Novgorod, en pays Moskovites. La langue ruthénienne finit par en disparaitre a peu près complètement, ou du moins par y devenir un simple dialecte du Moskovite» (514).

За сим Иван III приобрел Тверь, князья Северские признали его владычество, и «вследствие этих приобретений Московия вошла в соприкосновение с Польшей».

Автор пробегает историю этих соприкосновений слишком коротко, желая доказать только законную принадлежность западных губерний Польше. И мы не станем входить в подробности губерний Польши. И мы не станем входить в подробности; пропустим даже все свидетельства, говорящие в нашу пользу, а постараемся только доказать, что если по приводимым им документам западные губернии принадлежали в известное время *законно* Польше, то возвращение их из-под иноплеменного ига России было еще гораздо *законнее*, в каком положении дело находится и теперь.

Польша получила с Литвою все ее русские завоевания, положим, законно, но с обязанностями, которых она никогда не исполняла и против которых со стороны Литвы, Белоруссии и Малороссии предпринимались во все время беспре-

станные протесты, восстания, кровопролития и покушения свергнуть ненавистное иго.

Московские князья заключали по обстоятельствам договоры срочные и так называемые вечные с разными уступками и приобретениями, но войны беспрестанно возобновлялись, вследствие взаимных споров и неудовольствий, и оканчивались то в пользу России, то в пользу Польши. Так, Василий, кроме приобретений своего отца, присоединил еще в 1514 году Смоленск, и автор совершенно несправедливо утверждает, что этот князь от Смоленска отказывался.

Иоанн Грозный взял в 1563 году Полоцк, обратно уступленный вместе с Ливонией после нечастной войны с Баторием.

Во время междуцарствия вся Россия призывала на престол свой сына Сигизмундова, Владислава. Польша не умела воспользоваться благоприятными своими обстоятельствами: кто же виноват?

Михаил Федорович принужден был в своем положении сделать Польше разные уступки по Полянскому договору, но при его преемнике, Алексее, Малороссия, Рутения, по любимому выражению автора, окончательно отложилась под предводительством гетмана Хмельницкого от Польши, чего автор касается, впрочем, очень нежно:

«Ce pays etait arrivé à se desaffectionner de la Pologue, et il en résulta des guerres sanglantes».

Царь Алексей Михайлович распространил было далеко завоевания русские на запад, но уступил часть их по Андрусовскому миру (1667), по которому за Московией утверждены, впрочем, Смоленск, Северия, Чернигов и Заднепровская Украина.

Границы 1667 года остались до первого раздела Польши, говорит автор, императрица Екатерина признала их в 1764 году. Это ничего не доказывает: эти границы принадлежали Польше по праву завоевания; по такому же праву они переступлены Россией в более благоприятных для нее обстоятельствах, но права России, кроме завоевания, основаны еще крепче на кровном родстве с жителями возвращенных

губерний, на единстве веры, языка и обычаев, на племенном желании самих жителей, наконец, на непримиримой ненависти их к полякам за жестокое, бесчеловечное и тиранское управление в продолжение их владычества.

Из-за бумаг, книг и рассуждений европейские публицисты оставляют без внимания русский народ, обитающий в западных губерниях, а его миллионы стонут под игом сотни тысяч помещиков! Вместо всех рассуждений, пусть бы они посетили, что теперь очень легко и удобно, западные губернии, разумеется, без польских провожатых, посмотрели бы на здешнее житье, и тогда они удостоверились бы, что первое известие о присоединении края к Польше сделалось бы смертным приговором для всей этой сотни тысяч помещиков с дополнением из шляхетного пролетариата. Вот чего хотят безумцы, и вот к чему ободряют их незнакомые с делом покровители, распространяя повсюду ложь, ложь и ложь. Больно за человеческое достоинство читать все клеветы, распускаемые в европейских газетах, и видя пропасть, в которую они увлекают несчастное поколение.

Но возвратимся к нашему предмету, император Александр хотел восстановить польские древние границы. Автор приводит места из его писем к князьям Огинскому и Чарторыжскому из его речей на сеймах и разговорах на Венском конгрессе. Из них мы не узнаем, впрочем, вполне намерения императора Александра, но каковы бы они ни были, они принадлежали лично ему, и мы, русские, можем выставить против них, особенно теперь, слова нашего бессмертного историографа Карамзина, который торжественно сказал Государю:

«Вы думаете восстановить *древнее* королевство Польское? Но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с вашими священными обязанностями, с нашею любовью к России и к самой справедливости? Во-первых, спрашиваю: “Австрия отдаст ли добровольно Галицию?..”

Во-вторых, можете ли вы мирною совестью отнять *у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденную*

собственность России еще до вашего царствования?.. Скажут ли, что Екатерина беззаконно разделила Польшу! Но вы поступили бы еще беззаконее, если бы вздумали загладить несправедливость *разделом самой России.* Мы взяли Польшу мечом. Вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний… Старых крепостей нет в политике... К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Волынь и Подолия вместе с Галициею были некогда *коренным достоянием России*. Если вы отдадите их, то у вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди — ни врагу, ни другу. Наполеон мог завоевать Россию, но вы, хоть и самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижины русской. Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагорассудите? Россия, Государь, безмолвна перед вами, но если восстановилась бы древняя Польша (чего Боже сохрани) и произвела некогда историка достойного, искреннего, беспристрастного, то он, Государь, осудил бы ваше великодушие, как вредное для вашего истинного Отечества, доброй, сильной России. Сей историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить вам поляки: извиняем их, но вам бы мы, русские, не извинили, если бы вы, для их рукоплескания, ввергнули нас в отчаяния. Государь, ныне славный, великий, любезный! Ответствую вам головою за сие неминуемое действие целого восстановления Польши. Я слышу русских и знаю их... Одним словом, и Господь Сердцеведец да замкнет смертью уста мои в сию минуту, если говорю вам не истину... одним словом, восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обагрят своею кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу».

Европейские дипломаты и публицисты не знали, как и теперь большею частью не знают, что народонаселение в так

называемом от поляков Забранном крае, то есть нынешних западных губерниях, составляющих предмет спора между русскими и поляками, есть чисто русское и что в наше время, примечательное возрождением национальностей, нелепо мечтать, чтобы Россия могла предать свою национальность чуждому игу.

Здесь остановлюсь я в моем возражении. Я писал его без всяких справок, прямо почти набело, прочитав нечаянно статью г. де Мазада в Петербурге, что доказывает, как ничтожны для нас, русских, все доказательства наших противников и как легко можем мы справляться с ними, оставляя еще всегда в запас кучу ссылок на подлинные источники.

Впрочем, нам уже наскучило бесплодное прение с поляками, которые не хотят ничего видеть и слышать, зажмурив глаза и заткнув уши; но неужели между европейскими читателями не найдутся беспристрастные люди, которые, прослушав внимательно обе стороны, решатся возвысить свой голос среди этого Вавилоно-Польского столпотворения? Им и посвящается моя статья, писанная без всяких задних мыслей, без всякой страсти, в духе чистой историко-критической истины.

С.-Петербург.
1863 г.
6 июня.

По поводу ответов князя Горчакова

Москва в полном удовольствии. По домам, на улицах, в клубах точно как будто праздник. Домашние попечения и заботы, кажется, забыты. Мы не только успокоились, ободрились, но и повеселели. Удовлетворенное народное чувство обнаруживается во всех движениях. Никто, даже из стариков, не запомнит такого согласия. Все оттенки мнений, а здесь их больше, чем сорок сороков, слились в один цвет; все разнородные звуки, от самого низкого до самого высокого, слились в один голос. У всех на уме и на языке одно и то же. Знакомые,

встретясь между собой, не спрашивают друг друга о здоровье, не говорят даже обычного «здравствуйте», а начинают вместе: «А что — каково? Превосходно, отлично, мастерски!».

Да, надо сознаться, что ответы князя Горчакова на предложения Англии, Франции и Австрии удались во всех отношениях как нельзя лучше.

Честь государственная охранена, национальное достоинство сознано, неуместные притязания отстранены, благоразумные, действительные средства указаны, слово на мир оставлено; все определено ясно, выражено просто, спокойно, вежливо, благородно.

Слава Государю, освящающему своей волей, утверждающему своим державным словом подобные решения!

Благодарность министру, так понимающему свои обязанности, так исполняющему встречающиеся ему задачи! Имя его запишется не только в истории русской дипломатии, но и в истории России. Он сослужил отличную службу Отечеству и одержал блистательную победу.

Обратим внимание на дипломатическое искусство. Некоторые статьи в предложениях западных держав можно было бы опровергнуть решительнее, сильнее, но князь Горчаков хотел, видимо, пощадить наших противников — не припирать их к стене, не ставить в положение слишком неприятно и унизительное. Великодушный, он предоставил им возможность, говоря простою пословицей, утереться.

Нам предлагали они заключить перемирие... но с кем же? Враги наши не имеют имени. Местопребывание их неизвестно. У них нет даже никакого тела. Это тени, высылаемые по ночам из каких-то преисподних и исчезающие при восхождении солнца. По какому же адресу можно сноситься с ними? Кто возьмется наблюдать за исполнением их обязательств? Или западные державы находятся в связи с ними и имеют полномочие от них вступить с нами в переговоры, заключать за них условия? Существование их, следовательно, признано не в пример даже Южным Штатам Америки? Однако же это признание не объявлено официально: как же разрешить противоречия?

Нам предлагали дать амнистию... Но она была уже дана, даже на будущее время, и отвергнута с пренебрежением. Кого же будем мы прощать, если никто не считает себя виноватым, не изъявляет раскаяния, не отказывается от прежнего образа действий? И какой срок положить амнистии? Неужели можно допустить продолжение неистовств ad libitum, предоставляя им в перспективе прощение «полное и совершенное» на случай неудачи? Где же в истории были примеры подобных амнистий?

Нам предлагали дать автономию Польше. Но и это средство было тоже испытано маркизом Велепольским и привело к цели совершено противоположной. Благодаря этой автономии, с удалением всех русских чиновников, устроились везде революционные комитеты, навезено оружия со всех сторон для мятежников, обокрадены казначейства, конторы и таможни, уголовные следствия обращены в пользу виноватых, преступления оставлены без наказаний и организован мятеж во всех подробностях. Хотят ли западные державы, чтобы мы окончательно предали страну во власть революционного террора? Другого исхода не может иметь теперь автономия с амнистией и перемирием!

А к довершению всей несообразности этих предложений, должно заметить еще, что поляки ими не довольствуются и объявляют торжественно совсем другие требования. С какою же целью державам переговариваться, требовать, уступать и соглашаться?

Повторим: князь Горчаков не хотел ярко выставлять совершенную несостоятельность предложений, но может быть, и сделаны они в полном сознании этой несостоятельности, невозможности даже физической с целью получить не согласие, а отказ и с отказом — предлог к войне, уже решенной предварительно, во что бы то ни стало, для нового поражения опасной, ненавистной России? Может быть, пред нами повторяется история знаменитой Венской ноты пред Крымской войной 1854 года?

Если это так, то нам остается пожалеть, что Европа прибегает опять к такому недостойному образу действий, и удив-

ляться, как она не позаботилась, хоть для потомства, облечь свои недобрые намерения более благовидною формой.

А если это не так, то история спросит, с какою целью поднято было столько шума в Европе и произведено столько смущения, чего ради гибель сия быть? А пролитая кровь?

Как бы то ни было, правительство сознает великую ответственность своего положения и в предотвращение подобных сюрпризов принимает деятельные меры, согласные с желаниями, видами, мыслями всего русского народа.

Вот на этом согласии и должны утверждаться больше всего наши надежды, как теперь, так и всегда. Чем более будет увеличиваться согласие, чем более взаимное доверие будет укрепляться, тем вернее успех. Пусть правительство знает и находит средства узнавать постоянно мысли, виды, желания и нужды народа из чистого источника и во всей их искренности; пусть дорожит его живым, сердечным участием: взаимная любовь и доверенность, это сродство, это тождество, единство — вот где заключаются залоги нашего спасения от всех возможных опасностей и вместе основа нашего могущества, политического значения и источник всяческого благосостояния.

12 июля.

Письмо к историографу Богемии Палацкому

<…>

С живейшим удовольствием прочли мы ваши послания об отношениях России и Польши. Мы не ожидали иного взгляда от вашей исторической опытности, от вашей пресвященной любви ко всем славянам, без различия их наружностей, наконец, от вашего уважения к истине, которой вы служили с такою ревностью в продолжение всей своей трудной жизни. Мы не ожидали иного взгляда, говорю я, но все-таки нам было очень приятно, очень сладко удостовериться в безошибочности наших ожиданий, тем более что современные

и местные обстоятельства, очень сложные, мешают вообще во всех странах свободному, искреннему выражению мнений умеренных и в разгар страстей, когда ослепленные и ожесточенные противники борются не на живот, а на смерть, спорить с большинством, спорить с молодым увлекающимся поколением в ущерб своей известности, за которой в наше время так любят гоняться, решится не всякий. Гораздо безопаснее, гораздо выгоднее молчать.

Отношения у Польши с Россией, дружественные большей частью в древности, впоследствии сделались враждебными, как то происходило везде между смежными государствами. Литва, совершенно особое племя, одинаково чуждое как полякам, так и русским, покорив всю западную часть России и соединяясь потом с Польшею, вследствие брака Ягайло с Ядвигою, подала новые поводы к столкновению и распрям и доставила Польше на время перевес своими завоеваниями и приобретениями.

Русское поселение православного исповедания в девяти губерниях, составляющих яблоко раздора между нами, подпало игу польскому, которое было для них до сих пор тяжелее ига татарского. Чехи, зная, как тяжело бывает в таких случаях чуждое иго, могут судить лучше всех, что потерпели русские в этих губерниях под властью поляков и католиков при помощи жидов. Причины, цели и действия, как в Чехии, так и на Руси, одинаковы вместе с последствиями.

Притеснения и гонения подавали беспрестанно повод к восстаниям русским. Войны продолжались с переменным успехом, поляки приходили в Москву, русские заняли Варшаву. Поляки выбирали часто на престол к себе русских царей, русские звали Владислава. Было время, когда успех склонялся совершенно на сторону поляков, и Польша могла сделаться тем, чем сделалась Россия. Поляки пропустили это благоприятное время и, напротив, своими раздорами стали готовить свой упадок. Кто же виноват? Судьба, история!

С 1612 года, то есть с изгнания поляков из Москвы Пожарским и Мининым, начинается новая, лучшая эра русской

истории, освобождение (а у вас почти тогда же началась худшая — покорение иноплеменниками). Михаил Романов должен был сделать несколько уступок Польше, чтоб дать время успокоиться потрясенной стране. Сын его, Царь Алексей Михайлович, возвратил Малороссию с Киевом при помощи казаков, выведенных из терпения жестокими мерами и действиями иезуитскими. А Польша слабела более и более. Свободные избрания королей, при множестве иностранных претендентов, продажность голосов, liberum veto, враждебные партии, необузданность дворянства, угнетение народа довели ее до крайности. И Иоанн Казимир на сейме, за сто с лишком лет до раздела Польши, предсказал ее гибель. Немецкий элемент, овладев Богемией и Силезией, основал Пруссию, охватывал и стеснял Польшу со всех сторон, и она доставляла ему сама беспрестанно благовидные предлоги для нападения. Произошли разделы по мысли Фридриха Великого, с которым согласились Иосиф II и Екатерина II. Должна ли была Екатерина воспользоваться благоприятными обстоятельствами и возвратить России ее древнее достояние, страны, населенные русскими племенами, говорящие русским языком, исповедующая Русскую веру? Пусть скажет какой-нибудь государственный человек в Европе, какой-нибудь историк, простой здравомыслящий гражданин, что императрица Екатерина должна была поступить так, что ей лучше было бы отказаться от этих возвращений? Нет, иначе было невозможно. Императрица Екатерина возвратила нам, впрочем, еще не все русские владения: до сих пор восточная часть Галиции, населенная тем же русским племенем, находится в чужом владении.

Наступили другие времена, новые столкновения и новые обстановки.

Значительную часть собственной Польши Россия получила по праву войны, за содействие к освобождению Европы от ига Наполеонова, точно как Пруссия получила Померанию, Швецию, Норвегию, Австрию, Ломбардию и проч. Александр I в порыве великодушия хочет восстановить Польшу вопреки мнению всех европейских политиков, даже нам

враждебным, и когда, при каких обстоятельствах? После того как 80 тысяч поляков, в авангарде войска Наполеона, отличались своими неистовствами на всем пространстве пройденного им пути в России. Александр воссоздает Польшу, дает ей имя, дает конституцию, открывает, наконец, блистательную будущность, даже в ущерб России, так что Карамзин должен был вооружиться против его намерений всей силой истории, красноречия и любви к Отечеству.

Опять счастливые виды для Польши, хоть и под другой формой, — и опять поляки не умеют ими пользоваться, мешают из всех сил своему благодетелю. В самый момент обнародования конституции они выражают явно свое неудовольствие и обнаруживают желание границ 1772 года, так что русские государственные люди считают себя обязанными развеять очарование Государя касательно благодарности и удовлетворения поляков. И кто же говорит ему правду, щадя, впрочем, всеми силами его самолюбие? Новосильцев, товарищ молодости, один из самых либеральных, передовых людей его времени. То же подтвердил Ланской, очевидный свидетель обнародования конституции. Мы только теперь узнали о существовании этих важных документов, скрывавшихся до сих пор, к удивлению, в министерских архивах. Предсказание Поццо ди Борго исполнилось слишком скоро. Александр I долго еще, впрочем, оставался при прежних своих намерениях, но вновь получаемые сведения, даже открытые заговоры, заставили и его принимать другие меры. Тот же Новосильцев начал приводить их в исполнение как в Вильне, так и в Варшаве. Мы нисколько не одобряем многих стеснительных мер, вынужденных обстоятельствами и преимущественно грубой формы действий, которая оскорбляла поляков более всего, как самое щекотливое и самолюбивое племя между славянами. О, тяжело, тяжело воспоминать обо всех несчастных недоразумениях и с той, и с другой стороны! Не оправдываться должны обе, а каяться.

Произошли восстания 1830 и 1862 годов. Не нужно мне и прибавлять, что оба восстания образовались не внутри, а

извне благодаря иностранному вмешательству, которое имело свои виды, отнюдь не польскую пользу, — это ясно теперь для всех в Европе — и вот в самом разгаре возмущения, начавшегося вероломными ночными убийствами безоружных людей, посреди пожаров, грабежей, насилий, клевет и прочих ужасов русское правительство принимает систему, совершенно противоположную прежней, требованной обстоятельствами, как они ему представлялись, систему снисходительности, и не только правомерности для поляков, но и явной безнаказанности, потворства, с совершенной почти автономией, под начальством поляка, маркиза Велепольского. Сам брат Императорский, В. К. Константин Николаевич, освящал ее своим соизволением и участием: во всем Царстве Польском, в числе 16 тысяч чиновников, русских оставлено только 8 на незначительных местах, а в России на службе чиновников польских не 8 человек, не 8 тысяч, а больше 18 тысяч. Десять тысяч политических преступников возвращены из ссылки или изгнания. Поляки, следовательно, могли удостоверяться, так сказать, почти ежедневно, на самом деле, что времена настают для них лучшие, и отнюдь не вследствие внешних требований, а вследствие внутреннего изменения во взглядах. Это было уже поздно, говорят иные. Нет, не поздно, отвечаем мы, а именно в свое время, потому что и в самой России, для русских подданных наступили времена точно такие же. Император Александр Николаевич освободил около 25 миллионов крепостных крестьян и наделил их землей. Помилуйте — ведь это пять Польшей, да еще пять Польшей составляют казенные и так называемые удельные крестьяне, которые также получают землю в свою собственность. При таком событии, с коими соединились уже как в России, так и в Польше другие более свободные учреждения и давались даже задатки, можно бы терпеливо подождать, что будет дальше! Можно было, пожалуй, заявить со скромностью свои законные народные нужды или желания, что было бы одобрено и всеми благомыслящими русскими. Сколько залогов для успеха при заподлинно известном благоволении Государя,

при исполнявшейся воочию системе маркиза Велепольского. Нет! Поляки объявили во всеуслышание Европы, даже в эпоху предложения западными державами у России шести знаменитых пунктов (нелепой памяти), что они хотят непременно границ 1772 года, то есть требуют себе в подданство 10 миллионов населения. Ну, вот остальные 60 миллионов и встали, как одни человек, с дворянами во главе! Да и у друзей польских, у англичан и французов, опустились руки по отношениям их к Австрии и Пруссии! Что можно сказать о такой политической бестактности, о таком отсутствии простого здравого смысла?

И вот что я должен заметить: границы 1772 года — это есть пункт помешательства у поляков! Самые лучшие, самые расположенные к России, самые умеренные, живущие, служащие в России в продолжение всей своей жизни не могут согласиться, *чтобы это не была* Польша, а Россия. Недавно случилось мне встретиться с одним старым знакомым, самым близким человеком к покойному Мицкевичу, через 40 лет почти после того, как мы жили очень дружно вместе в Москве. Мы обнялись, как братья. Но лишь коснулся разговор до западных губерний, он никак не хотел назвать их возвращенным краем, а все называл забранным. Нет, это отнято у нас, твердил он. А вам-то как оно доставалось? — спрашивал я его напрасно.

По этой причине я считаю долгом русского правительства, не только в отношении к русскому народу, но и в отношении к Польше и ко всей Европе, выкупить или выменять землю у польских помещиков в западных губерниях, хоть на самых выгодных для них условиях, чтобы там не оставалось ни пяди польского владения и, таким образом, закрылся бы навсегда источник вражды и притязаний польских. Без надежды на присоединение к себе западных губерний Польша поневоле должна будет успокоиться и оставить в покое Европу. Кто бы что ни говорил — это единственное решение вопроса.

Теперь первенствует в Европе вопрос о народностях, по крайней мере, на словах: ну и пусть спросят европейцы на-

селение девяти западных губерний: за кем оно хочет остаться — за Россией или Польшей? Европейцы получат единогласное решение в нашу пользу.

Я сказал, что вопрос о народностях существует на словах: вы, разумеется, горько улыбаетесь, как и все мы, когда европейцы употребляют это слово, говоря об итальянцах, венгерцах или немцах и храня могильное молчание о народности болгар, боснийцев, черногорцев, сербов, русинов и прочих славянских племен. Но это мимоходом.

Нелепыми, физически невозможными притязаниями своими поляки принесли нам пользы гораздо больше, чем могли бы принести пять новых крепостей и десять новых побед. Они помогли нам, а не себе, нашему русскому делу, а не польскому. Поляки связали нас крепчайшими неразрывными узами с нашими родными братьями, населяющими девять западных губерний, которых мы не предадим ни за что на свете — а без них, без этого временного литовского завоевания, Польша, стесненная немецкими племенами со всех сторон, существовать отдельно политически не может.

Не имя возможности существовать отдельно, Польша должна присоединиться к какому-нибудь из соседних государств; соединиться ей с королем Саксонским, как прежде, с Пруссией или Австрией гораздо хуже, вреднее и даже гибельнее для ее национального тела, чем с Россией, что показал ей опыт в Силезии, Познани, западной губернии. Во всем Балтийском поморье, то есть в нынешней Померании, польского элемента как не бывало. Так случилось даже без нынешних, насильственных, иезуитских мер, которые принимаются в иных областях.

Следовательно, не только политика, дипломатия, история, но сама география, судьба повелевают ей жить вместе с Россией для собственного благосостояния, для развития своей народности, которая погибла вся или быстро погибнет везде, кроме России.

Это соображения исторические и, так сказать, статистические, но нельзя же не принять в расчет и политики: может ли

такое государство, как Россия, допустить под боком у себя существование враждебного ей гнезда, готового всякую минуту служить авангардом для любых ее врагов, как это было доказано во время войн французских, турецких и как доказывается перед нашими глазами?

Необходимость соединения с обеих сторон одинаковая: у поляков географическая, а у нас политическая, у обеих вместе историческая.

Я сам несколько лет питал мечту об отдельном существовании Польши, но теперь решительно убедился в совершенной невозможности в настоящих обстоятельствах Европы; разве образуется когда-нибудь Восточный европейский и Славянский союз! Но к такому союзу путь не тот, что избирается поляками!

Принужденные жить вместе, мы должны думать о настоящем, желать лучшего и возможного в эту минуту для нас, для наших детей — и вот совершается еще великое событие, о котором, собственно, хотел я писать к вам, принимаясь за перо, но увлекся невольно воспоминаниям.

Событие, с которым могу поздравить вас, как старшего из славянских деятелей и друзей, событие, которым искупается много наших грехов, вольных и невольных, в отношении к Польше, которым должна начаться новая эра в польской истории, за которое Польша, Россия, Европа, все человечество, должны благодарить благодушного Александра II.

Новая европейская история не представляет ничего подобного: ни наука, ни революция не доносились до этой высоты. Правительства не смели о ней и думать, едва достигали мечтою самые пламенные утопии, и вот это великое социальное преобразование совершается воочию, на всем востоке Европы, в целой ее половине.

25 миллионов крепостных крестьян в России получили землю со свободой указом 1861 года февраля 19. 25 миллионов казенных и так называемых удельных крестьян пользовались ею уже прежде, а теперь уравниваются в правах своих с прочими. Наконец, февраля 19 1864 года, получают свободу

с землею польские крестьяне, числом 2 миллиона, и к ним вскоре должны присоединиться, может быть, полтора миллиона польских пролетариев, которые должны также получить себе наделы. Мы желаем и ожидаем распространения указов 19 февраля (которое у нас называется Александровым днем) на Остзейские губернии и Финляндию. Многие немецкие помещики это понимают и, верно, уступая необходимости, вскоре устроят крестьянское дело даже лучше нашего. Давай Бог! Но шведские дворяне, господствующие в Финляндии, судя по некоторым речам и статьям, выражают свое неудовольствие. Нельзя не удивляться, скажу мимоходом, снисходительности русского правительства, которое в Европе называют, однако ж, варварским!

Да, на востоке Европы образуется государство с 60 почти миллионами землевладельцев, и это государство, разумеется, не должно бояться никакой западной революции, будучи по естеству своему самого охранительного свойства: есть над чем задуматься европейским политикам, и они задумываются!

Не с насилием ли, не с ущербом ли, не с несправедливостью ли, спросите вы, совершается это громадное преобразование, которому летописи народов не представляют ничего подобного?

Отвечая вообще, нельзя и думать, чтобы не потерпели, по крайней мере, некоторые частные интересы. И ни при таких событиях они терпеть должны! Таков есть исконный порядок человеческих вещей. Без жертв никогда, ничего, нигде не происходит великого. Но что значат эти частные потери с общими благими последствиями для целого народа, для Европы, для человечества?

Позвольте мне, прежде всего, отвечать на вами предлагаемый вопрос относительно русского дворянства. Современная история должна занести в свои летописи его великодушие. Образом своих действий, в продолжение великого переворота, своей готовностью к принесению значительных жертв, своею терпеливостью в действительно стеснительном положении оно приобрело новое право на благодарность

Отечества. К этому праву присоединяется новое, которое получает особенную цену вследствие выше описанных обстоятельств: дворяне наши с беспримерным одушевлением во главе прочих сословий явились на защиту целости, неприкосновенности России, лишь только в прошлом году грозила ей опасность с запада. Европа, к удивлению своему, получила в их искренних горячих чувствах любви к Отечеству торжественное доказательство русского единодушия и вместе твердости нашего государственного состава: державы принуждены были отказаться от своих притязаний.

Такое прекрасное настроение дворянства не должно, однако же, успокаивать правительство, а, напротив, возбуждать, увеличивать его усилия о вознаграждении как можно скорее тем или другим образом понесенных убытков, о доставлении дворянам средств поставить свои хозяйства на новую ногу, что при вольнонаемном труде требует больших пожертвований. Разумеется, какие-нибудь меры будут непременно приняты вскоре правительством, которое сознает их необходимость, законность и справедливость лучше всех. В этом состоят самые горячие желания всех благомыслящих людей в России без различия сословий. Великое дело наше должно совершаться к общему всех удовольствию, и никто не должен остаться недовольным.

Когда остальные недоразумения с этой стороны уяснятся и экономические дела будут приведены в порядок, как дворянские, так и крестьянские, тогда определятся собственно и новые отношения помещиков и крестьян между собою, с восстановлением древней патриархальности и отстранением старого барства, тогда начнется действительно новая эра народного развития, о котором мечтал некогда со мною один из лучших людей России, нами недавно потерянный архиепископ Иннокентий, второй-первый оратор нашего времени.

После этого эпизода, за который извините (начав говорить с вами, я хотел высказать вам все, в чем ваше славянское сердце может принимать живое участие), я продолжаю рассуждение об освобождении польских крестьян.

Помещики польские не имеют права жаловаться на эту меру, когда ей подверглись в такой же почти степени, и еще прежде, русские помещики, несмотря на то, что русские помещики находятся совершенно в других отношениях и к правительству, и к самим крестьянам, чем польские. Следовательно, здесь напрасно неприязненные для Россия люди, желая лишить ее чести исторической, видят какое-то наказание, умышленное стеснение, ослабление или разорение сословия. Нет, здесь нет наказания, а распространение меры, принятой совершенно одинаково для всей России: 2 миллиона поляков освобождаются точно так же, как уже освобождены 25 миллионов русских!

А наказание, замечу мимоходом, отнюдь не было бы незаконным или даже излишним. Дворянство польское не только не оказало правительству никакого пособия при уничтожении мятежа, а, напротив, ставило ему все возможные препятствия, питая мятеж деньгами и людьми: оно заслужило по всем гражданским законам соответственное наказание, и если покоряемые города, занимаемые неприятелем области, платят контрибуции, подвергаются различным экзекуциям и конфискациям, то я не понимаю, кто решился бы в этом случае обвинить русское правительство, если б оно отдало земли крестьянам без вознаграждения помещиков. Взять их себе в казну — и то было бы даже не несправедливо.

С другой стороны, как судили о правах дворянства герои Французской революции, люди 1789 года, которых принимают в образец молодые прогрессисты!

Русское правительство поступает иначе, оно определяет вознаграждения польским, виноватым против него, даже уличенным помещикам, на основаниях весьма снисходительных. Если польские крестьяне получат более льготы, чем русские, то, оставаясь столько времени в продолжение всей истории на положении илотов, по свидетельству историков, и вместе сохранив верность при начале мятежа, они заслужили это облегчение относительно своих помещиков.

Народовый жонд видел необходимость этой меры по своим особым соображениям, равно как и земледельческое обще-

ство графа Замойского, но они не хотели никак отказаться от юрисдикции, от исключительного права шляхты занимать места<…> гмин, а с этим правом рабство крестьянское изменило бы только свой вид. Русское правительство пошло гораздо дальше и поступило гораздо либеральнее: оно устанавливает сельское самоуправление.

С какой точки ни посмотреть на это освобождение, оно выдержит какую угодно строгую критику. И самые ярые прогрессисты Луи Бланы, Ледрю Роллеры, Прудоны, все социальные радикалы, должны сознаться, что северному деспотизму посчастливилось одним почерком пера совершить такое дело, о котором они без страха и думать не смели, даже среди своих демократических pia desideria: крайности сошлись! А отдают ли они справедливость, превозносят ли они заслуженными похвалами это великое дело? Нет. Они молчат или произносят сквозь зубы неопределенные двусмысленные звуки! Такова сила предубеждений, таково влияние пристрастия! Не отвратительно ли становится читать, после такой вопиющей несправедливости, в газетах и журналах, общие места и риторические возгласы об общей пользе, о любви к человечеству, о содействии благосостоянию масс! Слова, слова и слова! Медь звенящая и кимвал бряцающий!

Как примется, как удастся сельское самоуправление в Польше, теперь вводимое, это неизвестно. Народ загнанный, забитый, скоро ли сознает свое человеческое и гражданское достоинство, это вопрос, который решит время.

Дело сопряжено с величайшими затруднениями, кроме действительных, так сказать, материальных, связанных с его сущностью, есть много нравственных и случайных.

Препоручить исполнение польским чиновникам не было никакой возможности, как лицам, враждебно заинтересованным в этом деле, как связанным историческими узами с тем сословием, которого мнимые права и выгоды тут нарушаются.

Царь поручил исполнение тем же лицам, которые работали по устройству крестьянского дела в самой России: никакого выбора нельзя было сделать лучше, беспристрастнее,

благонамереннее. Здесь поляки совершенно уравниваются с русскими. Много нужно было нашим деятелем иметь мужества и ревности к общему благу, чтобы принять это мудреное и вместе опасное поручение. Честь им и слава за их готовность на всякие раны!

Незнакомство с польским языком затруднит сначала много наших чиновников: говорю сначала, потому что они скоро выучатся. Не могу здесь не упрекнуть, кстати, наших профессоров славянских наречий, которые в продолжение 25 с лишком лет не издали ни одной славянской грамматики, ни одной хрестоматии, ни одного словаря и не учили порядочно молодых людей наречиям, а занимались археологическими исследованиями, очень полезными и похвальными, но только по удовлетворению вопиющих нужд.

Все благомыслящие поляки, искренне любящие Отечество, должны приветствовать возрождение польского народа и настоящее призвание его к новой политической жизни, из-под гнета аристократии, из-под гнета каких-нибудь 200 000 человек, с включением даже и мелкой шляхты. Все благомыслящие поляки должны стараться, чтоб это освобождение было приведено в исполнение наилучшим образом.

Священная обязанность лежит преимущественно на людях среднего сословия, чиновниках, духовенстве.

Они должны, образумившись, возвысившись над частными личными соображениям, пренебречь угрозою подземного фонда с его кинжальщиками и вешателями, подать руку помощи настоящему русскому правительству и его достойным представителям и содействовать учреждению нового порядка, равно как и водворению вообще спокойствия. К ним должна бы присоединиться и лучшая часть мелкой шляхты, освободясь из-под страха иудейского.

Грустно, что два главных представителя польского народа, Лелевель и Мицкевич, с которыми я часто имел случай беседовать о судьбах его, не существуют более. Хотя они, как истые поляки, были несогласны между собою, один, держась партии аристократов, другой — партии демократов, но в вопросе

об освобождении крестьян и о наделе их землей они, верно, сошлись бы и вместе возблагодарили русское правительство. Их мощный голос, верно, возымел бы благодетельное действие на их соотечественников, по крайней мере многих!

Обращусь и здесь к самой партии радикалов. Опомнитесь, образумьтесь! Вы причинили много зла своему отечеству, хотя и желали ему искренно, положим, добра; вы приняли много грехов на свою душу, искупите часть их, явитесь с повинною головой к русскому благодушному Царю. Так велит история. Поймите, наученные новым опытом, что только в соединении с Россией Польша может возродиться.

Против рожна прати невозможно.

Прочие славяне, находящиеся вне круга действия, но принимающие к сердцу судьбу славянского племени, прочие славяне, которые могут вернее и беспристрастнее судить о настоящем моменте в славянской, польской и русской истории, обязаны всеми силами содействовать их убеждению, их перевоспитанию. Славяне должны только судить не по газетам, подкупленным польской аристократией, а по натуре. Пусть приедут они к нам посмотреть, послушают народ и скажут свое мнение во всеуслышание. Прибавлю, что они должны поступить так не только для поляков, для русских, но и для себя.

Россия с помощью, а не помехою Польши может принести более пользы для славян, чем теперь. Вот чего боятся западные государства, природные враги России и славян, вот почему мы особенно обрадовались, мы, русские, вашему благородному голосу и голосу вашего воспитанника и родственника г. Ригера, уверенные, что чешская молодежь, увлекшаяся благовидными признаками, задумается над вашими убеждениями и изменит свое настроение.

На высшее дворянство, на эмигрантов польских нельзя возлагать никакой надежды. Напротив, оно заклятый враг освобождения крестьян на таком либеральном основании, какое положено русским правительством вследствие своего исторического предания и вследствие своего природного эгоизма, соединенного искони с презрением крестьян, вследствие

ревности к русской инициативе. Польская заграничная аристократия возбудила само восстание, решилась соединиться даже с отчаянными радикалами, почуя в освобождении русских крестьян приближающуюся к себе грозу. Задетая за живое, получая себе удар прямо в сердце, она употребит, разумеется, все оставшиеся у нее средства помешать исполнению великой меры, но Бог милостив! Удовольствие, восторг трех миллионов авось заглушат шипение пяти тысяч, даже с дополнением двухсот тысяч подчиненной им шляхты.

Ненависть к настоящей свободе породила само польское восстание. Вот как поляки понимают свободу, вот как они желают свободы своему собственному народу, не только русскому в западных губерниях! А европейские публицисты, даже либеральные, искренние и честные, закричали в один голос за польское восстание, против мнимых притязаний русского деспотизма, против угнетения польской народности; каково ослепление!

На аристократов, повторяю, надеяться нечего. Им не судил, видно, Бог, как древним израильтянам, увидеть землю обетованную, и они должны перемереть в пустыне, на чужбине, в безысходных странствиях.

Я с большим удовольствием прочел брошюру Прудона, который, надо отдать ему честь, изобразил пагубное влияние дворянства на развитие польской истории ясно и разительно. Не могу удержаться от выписки его слов: «Национальность польская состоит исключительно в дворянстве: что же имеет общего это дворянская каста с Европою демократическою, равенственною и конституционною? Эти дворяне, обессилив своих королей, в продолжение 400 лет призывали к себе на престол князей венгерских, литовских, французских, шведских, саксонских. С каким же лбом жалуются они теперь на подданство государям прусским, австрийским и русским? Вы никогда не умели быть поляками, и вы говорите о народности!» (84)

И знаете ли вы, что я думаю, скажу здесь, кстати, об аристократии шляхты польской? Мне кажется, что она имеет в

себе значительную примесь крови западной, не славянской, а кельтической. Я сообщал эту мысль Шафарику при первом ее появлении в моем сознании.

Завоеватели, пришлое племя, которое основало государство в Польше в предысторическое время, было, верно, гораздо многочисленнее, плотнее, гуще, чем, например, пришедшее племя к нам, то есть норманны, которые в продолжение 200 лет совершенно ославянились и потеряли свои отличия. Мальт-Бран еще, не помню на каком основании, предполагал в Польше существование двух племен, покорившего и покоренного. Пришлецы польские сохранили более своей стихии. Так объясняю я те черты в характере польском, коими поляки отделяются от прочих славян. Между этими чертами укажу теперь на две: первая — совершенное отчуждение от прочих слаянских племен, которых Польша никогда знать не хотела, хоть и жила рядом с ними, точно как не хотят знать и теперь. Вторая черта — презрение к собственным подданным, то есть к крестьянам, что свидетельствуется всеми местными наблюдателями, и происходящая оттуда ненависть между сословиями. Вот почему польские крестьяне отнеслись так неприязненно к мятежу! В этом отношении польское дворянство совершенно отличается от русского, которое даже при крепостном праве сохраняло более или менее патриархальные отношения. В подтверждение моей догадки я слышал недавно от одного путешественника, что в физиономиях шляхты и крестьян примечается явственное различие*.

Я надеюсь, что польские молодые патриоты не посетуют на меня за это породнение поляков с западными народами и согласятся, что я плачу им слишком великодушно за их утверждение о татаро-финском происхождении москалей. Говорю так, соображаясь с их образом мыслей: что касается до меня — я не променяю своей славянской крови ни на родство с персидскими Пасаргадами.

Как вы думаете о моем гадательном предположении?

* Князь Одоевский находит в музыке древние следы чуждого влияния. См. его статью в газете «Русский».

Нет ли в чешской истории каких-нибудь признаков соответственных?

Сколько мне случилось заметить, польской ненависти и гордости у ваших дворян нет. Но некоторая отдельность существует. Хотелось бы мне побывать еще раз в Богемии, но опасаюсь неприятностей от австрийской полиции за мои старые, впрочем, открытые заявления. Могу уверить ее, что, ревностный панславист, с летами и опытами я успокоился, остыл и желаю теперь славянам только равноправности, под каким бы они правлением ни находились — равноправности, довлеющей европейским гражданам XIX столетия.

Толкуя о ходе европейских дел в лекциях о политической истории в Московском Университете, я говорил когда-то, что непременно устроится в Европе суд Амфиктионов для мирного решения международных распрей вместо кровопролитных войн. Покойный Священный союз, нынешнее предложение Наполеона, какую бы подкладку ни имели, — это корректуры будущего суда Амфиктионов. Почему бы не en attedant историкам и ученым, без всякого сношения с политикой, дипломатией и бюрократией, не делать опытов решения на своих съездах некоторых политических вопросов, имеющих тесную связь с наукою? Что скажете вы об этой мысли? Но письмо мое слишком длинное. Мне хотелось, с одной стороны, содействовать вразумлению вашей молодежи и указанию ей пути, по коему она может принести пользу полякам, а с другой — известить вас об успехе великого преобразования, которое оказывается в России и ожидается в Польше. Прибавлю, что нам недостает теперь более свободной печати, то есть возможности выражать искренно и свободно мнение о государственных вопросах и представлять правительству сведения, которых оно не может получить от своих чиновников, имеющих личные при них виды. Правительство занимается теперь вопросом о печати, и мы твердо надеемся, что свободной без необузданности, впрочем, печатью* увенчаются преобразования нашего любезного Государя Александра Николаевича, который впи-

* Отчасти мы имеем ее теперь.

сывает свое имя неизгладимыми чертами в летописи России, Польши, славянства и Европы.

1861 г.

28 апреля.

О книге господина Шедо-Ферроти

Считаю долгом подать свой голос о книге г. Шедо-Ферроти, тем более что она до меня и лично коснулась.

Фридрих Великий осматривал какую-то крепость. Комендант, не встретив его пушечными выстрелами, извинялся пред ним так: сто причин есть тому, что я не мог салютовать ваше величество. Во-первых, у меня нет пороха… Довольно, довольно, прервал король, других причин знать мне не нужно.

Г-н Шедо-Ферроти говорит, что образ управления в Польше от июня 1862 года до октября 1863 года определен был отношениями к нам европейских государств, в коих общественное мнение было сильно возбуждено против России и имело вляние на сами правительства. Всякая крутая мера с нашей стороны, и в особенности отозвание Великого Князя, которое показало б перемену его системы, могло подать повод к объявлению нам войны, а к войне были мы неготовы. Следовательно, мы должны были больше всего выиграть время для своих приготовлений и потому смотреть сквозь пальцы на пожар, охватывавший царство, то есть из двух угрожавших зол мы должны были избрать меньшее: обеспечить оборону своей страны, хотя бы мятеж через то без энергических мер и продлился долее.

Если это так, если по высшим государственным соображениям действовало Варшавское правительство, то и толковать об этих действиях нечего, по примеру Фридриха Великого. Так должно было! Никто не осмелится, никто не сочтет себя вправе сказать слово против таких соображений. Скажу более — они кажутся правдоподобными, благовидными и, может быть, заключали в себе на ту пору долю справедливости.

Но ведь они вынуждались крайностью, говорите вы сами, но ведь образ действий, определенный ими, вы сами называете злом, так зачем же на ста страницах с лишком вы силитесь доказать, что он был добрым. Вот что прежде всего и приводит ваших читателей в негодование. Qui prouve trop, ne prouve rien.

* * *

На всякий предмет можно смотреть с разных сторон, особенно в разные времена. Систему графа Велепольского все мы, русские (и сам г. Шедо-Ферроти), должны назвать злом в отношении ко времени ее приложения от июня 1862 до октября 1863 года, но она была бы, может быть, добром, если бы была употреблена князем Паскевичем или князем Горчаковым. Все хорошо в свое время!

Теперь я пойду далее г-на Шедо-Ферроти и скажу, что систему графа Велепольского, которую Великий Князь Наместник в продолжение 16 месяцев поддерживал с непоколебимой твердостью, достойной лучшего предмета, принесла и приносит нам великую пользу, отнимая последний предлог у противных партий. Так строит Русский Бог, извлекая для нас добро из самого зла. Мы имеем теперь полное право сказать, что готовы были делать для поляков все возможное и сверх возможного, представляли тому осязательные средства в самый разгар мятежа, в эпоху убийств, грабежей, пожаров и всяких оскорблений, но поляки ничем не были довольны, продолжали неистовствовать, призывать чужую помощь и даже требовать русских земель опять под свое иго, ну так мы и нашлись принужденными, по закону самосохранения, для собственной защиты, и действовать иначе: кто может сказать что-либо против этого!

* * *

Но верно ли, что система графа Велепольского, с соизволением Великого Князя, удерживала европейские державы от

объявления войны России и давала ей средства приготовиться к обороне? Едва ли! Если бы западные державы решились на войну, так он зазнамо не дал бы нам времени к ней приготовляться себе на голову. Они поспешили бы воспользоваться нашей беспомощностью, чтобы напасть врасплох, как во время Крымской войны. Не посмотрели бы они на то, что Великий Князь следует в Варшаве системе самой милосердой и примирительной. Они уверены ведь были, что русское правительство исполнено самых лучших намерений в отношении к Польше и, следовательно, хотели войны или грозили, медлили войною совсем по другим причинам, независимым от образа действий наших в Польше. Что же касается до предлогов, то им немудрено было найти их и кроме отозвания Великого Князя, например в отношении к Католической церкви, в Прусской конвенции, в ответных депешах князя Горчакова и т. п. Нет, европейские державы или не хотели войны, или, подобно нам, не были к ней готовы. Точно так и сами поляки возмутились не из-за системы, совершенно изменившейся в лучшую для них сторону, не из-за образа действий, принявшего благоприятный для них оборот, но по особым видам своим и для особых целей, что представляет очень ясно сам г. Шедо-Ферроти. Он говорит, что две главные партии польские, несмотря на свое несогласие, решились вместе восстать в надежде на иностранную помощь: белые за то, что русское правительство готовилось освободить их крестьян с поземельным наделом, а красные, ища полной независимости, с границами 1772 года.

Следовательно, европейская война, польский мятеж и система русского управления в царстве на ту пору не имели, кажется, никакого отношения между собою. Это были явления отдельные, без всякого взаимного влияния, и смешивать их никоим образом не должно.

Теперь мы видим это ясно, но тогда, повторяю, может быть, дела представлялись иначе: у страха глаза велики!

Здесь я мог бы кончить свои замечания на книгу г-на Шедо-Ферроти заключением, что для государственных людей вообще часто бывает гораздо выгоднее, полезнее при-

носить более чести и славы в общественном мнении, сознаться в ошибке, чем в другой раз доказать даже свою справедливость самым осязательным образом. Ошибка графа Велепольского могла произойти из прекрасного источника (пусть, однако ж, он изложит ее историю). А что касается Великого Князя, то, оставаясь 16 месяцев с первого дня по прибытии под выстрелами предателей вместе со всем своим семейством и ни на минуту не изменив первоначальному характеру своей задачи образумить поляков великодушием и милосердием — если она была так определена свыше, — он не нуждается ни в какой защите. Здесь, говорю, я мог бы кончить свои замечания, но решаюсь еще потолковать о системе графа Велепольского задним числом не в суд ему и не в осуждение, а только для очищения наших понятий в историческом смысле.

Г. Шедо-Ферроти говорит, что, «Великий Князь не мог осуждать одинаково виноватых с невиноватыми, преступников и мятежников смешивать с польскими народом: он не мог и не должен был прибегать к мерам стеснительным для целой нации, к действиям стремительно жестоким, которые хороши для покорения страны, но оставляют всегда в сердцах семяна ненависти» и проч.

Смеем уверить г-на Шедо-Ферроти, что никто в России подобных мер и действий не желал и не требовал, никто не говорил ни слова в осуждение вообще системы великодушия, милосердия, законности, — но разве предупредительные меры против ночного убийства русских солдат на 11 января или против ограбления банка, для охранения дорог нарушали б такую систему? Что есть общего между ними? В управление графа Велепольского уголовные следствия оканчивались всегда почти ничем, виноватые и подозреваемые оправдывались, все намерения правительства узнавались заранее мятежниками, даже военные планы передавались бандам, плененные повстанцы по нескольку раз выпускались из крепости и опять туда попадали; почты перехватывались, убийства умножались. Внутри Варшавы образовалось сильнейшее правительство, которое делало, что ему угодно: соби-

рало подати, печатало указы, выдавало паспорта. Без русских чиновников нельзя было обойтись, а они все до одного были удалены, и мятеж благодаря такому образу действий нашей стороны усиливался и распространялся не день ото дня, а час от часу. Чем мягче действовало правительство, тем яростнее принимались мятежники, приписывая робости, слабости, требованиям европейских держав все получаемые льготы. Употребляемые ими во зло, они приносили пользу им, а не нам. О какой же системе законности говорит г. Шедо-Ферроти среди всех этих очевидных беззаконий?

Система графа Велепольского делалась системою не законности, а беззаконности, потворства, которая и приводила в негодование всех русских людей, беспрестанно удостоверявшихся, что огонь хотят в Варшаве погасить маслом.

Нет, сильно ошибается г. Шедо-Ферроти, повторяя в разных оборотах, что для мятежников всего опаснее было возвращение к законности, исполнение данных обещаний, прекращение произвольных арестов, соблюдение обыкновенного порядка дел, несмотря на волнение страны, — и что только такие меры могли уничтожить планы заговорщиков.

Нет, такие меры не могли уничтожить планы заговорщиков, а могли содействовать всего лучше их исполнению, что действительно и не замедлилось. Когда беспримерное снисхождение Великого Князя после покушения на жизнь его, когда самая амнистия не подействовала нисколько, тогда ясно стало для всех как день, кроме маркиза Велепольского, что время его системы прошло и что никакие доказательства искренности не поведут ни к чему, кроме пропасти*.

«Московские ведомости» отнюдь не производили движения, а служили только верным отголоском и в этом отношении принесли значительно услугу общему делу. Скажу более — до печати не доходило еще многое, что обращалось в рукопи-

* В этом же смысле г. Шедо-Ферроти, говоря, что мятежники не участвовали в покушении на жизнь ген. Лидерса, сказал, что они отнюдь не желали от него избавиться, ибо строгий образ его действий содействовал их намерениям и нужен был для их успеха.

сях и устных сообщениях. Я укажу, например, на одно письмо, подписанное современником 1812 года и принадлежащее С. А. Маслову, которого нельзя заподозрить ни в пристрастии, ни в предубеждении...

Система графа Велепольского продолжалась 16 месяцев, и ни одного признака не показывалось к лучшему, опасность возросла до высочайшей степени, и не видать было конца мятежа, а граф Велепольски стоял все-таки на своем!

Если бы приложить ту же систему к Западному краю, тогда хоть и не прощай Россия, то, по крайней мере, Польский вопрос решился бы, наверное, не в ее пользу.

К счастью, ген. Муравьев поступал иначе, и меры его оказали спасительное действие в Западном крае, мятеж там был тотчас укрощен, и точно так же был бы он укрощен, заключаем мы, и в Царстве Польском, если бы там образ действий был тверже и строже, при соблюдении всех требований справедливости, без раздражения западных держав. А был бы укрощен мятеж, то вместе с ним отнят был бы последний предлог у западных держав вмешиваться в наше дело, были бы прекращены все их несправедливые и оскорбительные притязания, и лучше всего уничтожены опасения войны. Карбункула никакими нежными средствами вылечить нельзя. Нельзя и оставлять его на теле, которое с ним подвергается смертельной опасности. Хирургическая операция необходима.

Обвинения г-на Шедо-Ферроти против ген. Муравьева в высшей степени несправедливы. Нет, ген. Муравьев наказывал только виновных, но умел поселить мысль во всем польском населении, что никакая вина от него не укроется и не останется без строгого наказания — вот чем мятеж и был тотчас укрощен. Может быть, случилась некоторая несправедливость, даже в отношении русских помещиков, но как же можно их избегнуть в такое смутное время?

Г. Шедо-Ферроти соглашается, хоть и глухо, с запиской моей, напечатанной в «Presse», в необходимости лишить поляков надежды владения Западным краем, без чего волнениям в Польше не будет конца.

Русские начинают роптать теперь, видя до сих пор польский элемент в Западном крае еще преобладающим. Во что бы ни стало, но необходимо, чтобы польских помещиков-католиков не оставалось в тех губерниях. Они не должны, повторяю, потерпеть никаких убытков, а получить сполна всю следующую им сумму за уступаемые земли.

В этой мере, которую, впрочем, г. Шедо-Ферроти называет иронически expropriation pour cause d'utilité publique, нет, впрочем, ничего для поляков нового. Они сами постановляли в случае успеха удалить всех русских помещиков из Царства Польского. Но мы исполним требования справедливости до последней йоты, защитив и охранив, в продолжение всех волнений, жизни польских помещиков среди ненавидящего их русского населения, мы отпустим их с полным вознаграждением.

В облегчение этой меры для правительства лучше бы всего перевести хотя часть польских помещиков на казенные так называемые земли в Царстве Польском, устроить меру майоратов и для остальных земель искать покупателей не только в России, но и в чужих краях.

А если они хотят там остаться, то оставайся русскими, то есть возвратись в первобытное состояние.

Вот, по моему мнению, очень старому, первое условие замирения Польши, успокоения Европы и России, вот решение Польского вопроса: без надежды на западные русские губернии, не имея там себе союзников естественных, поляки в Царстве Польском притихнут сами собою, а касательно их прав, преимуществ и всяких льгот мы, русские, без всякой ревности и зависти желаем им всякого благополучия. Живите и благоденствуйте, мы позволим: вы себе, а мы себе.

* * *

Теперь о национальности. Никогда ни у кого в России, ни у правительства, ни у народа, не было в мысли злого намерения против национальности польской, не только в Царстве

Польском, но и в западных губерниях. Доказательство ясное и неопровержимое: сравните положение Познани, Силезии, Галиции с частями Польши, находящимися в русских владениях, где сохранилась национальность польская чище и крепче? Гимназий, чисто польских было в западных губерниях гораздо больше, чем русских в Великороссии. Русские университеты были открыты для польских студентов на одних правах с русскими. В управлении оставалось, правда, желать многого, но как им, так и нам — многое по времени было неудовлетворительно, — но все ведь начало изменяться к лучшему. (А это-то лучшее и возбудило Польский мятеж!)

* * *

Было время, что я желал полякам отдельности, независимости, автономии, но теперь это сделалось, по крайней мере надолго, невозможным. Поляки должны винить только себя. Они недовольны были системой графа Велепольского, освященной именем императорского брата, и вызвали настоящие обстоятельства, совершенно особые, ни думанные, ни гаданные! Удивителен ход истории! Без мятежа, без неистовств польских, без заявлений, без постороннего участия никогда в голову правительству не пришло бы произвести освобождение польских крестьян таким образом, как оно теперь происходит, посредством русских людей, а теперь иначе невозможно, нельзя предоставить освобождение польских крестьян полякам, то есть чиновникам, связанным неразрывными узами со шляхтой, составляющим почти одно, нельзя, ибо они испортили все дело, повернув на свой лад. И что еще удивительное, по какому-то стечению самых мудреных обстоятельств те же самые русские люди призваны порешить крестьянский вопрос в Польше, которые работали для него и в России!

Точно так нельзя отдать теперь учение, безусловно, в руки поляков, ибо они явно обращали его в свою пользу, против правительства, назло истине. Нельзя оставить монастыри гнездами мятежа и разврата. А что, если крестьяне польские

познакомятся с языком св. Кирилла и Мефодия, который покажется им вразумительнее варварской латыни, а что, если ксендзы возвратятся к древней брачной жизни! Нельзя не удивляться, смотря с исторической точки зрения, куда влекут обстоятельства. Против рожна, видно, прати невозможно.

Теперь мне надо расчесться с г. Шедо-Ферроти о трех его выходках, относящихся уже к самой России. Он говорит, что читатели «Московских ведомостей» пошли дальше, чем они предполагали, и что я восстал даже против религиозной терпимости, которую принимал их редактор. Могу уверить его, что мое мнение об этом предмете принадлежит ко времени давно прошедшему, без отношения к «Московским ведомостям». Встреча моя Piazza di Spagna с русскими католиками описана и напечатана в дневнике 1939 года. А я вот что еще скажу г-ну Шедо-Ферроти: теперь, после того как минуло 25 лет этой встрече, я не могу вспомнить о ней равнодушно. Винюсь в неисправимом варварстве, а объяснять его теперь нет ни времени, ни места.

Г. Шедо-Ферроти сравнивает русский народ и польский народ в отношении к зрелости для конституции и, говоря о русском народе, не обращает никакого внимания на высшие сословия, а говоря о польском народе, разумеет только их. Какие же заключения можно вывести из так поставленных посылок? Разумеется, противоположные и в равной степени неверные.

Говоря о русском народе, он допускает уразумение и одобрение им разным конституционных мер и образов действия и только отвергает его согласие на сообщение им обязательной силы. Прекрасно! Но знает ли г. Шедо-Ферроти, что большая часть политических людей или мыслителей наших именно желают только совещательного голоса для народа, для высших его сословий, и отнюдь не простирают далее своих желаний? Эта мысль даже и печатно была заявлена часто.

Наконец, вот еще положение г-на Шедо-Ферроти, которое преимущественно поднимает всю нашу желчь (sic). Он делает из России gesammtes Vaterland! Он приравнивает Россию к Австрии и выражает желание, чтоб Государь Русский не был

русским по преимуществу, а был бы одинаково финским, немецким, татарским, грузинским и прочее, и прочее, мысль, которую, к стыду нашему, разделяют, слышно, некоторые наши официальные публицисты. Нет, милостивые государи, скажем мы им торжественно: Россия есть Россия, а не Лифляндия, не Мингрелия, не Даурия. Русский Государь силен тем, что он есть Государь Русский, Государь народа шестидесятимиллионного, единоплеменного, единоверного, единоязычного, составляющего с ним одно неразрывное целое. Корень его могущества, его силы — на святой Руси. Честь, слава его связана с Русским именем, с Русской историей, а не с какой другой. Он не упал с облаков и не получил вдруг во владение эти земли все вместе! Нет, Русский Государь родился, вырос из Русской земли, он приобрел все области с Русскими людьми, Русским трудом и Русской кровью! Курляндия, Имеретия, Алеутия и Курилия суть воскрилья его ризы, полы его одежды, а его душегрейка есть святая Русь. Иноплеменникам, собранным под державою русскою, естественно, позволительно желать безразличия с русскими, и мы по доброму и легкому своему сердцу охотно уступаем им все политические, гражданские и экономические преимущества, но стушеваться, изгладиться пред Русским Государем безразлично с ними и видеть в Государе не русского, а сборного человека из всех живущих в России национальностей — это есть такая нелепость, которой ни один настоящий русский человек слышать не может без негодования. Хочу думать, что это есть только авторская обмолвка и что он, г. Шедо-Ферроти, от нее откажется. Будь она проклята!

1864 г.
22 октября.

Польское дело

Много я писал, читал, думал, говорил о Польском вопросе — в продолжение сорока почти лет — с поляками и русскими, разных оттенков и возрастов: вопрос был пере-

ворочен, кажется, на все стороны; но вот в нынешнем году случилось мне побывать в Варшаве и Вильне, подышать тамошним воздухом, послушать тамошнего говора, посмотреть на польские физиономии — я шатался по улицам, гулял в саду Саксонском и Кусинском, заглядывал в костелы, библиотеки, портретные галереи, посещал театры; обошел места главных происшествий последнего времени, познакомился с действующими лицами, узнал от них много живых, характеристических подробностей, имел случай бросить взгляд на общество — и вопрос осветился передо мной новым светом. Основные мои убеждения не изменились, но приняли другой вид, расположились иначе в моем сознании, подтвердились новыми сведениями, сделались, кажется, яснее, убедительнее для постороннего, беспристрастного судьи — я решился пропеть старую песню на новый лад, и пропеть ее польским эмигрантам, так называемым завзятым полякам, радикалам, которые управляли восстанием, хранят в своей душе его идею, вели против нас войну открытую, ведут теперь войну подземную и составляют планы для будущих действий.

Я предполагаю в них чистейшую, благороднейшую любовь к своему отечеству, Польше, и надеюсь, что они позволят мне любить свое — Россию.

Пусть прислушаются к моим словам и друзья их, те русские, которые держат, так или иначе, их сторону.

Забудем на время настоящие наши отношения и все соединенные с ними взаимные обвинения, перенесемся из мира действительного в мире возможный, в область чистой науки, истории, географии, политики, руководствуясь только общими положениями разума; выразим события, так сказать, цифрами и станем рассуждать о них математически.

Мы разделим вопрос на его составные части и обсудим их, одну за другой, спокойно, беспристрастно, ставя себя на место друг друга. Собственное мое мнение, мою точку зрения на события, мои надежды и средства, мои соображения о том, каким образом Польша может быть восставлена и прославлена, я представлю в заключение.

Избираю газету, которую нельзя заподозрить в пристрастии к России, газету, приверженную к Польше. Пусть делают мне в ней возражения, кто хочет и как хочет, я готов отвечать, готов и сознаться в своих ошибках или неверностях, если какие встретятся*.

Мои соотечественники должны вперед согласиться, что говорить с поселенцами Цюриха или Лондона я должен другим языком, нежели каким говорится у нас, например, в цитадели или военно-судных комиссиях.

Хорошо было бы, скажу здесь кстати, если бы, хоть не для решения, то, по крайней мере, для уяснения подобных вопросов, где политика соприкасается истории, учредились когда-нибудь в Европе ученые съезды и публичные прения, с третейским судом. Пока, служители науки и истины, будем делать, что можно.

Смотря на последние несчастные события с лучшей, пожалуй, поэтической, отвлеченной стороны — *все дурные стороны мы пока оставляем,* — допустим, что были поляки, которые показали себя истинными подвигоположниками и совершили примечательные подвиги мужества, храбрости, терпения, самоотвержения. Поверим, что они шли на смерть в сражении или на виселицу, как на пиршество, доказывая силу и твердость своих убеждений, они проливали свою кровь без всякой жалости, не думая о последствиях, переносили всякую нужду, подвергались всем возможным лишениям без малейшего ропота, трудились до упаду, до истощения сил — и вместе с тем представили разительные доказательства необыкновенных способностей. Каких усилий, какой изворотливости, догадки, смелости нужно было, чтобы не потерять духа, чтобы найтись в разных тяжелых, неожиданных, мудреных, сложных обстоятельствах пред штыками, под пулями, при ясных уликах! Женщины — матери, жены, сестры — показали, говорят, спартанское великодушие во многих случаях. Что может сравниться с горячностью их чувств и готовностью на всякие жертвы? Сколько поэзии в некоторых общих явлениях!

* Статья предназначалась первоначально для печати за границей.

Я говорю здесь, принимая на веру показания одной стороны о некоторых избранных личностях, — не о толпе, которая всегда готова следовать за первым фантазером или краснобаем, не о наемниках, которые за ничтожную плату бывают способны ко всяким злодействам, не о негодяях, которые рады всякому случаю буйствовать и неистовствовать. Я говорю, судя по слухам, о некоторых избранных личностях с лучшей их стороны, оставляя без внимания недостатки, пороки и проступки. Память таких идеальных личностей, если они действительно существовали, имеет право, какая бы судьба их ни постигла, не только на горячее сострадание, но и совершенное уважение.

Удивляясь им, все-таки должно сказать с глубоким вздохом: чего ради гибель сия быть? О, если бы все эти трудные подвиги, жертвы имели достойную себя цель, были обращены на добро!

Но какая же цель, кажется, может быть лучше, выше, благороднее, чем освобождение отечества от чуждого ига, восстановление самобытности, возвращение места в системе государств европейских, которое оно занимало некогда? Вот ведь цель поляков, которой сочувствуют лучшие умы, лучшие сердца в Европе!

Так точно! я совершенно согласен с этими положениями, *отвлеченно взятыми*, и, верно, ни один порядочный человек не осмелится сказать что-либо против; нельзя не отдавать полной справедливости такой цели, нельзя не сочувствовать ей от души.

Так о чем же вопрос?

Первый вопрос о физической *возможности* — и вот *от поэзии* мы перейдем теперь к прозе. При всяком желании, худом и хорошем, есть необходимые условия исполнения. Здравый смысл их указывает, опыт подтверждает, история проверяет своими свидетельствами. Ни солнца, ни луны нельзя достать рукою, как бы сильно кто ни желал, как бы кто ни рвался кверху, как бы ни был готов посвятить на это стремление всю жизни свою.

Вы желаете восстановить Польшу. Прекрасно! Но есть ли возможность физическая, нравственная, восстановить ее? Вот первый существенный вопрос, который нам следует теперь разобрать.

Польшей овладели, мы не станем теперь толковать — справедливо или нет, естественно или насильственно, — положим, даже вовсе без всякого права, по одному произволу, совершая уголовное политическое преступление, — Польшу разделили между собой, лет сто тому назад, три соседние государства Пруссия, Австрия, Россия и владеют теперь каждая своей частью.

Есть ли возможность польским изгнанникам в соединении с несколькими соотечественниками, по разным странам рассеянным, отнять у врагов захваченные части и составить из них новое или восстановить старое ценное?

Я говорю об изгнанниках и их единомышленниках, но соберем в воображении весь польский народ и отпустим его на войну против Англии, Пруссии и России; поляков, чистых поляков меньше 10 миллионов, а Россия заключает в себе 70 миллионов народа, Австрия — 35, Пруссия — 20. Как же 10 миллионов могут сладить с 125 или более миллионов?

Мы допустили *10 миллионов* поляков, *желающих* восстановить древнюю Польшу, и заключили о невозможности для борьбы их с 70, 35, 20 миллионами. Но мы должны исключить из допущенного количества простой народ, который везде идет не с панами, а против панов, ненавидя их от души и считая злейшими врагами. Остается одному миллиону или менее помещиков, шляхты чиновников и мещан бороться с 70 миллионами русских, 35 австрийцев и 20 пруссаков. Как ни отважны поляки, но одному на сто с лишком идти не приходится!

А если к этим численным соображениям мы прибавим, что сто миллионов имеют в руках своих все средства: обученное войско, оружие, крепости, все нужные запасы, свободу действовать, как угодно, с развязанными руками; один же миллион даже без вычетов, которые довели бы его, может быть, только до нескольких тысяч, если не сотен, рассеянный Бог

знает по какому пространству, должен действовать втайне, копаться под землею, двигаться впотемках, на всяком шагу подвергаться опасностям, не иметь ни точки опоры, ни места для соединения, ни убежища на случай опасности — не правда ли, что, предполагая борьбу таких несоразмерных величин, мы приближаемся к расчетам мономании или сумасшествия?

Итак, вот мой первый тезис: *собственной вооруженной силой* в данных обстоятельствах приниматься за дело восстановления Польши полякам невозможно.

* * *

Обратимся к *иностранной помощи*.

Иностранная помощь даром никому не подается. Только тогда можно надеяться на нее, когда ей случится приносить пользы больше помогающему государству, чем вспоможенному. На самый раздел Польши Европа смотрела хладнокровно, да и после раздела, в продолжение почти ста уже лет, ни при каких обстоятельствах не сделала шагу для действительного вспомоществования Польше.

На кого собственно из европейских государств Польша может надеяться?

Об Австрии и Пруссии говорить нечего — это не помощники, а враги, которые, пожалуй, смолчат, пока пожар будет угрожать России, пока Россия будет терпеть от восстания и тратить свои силы для его усмирения, но чуть пожар приблизится к их границам, *как* они явятся с огнеспасительными снарядами.

Германия — поляки слышали на Франкфуртском сейме от всех партий, самых крайних, и слышат в прусских палатах ежедневно приговор своим стремлением.

Франция — позвольте спросить вас, что сделала Франция для Польши во время первой республики, первой империи, при Бурбонах, при Орлеанах, при второй республике, при Наполеоне III, то есть при двадцати своих противоположных правлениях в обстоятельствах самых разнообразных? Одни

слова, возгласы, ничтожные денежные вспомоществования, обещания, но как же им можно верить более?

И в каких обстоятельствах находятся ныне европейские государства? Наполеону нужно укрепление своей династии. Дела в Мексике, Италии, Риме, в Алжире, положение финансов развлекают его силы*.

Англия опасается Америки и должна быть беспрестанно наготове по отношениям Северных штатов в Канаде. Дела в Азии и других колониях держат ее за руки**.

Италии много еще времени и трудов нужно, чтобы составить и порешить свои распри с папой и Австрией.

А там еще Восточный вопрос для всех в перспективе. Кому дело до Польши? Кто пожертвует для нее людьми и деньгами? На иностранную помощь надежда плохая.

* * *

Но может возникнуть *европейская война*, может образоваться коалиция западных государств против России, которую все они тайно ненавидят?

Совершенно согласен. Вспомните Наполеона I, величайшего полководца всех времен и всех народов, собравшего силы со всей Европы против России. Таких обстоятельств, в каких Наполеон был в Дрездене пред походом в Россию, в другой раз дождаться мудрено. Полякам обязан он был многими самыми ревностными услугами. Восемьдесят тысяч храбрых бойцов представили они ему для авангарда. Что же сказал он их депутатам в Вильне? Подождите. А чем кончился знаменитый поход? Куда девалась великая армия и польский 80-тысячный авангард? Самая ужасная европейская война против России не принесла Польше никакой пользы.

Вспомним, наконец, и вторую европейскую войну в Крыму. Опять Европа пошла против России: Франция и Англия

* Теперь новые отношения в Пруссии.

** Теперь Ирландия представляет Англии новые работы и Лига реформы парламентской.

напрягли свои силы, вооружась всеми адскими изобретениями новой науки. Италия прислала вспомогательное войско. Турция отдала союзникам все, что могла. Австрия содержала такой нейтралитет, который был тяжелее войны для России. Одна Пруссия если не помогала нам, то, по крайней мере, мешала меньше. Польский легион развернул свое знамя. Сам Мицкевич явился агентом в Константинополь. Чарторыжский послал туда сына. Многие польские генералы отреклись от Христа, надели чалму, лишь бы чем-нибудь повредить России. Год почти стояли соединенные войска, стоившие миллиардов Европе, под Севастополем, и по Парижскому миру что же было выговорено для Польши?

Предоставляю воображению самому пылкому придумать, сочинить европейские обстоятельства, которые могли бы вероятным образом содействовать восстановлению Польши!

Послушайте, что говорит «Times», газета не слишком благоприятная России, в одном из последних своих номеров. Я исключу только слишком оскорбительные для поляков места и чересчур строгие приговоры:

«Если бы Европа и вздумала теперь поднять оружие для восстановления польского королевства, то едва ли она нашла бы в нем, что восстановить. Но при настоящем положении дел нет и малейших указаний на то, чтобы Европа отважилась на такое предприятие. Европа в это отношении значит, впрочем, собственно Франция, но и Франция, хотя и хранит еще свои традиционные польские симпатии, однако видит, что время уже миновало для их практического применения. Крестовый поход на освобождение Польши мог бы притом быть предпринят только про содействии Пруссии или Австрии, но они едва ли возьмутся разрушить дело минувшего столетия. Что до Англии, то она стоит совершенно вне вопроса. Никогда впредь английский народ не согласится принять участие в какой-либо континентальной войне или для проведения новых границ в самом сердце Европы. Очень может быть, потому что поляки ничего не потеряют, если окончательно покорятся своей участи». Вот что говорит «Times».

* * *

Итак, собственных сил недостаточно, иностранная помощь немыслима, европейская война протии России и далека, и сомнительна. Какие же действия можно пустить в ход против нее?

Убийства, поджоги, грабежи. Мы оставим пока нравственную сторону действий этого рода без внимания и будем смотреть на них вашими глазами, будем говорить о них только в отношении к пользе, какую они принесли польскому делу. Повстанцы прибегли к этим мерам в страшных размерах. Они навели ужас на целый край, на весь народ, они поразили множество лиц, сожгли множество городов, местечек и сел, захватили огромные суммы. Скажите же теперь по совести, насколько вы подвинулись к достижению вашей цели этими оргиями зла?

Начнем с покушений на жизнь наместников. Убиваем был один, присылался на его место другой, переменялись лица — и только. Вы положили в гроб доброго, честного, благородного старика, князя Горчакова. Прислан был Ламберт с Герштенцвейгом. Оба подверглись той же участи. Место их заступил Лидерест и, получив тяжелую рану, должен был удалиться. Приехал брат Государев Великий Князь Константин с природным поляком маркизом Велепольским. Над головами обоих раздались выстрелы. Они, однако, остались, хотели испытать систему милосердия, снисходительности, формальной законности и — без успеха. Ну, вот и явился граф Берг, получил свой выстрел, но принял другие, деятельные меры, по высочайшему повелению, и восстание в царстве подавлено! Какая же польза, повторяю, получена от всех этих выстрелов?

От начальников перейдем к офицерам, солдатам, полицейским служителям, которые стали жертвами жондов: эта убыль, неприметная в русском войске, и для восстановления Польши опять недействительная!

А пожары! на сколько вы принимали участие в пожарах, это вы знаете лучше нас, это лежит на вашей народной совести. Мы или не умели, или не могли, или не хотели раскрыть их организации, хотя глас народа, глас Божий обвиняет поляков в большей части пожаров, как русских, так и польских, например, Костромского, Петербургского прежде, Симбирского ныне. В западных губерниях это оказалось по многим следствиям.

Пожары производят частное разорение, причиняют убытки, а существенного вреда такому обширному государству, как Россия, они нанести не могут. Города сжигаются и выстраиваются. Русские говорят даже, что с пожара люди разживаются. Опять меры совершенно бесполезные собственно для польского дела!

Итак, вы можете совершать убийства: наемных убийц всегда найдется во всяком народе множество; вы можете пережечь еще городов сколько угодно; вы можете произвести замешательство, смущение в то или другое время, вы можете доставить много заботы и хлопот правительству, и только! Сами же вы от того не выиграете ничего, да и выиграть ничего нельзя. Для чего же употреблять эти страшные средства, возбуждающие только ненависть?

Что сказать о клевете, лжи — Бог знает сколько выдуманных известий распущено было по Европе! Они имели временный успех в глазах необразованной толпы или той среды, которая рада сама сочинять, не только что верить. Рассудительные люди увидели вскоре, что известия о польских победах не заслуживают никакого вероятия, а прочие рассказы опровергались тогда же побольшей части событиями.

Захваченные вами деньги разошлись по рукам, не всегда чистым, и употреблялись не всегда по назначению.

Фальшивые русские ассигнации, для которых учреждены фабрики... грустно исчислять все эти постыдные, противонравственные деяния... я хотел только доказать, что они были бесполезны для польского дела, говоря вообще, но я не могу здесь не прибавить, что нельзя же, однако, оставить нрав-

ственную сторону совсем без внимания, даже в том смысле, что она имеет свое влияние на успех всякого дела, следовательно, и вашего. Европейское общественное мнение изменилось ведь в отношении к польскому делу, большею частью вследствие такого образа действий!

Обозрите последнее восстание: оно состоит преимущественно из действий этого рода. Как ни объяснять, как ни оправдывать, в конце концов на деле итог оказывается все один и тот же. Разве прибавить только разные театральные демонстрации, манифестации, процессии, плакаты, траур и т. п., которые способны одушевлять толпу на минуту, производить, пожалуй, энтузиазм, рассеивающийся в воздухе?

Взглянем же теперь на события с этой стороны. Убийств совершено, сколько до сих пор известно, 2000. Половина жертв — русские, другая — поляки. Волосы становятся дыбом, кровью обливается сердце, когда читаешь о том остервенении, с которым совершены иные убийства, о тех мучениях, в которых погибали несчастные, обреченные жертвы. Положим круглым числом по пяти человек участников на каждое убийство, и вот в народе 10 000 убийц. Какой страшный ингредиент!

Если иезуитское правило о позволительности средств для благих целей подверглось справедливому проклятию всех религий, всех систем и всех народов — заметьте, что сами иезуиты позволяли себе все для религиозных целей, для спасения душ, — то скажите на милость, на каком основании надеетесь вы обелить пред судом потомства, пред судом современников беспристрастных последние, употребленные вами черные средства? Они бросают очень темную тень даже на самых чистых, благородных, идеальных, допущенных нами участников восстания, которые все, так или иначе, посредственно или непосредственно, принимали в них участие и должны подвергнуться осуждению.

Все это делалось ими, говорят, с прекрасной святой целью. Нет, не может быть прекрасною, святою та цель, будь она располитическая, для которой нужны такие адские средства! Вот этой простой истины не понимали лучшие ваши люди!

Непостижимое ослепление! Как будто злой дух помрачал их глаза и они не видали той бездны, куда падали сами и увлекали за собой народ, добрый, любезный, веселый, талантливый, образованный. Удивляешься, как мог он допустить, вытерпеть все эти ужасы!

Убийствами, грабежами, поджогами, ложью, клеветой, изменой нельзя восстановить государства, нельзя сослужить службу свободе.

А что касается до *вреда* России, о котором вы думаете теперь даже больше, чем о пользе для своего Отечества, то о нем надо отложить всякое попечение. Сами себе часто мы, русские, делаем вреда столько, сколько никакие враги на свете нам сделать не в состоянии, а посмотрите — эта масса, эта туча, эта махина, что называется Россией, идет себе вперед, и горя ей мало! Все с нее, как с гуся вода. Так, видно, уже сотворил ее Всемогущий Господь Бог! Куда же подниматься вам на это чудище с какими-то щепочками, лучинками и зажигательными спичками! Что ей сделается?

* * *

Оставим всякие рассуждения, до которых поляки не охотники, когда речь дойдет до предмета их благородной мономании, поговорим теперь о *примерах*, на которые они могут ссылаться: не освободилась ли перед нашими глазами Италия, не то же ли счастье имела на памяти отцов наших Греция, Бельгия?

Нет, обстоятельства, в которых находились поименованные государства, далеко не те, в каких находится Польша. Италия насчитывает около 25 миллионов жителей, единоверных, единоязычных, живущих одной мыслью, питающих одно желание, а в Польше до какого числа мы досчитались? Италия имела одного врага, австрийцев, а Польша трех. Австрийцы господствовали в одной ее части, а враги польские рассеяны по всему ее пространству, и сверх того, во владениях итальянских правительство было итальянское, а в польских — иноплеменное,

кроме России, с которой, впрочем, родства вы не признаете. Наконец, силы Италии относительно гражданственности, науки, искусства, литературы разве можно сравнивать с польскими? Италия отделена от Европы Альпами и открыта с прочих сторон, по морскому пути, а Польша заперта, окруженная сильными врагами. И все-таки Италия, несмотря на долголетние усилия и попытки, не могла сделать для себя ничего, пока соседом не случился быть полуитальянец, располагающий огромными силами и увидевший свои выгоды в оказании помощи. Но дело еще не кончено. Государство, совершенно образовавшееся, имея в руках все средства, затрудняется возвратить остальные части, Венецию, Рим и на юбилей в честь Данте, мечтавшего за 500 лет о единстве Италии, могло все еще выражать только pia desideria, а Мадзини все еще должен оставаться в ссылке.

Точно как Италия помогла Франции, так Бельгии помогла больше всех Англия, по своим расчетам, вместе с Францией, у которой также были свои. И могла ли Голландия спорить с такой коалицией?

Грецию восстановили все европейские государства, по старой памяти, согласись между собою, в особенных видах, и Турции должна была уступить.

Все эти примеры должны были, кажется, наоборот, доказывать Польше, как трудно народам, при самых благоприятных обстоятельствах, изменить свою судьбу, возвращать однажды потерянное, исправлять поврежденное.

* * *

И сколько есть еще в Европе желаний, стараний, усилий, более законных, естественных, справедливых, с благоприятными залогами и даже задатками, не только с наличными средствами, а между тем никак не могут они увенчаться успехом. Из 37 частей состоит Германия и не имеет почти никакого политического значения. Они занимают середину Европы. Большая часть европейских государей немецкого происхождения. Народ исторически древний, многочисленный, осторожный,

настойчивый, ученый, пылает желанием соединиться и составить одно политическое целое; лучшие люди в том согласны, стихотворцы поют; ученые профессора доказывают. Что бы, кажется, могло мешать, в чем быть затруднению — нет, не могут немцы соединиться, не могут, так сказать, сойтись и подать друг другу руку, хотя нет никаких промежутков с противниками, никаких посторонних помех и поле везде открытое*. При всякой попытке, напротив, они еще разъединяются. И тем доказывают мыслящим людям, что дело не в одной политической самостоятельности и значительности. Сойтись трудно или невозможно, а у поляков и сойтись негде, да еще надо отбиться с трех сторон, от всотеро сильнейших врагов, которые ни за что на свете не пустят вас на волю и свяжут руки, лишь заметят малейшее движение!

Рассмотрим другие явления. Многочисленны и сильны немцы, а никак не могут возвратить себе ни Эльзаса, ни Лотарингии и давно отложили о том всякое попечение, так что эти страны совершенно офранцузились пред их глазами. Точно так и французы, сколько ни желают, при всем своем могуществе, приобрести Рейнский берег и получить естественную границу, должны ждать и ждать.

Германия после многолетних толков и споров отняла у Дании Шлезвиг и Голштинию в войне 30 миллионов против трех, да и не знает, что делать с ними; это приобретение могло и может навлечь страшную войну, так что игра не стоила свеч, и Бог знает, чем все это кончиться**.

Взгляните на Венгрию, вспомните ее историю, вообразите ее местность, свойства народные, и на чем она остановилась в борьбе своей с Австрией? Идти законным путем по суду, на словах, а вооруженной рукой действовать не нашла никакой возможности.

* В нынешнем году Пруссия сделала блистательный опыт, но с какими усилиями (250 тыс. войска и 1000 орудий), и сколько еще предстоит ей трудов, если не война тридцатилетняя.

** Кончалось (если не зачалось) неожиданно, но такой конец есть только начало новых затруднений.

Богемия, как особое сплошное целое, имеет гораздо выгоднейшее положение в отношении к Австрии, чем Польша в отношении к России, и между тем заботится только о равноправности.

Все племена, населяющие Австрию, алчут своей независимости и желают составить по-прежнему особые независимые государства: чего бы, казалось, стоило им соединиться и привести в трепет Вену? Нет, Австрия держится вопреки всем противникам.

Как бы легко, казалось, Молдавии и Валахии соединится с Трансильванией?

Шотландия перестала и заботиться об особой жизни, хоть родство ее племенное гораздо дальше с Англией, чем русское и польское.

Укажу вам еще на славян, стонущих века под игом турецкого, мусульманского владычества. Их девять почти миллионов, а турок один миллион. Турок ненавидит все христианские население Европы; турки ослабели совершенно, они невежды, без наук, без искусств, без законов. У славян есть точки опоры: Черногория и Сербия, получившая достаточную самостоятельность благодаря России. Есть место, где можно собираться с силами, приготовляться к борьбе. Под боком у славян Россия с 70 миллионами жителей (как под боком Италии был Наполеон), и ничего не могут сделать, несчастные, для своего спасения! Обстоятельства до сих пор так складываются в Европе, что славяне могут только стонать и терпеть, молиться и надеяться.

Сравните же все отношения Франции, Германии, Италии, Сербии, Венгрии, Молдавии, сравните их с нашими и скажите, могут ли они по аналогии внушать вам хотя малую надежду? Для вас не существует тех условий, которые, казалось бы, благоприятствуют исчисленным народам и, однако, не приносят им пользы: вы окружены, напротив, препятствиями, особенными опасностями, которых у них нет, и вы все еще не хотите отказаться от борьбы. Какой же приговор должен произнести всякий благоразумный человек вашим отчаянным усилиям?

От великого до смешного только один шаг. Это невозможно, это невозможно! Некоторые части древней Польши потеряли даже свою национальность и совершенно онемечились. Померания, Силезия, восточная Пруссия — как, не говоря о прочем, сделать их польскими?

Спросите у рек, упавших в Вислу, могут ли они вынуть свои струи из нее и принять особое течение до Балтийского моря, положим, очень для них желанное? Нет, случились на дороге этим рекам удолья, ложбины и прочие низменности, и они, хотя не хотя, должны были своротить со своей широкой дороги и склоняться к Висле, принявшей их в свое русло. Так было и с Польшей. Припомним мимоходом историю.

На высокой степени могущества и славы стояла она, но исторические судьбы того хотели — свыше было так написано, — не могла она удержаться на высоте своей и разделилась между соседями: Австрией, Пруссией и Россией.

И до этих знаменитых разделов, о которых твердите вы и за вами Европа — задолго прежде, — начали отделяться от нее страны, одна за другой по естественному ходу вещей, так что разделы, собственно, составляют как бы необходимое продолжение прежних событий, начавшихся с лишком за 250 лет. Не только завоевания, приобретения Польши постепенно отпадали от нее, но и собственные коренные владения: Лифляндия, восточная и западная Пруссия, Померания, Силезия — кроме Малороссии и Северской стороны со Смоленском и Киевом.

Шведский посланник граф Шлиппенбах, в продолжение шведской с Польшей войны, предлагал разделить Польшу между Швецией, Пруссией и Австрией около 1660 года.

И польский король Иоанн Казимир предвидел уже это разделение, начав свою знаменитую речь на сейме 1661 года: «Utinam faisus vates sim» — и проч.

Во избежание всяких споров не станем входить в рассуждение о *внутренних причинах* такого ослабления. Ваши собственные историки с Лелевелем во главе их указали. Из иностранных вспомним мимоходом писателя, совершенно постороннего, друга свободы Прудона, который не имел никаких

побуждений смотреть на это дело с русской точки зрения. Какой же суд он дал древней польской истории?

Смятения между тем продолжались в несчастной стране. Многочисленные партии с оружием в руках губили ее окончательно. Избирательное право подавало повод к нескончаемым распрям. Козням не было конца, и вот начинаются так называемые разделы 1772 года.

Фридрих Великий отнял у австрийцев польскую провинцию Силезию (вор у вора дубинку украл) и, видя беспомощное положение Польши, раздираемой междоусобиями, предложил план ее разделения между соседями: Пруссией, Австрией и Россией.

Могла ли Россия смотреть спокойно на польские дела? Все ли равно было для нее, кто бы ни сидел на Польском престоле? Западные государства начали давно употреблять Польшу орудием против России. Пределы Польши простирались до Пскова, Смоленска и Киева, которые бывали уже под ее властью.

Кто обвинит Екатерину за то, что она приняла предложение Фридриха Великого и согласной с ним Австрии и воспользовалась случаем возвратить России губернии, населенных русским племенем, Могилевскую, Витебскую, Минскую (Белоруссию), а потом Волынь и Подолию, которые издавна простирали к ней руки, умоляя о помощи против угнетавших жидков и католиков? Как бы всякой другой, не исключая вас, поступил на ее месте? Скажете ли вы, что императрица Екатерина должна была предоставить дело одним австрийцам и пруссакам и не принимать в нем никакого участия?

Вот происхождение так называемых разделов Польши, вследствие которых Россия получила свои древние области. Своя рубашка к телу ближе. Так сложились обстоятельства, за русскими собственно губерниями последовали Виленская и Гродненская, в которых, кроме русских, живет еще собственно так называемая литва. Часть ее с незапамятных времен обрусела, а другая — сохраняет до сих пор древние нравы, не имея, однако, ничего общего с Польшей, кроме католической веры.

* * *

Мы изложили события, не прибавляя, не изменяя ни йоты. Отдавая совершенную справедливость благородным чувствам, благоговея пред любовью к Отечеству, пред готовностью приносить ему всякие жертвы, не щадя ни крови, ни трудов, ни достояний, ни жизни, мы видели совершенную, всестороннюю невозможность, которую и старались представить без преувеличений, без натяжек, без задних мыслей.

«Finis Polonia!» — воскликнул один из лучших сынов ее, Костюшко, обливаясь кровью на поле последнего сражения. Поляки хотят воскресить мертвую Польшу, почти сто лет уже погребенную, и не только воскресить, но, не имея угла, где приклонить свою голову, хотят еще возвратить себе те чужие страны, которыми они когда-то владели; они хотят отнять у России западные губернии.

По какому же праву?

По праву старого завоевания.

Если говорить о праве завоевания, то ведь мы отвоевали у вас эти губернии, нам принадлежат они, следовательно, по праву нового и наконец новейшего завоевания.

Станете ли доказывать правом давности, правом древнего владения, так мы владели им прежде и дольше вашего.

Сами же вы провозглашали в начале восстания 1831 года, что права народов не отчуждаемы. Если польские новые не отчуждаемы, то русские древние кольми паче!

Но кроме этих прав мы имеем еще большие, еще важнейшие права: единоплеменность, единоверие и единоязычие.

Все эти губернии заселены русским народом, исповедуют одну с нами веру, говорят одним языком, имеют один и тот же образ жизни и составляют одно с нами исконное целое, одно живое тело. Поляки там пришлые господа. Мы не войдем здесь даже в исследование, как они сюда попали и какими средствами удержались. Довольно сказать, что с самого начала они сделались ненавистными краю и в таком отношении остаются до

сих пор. Одного мановения всегда достаточно было, со стороны русского правительства, чтобы их духу не осталось на Русской земле. Так и теперь: они живут только по милости правительства, которое их защищает. Галиция недавно предоставила тому разительное доказательство. Причины очень естественные. Паны поступали бесчеловечно с собственными своими крестьянами в Польше и возбуждали к себе их ненависть: можно себе представить, как они поступали с чужими крестьянами, которые говорили другим языком, исповедовали другую веру и принадлежали к ненавистному, враждебному племени. Это были илоты, осужденные на работу. Поляки отдавали их в аренду преимущественно жидам, и все вместе, жиды, иезуиты и паны, угнетали несчастный народ, приведенный ими почти в скотское состояние. Приглашаем европейских путешественников его освидетельствовать.

Как же хотят поляки получить себе такие земли? Сами жители того не допустят, и скорее все погибнут, чем отдадутся полякам. Что касается до нас, русских, мы не можем уступить ни одной пяди, при каких бы то ни было обстоятельствах. Это значило бы наложить руку на себя, разрубить свое тело, предать родных братьев на жертву исконным их врагам, усиливать неприятеля на свой счет, неприятеля, с которым новая война была бы неизбежна. Вся Россия завопила в один голос при одном слухе о возникавших притязаниях. *Вопрос о западных губерниях можно считать для нас вопросом решенным*.

Но это решение, не в гневе будь сказано, ожидает еще себе дополнения: восточная часть Люблянской и южная часть Августовской губернии, населенные чистыми русскими, а не польским племенем, должны быть отделены от Царства Польского и присоединены к составу Русской империи. Униатам должно быть предложено возвращение к Православию, чему они будут, вероятно, рады, если только отстранится влияние ксендзов. В этом отношении русские должны быть благодарны последнему мятежу, который указал нам на несчастных покинутых братьев. Нет худа без добра.

Предъявив столь смело свои притязания на западные губернии, заметим мимоходом, заговорив о границах 1772 года, поляки повредили себе много, возбудив вдруг всю Россию, как одного человека, и поставив против себя Австрию и Пруссию, которые увидели опасность лично для себя — да и остальная Европа не могла не испугаться такого заявления, грозившего общей войной. Вместо чужого достояния почему, спросим здесь кстати, не начали они искать своего — Познани и Силезии у Пруссии, западной Галиции у Австрии? Они не надеялись отнять эти провинции так легко у немцев, и мы виноваты, следовательно, своей снисходительностью. Так для нас выгоднее, говорили поляки! Почему же вы негодуете на нас, когда мы вздумаем избирать образ действия для нас выгодный, чего, впрочем, вполне систематически, еще не случалось?

* * *

Мы должны сказать теперь несколько слов о *восстаниях польских* в 1831 и 1861 годах как опытах, которым малого, говорят поляки, недостало до полной участи.

Нет, не малого, а многого. Я буду говорить о них после подробнее, а теперь скажу только, что в 1830 году поляки имели войско, обученное нами себе на голову, имели опытных офицеров, генералов, владели крепостями, были снабжены запасами, стояли твердою ногою на земле, ждали помощников из западных губерний, которые готовы были соединиться с вами, могли надеяться на иностранную помощь — и чем же кончилась, удачная сначала, вследствие нерешительности Великого Князя Константина Павловича и медленности Дибича попытка? Через месяц после прибытия Паскевича все было кончено.

Временный успех, если только можно назвать успехом тревожное состояние Варшавы в 1861, 1862 и 1863 годах, условливался единственно снисходительностью и человеколюбием императора Александра II, который не хотел сначала принимать строгих мер. Все ватаги или отряды повстанцев не могли встречаться с войсками в поле, кроме немногих случаев, когда

численность подавала надежду на успех. Мятеж был бы прекращен с самого начала двумя-тремя порядочными залпами по Краковскому предместию князя Горчакова и решительным объявлением в западных губерниях, что польские помещики лишаются покровительства законов при первом поползновении к участию в мятеже.

Когда принялись за дело не шутя, оно и было тотчас кончено.

* * *

Что же делать полякам? Неужели сидеть склавши руки, терпеть, страдать?

Мой ответ все еще впереди, а оставаясь на вашем настоящем месте, продолжая смотреть вашими глазами или в ваши очки, рассуждать по-вашему, я, признающий по всем опытам совершенную невозможность достигнуть цели, вами предположенной, думаю, что все-таки лучше сидеть склавши руки и ждать погоды, чем лезть на нож без всякой пользы.

Повторяю, что это говорю я в ваших видах и отнюдь не в своих!

Какой же погоды можно вам дождаться? Тех благоприятных обстоятельств, которых теперь нет, которых ни мы, ни вы, никто теперь вообразить не может, которые всегда бывают в запасе у Истории. В делах человеческих всегда надо предоставлять многое случаю, как мы его, слепые, теперь называем, нечаянности, обращающей часто в прах самые верные расчеты и самые умные соображения. Потерпите, что выработает История. Время умнее всех. Это такой революционер, с которым никто сравниться не может. В ожидании таких неизвестных благоприятных обстоятельств должно, по необходимости, покориться судьбе. Призывайте их всей душой своей, питайте, пожалуй, ненависть свою к нам в сердце своем, если никак не можете освободиться от этого пагубного свойства, — и прекратите ваши собственные, личные, нравственно преступные попытки, перестаньте стрелять попусту холостыми зарядами.

Так говорит здравый смысл, того требует ваша собственная польза, даже с вашей неверной, по-нашему, точки зрения.

* * *

Сделаем опыт еще другого рассуждения. Уничтожим в воображении все настоящие препятствия, отбросим все невозможности, предположим, что какие-нибудь нечаянные благоприятные обстоятельства уже наступили, представим себе, что Польша приобрела себе независимость от России и составила *особое государство* в пределах нынешнего Царства Польского. Больше ведь сначала вы искать не можете, и с этого сами начинаете.

Поговорим теперь о таком вашем будущем положении. Вы отчутитесь опять среди ваших непримиримых врагов, австрийцев, пруссаков и русских. Если б вы даже решились остаться в покое, они вам не поверят, да и поверить не могут. Пруссия и Австрия испугались бы за Познань, за Вислу, за Силезию, за Галицию, и совершенно основательно. Вы никак не могли бы ведь оставить за ними чисто польские органы. Вы стали бы вооружаться на них, а они на вас, и опять 5 миллионов не могли бы сладить с 50. Но положим, чтоб вы на первых порах и сладили с ними, овладели бы Познанью, польской Галицею, но в таком случае вы стали бы лицом к лицу сорока миллионов немцев — возникла бы война, которой конец очевиден: новое разделение Польши! Пруссия возьмет Краков и Варшавское герцогство, Австрия возвратит себе Силезию. Россия опять не может оставить это деление без участия и возьмет себе русскую Галицию. Другого исхода ожидать нельзя. Что же вы выиграли à la fin des fins?

Ясно, что, приобретя независимость — мы возвращаемся к первому нашему предположению, — вам окажется необходимым, целесообразным *соединиться* с кем-нибудь из ваших врагов или соседей. Польша, одна на своей равнине между Австрией, Пруссией и Россией, существовать не может.

Станем же добровольно выбирать, пока враги не захватили врасплох и опять не разделили.

С Саксонией? Опыт был, и очень неудачный. Курфюрсты никак не могли удержать вас и предохранить от гибели.

С Пруссией? Опыт есть, также незавидный. Если б Варшавское герцогство осталось за Пруссией, то есть к нашему времени, по крайней мере, вполовину было б онемечено.

С Австрией? Австрия сама для себя есть неблагонадежное целое, которое всякую минуту должно трепетать за свое существование. Притом пример галицких помещиков, которых в одну ночь погибло значительное количество в 1848 году, не может, кажется, ободрять много к такому соединению.

Остается одна Россия, с которой всех естественнее, удобнее, выгоднее, легче, ближе будет вам соединиться, с которой можно еще жить вам сноснее и своеобразнее. И многие ваши сеймы, короли, государственные люди, писатели считали и считают это соединение естественным и для обеих сторон полезным. Несколько раз в древности начинались переговоры.

Но вы уже соединены с Россией! Судьба заранее своими путями устроила это соединение. Зачем же труды, жертвы, муки, кровопролитие, если рано или поздно опять то же окончание неизбежно по всем человеческим соображениям? Подумайте!

Император Всероссийский и Царь Польский! Неужели это звучит хуже, чем король Прусский и Польский, чем император Австрийский и король Прусский? Император Австрийский и король Венгерский — в этом титле не было противного и оскорбительного для венгерцев: почему же так противно вам подобное?

Разделять судьбу Российской империи неужели не предпочтительнее той кровавой перспективы, на которой мы остановились в предыдущем параграфе?

Послушайте, что в ней происходит: 50 миллионов крестьян-землевладельцев. Двери в суды растворены. Цензу-

ра предварительная уничтожена. Земские собрания в полном ходу, такие, каких не бывало почти никогда, зародыш великого будущего. Городовые управления открыты. Народному образованию дается движение. Прочее впереди!

Вопрос предлежит только собственно о *форме соединения*, о жизни под этим титулом.

Настоящая жизнь, жалуетесь вы, тяжела для вас, невыносима? Поговорим же теперь, стараясь быть как можно спокойнее и хладнокровнее, о причинах, приведших вас в такое тяжелое положение, а после о средствх выйти из него.

* * *

Надо опять возвратиться несколько назад.

«Finis Polonie!» — воскликнул Костюшко, польское сердце не хотело верить этому вещему воплю, вырвавшемуся из души одного из лучших сынов Отечества. Множество поляков переселилось тогда во Францию, приняло участие во всех войнах революции, чтоб приобрести себе помощь. Они проливали свою кровь на всех сражениях, служили верой и правдой Франции. Под чуждым игом не переставали они питать своей надежды и хватались с жаром за всякий случай, обещавший им ожидаемое спасение.

Разнесся слух о распре между Россией и Францией. Вся Польша всколыхалась: Мицкевич поет в своем «Пане Тадеуше»: о, год двенадцатый.

На родине моей тебя воображаю
…доселе чтит тебя народ,
И песни про тебя слагает, и поет.
Забытый где-нибудь, доселе старый воин,
Услышав про тебя, не может быть покоен,
Невольно тесака хватает рукоять —
И кровь его кипит, и молод он опять.
Благословенный год самими небесами
И сердцем мы тебя прочувствовали все.

И что-то дивное с литвинами творилось,
Как будто небо им в то время растворилось.
Ура! война! война!

Наполеон пошел на Россию. Восемьдесят тысяч выставили ему поляки отборного войска, которое служило ему авангардом. Все были уверены в победе его, и сам Чарторыжский, друг Александров, потому только держал себя в стороне, что считал свое участие даже ненужным.

Отцы наши рассказывали нам, с каким остервенением поляки жгли, грабили, разоряли русские города, села, деревни.

Известно, как кончилась война. Поляки вострепетали о своей участи. Александр не попомнил зла. Этого мало: он хотел восстановить Польшу. Союзники воспротивились и готовы были начать войну с нами из-за Польши. Представитель Франции воспрепятствовал первый. Было предполагаемо вновь разделить Польшу. Александр должен был сделать уступки и принять титул Царя Польского. Он выразил желание дать царству конституцию. Чарторыжский предложил ему совершенно аристократическую — Александр разорвал ее и дал другую, которую ревностный республиканец Карно считал слишком либеральной, даже в сравнении с французской. Учреждено было особое польское войско, предоставлена почти полная автономия — вопреки мнению первых государственных людей того времени, наших и чужих, графа Поццо ди Борго, лорда Кастлерига и проч. И что же — поляки выразили свое неудовольствие даже при первом чтении всемилостивейшего манифеста, как тогда же засвидетельствовали Государю очевидные свидетели. Они хотели, чтоб присоединены были к ним наши русские губернии, бывшие у них несколько времени в подданстве. Удивительная черта в характере, который никогда ничем не может быть доволен! Поляки получили то, о чем и помышлять не смели при несчастном исходе войны, веденной ими с таким ожесточением против русских, и тотчас позабылись, захотели еще большего! И наступила минута роковая, до сих пор необъясненная,

вполне неизвестная, когда Александр, может быть, в своих особых видах, готов был исполнить даже и это их, по нашим убеждениям, ни с чем несообразное желание*. Как будто б Россия всячески старалась удовлетворить Польшу, делать для нее все возможное и *невозможное*. Политические обстоятельства** помешали Александру исполнить это намерение, как говорил он после Карамзину, горячо восставшему против такой мысли. Князю Чарторыжскому вверен был тогда Виленский учебный округ, где он на свободе распространял польское учение и поддерживал связь с Польшей, ослабленную мерами Екатерины.

Как бы то ни было, поляки продолжали питать свое неудовольствие: на всех сеймах возникали споры с правительством, начались заговоры еще при жизни Александра, так что сам он, друг и благодетель Польши, принужден был изменить свой образ действий, хоть очень милостиво. Открываемые заговоры отдавались на суд большею частью самих поляков, с соблюдением всех законных форм. Наказания определялись самые легкие или никакие. Сенат объявлял, что по несовершенству законов не мог произнести другого приговора!

Александр скончался. Не стану вспоминать о происшествиях, следовавших за его кончиною. Строгие меры, как в империи, так и в царстве, должны были быть умножены вследствие случившихся событий, которые в Польше были беспрестанно подновляемы. Император Николай приехал в Варшаву для коронации. Решено было убить его, братьев и наследника во время парада на Саксонской площади. Могло ли управление сделаться снисходительнее?

Впрочем, революция возгорелась отнюдь не вследствие принятых мер правительства, как объясняет один из главных заговорщиков того времени, Мохнацкой: «Если бы даже

* Не думал ли Александр такой уступкой со своей стороны вызвать уступку со стороны Австрии и Пруссии? Оставаясь Царем Польским, он, может быть, не придавал большого значения номинальному или географическому изменению границ.

** Какие? Не возражения ли государств европейских?

русские святейшим образом соблюдали конституционное учреждение в Царстве Польском, то полное его развитие не привело ли бы еще скорее к восстанию, чем его ограничение? Революция лежала в основании самого учреждения царства, и русские государи не могли предотвратить ее ни пунктуальным исполнением конституции, ни совершенным ее уничтожением; по этой же самой причине я не вывожу революцию из недостатков правительства, так как оно могло быть в тысячу раз хуже, если бы мы были независимыми». А в другом месте… тот же писатель говорит: «По моему убеждению, ни свобода, ни учреждения, каково бы ни было их достоинство, не в силах усладить судьбу нации, которая некогда была велика и могущественна, впоследствии пришла в упадок и затем желает вновь возвыситься. Такая страна находится в состоянии постоянных инсуррекций, такой народ живет только восстанием, и в нем одном видит свое назначение. Царство Польское, основанное конгрессом, было только частицею общего, национального бытия. Дарованные ему права и привилегии постольку лишь имели значение, поскольку они доставляли возможность законным путем выказывать оппозицию главнейшим врагам польского имени».

Поляки подняли знамя бунта. Год продолжалась отчаянная борьба. Варшава была опять взята приступом, войско захвачено в плен, и Польша, присужденная Европою России за освобождение от Наполеона, *завоевана вновь*. Все прежние отношения войною уничтожены, конституция отнята, войско раскассировано. Множество поляков опять выселилось за границу. Цвет поколения погиб, тысяча семейств осиротело, истрачены силы. Остановлено развитие. Положение края после такой несчастной попытки и таких жертв, какие вынуждена была для усмирения перенести Россия, сделалось, разумеется, тяжелее и неприятнее. Доверие к полякам уменьшилось, и могло ль быть иначе? Паскевич был строг, впрочем, только на первых порах. Язык, судопроизводство, местное управление оставалось польское. До религии не было и прикосновения.

Прошло еще тридцать лет. Материальное благосостояние, достигшее при Александре значительной степени, поднялось опять, старые раны начали заживать. Скончался император Николай. Александр II, находясь при вступлении своем на престол в совершенно других обстоятельствах, заявил тотчас свои намерения. Жить стало легче, как в России, так и в Польше. Польша получила многие права, которым обещано дальнейшее развитие. Множество изгнанников возвращено в отечество. В каждом году обнародовалось постановление, то или другое, но в одном и том же духе, искреннем и свободном. Поляки должны были ожидать расширения своих прав, и что же? В это самое время, когда обстоятельства изменялись в их пользу, когда все управление принимало характер либеральный, поляки (в подтверждение слов Мохнацкого) начинают новое возмущение. Государь приписал первые вспышки увлечению и продолжал расширять их права, местное начальство получило приказание действовать как можно снисходительнее, не прибегая ни к каким крутым мерам. Это снисхождение имело действие обратное, оно было сочтено слабостью, бессилием, невозможностью поступать иначе. Солдаты, офицеры и генералы наши до сих пор не могут равнодушно рассказывать о тех поруганиях, коим они подвергались на улицах, в обществах, в собраниях. Должно было удивляться терпению русского народа, но нельзя не сказать теперь, основываясь на верных свидетельствах, что Варшава подверглась несколько раз опасности облиться кровью, взлететь на воздух и испытать бомбардирование. Убийства следовали за убийствами, террор господствовал. Никто не считал себя в безопасности — ни поляки, ни русские! И в этом-то разгаре страстей, среди смертоубийственных покушений, под заревом пожаров является брат Государев с природным поляком для управления под его начальством. Его встречают выстрелом, от которого он едва не погиб. Такая встреча, однако же, его нисколько не ожесточила, и он начинает управление самым снисходительным, благодушным образом. В продолжение целого года соблюдают строжайшую законность,

отдаляют всех русских чиновников поголовно, замещают их везде поляками, покровительствуют университету, возводят польский язык на степень государственного языка, чтут католическую церковь, во всех случаях употребляют систему не только снисходительности, но даже потворства. Вся Россия в страшном негодовании, видя мятеж не уменьшающимся, а ежеминутно возрастающим, а Великий Князь продолжает действовать в том же духе. Должны ли были поляки успокоиться, образумиться, удостовериться, что время настало другое? Нет, ничто не помогало, с каждым днем становилось хуже и хуже. Полиции как бы не существовало, организовывались шайки кинжальщиков, вешателей, поджигателей. Преступники получали свободу. Пленные повстанцы по нескольку раз попадали в крепости и находили случаи убегать из нее. Тысячи фальшивых паспортов ходили по рукам. Похищались огромные общественные суммы. Тогда Государь увидел, что милосердие не уместно и несвоевременно. Мера долготерпения исполнилась. Великий Князь оставил Варшаву. Граф Берг получил высочайшее повеление кончить комедию, которая делалась трагедию со всеми ее ужасами — и в короткое время мятеж был укрощен, банды разогнаны, убийцы переловлены, убежища открыты, оружие собрано — остальные преступники скрылись, и все дела приведены в прежний порядок.

Но еще поколение пропало. Еще тысячи семейств осиротели. Еще Польша отодвинулась назад в своем развитии.

Неужели это не последняя попытка? Неужели еще надо проливать кровь? Гибнуть людям? Неужели через 30 лет опять возобновятся это несчастные явления? Сохрани Бог! Когда же это кончится? Что за перспектива!

На будущий раз, обогатившись опытами, говорят некоторые поляки, твердо стоя на своем, мы будем умнее, мы придумаем новые средства, и никому не может прийти в голову, какую форму примет польская революция.

Нет, не обольщайтесь ложными надеждами, не обманывайте себя, вы все те же, и ваши споры и внутренние раздоры, которые продолжаются в одинаковой степени везде, дома и

на чужбинах, во внутреннем управлении и в изгнании, доказывают убедительно, что вы дети своих отцов, ничему не научились и ничего не забыли. Вы повторяете одни и те же явления, которыми преисполнена польская история.

Положим, однако, что вы ухитритесь придумать что-нибудь новое, но ведь и мы также, обогатившись опытами, сделаемся поумнее: если Варшавская железная дорога помогла нам справиться легче с восстанием 1862 года, чем то было в 1830 году, то к 1890 году откроются, без сомнения, новые источники сил, да одно уже обрусение западных губерний окажет нам новую помощь, чтоб преодолеть эту неизвестную, новую форму будущей революции.

Некоторые из вас надеются, что мы, по обыкновению, вскоре задремлем. Может быть: не ручаюсь за бдительность, но немцы не задремлют, и на них вы не нападете врасплох, а когда они ударят тревогу, тогда и мы проснемся.

Русские могут делать ошибки, промахи, могут потерять много ныне и завтра по своей оплошности, лености, добросердечию, легковерию, но в конце концов, то же следствие неминуемо, с напрасным пролитием крови.

Нет, в перспективе у вас, в эту сторону, только бесцельное человеческое жертвоприношение. Но о далеком будущем толковать нечего. Оно в руках у судьбы. Возвратимся к прерванному рассуждению о настоящем или ближайшем будущем.

Положение после попытки 1861 года стало хуже, чем в 1831 году, тяжелее вообще для народонаселения, и по причинам очень естественным. Кинжальщиков, поджигателей нельзя было оставить на воле в народе. Начались розыски по доносам пойманных виновников. Открывались такие преступления, о которых никто ничего не знал, указывались лица, на которых не падало никакого подозрения. Доверие, поколебленное в 1831 году, теперь почти совсем исчезло, и можно ли требовать его, если ужасный польский катехизис выходит, так сказать, беспрестанно новыми изданиями, пересмотренными, умноженными и исправленными как в Польше, так и в России. Военное положение остается на неопределенное вре-

мя. Совершено несколько казней по приговору военных судов, то есть из десяти тысяч убийц выбраны самые виновные. Полиция умножена, преимущественно из русских солдат и офицеров. Наехало еще множество русских чиновников для приведения в исполнение крестьянской реформы. Польским чиновникам поручить ее не было возможности, потому что они, связанные старыми узами с помещиками, взяли бы их сторону и оставили бы крестьян в прежней от них зависимости. С русскими чиновниками необходимо должно было распространиться и употребление русского языка, без которого те не могли вдруг действовать. Наконец, участие ксендзов в деле восстания, благословение ими убийц, открытие складов оружия в монастырях, дознанные собрания и совещания повстанцев в костелах повлекли за собой ряд мер, по-видимому, стесняющих права католической религии, но, в сущности, направленных только к лишению средств действовать на умы в политическом смысле. Разве Италия поступает иначе со своими аббатами и монахами, а итальянские аббаты и монахи — в отношении к русскому правительству? Правительству нужно быть каждую минуту на стороже, в опасении, чтобы взрыв где-нибудь не последовал, и потому должно принимать для предупреждения разные стеснительные меры. Один мой старый воспитанник сказал мне недавно в Варшаве: «Ну что мне делать со своим сыном? куда я дену его?» В том же положении находятся, разумеется, многие и премногие отцы, шляхты в Польше количество не соразмерное с народонаселением. Кто же виноват, что поляки сами запирают себе двери для службы везде, со своим катехизисом?

Из-за виноватых терпят невинные. Это правда, хотя вовсе невиноватых очень мало, если и есть кто-нибудь. Не все участвовали лично в восстании, но все помогали, сколько могли, посредственно и непосредственно. Не есть ли это все-таки вина, которая теперь необходимо и наказывается тягостью атмосферы для всех городских населений?

Говорят, что вначале действовали только иностранцы и вновь прибывшие, прощеные социалисты, но если бы благо-

разумные граждане подали тотчас свой голос, осудили бы торжественно сделавшиеся известными покушения, то восстание с самого начала лишилось бы значительной силы, общественное мнение в Европе не было б приведено в заблуждение, русское правительство получило бы поддержку управления маркиза Велепольского. Эти благоразумные люди молчали и таким образом оставили в неизвестности свой образ мыслей. Правительство не знало, на кого оно могло надеяться, встречая везде одну измену. Они боялись, слышится теперь в оправдание. Положим так. Ну что же теперь мешает им выразить свое мнение, убедить своих соотечественников в том ужасном вреде, какой причиняют они отечеству своими отчаянными выходками, своими пагубными замыслами? Почему теперь не стараются предупредить новые грозы, застраховать сколько-нибудь судьбу своих семейств?

Вот ненормальное положение Польши, вызванное ее последней несчастной попыткой. Пусть какое угодно правительство, английское, швейцарское, американское, скажет, что оно поступило бы иначе; пусть научит, что должно делать, и как поступать России. Что происходит пред нашими глазами в Америке, в Англии, в Италии?

Продолжая действовать в прежнем духе и питать подозрение русского правительства, поляки готовят себе только худшую участь. И теперь уже образовались две системы или два направления в русском обществе, одни, и самые многочисленные, думают, что на примирение, на искренние чувства надеяться никак нельзя и что должно действовать в отношении к шляхте решительно и грозно, не только в западных губерниях, но и в царстве; другие говорят, что надо еще испытывать снисходительные средства в надежде примирения и будущего союза.

Без сильных обязательных доказательств с польской стороны о переменах к лучшему первая система имеет за себя все данные. Без положительных доказательств невозможно ослаблять военного положения, расширять права законной свободы.

* * *

Нам остается говорить о положении дел в западных губерниях.

Тамошнее польское дворянство имеет еще меньше права жаловаться на стеснения, если они и существуют. Эти стеснения — естественное следствие предшествовавших обстоятельств, их собственного образа действий.

Русское правительство, возвратив эти губернии, оставило польских помещиков жить там и хозяйничать. Народ русский продолжал томиться, презираемый и выжимаемый ими под охраной и защитой русских законов. Русские крестьяне прикреплены были еще крепче к помещикам, чем то было под польским игом. Мы покровительствовали католической религии в ущерб нашей, заводили и содержали училища с господством польского языка. Народ выходил часто из терпения и готов был напомнить времена Колиевщины и последовать примеру галицких крестьян. Русские солдаты защищали польских помещиков своей грудью, что продолжается и теперь, и несчастные крестьяне, против них поднимавшиеся, ссылались в Сибирь. И между тем польские помещики тянули к Польше, а не к России, при всяком случае обнаруживая свои враждебные чувствования. Мицкевич, видели мы, описал их сердечное настроение в 1812 году. В 1831 году повторились те же явления. В истории Шмита мы находим множество новых доказательств. Перед 1861 годом подольские польские помещики отнеслись прямо к Государю с просьбою о соединении их края с Польшей. Между минскими выражалось то же намерение. Когда началось восстание, они помогали всеми средствами, собирали деньги, снаряжали банды, пересылали оружие, давали убежище, начинали открытое возмущение. В западных губерниях был главный польский арсенал. На западные губернии поляки возлагали твердейшую свою надежду, и действительно, сила их с западными губерниями увеличилась бы, по крайней мере, втрое. Можем ли мы в видах

даже самосохранения не обращать внимания на эти губернии, как до сих пор, к стыду своему, делали, и если поляки хотят их отнять, принимают для того свои меры, то не должны ли мы, связанные с ними узами крови, языка и веры, стараться о сохранении их в своей власти, утверждении на веки веков и в отнятии у поляков всякой надежды? Пусть поставят они себя на наше место.

Вот ключи всех мер, принимаемых нами в западных губерниях, но еще слишком слабо и снисходительно, вопреки желаниям и требованиям всего русского народа. Верные свидетели и очевидцы согласно утверждают, что по неоспоримым документам и уликам три четверти помещичьих имений там могут быть конфискованы за доказанное участие в мятеже и что главные зачинщики, виновники остались в покое, выдав на казнь несколько пролетариев, сорванцов, служивших им слепым орудием.

Правительство поступило теперь очень милосердно, точно как поступало слишком снисходительно и при решении крестьянского вопроса. Русские крестьяне в западных губерниях освобождены были на тех же условиях от польских помещиков, как и во всей России от русских. Но разве польские помещики могут идти в сравнение с русскими после тех заявлений, после тех действий, в которых они оказались виновными? Этого мало: приведение в исполнение закона поручено было польским чиновникам, которые, разумеется, держали сторону помещиков, вели дело так, что крестьянам становилась не лучше, а хуже. Отводились неудобные земли, назначались неумеренные цены, и всякая тяжба решалась в пользу помещиков против крестьян. Учреждены были впоследствии поверочные комиссии, которые поворотили несколько дело на законный путь. Во всяком случае, правительство сознало, наконец, положительно, что давно уже сознано было народом, что жители этих губерний, чистые русские люди, должны быть по всем законам, естественным, политическим, историческим, защищены, охранены в своих интересах и что никакого элемента не должно там существовать, кроме русского.

В этом смысле польские помещики могут быть терпимы в западных губерниях, только как русские.

Да им, кажется, и нетрудно бы сделаться настоящими русскими, если бы только они обдумали хорошенько свое положение. В их жилах, по крайней мере, в большей части, течет русская кровь. Они исповедовали греческую веру и говорили русским языком. Взгляните на надгробную плиту с русской надписью одного из прародителей графа Тишкевича, которая была запрятана куда-то в Виленском археологическом музее, а теперь вскрыта наружу. Загляните в Литовский статут, пересмотрите церковные синодики, сколько их доселе сохранилось. Переберите древние акты в Виленском и прочих архивах, которые до позднейшего времени, то есть до XVIII столетия, писались по-русски. И вы убедитесь, что дворянство здешнее, большею частью, по происхождению своему есть русское и только по соединении Литвы с Польшей переменило свою веру, оставило свой язык, чтоб воспользоваться правами польской шляхты. Польским помещикам в западных губерниях, если они хотят владеть спокойно своими землями и не иметь против себя народ, ни теперь, ни вперед, ничего не остается делать, по моему мнению, как переходить в Православие и делаться русскими. Они оставили прежде Православие, чтобы сделаться поляками, а теперь, наоборот, пусть оставляют католичество и возвращаются к вере своих предков, учат детей своих по-русски и после временной разлуки опять породнятся со своими братьями. Католики отнимали церкви у православных: православные имеют полное право возвратить их для воссоединения.

Те из помещиков, которые живо сознают свое польское происхождение, пусть продают земли и идут в свое отечество в Польшу. Они должны делать это непременно в видах собственно пользы, а то легко может случиться, что какой-нибудь русский Бисмарк сделает предложение о конфискации польских имений, точно как Наполеон III секвестровал имения Орлеанской фамилии во Франции, находя это владение несовместным с государственными видами Франции.

Все почти русские, на всем пространстве Империи, призывают эту меру и считают ее, так или иначе, необходимой. Пусть поляки примут это к сведению и соображению и убираются подобру-поздорову восвояси.

* * *

Рассуждение о настоящем положении западных губерний и их отношении к России и Польше дает мне повод объясниться еще об одной форме Польского вопроса, в какой ставят его некоторые поляки: или мы, или вы! или Польша, или Россия! быть или не быть!

Приобрести независимость Царству Польскому в нынешних обстоятельствах, мы видели, невозможно.

Отнять у Австрии и Пруссии польские области — еще труднее.

Возвратить себе прежние завоевания, то есть отнять у России западные русские губернии, — кольми паче!

Но для поляков всего этого еще мало. Они думают еще покорить себе всю Россию и стать на ее место.

Кому быть? Они отвечают торжественно: полякам.

Что сказать об этой постановке вопроса и об этом польском решении? Рассуждать без шуток нет возможности.

Материалы для ответа заключаются, впрочем, в прежних рассуждениях. А здесь разве повторить вкратце: без западных губерний Польша существовать не может, по собственному признанию всех поляков, а западных губерний Россия ни за что на свете не уступит, следовательно, вопрос в такой форме решается сам собою. Нет, друзья мои, ставить его так, ставить все на одну карту для вас невыгодно. Быть или не быть? Приложите теорию вероятностей к такому вопросу. По всем данным, по всем положениям, по всем условиям, по всем правам оказывается, что быть России. Она имеет сто, тысячу вероятностей против вашей одной десятичной дроби. Зачем же вы хотите не быть?

Что вы, что вы? Дай Бог вам здоровья, мы, мнимые враги, желаем вам его. Зачем хотите вы стремиться к своей погибели? Зачем хотите стереть с лица земли любезное свое отечество?

Братья, братья! Обдумайтесь, опомнитесь, послушайтесь убеждений разума, истории, очевидности. Будем жить вместе: и вы, и мы! Да здравствует Польша, да здравствует Россия — и вот я приступаю теперь к изложению своего мнения об истинном, а не мнимом возрождении Польши, и этих видах, которые для нее открываются в настоящее время.

* * *

Еще Польска не згынэла — мы, русские, подаем вам эту благую весть, вам, зарывающим свое отечество глубже и глубже в могилу. Александр II, император Всероссийский и Царь Польский, освобождает три миллиона крестьян и наделяет их землей; намеревается обеспечить и остальных пролетариев и бобылей. Польская пословица «Coelum nobilium, paradisus clericorum, infernus rusticorum» потеряла свое значение. Шляхте указаны границы. Аристократия, угнетавшая народ, ослаблена. Поселянам возращено человеческое достоинство. Они сделались людьми и перестали считаться быдлом. Монастыри со зловредным учением иезуитским закрываются. Тунеядство поражено в сердце.

Наполеон сказал, что Французской революцией галлы свергли иго франков. Общественной реформой императора Александра свержено иго пришлых ляхов, прародителей шляхты, неизвестного пока происхождения, над славянскими туземцами. Пути Провидения, пути истории, неисповедимы.

Вот чем Польша начинает новую жизнь. Вот где скрывается ее лучшая будущность.

Тяжело для вашего народного самолюбия: самым лучшим добром быть одолжену кровным врагам! Что ж делать? Смиритесь сердцем и помните, что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Какую жертву в настоящих обстоятельствах можете вы принести вашему отечеству выше

этого смирения? Может быть, здесь есть вместе и наказание за ту страшную неразборчивость в средствах, которую вы дозволяли себе для достижения своей недостижимой цели. Добро, откуда бы ни шло, везде, всегда, хорошо. Позвольте же нам этим добром искупить хоть часть того зла, которое и мы также, волею или неволею, вам причинили в продолжение нашей вековой борьбы. Но перестаньте думать о старых формах: они обветшали. Новый порядок вещей начинается на севере. Помогайте развиваться Польше, возрождаемой династией русской, преемницей ягеллонской, шведской, саксонской. Вот куда вам надо направить свои стремления. Вот поприще, достойное ваших способностей.

Польша и Россия вместе в дружеском братском союзе, составляя одно целое, под державою Александра II! Это будет великое явление, с бесконечными благими последствиями для вас, для нас, для всего славянского мира, для Европы, для человечества. И никто не отнимет у вас вашей славы. Вы приобретете ее своими талантами, способностями, доблестями. Россия и Польша — вот чего боятся европейские наши враги. Соединение России и Польши в братском союзе есть не Бреннов меч на весах римских, а положительное предрешение многих европейских вопросов. Вот чему стараются мешать нам враги, раздражая ваше самолюбие, обманывая несбыточными надеждами.

Братья, братья! Обдумайтесь, вразумитесь. Покоритесь вашей судьбе, написанной выше, а не в действиях русского правительства, и вы исполните ваше великое назначение, которое предчувствовали, слыша звон, да не разобрали где.

На этом пути откроются для вас, может быть, средства исполнить ваши задушевные желания, желания законные, справедливые, не вроде тех, какие вы имеете относительно России, откроются или, по крайней мере, облегчатся средства освободить прочие родственные славянские племена от чуждого ига, о которых вы, к стыду вашему, и не помышляете. Великая задача, великое дело!

Сближайтесь с народом, образуйте его, обрабатывайте вашу историю, возделывайте ваш язык, занимайтесь литера-

турой, посвящайте свои силы науке, искусству. Немцы в этом отношении служат вам примером. Считая себя в количестве 30 миллионов, они такими занятиями снискали себе славу и достигли высокой степени благосостояния без политической роли, за которой вы столько гоняетесь и которая, впрочем, не уйдет от вас, если только вы оборотитесь за нею в другую сторону. Я говорил вообще, а в частности — какое поприще откроется вам на пространстве Русской империи, до Восточного океана и пределов Индии! Чего вы не наделаете для общей, вашей и нашей, пользы, вместо того, что теперь влачите унылую жизнь среди иноплеменников, которые подают вам милостыню, не потому, чтобы принимали живое участие в вашей несчастной судьбе, а потому, чтобы на всякий случай иметь вас наготове для исполнения своих целей!

Такой обширный круг действий для вас уже начинался и после 1812, и после 1831 годов, по укрощении мятежей. Сколько было поляков в нашем генеральном штабе, по железным дорогам, в медицинском ведомстве, на Кавказе, на Амуре, в Новороссии? В каком цветущем состоянии застали Польшу обе революции?

Оно начинается и теперь. Давно ли установлен порядок, а уже на всех улицах в Варшаве строятся огромные дома, магазины ломятся от всяких товаров, театры полны, в Саксонском саду никогда не продерешься, железные дороги прокладываются во все концы? По улицам везде движение. Жизнь кипит.

Нынешние начала, основанные на свободе народной, должны быть успешнее и долговечнее.

Поляки вместе с русскими имеют право ожидать всех возможных средств, удобств, льгот и прав от ныне царствующего Государя. Не надо только мешать ему ни словом, ни делом и помышлением в исполнении благодетельных его предначертаний, какие Бог положил ему на сердце. Сердце Царево в руке Божией.

Припомним слова умного поляка, князя Любецкого, сказанные им однажды в административном совете.

«Рассматривая оба государства, — сказал он, — мы не найдем ни победителей, ни побежденных, ни насилий, ни перемен в нравах и обычаях: единственно, с чем можно сравнить их отношения между собою, — это с теми отношениями, которые существуют между двумя братьями, исполненными одинаковых чувств благодарности к их отцу и повинующихся ему, не преграждая один другому дороги».

Братья! Обнимемся братски, не помня зла, и пойдем рука об руку вперед, вперед, по пути истинного и верного прогресса, восклицая вместе: да здравствует Александр, Император Всероссийский и Царь Польский! Да здравствует освободитель! Еще Польска не згинэла. Боже, Царя храни!

А если нет, так нет!

1865 г.

26 ноября.

P.S. Я написал эту статью сгоряча по возращении из Варшавы и Вильни. Написав, я отложил ее в свой портфель. Через месяц прочел ее снова — и, признаюсь откровенно, услышал внутренний голос: нет, это фантазия, это утопия! Поляки не вразумятся. Habeant sua fata nations.

Все-таки я печатаю статью: пусть она останется для поляков доказательством русского непамятозлобия, свидетельством нашего искреннего доброжелательства, в пределах разумной возможности, — а беспристрастные читатели в Европе пусть увидят из нее настоящее положение Польского вопроса и наше, русское, к нему отношение.

1865 г.

21 декабря.

Через год. Января 15-го дня, 1867

P.S. События обгоняют одно другое. Между поляками обнаружилось новое. Они замышляют или мечтают образовать что-то в Галиции. Известиями об их действиях, заявлениях и предположениях наполнены все газеты.

Русские в Галиции, которые составляют все народонаселение в восточной части, подвергаются всем возможным притеснениям, лишениям и ругательствам.

Позволяю себе сказать полякам еще несколько слов. Милостивые государи! Вы угнетаете русских в Галиции. Ваша система угнетения несчастных рабов доходит уже до крайней степени. Стоны их доносятся, наконец, и до всей России. Каким же образом вы хотите, чтоб мы, русские, не принимали мер против таких насилий в Волыни, в Подолии и вообще в наших западных губерниях, где вы такие же пришельцы, как и в Галиции? Неясно ли, как день, во-первых, что вы своими действиями в Галиции даете нам право поступать точно так же с вами, par le droit de represailles, даже в Царстве Польском? Какое право имели бы вы жаловаться? Верно ли логически и исторически мое утверждение? Но нет, в Царстве Польском русские освобождают польских крестьян от крепостной, хоть и в другой форме, зависимости, наделяют их землей, освобождают города от феодального ига. Чувствуете ли вы разницу? Если вы не можете дать нам лучшего примера, то берите его хоть с нас.

Поговорим теперь, с другой стороны, о ваших мечтаниях. Вы надеетесь, что австрийское правительство восстановит для вас Польшу, но как же вы не подумаете, что королевство Богемия, с вами смежное, триста лет почти находясь под владычеством австрийским, не может похвалиться никакими благодеяниями Австрии? Каким же образом Австрия, столь неприязненная для национальности чешской в продолжение веков, вдруг ни с того ни с сего окажется такой родственной благодетельницей для национальности польской и, стесняя систематически чехов, будет делать всякие любезности для поляков? Я говорил о чехах, а прочие национальности славянские — кроаты, далматы, славонцы, сербы — разве свидетельствуют вам не то же?

Послушайте, что говорят славянские газеты в последние номерах своих: «Австрия не только никогда не пользовалась сочувствием турецких славян, но постоянно возбуждала не-

навись к себе в хорватах, сербах и румынах, населяющих ее южные провинции».

Пограничное население Турции нимало не расположено в пользу Австрии; напротив, оно готово пристать даже к самой Порте, лишь бы не попасть под австрийское владычество. А вы, несчастные, ищете там спасения!

И когда вы соединяетесь, дружитесь с иконными врагами славян? Когда все славяне восстают духом и стремятся свергнуть с себя ненавистное чуждое иго и устремляют свои взоры к России!

Но вы в своем ослеплении ничего и никого знать не хотите, страдая своей, хотя во многих отношениях и почтенной, мономанией.

О, друзья мои, взываю в сотый раз: опомнитесь, образумьтесь и поймите. Что против рожна прати невозможно. Подумайте, что на вас восстает новая сила, с которой вам придется считаться. Это распространяющееся сознание русского народа. Своими покушениями, своими угрозами и объявлениями вы вредите только самим себе, как в Царстве Польском, так и в западных губерниях, вызываете соответствующие меры. Никакой надежды для вас нет, если смотреть на европейские обстоятельства хладнокровно. Какая бы ни случилась война, как бы она ни кончилась, пусть даже отказалась бы от вас Россия, по Висле ли, по Неману ли с Бугом, ну вас неминуемо поглотит тогда немецкий элемент, представивший вам разительные тому доказательства в Померании, Силезии и даже Познани. Следовательно, единственное спасение для польской национальности, для польского имени заключается только в соединении Польши с Россией. И если Россия убедится в вашем перерождении, вашем совлечении ветхого польского человека, в искреннем обращении ваших взглядов с запад на восток, тогда весь образ действий русского правительства, и теперь все-таки больше оборонительный, чем наступательный, наверное, изменится, к общему удовольствию, — и вы, и мы вздохнем спокойно.

Останетесь вы при прежнем, тогда в виду для вас ничего не может быть, кроме худого и худшего, и пенять вы будете не на судьбу, а на себя. На многих страницах этого сборника вы видели мои чувствования, мои правила и вместе все беспристрастие, с которым я смотрю на Польский вопрос, сколько уважал и любил всегда поляков, но теперь, признаюсь откровенно, я прихожу уже в отчаяние и говорю, кажется, в последний раз, отказываясь от своих прежних мечтаний, и восклицая: так, видно, хочет История!

V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Петр Первый и органическое национальное развитие

I

Слава, как луна, имеет свои фазы. Слава Петрова находится ныне в ущербе: многие вновь открытые документы из архивов тайной канцелярии бросили в последнее время мрачную тень на его личный характер, а пробуждающееся народное сознание преисполняется в некоторых негодованием на него за насильственное подчинение России иностранному, европейскому влиянию.

Точно — есть ужасные страницы в *истории Петра Великого*! Я сам исследовал одну, и волосы часто становились у меня дыбом, кровь приливала к сердцу при чтении жестоких, беспрерывных, в продолжение месяцев, розысков, например по делу царевича Алексея, по делу царицы Евдокии, по делу стрельцов; есть возмутительные злоупотребления силы, не знающей никаких границ своему произволу, например при основании Петербурга, при рытье каналов или при введении иностранных обычаев; есть ненужные, по-видимому, почти прихотливые разрушения старых учреждений, имевших свою самобытность, законность и пользу. Точно, по делам тайной канцелярии Петр является часто лицом, возбуждающим ужас и отвращение, — но разве всю свою жизнь проводил он в селе Преображенском и Петропавловской крепости? Неугодно ли

безусловным его обвинителям прогуляться по России? И в Архангельске, Воронеже, Кронштадте, Переяславле, Астрахани, Нарве, Азове, Дербенте, Полтаве — на всяком почти шагу в России бросятся им в глаза следы Петровой деятельности другого рода.

В одиннадцатом, двенадцатом часу, перед полночью Петр, на наш взгляд, бывает иногда безобразен, но посмотрим на него в пятом часу утра (он вставал ведь в четыре), последуем за ним в шестом часу, в седьмом часу и так далее, вплоть до этого одиннадцатого и двенадцатого часа, когда он поражает наблюдателя так для себя невыгодно, сочтем, сколько дел он переделал в этот день, много ли минут отдыхал или оставался в праздности, посмотрим, какие мозоли натер он себе на руках и на ногах, — и тогда мы будем принуждены судить о нем иначе. Для камердинеров и лакеев не бывает великих людей.

Читая о Петре I как об юмористе, нельзя, правда, не пожимать плечами на всякой странице, но таких страниц наберется ведь только десять или двадцать, а если собрать о нем сведения, как о хозяине, то их не уместить и на тысяче страниц. А потом представится он вам еще как полководец, как мореплаватель, как распорядитель, ученый, мастеровой, законодатель!

Надо обозреть совокупность действий, исследовать их источник, сообразить средства, оценить цель; надо рассмотреть беспристрастно время, в которое Петр жил, среду, в которой обращался, обстоятельства, в коих действовал, обстоятельства, в коих находилась и находится Россия в отношении к Европе, и только на многостороннем изучении обширного вопроса, во всех его подробостях, sine ira et studio, можно подать голос, имеющий право на внимание, или произнести уважительное мнение.

А вынуть одно происшествие из целой жизни или один час из двадцати четырех, без внимания к времени и обстоятельствам, и судить по ним о великом государственном деятеле не только несправедливо, но и дерзко, безрассудно и нелепо.

Некоторые добросовестные исследователи начали обрабатывать историю Петра I по частям, собирать и разбирать

все свидетельства, относящиеся к той или другой, — это дело полезное и почтенное, и собрание таких монографий доставит лучшие материалы для оценки вместе с общим обозрением, над которым с таким успехом трудится г. Устрялов, значительно уясняющий задачу сообщением новых документов и приведением в ясный порядок прежних.

Не надо упускать из виду и отзывов современников: что думали и говорили о Петре лучшие и умнейшие между ними и их ближайшими потомками; наконец, как судили о нем достойнейшие русские люди. Я укажу для примера на Татищева, Ломоносова, князя Щербатова, Карамзина и Пушкина.

Татищев жил и служил при Петре I, видел его лицом к лицу. Он управлял Астраханью и Уральскими заводами. Татищев оставил нам пространную *Русскую Историю* с разнообразными примечаниями, много юридических рассуждений, наконец, наставление детям. По этим сочинениям и действиям можно составить себе понятие об его уме и способностях: как же отзывается он о Петре I? С восторгом и благоговением.

Ломоносов родился при Петре I и при нем среди народа провел свое детство, жил среди его современников и видел дела его по горячим следам: отложим в сторону риторику и поэзию из его поэмы и похвального слова, искреннее удивление подвигам Петра, горячее чувство останутся в полной силе.

Князь Щербатов, с которым мы только что познакомились по вновь открытым его запискам, важным и в высшей степени замечательным, был человек прямой и беспристрастный: он говорил искренно не только о пороках Петра Великого, но и о пороках Екатерины II, от которой получал милости: что же в итоге он говорит о Петре?

Карамзин, одна из самых высоких русских личностей, Карамзин, за пятьдесятъ лет до последних толков, когда в голову никому не приходила политическая критика, выразивший ясно и сильно свое мнение о новой истории и ее представителях, воздал Петру полную хвалу, не щадя его увлечений.

Наконец, Пушкин, вещий поэт, силой творческого воображения восстановивший много древних образов с их плотью и кровью, сказал о Петре I:

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Даже голоса Крекшина, Штелина, Голикова, которые застали самых близких современников Петра Великого, нельзя оставлять без внимания, несмотря на их увлечения и преувеличения, или, лучше, принимая их к соображению. Никакого подогретого восторга не стало бы на сто томов, оставленных ими: должны были быть какие-нибудь достаточные причины!

Некоторые противники не довольствуются даже осуждением Петра за его действия, но распространяют свое осуждение на него и за действия его преемников!.. Для них нет ничего хорошего в новой русской истории, и они составляют противоположность с другими судьями, которые говорят то же самое, и даже с большим ожесточением, о древней.

В предлагаемом рассуждении я постараюсь изложить как можно проще и яснее настоящее положение вопроса. Я буду говорить иногда словами прежних своих споров с обеими сторонами, подтверждая новыми открытиями и наблюдениями.

II

Первый мой тезис будет относиться к европейскому влиянию, которому, со времен Петра, подверглось все наше бытие, умственное и нравственное, душевное и телесное, которому

все мы, волею и неволею, подчиняемся и от которого никто ни на какой стороне, ни на востоке, ни на западе, в Петербурге и Москве, Архангельске и Астрахани, Смоленске и Иркутске, в наших собственных домах, отрешиться не в силах.

«Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться с места, не можем оборотиться ни в одну сторону без того, чтобы везде не встретился с нами Петр, дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье, все он, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!

Мы просыпаемся. Какой нынче день? 18 сентября 1863 года (в первый раз напечатаны были эти слова 11 января 1841 года). Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января.

Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному первоначально Петром I, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он; шерсть настрижена с овец, которых развел он.

Попадается на глаза книга — Петр Великий ввел в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее — этот язык при Петре I сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный.

Приносят вам газеты — Петр Великий начал их издание.

Вам нужно искупить разные вещи — все они, от шелкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом; одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге.

За обедом, от соленых сельдей до картофеля, который сенатским указом указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, — все блюда будут говорить вам о Петре Великом.

После обеда вы едете в гости — это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам, допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого.

Пойдем в университет — первое светское училище учреждено Петром Великим.

Вы получаете чин — по табели о рангах Петра Великого.

Чин доставляет мне дворянство: так учредил Петр.

Мне надо подать жалобу: Петр Великий определил ей форму. Примут ее пред зерцалом Петра Великого. Рассудят по его генеральному регламенту.

Вы вздумаете путешествовать — по примеру Петра Великого; вы будете приняты хорошо — Петр Великий поместил Россию в число европейских государств и начал внушать к ней уважение и проч. и проч. и проч.

Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летосчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия — суть памятники его неутомимой деятельности и его гения.

Он видел все, обо всем думал и приложил руку ко всему, всему дал движение, или направление, или саму жизнь. Что теперь ни думается между нами, ни говорится, ни делается, все, труднее или легче, далее или ближе, повторяю, может быть доведено до Петра Великого. У него ключ или замок».

Как потомки Адамовы рождаются, нося в существе своем следствия первородного греха, так точно все мы, русские, от рождения своего подвергаемся влиянию Европы или Петровой реформы. Как нечего толковать людям, бранить и осуждать, судить и рядить, зачем Адам сорвал и съел роковое яблоко, а должны они думать, как возвратить себе потерянный рай, чтобы в немощи совершилась сила, так точно бесполезно разбирать нам задним числом, с практической точки зрения, действия Петровы, а должны мы стараться, удержав из них дельное и доброе, присоединять к тому все годное из народной жизни, старой, средней и новой, сколько в ней того сохранилось, — и идти вперед.

Сим оканчиваю я *первый мой тезис* о неизбежном присутствии в образованных русских людях европейской стихии и о бесполезности осуждать Петрову реформу, разве в науке.

III

Второй мой тезис будет относиться к невозможности, в коей Россия находилась, уклониться от европейского влияния. Заимствую несколько слов из той же статьи.

«Россия есть часть Европы, составляет с нею одно географическое целое и, следовательно, по физической необходимости должна разделять судьбу ее и участвовать в ее движении, как планета повинуется законам своей солнечной системы. Может ли планета перескочить из одной сферы в другую? Может ли Россия оторваться от Европы? Волею и неволею она должна была подвергнуться влиянию Европы, когда концентрические круги западного образования, распространяясь беспрестанно далее и далее, приблизились к ней и начали ее захватывать. Пусть называют это образование чумой, — но для такой чумы, самой тонкой, самой быстрой, упругой, не существует никаких застав, никаких карантинов, никаких таможен, никаких преград. Эфир все проницающий зло, пожалуй, необходимое, неизбежное! Можем ли мы теперь отказаться от употребления машин, железных дорог?* Не можем, даже потому только, что живем в Европе. Не можем — пары принесутся сами, и повезут нас по Волге, по Днепру, по Черному морю, будут ткать нам сукно, тянуть бумагу; железные дороги придут сами и лягут по нашим гатям, как прежде пришли и установились типографские станки, как прежде пришли и грянули пушки. Ежели австрийцы будут поспевать из Вены до Варшавы в день, то как же нам ехать туда неделю?

Точно так же прежде Петра Великого мы не могли отказаться от пороха, от огнестрельного оружия: иначе были бы побиты на первом сражении, и нас бы не стало».

И все народы в мире подвергались влиянию один другого: в древности греки — влиянию египтян, римляне — влиянию греков, хотя Катон Старший проклинал их образование,

* Напоминаем, что это писано в 1840 году.

а в новом мире вся римская и германская Европа подчинилась Риму, потом — христианству. Таков закон истории для всех государств. Мы пришли позднее всех и, как младшие братья, понесли сугубое и трегубое иго: норманны, греки, монголы, немецкие и прочие выходцы, родоначальники наших дворянских фамилий, действовали последовательно на Россию до Петра.

IV

Третий мой тезис будет иметь предметом естественное развитие, на которое сильно напирают многие. Такое развитие прекрасно, вожделенно, но где же оно было в истории, полное и чистое? Припоминаю заключенние второго тезиса о взаимном влиянии всех исторических народов: нельзя же России быть исключением. Рассуждать при каком бы то ни было событии, «что было бы, если…», совершенно бесплодно и бесцельно. На такой вопрос никто ничего отвечать не может. Можно судить только по действительно совершившимся событиям, и в этом отношении мы находим в истории прискорбные указания, что залогов внутреннего развития было у нас недостаточно.

Новгород, например, находился несравненно в благоприятнейших обстоятельствах, нежели все прочие русские княжества. Он был силен, когда Киев, Владимир, Москва, таились в зародышах. Все соседи были его слабее. Случались, наконец, моменты, которые могли пробудить всякую деятельность, навести на новые мысли. Нет, не умели новгородцы воспользоваться ни одним из этих моментов, сплоховал Мирошка, не догадался Якун, прозевал Мирославу, Михалко, Твердислав* — и остались новгородцы среди всех успехов in status quo, представляя по временам блистательные черты великодушия, благородства, бескорыстия, твердости, неустрашимости. И пал Новгород, и след его развеялся по ветру! Что же это значит? Значит, что в нем не было залога твердости, залога развития.

* Знаменитые новгородские посадники.

Для тучной русской почвы нужно европейское семя, и вот необходимость, законность Петра!

Напрасно будут говорить, как и было уже говорено, что европейское образование могли б мы заимствовать тихо, мирно, постепенно, добровольно. Напрасно, потому что тот же Новгород, испокон века находившийся в твердых отношениях с норманнами, самым европейским племенем VIII, IX и X веков, потом с немцами, поселившимися у него под боком, и, наконец, с Ганзою, все-таки остался при своем, ни взад, ни вперед. Значит, старое или хоть устарелое дикое мясо нужно было прижечь ляписом.

Раскольники представляют, по моему мнению, другое разительное доказательство, что одного русского элемента мало для развития жизни, в европейском значении этого слова. Раскольники остались при своем, не подверглись европейскому Петрову влиянию, приняли в себя еще новую силу, значительную силу гонения, — что же они представили даже в своей религиозной сфере, в коей вращаются преимущественно? Ничего. Они ушли назад, а не вперед, и некоторые на первый взгляд важные положения, ими выработанные, не представляют никакой жизненности, никакой подвижности, никакой зелени: это гнилые плоды. Опять необходимость европейского начала и, следовательно, Петра.

V

Четвертому своему тезису я дам следующую форму: древней России необходима была реформа, обновление, преобразование, во что бы то ни стало.

Машина ее совершенно обветшала: рассмотрите тогдашнее общество, разберите все его элементы, все составные части — и вы согласитесь, что в прежнем положении оставаться было нельзя.

Перечтите царские выходы: из чего большей частью состоял царский день? Заутреня, обедня, вечерня, стол обеденный, ужинный, соколиная охота, медвежья травля, лошади, шуты, скоморохи и т. п.

Чем занимались бояре, их жены, дочери? До какого безобразия дошло местничество, составлявшее душу всего высшего сословия, видно из уцелевших дел.

О суде довольно перечесть пословицы Даля.

Вспомним предания о воеводах, в руках которых находилась судьба граждан? Что такое боярские козни, свидетельствует как при царе Михаиле Федоровиче казнь знаменитого Шеина, так при царе Алексее Михайловиче суд над патриархом Никоном, при царе Феодоре Алексеевиче ссылка Матвеева. Козням открылось широкое поприще при слабости последнего царя, физической и нравственной.

Внимательно рассматривая состояние России в конце XVIII века, видим совершенное расстройство, как пред норманнами, пред монголами, пред временем Иоанна III,— болезнь к росту. Требовалось новое издание, revue, corrigée et augmentée, требовалась реформа. Застарелые язвы точили внутренность, огонь распространялся по всем оконечностям, и ей нужен был сильный, ловкий, смелый оператор, — указать на другого, вместо Петра I, едва ли кто решится!

VI

Пятый тезис: реформа началась в России задолго до Петра, чего никак не хотят понять многие противники Петра, сваливая на него всю вину за преобразования.

Реформа началась с Церкви в лице патриарха Никона. Явилась и национальная, если не органическая, то, по крайней мере, физическая оппозиция, ставшая за старину безусловную, — раскольники.

Как поступлено с раскольниками в царствование добродушного и кроткого Царя Алексея Михайловича, всем известно.

Не миновал кары в свою очередь и благонамеренный реформатор патриарх Никон.

Петр I, скажем мимоходом, пощадил патриарха Адриана и уже по его кончине, ударив кортиком по столу, восклик-

нул: вот вам патриарх! А отец его, добрый Царь Алексей Михайлович, заставил свергнуть и осудить живого патриарха в ссылку. В каком действии было больше насилия?

Одно свержение патриарха в древней России по каким бы то ни было причинам служит ясным доказательством, что лед тронулся и наступила другая, новая пора.

Вслед за Царем Алексеем Михайловичем, при сыне его Феодоре, сжигаются торжественно на площади разрядные книги и уничтожается местничество, самое сильное учреждение, к которому не смел прикоснуться сам Иоанн Грозный. Ясно ли, что наступила пора преобразований и никакого действия насильственнее, смелее, радикальнее отыскать в истории нельзя. В этом случае нет и тени органического постепенного развития. Сжечь все книги, чтобы духу их не осталось, «в совершенное проклятых мест и гордости искоренение!». Здесь уже слышится, чуется Петр. А ведь это произошло не в Петербурге, а в Москве, в сенях, перед государевой палатою!

Реформа эта представляет великое явление, которое у нас не оценено еще достаточно.

Но вот еще реформа, не менее значительная, в другом роде: учреждение в Москве Славяно-греко-латинской академии, для которой прибыло из Киева множество воспитанников, знакомых с западной схоластикой, с римскою литературой и со всей европейской наукой. Епископы, архиереи разошлись из Москвы по всей России с совершенно уже новым образованием. Реформа это или нет? Имеет она малейшую связь с домашним органическим развитием?

А магдебургское право в западных нынешних губерниях?

Солдаты, музыканты, комедианты, мастеровые стекались гурьбами в Москву и заселяли целые слободы, которых имена сохранились до вашего времени.

Реформа предчувствовалась, вызывалась, испытывалась, и реформа именно европейская: домашняя русская жизнь выходила сама собою на европейскую торговую дорогу.

VII

В конце XVII столетия внешние отношения России к соседним государствам, Польше, Швеции и Турции, сделались слишком страшными, так что жизнь ее, политическое существование подвергались опасности. Если незадолго до Петра Польша думала овладеть Россией и имела уже в своих руках Москву, если шведы мечтали взять себе Новгород и шведский принц готовился быть Русским Государем, то чего бы должно было ожидать нам от Карла XII?

Граф Алексей Толстой, один из новых и талантливых наших писателей, написал в прошлом году замысловатую песенку о крутой соленой каше, заваренной Петром Первым, которую пришлось расхлебывать нам, его детушкам.

Правда, что каша, заваренная и замешанная Царем Петром Алексеевичем, крута и солона, но по крайней мере есть что хлебать, есть с чего сыту быть, а попадись Карл XII на какого-нибудь Федора или Ивана Алексеевича, так пришлось бы, может быть, детушкам надолго и зубы положить на полку. Правда, что крупа попалась в кашу и сорная, и затхлая, и прогорклая, но ведь она получалась в кормовой дворец из села Измайлова, села Преображенского и села Семеновского, а там лучше ее припасено не было! Кто же виноват?

Не только вопрос: Польше, Швеции или России принадлежит господство на Севере, но быть или не быть России на ту пору, зависел от того, кто на престоле русском будет встречать эту грозу, несущуюся с запада, в конце XVII и начале XVIII столетия.

Петр сделался не только основателем русской европейской державы, но и спасителем древней. Мы забыли теперь, кажется, это благодеяние Петра, и мне слишком прискорбно, в этом случае, как и при спорах о происхождении варягов Руси, быть свидетелем такого низкого уровня исторических сведений в обществе. Пусть скажут мне безусловные противники Петра, кого противопоставили бы они Карлу XII на полях пол-

тавских? Нет, некогда было ожидать тогда органического развития, а надо было спасать как-нибудь и во что бы ни стало. Петр спас древнюю Россию, вот мой *шестой тезис*.

VIII

Для спасения ее необходима была европейская реформа. Выбора не было. Это *седьмой тезис*.

Я приведу здесь в доказательство этого тезиса еще несколько слов из вышеупомянутой статьи моей о Петре Великом.

Петр преобразовал войско и обучил оное на европейский манер. Что же? Разве это было не необходимо? Ему надо было сражаться с европейскими врагами, со шведами, пруссаками, поляками или немцами, следовательно, их оружием, их приемами, их тактикой и стратегией: на ружье с обухом идти нельзя. Вопрос о преобразовании войска при Петре тесно связан с вопросом о безопасности и самобытности России. Решусь сказать даже вот что: если бы не было прежде Петра, мог ли бы Александр бороться с Наполеоном?

Петр преобразовал войско: не посоветуют ли Петру пощадить стрельцов? Я согласен, что в их истории есть несколько пиитических моментов, но оставить их на свободе после бунтов в пользу Софии и ее любимцев, готовых верить всякой лжи и проливать какую угодно кровь, оставить их с тем, чтоб из них, с первыми удачными опытами, сделались опричники или преторианцы, не подумаю ни на минуту, несмотря на их национальность.

Итак, преобразование войска, особенно для Петра, было необходимо, а с войском связаны рекрутские наборы и постои, и ревизии, и подушные деньги, и выписные иностранцы.

И начало этому преобразованию положено было гораздо прежде, чуть ли не со времен Бориса Годунова, которому служило уже много иностранцев, и служило с успехом, что продолжалось при Самозванце, при Михаиле и Алексее.

Учреждение флотов имело также свою необходимость, овладев приморскими берегами или думая овладеть ими, что-

бы не подвергаться беспрерывной опасности внезапного нападения, надо было позаботиться о средствах и мерах удержать их за собою, защитить, то есть должно было основать гавани, настроить кораблей, выучиться мореплаванию: выписать мастеров, послать путешественников в чужие края.

Не думаю я, чтобы кто-нибудь сказал еще, что вам не нужны были берега и Петр Первый должен был оставить их за шведами, поляками, турками: в таком случае вопрос о самом политическом существовании России подвергся бы сомнению, о существовании, без коего нельзя бы было теперь и рассуждать о действиях Петровых.

Скажут, жила Россия без берегов почти тысячу лет! Жила, пока все соседи заняты были дома, пока они оставались вдали от нее и не могли еще простирать на нее своих видов. Обстоятельства переменяются, теперь и Китай недалеко от Англии.

А покорение берегов, то есть присоединение Лифляндии, стоило Петру Великому двадцатилетней войны, которая была почти главной задачей всей его жизни, первой заботой от осады Нарвы до Ништатского мира и окончилась только за четыре года перед его кончиной. Сколько мер и распоряжений соединено было с этою тягостной и решительной войной? Впрочем, и эта мысль, мысль о покорении Лифляндии, досталась ему также по наследству от его предков, которые по какому-то удивительному предчувствию (заметному часто в истории государств и наук) были особенно ей привержены; припоминаю о двадцатилетней войне Иоанна Грозного, который только в очаровании своего болезненного страха уступил ее Баторию; припоминаю о глубокомысленных мерах и усилиях Бориса Годунова и, наконец, о походе в царствование Алексея Михайловича.

Следовательно, Петр Великий был здесь только деятельным, счастливым совершителем предприятия, замышленного, может быть, и без дальних видов, его предками.

Для войска, для флота нужны оружие, амуниция: станут ли осуждать Петра, что он заботился об учреждении фа-

брик и мануфактур, вызывал мастеров и давал им жалованье, должен был поощрять торговлю?

Итак, вопрос наш о преобразовании или принятии западного элемента получает теперь совсем иную форму, вот какую: могло ли необходимое столкновение, сближение России с Европой произойти иначе? Нельзя ли было взять в руки этот меч, обоюдоострый, осторожнее, ловчее, искуснее Петра Великого? Кто осмелится отвечать на такой вопрос? кто скажет: можно? Не знаю! По крайней мере, не я. Я не берусь ни за что на свете предложить другой план Полтавского сражения, другой проект Ништадтского мира.

Пусть выберут какой угодно год из жизни Петровой и скажут: Петр должен был поступить не так, как он поступил, а вот как. Пусть объяснят мне, какое национальное преобразование, какое органическое развитие можно вообразить в данных ему обстоятельствах!

Даже вопрос о бритье бороды и вопрос о немецком платье я не осмеливаюсь за Петрово время решить безусловно, так же как и о скорых мерах, жестокостях, казнях, кроме немногих случаев, где были виной более всего его темперамент и обстоятельства».

Да, Петр может сказать смело: еже сотворих, сотворих.

IX

Впрочем, многие его, по нашему и даже собственному его мнению, нововведения суть не что иное, как древние постановления, имеющие глубокий корень в русской почве, только в новых формах, с новыми именами. Это *восьмой тезис*. «Вот задача нашим ученым юристам: пусть они объяснят эту важную и занимательную часть русской истории. Тогда мы увидим, что Петр I был во многих случаях только великим исполнителем, довершителем, который в своей душе, в своем уме нашел запросы, содержавшиеся в его народе и естественных отношениях его государства к прочим, нашел, взалкал и решился удовлетворить их, разумеется, по личному своему

усмотрению. Тогда только, может быть, получим мы основательное право почтить одни учреждения и осудить другие, по примеру Карамзина, учреждения, к коим увлекся он, овладенный духом преобразования, ибо этот дух, как и всякий другой, может ослепить человека, породить пристрастие и возбудить желание разрушать все и переделывать, как дух войны гонит Суворова и Наполеона на поле битвы, и услужливо доказывает им ее необходимость, как дух системы в философии, или истории, или политике соединяет насильственно быти и ставит их под известным углом зрения».

X

Петр употреблял насилие, вводя свои преобразования, и передал эту систему основанному им Петербургу.

Это совершенно справедливо. Нет слов, которыми бы можно осудить достойно такую систему, но она бы <…> порядке или беспорядке человеческих и государственных вещей. Жалобы на Петербург я могу найти, выраженные почти одинаковыми словами (не странно ли это?) на Москву, в старых летописях. Прочие древние города так жаловались на Москву в ее время, как в петербургский период стали жаловаться на Петербург. Не прибегая ни к каким справкам, я приведу два-три места, кои подсказывает мне память: «О славнейший граде Пскове, великий во градех, но чтоб бо сетуеши и плачеши? И отвеща прекрасный град Псков: како ми не сетовати, или како ми не плакати и не скорбети своего опустения! И прилетел бо на мя многокрыльный орел, исполн крыл львовых когтей, и взять от меня три кедра ливанова, и красоту мою и богатство, и чада моя восхити, Богу попустившу за грехи наши, и землю пусту сотвориша, и град наш раззориша, и люди моя плениша, и торжища моя раскопаша; и отец и братию нашу разведоша, где не бывали отцы и деды, и прадеды наши, и матери и сестры наша, в поругание даша... Князь Великий... посади наместника во Псков... городничих и старость московских. А велел им правды стеречи. И у наместиков, и у их тиу-

нов, и у диаков Великаго Князя, а кривда в них нача ходити; и нача быти многая злая в них; быша не милостивы до Псковичь. *А Псковичи бедная не ведоша правды московския*. И дал Князь Великий свою грамоту уставную Псковичам, и послал
Князь Великий свою грамоту уставную Псковичам, и послал
Князь Великий на пригороды наместника; а велел им приводити к крестному целованию пригорожан; и начаша пригородские наместники пригорожаны торговати и продавати великим и злым умышлением, подметом и поклепом; и бысть людем велик налог тогда! И начаша Псковичем наместники силу творити велику; а приставы их начаша от поруки имати по 10 рублев, и по 7 рублев, и по 5 рублев; а Псковитин кто молвит: Великаго Князя грамотою почему от поруки имати велено? И они того убьют. И от их налогов и насильства многие разбегошася по чужим городам, пометав жен и детей».

А вот свидетельство из жития святого Сергия чудотворца по древним источникам: «Наста насилование много, сиречь княжение великое московское досталось Князю Великому Ивану Даниловичу, купно же досталось и княжение ростовское к Москве. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отеяся от них власть и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая... И послан бысть от Москвы на Ростов, аки некий воевода, един от вельмож именем Василий, прозвище Кочева, и с ним Миняй. Егда внидоста во град Ростов, тогда возложиста велику нужу на град, да и на вся живущее в нем, и немало их от Ростовец Москвичем имения своя с нужею отдаваху, а сами противу того раны на телесе своем с укоризною взимающе, и тщимя рукама отхожаху... И что подобает много глаголати! толико дерзновения над Ростовом содеяши, яко и самаго того епарха градскаго, старейшаго боярина ростовскаго, именем Аверкия, стремглав обесиша, и возложиша на ня руци своя, и оставиша поругана, точию жива, и бысть страх велик на всех слышащих. Сия не только во граде Ростове, но и во всех пределах его и во властех и в селех. И таковыя ради нужа, раб Божий Кирилл (отец св. Сергия), воздвижеся из веси оныя предреченныя ростовския,

и собрася со всем домом своим, и со всем родом своим, и преселися от Ростова в Радонеж».

Присоединим еще два слова из Софийского временника о Твери:

«Тогда же вси бояре приехаша тверские служити к Великому Князю на Москву, не терпяще обиды, занеже многи от Великаго Князя и от бояр обиды и от его детей боярских о землях, где межи сошлися с межами: где ни изобидят московские дети боярские, то пропало, а где тверичи изобидят, а то князь велики с поношением посылает и с грозами к тверскому, а ответом его веры не иметь, а суда не дасть».

Если б захватить еще подальше, то можно бы отыскать, прежде жалоб на Москву, жалобы на Владимир, муромские и рязанские и т. д.

В насилии, надо признаться, Москва, в свое время не уступала своему преемнику. Вспомним Иоанна III, который велел отсечь головы первому своему боярину и родственнику, квязю Патрикееву, вместе с его сыновьями, и князю Ряполовскому, сыну спасителя его жизни в детстве, не говоря уже о казнях новогородских. Вспомним Василия, который уморил многих своих родных, заточил Максима Грека, велел отрезать языки у своих порицателей и вместе был предан новым обычаям, привезенным в Москву Софииными греками, что замешали Русскую землю. Вспомним Борисово время, омраченное гнусными доносами. Не говорю уже о страшном правлении Иоанна Грозного, который душил без разбора правых и виноватых.

Странное явление представляют у нас исторические толки: в то время как чествуется этот изверг, поврежденный, вне всех человеческих вероятностей, мучимый какой-то сверхъестественной жаждой крови, не думавший ни о каких государственных целях при своих душегубствах, в то время осуждаются меры Петра, устремленные к спасению Отечества и вместе утвердившие вожделенную по этой системе власть. Новое доказательство, как не прочно у нас историческое образование, как мало распространены верные и здравые поня-

тия о лицах и вещах, как мы легкомысленно, опрометчиво и односторонне строим системы и теории, одна другой пустее и нелепее, перезабывая действительные события.

Насилие при Петре только что продолжалось, а не началось. Это *девятый тезис*. Он только что приложил эту систему пошире, подальше и посильнее, соответственно целям, при множестве своих дел и предприятий.

Да она и везде была одинакова, естественная система, необходимая ступень в развитии государств. Перескочить ее было нельзя, и никто не видел надобности в то время, а в наше время эта надобность обнаружилась, — ну вот теперь новое воочию и совершается!

XI

Нам остается говорить о личном характере Петра I. В последнее время легло на его память много темных пятен вследствие вновь открытых документов, принадлежавших до сих пор к государственным тайнам. Еще Пушкин, начав заниматься собиранием материалов для истории Петра, говорил мне, что при ближайшем знакомстве Петр теряет, а Екатерина выигрывает. Положим, что все это так, но для произнесения приговора Петру в этом отношении надо иметь в виду его время и твердо помнить Тацитово различие между vitia hominis и vitia saeculi; надо внимательно рассматривать обстоятельста, в каких Петр действовал. Это *десятый тезис.*

Петр был деспот в том смысле, что он чувствовал свое превосходство и знал свою силу. К этому прибавить должно, что он в самом начале своей жизни увидел русское правительство с дурной его стороны, возненавидел тогдашние распорядки, известные ему по одним его окружениям, почувствовал презрение к образу жизни, и в особенности боярскому тунеядству. Он увидел другое между иностранцами, услышал чудеса от них о Европе, познакомился с нею сам, своими глазами, и определил свою цель. С железной своей волею он принялся ломать. Все препятствия должны были пасть перед

его волею: жена, сын, сестры, родственники и любимцы. Он был жесток, неумолим, бесчеловечен в этих случаях, казнил без милосердия, одним словом, Петр являлся ужасным тираном, и мы должны благословлять время, когда подобный образ действия не только делается невозможным, но и подвергается безусловному, общему осуждению.

В оправдание, очень слабое, можно сказать, что противная сторона, со стрельцами, взяв верх, не оказалась бы мягкосердечнее, как для него, так и для всей его компании.

По розыску Алексееву ясно видно, что Петру, его любимцам и сотрудникам, грозили великие опасности; он хотел предупредить их, застраховать свое создание и, разумеется, в средствах нечего искать у него разборчивости.

Что сказать об его оргиях? Проведя день в беспрерывной работе, с утомленным вниманием, переделав тысячу дел самых разнообразных в продолжение пятнадцати часов, Петрова атлетическая натура имела нужду в особого рода отдыхе, развлечении, о коем мы, с нашими головными болями, слабостью желудка, страхом от подагры и хирагры, с нашими тиками и ревматизмами, и понятий иметь не можем. Присоедините его темперамент, его силу, его рост. Впрочем, кощунство его, спору нет, противно, хотя и тут часто имел он политические цели, очень уважительные.

Всех основательнее и глубже судил о Петре все-таки Карамзин, которого наше легкомысленное невежество, боящееся его ладона, не перестает поносить. Указываем на его записку «О Древней и Новой России», к удивлению и сожалению, до сих пор еще не напечатанную вполне.

XII

Осуждая Петра за его действия, противники, тем недовольные, взыскивают с него за весь петербургский так называемый период, как мы заметили выше. Это в высшей степени несправедливо. Внимательные исследователи замечают в самом Петре, в последние годы, значительное изменение

в образе действий. Пожив долее, успокоясь, утвердясь, он, может быть, повел бы дело иначе и сам исправил бы некоторые свои ошибки. Но, повторяю, об этом говорить нечего. Довольно сказать, что за преемников он не отвечает: это *одиннадцатый тезис*. Они могли уничтожить все вредное по усмотрению. Так, например, Анна уничтожила же майорат. Майорат, учреждение, не согласное с духом народа, несогласное с преданиями, историей — вот оно и не удержалось, а прочее, видно, пришлось ко двору.

Мы скажем здесь, кстати, несколько слов о петербургском периоде. Ужасные страницы представляет он: подражатели доходили часто до крайностей, как случается с подражателями во всех сферах. Но нельзя же не сознаться, что этот период имеет много блистательных страниц. Он может выставить несколько славных личностей, которые имеют полное право на почетное место в пантеонах *Русской Истории*. Мы припомним здесь только, что указ об основании Московского Университета в 1755 году последовал из Петербурга, что Петербург возвратил России западные ее области, потерянные Москвою: Белоруссию, Волынь, Подолию и часть Малороссии, что Петербург приобрел южную Новороссию с Крымом, утвердил владычество за Кавказом и в устье Амура, на берегах Восточного океана, что Петербург провозгласил свободу крестьян, закабаленных в продолжение московского периода; что Петербургу принадлежат Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Державин, Дмитриев, Хемницер, Богданович, Фон-Визин, Озеров, Крылов, Пушкин, Лермонтов; что в Петербурге напечатана *«История государства Российского»* Карамзина.

Нет, двухсот лет с этими событиями, с этими именами из истории вычеркнуть, исключить нельзя.

Петербургская система началась в Москве и была только повершена и увенчана Петром. Она имела свою историческую необходимость, как мы старались доказать. Время оказало над нею, дошедшею до крайности, свое разрушительное действие. Она износилась, обветшала, точно так же как обветшала древ-

няя московская система в известном отношении перед временем Петра, точно как обветшала удельная система перед временем Москвы, точно как обветшала древняя патриархальная система перед призванием Рюрика.

Петербургская система отжила свой век — и вот новые учреждения, получаемые нами с каждым днем, за кои, кроме их творцов, мы должны благодарить все-таки Петра Великого, ибо с ядом — допустим это слово в угоду безусловных поклонников национальности — он дал и противоядие, то есть средства к образованию и самосознанию.

Девятнадцатым февраля, что бы кто ни говорил, Петербург начал новую эру в русской истории.

Теперь мы должны благодарить Бога, что так или иначе совершаются те дела, кои призывали мы столько лет, от молодых ногтей до седых волос, всею силою своей души. Исправление, улучшение, усовершенствование зависит от времени и от нас самих гораздо больше, чем зависело от нас начало, за которое денно и нощно мы должны благодарить царствующего ныне Государя.

Петр Великий, находясь в особых, исключительных обстоятельствах, не имея времени и возможности действовать осмотрительно, открыл слишком свободный доступ иностранным элементам: надо заботиться об их уравновешении. Увлекаемый духом преобразования, он стер некоторые черты: надо стараться об их возобновлении. Петр уничтожил некоторые национальные учреждения в жертву необходимой для него централизации — надо пещись об их возобновлении. Вообще поступать должно не с голосу, не произвольно, не насильственно, как делалось часто прежде, осторожнее, скромнее, тише, наконец разумнее, соответственнее с историей, с народным духом и характером, обычаем, языком, преданием, почтительнее к прошедшему, то есть, удерживая из Петровой реформы все дельное и доброе, мы должны присоединить к тому, восстановить все годное из народной жизни древней, средней и новой, сколько ее осталось или сохранилось. Вот и все, к чему ведут нас обстоятельства, чего ожидает от нас

время! Петров скачок вы осуждаете; так зачем же хотите скакать сами. Ведь это противоречие.

Для достижения вышеупомянутой цели советуют еще сливаться с народом.

Мне кажется, в этом изречении играют слишком большую роль слова. Нужно было бы объяснить слияние с народом: в чем состоит оно?

Отпустить бороду, надеть зипун, обуться в лапти, приняться даже за соху ровно ничего не значит: от этого не произойдет никакой пользы ни для нас, ни для народа, ни для общего дела.

Мы должны изучать старину, трудиться над ее вразумлением, принимать к соображению ее опыты, пользоваться ее указаниями, развивать ее добрые семена, заглохшие в период петербургский, присматриваться к народу, прислушиваться, наблюдать все его движения, знакомиться со всеми его приемами, изучать его привычки, взгляды и на основании всех этих данных вести его дальше вперед, учить, воспитывать, а без нас он ничего не сделает или сделает очень мало, как то было и доселе.

В чем же иначе полагать можно слияние с народом? Очень был бы я благодарен, если бы кто-нибудь разрешил мое недоумение.

XIII

Признавая необходимость, законность и разумность Петровой европейской реформы, должно отдавать справедливость и древней русской истории. Отчаянные западники (впрочем, таких осталось немного) не допускают ничего хорошего в древней русской истории, так как и вообще в русской жизни. Этим господам, как я писал когда-то, становится больно, дурно, тошно, если кто-нибудь укажет там добрую сторону; похвалою ей, самою частою, самою условною наносится им тяжкое личное оскорбление; это их несчастье.

Здесь я могу сослаться на давнишнюю свою статью, напечатанную лет двадцать тому назад, в начале войны между

славянофилами и западниками. Отстаивая Петра пред первыми, я должен был сражаться за древнюю историю с последними. Чрез двадцать лет приходится доказывать то же, впрочем, с лучшею надеждой на успех, потому что большинство порядочных людей соглашается ныне с основаниями, здесь изложенными.

«В № 25 "*Московских ведомостей*" (1845) помещена статья под заглавием "Бретань и ее жители", статья, прекрасно написанная, ясная, легкая, живая — я прочел ее с большим удовольствием. Но мое удовольствие было не без примеси: автор, воздавая хвалу западным хроникам средних веков, рассудил почему-то бросить тень на наши и как будто с состраданием произнес, что средний век не существовал для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него…

В 1830-х годах, излагая в одном из журналов того времени систему "*Европейской истории*" Гизо, только что появившуюся у нас, я имел честь заметить знаменитому профессору об его односторонности и сказать, что историю Запада нельзя вразуметь вполне, не обращая внимания на другую половину Европы, на историю Востока, шедшего с ним параллельно, Востока, который представляет значительные для науки видоизменения всех западных учреждений и явлений: точно так натуралист должен исследовать все произведения, все виды, принадлежащие к одному классу, если хочет составить себе полное основательное понятие об этом классе…

Не думал я, чтобы через пятнадцать лет, когда наука ступила столько шагов вперед, после того как издано в свете столько свидетельств, доведших эту мысль до очевидной убедительности, пришлось мне повторить тот же упрек своему соотечественнику, который, увеличив сверх меры ошибку, не может даже привести и оправданий Гизо…

Не странно ли в самом деле, чтобы в то время, когда одна археографическая комиссия издала томов двадцать древних документов, не говоря о частных трудах, не странно ли встретить, даже в образованном классе, людей

столько запоздалых, столько отсталых или столько ослепленных, которые, имея пред своими глазами Петрову Россию, могут смело, не запинаясь, выговаривать, что этот колосс, готовый и вооруженный, произошел из ничего, без всякого предварительного приуготовления, без среднего века, — людей, которые не хотят даже слушать другой стороны, старающейся понять, объяснить это всемирное историческое явление, отыскать его причины, ближние и дальние, его постепенности, — людей, которые решились с непонятным упорством коснеть в своем непростительном неведении и даже распространять свое мнение, которые просто затыкают себе уши, зажмуривают себе глаза, восклицая с Чванкиной Княжнина:

Хоть вижу, да не верю!

Средний век у нас был, скажу я неизвестному автору, был, как и в Западной Европе, но только под другой формой; тот же процесс у нас совершался, как и там; те же задачи разрешались, только посредством других приемов; те же цели достигались, только другими путями. Это различие и составляет собственно занимательность, важность русской истории для мыслящего европейского историка и философа. И у нас было введено христианство, только иначе, мирно и спокойно, с крестом, а не с мечом; и мы начали молиться единому Богу, но на своем языке, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у нас образовалось духовенство, но духовное, а не мирское; и мы преклонялись пред ним, но пред его словом и убеждением, а не властью. В политическом отношении было также разделение, междоусобная война, централизация, единодержавие. У нас не было, правда, западного безземельного рабства, не было пролетариев, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиции, не было феодального тиранства, зато было значительное самоуправление, патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владение, была мирская сходка: одним

словом, в среднем веке было у нас то, о чем так старался Запад уже в новом, не успел еще в новейшем и едва ли может успеть в будущем. Мы явили свои добродетели и свои подвиги, мы имели свои прекрасные моменты, мы можем указать на своих великих людей…

Но довольно! Доказывать, что русская история имела свой средний век не значит ли доказывать, что белокурый может также называться человеком, как и черноволосый? Не значит ли доказывать, что между всякими двумя краями всегда бывает середина?..

Неизвестный автор не может уклониться от моего обвинения тем, что он отрицал существование на Руси только западного среднего века, — не может, ибо об этом говорить нечего. Разве нужно сказывать, разве нужно кому-нибудь напоминать, что на Руси не было, например, Парижа или Лондона? Это знает всякий, и не будет спорить никто. У нас, разумеется, не было Парижа, но была Москва; у нас не было западного среднего века, но был восточный, русский, — что и хотел я доказать, довести до сведения автора и его читателей, а может быть, и последователей…

Петр Великий, по необходимости, вследствие естественных географических отношений России к Европе, должен был остановить народное развитие и дать ему на время другое направление. Кто из вас не воздает должной чести этому необыкновенному гению, кто не удивляется его беспримерным трудам, кто не ценит его спасительных подвигов, кто, наконец, не благоговеет пред его любовью к Отечеству?..

Но прошло уже с лишком сто лет, как он скончался, и с лишком полтораста, как он начал действовать, а новое время идет быстрее древнего. Период Петров оканчивается: главнейшая цель его достигнута, то есть северные враги наши смирены, Россия заняла почетное место в политической системе государств европейских, приняла в свои руки европейское оружие и привыкла обращать оное с достаточной ловкостью, может по усмотрению употреблять все европейские средства и пособия для дальнейшего развития своей

собственной, на время замиравшей жизни, во всех ее отраслях. Занимается заря новой эры: русские начинают припоминать себя и уразумевать требования своего времени; для избранных становится тяжким иностранное иго, умственное и ученое; они убеждаются, что, склоняясь под оным, они не могут произвести ничего самобытного, что чужеземные семена не принимаются, не пускают корней или производят один пустоцвет; они убеждаются, что для собрания собственной богатой жатвы нельзя поступать иначе, как возделывать свою землю, то есть разрабатывать свой язык, углубляться в свою историю, изучать характер, проникать дух своего народа, во всех сокровенных тайниках его сердца, на всех горних высотах его души, одним словом, познавать самих себя. Они убеждаются, что настало время испытывать свои силы — и блестящий успех вознаграждает некоторые усилия!..

Время безусловного поклонения Западу миновалось, разве от лица людей запоздалых, которые не успели еще доучить старого курса, между тем как начался уже новый. Им можно посоветовать, чтоб они постарались догнать уходящих и стать наравне со своим веком, в чувствах уважения к самобытности, следовательно, своенародности и, следовательно, старины…

Только таким образом продолжу я им наставление, можем мы исполнить ожидания самой Европы, ожидания всех друзей общего блага, только таким образом можем мы исполнить свои человеческие обязанности. Мы должны явиться на европейской сцене, стану употреблять их любимые выражения, своеобразными индивидуумами, а не безжизненными автоматами; мы должны показать там свои лица, а не мертвенные дагерротипы каких-то западных идеалов. Своим голосом должны мы произнести наше имя, своим языком должны мы сказать наше дело, а не на чуждом жаргоне, переводя из немецкого компендиума и французской хрестоматии; наконец, посредством своих мотивов мы должны выразить наш пафос: иначе нас не примет наша старшая братия; с презрением, или много-много со состраданием, они отвра-

тят взоры от жалких подражателей, которые тем несчастнее, чем кажутся себе счастливее. В гармонии не допускаются отголоски, даже самые верные, не только фальшивые, а одни самобытные звуки…

Оставив шутки, я должен заключить это объяснение о том, как понимаю я и некоторые друзья мои наше время касательно науки, какими представляются нам наши обязанности, наши отношения к ученой Европе и Отечеству, — заключить ответом на литературные клеветы, взводимые на нас с самых первых номеров "Москвитянина", то есть с 1841 года…

На нас разносят клевету, будто мы не уважаем Запада. Нет, мы не уступим нашим противникам в этом чувстве уважения; мы изучали Запад, по крайней мере, не менее их; мы дорого ценим услуги, оказанные им человечеству; мы свято чтим тяжелые опыты, перенесенные им для общего блага; мы питаем глубокую благодарность за спасительные указания, которые сделал он своим собратьям; мы сочувствуем всему прекрасному, высокому, чистому, где бы оно ни проявлялось, на западе и востоке, севере и юге, — но мы утверждаем, что старых опытов повторять не нужно, что указаниями пользоваться должно, что не все чужое прекрасно, что время показало на Западе многие существенные недостатки, что, наконец, мы должны иметь собственный взгляд на вещи, а не смотреть по-прежнему глазами французов, англичан, итальянцев, пруссаков, австрийцев, баварцев, венгерцев и турок. Ясно ли теперь для читателей, что эту клевету разносят на нас напрасно!..

Напрасно разносят на нас еще клевету, что мы хотим воздвигнуть из могилы мертвый труп. Мертвый труп противен нам, может быть, более, нежели кому иному. Нет, душа бессмертная, которая обитала в этом трупе, привлекает наше внимание, возбуждает наше благоговение. И в каком западном просвещенном государстве, в каком немецком университете, давно ли, изучение древности, даже мексиканской, эфиопской, стало награждаться подобной насмешкой, называться намерением воскрешать мертвецов?..

Напрасно взводят на нас клевету, будто мы поклоняемся нечестиво неподвижной старине. Нет, неподвижность старины нам противна столько же, как и бессмысленное шатание новизны. Нет, не неподвижность, а вечное начало, русский дух, веющий нам из заветных недр этой старины, мы чтим богобоязненно и усердно молимся, чтоб он никогда не покидал Святой Руси, ибо только на этом краеугольном камне она могла стоять прежде и пройти все опасности, поддерживается теперь и будет стоять долго, если Богу угодно ее бытие. Старина драгоценна нам, как родимая почва, которая упитана, не скажу кровью —кровью упитана западная земля, — но слезами наших предков, перетерпевших и варягов, и татар, и литву, и жестокости Иоанна Грозного, и революцию Петра Великого, и нашествие двадесяти языков, и наваждение легионов духов в сладкой, может быть, надежде, что отдаленные потомки вкусят от плода их трудной жизни, а мы, несмысленные, мы хотим только плясать на их священных могилах, радуемся всякому пустому поводу, ищем всякого предлога, даже несправедливого, наругаться над их памятью, забывая пример нечестивого Хама, пораженного на веки веков, в лице всего потомства, за свое легкомыслие…

Неизвестный автор статьи о Бретани, которая подала мне повод выразить теперь свое мнение, бросил также, может быть нечаянно, камень в древнюю нашу историю, сказав с насмешкою, что “мы хоть недавно, но решительно распростились со своей неподвижной стариной, с безвыходным застоем кошихинской эпохи и благодаря Богу и Петру Великому пошли вперед путем обновленной жизни и многосторонней деятельности”.

Благодарю за выбор представителя!..

Избави нас, Боже, от застоя кошихинской эпохи, но и сохраните нас, высшие силы, от кошихинского прогресса, — прогресса Кошихина, который изменил своему отечеству, отрекся от своей веры, переменил свое имя, отказался от своего семейства, бросил своих детей, женился на двух женах и кончил свою несчастную жизнь от руки тех же иноплеменников,

достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!..»

Заключу длинную статью общим местом: крайности никуда не годятся; с западной ли стороны упасть в пропасть нигилизма или с восточной — все равно: прямая дорога посередине.

Воспоминания о Ломоносове

(в торжественном столетнем собрании Московского Университета, 12 января 1855 года)

Есть имя, которому Университет Московский, празднуя свое столетие, обязан в особенности воздать торжественно подобающую честь. Это первоначальник отечественной науки, славный сеятель просвещения, естествоиспытатель, химик, физик, географ, металлург, историк, филолог, прозаик, поэт — тот, кто в умственной области поднял один на могучие плечи свои преобразовательное дело Петра Великого, кто посвятил всю жизнь свою наукам, боролся до последнего истощения сил с их противниками, защищал их святое дело перед кем было нужно, употреблял все усилия для распространения их в Отечестве, возделывал одинаково все отрасли знания, везде оказал блистательные успехи и сделал славные открытия, везде представил образцы и указал путь надолго своим преемникам, дал почувствовать впервые прелесть родного языка, извлек из него неслыханные дотоле звуки, открыл новый мир наслаждений высоких и прекрасных, привел в восторг несколько поколений и повел этот славный хор деятелей мысли и слова, которыми гордится по праву Отечество, которые составляют чистейшую его славу, — тот, наконец, кому принадлежит начальный чертеж Московского Университета, кто обрадовался прежде всех высокой радостью его благодетельному для Отечества учреждению, кто доставил ему первых наставников русских, своих воспитанников, на-

ших прародителей, кто предсказал его будущую — теперь уже настоящую славу…

Милостивые государи! Это имя перелетает уже верно по вашим устам, и сердце ваше благоговейно бьется в нетерпеливом ожидании, чтоб я прекратил скорее исчисление заслуг и достоинств, действительно бесчисленных, и произнес скорее, во всеуслышание, это славное, это драгоценное, это священное в отечественных летописях имя, которым лучше, яснее и сильнее выразится все мною сказанное и не сказанное, — несказанное.

Ломоносову, Ломоносову должны мы ныне воздать подобающую ему честь!

* * *

Ломоносов принадлежит всей России, всему Отечеству, но в особенности принадлежит он Петербургской Академии наук, где он служил, и Московскому Университету, в основании которого принимал деятельное, непосредственное участие.

Есть еще живая, родственная связь между Ломоносовым и Университетом — настоящее русское слово, которое он установил, которое возделать и возрастить досталось после него Московскому Университету.

От лица Академии и Университета, принадлежа им вместе, буду я говорить о знаменитейшем Русском Академике и Русском Профессоре.

Мы все знаем наизусть жизнь Ломоносова, но есть какое-то особенное удовольствие припомнить ее всем вместе, здесь, в стенах Московского Университета, на светлом празднике науки, пред лицом достойнейших ее представителей и почитателей, — есть какое-то особенное удовольствие повторить в мыслях последовательно все степени восхождения великого мужа от силы в силу, принять участие биением своего сердца во всех ее превратностях и в заключение единодушно и единогласно принести усердную, искреннюю,

глубокую дань хвалы и благодарности ему, общему нашему отцу и первоначальнику.

Назидательную картину открывает нам жизнь Ломоносова, представляя его в борьбе со всеми возможными препятствиями на пути, и с полною победою, хотя прибавим с глубоким вздохом, и после смерти. Это вместе и чудная картина, — одно из самых разительных явлений в нашей истории, обильной чудесами!

Кому могло впасть на ум, кто мог когда-нибудь вообразить, чтоб продолжать дело Петрово в области самой высокой, преобразовать родной язык и посадить европейскую науку на русской почве предоставлено было судьбою простому крестьянину, который родился в курной избе, там, там, далеко, в стране снегов и метелей, у края обитаемой земли, на берегах Белого моря; который до семнадцатилетнего возраста занимался постоянно одной рыбной ловлей, увлекся на несколько времени в недра злейшего раскола и был почти сговорен уже с невестою из соседней деревни!

Даровитый юноша, плавая по открытому морю, в утлом челне, сам-друг с отцом, даже до близости к полюсу, видя звездное небо, расстилавшееся по долгим северным ночам необозримым шатром над его головою, озаряясь внезапно северными сияниями, подвергаясь беспрерывным опасностям бурь и ветров, находясь часто в близком соприкосновении со смертью, даровитый юноша начал рано, без сомнения, волноваться сердцем, рано все умственные способности его пришли в движение, и в восприимчивой душе его, поражавшейся беспрестанно чудными явлениями окружающей природы, возбудилось любопытство, возникли плодотворные вопросы: от чего, для чего, почему? Рано послышался ему внутренний, таинственный голос:

Отрок! Оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник Царям.

Не станем входить теперь в исследование его стремления, почти непостижимого, и перескажем главные события его жизни в последовательном порядке.

* * *

Ломоносов выучился грамоте украдкой от злой мачехи у сельского дьячка. Случайно увидел он у соседа две книги: «Грамматику» М. Смотрицкого и «Арифметику» Л. Магницкого; принялся читать их и перечитывать с глубочайшим вниманием, и хотя не мог вразуметь вполне без руководства, но получил понятие о каких-то правилах. Он назвал после эти книги вратами своей учености, но самое сильное действие произвела на него псалтырь Симеона Полоцкого, переложенная в стихи. Воображение его было так поражено симфонией рифм и единомерностью слогов, что искусство стихотворное представилось сверхъестественным даром. Он спрашивал, кто этот Симеон Полоцкий и где можно научиться его очаровательному искусству. Симеона Полоцкого нет уже на свете, получил он себе в ответ, искусству его научиться нигде нельзя, кроме Москвы и Киева, а источник всех знаний заключается в латинском языке.

И семнадцатилетний рыбак, среди приготовлений к своей свадьбе, решился бежать из отеческого дома, достичь Москвы, во что бы то ни стало, и предаться там учению…

Через его деревню проходит обоз с мороженою рыбой. Ломоносов вздумал к нему пристать, чтоб вернее и безопаснее совершить вместе дальний и неизвестный путь. Следующей ночью, когда все в доме спали, встал он, оделся в нагольный тулуп и с двумя книгами, единственными своими драгоценностями, пустился догонять будущих своих путеводителей. Бежа без отдыха, он догнал их уже на третий день, в осьмидесяти верстах от дому, и выпросил у приказчика позволения ему сопутствовать.

Тысячу верст прошел он с обозом пешком, терпя голод и холод, — и вот, через три недели такого трудного странствования, засветились пред ним золотые главы белокаменной Москвы.

Как забилось его юное, пылкое сердце! Он достиг своей цели, он в Москве, он счастлив!

Обоз остановился ночевать на торговой площади. Ломоносов, утомленный дорогой, взволнованный разнообразными чувствами, погрузился в глубокий сон под открытым небом, в морозную ночь, на возу с рыбою.

Золотые сны представились, верно, его юному, пылкому воображению!

Миновала ночь. Рассветает. Нетерпеливый юноша проснулся прежде всех — и золотые сны сменились ужасной действительностью. Он опомнился и увидел всю беспомощность своего положения. Куда ему деться, к кому обратиться? Он никого не знает, и у него ничего нет. Несчастный облился горькими слезами, пал на колено и, обращая глаза к ближней церкви, молил Бога, чтоб его призрел и помиловал.

Горячая молитва была услышана!

Начинает народ собираться на площадь. Приходит какой-то дворецкий к обозу, родом из их стороны, узнает о намерениях молодого человека и приглашает жить пока у себя с дворовыми людьми.

У дворецкого был знакомый монах в Заиконоспасском монастыре, при котором находилась Славяно-греко-латинская академия. К нему обратился добрый человек с просьбой поместить земляка в училище. Монах взялся хлопотать, но встретилось тотчас затруднение: в училище не принимались состоявшие в подушном окладе; смелый Ломоносов назвался дворянином и был принят, оставаясь в услужении у монаха.

На осьмнадцатом году отроду садится он за латинскую азбуку. Семинаристы смеются над ним, указывая пальцами: вот какой болван пришел учиться по-латыни. Но этот болван молчит, сидит, твердит склонения, твердит спряжения, учит

синтаксис и через год приобретает такие познания в латинском языке, что сочиняет краткие стихи. Он начинает учиться по-гречески, получает доступ к семинарской библиотеке и перечитывает в свободное от классов время все бывшие там книги, богословские, философские, исторические. Три копейки получал он в день жалованья, из коих одну денежку употреблял, по собственным словам его, на хлеб, другую на квас, а остальные на бумагу, обувь и другие потребности.

Наконец попадаются ему некоторые книги физические и математические, которые привлекают его внимание, занимают его гораздо более богословской схоластики и возобновляют в душе его прежние вопросы с большею силою. Но разрешить их в Академии было некому, и он испрашивает позволения отправиться в Киев, откуда были родом все московские учителя, надеясь там удовлетворить свое ненасытное любопытство.

В Киеве господствуют одни словопрения из непонятной Аристотелевой философии, и он, пробыв там меньше года, возвращается в Москву в 1734 году.

К счастью его, поступает в Заиконоспасское училище из Петербургской Академии наук требование прислать несколько семинаристов, знающих латинский язык, для занятия физикою и математикою у тамошних профессоров. Какого случая желать ему лучше? Он приступает к ректору с просьбой об отправлении его в Петербург. Прежние затруднения возобновились. Знаменитый Феофан Прокопович, архиепископ Новогородский, советник Петра Великого, берет его под свое покровительство. Отличные люди узнают скоро друг друга и любят подавать себе взаимную помощь. Не бойся ничего, сказал Феофан Ломоносову, хотя б со звоном в большой соборной колокол объявляли тебя самозванцем, я твой защитник! При его содействии Ломоносов был отправлен в Петербургскую Академию наук. Ему было уже 24 года.

В Петербурге с одинаким рвением принялся он за немецкий язык и естественные науки. В короткое время, при

своих приготовительных знаниях, он оказал такие успехи, что академическое начальство решило для усовершенствования послать его в чужие края, в конце 1736 года, — и вот он в Марбурге на лекциях у славного философа и математика того времени, ученика Лейбницева, Вольфа.

Здесь открылся для его любознательности новый мир. С лекции на лекцию, из беседы в беседу, от книге к книге он хватал познания жадным умом своим, слушал, смотрел, наблюдал, читал, расспрашивал, беседовал, рассуждал.

Пять лет прожил он в Германии и, благодаря гениальным своим способностям, трудолюбию и деятельности, узнал все, что узнать было можно, овладел современной наукой и почувствовал, что может сам идти еще далее по узнанному пути, может повезти за собой своих соотечественников, может учредить науку в России, в любезном своем Отечестве.

В свободное от важных, трудных занятий время, как бы для отдохновения, он любил заниматься изящной словесностью, слушал песни, читал немецкие стихотворения, особенно Гюнтеровы, и возымел мысль подражать ему на русском языке, его размером, тоническим, а не силлабическим, какой употреблялся дотоле в нашем стихосложении.

Первым его опытом был перевод Фенелоновой оды, которую теперь только что открыла наша Академия и принесла в дар Университету. За переводом последовала в 1739 году ода на взятие Хотига, которая до сих пор считается исходной точкой русской словесности:

Восторг внезапный ум пленил.
Ведет на верх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл,
В долине тишина глубокой.

В Петербурге все ученые и не ученые удивились новому языку, читали и перечитывали оду и не верили ушам своим, тот ли употреблен был поэтом язык, которым все они говорили и писали. При дворе императрицы Анны ода про-

извела неописанное действие. И не могло быть иначе — ломоносовский язык, в сравнении с языком его современников, например Кантемира, Тредьяковского, представляет чудное явление, какого не имеет ни одна европейская словесность, древняя и новая*.

Между тем, живя в Германии, получая беспорядочно жалованье, женившись по любви на дочери своего хозяина в Марбурге, не имея средств содержать семейство, может быть, не умея соразмерять свои расходы с приходами, Ломоносов впал в неоплатные долги, обнищал и дошел до отчаянного положения. В крайности решился он уйти тайно в Россию, оставив семейство в Марбурге.

На пути в Голландию он попался, было, к прусским вербовщикам, которые насильно надели на него военный мундир, и только благодаря своей смелости, предприимчивости, присутствию духа, он успел спастись и избегнуть погони из крепости, где раздался уже выстрел, возвещавший его бегство.

Судьба хранила его для великих дел, для славы России!

Плывя на корабле по Балтийскому морю, он увидал сон знаменательный, служащий доказательством сил еще неизведанных души вообще, и его чуткой, вещей души в особенности.

Он увидал во сне бурю, крушение и тело потонувшего отца, выброшенное на пустынный, необитаемый остров. Сон встревожил Ломоносова, и первою заботою его по возвращении в Петербург было наведаться об отце. Ему отвечали, что

---

* ***Кантемир**, 1730 года*
В послании к Феофану

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоин ты славы:
Да почто ж было имя укрывати?
Знать страшны тебе сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы, ты блажен трикраты.
Благо, что дал Бог ум тебе столь здравый;
Пусть весь мир будет на тебя гневливый,
Ты и без счастия довольно счастливый.

Тредьяковский
В оде 1734 года

Кое странное пианство
К пению мой глас бодрить?
Вы, Парнасское убранство,
Музы, ум не вас ли зрит?
Струны ваши сладкогласны,
Меру, лики слышу красны,
Пламень в мыслях возстает, —
и проч.

отец его еще осенью отправился на рыбную ловлю и с тех пор не возвращался, почему и полагают дома, что с ним случилось несчастье. Ломоносов описывает по памяти остров, виденный им во сне, со всеми признаками и во всех подробностях, и рыбаки отыскивают его по описанию, находят там тело отца и предают земле. Сообщенное известие успокоило Ломоносова, который до тех пор был снедаем какою-то тайною печалью и теперь обратился к своим занятиям с прежним рвением.

Начинается новый период в жизни Ломоносова.

Прежде всего, на него возложено было приведение в порядок минералогического музея в Академии, за которое получил он звание адъюнкта.

Первые годы употреблены были на приготовительные занятия по любимым его наукам, преимущественно химии; он начал читать лекции, устроил лаборатории, произвел множество опытов, — между тем сочинил новую оду на возвращение императрицы Елизаветы из Москвы после коронации, оду, которая и по предмету, и по красоте языка, и по искусству стихосложения, принята была еще с большим восхищением, нежели первая.

Шувалов, принявший Ломоносова под свое покровительство, советовал ему, для высшего успеха в словесности, оставить упражнения в физике и химии. Ломоносов отвечал, что «в том нет ни нужды, ни возможности, по причине его пристрастия к сим наукам, и что они ежедневно служат ему вместо успокоения. Потерять бесплодно все мои великие химические труды, в которых я три года упражнялся, будет мне несносное мучение».

В 1746 году начальство Академии удостоверилось в его познаниях и трудах. Ломоносов был облечен званием профессора химии, и с этого почти времени начинается издание и обнародование его знаменитых трудов, следовавших одни за другими с изумительной быстротой.

В 1748 году издал он Риторику.

1749 — Похвальное слово императрице Елизавете.

1751 — Слово о пользе Химии.

1752 — Послание о пользе стекла. К этому же году относится и учреждение им мозаической фабрики.

1753 — Рассуждение об электричестве.

1754 — Русская Грамматика. В том же году написал он Русскую Историю до кончины Ярослава и кончил мозаическую картину Полтавского сражения.

1755 — Похвальное слово императору Петру Великому.

1756 — Слово о происхождении света.

1757 — Слово о рождении металлов.

1758 — Собрание сочинений.

1759 — Рассуждение о большей точности морского пути.

1760 — Две песни героической поэмы «Петр Великий» и краткий Русский летописец.

1761 — Наблюдение над прохождением Венеры и рассуждение о разных предметах государственного управления.

1762 — Проект о возможности от о. Шпицбергена проехать по Северному океану в Восточное море.

1763 — Металлургию.

1764 — трагедии: «Демофонт» и «Тамира и Селим».

1765, апреля 4, скончался.

Великолепный список!

Вы можете судить сами, милостивые государи, сколько трудов надо было положить на каждое из этих сочинений, и могли ли они ограничиться только годом их издания. Приведу вам в пример: «Грамматику», первую русскую грамматику, где Ломоносов должен был сотворить все, отыскать правила, привести их в порядок, проверить одни за другими, подтвердить доказательствами, собрать исключения.

Риторику, где он должен был найти примеры в языках древних и новых, перевести их на русский язык и направить к своей цели.

Русскую Историю, где он должен был перечесть источники, сравнить между собой, вывести заключения и придумать особый слог.

Похвальные слова, где он употребил также новый язык и где каждый период требовал труда на свое построение.

Напомню вам начало слова в честь основательницы Московского Университета, императрицы Елизаветы, чтобы дать понятие о гармонии его языка:

«Если бы в сей пресветлый праздник, слушатели, в который под благословенною державою Всемилостивейшия Государыни нашея, покоящиеся многочисленные народы торжествуют, и веселятся о преславном Ея на Всероссийский престол возшествии, возможно было нам радостию восхищенным вознестись до высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать от восходящего до заходящего солнца безприрывно простирающияся восклицания и воздух наполняющия именованием Елизаветы; коль красное, коль великолепное, коль радостное позорище нам бы открылось? Коль многоразличными празднующих видами дух бы наш возвеселился, когда бы мы себе чувствами представили, что во градех, крепче миром, нежели стенами огражденных, в селах плодородием благословенных, при морях от военной бури и шума свободных, на реках изобилием протекающих между веселящимися берегами, в полях довольством и безопасностью украшенных, на горах верхи свои благополучием выше возносящих, и на холмах радостью препоясанных, разные обитатели разными образы, разные чины разным великолепием, разные племена разными языками едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею Самодержавицею хвалятся».

А рассуждения, относящиеся к естественным наукам, имевшие судьями весь ученый европейский мир? Сколько опытов предполагалось каждым из них? Мне довольно приве-

сти о них слова одного из достойнейших наших ученых: «Рассуждения Ломоносова свидетельствуют об его глубоких сведениях в науках естественных и представляют открытия, коим Европа удивлялась у Франклина и Румфорда и через полстолетие почти получила в сочинениях Араго и Гумбольдта!»*

Производя такие опыты, издавая такие сочинения, Ломоносов в то же время читал лекции, управлял гимназией, писал проекты об академиях, изданиях газет, атласов, снаряжал ученые экспедиции, давал им инструкции, отвечал на все возражения, писал стихи на примечательные происшествия, сочинял надписи к фейерверкам, любимому удовольствию того времени, надписи к разным аллегорическим и историческим произведениям, сочинял оды.

Я приведу здесь одну строфу из оды на рождение В. К. Павла Петровича, строфу, которая представляет еще другую занимательность, ибо ее можно приложить к современным нашим обстоятельствам:

Когда взираем мы к востоку,
Когда посмотрим мы на юг,
……………………………..
Там вкруг облег дракон ужасный
Места святы, места прекрасны,
И к облакам сто глав вознес!
Весь свет чудовища страшится,
Един лишь смело устремится
Российский может Геркулес.
Един сто острых жал притупит,
И множеством низвержет ран,
Един на сто голов наступит,
Восставит вольность многих стран.

Но как ни многообразны были его труды, как ни велики и значительны были сочинения, какого напряжения умственных сил они ни требовали, они не утомляли его много: в мыс-

* Д. М. Перевощиков.

лях всегда было у него обилие, плодовитый его ум служил ему неиссякаемым источником; в словах еще менее он мог иметь недостаток: они текли неудержимым потоком с златых его уст. Ученые труды не значили ему ничего в сравнении с теми душевными пытками, кои должен был испытать Ломоносов для издания в свет своих сочинений, для приведения своих мыслей в исполнение.

Посредственность, бездарность, пошлость, эта охота смертная при участи горькой, враг всех дарований, гонитель всех людей отличных, ознаменованных печатью неба, бросились на Ломоносова с ожесточенным неистовством при первом вступлении его на поприще и продолжали терзать его всю остальную жизнь даже до смерти.

Несчастья первых лет его жизни, побои за охоту к грамоте от невежественных родственников во время его детства, насмешки глупых товарищей во время его молодости, нужда и нищета в чужих краях во время его мужества были цветами в сравнении с теми колючими терниями, которыми усыпалась его общественная деятельность от товарищей по ремеслу, от невежд ученых, полуученых и неученых, от завистников, соперников, этих умственных Сальери, которые ужаснее всех на свете. Никто не может вообразить, никакая химия не может составить того яда, которым они напаяют свои смертоносные стрелы. Сам злой дух им помогает, чтобы раздражать человека отличного, человека действующего, выводить его из терпения и увлекать к крайностям.

Прибавим, что немецкий элемент Академии того времени, впрочем, очень достойный, вошел здесь в первый раз в соприкосновение с русской натурой. Столкновение было сильное.

А с другой стороны, стихотворцы с оскорбленным самолюбием. О, какое страшное ополчение!

Ломоносов не унывал и боролся со своими противниками во всю свою жизнь, спорил, жаловался, просил, умолял, плакал, смеялся, ругал, оправдывался и между тем работал, работал и не оглядывался вспять от того рала, которое дано

было свыше в его руку. Наука была для него всегда выше всего. Распространение ее в Отечестве любезнее всего. Русская слава дороже всего!

Я мог бы привести теперь множество мест из его откровенных писем и сочинений, из коих увидели бы вы в полном блеске его высокие мысли и чувствования, его благородные желания и надежды, но время не позволяет мне излагать их в подробности.

Довольно вспомнить последние его слова перед кончиною, сказанные Штелину: «Я умираю, товарищ, и на смерть взираю равнодушно, сожалею о том, чего не успел совершить для славы Отечества и Академии нашей. К сожалению, вижу, что благие мои намерения исчезнут вместе со мною».

Утешься, тень священная! Твои намерения, твои мысли, твои семена не исчезли, они живут и дают жизнь. Русская словесность, тобою насажденная, красуется плодами блистательными; Московский Университет, тобою предначертанный, празднует ныне уже свое столетие, обильное заслугами, и произносит тебе, в сию священную минуту, на радостном своем празднике, осчастливленный словом Царского благоволения, вместе с Петербургскою Академиею наук, вместе со всеми друзьями отечественного просвещения, здесь присутствующими и отсутствующими, из глубины сердца, свою усерднейшую благодарственную вечную память.

Историческое похвальное слово Карамзину

(произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 25 1845 года, в собрании симбирского дворянства академиком М. Погодиным)

Вызванный вами, милостивые государи, принесть должную дань хвалы трудам и заслугам знаменитого согражданина вашего, историографа Российской империи Николая Михайловича Карамзина при открытии ему памятника, первым долгом

почитаю засвидетельствовать вам глубочайшую мою благодарность за предоставление мне высокой чести быть вашим органом в этот торжественный для всего Отечества день.

Счастливым себя почту, если успею сколько-нибудь оправдать вашу столь лестную для меня доверенность, исполнить хоть отчасти долг, лежащий уже давно на всех служителях русского слова, и представить в ясном, по возможности, свете пред взорами соотечественников высокое значение тех мирных подвигов, за которые ныне скромный писатель удостаивается высочайшей гражданской почести.

Отечество не видало Карамзина, на поле брани исторгающего венок победы из рук неприятеля; имя его не читалось в заглавии трактатов, принесших в дар государству новые области; ему не принадлежит никаких уставов, коими назначается образ действия для целых поколений; он не возбуждал и не укрощал народных движений на площади; его речей не слыхать было в собраниях царской думы; казна государственная не получила от него никаких приращений; он не произносил приговоров о жизни, смерти и благосостоянии граждан; он не служил...

Сорок лет провел он тихо, с пером в руке, за письменным столом, в четырех стенах тесной комнаты среди книг, рукописей и ветхих хартий древности, вдали от людей, вдали от поприща действий, между типографией и книжной лавкой...

Что же он сделал такое? Почему воздвигается ему памятник? Какие права имеет он на эту награду? За что должен кланяться ему народ?..

Да, Карамзин не решал судьбы сражений, но решил мудреные задачи нашего государственного бытия, кои важнее всех возможных побед в мире.

Да, Карамзин не распространял пределов Империи, но распространил пределы русского языка, в коем хранятся опоры могущества, самые твердые, залоги славы, самой блистательной.

Он не открывал новых источников доходов, но открыл новые источники наслаждений в сердце, чистых, прекрас-

ных, человеческих, которых нельзя заменить, нельзя купить никакими сокровищами древнего и нового света.

Он не сочинял законов, но внушал к ним уважение и учил жить так, чтобы никаких законов людям не было нужно.

Он... но я удержусь исчислять вперед его действия и скажу только, что десять раз линии границ политических скруглятся или выпрямятся; сто побед одержится новых и тысяча прежних обветшает и предастся забвению; многие иные племена и народы войдут в емкий состав Русского Царства; самые законы изменятся в своем духе, вместе с характером подчиненных им народов, но живые семена добра, любви и науки, рассыпанные щедрою рукою даровитого писателя, по всему неизмеримому пространству России, от западных пределов Польши до Северной Америки и от полярных снегов Финляндии до высот Ноева Арарата, — эти семена будут беспрерывно расти, будут беспрерывно цвести и приносить сторицею благие плоды, кои в свою очередь сделаются семенами, не переставая питать тысячи и тысячи людей благородной пищей. Много переворотов, бурных ли мирных, как то угодно Богу, испытает наш народный быт, но потоки сладкой речи, из златых уст излиявшиеся, будут течь безостановочно чрез все периоды и эпохи, всегда утоляя жажду, всегда освежая животворной влагой усталых делателей, каково бы ни было у них различие в образе мыслей, взглядах и целях. Творения ума переживут победы, завоевания, революции, кодексы, хартии, доставляя одинакие наслаждения людям всех званий, возрастов, состояний и мнений, равно любезные и дорогие, во дворце и хижине, вельможе и отшельнику, юноше и старцу, деве и матери семейства, безусловным верноподданным веков прежних и свободным мыслителям нового времени.

Честь веку, который начинает различать существенное от преходящего, отдавать должное достоинствам, хоть еще и по смерти, ценить вернее деяния по мере их пользы для истинного человеческого счастия, который после минутных победителей, часовых завоевателей, воздвигает великолепные

монументы настоящим благодетелям человечества, труженикам мысли и слова, этим нищим гениям, этим презренным недавно еще обитателям чердаков и подвалов, Гуттенбергу и Шиллеру, Франклину и Гете, Моцарту и Руссо. Честь веку, который вслед за Цицероном в последние годы республики Римской, по покорении всего известного мира, восклицает торжественно: «Cedant arma togae!»

Честь веку и слава государству, в коем, при настоящем случае, все сословия приняли с одинаким жаром благой вызов, раздавшийся первоначально на родине великого гражданина; слава государству, в коем самодержавный Государь и крепостной крестьянин с одинаковой любовью принесли усердные дары в вековечное свидетельство их общей признательности.

А этот новый образ мыслей, этот новый взгляд на вещи, незнакомый нашим отцам (скажу при всем почтении к их памяти), — ему положил основание также Карамзин, возвысивший сан писателя своими трудами, успехами, отношениями, своей жизнью, смертью, памятью, славою!

Но я отступлю от правил своего искусства, милостивые государи! Мне хочется вдруг передать вам свои чувствования: слова вырываются у меня, вопреки сделанному предначертанию. Судите сами — могу ли я в таком состоянии соображаться с условными требованиями школы?

Вы ожидаете от меня панегирика? Нет, милостивые государи, я вижу теперь, что я не в силах исполнить свое обещание. Осмеливаюсь сказать еще более: Карамзину не нужно никакого панегирика. Простое, верное изображение его действий в различных сферах есть самое лучшее ему похвальное слово. Зачем прибегать к пособию риторики, с ее общими местами, преувеличениями и украшениями, если истины слишком много, если правда может даже показаться лестью. Позвольте мне лучше пройти перед вами исторически, по порядку времени, из года в год, все поприще деятельности Карамзина, представить в совокупности все труды его и их благодетельные следствия, напомнить вам о ваших собственных

чувствах, привести на память собственное ваше воспитание, умственное и нравственное, жизнь вашего сердца, вашей души — и я уверен, что ни для вас, ни для кого из наших соотечественников после этого воспоминания не нужно будет более никакого рассуждения, никакого объяснения, никакого похвального слова.

* * *

Заслуги Карамзина относятся к языку, словесности и истории.

В каком состоянии находился русский язык до Карамзина?

Русский язык испытал в царствование императора Петра такую же революцию, как и прочие части государственной машины: оковы церковнославянского языка были свержены; введено в употребление наречие собственное, разговорное; принято, вместе с вещами и понятиями, множество слов иностранных, латинских, голландских, немецких и французских. Эти три разнородные элемента — церковный, разговорный и иностранный — вступили между собою как бы в борьбу и произвели в языке совершенный хаос. Послушаем лучшего грамотея этого времени, министра Шафирова, в его сочинении о войне Карла XII:

«Все письма большая часть на немецком языке штилизованы и потом на иные языки в Европе употребляемые, нарочно для внушения всем перевожены и дивулгованы, дабы тем Его Царское Величество, яко начинателя против короны шведския войны пред всем честным советом, в тот концепт, или мнение, привесть»[*] и проч.

Кто бы мог поверить, что из этих нестройных, диких сочетаний могла когда-либо произойти настоящая наша славная речь!

Переворот Петров был, однако ж, необходим и спасителен тем, что открыл собственному языку свободное поприще

* Дедикация, или… и проч. С. 33.

для развития. А злу, как оно ни было велико, могло помочь время, и таланты, в которых, на потребу, Россия никогда не имела недостатка.

Там, на берегу Белого моря, в стране снегов и метелей, в бедной рыбачьей хижине, близ Холмогор, начинает учиться грамоте взрослый крестьянин*, на которого русским Богом возложено было преобразовать наше слово, — и чрез пятнадцать лет после кончины Петра вот какие гармонические звуки извлечены Ломоносовым из Петрова смешения языков:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл,
В долине тишина глубокой**.

В прозаической речи Ломоносова отзывалось, однако ж, гораздо более чуждого элемента: воспитанный на церковных книгах, плененный красотами славянского языка, в изумлении пред знаменитыми памятниками древности, он подчинился невольно их могущественному действию и представил в образец речь слишком искусственную. Прочтем его вступление к похвальному слову Елизавете:

«Если бы в сей пресветлый праздник, слушатели, в который под благословенною державой Всемилостивейшия Государыни нашея, покоящиеся многочисленные народы торжествуют и веселятся о преславном Ея на Всероссийский Престол восшествии, возможно было нам, радостию восхищенным, вознестись до высоты толикой, в которой…» и проч.

Потребно было новое усилие, чтобы освободиться наконец и от классического влияния, но преемники Ломоносова, при всех своих достоинствах, увлеченные его примером, силою и славою, подражали только его круглым периодам и не осмеливались выступать из его заповедного круга. Вся-

* Ломоносов родился 1711 года. При Петре I ему уже было 14 лет.

** Первая строфа из первой оды Ломоносова 1739 года — см. во всех изданиях его сочинений.

кий чувствовал, что в этой текучей, плавной, благозвучной речи есть что-то мертвенное, что от нее пашет каким-то холодом, что в ней слышится что-то чуждое, лишнее, и чего-то недостает; но чего именно — не постигал никто. Это было тайной гения!..

И вот 1766 года, декабря 1, вблизи от Симбирска, родился Карамзин, — через год после кончины Ломоносова*, как бы предназначенный тем же русским Богом продолжать ломоносовское делание.

Семнадцати лет, окончив слегка учение, вдохновенный своим гением, убежденный другом, также симбирским уроженцем, которого судьба послала ему при первом вступлении в свет**, он начал писать, — и вот речение из первого его перевода:

«Потеряние некоторых из вас своих отцев, коих память должна пребыть незабвенна в ваших сердцах, сделало, что вы вместо, чтоб ходили повеся голову…»***

Не слышите вы здесь, Милостивые Государи, каких-нибудь новых звуков, которые побуждают вас предугадывать будущего преобразователя?

Нет, это птенец, едва еще оперенный, едва начинающий двигать слабыми крыльями.

Последуем за ним в его первых опытах. Это ведь моменты в истории русского языка, это ведь моменты в истории России. Прочтем отрывок из Аркадского памятника, переведенного им на 20-м году в «Детском чтении»:

«Я люблю утро: когда вдруг все поля, покрытые мраком, в чистейшем свете представятся глазам нашим; когда дремавшая природа пробудится и снова придет в движение, и все, на что ни взглянешь, оживет и возрадуется...»****

Здесь слышится что-то новое, приятное; сердце чувствует близкую перемену.

---

* Ломоносов скончался в 1765 году.

** Иван Иванович Дмитриев.

*** Деревянная нога, идиллия Геснера (пер. с нем. 1782 года, Петербург).

**** Детское чтение, в части 18.

Да! Орел расправляет крылья, он уже хочет лететь, и мы не поспеем за его быстрыми успехами: вот какое описание Рейнского водопада прислал через два года Карамзин из Швейцарии:

«Представьте себе большую реку, которая, преодолевая в течении своем все препоны, полагаемые ей огромными камнями, мчится с ужасною яростию, и наконец, достигнув до высочайшей гранитной преграды и не находя себе пути под сею твердою стеною, с неописанным шумом и ревом свергается вниз и в падении своем превращается в белую кипящую пену...»*

Припомните отрывок, вышеприведенный, из Ломоносова и сравните его с описанием Карамзина — какое различие! Мертвое оживилось, холодное согрелось, чужое отсечено, недостающее найдено, искусственность заменилась природой.

Кто же показал неученому молодому человеку этот новый путь? Как мог он вдруг постигнуть тайну, укрывавшуюся столько времени? Где нашел он образец этому неслыханному складу?

Где? В своем слухе, в своем сердце, в своей душе. Он сам, может быть, не знал сначала, что пишет иначе и что идет по другому пути; он не видал, куда придет и приведет нас с собою, послушный единственно своему внутреннему голосу, увлекавшему его в неизвестную даль!

Успокоившись, рассмотрим, в чем состояло, собственно, преобразование Карамзина.

Русский ум любит ясность; у него недостанет терпения с немцем дожидаться до конца речи; сразу он хочет понять, в чем дело, и ему тотчас после имени нужен глагол. Карамзин и подал ему глагол, следуя вообще в порядке слов за естественным развитием мыслей. Что может быть легче этого? Так все загадки представляются легкими, когда отгаданы: но отгадывают их только Ломоносовы и Карамзины.

Возвратясь из путешествия, Карамзин посвятил себя совершенно словесности; в продолжение пятнадцати лет он

* См. Письма русского путешественника в полном собрании сочинений Карамзина. Ч. V.

трудился неутомимо, писал, вырабатывал свой язык более и более, — и передал его наконец соотечественникам, которые до сих пор им пишут.

Передать свой язык на многие лета народу... и какому народу?.. Милостивые Государи! Вы согласитесь, что мудрено приобресть честь блистательнее, оказать услугу важнее этой?

Но она тем не ограничивалась: Карамзин занимался языком не отвлеченно, не в особливых речениях, не без связи с содержанием. Язык не был для него единственной целью, а только средством для сообщения его мыслей.

Возделывая язык, он творил, обогащал словесность и вместе действовал на образование народа, на распространение просвещения, заключая союз словесности с жизнью, прежде почти неизвестный.

До Карамзина предметы словесности заимствовались по большей части из какого-то мира идеального, в котором читатель принимал участие, как будто во сне, переселяясь туда на время чтения и возвращаясь немедленно к действительной жизни с одними бесплодными воспоминаниями о разных несбыточных происшествиях, искусственных положениях и преувеличенных чувствованиях, кои приложить было некуда.

Первым делом молодого писателя было издание журнала.

Карамзин окинул проницательным взором состояние современного общества, увидел тотчас, на какой степени оно стояло; решил, что ему на первый случай было необходимо, в каком виде это нужное представить ему должно, и составил себе план.

Повести, стихотворения, известия о зрелищах, русских и иностранных, с замечаниями об игре актеров, разборы занимательных книг, «Письма Русского Путешественника» — вот в чем состояло содержание «*Московского журнала*». Ни малейшего педантизма и учености, ни одной статьи сухой и тяжелой, язык общевразумительный и слог обработанный, тонкий вкус, соблюдение всех приличий, — одним словом, это было легкое и приятное чтение, умное и нескучное, какого никогда на русском языке еще не бывало.

Важнейшею частью, лучшим украшением «Московского журнала» были «*Письма Русского Путешественника*», коими Карамзин положил основание своей славе. Русскому обществу открылся как будто новый мир. Европейские государства были посещаемы и прежде, но только лицами высшего сословия, которые не умели передать своих ощущений соотечественникам или лучше не имели их сами, довольствуясь сообщением друг другу водевильных куплетов и новомодных покроев, и большая часть России оставалась в неведении, что есть и делается за границей. Карамзин первый описал живыми красками Германию, Швейцарию, Францию, Англию, состояние земли, образованность жителей, успехи наук и искусств, изобразил великих писателей, им посещенных, заставил полюбить их, познакомил с их сочинениями, возбудил внимание к главным вопросам, занимавшим тогда первые умы.

Присоедините к этому пламенную любовь к человечеству, твердое убеждение в его совершенствовании, благоговение перед просвещением и его достойными жрецами, сочувствие ко всему возвышенному и прекрасному, простое младенческое сердце, слышное на всякой странице; и наконец, для разнообразия, живописные картины природы, множество любопытных анекдотов, неожиданных встреч, занимательных разговоров, — все это рассказано увлекательным слогом со следами горячих впечатлений, — и вы поймете успех Карамзина в русской публике 90-х годов.

Только политики не касался он, потому ли, что не чувствовал еще расположения к ее бурным вопросам, или потому, что опасался произвесть какое-нибудь неприятное впечатление о себе в правительстве.

Одним из полезных плодов этого сочинения было возбуждение любви к иностранным литературам в молодом поколении, в том поколении, которое вскоре дало Отечеству: Жуковского, Тургеневых, Кайсаровых, Макарова, Мерзлякова, Гнедича, Блудова, Дашкова, Батюшкова, Вяземского.

Вместе с письмами Карамзин выдавал в «Московском журнале» свои повести, из которых первое место и по времени

сочинения, и по блестящему успеху принадлежит «*Бедной Лизе*». Сценою выбрано любимое гуляние московских жителей — окрестности Симонова монастыря; действующими лицами были выведены живые люди, вместо прежних Миленов и Замир, обитавших в неизвестных пространствах; все это было очень ново и разительно. Простосердечие, невинность и несчастная судьба доброй девушки изображены живо, а чувствительность была модной болезнью века: полились слезы — тысячи любопытных ходили и ездили искать следов Лизиных. Несколько поколений считало своей обязанностью посмотреть на заходящее солнце с высот Симонова монастыря, подумать о Карамзине и вздохнуть о небывалой Лизе.

Пусть в этой повести, равно как и в следующих, не было строгой истины, как ее понимают ныне, но ее отсутствия не замечали в сочинениях этого рода лет пятьдесят еще после, не только у нас, но и во всей Европе.

За бедной Лизой следовала «*Наталья, боярская дочь*» с воспоминаниями о старинном боярстве и дедовских обычаях, с национальными выражениями и разными увлекательными подробностями.

Слава Карамзина распространялась день ото дня. Лучшая часть публики бросилась без памяти к молодому писателю. Дамы, не бравшие русских книг в руки, начали находить удовольствие в чтении. Девицы и юноши не помнили себя от восторга. Все повторяли выражения, выученные наизусть из «Московского журнала». Первые писатели вызвались помогать ему своими трудами, и сам Державин, тогда наверху своей славы, воскликнул:

Пой, Карамзин! — И в прозе
Глас слышен соловьин.

«Московский журнал» издавал Карамзин два года: <17>91 и <17>92. Публика пожелала видеть все его статьи в особой книге, которая и вышла под заглавием «*Мои безделки*», напечатанные вскоре вторым изданием.

В <17>93 и <17>94 годах Карамзин вместо журнала, беспокоившего его срочною работой, издавал литературный сборник «Аглая», коего вышло две книги, составленные почти сполна из его сочинений. Здесь между прочим явились в первый раз «*Остров Борнгольм*» и «*Илья Муромец*».

Первая повесть, облеченная тайной, оставила по себе глубокое впечатление, и в продолжение пятидесяти, может быть, лет ни один из наших путешественников не проезжал мимо этого пустынного острова без какого-то унылого безотчетного чувства, напевая про себя любезную песню:

О Борнгольм, милый Борнгольм!

«Илья Муромец» поразил и удивил необыкновенным своим размером после однообразных ямбов, господствовавших в нашем стихосложении. Этот изящный язык, как жемчуг нанизанный, производил совершенное очарование в читателях: молодые люди, незнакомые еще тогда с тонкостями немецкой философии, восхищались «Ильей Муромцем», и заманчивое «продолжение впредь», подписанное под сказкой, долго возбуждало любопытство нашего доброго старого времени.

Но не одними забавами воображения увлекался Карамзин; вопросы важнейшие теснились в груди его, — и он спешил поделиться с публикой плодами своего размышления. В «Аглае» поместил он рассуждение о своем времени в форме писем Филалета и Мелодора, два отрывка о науках и авторстве и обширную картину древней жизни.

Все эти сочинения писал он для общества, не для ученых, не для философов, и до сих пор надо удивляться тому искусству, с каким он умел становиться на одну точку со своими читателями, выбирать стороны предмета, кои особенно были для них понятны и разительны, научать без малейшего притязания на звание наставника, являясь везде только любезным собеседником, возбуждать живое участие к своим мыслям; — и легкие простые статьи его приносили пользы гораздо более многих глубокомысленных диссертаций.

Переписка *Филалета и Мелодора* имела особую цель: Карамзин, преданный от души просвещению, хотел рассеять тень подозрения, положенную на философию ужасами Французской революции, которая возбуждала опасение даже и в кроткой Екатерине. Он боялся, чтобы какие-нибудь строгие меры не заглушили первых ростков, возникавших на русской почве, не помешали новым цветам, коих он желал и ожидал для славы Отечества. Нельзя было найти посредника искуснее: он представил разительно различие между благо- и злоупотреблением и защитил правое дело наук, коих значению и отношению к жизни посвящена им была и другая статья, с тем же горячим чувством написанная*. Мечтания о счастии человечества вследствие просвещения изображены здесь увлекательно, и никому нельзя читать ее, не питая сердечной любви к сочинителю.

В отрывке «*Что нужно автору*?» Карамзин ясно описал нам, чем наделил его Бог для произведения тех благодетельных впечатлений, кои от всякой статьи его получали в таком обилии его соотечественники.

«Читай историю несчастий рода человеческого, — говорит он, — и если сердце твое не обольется кровию, оставь перо, — или оно изобразит нам хладную мрачность души твоей.

Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открыт путь в чувствительную грудь твою; если душа твоя может возвыситься до страсти к добру, может питать в себе святое, никакими сферами не ограниченное, желание всеобщего блага; тогда смело призывай богинь Парнасских: они пройдут мимо великолепных чертогов и посетят твою смиренную хижину; ты не будешь бесполезным писателем, и никто из добрых не взглянет сухими глазами на твою могилу».

«*Афинская жизнь*», которая начинается: «Греки, греки! Кто вас не любит?», уносила под благословенное небо Аттики, где, переходя от наслаждения к наслаждению, люди жили в объятиях природы, наук и искусств.

* Нечто о науках, искусствах и просвещении.

Любовь к чтению распространялась более и более, умножились книжные лавки, и Карамзин в этом отношении сделался преемником незабвенного Новикова.

Он пользовался счастливым расположением и поддерживал беспрестанно внимание публики, питал ее любопытство и не давал остывать пробужденному чувству. Кроме новых изданий прежних сочинений, кои следовали одно за другим беспрестанно, он начал с 1796 года издавать стихотворные альманахи, «*Аониды*», при деятельной помощи Державина и Дмитриева, который в одно время с ним производил одинакую почти перемену в области русской поэзии и своими сказками, песнями, элегиями, баснями приводил ее к той простоте и естественности, кои были главною заслугой Карамзина.

В царствование императора Павла, исполненное различных опасений и тревог, во время, неблагоприятное для муз, поющих в тишине и спокойствии, Карамзин занимался только переводами невинных повестей *Мармонтеля, Жанлис и разных других писателей* и издал их тогда же вместе с «*Пантеоном иностранной словесности*», составленным из сочинений образцовых писателей, древних и новых.

Между тем он мужал, созревал, размышлял, занимаясь, по всем вероятностям, чтением исторических сочинений, к коим получил особенную склонность, и лишь только вступил на престол император Александр, как и возвратился Карамзин к публичной деятельности с новыми силами, с новым усердием к пользе общей.

Первым его трудом было «Историческое похвальное слово Екатерине», где, прославляя императрицу, он имел намерение преподать наставление юному венценосцу, озаренному такими светлыми надеждами при своем вступлении на престол; с этою целью он старался в своем сочинении выставить преимущественно те добродетели, коими цари снискивают себе не лесть при жизни, но благодарную любовь за гробом, — милосердие, кротость, благотворительность. С этою целию он старался доказать, что твердейшее основание пре-

столов заключается в преданности, любви, признательности подвластных им народов*.

С каким наслаждением Карамзин заключает выписки свои из Наказа императрицы Екатерины следующими ее словами: «Самодержавство разрушается, когда государи думают, что им надобно изъявлять власть свою не следованием порядку вещей, а переменою оного, и когда они собственные мечты уважают более законов (510–511)**. <…> Самое высшее искусство Монарха состоит в том, чтобы знать, в каких случаях должно употребить власть свою: ибо благополучие самодержавия есть отчасти кроткое и снисходительное правление. Надобно, чтобы государь только ободрял и чтобы одни законы угрожали (513–515). <…> Не счастливо то государство, в котором никто не дерзает представить свои опасения в рассуждении будущего, не дерзает свободно объявить своего мнения (517). <…> Все сие не может понравиться ласкателям, которые беспрестанно твердят земным владыкам, что народы для них существуют. Но мы думаем, и за славу себе вменяем сказать, что мы живем для нашего народа...»

Заключая эту выписку из Наказа императрицы Екатерины, Карамзин восклицает***: «Сограждане! Сердце мое трепещет от восторга! Ваше, конечно, то же чувствует!.. Удивление и благодарность производят его; я лобызаю Державную руку, которая, под Божественным вдохновением души, начертала сии священные строки. Какой Монарх на троне дерзнул — так дерзнул объявить своему народу, что слава и власть венценосца должны быть подчинены благу народному; что не подданные существуют для Монархов, но Монархи для подданных? Мы удивляемся философу, который проповедует царям их должности, но можно ли сравнять его смелость с великодушием Екатерины, которая, утверждая престол на благодарности подданных, торжественно признает себя обязанною заслуживать власть свою?»

* Соч. Карамзина. 4-е изд. Т. VIII. С. 55.

** Указание отделений Наказа означено по первому изданию Слова. Москва, 1802. Т. VIII. С. 92.

*** Там же. С. 94. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 56.

С каким восторгом говорит Карамзин о действиях Екатерины на пользу просвещения!

«Народные школы могут и должны быть полезнее всех академий в мире, действуя на первые элементы нации; и смиренный народный учитель, который детям бедности и трудолюбия изъясняет буквы, арифметические числа и рассказывает в простых словах любопытные случаи истории или, развертывая моральный катехизис, доказывает, сколько нужно и выгодно человеку быть добрым, — в глазах философа почтен не менее метафизика, которого глубокомыслие и тонкоумие самим ученым едва вразумительно, или мудрого натуралиста, физиолога, астронома, занимающих своею наукою только некоторую часть людей. Если в городах, в сем новом творении Екатерины, еще не представлялось глазам ни палат огромных, ни храмов великолепных, то в замену сих иногда обманчивых свидетельств народного богатства взор патриота читал на смиренных домиках любезную надпись: «*Народное училище*», — и сердце его радовалось. Кто благоговел пред Монархинею, среди ее пышной столицы и блестящих монументов славного царствования, тот любил и восхвалял просветительницу Отечества, видя и слыша в стенах мирной хижины юного ученика градской школы, окруженного внимающим ему семейством, и с благородною гордостию толкующего своим родителям некоторые простые, но любопытные истины, сведанные им в тот день от своего учителя»[*].

Сколько назидательных уроков заключается в его словах о цензуре[**], «необходимой в гражданских обществах: ибо разум может уклониться от истины, подобно как сердце от добродетели, и неограниченная свобода писать столь же безрассудна, как неограниченная свобода действовать; но как мудрый законодатель, избегая самой тени произвольного тиранства, запрещает только явное зло и многие сердечные слабости передает единому наказанию общего суда или мнения, так Монархиня запрещению цензуры подвергла только явный разврат в важ-

* Там же. Т. VIII. С. 92.

** Там же. Т. VIII. С. 99.

нейших для гражданского благоденствия предметах, оставляя здравому разуму граждан отличать истины от заблуждения, то есть она сделала ее не только благоразумною, но и снисходительною; и сею доверенностию к общему суду приобрела новое право на благодарность народную».

«Слово…» разделено на три части: о победах, законах и учреждениях. Знатоки права удивляются, как мог Карамзин так ясно понять и представить в таком кратком объеме сущность многочисленных гражданских постановлений, дарованных императрицей Екатериной. Некоторые тени в ее царствовании оратор имел полное право прейти молчанием, предоставляя их истории.

С 1802 года Карамзин начал издавать другой журнал, «*Вестник Европы*», вследствие такого убеждения: «В России литература может быть еще полезнее, нежели в других землях; чувство в нас новее и свежее, изящное тем сильнее действует на сердце и тем более плодов приносит. Сколь благородно, сколь утешительно содействовать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей»*.

Чтоб судить, до какой степени распространилась охота к чтению в России и как много надежды полагала публика на любимого своего писателя, довольно сказать, что, вместо 300 подписчиков «Московского журнала» на «Вестник Европы» явилось, говорят, уже две тысячи. Для «Московского журнала» Карамзин работал все сам, а в «Вестнике Европы» нашлись уже сотрудники, воспитанные по его сочинениям, им приготовленные, наученные его языку и слогу. «Московский журнал» передать было некому, а «Вестник Европы» имел преемников, между которыми вскоре явился Жуковский.

«Вестник Европы» Карамзина как был, так и остался навсегда образцовым русским журналом, с которым не сравнялся после ни один, хотя вследствие особых обстоятельств, кои

* Вестник Европы. 1802. Январь. С. 6.

сделались мудренее, сложнее, — новых требований, которые предъявлять можно, а исполнять нельзя. Он прочитывался с жадностью, от первой страницы до последней, удовлетворяя вполне своих читателей, вел их далее, обогащал знаниями, возбуждал охоту приобретать новые, имел свое собственное мнение и выражал его ясно и твердо. В нем недоставало критики, которая делается камнем преткновения для новых журналистов; но в такой юной словесности, какова тогда была русская, не было и особенной в ней нужды.

С первых книжек «Вестника Европы» явно стало, что издатель возмужал, созрел, что круг его зрения распространился и из приятного повествователя он делается опытным руководителем; что он размышлял о всех важнейших предметах гражданского положения, имеет о них собственные мысли и хочет предложить на всеобщее рассуждение; одним словом, что он имеет цели высшие.

Действительно, рассмотрите оглавление «Вестника Европы», и вы найдете там все наши основные задачи, начиная с крестьянской.

Он видел тягостное положение крестьян, могших подвергаться неистовствам дикого произвола, алчного корыстолюбия и грубой чувственности, но, с другой стороны, понимал действия бессмысленной и необразованной свободы и сказал в «*Письме сельского жителя*»: «Время подвигает вперед разум народов, но тихо и медленно: беда законодателю облетать его! Мудрый идет шаг за шагом и смотрит вокруг себя. — Бог видит: люблю ли человечество и народ русский; имею ли предрассудки, обожаю ли гнусный идол корысти, — но для истинного благополучия земледельцев наших желаю единственно того, чтобы они имели добрых господ и средства к просвещению, которое одно, одно сделает все хорошее возможным»*.

Карамзин видел нелепое, чудовищное воспитание нашего высшего сословия, преданного с юных лет иноплеменникам другого языка, другой веры, другого образа мыслей, и пред-

* Собрание сочинений. Т. VII. С. 246.

ставил в статье «*Моя исповедь*»* неизбежные его следствия, кои, к несчастью, до сих пор продолжаются, несмотря на свои ужасы и очевидности.

«Я родился сыном богатого, знатного господина, — говорит он от лица своего героя, — и вырос шалуном; делал всякие проказы и не был сечен; выучился по-французски и не знал народного языка своего; играл десяти лет на театре и в пятнадцать лет не имел идеи о должностях человека и гражданина!

Некоторые люди смотрят на меня с презрением и говорят, что я остыдил род свой; что знатная фамилия есть обязанность быть полезным человеком в государстве и добродетельным гражданином в Отечестве. Но поверю ли я им, видя, с другой стороны, как многие из наших любезных соотечественников стараются подражать мне; живут без цели, женятся без любви, разводятся для забавы и разоряются для ужинов!»**

Карамзин видел гибельные следствия от нашего неуважения к самим себе, презрения собственных достоинств, от недоверчивости наших вельмож к русским дарованиям, которое останавливает народное развитие, убивает способности, не допускает ни до каких успехов и, приводя доказательства противного из истории, сказал в своей статье «*О любви к Отечеству и народной гордости*»:

«Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к Отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского, станем смело наряду с дру-

* Собрание сочинений. Т. VII. С. 172—187.

** Там же. С. 172, 187.

гими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостию»*.

Он видел, что служба, бывши прежде необходимостью государственной, делалась после помехой в исполнении прочих обязанностей и даже в успехах просвещения и объяснил это в статье «*Отчего в России мало авторских талантов*»**.

Он видел наглое, дерзкое, гнусное, безумное употребление языка французского в обществе, коим показывается неуважение к самим себе, к своему достоинству, к своему народу, к своей истории и вооружался против него при всяком случае, где заходила о том речь.

Даже против моды он почел обязанностью как журналист выразить свои мысли***.

Главной же мыслью, которую Карамзин носил всегда у своего сердца, которую лелеял с нужной заботой во все продолжение своей жизни и старался выразить во всякой статье своей, начиная от первых до последней, которая сроднилась с его душой и составила часть его самого, точно как теперь составляет часть его имени, неразрывно с ним соединенная, — главной его мыслью была мысль о просвещении, о просвещении общем для всего народа, а не для одного какого-либо сословия. Вот как объявляет он в «Вестнике Европы» *о новом образовании народного просвещения в России*:

«24 января державная рука Александра подписала бессмертный указ о заведении новых училищ и распространении наук в России. Сей счастливый император — ибо делать добро миллионам есть главное на земле блаженство — торжественно именует народное просвещение важною частью государственной системы, любезною сердцу его... Размножая университеты и гимназии, говорит еще: *да будет свет и в хижинах!..* Александр, пылая святою ревностию ко счастию вверенных ему миллионов избирает вернейшее, *единственное* средство для совершенного успеха в своих великодушных

* Там же. Т. VII. С. 116.

** Там же. Т. VII. С. 194.

*** Там же. Т. VII. В статье о легкой одежде красавиц XIX столетия.

намерениях. Он желает просветить россиян, чтобы они могли пользоваться человеколюбивыми его уставами, без всяких злоупотреблений и в полноте их спасительного действия»*.

Заключу выписки из этой прекрасной статьи следующими драгоценными словами:

«Русские патриоты, убежденные очевидною истиною, что человек и в хижине, и за плугом может не обманывать видом своим, а быть в самом деле человеком, верили тогда, что Отечество наше имеет право ожидать еще новых, великих благодеяний от трона, в рассуждении государственного просвещения; они желали их, — и добродетельный Александр, следуя влечению прекрасной души своей, исполнил их желание... Предупредим глас потомства, суд историка и Европы, скажем, что сей Устав народного просвещения есть *сильнейшее* доказательство небесной благости Монарха, который *во всех* своих подданных желает найти признательных, *всех* равно любит и *всех* считает людьми**.

Одним словом, не осталось ни одного современного вопроса, или лучше, ни одного современного явления, которого бы он не обратил в вопрос и не предал на рассуждение, вместе с собственным своим мнением.

Что касается до своего мнения, он излагал, какое хотел, и цензуры как будто не существовало для него; он часто говаривал: цензура столь же мало мешает умному писателю, как рифма хорошему стихотворцу. Пример поучительный для его преемников, но многие ли могут им пользоваться!

Рассуждения Карамзина не касались еще глубины предметов, что было бы излишне и безвременно, ибо прежде надлежало рассмотреть их поверхность в ее явлениях, чтоб после дойти до внутренности; надо было утолять голод настоящего дня, а не заботиться о пресыщении завтрашнего. Карамзин знал, что всякому вопросу есть свой черед и свое время.

---

* Собрание сочинений. Т. VIII. С. 221.

** Там же. Т. VIII. С. 221, 225. Слова, напечатанные курсивом, отмечены так у автора. Смотри также статьи: «О верном способе иметь в России довольно учителей» и «О публичном преподавании наук в Московском Университете».

Мнения его, советы носили на себе печать умеренности, снисхождения, человеколюбия. Имея от природы кроткое сердце, которому противна была всякая, даже временная, несправедливость, всякое насилие, всякая крутая мера, он желал улучшений естественных, постепенных, мирных, проистекающих от взаимного согласия, от лучшего направления; он не хотел нарушать ничьего спокойствия, не оскорблять ничьего самолюбия, не возбуждать ничьей неприязни, не приносить в жертву никаких прав.

Может быть, он хотел невозможного, но таков был его характер, так настроен был его ум, так расположены были его чувства, и никто не имеет права осудить писателя за его слишком доброе и чувствительное сердце.

Из произведений изящной словесности Карамзин написал для «Вестника Европы» две повести: «*Рыцарь нашего времени*» и «*Марфу Посадницу*». Первая примечательна тем, что в ней сохранил он многие черты из своей юности в обществе симбирских дворян, которое содействовало столько его первоначальному развитию и обогатило его своенародными впечатлениями, давшими в свое время множество прекрасных плодов. Заметим еще, что эта повесть, по своему предмету, составляет, может быть, переход к повестям нашего времени, от коих не требуется уже изящной природы.

«Марфа Посадница» была венцом сочинений Карамзина в этом роде: знаменитое происшествие, важные лица, дух республиканской свободы, великодушной в опасностях, всегда приятный для юного воображения, торжественная речь — все поражало читателя; и во всех училищах, где любили тогда читать русские книги, юноши долго и часто повторяли: «*Раздался звон вечевого колокола, и вздрогнули сердца в Новгороде!*»*

Вместо повестей Карамзин представил в «Вестнике Европы» очень много статей из отечественной истории, плоды его последних занятий: «*О русской старине*» — прекрасное извлечение из древних иностранных путешественников;

* Так начинается эта повесть.

«*О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича*» — живая картина замечательного происшествия; «*О предметах из русской истории для художеств*» и, наконец, «*Исторические замечания на пути к Троице*» — самый счастливый из его опытов в этом роде. Дорога Троицкая, столько знакомая всякому русскому, оживилась воспоминаниями, описанная красноречивым пером Карамзина. Царь Алексей Михайлович со своей царицей и царевнами, со своими боярами, окольничими предстал нашему воображению; но первым героем этой статьи был Борис Годунов, которому Карамзин первый, хотя ненадолго, сказал доброе слово и приобрел многих почитателей. Те искры, кои, по словам его, заранивает истина, долго мелькали в глазах не одного любознательного юноши, и кому не хотелось отыскать их в пепле?

Одною из главных особенностей «Вестника Европы» были *статьи политические**, о которых у нас, впрочем, говорено было мало. Карамзин рассуждал о всех важнейших событиях своего времени, представлял свои мнения о действиях генерала Бонапарта и мерах Питта и Фокса, предугадывал многие явления, хвалил и порицал решения кабинетов с сознанием своего достоинства, с благородством и независимостью, с почтением к высоким деяниям, имея всегда в виду не маловажные какие-либо выгоды, меркантильные или мануфактурные, а истинное благо народов, высшую цель человечества. Многие писатели, не знающие России, говорят в европейских журналах, что русские не созрели для употребления разных плодов цивилизации. Им можно указать на статьи Карамзина, писанные с лишком за 40 лет до нашего времени, без опытов 1812 и 1825 годов, — статьи, кои можно было читать в любом парламенте, — в доказательство, что русские имеют полное право жить своим умом и судить о других, так как другие об них судят.

Вот краткое обозрение действий Карамзина в продолжение первых 15 лет: он очистил русский язык, освободил его из-под классического влияния, указал ему настоящее течение,

* Собрание сочинений. Т. IX. С. 55—83.

обработал слог, обогатил словесность, представил сочинения во всех родах: письма, повести, рассуждения, похвальные слова, разговоры; возбудил участие к сочинениям знаменитых писателей, познакомил с иностранными литературами, перевел множество образцовых произведений со всех новых языков, привел в движение словесность, распространил охоту к чтению; умел возбудить любовь к занятиям, коснулся всех современных вопросов, учил рассуждать политически, наконец, начал возбуждать участие к русской старине и познакомил с древними иностранными путешественниками.

Сколько трудов, сколько заслуг, которых достаточно было бы, чтобы прославить несколько писателей на всю жизнь, а для Карамзина это были только первоначальные опыты, это были только приготовительные занятия, почти проба пера.

Он не доволен был теми трудами, кои мог, лишь задумал, оканчивать; его влекло в темную даль; его мучила тоска по неизвестном; ему хотелось такого дела, которому бы не видать было конца, на которое недоставало бы его известных сил; он желал искать новых способностей в свой душе, — и, закрыв глаза, он ринулся стремительно в бездну русской истории...

Я говорю так без преувеличения — всякий, имеющий понятие об историческом деле, согласится со мною, что это есть настоящее выражение для его предприятия.

В каком состоянии находилась наша история?

Библиотеки не имели каталогов; источников никто не собирал, не указывал, не приводил в порядок; летописи не были исследованы, объяснены, даже изданы ученым образом; грамоты лежали, рассыпанные по монастырям и архивам; хронографов никто не знал; ни одна часть истории не была обработана — ни история церкви, ни история права, ни история словесности, торговли, обычаев; для древней географии не было сделано никаких приготовлений; хронология перепутана; генеалогией не занимались; нумизматических собраний не существовало; археологии не было в

помине; ни один город, ни одно княжество не имели порядочной истории; сношения с соседними государствами покоились в статейных списках; иностранные летописи, кроме греческих, не принимались в соображение; древние европейские путешественники в России едва были известны по слуху; с сочинениями иностранных ученых, в которых рассеяны рассуждения о древней России, никто не справлялся; ни одного вопроса из тысячей не решено окончательно, ни одного противоречия не соглашено.

Что было сделано?

Издано несколько летописей, коими нельзя было пользоваться по отсутствию всякой отчетливости.

Написано несколько историй, удовлетворявших потребностям своего времени; но они не помогали, а увеличивали работу, приводя ученого в сомнение своими прибавлениями и заставляя отыскивать их источники.

Объяснено несколько древних памятников, но без необходимых строгих доказательств.

Положено прочное основание разрешению одного вопроса — о происхождении Руси, — и Шлецер только что указал, как надо приниматься за летописи, напечатав первую часть своих толкований из Нестора.

Вот в каком положении находились до Карамзина приготовительные труды для русской истории. Прибавьте наконец, что сам он не имел классического образования, не знал древних языков и не занимался никогда исторической критикой.

Если бы Карамзин в 1803 году сказал знаменитому Шлецеру, что он намерен писать русскую историю, с каким негодованием великий критик прервал бы его смиренное объявление и изрек ему суд! С какой язвительной улыбкой изъявил бы он после пред своею братией сострадание о русском невежестве! И все ученые, пожав плечами, воскликнули бы за ним в один голос, что предприятие дерзко, безрассудно невозможно и доказывает только совершенное отсутствие в русских писателях понятий о требованиях современной науки, неготовности их к ученым трудам. Как не согласиться с такими

справедливыми отзывами? Карамзину надо было бы запереть все библиотеки, и ... и мы не имели бы «Истории государства Российского» вследствие самых основательных причин и самых убедительных доказательств!

Правда — намерение писать русскую историю в 1803 году было дерзко и ни с чем несообразно, неисполнимо; успех точно казался невероятным, — но разве вероятнее был успех Суворову, когда он понесся на измаильские стены или пошел брать Очаков? Разве Петру, после Нарвского поражения, вероятнее была Полтавская победа?..

Это дух всей русской истории, это дух всей русской жизни, это дух не Карамзина, не Ломоносова, не Петра, не Суворова — это дух русского человека, тот самый дух, пред которым понижаются Альпийские горы, заравниваются кавказские пропасти, которого ничто не устрашает, которому нигде не бывает препон, тот дух, который мы, ученые, полуученые и больше всего недоученые, всеми силами погасить стараемся в латинских формах и немецких формулах и который, однако ж, все еще жив, потому что живущ, а Бог милостив.

Карамзин отнесся не к Шлецеру, а к Муравьеву. Муравьев Михаил Никитич (благословим здесь его имя: ибо он вместе с Дмитриевым, другим согражданином вашим, *имел счастие* содействовать Карамзину при начале его трудов) сказал два слова императору Александру — и Карамзин, без всяких справок и рассуждений, облечен в звание историографа, получил открытый лист во все книгохранилища, — и чрез 12 лет воздвигся великолепный памятник языка и истории, которому сам Шлецер должен бы был, если бы дожил, почтительно поклониться, — и дерзкое намерение оправдалось блестящим успехом!

Карамзин, разумеется, не знал сначала сам всех трудностей своего предприятия; вероятно, он хотел только написать занимательную книгу для чтения, рассказать приятно все происшествия в жизни русского народа, возродить участие публики к Олегам, Владимирам, Иоаннам, какое он возбудил

к небывалым героям своих повестей, и привлечь внимание к отечественной истории, какое привлек ко многим важным, нравственным и политическим предметам.

Как бы то ни было, он оставил свет, отказался от общества и заключился в уединение; первые три года, по свидетельству его знакомых, он был погружен в свой предмет до такой степени, что не мог ни о чем говорить, и сделался несносным даже для друзей. Чем более он занимался вначале, тем яснее, разумеется, видел ужасное свое положение: затруднения встречались на каждом шагу, препятствия, о коих не помышлял заранее, останавливали его беспрестанно; тень Шлецера, как страшное привидение, грозила ему, кажется, из-за всякой строки. Несколько раз переменял он свое намерение, сокращая и распространяя план; задавал себе новые задачи, жег и переписывал не однажды первые тома. Часто он должен был приходить в отчаяние, но эта непреклонная воля, это железное терпение, решимость поставить на своем, которые в известное время являются у русского, впрочем, беспечного обыкновенно человека, побуждали его идти далее; никакие преграды его не останавливали; затруднения увеличивали только его силу: этот внутренний свет, полученный им от Бога, освещал пред ним всякую тьму, в которую он попадал на пути своем; он опознавался тотчас во всяком лабиринте и находил путеводную нить, охранявшую его от всяких заблуждений. Бодро шел он вперед, распутывая и рассекая узлы. Что другой узнавал двадцатилетним опытом, при пособиях бесконечной начитанности, с советами целых факультетов, в ученой атмосфере, то Карамзин схватывал на лету, усматривал сразу, счастливо угадывал. Между тем он беспрестанно учился, взор его становился яснее, круг зрения распространялся, и наконец он сказал в письме своем к Муравьеву, что уже не боится ферулы Шлецеровой.

В таких тяжелых трудах провел Карамзин двенадцать лет, и в 1815 году, декабря 8, представил восемь томов своей «Истории» императору Александру и потом всему русскому народу*.

* Т. 9—11 Карамзин издал в продолжение следующих десяти лет, 12-й напечатан уже после его кончины.

Государь принял ее с благоволением, повелел напечатать без цензуры и даровал автору разные гражданские награды. Публика, ожидавшая с нетерпением «Истории», расхватала в две недели издание, и действие было неописанное…

Тридцать лет стоит пред нами эта Египетская пирамида, исполинский труд Карамзина, и мы до сих пор не собрались с силами разобрать, оценить его по достоинству, — разительное доказательство его превосходства!

Не место здесь рассматривать в подробности великое произведение, и я постараюсь указать лишь главные черты, предоставляя прочее другому времени.

* * *

Всякое историческое произведение, само по себе, может быть рассматриваемо с трех сторон: 1-е, критики, 2-е, искусства, 3-е, науки.

Критика исследует, очищает, приготовляет материалы.

Искусство воспроизводит события и представляет их воображению, как бы они теперь происходили.

Наука проникает в их внутреннюю связь и открывает их законы, или божественные идеи.

Это три раздельные сферы, очень обширные, требующие каждая для себя особливых талантов — творческого, умозрительного и критического: одно дело — приготовить краски, другое — писать картину, иное показать на ней законы изящного. Все три дела мешают в некотором смысле одно другому: искусство требует живости; критике необходимо терпение и внимание; условие науки — глубокомыслие и проницательность: творческий полет художника останавливается кропотливою работою критика, а философу опасно увлекаться воображением.

Карамзин принужден <был> по необходимости принять на себя все три обязанности, и мы должны показать его заслуги с этих трех сторон.

* * *

В приготовлении материалов Карамзину предлежали труды, как мы видели, бесчисленные.

Он рассмотрел и исследовал все известные до него исторические источники и множество новых, им самим открытых; ни одного списка летописи не осталось не прочтенного, не пересмотренного, и на всех сияют следы его руки. Этого мало, он перечел столь же добросовестно историков, которые прежде его пользовались ими, и показал, где и как они уклонялись, часто даже — почему. Вообразите же себе это множество списков летописей, это множество грамот и различных сказаний, это множество исследований иностранных свидетельств, кои должно было обдумать и иметь в виду! Взгляните на примечания к каждому тому. Сколько труда, например, должно было употребить, чтоб согласить все противоречащие показания древних и мнения новых и написать первую главу «Истории», самую неблагодарную: о народах, издревле в России обитавших. А таких глав сколько в каждом томе! Отовсюду извлекал Карамзин сущность и употреблял в дело, указывал при всяком положении на то свидетельство, которое служило ему основанием, приводя важнейшие места из древних источников, так что, если бы мы имели несчастье потерять их все, наука могла бы еще идти далее и совершенствоваться из одного его сочинения. В его примечаниях заключается почти другая История, столь же драгоценная, из подлинных слов составленная!

Обратимся к самим событиям. Какое разнообразие! Государственные, военные, законодательные, ученые! Сколько вопросов во всех сих областях, вопросов важных, требующих долговременного изучения, тщательного внимания. Обо всех представил Карамзин свое мнение, часто верное, всегда замечательное, плод ясного ума и прилежного размышления, мнение, которое непременно должен иметь в виду всякий будущий исследователь, хотя бы он посвятил много лет на

изучение того предмета, о коем Карамзину случилось рассуждать только мимоходом. Юристы, филологи, богословы, все должны начинать с него, ссылаться на него. Все получают от него пособие, и никто не покажет большого недоразумения. Карамзин останется навсегда со своим мнением и указанием.

Еще более — Карамзин о всех будущих мыслях в науке имел как будто предчувствие и выражался почти всегда так, что они не покажутся опровержением, а только дополнением и объяснением, развитием его положений. Как часто случается с исследователем обрадоваться своему открытию и придать ему великую важность, а это открытие находится у Карамзина спрятанное в углу какого-нибудь примечания! Мнение о древности славян в Европе принадлежит новейшей критике, но перечтите, что говорит о них Карамзин, и вы увидите, что, начиная их историю с VI века, вслед за прочими исследователями, он был уверен в европейском их пребывании гораздо прежде; он все предчувствовал, все указал, обо всем догадывался!

Сколько хронологических разноречий по летописям, своим и иностранным, он должен был согласить и объяснить!

Все действовавшие лица он знал, кажется, лично и имел пред глазами жизнь их со всеми случаями; удельных князей, например, которых было по множеству в одно время и которые ежегодно почти меняли свои города и дрались между собою, <и> дружились, изменяли друг другу еще чаще, Карамзин распределил каждого в свое место, в свое время, в свои отношения, и в двадцать пять лет не нашлось никаких важных противоречий в тысячах показаний этого рода. Приведу пример: два удельных князя в период междоусобных войн смешиваются по некоторым спискам: действия одного, впрочем, мелкие и маловажные, приписываются иногда другому, и умный, прилежный исследователь* почел нужным написать об них целую большую диссертацию, чтоб отдать каждому свое по принадлежности, а Карамзин увидел и сказал, что эти князья по харатейным спискам различаются ясно.

* Лерберг в рассуждении «Владимир Мстиславич и Владимир Андреевич».

Двое ученых спорили целый год в журналах о банном строении — Карамзин решил их спор одной строкой в примечании*.

Люди, незнакомые с критическим делом, не могут понять, не могут оценить таких замечаний, по-видимому, ничтожных, но спросите знатоков: чего стоит часто одна строка, одно слово, один знак препинания при объяснении древнего свидетельства, и они объяснят вам, что значат подобные решения.

Деятельный ученый** принял на себя обязанность составить указатель к сочинению Карамзина, и этот указатель занял два большие тома, чуть ли не с полумиллионом предметов. Все занимающиеся историею поклонились благодетельному труду, а этот труд был только оглавлением, исчислением предметов, исследованных, описанных Карамзиным, в их последовательности и связи.

Вот сколько трудов совершил он! Скажу решительно: обыкновенным человеческим рассудком нельзя понять, как мог Карамзин в двенадцать лет сделать то, что он сделал относительно приуготовления материалов для «Истории», — когда же он писал?

Мы переходим к рассмотрению «Истории» Карамзина со стороны искусства.

* * *

Истинно, рассматривая многочисленные, утомительные, тягостные, часто даже мучительные труды Карамзина в области критики, не понимаешь, как после них оставалось еще время *писать* «Историю», и невольно приходит мысль, что она изливалась сама собою из глубины его души и сердца, естественным следствием его чтения и размышления, как будто кристаллизовалась, не стоя ему ни малейшего труда.

Великолепнейший литературный памятник, какой существовал где-либо, произошел сам собой! Восемь томов

* Каченовский и аноним (кажется, Мартос) в «Вестнике Европы» 1812 года.

** П. М. Строев.

«Истории», из которых каждый, или даже десятая доля каждого доставила бы диплом на славу всякому писателю, представляется нам только окончанием его работного времени, отдохновением после трудов! Не чудо ли это? И потому не знаешь, чему более удивляться в «Истории» Карамзина: его труду или его дарованию.

Весь *язык* со всеми своими словарями, весь запас будущих словарей, рассеянный в памятниках, находился в его распоряжении, и послушные слова и обороты на повелительный зов его стекались из летописей, грамот, прологов, миней, житий, сказаний и совокуплялись в какую-то волшебную гармонию, которой можно наслаждаться, даже независимо от ее содержания.

Послушайте вступление в историю Иоанна III:

«Отселе История наша приемлет достоинство истинно государственное, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу Отечества. Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но правительство уже действует по законам ума просвещенного. Устрояются лучшие воинства, призываются искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских; посольства великокняжеские спешат ко всем дворам знаменитым; посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице. Император, папа, короли, республики, цари азиатские приветствуют Монарха Российского, славного победами и завоеваниями от пределов Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия. Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками извлекаем из оных металлы

драгоценные. Вот содержание блестящей истории Иоанна III, который имел редкое счастие властвовать 43 года и был достоин оного, властвуя для величия и славы России...»

Неужели это не музыка? Какая стройность, полнота, благозвучие, величие! Этого языка никто не превзойдет, никто с ним не сравняется, никто его не достигнет! Только один раз, только в одних устах мог он так произнестись, и повториться такое явление не может, как не может повториться храм св. Петра, Рафаэлева Мадонна, Моцартова Симфония. В «Истории государства Российского» Карамзин поставил языку свои Геркулесовы столпы, которых прейти невозможно. Мы будем иметь много гениальных произведений, потому что наука, искусство, жизнь, язык бесконечны; но уже в другом роде, другого ладу, другого сочинения.

Впрочем, язык, какими б ни отличался совершенствами, есть только выражение, орудие искусства. Карамзин *представил* многие *события* так, что они живут пред нами, если иногда не своею собственною, то, по крайней мере, той жизнью, которую сообщил им художник в разные минуты их деятельности. Прочитав, например, внимательно 6-й том, вы видите пред собой величественную фигуру Иоанна III, вы слышите его тяжелые шаги, вы встречаетесь с его суровыми взглядами, от которых женщины падали в обморок, вы уклоняетесь от его повелительного движения — это торжество искусства.

А счастливый и злосчастный Борис, потомок татарского мурзы Чета, между родовыми князьями, среди коленопреклонений и заговоров, с его изобретательностью, осторожностью, мнительностью, поражаемый непреклонной судьбой, удар за ударом, несмотря на все благие предположения и разумные меры! А легковерный самозванец, умный, веселый, живой, пирующий накануне гибели, пляшущий по краю пропасти, между немцами и поляками, под зоркими взглядами угрюмых россиян, которые, кланяясь, выбирают на теле его место, где нанести удар смертоноснее? Все эти лица изображены так верно, так близко к природе, как только может искусство.

Точно то же должно сказать и о многих происшествиях — мы присутствуем с Карамзиным во Флорентийском соборе и слышим строгую речь Марка Эфесского, который лучше хочет подвергнуться игу турков, нежели отступить на шаг от Восточного православия. Трепет объемлет ваше сердце, когда вы видите пред своими глазами виселицы, воздвигнутые на московской площади, и смотрите украдкою на Грозного Иоанна, приехавшего в толпе опричников судить и казнить своих верных подданных. Или, перенесясь в Успенский собор, внемлете торжественному слову св. Филиппа, угрожающего злобному царю гневом небесным за его беззаконное правление.

Повествования Карамзина часто сами собой возвышаются до поэзии; грудь воздымается, дышишь тяжелее, читая описание ночного нападения татар на Ермака: «Пробужденный звуками мечей и стонами издыхающих, Ермак воспрянул, увидел гибель, махом сабли еще отразил убийц, кинулся в бурный, глубокий Иртыш и не доплыл до своих лодок, утонул, отягченный железною бронею, данною ему Иоанном... Конец горький для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, он мог думать, что лишается и славы!.. Нет, волны Иртыша не поглотили ее: Россия, История и Церковь гласят Ермаку вечную память!»

А избрание на престол Бориса Годунова, когда весь народ московский, под предводительством Владимирской и Казанской Божией Матери, под хоругвями Отечества, с Патриархом и всем освященным собором, идут в Девичий монастырь умолять знаменитого правителя воссесть на престол Мономахов? А осада Троицкого монастыря? Какие величественные картины!

Читая отношения России к Орде, Литве, Крыму, Польше, Швеции, предвидишь, как они неминуемо поклонятся двуглавому орлу. Точно так же чувствуешь, как все древние уделы — и Тверь, и Рязань, и Новгород, и Смоленск, — тянет к Москве, которой судьба назначила быть верховной главой России.

Чем далее шел Карамзин, чем более писал, тем более талант его усиливался, дар слова увеличивался; и только в первых томах, пока он не освободился от той теории, в коей был воспитан, встречаются изображения неверные, возвышенные вопреки истине, хотя и там сердце отдыхает на привлекательных образах Мономаха, Василька, Мстиславов, Даниила.

Говоря об искусстве, нельзя пропустить удивительную стройность этого огромного здания. Сколько умения требовалось для того, чтоб связать множество разнородных предметов, рассеянных на таком ужасном пространстве, представить в одной картине и государство, и Церковь, и право, и торговлю, и политику. Как удобно ставит Карамзин всякий предмет на свое место! Как легко, не чувствуя никаких неудобств, никакого стеснения, переходите вы с ним из Киева в Новгород, из Новагорода в Литву, из Литвы в Крым, из Крыма в Орду! Как ясно видите вы, что происходит в одно время на севере и юге, востоке и западе.

Припомним, что со стороны искусства, равно как и науки, теперь господствуют совершенно другие требования, а Карамзин писал для своих читателей, не для наших. Ни Ливий, ни Тацит не угодят нашим современникам: припомним, что Карамзин считал еще нужным опровергать Мабли, о котором теперь мы упоминать стыдимся; в его время, сорок лет назад, также была странна природа и простота, как ныне искусственность и щегольство. Мы не любим наряжаться (может быть, и потому, что не во что), а тогда писателям нельзя было явиться в публике без украшения.

* * *

Рассматривая «Историю» Карамзина со стороны науки, мы должны прежде всего заметить, что он не успел кончить своего исполинского труда, не успел замкнуть своего высокого свода, не успел произнести своего заветного слова.

За несколько месяцев до кончины он писал к И. И. Дмитриеву: «Списываю вторую главу Шуйского: еще главы три с

обозрением до нашего времени, и поклон всему миру, не холодный, с движением руки навстречу потомству, ласковому или спесивому, как ему угодно. Признаюсь, желаю довершить с некоторою полнотою духа, живостию сердца и воображения. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь с пером в руке, до пункта, или перо выпадает из руки от какого-нибудь удара. Но да будет воля Божия». Так и случилось. Карамзин после упомянутой главы написал еще две, изобразил ужасное состояние России во время междуцарствия, показал издали прекрасную зарю освобождения от врагов, но здесь, сраженный болезнью, остановился; на роковом выражении «*Орешек не сдавался*» перо выпало из рук великого писателя, и Русская История осиротела.

Всего более должно сожалеть о том, что Карамзин не написал предположенного им обозрения, где в кратких, но ясных, по особенному свойству его ума, чертах мы увидели б его понятие о русской истории, прошедшей, настоящей и будущей, его мнение о судьбе и назначении России, его завещание науке. Вот где должно было представиться органическое развитие истории, вот где должна была выразиться система! Потеря эта вознаграждается отчасти его «Запискою о древней и новой России», о которой мы будем говорить в особом отделении, но эту записку писал он еще очень рано, занимаясь не более семи лет русской историей. После нее он трудился еще пятнадцать лет, пережил нашествие 1812 года, служащее великим комментарием на разные наши задачи, сблизился с императором Александром, увидел бурный конец его царствования, испытал, передумал многое и достиг того возраста, что люди по преимуществу называют мудрым. Какое сокровище ума, опыта, любви к Отечеству мы потеряли в этом завещании Историка! Карамзин имел, правда, друзей, коим сообщал мысли о разных предметах, политических и человеческих, но писатель выражает свое мнение, даже понимает сам себя вполне, только тогда, как пишет.

Повествуя, Карамзин, не думал ни об какой системе; он полагал, кажется, что система должна исходить естественно

из повествования, он хотел только истины, которая сама собою уже будет учить, — а всякое преднамеренное направление истории вредит ей. Он довольствовался видимою связью происшествий, как они одно за другим следовали, и эта связь, эта река русской истории, представлена им отчетливо, вразумительно. Все события, имевшие влияние на судьбу государства, указаны, оценены более или менее, и наука, если не вполне удовлетворяется его историей в настоящем виде, то, по крайней мере, имеет в ней все данные, на коих должна основываться система, и обладает многими замечаниями, кои должны войти в состав системы.

В творении Карамзина сохраняется богатый запас сведений всех родов о русской истории, и Карамзин сделал ее известнее не только — «для многих, даже и для строгих судей своих», как со смирением надеялся, но и для всех вообще соотечественников. Русские узнали и, смело сказать можно, полюбили более Отечество, чем прежде; ибо то можем мы только любить, что знаем, и чем более что знаем, тем более любим; полюбили тем более, что Карамзин передавал свое знание с сердечным участием, как сам прекрасно выразился в предисловии: «Чувство — мы, наше, оживляет повествование, — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в историке, так любовь к Отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души».

Что сказать о нравственном влиянии «Истории» Карамзина на его читателей? Согласимся с новыми учеными, что всякая наука, как истина, должна быть сама себе целью, но прибавим, что истинной наукой не может не достигаться нравственная цель, иначе она была бы недостойна своего имени, заключала б ложь. Как возвышает Карамзин человеческое достоинство! Как питает все благородные чувства! Что сказать об его глубоком уважении русского народа! С какою силою гремит он против венчанного порока и с каким жаром прославляет добродетель, ловит всякую черту ее в людях!

Вот краткое обозрение «Истории» Карамзина и ее достоинств, ее значения и благодетельных следствий, кои продолжаются ныне и долго продолжаться будут...

* * *

Мы должны теперь прославить Карамзина за его действия собственно гражданские.

Недавно (в 1836 г<оду>) сделалась известною «*Записка о древней и новой России*», представленная им императору Александру, и вскоре другая записка о Польше. Это были драгоценные открытия: без них мы не имели бы полного понятия о Карамзине. Они присоединили блистательную страницу к его биографии и к биографии самого императора Александра.

Первая записка подана была Государю чрез Великую Княгиню Екатерину Павловну в 1811 году во время, для нас страшное, когда Наполеон стоял наверху своего могущества и грозил России порабощением, а внутри скоплялся дух неудовольствия вследствие различных обстоятельств.

С чувствами верноподданнического благоговения к Государю Карамзин, после прекрасного обозрения Древней Истории, начинает политическое рассуждение с царствования императора Петра I (составляющего ключ и замок к настоящему и будущему положению России), где и является глубокомысленным политиком.

Представив в общей картине великие подвиги Петровы, он с удивительною проницательностью разбирает вредные по последствиям его деяния, коими, по его мнению, должно почесть следующие:

I. Страсть к новым для нас обычаям, преступившая в нем границы благоразумия. «Петр не хотел вникнуть в истину, — говорит он, — что дух народный составляет нравственное могущество государств, которое, подобно физическому, нужно для их твердости... Государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе распола-

гает ли человека и гражданина к великим делам?.. Предписывать уставы обычаям есть насилие беззаконное и для монарха самодержавного... Честью и достоинством россиян сделалось подражание».

Второе вредное действие Петрово состояло в отделении высшего сословия от низших одеждою и наружностью: «Русские земледельцы, мещане, купцы увидели немцев в русских дворянах, ко вреду братского народного единодушия государственных состояний...»

Третье — ослабление связей родственных, приобретение добродетелей человеческих на счет гражданских. «Имя русского, — спрашивает он, — имеет ли для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде?»

Наконец, блестящею ошибкою Петра Карамзин называет основание столицы в Петербурге.

Не считаю нужным распространяться о том, какой суд произнес… историк царствованиям — Екатерины I с Меньшиковым, Петра II с Долгорукими, Анны с Бироном, Елизаветы... Петра III...

Рассуждение о Екатерине I он начинает так:

«Главное дело сей незабвенной Монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив своей силы... Что она возвысила нравственную цену человека в своей державе…»

Наконец, приступает Карамзин, пред лицом императора Александра, к изображению его собственных действий. Эпиграф, им избранный из псалма: «Несть льсти в языце моем», исполняется во всей силе. Трепеща за Отечество, он яркими, страшными красками изображает состояние России и разбирает все меры правительства относительно внешней политики, законодательства, устройства, финансов, осуждает расположение к преобразованиям, говорит об искусстве избирать людей и обходиться с ними, об общественных наградах и наказаниях...

Не мое дело разбирать здесь, в какой степени справедливы его замечания и действительны меры; не в верности

мыслей и не в действительности мер заключается главное достоинство Карамзина в эту великую минуту его жизни, а в гражданском мужестве произнести, без всякого лицеприятия, мнение, которое он по долгу совести и присяги считал справедливым и полезным, какие бы от того ни произошли для него следствия. Заметим (что очень важно), Карамзин был тогда еще только литератором, не представлял еще своей «Истории», не находился еще наверху своей славы, не приобретал общенародной и европейской известности, имел необходимую нужду в добром мнении и благоволении Государя, даже для издания своего бессмертного труда. Это были критические минуты в его жизни, — и он не убоялся сказать прямо все, что чувствовал.

Записку свою он заключил следующими прекрасными словами:

«Любя Отечество, любя Монарха, я говорил искренно. Возвращаюсь к безмолвию верноподданного — с сердцем чистым, моля Всевышнего: да блюдет Царя и Царство Русское!»

Во второй записке, о Польше, Карамзин с жаром восстал против намерений императора Александра I и старался защищать исторические права России на те области, кои до сих пор несведущие или даже злонамеренные люди в Европе называют польскими, хотя они заселены русскими племенами, говорят русским языком, исповедуют русскую веру.

В этих двух записках, без коих мы не знали бы еще всей высокой души Карамзина, заключается и ответ на ту известную эпиграмму, которую другой великий человек русский, тогда еще неопытный и легкомысленный юноша, произнес на «Историю государства Российского» и которую считаю своим долгом теперь отстранить.

Нет, Карамзин не льстил самодержавию; но, изучив русскую историю более всех, зная ее лучше всех, посвятив ей тридцать лет своей жизни, он одобрял самодержавие по внутреннему своему убеждению, считая это правление спасительным для пользы и славы Отечества.

Говорить это пред лицом поколения, воспитанного в других началах, говорить в ущерб своей славе, против общего мнения всей Европы, принять историку на себя подозрение в недобросовестности, — о, для этого Карамзин имел нужду, может быть, еще более в том гражданском мужестве, которое внушало ему правдивые речи государям. Льстить или потворствовать толпе гораздо легче и выгоднее.

«Не знаю, — говорит он в одном из последних писем, — дойдут ли люди до истинной гражданской свободы, но знаю, что путь далекий и дорога весьма не гладкая».

Всего яснее выразил он мысль свою о русском правлении и вместе о своем образе мыслей и действий в следующем письме к Ивану Ивановичу Дмитриеву:

«Мне гадки лакеи — и низкие честолюбцы, и низкие корыстолюбцы. Двор не возвысит меня. Люблю только любить Государя: к нему не лезу и не ползу. Не требую ни конституции, ни представителей, но по чувствам останусь республиканцем и притом верным подданным Царя Русского. Вот противоречие, но только мнимое».

Вот, прибавлю я здесь, тайна русской истории, тайна, которой не может постигнуть ни один западный мудрец. Русская история представляет всегда Россию одним семейством, в котором Государь — отец, а подданные — дети. Отец сохраняет над детьми полную власть, предоставляя им полную свободу. Между отцом и детьми не может быть недоверчивости, измены; судьба, счастье и спокойствие их — общие. Это обо всем государстве, но и в частях его примечается отражение того же закона: военачальник должен быть отцом своих воинов, помещик отцом крестьян и даже служители в доме всякого хозяина называются на древнем выразительном языке нашем домочадцами. Пока этот союз свят и нерушим, до тех пор спокойствие и счастье, — лишь только где бы то ни было он начинает колебаться, как и беспорядок, замешательство, тревога.

Считаю нужным сказать это, для объяснения мыслей Карамзина, который заслужил ими благоволение двух госу-

дарей, к славе их троих: император Александр называл его своим искренним; император Николай написал в незабвенном своем рескрипте: «И за покойного Государя, и за себя самого, и за Россию изъявляю Вам признательность, которую Вы заслуживаете и своею жизнью, как гражданин, и своими трудами, как писатель».

Карамзин говорил и думал так двадцать пять лет назад, а время живет ныне скорее прежнего, если можно так выразиться: всякий век имеет свой взгляд на вещи и свои требования. Но едва ли слова Карамзина утратили для нас много своего значения!

* * *

Нам остается говорить о Карамзине как о человеке.

Все свои труды, как ни были они велики, все свои заслуги, как они ни были важны, всю свою славу, как ни была она блистательна, Карамзин ставил ни во что, пред достоинством собственно человеческим. Самое высокое, самое чистое понятие о жизни выразил он в следующем письме к Тургеневу: «Жизнь есть не писать историю, не писать трагедии или комедии; а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душой к его источнику; все другое есть шелуха, не исключая и моих осьми или девяти томов!»

Может ли быть что-нибудь выше, назидательнее, умилительнее этих слов в устах такого знаменитого и заслуженного человека, как Карамзин, наверху почестей и славы. Золотыми буквами должны они быть написаны не только в кабинете ученого, но даже и всякого действующего на каком бы то ни было поприще человека — да читая их, смиряемся.

Думая с такою скромностью о великом труде, которому посвятил он свою жизнь, который завещал потомкам в драгоценное наследство, которого достоинства я старался представить вам теперь вкратце, Карамзин, однако ж, любил его сердечно, что выразил очень трогательно в письме к Дми-

триеву: «Работа сделалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность к небу за свое историческое дело! Знаю, что и как пишу, в своем тихом восторге не думаю ни о современниках, ни о потомстве: я независим и наслаждаюсь своим трудом, любовью к Отечеству и человечеству. Пусть никто не будет читать моей истории: она есть, и довольно для меня. За неимением читателей, могу читать себе и рассуждать, где и что хорошо. Мне остается просить Бога единственно о здоровье милых и насущном хлебе, до тех пор,

Как лебедь на водах Меандра,
Пропев, умолкнет навсегда».

Скромность и смирение в последние годы его жизни достигли высочайшей степени. Вот что писал он в 1819 году при известии о разных на него доносах:

«Будучи и моложе, я не хотел сражаться с нашими литературными забияками. Пусть они единоборствуют... вступаются будто бы за Иоанна Грозного. И тут ничего не предпринимаю: есть Бог и Царь! Если моя так называемая слава мыльный пузырь, то Бог с нею. Желаю не сердиться и, кажется, едва ли сержусь».

В другом месте он отвечал И. И. Дмитриеву:

«А ты, любезнейший, все еще думаешь, что мне надобно отвечать на критики. Нет, я ленив, хочу доживать век в мире. Умею быть благодарным, умею не сердиться и за брань. Не мое дело доказывать, что я, как папа, безгрешен. Все это дрянь и пустота. Так мне часто кажется; желаю, чтоб и всегда казалось».

Вот еще замечательные слова, кои могут занять место в нравственной психологии, показывая новую черту в движениях сердечных, которая не была замечена или выражена никем из нравоучителей.

«Я ленив, горд смирением и смирен гордостью. Суетность во мне есть, к сожалению; но я искренно презираю ее

в себе, и еще более, нежели в других; следовательно, она по крайней мере не сведет меня с ума!»

После скромности скажем об его умеренности: «Правило жить день за день есть верх мудрости, до которого желаю достигнуть. Я очень, очень счастлив, когда умом и сердцем нейду в даль, когда жена, дети и друзья здоровы, и пять блюд на столе готовы. Взглянуть в умную книгу, подумать, иногда поговорить не глупо: вот роскошь! к ней можно прибавить и работу, без всякого отношения к самолюбию. А на том свете то ли будет? Вот рецепт, который пишу для себя ежедневно, но который не всегда вылечивает меня от меланхолических припадков».

Спокойствие и преданность воле Провидения водворялись в его душу со всяким днем более и более. Привожу еще некоторые места из его писем:

«Лучший мой день, который провожу дома, и лучший час, когда всею душою предаюсь в волю Провидения. Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть как сладкое успокоение в объятиях Отца! В мои веселые и светлые часы я всегда бываю ласков к мысли о смерти, мало заботясь о бессмертии авторском, хотя и посвятил здесь способности ума авторству».

Одна только мысль об Отечестве его занимала и никогда не покидала. Вот что писал он к Тургеневу в 1825 году: «Для нас, русских, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует: все иное есть только отношение к ней, мечта, привидение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России, или нет гражданина, нет человека…» (46)

В последнем письме к Дмитриеву он изъявил желание: «Да будет славен Николай между венценосцами-благотворителями России».

Предложу, наконец, не опасаясь утомить ваше внимание, отрывок из письма Карамзина к одному знаменитому его другу, графу Каподистрия, переведенного Жуковским и написанного за полгода до кончины, где видна душа его в полном свете.

Сказав несколько слов о разлуке, Карамзин продолжает: «Хотя друг и далеко, но об нас помнит, а мы бессмертны. Соединение душ не прекращается с жизнью материальной: переживший сохраняет воспоминание, отшедший, быть может, более выигрывает, нежели теряет. Земные путешественники слишком рассеяны: им нет досуга заботиться о дружбе; не прежде как бросив свой посох, мы можем предаться вполне привязанностям своего сердца: тогда растерянное во времени будет отыскано в вечности... О, как я люблю еще моих товарищей путешествия! Как трогает меня их бедная участь, как вся душа моя полна жалости для стольких ближних, для стольких народов!.. Не слишком боясь смерти, иногда смотря на нее с каким-то радушием и любя повторять с Ж.-Ж. Руссо, что засыпающий на руках отца беззаботен о своем пробуждении, я допиваю по капле сладкое бытие земное и радуюсь им по-своему, неприметно для зависти. Подходя к концу жизни, я благодарю Бога за все, что он мне даровал в ней; может быть, ошибаюсь, но совесть моя спокойна, милое Отечество ни в чем не упрекнет меня, я всегда был готов служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязан ответствовать».

В последнем письме к Дмитриеву, за месяц до кончины, Карамзин пишет: «Говорят мне, и сам чувствую, что хорошо б было мне удалиться отсюда летом, даже необходимо для совершенного выздоровления, но куда и как? наши способы! мой характер! Александра нет! Все мои отношения переменились*. Но остался Бог тот же и моя вера к нему та же. Если надобно мне зачахнуть в здешних болотах, то смиряюсь в духе и не ропщу. Не могу говорить с живостью, задыхаюсь. Брожу по комнате, читаю много, имею часто сладкие минуты в душе: в ней бывает какая-то тишина неизъяснимая и несказанно приятная».

Эта земная тишина, милостивые государи, была уже предвестницей другой тишины, которая, верно, ожидала его в небе. Он скончался вскоре, 1826 года, мая 22-го дня. Предла-

* Карамзин недолго оставался в этой неизвестности. Царствующий ныне Государь Император, немедленно по вступлении на престол, успокоил царски знаменитого труженика относительно судьбы его семейства.

гаю описание кончины Карамзина словами его воспитанника Жуковского:

«С глубоким благоговением видел я умирающего Карамзина, и никогда это видение не изгладится из души моей. При мысли о кончине такого человека, о переходе такой души в тот мир, где у Отца обителей много, все наши понятия о жизни, смерти и бессмертии преображаются для нас во что-то светло-очевидное. Кто знал внутреннюю жизнь Карамзина, кто знал, как всегда он был непорочен в своих побуждениях; как в нем все живые, независимые от воли движения сердца были по какому-то естественному сродству согласны с правилами строгого разума, как твердый его разум всегда смягчен был нежнейшим чувством, какой он был (при всей высокой своей мудрости) простосердечный младенец и как верховная мысль о Боге всем владычествовала в его жизни, управляя желаниями и действиями, озаряя труды его гения, проникая житейские его радости и печали и соединяя все его бытие в одну гармонию, которая только с последним вздохом его умолкла для земли, дабы на веки продолжаться в мире ином, словом, кто имел счастие проникнуть в тайну души Карамзина, для того зрелище смерти его было освящением всего, что есть прекрасного и высокого в жизни и подтверждением всего, что Вера обещает нам за гробом. На камне, покрывающем остатки Карамзина, вырезаны слова Спасителя: "*Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*"».

Я вижу слезы на глазах ваших, милостивые государи! Что я могу прибавить к этому красноречивому волнению сердец ваших... Лучше умолкнуть... Прерываю мое слово. Карамзин принадлежит всей России, но вам, милостивые государи, принадлежит он преимущественно. Здесь он родился; здесь получил начальное воспитание и обогатился впечатлениями детства и юношества, столь важными в жизни человеческой; между вами нашел он себе первого друга и советника в литературных занятиях*; между вами нашел он себе первого путеводителя, который ввел его в московское ученое общество и дал

* Иван Иванович Дмитриев.

направление его дальнейшему образованию и учению*, вы, наконец, предупредили своих соотечественников в благом намерении воздвигнуть общественный памятник знаменитому гражданину и приняли самое деятельное участие в его исполнении. На вас, разумеется, должно было подействовать самое простое и безыскусственное воспоминание о жизни и трудах Карамзина. Но я уверен, что и всякий из наших соотечественников, в котором бьется русское сердце, которому мило русское слово, которому дорога русская слава, кто любит свою Святую Русь, кто предан просвещению, вспомнив благодеяния Карамзина, всегда произнесет ему внутренне свое русское сердечное спасибо, которое лучше, выше, сильнее, дороже не только моего скудного слова, но и всех витийственных панегириков Греции и Рима, — искренняя, свободная дань хвалы, чести, признательности и любви.

Пусть памятник, теперь ему соизволением императора Николая здесь поставленный, одушевляет ваших детей, все следующие поколения, в благородном стремлении к высокой цели Карамзина! Пусть дух его носится в России! Пусть он останется навсегда идеалом русского писателя, русского гражданина, русского человека, — по крайней мере, долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой.

Воспоминание об Алексее Степановиче Хомякове

(речь, произнесенная в публичном собрании Общества любителей российской словесности, при Московском Университете, 6 ноября 1860 года)

Скорбным, слезным словом должен я открыть ныне заседания Общества любителей российской словесности в наступившем академическом году: не стало нашего первого, любимого председателя, Алексея Степановича Хомякова.

* Иван Петрович Тургенев.

Скажешь — и не веришь собственным словам своим. Неужели это правда? Неужели умер Хомяков, он, в котором волновался с такою силою избыток жизни, с которым, даже в воображении, не соединялась никогда мысль о чем-нибудь неподвижном. Давно ли мы его видели, — вот что он говорил, вот как он шутил! Да, вы видели, — вы слышали его, шутили с ним, может быть, недавно, но теперь его уже нет, и вы не увидите, не услышите его больше никогда, не будите ни смеяться, ни плакать с ним, а только о нем.

Как же это случилось? Мудрено отвечать на такой простой, естественный вопрос. Нечаянно, неожиданно, непонятно, невероятно, — он умер, и больше ничего почти сказать нельзя.

Странная, удивительная судьба написана, кажется, вверху нашему времени. Как будто б там, в воздухе, высоко, борются между собою два наши начала, доброе и злое, враждебные между собою, и мы, подобно Ахеянам, поражаемым невидимыми стрелами Аполлона, чувствуем только на себе, на наших телах, в наших душах, в наших обстоятельствах, когда победа склоняется на противоположную нам сторону, вопреки всем соображениям, ожиданиям и расчетам. Иначе объяснить нельзя, что с нами ежедневно случается!

Вот, например, рассвело прекрасное утро — небо ясно и чисто, на горизонте не видать ни облачка, сердце радуется, готовясь встретить чудесный, светозарный день. Вдруг откуда ни возьмутся тучи, больше и больше, гуще и гуще, — несколько минут, — и так заволокло ими солнце, что зги Божей не видно.

Или солнце сияет во всем своем блеске и разливает повсюду пламенные лучи, но глаза наши застилаются вставшим из земли туманом, и мы видяще не видим, и слышаще не разумеем.

Вы пускаетесь в путь по дороге, гладкой, ровной, давно знакомой, — но вот падают с неба камни, проваливается земля под вашими ногами, а в другом месте встают снизу

недосягаемые заборы, и вам нет возможности двинуться ни взад, ни вперед.

Лучшие, изведанные средства приводят к целям совершенно противоположным.

Где должно было ожидать наверное величайшей пользы, там получается вред, а где боялись вреда, там очутилась польза.

Умные люди делают глупости хуже пошлых дураков.

Добрейшим людям вспадают на мысль меры самые жестокие и грубые.

А с мудрецов так уже, кажется, и не сходит затмение.

Везде замешательство. Неизвестность, неопределенность, сомнение, и заключаешь тем, что не веришь никому и ничему, а между тем вдали гром гремит. Перекаты его порою слышатся ближе и ближе. Вон уже сверкают и молнии.

Мы идем вперед — в этом нет никакого сомнения, — но мы идем в потемках, толкаемся между собою, роняем друг друга, падаем в грязь, и часто того гляди, что попадешь в яму, если не в пропасть. Иной высечет огня, но противный ветер, откуда ни возьмется, задует тотчас его одинокий факел, а подчас и спутники постараются избавиться от докучного света. Он опасен для глаз, говорят благонамеренные люди, или нам не такого надо. А вопросы один другого важнее. Поднимаются везде поминутно, растут и требуют немедленного решения. Бывали везде у народов моменты мудреные, случались с государствами болезни тяжелые, но по крайней мере имена их были известны, и чувствовалось, где, что и как болит; у нас нет врагов, нет и злодеев между нами, подобных каким-нибудь древним страшилищам, а все-таки мы должны беспрестанно оглядываться, чтоб какою-нибудь дружескою рукою не хватило нас в висок; чтоб каким-нибудь доброжелательным ударом не раскроило лба, — тревожная, томительная жизнь, по мелочи истощающая силы. Горе тем, у кого в этой противной тьме глаза получают иногда совиное свойство; горе тем, у кого по временам проявляется Кассандрино чутье: видеть и знать, что слова напрасны, что помочь нельзя;

чувствовать иногда силу и быть осуждену на бездействие, — о, этого положения нет мучительнее, душегубительнее!

И падают, один за другим, наши лучшие, благороднейшие люди, мыслящие, чувствующие, те, на которых отдыхал взор, о которых сладко было думать, которые одним именем своим доставляли утешение, — падают без всяких достаточных причин. Не успеешь схоронить одного, рой могилу другому, не выпуская из рук заступа, и готовься оплакивать третьего: за Глинкою последовал Иннокентий, за Иннокентием Грановский, за Грановским Иван Киреевский, Петр Киреевский, за Киреевскими Аксаков, за Аксаковым Иванов… теперь Хомяков. Сколько между ними еще людей достойных, более или менее замечательных, потеряли мы, — и все они погибли в продолжение каких-нибудь пяти-шести лет, имевших, впрочем, свое грозное вступление насильственными смертями Грибоедова, Пушкина и Лермонтова, противоестественною смертью Гоголя, — как будто злой рок давно уже придумал для нас этот род нравственного наказания.

Хомяков! Что это была за натура, даровитая, любезная, своеобразная! Какой ум всеобъемлющий, какая живость, обилие в мыслях, которых у него в голове заключался, кажется, источник неиссякаемый, бивший ключом при всяком случае направо и налево. Сколько сведений, самых разнородных, соединенных с необыкновенным даром слова, текшего из уст его живым потоком. Чего он не знал? И только слушая Хомякова, можно было верить баснословному преданию о Пике Мирандольском, предлагавшем прение de omni re scibili. Друг без друга они не объяснимы.

Богослов он был первостепенный, могший по праву заседать на любимом соборе. Мирянин, он первый в наше время поднял знамя Православной церкви пред поклонниками папы, пред последователями Лютера и Кальвина, и три напечатанные им за границей записки произвели впечатление в Западной церкви. Католические прелаты должны были сознаться: oh celiu-ci est três-fort. Немецкие профессора нахмурили брови и собираются с силами, чтоб отвечать ему.

Оксфордские ученые приняли Хомякова торжественно и дали ему почетный обед. В конце прошедшего года он читал мне у себя в деревне четвертую свою записку о том же предмете, в форме письма ко вновь посвященному Утрехтскому епископу. Утрехтские епископы, следующие учению Янсениеву, относятся обыкновенно по своем определении к папе за утверждением, и папа присылает им всегда отлучение от церкви. Хомяков, могущественной, беспощадной своей логикой, припер к стене Янсениста так, что тот едва ли найдет что отвечать на послание из села Богучарова. Хомяков был намерен отправить его за границу для печати, потому что здесь благодаря продолжающимся недоразумениям цензуры печатать не мог.

Знакомый со всеми постановлениями, западными и восточными, проникнутый так глубоко духом Церкви вселенской, Хомяков точно так же коротко знал подробности в истории нашей Церкви и на всякой Святой неделе не упускал ни одного случая спорить с раскольниками на паперти Успенского собора, и они сознавались, чтоб этому барину архиереем быть.

Философия была одним из любимых его занятий, и ничего не любил он столько, как бороться с Гегелем, последним ее представителем, и бить его последователей, незваных наших философов, которые, заимствовав учение из вторых и третьих рук или отведав его на первых страницах феноменологии или логики, не могли, разумеется, отражать его ударов и, разбиваемые в прах, должны были всегда оставлять битву со скрежетом зубов и пеною у рта. Они делались лютейшими врагами Хомякова, и имя его в некоторых кружках не произносилось без остервенения. Хомяков платил им насмешками и остротами.

В статьях Хомякова, помещенных в «Москвитянине», «Московском сборнике» и «Русской беседе», рассыпано много глубоких мыслей, кои обратят на себя со временем ученое внимание. Смерть застигла Хомякова за статьей о философии, которую писал он еще накануне, в форме письма к Самарину, для второй книги «Русской беседы».

Что сказать мне о *филологии*? Слушая исследования Хомякова о происхождении слов, путешествуя с его корнями из глубины санскрита в готскую Библию Ульфилы и к славным памятникам св. Кирилла и Мефодия, преследуя с ним развитие грамматических форм, перерождение звуков, по всем языкам индо-европейским и семитическим, не знаешь, бывало, чему удивляться больше: проницательности ли его умственного взора, силе ль его славянской догадки или его вдохновенному, пиитическому чутью. Он был рожден, казалось мне тогда, для филологии, не той нищенской, что у нас в моде, а филологии высшей, которая соприкасается с одной стороны философии, а с другой — истории.

История — как удивится русский ученый мир, когда узнает, что Хомяков оставил исследования и размышления о всех важнейших событиях и происшествиях исторических, томов по крайней мере на шесть. С лишком тридцать лет работал он, по-видимому праздный и рассеянный, над своею Семирамидою, так назвал он это сочинение, и только недавно самые друзья его узнали об ее существовании. Нынешней зимою он показывал мне в деревне кипы почтовой бумаги, исписанной вплоть до краев его мелким почерком, и обещался приступить вскоре к изданию. Хотя исследованиям своим Хомяков не давал никакой ученой, строгой формы, хоть они не имеют почти нигде нужных ссылок, ибо он начал записывать свои мысли только для себя, не думая о печати, но они должны произвести сильное умственное движение в молодом поколении, пуская в оборот много нового, свежего, своеобразного.

А мысли его касательно *права*, догадки о происхождении разных юридических постановлений, о значении целовальников, о преимуществах третейского суда, о свойствах большинства голосов? А согласование различных мифологий? А объяснения народных песен, пословиц, поговорок, обрядов?.. Нет, лучше остановиться и прервать бесконечное исчисление. Говоришь и чувствуешь недоверчивость к себе, какую-то боязливость: неужели все это так? Но многие мои

слушатели, я уверен, в эту же минуту припоминают другие черты и сетуют на меня, зачем я пропустил их, подтверждая тем все мною сказанное. Одним словом, не было науки, в которой Хомяков не имел бы обширных познаний, которой не видел бы он пределов, о которой не мог бы вести продолжительного разговора со специалистом или задать ему важных вопросов. Кажется, ему оставалось только объяснить некоторые недоразумения, пополнить несколько пробелов…

И в это же время Хомяков писал проекты об освобождении крестьян. За много лет до состоявшихся рескриптов* предлагал планы земских банков или, по поводу газетных известий, на ту пору полученных, распределял границы Американских республик, указывал дорогу судам, искавшим Франклина, анализировал до малейшей подробности сражения Наполеоновы, читал наизусть по целым страницам Шекспира, Гете или Байрона, излагал учение Едды и Будийскую космогонию.

И в это же время Хомяков изобретает какую-то машину с сугубым давлением, которую посылает на Английскую всемирную выставку и берет привилегию; сочиняет какое-то ружье, которое хватает дальше всех, предлагает новые способы винокурения и сахароварения, лечит гомеопатией все болезни на несколько верст в окружности, скачет по полям с борзыми собаками зимней порошею за зайцами и описывает все достоинства и недостатки собак и лошадей, как самый опытный охотник, получает первый приз в обществе стрельбы в цель, а ввечеру является к вам с сочиненными им тогда же анекдотами о каком-то диком прелате, пойманном в Костромских лесах, о проворном викарии, который в Чернигове, изнемогая под силою Животворящего креста, прибегнул успешно к скорому помощнику и заступнику Николаю Чудотворцу, о ревности какого-то Пермского исправника в распространении христианской веры, за которое был он представлен к ордену св. Владимира, но не мог получить его,

* Первая его статья об этом предмете (крестьянские условия) помещена в «Москвитянине» 1842 года.

потому что оказался мусульманином. А известия, слышанные им от любезных соседей и соседок… Явился Хомяков, и все собрание заливается единодушным хохотом, у самых угрюмых посетителей разглаживаются все морщины, все заботы позабываются, и с первых слов начинается спор, спор горячий, о предметах первостепенной важности или, все равно, предметах самых пустых и ничтожных. Спор — это была стихия Хомякова: в споре, чем он был живее, опаснее, тем более возбуждалась его творческая сила, и следовать за ним, особенно когда он был, что называется, в ударе, было высокое психологическое наслаждение.

В спорах, равно как и простых беседах, во всех сочинениях есть у него много парадоксов, неверных положений, утверждений, даже противоположных истинным, — но все эти выходки имели характер такой оригинальности, неожиданности, свежести, предлагались они с такой любезностью, простодушием или искусством, что производили всегда действие необыкновенное, возбуждая мысль и подавая повод к новым плодотворным исследованиям. Речь его оканчивалась обыкновенно смехом детским, веселым, с вопросительным междометием, особенно после какой-нибудь ловкой выходки, удачного удара, счастливого сравнения, кои ему самому нравились. Или после улики в неправильной цитате. Рассердит он вас иногда донельзя, вы готовы бранить его изо всех сил; он выслушает вас с невозмутимым спокойствием и через минуту заставит вас хохотать еще громче его, смеясь с вами над собою.

Некоторые изобретения его подавали особенно повод к сценам самым забавным. Например, машину, отосланную им на Английскую выставку в модели, Хомяков назвал безмолвным двигателем, предполагая, вероятно, что действие ее будет совершаться в полной, торжественной тишине, а она на пробеге в Лондоне, устроенная по его модели, подняла такой шум и стук, издала такие необыкновенные, пронзительные и раздирательные дикие звуки, что все соседи, чуть ли не целый квартал, грозились подать просьбу в парламент, если

она не прекратит своих опытов. Хомяков, услышав о таких неожиданных проказах своего безмолвного двигателя, велел переименовать его Московкою. Кстати сказать здесь, что машину свою он отдавал на руки известного нашего санскритолога, профессора Коссовича, который, в свою очередь, нашел для нее в Лондоне механика Браму.

Ружье, изобретенное Хомяковым, должно было хватать на расстояние баснословное, каким оно осталось, за неимением, кажется, нужных пуль при назначенной от артиллерийского департамента пробе, для которой он ездил нарочно в Петербург, а после забыл, обратясь к новым, занявшим его предметам.

Сюда же относятся и некоторые, так сказать, причуды Хомякова, коим придавал он, однако, значение, разумеется, не без умного основания, его мурмолка, его святославка, подававшие такое легкое средство для его противников смеяться над ним и возбуждать подозрение к его степенности.

А в чем Хомяков, столько разнообразный, как мы видели, в проявлениях своей деятельности, полагал свое назначение? Незнавшие его, разумеется, не отгадают никогда этого мнения. Он считал себя рожденным для живописи, и по целым неделям, бывало, сидел он, держа в руках палитру, малюя свой портрет в зеркало, портрет своей жены, сочиняя сцены, располагая пейзажи, составляя новые краски, чертя архитектурные планы, кои приводил иногда и в исполнение.

Живопись и архитектура, коих я теперь коснулся, приводят мне на память поэзию, которую я забыл, исчисляя достоинства Хомякова, а между тем одной его поэзии достаточно, чтоб доставить его имени прочную славу. Лирические его стихотворения, исполненные чувства и мысли, дышащие любовью, сохранятся навсегда в пантеоне русской поэзии вместе с подобными произведениями покойных друзей и товарищей, Жуковского, Пушкина, Баратынского, Веневитинова, Языкова, вопреки нелепым, опрометчивым воплям современной ему, близорукой критики, с Белинским, которая, никак не в силах подняться до высоты беспристрастия,

осуждала, имея в виду не то, что написано, а кто написал. Хомяков был противен ей за некоторые свои убеждения, и она старалась всеми силами поносить его, равно как и Языкова, что приняли по завещанию и настоящие ее последователи, не смеющие ступить шагу без учителя. Туман, впрочем, начинает развеиваться, и новое поколение, отдавая каждому свое, взвесив все обстоятельства, взглянет своими глазами иначе на русскую словесность последнего периода.

Таковы достоинства Хомякова; но человек нашего времени, слышу модное выражение, ценится по отношению его к настоящей жизни, по приложению к насущным потребностям. Это любимая тема многих наших мыслителей, для которых все науки и искусства, не совсем, впрочем, им знакомые, значительно понизились. Время ли толковать теперь, вопиют они, о схоластических тонкостях богословия, что нам за дело до абсолютных положений Гегеля? Смешно пускаться в темные исследования о корнях слов, а история новая, что совершается перед нашими глазами, гораздо интереснее всякой Семирамиды. Жизнь и ее настоящие требования — вот что выше всего.

Такие возражения дают мне повод говорить об отношениях Хомякова к жизни и настоящему времени, где он представится нам еще величественнее.

Хомяков горячо любил Отечество, питал искреннее, глубокое почтение к русскому народу, имел совершенную доверенность к успехам его развития, лишь только снимутся с него душевные и телесные кандалы, видел ясно высокую цель России предопределенную, принимал к сердцу несчастную судьбу славянских братий, стонущих под игом Австрии и Турции, Германии, и призывал всеми силами души своей их возрождение. Запад, по многим своим явлениям, представлялся ему, вместе с его друзьями, отжившим свой лучший век, завещающим исторический прогресс Востоку.

Чувствования свои, убеждения, верования Хомяков выражал во вдохновенных стихах, коими я постараюсь те-

перь изложить вам, мм. гг., его вернейшую внутреннюю биографию.

Вот что он пел о Западе:

О грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
На дальнем Западе — стране святых чудес,
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес.
А как прекрасен был тот Запад величавый!
Как долго целый мир, колена преклонив,
И чудно озарен его высокой славой,
Пред ним безмолвствовал смирен и молчалив.
Там солнце мудрости встречали наши очи,
Кометы бурных сечь бродили в высоте,
И тихо, как луна — царица летней ночи,
Сияла там любовь в невинной красоте.
Там в ярких радугах сливались вдохновенья,
И веры огнь живой потоки света лил!..
О!.. никогда земля, от первых дней творенья,
Не зрела над собой столь пламенных светил.
Но горе! Век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь! Там будет мрак глубок.
Услышь же глас судьбы, воспрянь в сиянье новом,
Проснися дремлющий Восток!

Несмотря на эти мысли, на эти чувства, общие Хомякову с его друзьями, — позволю себе сделать отступление, — враждебная сторона, слепая в своей личной злобе, твердила о ненависти нашей к Западу и находила легковерную чернь, повторявшую, что мы терпеть не можем Запада, чем и приводилось в заблуждение общее, неустановившееся мнение. Настала, однако ж, пора, что предводители этой партии, изведав на опыте, на своих душах, западные болезни, начали соглашаться в верности нашего взгляда, и мы виноваты, сле-

довательно, только в том, что увидели и осмелились сказать это прежде их. Время покажет правду еще явнее.

Из западных государств Хомяков любил преимущественно Англию. Он знал подробно ее историю, развитие всех ее политических учреждений, был знаком коротко с ее литературой и владел английским языком, как французским и немецким.

Мнение свое об Англии он выразил в следующих великолепных стихах:

Остров пышный, остров чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучший камень изумрудный
В голубом венце морей!
Грозный страж твоей свободы,
Сокрушитель чуждых сил,
Вкруг тебя широко воды
Океан седой разлил.
Он бездонен и просторен,
И враждует он с землей;
Но смиренен, но покорен,
Он любуется тобой.
Для тебя он украшает
Свой неистовый набег;
И, ласкаясь, обнимает
Твой белеющийся брег.

Дочь любимая природы,
Благодатная земля!
Как кипят твои народы,
Как цветут твои поля!
Как державно над волною
Ходит твой широкий флаг!
Как кроваво над землею
Меч горит в твоих руках!
Как светло венец науки
Блещет над твоей главой!

Как высоки песен звуки,
Миру брошенных тобой!
Вся облита блеском злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна и сильна.
И далекие державы,
Робко взор стремя к тебе,
Ждут, какие вновь уставы
Ты предпишешь их судьбе.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебе мирская слава
Выше Божьего суда;
Но за то, что церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты к подножью
Власти суетной, земной…
Для тебя, морей царица,
День придет, — и близок он, —
Блеск твой, злато, багряница,
Все пройдет, минет как сон:
Гром в руках твоих остынет,
Перестанет меч сверкать,
И сынов твоих покинет
Мысли ясной благодать.
И забыв твой флаг державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграет своенравно
Моря шумная волна.

И другой стране смиренной,
Полной веры и чудес,
Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли и глас небес.

Призывая Восток к славному действию, Хомяков был уверен, особенно в начале Турецкой войны, также вместе со своими друзьями, что почин должен принадлежать России. Но вместе с сим он сознавал, что она не готова идти на святой подвиг, что ей прежде всего нужно раскаяние, исправление, очищение. Вот что говорил он России, начиная изречением Писания: «Не уклони сердца моего в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех»:

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет,
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов Он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена.
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

О недостойная избранья!
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,

Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой.

Душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совести растленной
Елеем плача исцели.

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыль кровавых сечь.
Борись за братьев крепкой бранью.
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечем — то Божий меч.

Историческая верность требует заметить, что это стихотворение подверглось осуждению слишком осторожного местного начальства, и вещий поэт, которого слова должны были быть вылиты из золота, принужден был дать подписку какому-то полицейскому чиновнику, что не будет давать для чтения никому своего бессмертного стихотворения.

Он исполнил данное слово и не давал никому своего стихотворения (я получил его прежде подписки), но написал другое:

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха песни шумной,
Не с звоном чаши круговой,
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На подвиг грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.

О Русь моя! Как муж разумный,
Сурово совесть допросив,

С душою светлой, многодумной,
Идет на Божеский призыв:
Так, исцелив болезнь порока
Сознаньем, болью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко,
В сияньи новом и святом.

Иди, тебя зовут народы,
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир.
Иди, светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром.
Грозна, прекрасна, Ангел Бога,
С огнесверкающим челом.

Надеюсь, что дешевые наши обличители, читая эти стихотворения, писанные в 1853 году, согласятся, что им ничего не приходилось сказать сильнее и смелее. Эти стихотворения останутся на веки веков свидетелями того гражданского мужества, которое день ото дня отходит от нас в область мифологии.

О братьях, упомянутых в последнем стихотворении, Хомяков начал говорить гораздо раньше, лет за двадцать до возникновения Восточного вопроса.

Беззвездная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя под окном;
О Праге я с грустною думал отрадой,
О Праге мечтал, забываяся сном.

И мнилось, лечу я… орел сизокрылый
Давно и давно бы в полете отстал,
А я, поднимаем невидимой силой,
Все выше и выше взлетал.

И с неба картину я зрел величаву:
В убранстве и блеске весь Западный край,
Мораву и Лабу и дальнюю Саву,
Гремящий и синий Дунай.

И Прагу я видел; и Прага сияла,
Сиял златоверхий на Петчине храм.
Молитва славянская громко звучала
В напевах, знакомых минувшим векам.

И в старой одежде святого Кирилла
Епископ на Петчин всходил,
И следом валила народная сила,
И воздух был полон куреньем кадил.

И клир, воспевая небесную славу,
Звал милость Господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синий Дунай.

Все славяне для Хомякова были равны между собой, сильные и слабые, многолюдные и малочисленные, богатые и бедные: всех считал он имеющими одинаковое право на развитие, преуспевание и всех призывал к новой жизни.

Напомню еще стихотворение, примечательное духом высокого смирения.

Не гордись перед Белградом,
Прага, чешских стран глава:
Не гордись пред Вышеградом,
Златоверхая Москва!

Вспомним: мы родные братья,
Дети матери одной.
Братьям братские объятья,
К груди грудь, рука с рукой!

Не гордися силой длани
Тот, кто в битве устоял!
Не скорби, кто в долгой брани
Под грозой судьбины пал!

Испытанья время строго;
Тот, кто пал, восстанет вновь:
Много милости у Бога,
Без границ его любовь.

Пронесется мрак ненастный,
И, ожиданный давно,
Воссияет день прекрасный:
Братья станут заодно.

Все велики, все свободны,
На врагов победный строй,
Полны мыслью благородной,
Крепки верою одной.

Песни Хомякова донеслись до славян и сделались вскоре национальными у сербов, чехов, кроатов, болгар. Неизвестные некоторым фельетонистам нашим, они раздаются теперь от Адриатического моря до Черного, от Дуная до Днепра, от Альпийских гор до Карпат, питая надежды, согревая сердце, возбуждая дух.

Нечего говорить, как последнее окончание восточной войны, обманувшее все наши надежды, взорвавшее на воздух, вместе с Севастополем, все наши заветные мечты, поразило Хомякова.

Еще сильнее огорчало его, вместе с его друзьями, последовавшее ослепление наших политических деятелей, старание предать забвению постигшее нас несчастье, замазать, заштукатурить наши пробои, между тем как, по нашему мнению, следовало растравлять раны, питать во всем народе

желание отомстить за полученные оскорбления, отомстить освобождением угнетенных племен, вопреки всем западным коалициям, и приготовить себе союз надежных друзей, — тем более что мнимому или, к прискорбию сказать, не мнимому равнодушию никто поверить не может.

Современное общество, должно сознаться, предлагало ему также мало утешений: не имея твердого мнения, шатаясь между крайностями, переходя ежедневно от одного мнения к другому, не понимая насущных нужд, не ценя истинных достоинств, равнодушное к образованию, общество, вместе с некоторыми, противными явлениями литературы, увеличивало еще более душевную тоску.

Поэт, чувствуя недостаточность своих усилий, молился о ниспослании людям пророка, который бы возбудил ото сна холодное, беспечное племя, молился о даровании людям ушей слушати и очей видети.

Как часто во мне пробуждалась
Душа от ленивого сна,
Просилася людям и братьям
Сказаться словами она!

Как часто, о Боже, рвалася
Вещать Твою волю земле,
Да свет осеяет разумный
Безумцев, бродящих во мгле.

Как часто, бессильем томимый,
С глубокой и тяжкой тоской,
Молил Тебя дать им пророка
С горячей и теплой душой.

Молил Тебя, в час полуночи,
Пророку дать силу речей,
Чтоб мир оглашал он далеко
Глаголами правды Твоей.

Молил Тебя с плачем и стоном,
Во прахе простерть пред Тобой,
Дать миру и уши и сердце
Для слушанья речи святой.

Новейшие происшествия на Западе возбудили опять дух Хомякова, и он выразился пророчески в следующем стихотворении:

Помнишь, по стезе нагорной
Шли мы летом: солнце жгло,
А полнеба тучей черной
С полуден заволокло.
По стезе песок горючий
Ноги путников сжигал,
А из тучи вихрь летучий
Капли крупные срывал.

Быть громам, и быть ударам!
Быть сверканью в облаках,
И ручьям по крутоярам,
И потопам на лугах!
Быть грозе! но буря злая
Скоро силы истощит,
И сияя, золотая
Зорька в небе погорит.

И в объятья кроткой ночи
Передаст покой земли,
Чтобы зорко звездны очи
Сон усталой стерегли;
Чтоб с востока, утром рано,
Загораясь в небесах,
Свет румяный зрел поляны
Все в росинках и цветах.

И теперь с полудня темной
Тучей кроет небеса;
И за тишью вероломной
Притаилася гроза.
Гул растет, как в спящем море
Перед бурей роковой;
Вскоре, вскоре, в бранном споре,
Закипит весь мир земной:

Чтоб страданьями — свободы
Покупалась благодать;
Чтоб готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы глас ее пророка
Мог проникнуть в дух людей,
Как глубоко луч с Востока
Греет влажный тук полей.

Это было последнее стихотворение Хомякова. Одна часть его предсказания исполнилась. Дай Бог, чтоб исполнилась вторая.

С такими талантами, с такими познаниями, с такими свойствами, достоинствами, скажете, Хомяков был носим на руках в России, Хомяков окружен был почтением, признательностью, любовью? На всяком публичном собрании на вопрос путешественника: «Кто здесь примечательные люди?» — из первых указывался Хомяков? Он был везде честим, отличаем, уважаем?

О нет, здесь он не был принят, потому что он был только штаб-ротмистр, там потому, что хозяева безграмотны и не слыхали имени Хомякова; там потому, что беседа его считалась заразительною. Хомяков подвергался часто всякого рода насмешкам, клеветам, ругательствам.

Он славянофил, говорили одни, он хочет возвратиться к старине, он, следовательно, защищает кнут и вступается за правеж.

Он ханжа, восклицали другие, не ест рыбы Великим постом и соблюдает среды и пятницы.

Третьи провозглашали, разумеется, что он опасный человек, беспокойный, революционер, красный, вредный.

Четвертые считали его шарлатаном, который морочит общество в угоду своему самолюбию, не имея никаких постоянных убеждений, и ослепленная литературная чернь бросала в него камни, брызгала грязью и, за недостатком огнестрельного оружия, колола булавками.

Удивляться тому явлению нечего: это обыкновенная участь лучших людей.

К общим человеческим причинам надо присоединить наше частное русское свойство — болеть чужим здоровьем, искать везде пятен, темных сторон, причин и поводов к осуждению, как будто хвалою, одобрением, признательностью мы унижаем себя и теряем собственную цену.

С кроткой, поэтической своей душою Хомяков сносил терпеливо причиняемые оскорбления, пропускал мимо ушей безумные клеветы, не жаловался на несправедливость, но все-таки, по человеческой слабости, дикие вопли причиняли ему порою глухую боль, между тем как общее сочувствие, участие, одобрение могли б действовать животворно на душу, особенно в наших мудреных и тяжелых обстоятельствах.

Поэт выразил это состояние в следующем стихотворении:

Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг в терпенье,
Любви и мольбе.
Если сердце заныло
Перед злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились,
С верой крепкой и твердой

Ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья,
Выше мраков земных,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.

Впрочем, должно сказать в утешенье, если Хомяков имел неистовых противников, то он имел много и искренних, горячих друзей, имел много людей, преданных ему, безусловно, неограниченно, живших с ним одною жизнью, деливших его задушевные убеждения. В их обществе, столько же как и в собственном сознании, он находил себе утешение, успокоение, сладкое отдохновение.

Внезапная кончина Хомякова представляет что-то удивительное. Я расскажу ее здесь, ибо ею должно дополнится нравственное его изображение. Выехав, со старшим сыном, из обыкновенного своего пребывания, села Богучарова под Тулой, в рязанскую деревню для хозяйственных распоряжений, он пробыл там около месяца. Кончив все дела, за три дня до назначенного отъезда, отправил он сына домой, а сам остался, чтоб дописать статью о философии, о коей упомянуто выше. Накануне он обедал у соседа, здоровый, спокойный, веселый, и писал к детям, что приедет к ним через три дня. В два часа по полуночи, в день кончины, он отпустил приказчика, с которым говорил о заводских делах, а в пять пришел к своему служителю, разбудил его и велел ему растирать ноги и принести дегтю. Свеча у него горела, — значит, он не спал. На столе лежала тетрадь со страницей, им исписанной, и оканчивавшаяся предлогом *в*. Может быть, в этом самый миг он почувствовал боль; ибо иначе мудрено предположить, чтоб без причины, написав предлог, не написал он даже принадлежащего к нему существительного имени. Холеру он считал всегда болезнью маловажной и брался лечить ее, как голов-

ную боль. Употребленные средства, видно, не помогали, и он начал принимать гомеопатические лекарства, но не противохолерные: значит, он подумал, что болеет другой болезнью. В семь часов, чувствуя себя все хуже и хуже, он послал за священником, который пришел только к восьми часам.

Хомяков исповедовался, приобщился Св. Таин и соборовался маслом в полной памяти, даже вставая иногда с постели. Пред окончанием соборования он склонил голову на сторону, и священник подумал, что он кончается, начал читать отходную. Между тем он очнулся и сказал: теперь делайте, что хотите. Болезнь продолжала действовать: он чувствовал внутренние судороги и, видимо, приближался к концу, однако говорил спокойно с приехавшим соседом, Л. М. Муромцевым. «Не послать ли за Дмитрием Алексеевичем», — спросил его служитель. «Не надо, я рад, что его здесь нет». — «Не дать ли знать в Богучарово?» — «Узнают». Страдания утихли около пяти часов ночи, и все тело согрелось. «Ваши глаза светлые», — заметил приехавший с г. Муромцевым лекарь. «Завтра они будут еще светлее». Минут за двадцать перед кончиною фельдшер сказал: «У вас пульс стал лучше». — «Как тебе не стыдно, — отвечал спокойно умирающий, — сколько времени ты ходишь за больными и не умеешь различать пульса: у меня пульс прерывается». Это были его последние слова, прошло несколько минут, и он скончался; спелый плод упал с дерева.

Есть стихотворение «Сон», написанное Хомяковым лет за 20. Он предсказал в нем судьбу свою.

Я видел сон, что будто я певец,
И что певец пречудное явленье,
И что в певце на все свое творенье
Всевышний положил венец.

Я видел сон, что будто я певец,
И под перстом моим дышали струны,
И звуки их гремели как перуны,
Стрелой вонзалися во глубину сердец.

И как в степи глухой живые воды,
Так песнь моя ласкала жадный слух;
В ней слышен был и тайный глас природы,
И смертно гор»е парящий дух.

Но час настал. Меня во гроб сокрыли;
Мои уста могильный хлад сковал;
Но из могильной тьмы, из хладной пыли
Гремела песнь, и сладкий глас звучал.

Я видел сон, что будто я певец,
И что певец пречудное явленье,
И что в певце на все свое творенье
Всевышний положил венец.

Придет пора, истина возыметь свое, темная повязка спадет с глаз, предубеждения рассеются, и Хомяков в возрожденной России, в славянском вольном государстве, этой всемирной общине, — любимое, заветное его выражение — получит гражданский венок, принадлежащий ему по праву за его несомненные заслуги. Имя его будет произноситься с почтением и признательностью новыми поколениями, — а мы, осиротелые друзья его, мы не утешимся никогда в постигшей нас потере; пустота, им оставленная, никогда для нас уже не наполнится. Долго мы не привыкнем даже к мысли, что его нет между нами. Долго в каждом своем собрании, по вторникам или четвергам, воскресеньям, мы будем беспрестанно оглядываться на дверь и думать: это, верно, идет Хомяков, запоздавший, как обыкновенно. Помилуй, где же ты был, мы ждем тебя уже давно… Нет, это не он…

Да, он не явится к нам, мы можем только воображать его милые черты, мы можем только припоминать с благоговением каждое его слово, плакать о нем, плакать, пока не соединимся с ним в общей для нас могиле…

Плакать — нет, мы должны бодро идти по следам его, мы должны изо всех сил своих трудиться, работать, не унывая, помня его заветные убеждения — Отечество, славяне, просве-

щение, законная свобода, Православие, — повторяя любимое его стихотворение «Труженик», которое для всех нас пусть сделается его священным завещанием:

По жестким глыбам сорной нивы
С утра, до истощенья сил,
Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.
Довольно, дикою враждою
И злым безумьем окружен,
Боролся крепкой я борьбою…
Я утомлен, я утомлен.
Пора на отдых. О дубравы!
О тишина полей и вод,
И над оврагами кудрявый
Ветвей сплетающихся свод!
Хоть раз один в тени отрадной,
Склонившись к звонкому ручью.
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.
Стереть бы пот дневного зноя!
Стряхнуть бы груз дневных забот…

«Безумец, нет тебе покоя,
Нет отдыха: вперед, вперед!
Взгляни на ниву; пашни много,
А дня не много впереди.
Вставай же, раб ленивый Бога!
Господь велит: иди, иди!
Ты куплен дорогой ценою,
Крестом и кровью куплен ты.
Сгибайся ж, пахарь, над браздою!
Борись, борец, до поздней тьмы!»

Пред словом грозного признанья
Склоняюсь трепетным челом;

А ты безумного роптанья
Не помяни в суде Твоем!
Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой:
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего.

Твоя нива возделана, ты прорезал след…

Прости, наш милый, наш дорогой, незабвенный! Посылаем тебе единодушный дружеский привет, глубокую благодарность и горячую молитву.

ПРИМЕЧАНИЯ

Основные исторические и идеологические труды М. П. Погодина:

О происхождении Руси. М., 1825; Марфа, Посадница Новгородская. Трагедия в стихах. М., 1830; Повести. М., 1832; История в лицах о Димитрии Самозванце. Драма. М., 1835; Исторические афоризмы. М., 1836; Невеста на Ярмарке. Повесть в 2 ч. М., 1837; Нестор: Историческо-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839; Год в чужих краях. Дорожный дневник. М., 1844. Ч. 1—4; Историко-критические отрывки. М., 1846; Историко-критические отрывки. 1846. Кн. 2. М., 1867; Исследования, замечания и лекции о русской истории. В 7 т. М., 1846—1857; Норманский период русской истории. М., 1859; Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. В 2 ч. М., 1866; История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове. Драма. М., 1868; Воспоминания о П. Шевыреве. СПб., 1869; Древняя русская история, до монгольского ига. В 3 т. М., 1871—1872; Петр I. Трагедия в стихах. М., 1873; Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856 года. М., 1874; Борьба не на живот, а на смерть, с новыми историческими ересями. М., 1874; Простая речь о мудреных вещах. 3-е изд. М., 1875; О модных у нас философских толках. Для наших нигилистов и нигилисток. М., 1875; Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878.

Сочинения в настоящем издании приводятся преимущественно по первым публикациям автора.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В качестве предисловия использована статья Д. Корсакова «М. П. Погодин» (Русский биографический словарь. Т. «Плавильщиков — Примо». Спб., 1905. С. 154—166.

См. опубликованные работы к теме «Биография М. П. Погодина»:

Автобиография Погодина (до 1855 г.) была опубликована в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Московского университета», изданного ко дню его столетнего юбилея (М., 1855. Ч. II. С. 230—274); здесь же помещен список всех сочинений и изданий Погодина до 1855 г.

Пятидесятилетний юбилей Погодина // «Московские университетские известия» (1872. № 1); то же, отдельным изданием (М., 1872. 143 с. с портр.).

Некрологи Погодина и воспоминания о нем см. в журналах и газетах 1875 и 1876 г.; указание на них см. о. Межова «Русская историческая библиография». 1865—1876 г. включ., изд. Имп. Акад. наук. СПб., 1882. Т. II. С. 326—328, № 22, 592 — 622, 631. Список Межова не совсем полон. Из указанных здесь заслуживают особенного внимания:

а) Памяти Погодина // «Русский вестник». 1875. Кн. 12;

б) Некролог, написанный М. М. Стасюлевичем // «Вестник Европы». 1876. Кн. 1;

с) Погодин как профессор Ф. И. Буслаева // «Газета Гатцука». 1876. № 16, 17 и 18;

д) Характеристика Погодина К. Н. Бестужева-Рюмина (с портр.) // «Древн. и Нов. Россия». 1876. Тетр. 2 (перепеч. в книге Бестужева-Рюмина: «Биографии и характеристики». СПб., 1882);

Биографический очерк Погодина и оценка его значения П. Н. Милюкова // «Историч. Записка Имп. Моск. Археологич. общества за первые XXV лет его существования». М., 1890;

Самым важным трудом для изучения не только биографии Погодина, но и его времени служит сочинение Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПб., 1888—1902. 16 томов in 8°). Сочинение это дважды увенчано Академией наук полными Уваровскими наградами. В томе, вышедшем в нынешнем 1902 г., обзор событий доведен до конца 1859 г.

Разбор сочинений Погодина и разные заметки о его ученых и литературных трудах могут составить целую литературу, которая отчасти указана В. И. Межовым в «Систематическом каталоге книжного магазина А. Ф. Глазунова» (СПб. 1869—1873. В 2 т. (указатель имен к этой книге под словом: «Погодин»).

I. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РССИИ

Письмо к Государю Цесаревичу Великому Князю Александру Николаевичу (ныне царствующему Государю Императору) в 1838 году

Впервые: «Русский». 1867. № 17, 18.

Опубл.: Погодин М. П. Историко-политические письма и записи в продолжение Крымской войны 1853—1856. М., 1874.

Взгляд на положение Европы после Парижского мира

Письмо в редакцию газеты «Le Nord» (1856)

Второе письмо в редакцию газеты «Le Nord» (1856)

Опубл.: Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856—1867). М., 1876.

Прошедший год (1858) в политике русской и европейской

Письмо в редакцию «Паруса»

Впервые: «Парус». 1859. № 2, 10 янв.

Послание к г-ну Тьеру

Опубл.: Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856—1867). М., 1876.

II. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

К графине Б<лудов>ой о начавшейся войне (1853 года, декабря 7)

Впервые: «Русская старина». 1874. Май, июнь.

Опубл.: Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856. М., 1874.

Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии (1854, в апреле)

Впервые: «Русская старина». 1874. Май, июнь.

Взгляд на отношения враждебных к России государств (1854, в апреле)

Впервые: «Русская старина». 1874. Май, июнь.

Настоящая война с точки зрения европейской истории (1854, в июле)

Опубл.: Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856. М., 1874.

О русской политике на будущее время

Опубл.: Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856. М., 1874.

III. СЛАВЯНСКОЕ ДЕЛО

См.: Погодин М. П. Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878.

Письмо к министру народного просвещения по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году

Впервые: «Русская беседа». 1861.

Опубл.: Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856. М., 1874. С. 39.

Второе донесение министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к славянам

Впервые: «Русская беседа». 1861.

Окружное послание к славянам 1862 года, марта 25, в день Благовещения

Опубл.: Погодин М. П. Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878.

Лекция о славянах (1867)

Впервые: «Русский». 1867. Л. 9 и 10.

Несколько слов о великорусском племени сравнительно с прочими славянскими племенами

Впервые: «Русский». 1867. Л. 25 и 26.

Годовщина Славянского съезда в Москве

См.: Погодин М. П. Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878.

К историографу Богемии Палацкому

Опубл.: Погодин М. П. Польский вопрос. Собрание рассуждений и замечаний. 1831—1867. М., 1867.

При праздновании пятисотлетней годовщины Гусовой

Опубл.: Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях. 1830—1872. М., 1872.

IV. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

См.: Погодин М. П. Польский вопрос. Собрание рассуждений и замечаний М. П. Погодина. 1831—1867. М.: Тип. газеты «Русский», 1867;

М. П. Погодин. Статьи политические и польский вопрос (1856—1867). М., 1876.

Исторические размышления. Об отношении Польши к России (1831)

Впервые: «Телескоп». 1831. № 7. С. 295—311.

V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Петр Первый и органическое национальное развитие

Впервые: «Русский вестник». 1863. Т. 46. № 7—8. С. 373—406.

Опубл.: Петр Первый и органическое национальное развитие. М.: Универс. Тип. (Катков и К°), 1863.

Воспоминание о Ломоносове

(в торжественном столетнем собрании Московского Университета, 12 января 1855 года)

Опубл.: «Москвитянин». 1855. Т. I; «Московские ведомости». 1856. № 9.

Историческое похвальное слово Карамзину
(произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 25 1845 года)

Опубл. отдельно: М., 1845;

«Москвитянин». 1846. № 1;

Симбирский юбилей Карамзина. Симбирск, 1867. С. 180—220.

Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях. 1830–1872. М., 1872.

Воспоминание об Алексее Степановиче Хомякове

(речь, произнесенная в публичном собрании Общества любителей российской словесности, при Московском Университете, в ноябре 1860 года)

Впервые: «Русская беседа». 1860. Т. II. Кн. 20. С. 1—28.

СОДЕРЖАНИЕ

II. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

III. СЛАВЯНСКОЕ ДЕЛО

IV. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 40 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор Е. К. Гришина
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 02.12.2010 г. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 36,8 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русское искусство
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.

Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.

Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.

Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.